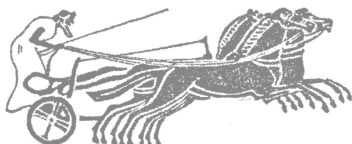

ВОЛГОГРАДСКИЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ДВО РАН
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО, ЕГО АЛЬТЕРНАТИВЫ И АНАЛОГИ

Под редакцией Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко,
Н. Н. Крадина и А. В. Коротаева

Издательство
“Учитель”
2006

Р 22 **Раннее** государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей / под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротяева. – Волгоград: Учитель, 2006.

ISBN 5-7057-0946-3

В сборнике «Раннее государство, его альтернативы и аналоги» представлены как традиционные, так и нетрадиционные точки зрения на эволюцию государственности. Но в целом материалы, собранные в этой книге, убедительно демонстрируют, насколько разнообразными были пути к государственности, а также неуниверсальность трансформации в государство сложных и даже сверхсложных обществ.

Многолинейность и альтернативность социальной эволюции, выражающаяся как в многообразии путей к государству, так и в существовании наряду с ранними государствами их альтернатив и аналогов, могут рассматриваться как общие идеи, пронизывающие большинство статей данного сборника.

ББК 87.6

ISBN 5-7057-0946-3

© Редколлегия, 2006
© Коллектив авторов, 2006
© Издательство «Учитель», 2006
© Составление, перевод, оформление.
Издательство «Учитель», 2006

Содержание

Введение	7
Часть I: Раннее государство и эволюция	
1. Альтернативы социальной эволюции.....	15
Д. М. Бондаренко, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев	
2. Эволюционизм в развитии.....	37
Х. Дж. М. Классен	
Часть II: Были ли у раннего государства альтернативы и аналоги?	
3. Теория происхождения государства.....	55
Р. Л. Карнейро	
4. Было ли неизбежным появление государства?.....	71
Х. Дж. М. Классен	
5. Раннее государство и его аналоги.....	85
Л. Е. Гринин	
6. Гомоархия как принцип социально-политической организации (постановка проблемы и введение понятия)	164
Д. М. Бондаренко	
7. Археологические признаки цивилизации.....	184
Н. Н. Крадин	
Часть III: Вождества и ранние государства	
8. Было ли вождество сгустком идей?.....	211
Р. Л. Карнейро	
9. По ту сторону государств и империй: вождества и неформальная политика.....	229
П. Чэбел, Г. М. Фейнман, П. Скальник	
10. Ритуал и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае.....	244
Р. Баум	

11. Становление и развитие государственных структур в Евразии и Северной Африке (VI–I тыс. до н. э.): мир-системный контекст	267
А. В. Коротаев	
12. Казацкое государство	280
К. Петкевич	
13. Великое княжество Литовское	304
К. Петкевич	

Часть IV. Античный полис: дискуссия о природе политики

14. Раннее государство и демократия	337
Л. Е. Гринин	
15. Полис: проблема государственности	387
Э. Ч. Л. ван дер Влит	

Часть V: Кочевые альтернативы и аналоги

16. Мир кочевников-скотоводов	415
Т. Дж. Барфилд	
17. Монголы в мир-системной истории	442
Т. Д. Холл	
18. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе	468
А. М. Хазанов	
19. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция	490
Н. Н. Крадин	
20. Монгольское кочевое общество периода империи	512
Т. Д. Скрынникова	

Вместо заключения

От раннего к зрелому государству	523
Л. Е. Гринин	

Contents

Introduction	7
---------------------------	---

Part I: Early State and Evolution

1. Alternatives of Social Evolution	15
D. M. Bondarenko, L. E. Grinin, and A. V. Korotayev	
2. Evolutionism in Development	37
H. J. M. Claessen	

Part II: Did the Early States have Alternatives and Analogues?

3. A Theory of the Origin of the State	55
R. L. Carneiro	
4. Was the State Inevitable?	71
H. J. M. Claessen	
5. The Early State and Its Analogues	85
L. E. Grinin	
6. Homoarchy as a Principle of Socio-political Organization (The Problem Setting and Introduction of Concepts)	164
D. M. Bondarenko	
7. Archaeological Criteria of Civilization	184
N. N. Kradin	

Part III: Chiefdoms and Early States

8. Was the Chiefdom a Congelation of Ideas?	211
R. L. Carneiro	
9. Beyond States and Empires: Chiefdoms and Informal Politics	229
P. Chabal, G. M. Feinman, and P. Skalnik	
10. Ritual and Rationality: Religious Roots of the Bureaucratic State in Ancient China	244
R. Baum	

11. The Formation and Development of State Structures in Eurasia and North Africa (6th –1st Millennia B. C.): The World-System Context	267
A. V. Korotayev	
12. The Cossack State	280
K. Pietkiewicz	
13. The Grand Duchy of Lithuania	304
K. Pietkiewicz	

**Part IV: The Ancient Polis:
A Discussion on the Nature of the Polity**

14. Early State and Democracy	337
L. E. Grinin	
15. Polis. The Problem of Statehood	387
E. Ch. L. van der Vliet	

Part V: Nomadic Alternatives and Analogues

16. The Pastoral Nomads World	415
Th. J. Barfield	
17. Mongols in World-System History	442
Th. D. Hall	
18. Nomads of the Eurasian Steppes in Historical Retrospective	468
A. M. Khazanov	
19. Nomads, World-Empires and Social Evolution	490
N. N. Kradin	
20. Mongolian Nomadic Society of the Empire Period	512
T. D. Skrynnikova	

Afterword

From an Early to a Mature State	523
L. E. Grinin	
List of contributors	557

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы формирования и эволюции раннего государства остаются в числе тех, вокруг которых продолжают кипеть дискуссии. А многочисленные исследования все очевиднее демонстрируют, что существовало большое разнообразие как путей движения к государственности, так и самих типов архаических государств. Во многих случаях переход к ней происходил с более высокого уровня сложности, чем предполагали привычные однолинейные схемы. Мало того, выявлены также направления эволюции обществ, которые не вели к государству вовсе.

Все это усложняется тем, что по-прежнему нет единства среди ученых по вопросу, какую политику считать ранним государством, а какую зрелым, и что такое вообще государство; так же, как нет общего мнения, какая численность населения и какой уровень социокультурной сложности отделяют догосударственные общества от раннегосударственных. Большие расхождения существуют и по поводу критериев государственности. Современные исследователи выделяют различное число признаков, которые могут свидетельствовать об отличии государства от предшествующих форм, однако мало кто настаивает на универсальных показателях. В частности, не являются универсальными такие, как строительство крупных монументальных сооружений; появление городов и письменности; численность и плотность населения; наличие классовой эксплуатации; монополия на законное применение силы и другие. Да и само понятие раннего государства не является общепринятым.

Указанные моменты, которые нашли отражение в некоторых статьях данного тома (в частности, Классена, Крадина, Гринина, ван дер Влинта, Чэбела и его соавторов – Фейнмана и Скальника), и определили замысел настоящего сборника, составители которого стремились представить спектр разных подходов к решению этих сложных проблем.

В сборнике представлены как традиционные, так и нетрадиционные точки зрения на эволюцию государственности¹. Однако в целом в нем удалось собрать материал, который, как представляется, убедительно подтверждает как многообразие путей к государственности, так и не-универсальность движения к ней сложных и сверхсложных обществ.

Все больше ученых приходит к выводу, что процессы политической эволюции архаических обществ не могут быть сведены только к развитию государства, что государственная линия не являлась единственным направлением политогенеза, поскольку были и другие. В этой связи многие утверждения, которые раньше казались аксиомами, начинают звучать, скорее, как вопросы. Например, одна из статей этого тома (Хенри Классена) называется «Было ли неизбежным появление государства?».

В самом деле, хотя и правильно считать государство неизбежным результатом эволюции, однако это утверждение верно только в самом общем плане: как итог длительной конкуренции разных форм, их гибели, трансформаций, социального отбора, адаптации к разнообраз-

ным экологическим условиям и т. п. Другими словами, это верно в целом для истории, как она сложилась. Но для каждого общества в отдельности государство не было неизбежным.

Ведь государство являлось не только совершенно новым решением проблем, вставших перед усложнившимися обществами, но и путем, который означал разрыв со многими прежними отношениями и традициями. А сделать это было достаточно трудно и не всегда возможно. Поэтому-то многие общества и шли «собственной» дорогой, которая, однако, часто вела к иным результатам, например, сверхусложнению родственных отношений и образованию аристократического сословия привилегированных родов и родственных линий; усложнению горизонтальных (вместо вертикальных иерархических) связей; жесткому закреплению профессиональных, этнических и социальных различий (кастовая система); созданию конфедераций племен или городов без сильной центральной власти и т. д. При этом выбор направления развития всегда связан со многими конкретно-историческими причинами. Поэтому в каждом конкретном случае в зависимости от географических условий, особенностей общества, исторического периода и многого другого переход к государству разными обществами осуществлялся с очень разных уровней развития и сложности.

Отвечая на поставленный вопрос «Было ли неизбежным появление государства?», Х. М. Классен приходит к выводу, что «только когда в обществе одновременно присутствует несколько выявленных нами условий и происходит какое-то дающее толчок событие, начнется развитие раннего государства, причем между “необходимыми условиями” должна существовать позитивная обратная связь. Именно в таких случаях появление раннего государства было неизбежным». Однако, как указывает Классен, имелось много обществ, в которых не все из этих условий создавались либо «такие дающие толчок события не происходили». В случае, «когда сила влияния факторов сильно различалась, есть все основания полагать, что складывался какой-то другой тип социально-политической организации – структура с бигменами, гетерархия. Если факторы вступали в противоречие или тормозили развитие друг друга, что, должно быть, происходило много раз, наступал застой (негативная обратная связь), и в конечном итоге раннее государство не возникало».

Это взвешенный и во многом верный подход. Однако Классен не дает ответа на возникающую в связи со сделанным им выводом теоретическую проблему: к какому типу политий относятся общества, которые не стали государством в результате того, что не совпали необходимые условия? Ведь многие из этих политий не застыли на месте, а развивались, но только своим, особым путем. В результате они нередко образовывали особые социально-политические типы обществ, которые, не являясь государствами, в то же время значительно превосходили по сложности и размерам типичные догосударственные образования, такие, как простые вождества, независимые общины и кланы. К тому же эти сложные общества часто решали сходные с го-

сударством задачи и были вполне сравнимы с ранними государствами в размерах и уровне структурной сложности. К какому же типу политий они должны относиться? Явно переросшие догосударственный уровень, успешно конкурирующие с соседними государствами, чем они были? В любом случае считать их догосударственными неправомерно и неправильно, поскольку они представляют собой альтернативные раннему государству модели развития.

Ряд авторов статей этого тома пытается дать ответ на этот вопрос. Они считают более правильным рассматривать указанные общества как альтернативы и аналоги раннего государства. Это и определило само название сборника РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО, ЕГО АЛЬТЕРНАТИВЫ И АНАЛОГИ².

В совместной ввводной статье Бондаренко, Гринина и Коротаяева подчеркивается, что процессы политической эволюции архаических обществ не следует сводить исключительно к возникновению государства, потому что это, скорее, лишь частный вариант их протекания. Государство же – всего лишь одна из многих форм постпервобытной социально-политической организации; эти формы альтернативны по отношению друг к другу и способны трансформироваться друг в друга без каких-либо потерь в общем уровне общественно-культурной сложности.

Гринин в статье «Раннее государство и его аналоги» отмечает, что известно немало исторических и этнографических негосударственных обществ, не уступавших раннегосударственным по размерам территории, численности населения, социокультурной и/или политической сложности. В сравнении с бесспорно догосударственными социумами (такими, как, например, простые вождества) они не только намного крупнее, но и намного сложнее. В определенном смысле их можно считать находящимися на одном уровне социокультурного развития с раннегосударственными обществами.

Такие сложные негосударственные общества он назвал «аналогами раннего государства» и особо подчеркивает, что хотя государства существенно отличаются от аналогов, однако не столько уровнем развития, сколько, прежде всего, некоторыми особенностями политического устройства и «техникой» управления.

Крадин в статье «Кочевники, мир-империи и социальная эволюция» приходит к выводу о том, что кочевники евразийских степей (например хунну) были способны образовывать очень крупные негосударственные политические системы, внешне выступающие в виде «кочевых империй», но по своему устройству являющиеся не государствами, а «суперсложными вождествами».

Классен считает, что «с самого начала государство было более сильным, чем все остальные, типом организации, и у окружающих политий альтернатив было не так уж много». Действительно, так как позднее большинство альтернативных социально-политических структур было уничтожено, поглощено государствами или трансформировалось в государства, возможно, есть основания признать «государственную ветвь» политогенеза «основной», а альтернативные пути – «боковыми».

Однако вряд ли правомерно утверждать, что государство оказалось с самого начала более сильным типом организации. Мы считаем, что если не во всех, то во многих регионах альтернативные и аналоговые политии длительное время были не только не менее сложными, но и не менее успешными, чем раннегосударственные. И далеко не сразу и не везде государство доказало свои эволюционные преимущества. Иными словами, хотя государство в конце концов и явилось неизбежным результатом социополитической эволюции, однако этот результат стал известен с течением длительного времени. А тот факт, что на протяжении тысяч лет ранние государства и аналоговые им формы сосуществовали, невозможно и ошибочно игнорировать при построении общей схемы социополитической эволюции.

Таким образом, многолинейность и альтернативность социальной эволюции, выражающаяся в том числе в многообразии путей к государству, с одной стороны, и в наличии наряду с ранними государствами их альтернатив и аналогов, с другой, является общей идеей тома.

Альтернативность процесса формирования государства, однако, связана не только с его собственной сложностью. Думается, что альтернативность вообще – это явление, которое сопровождает социальную эволюцию на всем ее протяжении. Эта проблема освещена в статье Бондаренко, Гринина и Коротаева, которые пишут: «Одинаковый уровень социополитической и культурной сложности (который позволяет разрешать одинаково трудные проблемы, стоящие перед обществами) может быть достигнут не только в различных формах, но и разными эволюционными путями. Таким образом, к одному уровню сложности системной организации можно прийти по разным траекториям развития. Эти траектории могли возникать одновременно (причем еще до появления *Homo sapiens sapiens*), а их количество возрастало на протяжении всей социокультурной эволюции. Многообразие можно рассматривать как одну из важнейших предпосылок эволюционного процесса. Это предполагает, что переход к любой качественно новой форме обычно невозможен без достаточного уровня социокультурного разнообразия».

Эти мысли находят свое развитие в статье Бондаренко «Гомоархия как принцип социально-политической организации (постановка проблемы и введение понятия)», в которой автор особо подчеркивает принцип альтернативности, в частности, указывая, что по ходу истории общество может менять свою внутреннюю организацию с гомоархической на гетерархическую или наоборот. Даже культуры одного уровня сложности и организованные на основе одного и того же базового принципа могут принимать различные конкретные формы, то есть альтернативность существует на уровне не только гомоархического и гетерархического типов обществ, но и внутри каждого из этих макротипов.

Анализ различных взглядов на ход политической эволюции дан не только в двух вышеуказанных статьях, но также в статьях Классена «Эволюционизм в развитии», Карнейро «Теория происхождения государства», Крадина «Археологические признаки цивилизации». По-

следний также приходит к выводу о многовариантности социальной эволюции. Кроме того, он делает вывод, что общество без государственности совсем не обязательно должно считаться первобытным и, следовательно, цивилизация не обязательно предполагает существование государственности.

Другой ведущей идеей тома является огромная сложность и неоднозначность процесса образования государства, наличия различных путей и причин, ведущих к нему, а также сложность отнесения обществ к тому или иному типу политий. Здесь, помимо уже указанных статей, можно обратить внимание на статьи Баума, Коротаева. Интересный пример попыток создания государства рассмотрен в статье Петкевича «Казацкое государство». Крадин («Археологические признаки цивилизации») на основе кросс-культурного анализа, в частности, подчеркивает, что универсальных признаков государственности и цивилизации нет. Так, например, есть случаи, когда общества с развитой классовой стратификацией не имеют государственной иерархии и когда общества с развитой политической иерархией не имеют развитой классовой структуры.

В особую часть «Античный полис: дискуссия о природе политии» вынесены две статьи (ван дер Влита «Полис: проблема государственности» и Гринина «Раннее государство и демократия»). В них авторы следуют аргументы против идеи Моше Берента о том, что Афины следует рассматривать как безгосударственное общество, и приходят в целом к сходному выводу, что Афины являлись ранним государством, хотя и со значительной спецификой. В этих статьях также рассматривается политическая природа Римской республики.

Сложность отнесения обществ к тому или иному типу политий иногда приводит к диаметрально противоположным оценкам среди авторов этого тома. Так, те общества, которые Хазанов считает ранними государствами (например хунну), Крадин рассматривает как суперсложные вождества.

Стоит сказать также несколько слов о государствах и обществах, представленных в этом томе. Их подбор не случаен. Мы стремились показать примеры из разных эпох. От древних, включая античные (статьи Коротаева, Баума, ван дер Влита, Гринина), через средние века (Петкевич «Великое княжество Литовское», Крадин «Кочевники, империи и социальная эволюция», Скрынникова, Барфилд) до тех государств, которые возникли уже в позднем средневековье или в начале Нового времени (Петкевич «Казацкое государство»). В томе представлены общества Америки (Карнейро), Азии (Баум, Коротаев, статьи, посвященные кочевникам), Африки (Коротаев), Европы (Петкевич, ван дер Влит). Общества Океании затронуты в статьях Классена. Кроме того, примеры обществ самых разных эпох и регионов приведены в статьях Бондаренко, Гринина, Классена, Чэбела и соавторов.

Отдельной частью выделены общества кочевников (Барфилд, Холл, Хазанов, Крадин, Скрынникова). Такой их анализ позволяет глубже увидеть альтернативность социальной эволюции, поскольку

номады всегда представляли естественную оппозицию цивилизациям. Ведь образ жизни кочевников и их политическая культура так сильно отличаются от оседло-городских обществ, что их политические системы трудно рассматривать в терминологии, разработанной на примере земледельческих обществ.

Укажем также, что помимо ранних государств, а также их альтернатив и аналогов, в томе рассматриваются и действительно догосударственные политии (статьи Карнейро, Чэбела и соавторов).

Завершает сборник статья Гринина «От раннего к зрелому государству», в которой затронут вопрос о дальнейшей эволюции государства и намечены некоторые критерии для обозначения стадийных типов государств.

Редакторы тома надеются, что представленные в нем статьи проливают дополнительный свет на некоторые важные аспекты социально-политической эволюции, что эта книга послужит стимулом для активизации дискуссии о путях социальной эволюции и альтернативных формах политогенеза.

БЛАГОДАРНОСТИ

Ряд статей этого тома на русский язык был переведен Е. В. Емановой. Она также много сделала для подготовки этой книги к изданию, за что мы выражаем ей большую признательность. Мы благодарим также Л. А. Савицкую за работу в качестве редактора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Традиционными мы считаем взгляды, которые в целом укладываются в однолинейную схему «догосударственные общества – государства» (например «вождество – государство»), когда предполагается, что: а) имелось только одно реальное эволюционное направление развития постпервобытных обществ к *государству*; б) каждая стадия развития (например вождество) была неизбежной для эволюции практически любого догосударственного общества; в) любое самое неразвитое государство, по определению, сложнее любого негосударственного общества. Подобные схемы были господствующими в 60–70-е годы прошлого века, но уже в 80-е, а особенно с середины 90-х годов стали подвергаться разнообразной критике. Тем не менее такие взгляды в целом все еще остаются преобладающими. В настоящем сборнике они представлены, например, в статьях Р. Карнейро. Нетрадиционные подходы с разных позиций доказывают мысль о неоднородности и неоднотипности процесса политогенеза, в частности, что многие общества развивались особыми курсами и становились весьма сложными в структурном и социокультурном отношении, не превращаясь в то же время в государства.

² Настоящее издание является переводом на русский язык ранее изданного под нашей редакцией сборника на английском языке (Grinin, L. E., Carneiro, R. L., Bondarenko, D. M., Kradin, N. N., Korotayev, A. V. (eds.), *Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel, 2004.). Но настоящее издание существенно изменено по сравнению с указанным: отдельные статьи сильно переработаны, включен целый ряд новых статей, в то же время некоторые статьи английского издания в русском отсутствуют.

Часть I

**Раннее государство
и эволюция**

- Д. М. Бондаренко, Л. Е. Гринин, А. В. Кортаев
Альтернативы социальной эволюции
- Х. Дж. М. Классен
Эволюционизм в развитии

Дмитрий Михайлович Бондаренко

Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, Москва

Леонид Ефимович Гринин

Волгоградский центр социальных исследований

Андрей Витальевич Коротаев

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Эволюционистам всегда было свойственно сравнивать социальную эволюцию с биологической, каковой она представлялась, в первую очередь, Чарльзу Дарвину. Но кажется возможным и правильным провести аналогию и с другим великим открытием в области эволюционной биологии, а именно с гомологическими рядами Николая Вавилова (1921, 1927, 1967). Однако культурный параллелизм и биологические гомологические ряды не совсем тождественны. Вавилов изучал морфологическую гомологию, тогда как нас интересует функциональный аспект в сфере социальной эволюции. Несомненно, в процессе социальной эволюции морфологический гомоморфизм также имеет место (например, на Гавайских островах, где тип социокультурной организации, удивительно похожий на организацию других высоко развитых частей Полинезии, сформировался относительно независимо к концу XVIII в. [Sahlins 1972/1958; Goldman 1970; Earle 1978]). Однако эта тема лежит вне проблематики данной статьи.

В данном случае для нас важно наличие, по нашему мнению, оснований полагать, что одинаковый уровень социополитической и культурной сложности (который позволяет разрешать одинаково трудные проблемы, стоящие перед обществами) может быть достигнут не только в различных формах, но и разными эволюционными путями. Таким образом, к одному уровню сложности системной организации можно прийти по разным траекториям развития.

Эти траектории могли возникать одновременно (причем еще до появления *Homo sapiens sapiens* [Бутовская и Файнберг 1993; Бутовская 1994, Butovskaya 2000; Butovskaya, Korotayev, and Kazankov

2000]), а их количество возрастало на протяжении всей социокультурной эволюции (Павленко 1996: 229–251; 2000). Многообразие можно рассматривать как одну из важнейших предпосылок эволюционного процесса. Это предполагает, что переход к любой качественно новой форме обычно невозможен без достаточного уровня социокультурного разнообразия (среди как предшественников данной культуры, так и ее современников).

На начальном уровне анализа все эволюционное многообразие может быть сведено к двум принципиально разным группам гомологических рядов (Бондаренко 1997: 12–15; Bondarenko 1998; 2000; Bondarenko and Korotayev 1999, 2000b; Коротаев и др. 2000). Ранее эти альтернативы определялись либо как «иерархические» и «неиерархические» (например: Bondarenko and Korotayev 2000a), либо «иерархические» и «гетерархические» (например: Ehrenreich, Crumley, and Levy 1995; Crumley 2001).

В одной из публикаций, посвященных проблеме гетерархии, последняя определяется как «...отношение элементов друг к другу, при которых они либо не ранжированы, либо существует несколько потенциально возможных вариантов ранжирования» (Ehrenreich, Crumley, and Levy 1995: 3; см. также: Crumley 1979: 144). Ясно, что второй вариант гетерархии больше подходит для изучения сложных обществ.

Однако, когда речь идет об элементах, для которых «существует несколько потенциально возможных вариантов ранжирования», кажется невозможным говорить об отсутствии иерархии. В этом случае мы, скорее, имеем дело с системой гетерархически организованных иерархий. Следовательно, кажется нецелесообразным определять альтернативу гетерархии как «иерархию». Мы предлагаем обозначить ее как «гомоархия», которую можно определить как «...взаимоотношения элементов, обладающих только одним потенциальным вариантом ранжирования» (Ehrenreich, Crumley, and Levy 1995: 3; см. также: Crumley 1979: 144). Тоталитарные режимы всех времен дают нам множество примеров такой социокультурной ситуации, когда у управляемых нет шансов занять положение над правителями ни при каких обстоятельствах. Это резко контрастирует, скажем, с классическим примером сложной гетерархической системы – афинской гражданской общиной (*полисом*) V–IV вв. до н. э., где граждане, занимающие более низкое положение в рамках одной иерархии (например, военной), вполне могли занять более высокую позицию во многих других возможных отношениях (например, экономически или в подсистеме гражданских/религиозных магистратур). Следовательно, нельзя сказать, что один гражданин был выше другого в каком-то абсолютном смысле.

С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что невозможно найти не только какую-либо социальную культуру, где бы полностью отсутствовали любые иерархические отношения (включая неформальные), но и

любую культуру, которая была бы полностью гомоархичной. Следовательно, для упрощения нашего анализа в настоящей статье мы говорим только о гетерархической и гомоархической траекториях развития; по сути, здесь мы имеем дело с осью гетерархия – гомоархия, на которой можно поместить все известные человеческие культуры. В рамках подобного ряда не существует какой-либо четкой границы между гомо- и гетероархическими культурами; значит, на самом деле уместно говорить не только о двух траекториях развития (гетероархической и гомоархической), но и о потенциально бесконечном количестве таких путей и, значит, в конце концов, не об эволюционных путях, а, скорее, о целом эволюционном вероятностном поле (подробнее см.: Коротаяев *et al.* 2000). Все же, как упоминалось выше, в целях упрощения анализа, мы говорим только о двух альтернативных путях.

В частности, до недавнего времени считалось само собой разумеющимся, что именно формирование государства ознаменовало конец первобытной эпохи, и никаких реальных альтернатив государству не существовало. Все безгосударственные общества рассматривались как догосударственные, стоящие на единой эволюционной лестнице на ступень ниже государств. В наши дни не кажутся столь уж неопровержимыми, как несколько лет назад, постулаты о государстве как единственно возможной форме политической и социокультурной организации постпервобытных обществ, об *a priori* более высоком уровне развития государства по сравнению с любым негосударственным обществом. Стало очевидным, что негосударственные общества не обязательно менее сложны и менее эффективны. Заслуживает внимания проблема существования негосударственных, но и непервобытных обществ (то есть главным образом негосударственных, но не догосударственных), альтернативных государству (как якобы неизбежной постпервобытной форме социально-политической организации).

Конечно, мы никоим образом не отрицаем факт существования и важности государств в мировой истории. Мы только утверждаем, что государство не является единственно возможной постпервобытной эволюционной формой. С нашей точки зрения, это всего лишь одна из многих форм постпервобытной социально-политической организации; эти формы альтернативны по отношению друг к другу и способны трансформироваться друг в друга без каких-либо потерь в общем уровне сложности. Следовательно, степень социополитической централизации и «гомоархизации» не является абсолютным критерием оценки уровня развития какого-либо общества, хотя и считается таковым в рамках однолинейных концепций социальной эволюции.

Как писала Е. Брумфил, «связь [социополитической] дифференциации и иерархии столь глубоко укоренилась в нашем сознании, что требуются невероятные умственные усилия, чтобы даже просто представить, как могла бы выглядеть дифференциация без иерархии»

(Brumfiel 1995: 130)³. Обычно даже если и признается само существование сложных, но не гомоархических культур, то они рассматриваются как историческая случайность, как аномалия. Утверждается, что подобные культуры способны достичь лишь довольно низких уровней сложности и что они не способны обрести внутреннюю стабильность (Tuden and Marshall 1972: 454–456).

Таким образом, на следующем уровне анализа дихотомия оказывается отнюдь не жесткой, поскольку в реальной организации любого общества присутствуют как вертикальные (доминирование-подчинение), так и горизонтальные (понимаемые как отношения между равными) связи. Более того, на протяжении своей истории общества (включая архаические культуры) оказываются способными радикально изменять модели социально-политической организации, трансформируясь из гомоархических в гетерархические и наоборот (Crumley 1987: 164–165; 1995: 4; 2001; Bondarenko and Korotayev 2000c; Dozhdev 2000; Kradin 2000a). Возможно, наиболее известный исторический пример последнего случая – Рим, где республика была установлена и далее демократизировалась политическими победами плебса. Заметим, что в ходе таких трансформаций меняется организационная база, но общий уровень культурной сложности может не только возрасти или снизиться, но вполне может остаться практически без изменений (например, в древности и средневековье в Европе, в обеих Америках, Азии; см. об этом: van der Vliet 1987; Ferguson 1991; Korotayev 1995a, 1996; Levy 1995; Lynsha 1998; Beliaev 2000; Chamblee 2000: 15–35; Dozhdev 2000; Kowalewski 2000; Kradin 2000a).

Тем не менее горизонтальные и вертикальные связи в различных обществах играют разную роль в каждый конкретный момент. Уже среди приматов с одинаковым уровнем морфологического и когнитивного развития и даже среди популяций приматов одного вида можно наблюдать и более, и менее организованные группы. Таким образом, нелинейность социополитической эволюции, оказывается, возникает уже до формирования *Homo sapiens sapiens* (Бутовская и Файнберг 1993; Бутовская 1994; Butovskaya, Korotayev, and Kazankov 2000).

Теперь остановимся подробнее на одной из наиболее влиятельных и распространенных эволюционных схем – на схеме, предложенной Э. Сервисом (Service 1962/1971; ее основные идеи, однако, присутствуют уже в Sahlins 1960: 37): бэнд (локальная группа) – племя – вождество – государство. Данная схема подразумевает, что рост политической сложности (по крайней мере, вплоть до уровня аграрного государства) неизбежно сопровождается ростом неравенства, расслоения, социальной дистанции между правителями и подданными, растущим авторитаризмом и иерархизацией политической системы, снижением политического участия основной массы населения и т. д. Разумеется, эти два набора параметров кажутся достаточно тесно связанными.

Очевидно, что здесь мы наблюдаем определенную (и достаточно значимую) корреляцию. Но, несомненно, это лишь корреляция, а ни в коем случае не функциональная зависимость. Конечно, эта корреляция подразумевает совершенно возможную линию социально-политического развития – от эгалитарной акефальной локальной группы через возглавляемую бигмэном деревенскую общину с заметно более выраженным неравенством и политической иерархичностью к «авторитарной» деревенской общине с сильной властью вождя (примеры встречаются среди некоторых индейцев северо-западного побережья – см., например: Carneiro 2000), и затем через простые вождества с еще более выраженной стратификацией и концентрацией политической власти в руках вождя к сложным вождествам, в которых политическое неравенство по своим показателям достигает качественно нового уровня, и, наконец, к аграрному государству, в котором все вышеназванные параметры достигают кульминационного развития (хотя можно эту линию продолжить и дальше, до уровня «империи» [Adams 1975]). Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что на каждом последующем уровне политической сложности можно обнаружить очевидные альтернативы данной эволюционной линии.

Начнем с самого простого уровня. Действительно, акефальные эгалитарные локальные группы встречаются среди большинства неспециализированных охотников-собирателей. Однако, как было показано Вудберном и Артемовой (Woodburn 1972; 1979; 1980; 1982; 1988a; b; Артемова 1987; 1989; 1991; 1993; Чудинова 1981), некоторые из подобных охотников-собирателей (а именно неэгалитарные, к которым относятся, прежде всего, австралийские аборигены) демонстрируют принципиально отличный тип социально-политической организации со значительно более структурированным политическим лидерством, сконцентрированным в руках иерархически организованных старших мужчин, с явно выраженным неравенством как между мужчинами и женщинами, так и среди самих мужчин.

На следующем уровне политической сложности мы снова находим общины как с иерархической, так и с неиерархической политической организацией. Можно вспомнить, например, хорошо известные различия между индейцами северо-запада и юго-востока Калифорнии:

Калифорнийские вожди находились как бы в центре экономической жизни общества, они осуществляли контроль над производством, распределением и обменом общественного продукта... Власть вождей и старейшин постепенно приобретала наследственный характер, что со временем стало типичным явлением для Калифорнии... Только у племен, населявших северо-запад Калифорнии, несмотря на сравнительно развитую и сложную материальную культуру, отсутствовали характерные для остальной Калифорнии четко выраженные социальные роли вождей. Вместе с тем только здесь было известно рабство... На-

селение этого региона имело представление о личном богатстве... Социальный статус человека прямо зависел от количества находившихся в его распоряжении... материальных ценностей... (Кабо 1986: 180).

Здесь можно вспомнить и общины ифугао Филиппин (см., например: Barton 1922; Мешков 1982: 183–197), где не было четко выраженного авторитарного политического лидерства, которые находятся в резком контрасте, скажем, с сопоставимыми по уровню общей социокультурной сложности общинами индейцев северо-западного побережья Северной Америки.

Таким образом, уже на уровне общин с элементарной и средней социокультурной сложностью мы наблюдаем несколько типов альтернативных политических форм, каждую из которых следует обозначать особым термином. Возможные альтернативы вождествам в неолитической юго-западной Азии, неиерархические системы сложных акефальных общин с выраженной автономией малосемейных домохозяйств недавно были проанализированы Ю. Е. Березкиным, который обоснованно предлагает апа-тани в качестве этнографической параллели (Березкин 1993; Berezkin 1995, 2000). С. А. Французов находит еще более развитый пример подобного рода политий на юге Аравии в вади Хадрамаут I тыс. до н. э. (Frantsouzoff 1995, 1997, 2000).

В качестве другой очевидной альтернативы вождеству, как было показано выше, выступает племя.

Племя, как известно, было практически исключено из ряда эволюционных моделей (Carneiro 1987: 760; Townsend 1985: 146). Тем не менее политические формы, полностью идентичные тем, что Э. Сервис описывал как племя, на самом деле можно найти, скажем, на Среднем Востоке в Средние века или Новое время (вплоть до наших дней): эти племенные системы обычно состоят из нескольких общин и часто имеют тип политического лидерства, полностью идентичный тому, что был описан Э. Сервисом в качестве типичного для племени (Dresch 1984: 39, 41; Service 1971/1962: 103–104).

Дело в том, что здесь мы имеем дело с таким типом политики, который невозможно идентифицировать ни с локальной группой, ни с деревенской общиной (потому что подобные племена обычно состоят из нескольких общин), ни с вождеством (потому что для них характерен совершенно иной тип политического лидерства), ни, естественно, с государством. Этот тип политики также непросто вписать в схему где-то между деревенской общиной и вождеством. Конечно, как убедительно показал Р. Карнейро (см., например: Carneiro 1970, 1981, 1987, 1991, 2000), вождества обычно возникали в результате политического объединения нескольких общин под властью единого вождя без предшествующей этому стадии племенной организации. С другой стороны, можно найти большое количество доказательств того, что на

Среднем Востоке многие племена возникли в результате политической децентрализации вожеств, хронологически предшествовавших племенам. Важно также подчеркнуть, что это ни в коей мере нельзя назвать «регрессом», «упадком» или «вырождением», так как во многих таких случаях можно наблюдать, как политическая децентрализация сопровождается ростом (а не упадком) общей социокультурной сложности (Коротаяев 1995а, 1995б, 1996а, 1996б, 1997, 1998; Korotayev 1995а, 1996, 2000а, 2000б). Таким образом, во многих отношениях племенные системы ближневосточного типа являются, скорее, альтернативами вожеств (а не предшествующей ступенью эволюции).

Ранее мы уже приводили аргументы (Korotayev 1995б), что вообще существует очевидная эволюционная альтернатива развитию жестких надобщинных политических структур (вожество – сложное вожество – государство) в виде развития внутриобщинных структур одновременно с гибкими межобщинными системами, не отчуждающими общинного суверенитета (разнообразными конфедерациями, амфикиниями и т. д.). Один из наиболее впечатляющих результатов развития в этом эволюционном направлении – греческие полисы (см. работы М. Берента [Berent 1994, 1996, 2000а, 2000б], посвященные обоснованию безгосударственного характера классического греческого полиса), некоторые из которых достигли общего уровня культурной сложности, сопоставимого не только с вождествами, но и с государствами. То же можно сказать и о римском аналоге, *civitas* (Штаерман 1989). Отметим, что как форма социополитической организации полисы были известны за пределами античного мира как хронологически, так и географически (Korotayev 1995б; Бондаренко 1998).

Племенной и полисный эволюционные ряды образуют, по видимому, разные эволюционные направления, имеющие свои отличительные черты: полисные формы предполагают власть «магистратов», выбираемых тем или иным путем на фиксированный промежуток времени и контролируемых народом в условиях полного (или почти полного) отсутствия регулярной бюрократии. В рамках племенных систем наблюдается полное отсутствие каких-либо должностей, носителям которых члены племени подчинялись бы только потому, что они являются носителями должностей определенного типа, а поддержание порядка достигается через проработанную систему посредничества и поиска консенсуса.

Существует также значительное число и иных сложных безгосударственных политий (например, политии казаков Украины и южной России вплоть до конца XVII в. [Чиркин 1955; Рознер 1970; Никитин 1987; и т. д.], кельтов V–I вв. до н. э. [Гринин 1997: 32–33; Крадин 2001: 149], или исландская полития «эпохи народоправства» вплоть до середины XIII в. [Ольгейрссон 1957; Гуревич 1972; Стеблин-Каменский 1984]), для обозначения которых пока нет каких-либо об-

щепринятых терминов, а их собственные определения часто слишком специфичны (как, например, «Казачье Войско»), чтобы иметь хоть какой-то шанс превратиться в общепринятый термин. Таких примеров можно привести, конечно, очень много.

Но и это не все. Существует и еще одна очевидная проблема со схемой Сервиса – Салинза. Она явно «доваллерстайновская», не тронутая никакими дискуссиями о мир-системах, уверенно опирающаяся на возможность рассмотрения отдельной политики как единицы социальной эволюции. Возможно, это было бы не так уж и важно, если бы Салинз и Сервис говорили о типологии политий; однако они говорят именно об «уровнях культурной интеграции», и в подобном контексте мир-системное измерение, несомненно, должно быть принято во внимание.

Суть проблемы здесь заключается в том, что тот же общий уровень культурной сложности может достигаться как через нарастающее усложнение одной политики, так и через развитие политически нецентрализованной межполитийной сети. Эта альтернатива была замечена еще И. Валлерстайном, что нашло отражение в предложенной им дихотомии «мир-экономика – мир-империя» (см., например: Wallerstein 1974; 1979; 1987). Примечательно, что и сам Валлерстайн рассматривает два члена этой дихотомии именно как альтернативы, а не как стадии социальной эволюции. Как можно предположить, здесь мы в основном согласны с Валлерстайном. Тем не менее нам видится и некоторое неоправданное упрощение. В целом, мы хотели бы подчеркнуть, что мы имеем здесь дело с частным случаем значительно более широкого набора эволюционных альтернатив.

Развитие политически децентрализованной межполитийной сети стало эффективной альтернативой развитию монополитии еще до возникновения первых империй. В качестве примера здесь стоит вспомнить межполитийную коммуникативную сеть гражданско-храмовых общин Месопотамии первой половины III тыс. до н. э., которая поддерживала уровень технологического развития, существенно более высокий, чем у современного ей политически централизованного египетского государства. Примечательно и то, что межобщинные коммуникационные сети уже могли представлять эффективную альтернативу вождеству. Например, социально-политическую систему апатани следует описывать, видимо, именно как межобщинную коммуникативную сеть [между прочим, в свою очередь выступавшую как ядро в рамках более широкой коммуникативной сети, включавшей в себя соседние менее развитые политии (вождества и суверенные общины) – см., например: Fueter-Haimendorf 1962].

Нам также представляется непродуктивным обозначать подобный альтернативный тип культурной интеграции как мир-экономику. Проблема в том, что при таком обозначении имеется тенденция недооценивать политические и культурные измерения подобных систем.

Возьмем, например, классическую греческую межполисную систему. Уровень сложности многих греческих полисов был достаточно низким даже по сравнению со сложным вожжеством. Однако они были частями значительно более обширной и несравненно более сложной общности, с многочисленными экономическими, политическими и культурными связями и общими политико-культурными нормами. Экономические связи, конечно же, играли определенную роль в рамках данной системы. Но прочие связи были отнюдь не менее важны. Возьмем в качестве примера норму, согласно которой межполисные войны приостанавливались во время Олимпийских игр, что делало возможным безопасное движение людей, а значит, и гигантских количеств энергии, вещества и информации в пределах территории, на порядки превосходившей территорию среднего сложного вожества. Существование межполисной коммуникационной сети позволяло, например, индивиду, родившемуся в одном полисе, получить образование в другом полисе, а основать свою научную школу в третьем. Наличие подобной системы долгое время резко уменьшало деструктивность межполисных войн. Она была той основой, на базе которой было возможным предпринимать значительные межполисные коллективные действия (что оказалось жизненно важным в эпоху греко-персидских войн). В результате полис с уровнем сложности, не дотягивавшим до уровня составного вожества, оказывался частью системы, сложность которой оказывалась вполне сопоставимой с государством (и не только ранним).

То же можно сказать и о межсоциумной коммуникативной сети средневековой Европы (сложность которой в таком случае сравнима с таковой у средней мир-империи). Примечательно, что в обоих случаях некоторые элементы соответствующих систем могут рассматриваться как составные части мир-экономик, более обширных, чем эти системы. В то же время не все составные части коммуникативных сетей были вполне экономически интегрированы. Из этого следует, что «мир-экономики» были не единственно возможным типом политически децентрализованных межсоциумных коммуникативных сетей. На самом деле, в обоих случаях мы имеем дело с политически децентрализованными цивилизациями, которые на протяжении большей части человеческой истории последних тысячелетий и составляли наиболее эффективную альтернативу мир-империям. Конечно, многие из таких цивилизаций можно рассматривать как составляющие более обширных мир-экономик. Валлерстайн предполагает, что в век сложных обществ только мир-экономики и мир-империи («исторические системы», то есть самые большие единицы социальной эволюции) можно в целом рассматривать как эволюционирующие единицы. Мы считаем, что в качестве таковых правильнее рассматривать цивилизации, как политически централизованные, так и политически децентрализованные.

ные. Еще раз стоит подчеркнуть важность культурных измерений подобных систем. Конечно, обмен крупными партиями товаров был важен. Но важным являлся и обмен информацией. Отметим, что успешное развитие науки в античной Греции и средневековой Европе стало возможным только благодаря интенсивному обмену информацией между обществами, а ведь развитие науки в средневековой Европе в очень высокой степени повлияло на дальнейшую эволюцию Мир-Системы.

Необходимо подчеркнуть, что межсоциумные коммуникативные сети могли появляться и среди гораздо менее сложных обществ (Валлерстайн обозначил их как «мини-системы», фактически не изучая их; конкретные исследования архаичных межсоциумных сетей см. в следующих работах: Chase-Dunn and Grimes 1995; Chase-Dunn and Hall 1993, 1994, 1995, 1997]). Кажется возможным говорить уже о коммуникативной сети, охватывавшей большую часть аборигенной Австралии. И снова мы здесь сталкиваемся со сходным феноменом – значительная степень культурной сложности (развитые формы ритуалов, мифологии, искусства, танцев и т. п., вполне сравнимые по сложности с таковыми у ранних земледельцев) у народов с довольно простой политической организацией. В значительной степени это можно объяснить тем фактом, что относительно простые локальные группы австралийцев были частью гораздо более сложного целого – гигантской межсоциумной коммуникативной сети, охватывавшей, по-видимому, большую часть Австралийского континента (см., например: Бахта и Сенюта 1972; Артемова 1987).

Таким образом, представляется возможным противопоставить общества, следовавшие по пути политической централизации и «авторитаризации», и культуры, которые продолжали разрабатывать и совершенствовать общинные институты самоуправления. Как бы там ни было, такая культура, как Королевство Бенин XIII – XIX вв., делает картину социально-политической эволюции еще более многогранной. В частности, оказывается, что не только гетеро-, но и гомоархические общества способны достичь очень высокого (несравнимо выше уровня сложных вождеств) уровня социокультурной сложности и политической централизации и, тем не менее, никогда не трансформироваться в государство на протяжении всего длительного периода своего существования. Пример Бенина также свидетельствует, что автономия местной общины не является гарантией движения сложного общества в направлении гетерархии. Ранее мы предложили обозначить эту форму социополитической организации как «мегаобщина» (см., например: Бондаренко 1995: 276–284; Bondarenko 1994; 1995; 2001: 232–249). Ее структуру можно представить в форме четырех концентрических кругов, образующих перевернутый конус. Эти «круги» – большая семья, большесемейная община (в которой семейные связи дополнены сосед-

скими), вождество и, наконец, самый широкий круг, включающий в себя три более узких, – мегаобщина как таковая (королевство Бенин в целом). Отличительной чертой мегаобщины является ее способность организовать на достаточно обширных территориях сложное многоуровневое общество, основываясь преимущественно на трансформированном принципе родства.

Еще одна очевидная альтернатива государству представлена суперсложными вождествами, созданными кочевниками Евразии – число структурных уровней в подобных вождествах равно или даже превосходит количество уровней в типичном государстве, но здесь имеется совершенно отличный от государства тип политической организации и политического лидерства; политические образования такого рода, по-видимому, никогда не создавались земледельцами (см.: Крадин 1992: 146–152; 1996; Kradin 2000a; 2000b).

Кроме мегаобщины Бенина и суперсложных вождеств кочевников, примером в данном случае, возможно, является и держава зулу в Южной Африке в первой половине XIX в. В рамках подобной масштабной и могущественной политики наблюдается высокая степень иерархизации надобщинных институтов и значительная устойчивость институциональной иерархии (см., например: Gluckman 1940; Ritter 1955). Общества с тщательно разработанной жесткой кастовой системой также могут являться гомоархичной альтернативой гомоархичным (по определению; см.: Claessen и Skalnik 1978: 533–596, 637–650) ранним государствам (Quigley 1999: 114–169; Kobishchanov 2000: 64).

Итак, альтернативность характеризует не только две основные макрогруппы культур, то есть гомо- и гетероархические общества. Альтернативность существует также и внутри каждой группы. В частности, на высшем уровне сложности и интегрированности социально-политической организации государство (по меньшей мере, в доиндустриальную эпоху) «конкурирует» не только с гетерархическими системами институтов (например, с полисом), но и с некоторыми формами социально-политической организации, не менее гомоархичными, чем само государство.

Среди многочисленных факторов, способных повлиять на сущность того или иного общества, следует остановиться на характерном для него типе семьи и общины. Различие в корреляции родственных и соседских (территориальных) линий связано, в свою очередь, с доминирующим типом общины (как универсального субстратного социального института). Ранее проведенное кросс-культурное исследование (Бондаренко и Коротаев 1999; Bondarenko and Korotayev 2000b), в целом, подтвердило выдвинутую ранее гипотезу (Бондаренко 1997: 13–14; 1998: 198–199) о том, что общинное устройство с большой семьей, где обычно ярко выражены вертикальные социальные связи, обретающие форму родственных отношений (старший-младший)⁴, и

существует недемократическая система ценностей, более характерно для гомоархических обществ. Оказалось, что гетерархические общества чаще связаны с территориальными общинами, состоящими из малых семей, в которых социальные связи горизонтальны и имеют вид равноправных соседских связей.⁵

В ходе нашего кросс-культурного исследования форм общины был выявлен еще один важный фактор гомоархизации-гетерархизации обществ. Оказалось, что вероятность гетерархического развития социополитической организации выше в культурах, где доминируют моногамные семьи (Korotayev and Bondarenko 2000).

Однако, помимо социальных факторов (включая вышеупомянутые), для определения эволюционного пути важен также ряд явлений, вытекающих из того факта, что политическая культура есть отражение общего культурного типа общества. Этот тип, варьирующий от цивилизации к цивилизации, определяет направления и пределы социокультурной эволюции. Хотя культура как таковая формируется под влиянием различных факторов (социоисторических, природных и т. д.), значимость общего культурного типа для определения характера социально-политической организации отнюдь не сводится к так называемому «идеологическому фактору» (Bondarenko and Korotayev 2000c; Claessen 2000b). Общий тип культуры оказывает существенное воздействие на свойства политической культуры социума. «Причем проявляются они, по всей видимости, сразу столь же полно, как и потенции хозяйственные, религиозные, художественные» (Зубов 1991: 59). В свою очередь, политическая культура определяет параметры идеальной социально-политической модели, складывающейся в головах людей. Так, политическая культура закладывает основы характера, типа, форм социально-политической эволюции общества, включая ее развертывание в иерархической или же неиерархической плоскости. Но и реальные, «неидеальные» общественные институты – в немалой степени плод сознательной деятельности (социального творчества) людей, пусть и не способных в полной мере осознать глобальные для их обществ социально-политические последствия своих поступков, направленных на достижение личных целей. Творят же люди, в том числе в общественной сфере, соотнося деяния с теми системами ценностей, которые они усваивают в своих культурах и воспринимают как наиболее естественные, единственно истинные.

Следовательно, очевидно, что как общий тип культуры социума, так и его политическая культура неразрывно связаны с присущим ему типом так называемой «модальной личности». В свою очередь, фундаментальные характеристики модальных личностей передаются от поколения к поколению посредством практик социализации, которые соответствуют системам ценностей, общепринятым в данных обществах, и могут в немалой степени определять ход политической эволюции, а

не только сами определяться ею, как обычно считается (см.: Irons 1979: 9–10, 33–35; Ионов 1992: 112–129; Bondarenko & Korotayev 2000a: 309–312), хотя ученые обычно склонны подчеркивать обратное влияние, то есть влияние политических систем на процессы социализации и типы личности.

Экологический фактор также является значимым для определения направления эволюции того или иного общества (Бондаренко 1998; Bondarenko 2000). В этом случае в понятие «экология» следует включать не только природную, но и социоисторическую среду. Окружающая среда также во многом определяет эволюционный потенциал общества, создавая пределы его продвижению по гомо- либо гетероархической оси. Например, не существует предопределенной неизбежности перехода от простого к сложному обществу (Tainter 1990: 38; Lozny 2000) или от раннего государства к зрелому (Claessen and van de Velde 1987: 20 etc.).

Рассмотрим теперь значение подхода, обсуждавшегося выше, для изучения процесса формирования государства и политогенеза в целом. Стремление всегда и везде видеть исторические тенденции и законы проявляющимися однотипно (или даже одинаково) приводит к искаженному пониманию исторической реальности. Например, синхронные политические процессы объявляются последовательными стадиями формирования государства. Кроме того, черты уже зрелого государства алогично приписываются его ранним формам, и вследствие этого становится невозможно найти хоть какое-нибудь «нормальное» раннее государство.

Понятие «политогенез» было разработано в 1970-х и 80-х гг. Л. Е. Куббелем (см., например: Куббель 1988), обозначавшим этим термином процесс формирования государства. К настоящему моменту, однако, стало очевидным, что процессы политической эволюции архаичных обществ не следует сводить исключительно к возникновению государства, потому что это, скорее, лишь частный вариант этих процессов. Мы предлагаем обозначать термином «политогенез» процесс формирования сложной политической организации любого типа, что выглядит более обоснованным также и с точки зрения этимологии: слово *politeia* в античной Греции обозначало политический порядок любого типа, а не только государство.

Мы считаем, что среди ученых, изучающих политогенез, можно наблюдать тенденцию сужать анализ до рассмотрения только самого процесса формирования государства. Это стремление сузить рамки изучаемого предмета, хотя и вполне законное, все же приводит к недооценке того факта, что на протяжении длительного периода процесс формирования государства был неразрывно связан с другими эволюционными процессами (например, религиозной эволюции), и, вероятно, это затрудняет любое достаточно полное объяснение самих про-

цессов образования государства. Нам видится, что такого объяснения можно добиться, только если изучать процессы образования государства с учетом всех остальных, параллельно протекавших эволюционных процессов.

Нельзя сказать, что подобный подход всегда игнорируется (см., например: Claessen and Skalnik 1978; Claessen 2000a [в особенности стр. 2]). Тем не менее, вопреки значительным достижениям в анализе общего культурного контекста процессов формирования государства, эта проблема все еще далека от разрешения. Одну из причин этой ситуации можно обозначить как «политоцентризм». Так или иначе, образование государства рассматривается как центральный процесс эволюции культур среднего уровня сложности не только из-за исходного определения объекта исследования (что кажется вполне обоснованным); его рассматривают как объективно центральный процесс, что не всегда верно, потому что во многих случаях другие процессы (такие, как, например, социоструктурная или религиозная эволюция) могли быть гораздо важнее (более подробно см.: Гринин 2001). С другой стороны, несомненно, при переходе от более простых обществ к более сложным (и в социокультурном, и в технологическом плане) существовала не одна, но множество моделей политогенеза. Сформировавшиеся в результате социально-политические структуры часто отличаются от государства, но было бы ошибочно считать их догосударственными структурами, так как они вполне сопоставимы с ранним государством в том, что касается сложности, функций и причин их формирования.

Таким образом, эволюционный путь, в рамках которого ретроспективно угадываются известные нам черты государства, является лишь одним из возможных «направлений» политогенеза. Но так как позднее большинство альтернативных социально-политических структур было уничтожено, поглощено государствами или трансформировалось в государства⁶, возможно, есть основания признать «государственную ветвь» политогенеза «основной», а альтернативные пути – «боковыми».

Это, тем не менее, не служит основанием для того, чтобы вышеупомянутые социополитические структуры описывать как догосударственные образования; напротив, они вполне сопоставимы с ранними государствами по функциям и уровню структурной сложности. Следовательно, представляется возможным определять их как «аналоги раннего государства» (подробнее см.: Гринин 1997; 2000a; Grinin 2000a; 2002; 2003). Понятие *аналог раннего государства* подчеркивает как типологическое и функциональное сходство данных форм с ранним государством, так и их структурные различия. Его использование делает возможным более адекватное описание процесса политогенеза.

В поисках ответов на ряд проблем политической антропологии необходимо рассматривать генезис раннего государства в общем контексте одновременных ему социозволюционных процессов. Вероятно, это позволит более точно оценить соотношение между общими социозволюционными процессами и процессами формирования государства. К примеру, кажется очевидным, что в конечном счете сложение государства связано с общими изменениями, вызванными переходом от присваивающего хозяйства к производящему и приводившими к росту социокультурной сложности. Это создавало объективную потребность в новых организационных методах и формах взаимодействия обществ. Но в различных обществах это выражалось по-разному. Так, в течение долгого времени рост социокультурной сложности, развитие торговли, частной собственности, рост имущественного неравенства и роли религиозных культов, корпораций и т. д. могли служить альтернативой чисто административным и политическим решениям. И в этом контексте раннее государство правомерно рассматривать только как одну из форм новой организации общества и межобщественных отношений.

В заключение обозначим ряд проблем для будущего изучения социозволюционных процессов в обществах среднего уровня сложности:

- 1) взаимоотношение и взаимосвязь политических аспектов политогенеза с другими аспектами (религиозным, социоструктурным и т. д.);
- 2) причины низкого уровня развития и фрагментарного характера административных институтов в ранних государствах;
- 3) причины сравнительной легкости перехода от одной схемы роста социокультурной сложности к другой;
- 4) выявление моделей социально-политической эволюции в связи с историко-культурными и географическими условиями ее протекания в тех или иных обществах.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Впервые опубликовано в журнале *Social Evolution & History*, июль 2002, т. 1, № 1, с. 54–79 на английском языке под названием «Alternative Pathways of Social Evolution». На русском языке публикуется впервые. Перевод сделан по изданию: Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. *Alternative Pathways of Social Evolution*. In Grinin, L. E., Carneiro, R. L., Bondarenko, D. M., Kradin, N. N., and Korotayev, A. V. (eds.) 2004. *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel.

¹ Тем не менее стоит заметить, что на самом деле в таких случаях часто имелось в виду именно спенсеровское видение; то есть эволюция рассматривалась как «движение от несвязанной однородности к связанной разнородности» (Spencer 1972 [1862]: 71).

² Государство обычно понимается как «...достаточно устойчивая политическая единица, представляющая отделенную от населения организацию власти и администрирования и претендующая на верховное право управлять (требовать выполнения действий) определенными территорией и населением

вне зависимости от согласия последнего; и имеющая силы и средства для осуществления своих претензий» (Гринин 1997: 20; см. также: Гринин 2000б: 190).

³ См. также фундаментальную критику у М. Манна (Mann 1986), наиболее радикальное негативное отношение к этой схеме выражено через понятие «альтернативности траекторий» социальной эволюции Н. Иоффе (Yoffee 1993), а также в ряде коллективных работ (Patterson and Gailey 1987; Ehrenreich et al. 1995; Kradin and Lynsha 1995; Крадин и др. 2000; Bondarenko and Korotayev 2000a) и сборников тезисов международных конференций (см., например: Butovskaya et al. 1998; Bondarenko and Sledzevski 2000).

⁴ Это становится особенно важным, когда речь заходит об обществах, в которых в больших семьях главенствует не группа братьев, а отцы (см., например: Бромлей 1981: 202–210).

⁵ Отметим, что не только среди людей, но также и среди других приматов родственные связи более значимы в гомоархически организованных сообществах (Thierry 1990; Бутовская и Файнберг 1993: 25–90; Butovskaya 1993; 2000; Butovskaya, Korotayev and Kazankov 2000).

⁶ Тем не менее подобные трансформации возможны только при определенных условиях. Например, в результате влияния соседних государственных систем, резкого изменения внутренней или внешней для общества ситуации и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

Артемова О. Ю. 1987. *Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным)*. М.: Наука.

1989. К проблеме первобытного эгалитаризма. В *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. Ч. 3 (с. 3–5). М.: Наука.

1991. Эгалитарные и неэгалитарные первобытные общества. В Коротаев А. В., Чубаров В. В., (ред.), *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития*. Т. 1 (с. 44–91). М.: Институт истории СССР АН СССР.

1993. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации. В Попов В. А. (ред.), *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции* (с. 40–70). М.: Наука.

Бахта В. М., Сенюта Т. В. 1972. Локальная группа, семья и узлы родства в обществе аборигенов Австралии. В Решетов А. М. (ред.), *Охотники, собиратели, рыболовы* (с. 68–90). Л.: Наука.

Березкин Ю. Е. 1995. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели. В Попов В. А. (ред.), *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* (с. 62–78). М.: Наука.

Бондаренко Д. М. 1995. *Бенин накануне первых контактов с европейцами: Человек. Общество. Власть*. М.: Институт Африки.

1997. *Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной тропической Африке*. М.: Институт Африки.

1998. Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству. *Восток* 1: 195–202.

2001. *Доимперский Бенин: формирование и эволюция системы социально-политических институтов*. М.: Институт Африки РАН.

Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. 1999. Политогенез, «гомологические ряды» нелинейные модели социальной эволюции (К кросс-культурному тестирова-

нию некоторых политантропологических гипотез). *Общественные науки и современность* 5: 129–140.

Бромлей Ю. В. 1981. *Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории)*. М.: Наука.

Бутовская М. Л. 1994. *Универсальные принципы организации социальных систем у приматов, включая человека*. Автореферат докторской диссертации. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Бутовская М. Л., Файнберг Л. А. 1993. *У истоков человеческого общества. Поведенческие аспекты эволюции человека*. М.: Наука.

Вавилов Н. И. 1921. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. *Сельское и лесное хозяйство* 1: 27–39.

1927. Географические закономерности в распределении генов культурных растений. *Природа* 10: 41–56.

1967. *Избранные произведения*. Т. 1–2. Л.: АН СССР.

Гринин Л. Е. 1997. Формации и цивилизации. Гл. 4. Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории. *Философия и общество* 5: 5–64.

2000а. *Политогенез: генеральная и боковые линии*. Волгоград: Учитель.

2000б. *Производительные силы и исторический процесс*. М.: Теис.

2001. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). *Философия и общество* 4: 5–60.

Гуревич А. Я. 1972. *История и сага*. М.: Наука.

Зубов А. Б. 1991. «Вестминстерская модель» и общественное бытие Востока. В. Зубов А. Б., Салмин А. М., Тайван Л. Л. (руд.), *Ретроспективная и сравнительная политология. Публикации и исследования*. Т. 1 (с. 50–75). М.: Наука.

Ионов И. Н. 1992. Исторический субъект и альтернативы социальной деятельности. В Шемякин Я. Г., Коротаев А. В. (ред.), *Альтернативность истории* (с. 109–131). Донецк: ДО САМИ.

Кабо В. Р. 1986. *Первобытная доземледельческая община*. М.: Наука.

Коротаев А. В. 1995а. Апология трайбализма: Племя как форма социально-политической организации сложных первобытных обществ. *Социологический журнал* 4: 68–86.

1995б. Некоторые проблемы социальной эволюции архаических (и не только архаических) обществ. *Восток* 5: 211–220.

1996а. Два социально-экологических кризиса и генезис племенной организации на северо-востоке Йемена. *Восток* 6: 18–28.

1996б. От вождества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем северо-восточного Йемена за последние две тысячи лет. *Этнографическое обозрение* 2: 81–91.

1997. *Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации*. М.: Восточная литература.

1998. *Вождества и племена страны Хайшид и Бакил*. М.: ИВ РАН.

Крадин Н. Н. 1992. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.

1996. *Империя Хунну*. Владивосток: Дальнаука.

2001. *Политическая антропология*. М.: Ладомир.

Куббель Л. Е. 1988. *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.

Мешков К. Ю. 1982. Филиппины. В Чебоксаров Н. Н., Кузнецов А. И. (ред.), *Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин* (с. 175–226). М.: Наука.

Никитин Н. И. 1987. О формационной природе ранних казачьих сообществ (к постановке вопроса). В Янин В. Л. (ред.), *Феодализм в России* (с. 236–245). М.:

Наука.

Ольгейрссон Э. 1957. *Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии* / пер. с исл. М.: ИЛ.

Павленко Ю. В. 1996. *История світової цивілізації*. Київ: Либідь.

2000. Происхождение цивилизации: альтернативные пути. В Крадин Н. Н., Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации* (с. 115–129). М.: Логос.

Рознер И. Г. 1970. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. *Вопросы истории* 8: 42–56.

Стеблин-Каменский М. И. 1984. *Мир саги*. Л.: ЛГУ.

Чиркин В. Е. 1955. Об изучении государственных образований, возникавших в ходе восстаний рабов и крестьян. *Вестник истории* 9: 57–64.

Чудинова О. Ю. 1981. Мужчины и женщины в обществе аборигенов Австралии. В Малаховский К. В. (ред.), *Пути развития Австралии и Океании. История, экономика, этнография* (с. 220–237). М.: Наука.

Штаерман Е. М. 1989. К проблеме возникновения государства в Риме. *Вестник древней истории* 2: 76–94.

Abu-Lughod, J. L. 1989. *Before European Hegemony: The World System A.D. 1250–1350*. Oxford – New York: Oxford University Press.

Adams, R. N. 1975. *Energy and Structure*. Austin – London: University of Texas Press.

Artemova, O. Yu. 2000a. Initial Phases of Politogenesis. In Bondarenko and Korotayev 2000: 54–72.

2000b. Monopolization of Information and Social Inequality. In Kradin *et al.* 2000: 132–137.

Barton, R. F. 1922. *Ifugao Economics*. Berkeley: University of California Press.

Beliaev, D. D. 2000. 'Joint Government' in Mesoamerican History. In Bondarenko and Sledzevski 2000: 13–14.

Berent, M. 1994. *Stateless Polis*. Unpublished Ph.D. thesis manuscript. Cambridge: Cambridge University.

1996. Hobbes and the 'Greek Tongues'. *History of Political Thought* 17: 36–59.

2000a. Greece (11th – 4th Centuries B.C.). In Bondarenko and Korotayev 2000: 228–254.

2000b. The Stateless *Polis*: Towards a New Anthropological Model of the Ancient Greek Community. In Kradin *et al.* 2000: 225–241.

Berezkin, Yu. E. 1995. Alternative Models of Middle Range Society. 'Individualistic' Asia vs. 'Collectivistic' America? In Kradin and Lynsha 1995: 75–83.

2000. Once Again on Horizontal and Vertical Links in Structure of the Middle Range Societies. In Kradin *et al.* 2000: 220–224.

Bondarenko, D. M. 1994. Precolonial Benin: Personality, Authority and the Structure of Society. In Sabloff, J. A., and Lal, M. (eds.), *State, City and Society* (pp. 1–10). New Delhi: WAC–3.

1995. Megacommunity as a Variant of Structure and Type of Society: Precolonial Benin. In Kradin and Lynsha 1995: 100–108.

1998. 'Homologous Series' of Social Evolution. In Butovskaya, Korotayev, and Khristoforova 1998: 98–99.

2000. 'Homologous Series' of Social Evolution and Alternatives to the State in World History (An Introduction). In Kradin *et al.* 2000: 213–219.

Bondarenko, D. M., and Korotayev, A. V. 2000a (eds.). *Civilizational Models of Politogenesis*. Moscow: IAF RAN.

2000b. Family Size and Community Organization: A Cross-Cultural Comparison. *Cross-Cultural Research* 34: 152–189.

- 2000c. Introduction. In Bondarenko and Korotayev 2000: 5–31.
- Bondarenko, D. M., and Sledzevski, I. V. (eds.)** 2000. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations*. Moscow: IAF RAN.
- Brumfiel, E. M.** 1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies: Comments. In Ehrenreich *et al.* 1995: 125–131.
- Butovskaya, M. L.** 1993. Kinship and Different Dominance Styles in Three Species of the Genus *Macaca*. *Folia Primatologica* 60: 210–224.
2000. Biosocial Preconditions for Sociopolitical Alternativity. In Bondarenko and Korotayev 2000: 35–53.
- Butovskaya, M. L., Korotayev, A. V., and Kazankov, A. A.** 2000. Variabilité des relations sociales chez les primates humains et non humains: à la recherche d'un paradigme général. *Primatologie* 3: 319–363.
- Butovskaya, M. L., Korotayev, A. V., and Khristoforova, O. B. (eds.)** 1998. *Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behavior. Concepts of Humans and Behavior Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approach*. Moscow: RSUH.
- Carneiro, R. L.** 1970. A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.
1981. The Chiefdom: Precursor of the State. In Jones, G. D., and Kautz, R. R. (eds.), *The Transition to Statehood in the New World* (pp. 37–79). Cambridge: Cambridge University Press.
1987. Cross-Currents in the Theory of State Formation. *American Ethnologist* 14: 756–770.
1991. The Nature of the Chiefdom as Revealed by Evidence from the Cauca Valley of Colombia. In Rambo, A. T., and Gillogly, K. (eds.), *Profiles in Cultural Evolution* (pp. 167–190). Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
2000. Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State. In Kradin *et al.* 2000: 52–58.
- Chamblee, J. F.** 2000. *The Classic-Postclassic Transition in the Central Mixteca Alta, Oaxaca*. Unpublished M. A. thesis manuscript. Tucson, AZ: University of Arizona.
- Chase-Dunn, Ch., and Grimes, P.** 1995. World-System Analysis. *Annual Review of Sociology* 21: 387–417.
- Chase-Dunn, Ch., and Hall, T. D.** 1993. Comparing World-Systems: Concepts and Working Hypotheses. *Social Forces* 71: 851–886.
1994. The Historical Evolution of World-Systems. *Sociological Inquiry* 64: 257–280.
1995. The Historical Evolution of World-Systems. *Protozoologie* 7: 23–34, 301–303.
1997. *Rise and Demise. Comparing World-Systems*. Boulder, CO – Oxford: Westview Press.
- Claessen, H. J. M.** 2000a. Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. In Kradin *et al.* 2000: 1–11.
- 2000b. *Structural Change. Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology*. Leiden: Research School CNWS, Leiden University.
- Claessen, H. J. M., and Skalník, P. (eds.)** 1978. *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen, H. J. M., and van de Velde, P. (eds.)** 1987. *Early State Dynamics*. Leiden: Brill.
- Claessen, H. J. M., van de Velde, P., and Smith, M. E. (eds.)** 1985. *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley, MA: Bergin and Garvey.

Crumley, C. L. 1979. The Locational Models: An Epistemological Assessment for Anthropology and Archaeology. In Schiffer, M. (ed.), *Advances in Archaeological Method and Theory*. Vol. 3 (pp. 141–173). New York: Academic Press.

1987. A Dialectical Critique of Hierarchy. In Patterson, T. C., and Gailey, C. W. (eds.), *Power Relations and State Formation* (pp. 155–169). Washington, D.C.: American Anthropological Association.

1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. In Ehrenreih *et al.* 1995: 1–15.

2001. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity. In Haas, J. (ed.), *From Leaders to Rulers* (pp. 19–33). New York etc.: Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Dozhdev, D. V. 2000. Rome (8th – 2nd Centuries B.C.). In Bondarenko and Korotayev 2000: 255–286.

Dresch, P. 1984. The Position of Shaykhs among the Northern Tribes of Yemen. *Man* 19: 31–49.

Earle, T. 1978. *Economic and Social Organization of a Complex Chiefdom: The Halelea District, Kiua'i, Hawaii*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Ehrenreih, R. M., Crumley, C. L., and Levy, J. E. (eds.) 1995. *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Washington, D.C.: American Anthropological Association.

Ferguson, Y. 1991. From Chiefdoms to City-States: The Greek Experience. In Earle, T. (ed.), *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology* (pp. 169–192). Cambridge – New York: Cambridge University Press.

Frank, A. G., and Gills, B. K. (eds.) 1993. *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* London – New York: Routledge.

Frantsouzoff, S. A. 1995. The Inscriptions from the Temples of Dhat Himyam at Raybun. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 25: 15–27, tables I–II.

1997. Regulation of Conjugal Relations in Ancient Raybun. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 27: 47–62.

2000. The Society of Raybun. In Kradin *et al.* 2000: 258–265.

Führer-Haimendorf, C. 1962. *The Apa Tanis and Their Neighbours*. London – New York: Routledge and Kegan Paul.

Gluckman, M. 1940. The Kingdom of the Zulu of South Africa. In Fortes, M., and Evans-Pritchard, E. E. (eds.), *African Political Systems* (pp. 25–55). London: Oxford University Press.

Goldman, I. 1970. *Ancient Polynesian Society*. Chicago: University of Chicago Press.

Grinin, L. E. 2000. Politogenesis: General and Lateral Branches. In Bondarenko and Sledzevski 2000: 51.

2002. General Context of the Social Evolution at the Early State Formation. In Beliaev, D. D., Bondarenko, D. M., and Frantsouzoff, S. A. (eds.), *Hierarchy and Power in the History of Civilizations* (pp. 86–87). Moscow: IAF RAN.

2003. The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 1: 131–176.

Irons, W. 1979. Natural Selection, Adaptation, and Human Social Behavior. In Chagnon, N. A., and Irons, W. (eds.), *Evolutionary Biology and Human Social Behavior. An Anthropological Perspective* (pp. 4–39). North Scituate, MA: Duxbury Press.

Kobishchanov, Yu. M. 2000. The Community-Caste Systems. In Bondarenko and Sledzevski 2000: 63–64.

Korotayev, A. V. 1995a. Ancient Yemen. Some General Trends of Evolution of the Sabaic Language and the Sabaean Culture. Oxford – New York: Oxford University Press.

1995b. Mountains and Democracy: An Introduction. In Kradin and Lynsha: 60–74.

1996. *Pre-Islamic Yemen. Sociopolitical Organization of the Sabaean Cultural Area in the 2nd and 3rd Centuries A.D.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

2000a. The Chiefdom: Precursor of the Tribe? (Some Trends of the Evolution of the Political Systems of the North-East Yemen in the 1st And 2nd Millennia A.D.) In Kradin *et al.* 2000: 242–257.

2000b. North-East Yemen (1st and 2nd Millennia A.D.). In Bondarenko and Korotayev 2000: 191–227.

Korotayev, A. V., and Bondarenko, D. M. 2000. Polygyny and Democracy: A Cross-Cultural Comparison. *Cross-Cultural Research* 34: 190–208.

Korotayev, A. V., Kradin, N. N., Lynsha, V. A., and de Munck, V. 2000. Alternatives of Social Evolution: An Introduction. In Kradin *et al.* 2000: 27–89.

Kowalewski, S. A. 2000. Cyclical Transformations in North American Prehistory. In Kradin *et al.* 2000: 177–187.

Kradin, N. N. 2000a. The Hsiung-Nu (200 B.C.–A.D. 48). In Bondarenko and Korotayev 2000: 287–304.

2000b. Nomads, World-Empires, and Social Evolution. In Kradin *et al.* 2000: 274–288.

Kradin, N. N., Korotayev, A. V., Bondarenko, D. M., de Munck, V., and Wason, P. K. (eds.) 2000. *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok: FEB RAS.

Kradin, N. N., and Lynsha, V. A. (eds.) 1995. *Alternative Pathways to Early State*. Vladivostok: Dal'nauka.

Levy, J. E. 1995. Heterarchy in Bronze Age Denmark: Settlement Pattern, Gender, and Ritual. In Ehrenreih *et al.* 1995: 41–53.

Lozny, L. 2000. Social Complexity: Necessity or Chance? In Bondarenko and Sledzevski 2000: 79–80.

Lynsha, V. 1998. From Chiefdom to Tribe: Svealand in A.D. 400–1100. In Butovskaya, Korotayev, and Khristoforova 1998: 99–100.

Mann, M. 1986. *The Sources of Social Power*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.

Patterson, Th. C., and Gailey, C. W. (eds.) 1987. *Power Relations and State Formation*. Washington, D.C.: American Anthropological Association.

Quigley, D. 1999. *The Interpretation of Caste*. New Delhi: Oxford University Press.

Ritter, E. A. 1955. *Shaka Zulu: The Rise of the Zulu Empire*. London: Longmans, Green.

Sahlins, M. D. 1960. Evolution: Specific and General. In Sahlins, M. D., and Service, E. R. (eds.), *Evolution and Culture* (pp. 12–44). Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

1972/1958. *Social Stratification in Polynesia*. Seattle – London: University of Washington Press.

Sanderson, S. K. (ed.) 1995. *Civilizations and World-Systems: Two Approaches to the Study of World-Historical Change*. Walnut Creek, CA: Altamira Press.

Service, E. R. 1971/1962. *Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective*. 2nd ed. New York: Random House.

Spencer, H. 1972/1862. *On Social Evolution*. Chicago: Aldine.

Tainter, J. A. 1990. *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Thierry, B. 1990. Feedback Loop between Kinship and Dominance: The Macaque Model. *Journal of Theoretical Biology* 145: 511–521.

Townsend, J. B. 1985. The Autonomous Village and the Development of Chiefdoms. In Claessen *et al.* 1985: 141–155.

Tuden, A., and Marshall, C. 1972. Political Organization: Cross-Cultural Codes 4. *Ethnology* 11: 436–464.

van der Vliet, E. Ch. L. 1987. Tyranny and Democracy. The Evolution of Politics in Ancient Greece. In Claessen, H. J. M., and van de Velde, P. (eds.), *Early State Dynamics* (pp. 70–90). Leiden: Brill.

Wallerstein, I. 1974. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York: Academic Press.

1979. *The Capitalist World Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.

1987. World-Systems Analysis. In Giddens, A., and Turner, J. H. (eds.), *Social Theory Today* (pp. 309–324). Cambridge: Cambridge University Press.

Whyte, M. K. 1978. *The Status of Women in Preindustrial Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Woodburn, J. C. 1972. The Local Group among Hunters and Gatherers: An East African Example and its Implications. In Ucko, P. J., Tringham, R., and Dimbleby, G. W. (eds.), *Man, Settlement and Urbanism* (pp. 193–206). London: Duckworth.

1979. Minimal Politics: The Political Organization of the Hadza of North Tanzania. In Shack, W. A., and Cohen, P. S. (eds.), *Politics in Leadership: A Comparative Perspective* (pp. 244–266). Oxford: Clarendon Press.

1980. Hunters and Gatherers Today and Reconstruction of the Past. In Gellner, E. (ed.), *Soviet and Western Anthropology* (pp. 95–117). London: Duckworth.

1982. Egalitarian Societies. *Man* 17: 431–451.

1988a. African Hunter-Gatherer Social Organization. Is it Best Understood as a Product of Encapsulation. In Ingold, T., Riches, D., and Woodburn, J. (eds.), *Hunters and Gatherers*. Vol. 1. *History, Evolution and Social Change* (pp. 31–64). Oxford: Berg Publishers.

1988b. Some Connections between Property, Power and Ideology. In Ingold, T., Riches, D., and Woodburn, J. (eds.), *Hunters and Gatherers*. Vol. 2. *Property, Power and Ideology* (pp. 10–31). Oxford: Berg Publishers.

Yoffee, N. 1993. Too Many Chiefs? (Or, Safe Texts for the '90s). In Yoffee, N., and Sherratt, A. (eds.), *Archaeological Theory: Who Sets the Agenda?* (pp. 60–78). Cambridge: Cambridge University Press.

Х. Дж. М. Классен

Университет Лейдена

В первой части статьи будет представлен краткий обзор эволюционизма со времени его возрождения после окончания Второй мировой войны. Затем будут рассмотрены некоторые критические мнения, появившиеся в последнее время, против этого подхода и, наконец, я опишу в общих чертах некоторые новые стратегии исследований, выдвинутые в публикациях ученых – сторонников эволюционизма. В последнем разделе статьи я покажу некоторые возможности включения исследований в области родства в рамки этих новых тенденций.

На широком фоне враждебности и презрения в годы, предшествующие Второй мировой войне, Лесли Уайт и Джулиан Стюард героически боролись за возрождение интереса к эволюционизму. Их деятельность, кроме всего прочего, была вызвана растущей необходимостью упорядочения громадного фактического материала, собранного последователями подхода Ф. Боаса, в обобщающие концептуальные работы (Harris 1968; Foget 1975). После войны возрождение эволюционизма получило импульс, связанный, с одной стороны, с деятельностью этих двух ученых, а с другой – с заметным возрождением интереса к эволюции, вызванного столетним юбилеем в 1959 г. главного труда Ч. Дарвина «Происхождение видов». В тот год прошло много симпозиумов и конференций, результатом одной из которых было появление хорошо известного тома «Эволюция и культура» под редакцией Маршалла Салинза и Элмана Сервиса (Sahlins, Service 1960). Данная книга заложила основы последующего доминирования в области социального эволюционизма на протяжении почти двадцати лет. Были, конечно, и другие ученые, которые работали в той же области в течение этого времени, но все они более или менее следовали модели, установленной Салинзом и Сервисом. Назову лишь некоторые имена: Мортон Фрид, Роберт Карнейро, Рональд Коэн, Рауль Неролл.

Важность подхода Салинза и Сервиса вряд ли можно переоценить, так как он был доминирующим в антропологии и являлся средством

Классен Х. Дж. М. / Эволюционизм в развитии, с. 37–52

расширения дисциплинарных границ. Специалисты по доисторическому периоду и археологии, в частности, неоднократно применяли типологии, разработанные Салинзом и Сервисом (Renfrew 1972; 1973; 1974; Sanders 1974). Здесь нет возможности представить исчерпывающий список работ упомянутых ученых. Можно сделать лишь некоторые общие комментарии.

Главная составляющая подхода М. Салинза и Э. Сервиса, что также можно зафиксировать в работе М. Фрида, – описание общих типов социополитической организации, которые располагаются в порядке увеличения сложности и составляют эволюционную последовательность. В качестве примера я опишу в нескольких словах типологию Сервиса (Service 1971). По существу, он рассматривает социальную эволюцию как ряд стадий, развивающихся из эгалитарных локальных групп охотников-собирателей с аморфным руководством (*local band*), члены которых совместно используют природные ресурсы, объединяются благодаря бракам и иногда другим формам союзов. Племена – следующая стадия – состоят, по его мнению, главным образом из земледельцев и отличаются появлением надлокальных союзов, таких как кланы, общины, ранжируемые на основе половозрастного деления и т. д. Все это предназначено для того, чтобы объединять отличающиеся друг от друга элементы в более сплоченные организации. Без общин племя не могло бы существовать. Политические иерархии в племенах отсутствуют; лидерство – личное и только для определенных целей (Service 1971: 101, 103, 105). Вождества (*chiefdom*) – следующий уровень – характеризуются наличием центров, координирующих экономическую, социальную и религиозную деятельность общин (там же: 133). Чифдомы являются редистрибутивными обществами с постоянным центральным органом координации (там же: 134). Последний уровень – государство, характеризующееся центральной властью, способной проводить решения в жизнь.

В своей «Эволюции политического общества» М. Фрид делает конструктивный вклад в понимание эволюции политической организации и лидерства. Он пытается отойти от тогдашних методов группировки эмпирических данных в более или менее согласованные серии уровней. Вместо этого он предлагает дедуктивную модель, основанную на тщательно продуманных рассуждениях. За основу своих моделей Фрид избирает фактор растущего неравенства среди людей и, таким образом, выделяет четыре уровня сложности: 1) эгалитарное общество, 2) ранжированное общество, 3) стратифицированное общество и 4) государство (Fried 1967).

Неоспоримые достоинства этих моделей не должны закрывать от нас свойственные им недостатки. Они касаются: 1) включенности

уровней; 2) преобразования одного уровня в следующий, более высокий; 3) однолинейного развития структуры всевозрастающей сложности, которая включает в себе только часть социальной эволюции.

Впоследствии выяснилось, что эти проблемы существуют независимо от того, была ли типология основана на интерпретации эмпирических данных или она базировалась на предположениях заранее разработанной теоретической модели (Claessen, van de Velde 1985: 132). Иначе говоря, действительно ли возможно отнести каждое социальное образование к одному из четырех уровней? Действительно ли характеристикой социального развития является растущая сложность? И, наконец, какие механизмы, силы, факторы или давление лежат в основе социальной эволюции?

В своем хорошо известном очерке «Четыре грани эволюции» Р. Карнейро попытался справиться с некоторыми из этих проблем (Carneiro 1973). Он разрешил кажущееся противоречие между концепциями однолинейного и многолинейного эволюционизма, продемонстрировав, что обычно существуют различные пути, ведущие к определенному уровню развития. Если подчеркивается подобие эволюционирующих общественных институтов или структур, эволюция имеет однолинейный характер. Если выделяются различные пути, социальную эволюцию можно считать многолинейной. Таким образом, то, каким будет считаться результат, однолинейным или многолинейным, зависит от параметров исследования, причем, возможно, оба подхода будут просто разными интерпретациями одного и того же исторического явления (Sahlins 1960: 13; Dostal 1984; 1985: 355). Что касается вопроса растущей сложности, Карнейро признал себя сторонником своего великого предшественника XIX в. Г. Спенсера. Эволюция, по мнению последнего, «есть переход от относительно неопределенной, рыхлой однородности к относительно определенной, последовательной неоднородности посредством последовательной дифференциации и интеграции» (Carneiro 1973: 90). Этот взгляд был широко распространен в 1960-е и в начале 1970-х годов, что можно проследить по многим книгам и статьям, опубликованным в те годы. Даже сейчас многие ученые все еще группируют свои данные по линии возрастающей сложности (Johnson, Earle 1987). Что касается механизмов, стоящих за социальной эволюцией, Карнейро указал на такие факторы, как рост численности населения и давление населения (мнение, представленное наиболее элегантно в его теории ограничения [circumscription]) и война (Carneiro 1970; 1987). Сервис также указал механизмы, вызывающие изменения в социополитических структурах (Service 1975). Он отметил рост населения, который заставлял людей оставлять перенаселенные районы и жить в областях худшего качества – таким обра-

зом, эти люди становились зависимыми от тех, кто жил в лучших местах (Kottak 1972; Claessen 1978).

Другие ученые предлагали иные механизмы и силы. Р. Уил-кинсон продемонстрировал связь между бедностью и прогрессом и предположил, что люди начинают развивать активность для изменения ситуации только тогда, когда возникает необходимость, – часто с довольно непредсказуемыми последствиями (Wilkinson 1974). Вслед за Дж. Стюардом К. Виттфогель представил свою гидравлическую теорию, сделав крупные ирригационные сооружения краеугольным камнем социальной эволюции (Steward 1949; Wittfogel 1957; Price 1977). В определенном отношении взгляды Виттфогеля были тесно связаны с концепцией азиатского способа производства, отвергнутой советскими марксистами в 1932 г., но благодаря влиятельной работе Виттфогеля снова появившейся в марксистских дисциплинах с 1960-х годов (Wittfogel 1957; Tökei 1962; Godelier 1969; Hindess, Hirst 1975; Krader 1957; Ulmen 1978). Механизм войны неоднократно обсуждался в эволюционистских работах даже вопреки тому, что война, как выяснилось, существует как явление только на достаточно высоком уровне сложности (Lewis 1981; Cohen 1985; Nettship et al. 1975; Carneiro 1987; Claessen, Skalnik 1978: 625). Примерно до 1980-х годов это были основные теоретические аргументы, с помощью которых объяснялся эволюционный процесс.

На некоторые вопросы были получены ответы, другие вопросы даже не поднимались в это время. Стремление понять механизмы и силы, стоящие за социальной эволюцией, сохраняется до нынешних дней. Здесь будут обсуждаться некоторые наиболее перспективные, по моему мнению, новые взгляды; но я не претендую на завершенность разработки этой темы.

В 1975 г. Малькольм Уэбб отметил мощное влияние богатства и торговли на развитие и эволюцию (Webb 1975). Он связал торговлю на больших расстояниях с теорией ограничения Р. Карнейро. Торговля, по его мнению, обеспечивает вождя необходимым богатством, что позволяет последнему привлечь к себе сторонников. Несмотря на то, что на всех уровнях политической эволюции можно проследить использование взаимных обязательств, Уэбб справедливо устанавливает, что на переломном этапе преобразования, скажем, вождеств в государства это дополнительное богатство лидера может иметь серьезное значение. Касья Экхольм развила этот взгляд в теорию о роли престижных товаров в развитии политических структур (Ekholm 1977). Однако кажется возможным переформулировать ее выводы в несколько более обобщенной форме, чтобы сделать их применимыми также к иным ситуациям (Claessen 1987). Другие исследователи (D'Altory,

Earle 1985), сделав различие между финансированием массовых товаров и финансированием богатства, способствовали лучшему пониманию механизмов финансовой системы раннего государства. Однако попытки Фридмана применить теорию торговли на больших расстояниях и престижных товаров к традиционным полинезийским культурам оказались плохо согласованными с имеющимися историческими данными (Friedman 1982; Claessen 1988: 436).

Роль окружающей среды обсуждалась в работах таких ученых, как Харрис, Клоос, Вайда и другие (Harris 1968; 1979; Kloos 1971; Vayda 1969), и вызвала более пристальный интерес, когда в 1980-е годы ученые попытались ввести их в эволюционную теорию. Тестарт продемонстрировал, что заготовка и хранение провизии в больших количествах, для того чтобы справиться с сезонными нехватками, имели важные социальные и политические последствия, такие как появление постоянного руководства и ранжирования (Testart 1982). Аналогично другие ученые продемонстрировали положительное или отрицательное влияние экологических условий на региональное или локальное развитие (Gunawardana 1981; Khazanov 1984; Tymowski 1987).

Новое направление в подходе было предложено Грэгори Джонсоном (Johnson 1978). Применяя теорию коммуникаций, он предположил, что увеличение числа элементов в развивающемся обществе требует увеличения информационной нагрузки на управляющую подсистему. Развитие специализированных механизмов вертикального контроля, по его мнению, является вариантом уменьшения этой нагрузки. В данной ситуации проблемой становится определение того, в какой точке развития становится необходимым создание подобных механизмов. Это обусловлено теорией принятия решений. Согласно Джонсону, необходимо решать проблемы набора персонала, его обучения и преемственности, которые он связывает с социальным и/или материальным вознаграждением.

В других работах Джонсон исследует связь между ростом размера общества, напряжением и необходимостью создания организации управления (Johnson 1982). Его выводы предполагают существование неких организационных порогов, за пределами которых происходит либо увеличение сложности социополитической организации, либо раздробление структуры. В подобном духе Холл-пайк утверждает, что возрастающая численность населения требует уменьшения количества потенциальных связей (Hallpike 1986: 237–250). Уже в небольшой группе из родителей и двух детей можно выделить не менее 25 различных потенциальных связей. Только посредством уменьшения этого количества ситуацию можно сделать жизнеспособной. То же самое справедливо для других социальных и культурных связей; человек-

во должно делать выбор – и как только выбор сделан, изменить траекторию становится трудным (Geertz 1963).

Обсуждение эволюционизма демонстрирует до сих пор, что мы имеем дело со сложным явлением. Несмотря на то, что упомянутые факторы могут оказывать важное влияние, их роль в эволюционном процессе различна в каждом конкретном случае. Невозможно установить в общих чертах, какие из этих факторов имеют приоритет над другими, и выяснено, что ни один из них не является господствующим во всех случаях. При анализе появления 21 раннего государства было обнаружено, что некоторые факторы играют определенную роль в большинстве случаев, хотя в то же время оказалось, что процесс сравним со снежным комом: после начала движения кинетическая энергия имеет тенденцию увеличиваться (Claessen, Skalnik 1978). Было выяснено, что происходит взаимное усиление явлений и их результатов во всех исследуемых эволюционных процессах. Следует подчеркнуть, что это взаимное усиление может работать и работает в обоих направлениях. Там, где обратная связь является положительной, организация имеет тенденцию увеличиваться в размере и сложности; там, где обратная связь отрицательна, наблюдается застой в развитии, а государство приходит в упадок или даже распадается. Очевидно, что социальная эволюция не имеет заданного направления.

Данная точка зрения противоречит широко принятому убеждению, что эволюция должна рассматриваться как процесс постоянного увеличения сложности. Казалось бы, здесь все должно быть понятно. Сложность предполагает, что существует больше людей, организованных в единые общества, чем когда-либо прежде; неизмеримо выросла производительность труда; технология достигает больших высот. Это справедливо до определенной степени, но тем не менее существуют причины, которые не позволяют считать увеличение сложности краеугольным камнем социальной эволюции. Во-первых, существует много вариантов, которые не ведут к росту сложности. Рост производительности рассматривался еще Уайтом как эволюция (White 1949). Бергацки убедительно продемонстрировал, что в ряде случаев как раз сокращение на уровне подсистем позволяет развиваться верхним уровням системы. Говоря другими словами, если центру не удастся уменьшить сложности подсистем, баланс власти в системе будет неустойчивым (Bargatsky 1987; Johnson 1981).

В самом деле, как указывал Шифферд, непрерывная централизация является наименее распространенным результатом эволюционного процесса (Shifferd 1987). Барьеры на пути возрастания сложности огромны; число государств, которые никогда не достигали более сложных форм, намного больше, чем число фактически достигших их. Во-вторых, как справиться с циклическими тенденциями? Уже Стю-

ард включил циклические тенденции в свое исследование социальной эволюции (Steward 1949). Эволюция практически каждого государства обнаруживает чередующиеся периоды расцвета и упадка (Claessen 1985; Carneiro 1987). Только если мы готовы рассмотреть упадок, стагнацию и даже распад как характерные аспекты эволюции, мы получим более реалистическую картину того, что фактически происходило в социальной эволюции – мнение, выдвинутое Йоффи (Yoffee 1979). В-третьих, куда нам отнести те бесчисленные общества, которые так никогда и не развились до более сложного уровня культуры, но тем не менее подверглись значительным преобразованиям в ходе времени? Мюллер и Таунсенд представляют серьезное свидетельство такой внутриуровневой трансформации – и здесь следует добавить, что в результате простого изменения определений или критериев для уровней трансформации вдруг могут стать или не стать эволюционными (Muller 1985; Townsend 1985).

Исходя из этого, представляется необходимым пересмотреть существовавшие представления об эволюционных процессах. Поскольку эволюцию можно рассматривать как «процесс, посредством которого на протяжении времени оказывается воздействие на структурную реорганизацию, которая, в конечном счете, продуцирует форму или структуру, которая качественно отличается от предшествующей формы», кажется логичным изменить нашу дефиницию в принципе (Voget 1975: 862; White 1949: VII; Steward 1955: 13). Таким образом, социальную эволюцию можно определить как процесс качественной реорганизации общества (Claessen, van de Velde 1985: 6). Качественная реорганизация касается тех изменений в одном или более элементе связей общественной формы, которые имеют последствия для всех или большинства других элементов или связей. Общественные формы в целом трансформируются вследствие таких изменений, хотя процесс трансформации может занимать определенное время.

Обратимся теперь к факторам, обнаруженным в исследовании политогенеза в раннегосударственных обществах, которые были выделены нами в 1978 г.: 1) росту численности населения, 2) войне, 3) завоеванию, 4) идеологии, 5) производству излишков, 6) влиянию уже существующих государств. Данные факторы встречались в различных последовательностях и в разных комбинациях, а также отличались по степени интенсивности. Последующее исследование привело к уточнению или переформулированию некоторых факторов (Claessen, Skalnik 1981; Claessen, van de Velde 1985; 1987). Рассматривать только производство излишков как фактор оказалось недостаточно. Роль экономических процессов включала и многие другие важные стороны. Значение идеологии оказалось более важным, чем казалось

нам сначала. Фактор роста численности населения требовал ряда оговорок (см. ниже).

Объединив результаты проекта по исследованию ранних государств с результатами других ученых, работающих в области социальной эволюции, мы попытались разработать общую модель для более удовлетворительного объяснения феномена социальной эволюции. Мы окрестили ее моделью комплексного взаимодействия (МКВ). В ее основу положены следующие соображения:

1. Не существует убедительного свидетельства, что тот или иной фактор можно рассматривать в качестве первичной движущей силы; было выявлено, что значимость различных факторов могла меняться в зависимости от разных обстоятельств (также Blanton 1983).

2. Развитие обнаруживает либо положительную, либо отрицательную обратную связь. Это означает, что может иметь место как развитие, так и упадок (регресс).

3. Последствия решений или выбора часто были непредсказуемыми либо незапланированными.

Последнее из упомянутых соображений находит подтверждение в «Теории локальной оптимизации» Ван Парийса. Эта теория утверждает, что люди, вынужденные принимать решения, стремятся выбрать альтернативу, в которой оптимальность соответствует ситуации, в которой приходится делать выбор, и что «наилучшая» альтернатива является наилучшей лишь среди случайно доступных и достаточно близких альтернатив (Van Parijs 1981: 51). Это – выбор среди фактических, в отличие от потенциальных, альтернатив.

Фактор роста численности населения определяется в модели концепций общественного формата, которая охватывает количество людей, возможное давление населения и пространственное распределение. Этот последний аспект соотносится с социополитической организацией посредством инфраструктуры: системы дорог, мостов, курьеров и т. п., с помощью которых лидеры из центра контролируют своих подданных. Фактор «производство прибавочного продукта» включен в модель в форме более содержательного понятия – экономики, – позднее сформулированного более точно как «доминирование и контроль экономики» (Claessen, van de Velde 1987: 6). Факторы войны и завоевания получили второстепенное значение, как естественное следствие экономической, демографической или идеологической конкуренции. Так как влияние уже существующих государств слишком специфично, чтобы быть включенным в общую модель, у нас остается три основных фактора, а именно: идеология, доминирование и контроль экономики и общественный формат, которые направляют процесс социополитической эволюции. Возникающие социополитические формы име-

ют свою собственную движущую силу, которую можно принять в качестве четвертого фактора. Как только социополитические учреждения устанавливаются, они становятся важными факторами, оказывающими сильное влияние на последующий ход эволюционного процесса.

Мнение, согласно которому эволюционный процесс следует рассматривать как определяемый взаимодействием нескольких факторов, а не одного единственного фактора, разделяется все большим количеством ученых, среди которых Брей, Гледхилл и Роулендс, Блентон, Кирч, Гингрич, Ренфрю и Черри, Панда, Джонсон, Ёрл, Айзенштадт и др. (Bray 1977: 394; Gledhill and Rowlands 1982: 14; Blanton 1983: 225; Kirch 1984: 282; Gingrich 1984: 163; Renfrew, Cherry 1986; Panda 1986; Johnson, Earle 1987: 15; Eisenstadt *et al.* 1988: 13). Это не означает, что у этих ученых идентичные взгляды или они используют одни и те же параметры. Взгляды данных исследователей отличаются друг от друга, но при этом все они разделяют мнение, что социальная эволюция должна пониматься как сложное взаимодействие ряда специфических факторов.

Сейчас кажется возможным попытаться показать роль систем родства в эволюционной теории. Для того чтобы сделать это, целесообразно рассмотреть системы родства как явления, идеологические по своей сути. Идеология рассматривается здесь как комплексная целостность идей, которые направляют поведение людей. Это оставляет бесспорным тот факт, что родство основывается на биологическом фундаменте; что интересует нас здесь – так это роль родства в эволюции человеческой социальной организации. Важную роль играют различные способы, которыми понимается и организуется родство, способы, которыми биологические связи преобразуются в стандартизованное человеческое культурное поведение.

Принимая в качестве отправной точки мнение, что социальная эволюция является результатом комплексного взаимодействия, мы можем тогда связать развитие матрилокальности или патрилокальности со средствами к существованию и общественным формам, что уже было продемонстрировано Стюардом для патрилокальной группы (Steward 1955: 135) и Клоосом для матрилокальных карибов на реке Марони в Суринаме (Kloos 1971). Как только такие организации проявляются, они получают мощный импульс, и развитие матрилинейности или патрилинейности тогда становится только вопросом времени (Service 1971: 37). Социополитическая значимость таких систем существенна. Оллен показывает, что патрилинейная–патрилокальная общественная организация является серьезной помехой развитию более всеобъемлющих форм социополитической организации (Allen 1984).

Однако матрилинейная–патрилокальная структура открывает широкие возможности для расширения. Глубокий анализ таких социополитических структур выполнен Личем, де Джосселин де Джонгом, Капером и, прежде всего, Леви-Строссом (Leach 1954; de Jossolin de Jong 1951; Kuper 1982; Levi-Strauss 1949). С другой стороны, Кемп показывает, что родственный тип наследования может действовать также как основная порождающая сила в развитии иерархии (Kemp 1978).

Такие ученые, как Салинз и Мюллер, показали, что фундамент архаических форм политической организации архаических обществ базируется на структурах родства или, правильнее сказать, превалирующие формы политической организации воспринимаются в терминах идеологии родства (Sahlins 1963; Muller 1985). Развитие полинезийского клана являет хороший пример. Нет оснований сомневаться, что изначально структура родства определяла характер социополитических отношений. Это можно проследить на многих мелких островах Полинезии и Микронезии (Nason 1974; Burrows-Spiro 1953; Force, Force 1972; Firth 1963). Однако там, где население увеличивалось (это справедливо в отношении более крупных островов), функция идеологии родства постепенно изменялась. При этом статус биологических связей все еще играл важную роль, все чаще и чаще термины родства использовались для легитимизации социального неравенства, экономических различий и политической власти. Принадлежность к младшей линии наследования автоматически означала более низкое социальное и/или политическое положение. Институты родства призывались, чтобы объяснить и, таким образом, узаконить сложившуюся ситуацию (Labby 1976; Claessen 1978; Korn 1978; Bott 1981).

Данные тенденции можно легко анализировать в терминах комплексного взаимодействия ряда факторов: рост численности населения при условии ограниченной территории (на острове) неизбежно приводил к давлению на природные ресурсы. Некоторые люди жили в лучших местах, чем другие, благодаря более высокому месту в иерархии родства. Возникающее в результате неравенство узаконивается более высокой дихотомией идеологии родства. Контроль и преобладание экономики выражаются в терминах родства. Система родства, таким образом, действует как производственные отношения – мнение, представленное Годелье (Godelier 1978). Однако это не все. Под влиянием изменений общественного формата и экономики происходит также развитие идеологии родства. Возникает неоднолинейный принцип.

Это делает возможным для бедняка потребовать участок земли по выбору либо по отцовской, либо по материнской линии (Ottino 1972). Вскоре было обнаружено, что подобная тенденция существовала также в политической области. Аристократические лидеры старались

подкреплять свои претензии на престижное положение добавлением к престижу по отцовской линии престижа по материнской линии (Claessen 1978; Vott 1981). Эта тенденция серьезно снижала интерес к женитьбе на женщинах из более низких классов, и вскоре начали развиваться эндогамные аристократические круги. Подобные тенденции были обнаружены в других местах. Гунавардана описывает, как в ранней Шри-Ланке небольшие различия в доходах и производстве стали превращаться в различия во власти, узаконенные идеологическими соображениями (родство, религия), и как с течением времени возникли сети эндогамных отношений аристократов для защиты экономических и политических интересов (Gunawardana 1981; 1985). Анализ племени качина, выполненный Фридманом, показывает, что здесь также имели место подобные явления (Friedman 1979). Ясно, что родство является идеологическим фактором, серьезно влияющим на экономические, социополитические и демографические факторы. В свою очередь, на идеологию родства оказывают серьезное влияние другие факторы в модели комплексного взаимодействия.

Прогресс в эволюционной теории не должен затемнять для нас тот факт, что с новыми взглядами выдвигаются и новые вопросы, тогда как старые проблемы, для которых еще необходимо найти решения, также требуют нашего внимания. Упомянем некоторые из них:

– проблема стагнации и упадка. До настоящего времени интерес теоретиков был связан, в основном, с расцветом и ростом. Тогда как эволюционная теория должна, я думаю, также принимать во внимание упадок и стагнацию, в будущем необходимы дальнейшие исследования этой темы (Tymowski 1987; Toland 1987; Kennedy 1988; Taitner 1988);

– проблема подобию и идентичности. Часто обнаруживается, что общественные институты проявляют изумительную степень подобию, и тем не менее нет оснований сомневаться в том, что эволюционный процесс непредсказуем, что многие решения имеют неожиданные последствия, и что постоянно генерируются новые идеи (Cohen 1981; van Parijs 1981; Hallpike 1986). С другой стороны, многие общества, даже те, что живут близко друг от друга, обнаруживают потрясающие различия, как продемонстрировано в детальных исследованиях арабских городов и племен, выполненных Досталем (Dostal 1984; 1985);

– проблема соотношения структуры и процесса. В этой статье сделан акцент на процессуальный аспект социальной эволюции. Однако общественные формы также могут демонстрировать поразительную устойчивость во времени и могут легко быть классифицированы в соответствии с этими более или менее устойчивыми образованиями. Наличие изменений фактически можно уловить только посредством класси-

фикаций или типологий. Поскольку некоторые старые типологии не предлагают адекватных категорий, необходимы новые и лучшие классификации (e. g. Johnson, Earle 1987).

И последняя, но весьма важная проблема – вечный вопрос причин, приводящих к тем или иным изменениям. Я могу лишь упомянуть здесь эту важную проблему мимоходом: даже краткое обсуждение неизбежно потребовало бы еще одной полной статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Впервые опубликовано в 1989 г. под названием: Evolutionism in Development: Beyond Growing Complexity and Classification. In Andre Gingrich, Siegfried Haas, Sylvia Haas, Gabriele Paleczek, eds. *Kinship, Social Change, and Evolution*. Horn-Wien, 1989. P. 231–247 (Wiener Beiträge zur Ethnologie und Anthropologie, Bd. 5). Перевод Н. Н. Крадина. Текст печатается по изданию: Классен Х. Дж. М. Эволюционизм в развитии. *История и современность*. 2005. № 2. С. 3–22.

ЛИТЕРАТУРА

Allen, M. R. 1984. Elders, Chiefs and Big-Men; Social Structure and Political Evolution in Melanesia. *American Ethnologist* 11: 20–42.

Bargatzky, T. 1987. Upward Evolution, Suprasystemic Dominance, and the Mature State. In Claessen and van de Velde 1987: 24–38.

Blanton, E. 1983. The Ecological Perspective in Highland Mesoamerican Archaeology. In Moore, J. A., and Keene, A. S. (eds.), *Archaeological Hammers and Theories* (pp. 221–231). New York.

Bott, E. 1981. Power and Rank in the Kingdom of Tonga. *The Journal of the Polynesian Society* 90: 7–83.

Bray, W. 1977. Civilizing the Aztecs. In Friedman, J., and Rowlands, M. (eds.), *The Evolution of Social Systems* (pp. 373–398). London.

Burrows, E. G., and Spiro, M. E. 1953. *An Atoll Culture: Ethnography of Ifaluk in the Central Carolines*. New Haven: Connecticut.

Carneiro, R. L. 1970. A Theory of the Origin of the State. *Science* 169 (3947): 733–738.

1973. The Four Faces of Evolution. In Honigman, J. J. (ed.), *Handbook of Social and Cultural Anthropology* (pp. 89–110). Chicago.

1987. Cross-Current in the Theory of State Formation. *American Ethnologist* 14: 756–770.

Claessen, H. J. M. 1978. The Early State in Thaiti. In Claessen and Skalnik 1978: 441–468.

1985. From the Franks to France – the Evolution of Sociopolitical Organization. In Claessen, van de Velde, and Smith 1985: 196–218.

1987. Redistributie en andere zaken; de econome van de Vroege Staat. In van Bakel, M., and van der Vliet, E. (eds.), *Verdelen en Heersen* (pp. 39–74). Leiden.

1988. Tongan Traditions – on Model-Building and Historical Evidence. *Bijdragen tot de Taal-Landen Volkenkunde* 144: 433–444.

Claessen, H. J. M., and Skalnik, P. (eds.) 1978. *The Early State*. The Hague: Mouton.

1981. *The Study of the State*. The Hague: Mouton.

Claessen H. J. M. and van de Velde P. (eds.) 1987. *Early State Dynamics*. Leiden: Brill.

Claessen, H. J. M., van de Velde, P., and Smith, M. E. 1985 (eds.). *Development and Decline; The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley: Bergin and Garvey.

1987. Introduction. In Claessen and van de Velde 1987: 1–23.

Cohen, R. 1981. Evolutionary Epistemology and Human Values. *Current Anthropology* 22: 201–218.

1985. Warfare and State Formation. In Claessen, van de Velde, and Smith 1985: 276–289.

D'Altory, T., Earle, T. 1985. Staple Finance, Wealth Finance, and Storage in the Inca Political Economy. *Current Anthropology* 26: 187–206.

Dostal, W. 1984. Socio-Economic Formations and Multiple Evolution. In Dostal, W. (ed.), *On Social Evolution. Contributions to Anthropological Concepts* (pp. 170–183). Vienna.

1985. *Egalität und Klassengesellschaft in Südarabien. Anthropologische Untersuchungen zur sozialen Evolution*. Vienna: Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. Vol. XX.

Eisenstadt, S. N., Abitbol, M., and Chazan, N. 1988. *The Early State in African Perspective*. Leiden: Brill.

Ekhholm, K. 1977. External Exchange and Transformation of Central African Social Systems. In Friedman, J., and Rowlands, M. (eds.), *The Evolution of Social Systems* (pp. 115–136). London.

Firth, R. 1963. *We, the Tikopia*. Boston.

Force, R., and Force, M. 1972. *Just One House. A Description and Analysis of Kingship in the Palau Islands* (p. 235). Honolulu: B. P. Bishop Museum Bulletin.

Fried, M. H. 1967. *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. New York: Random House.

Friedman, J. 1979. *System, Structure and Contradiction: the Evolution of "Asiatic" Social Formations*. Copenhagen.

1982. Catastrophe and Continuity in Social Evolution. In Renfrew, C., Rowlands, M., and Abbott Seagraves, B. (eds.), *Theory and Explanantation in Archaeology* (pp. 175–196). New York.

Geerts, C. 1963. Agricultural Involution. *The Process of Ecological Change in Indonesia*. Berkeley.

Gingrich, A. 1984. Beyond the Periphery. In Dostal, W. (ed.), *On Social Evolution. Contributions to Anthropological Concepts* (pp. 141–169). Vienna.

Gledhill, J., and Rowlands, M. 1982. Materialism and Socio-Economic Process in Multilinear Evolution. In Renfrew, C., and Shennan, S. (eds.), *Ranking, Resource and Exchange* (pp. 144–149). Cambridge.

- Godelier, M.** 1969. La notion de «production asiatique» et les schémas Marxistes d'évolution des sociétés. In Garaudy, R. (ed.), *Sur le mode de production asiatique* (pp. 7–100). Paris.
1978. Infrastructure, Society and History. *Current Anthropology* 19: 763–771.
- Gunawardana, R. A. L. H.** 1981. Social Function and Political Power: a Case Study of State Formation in Irrigation Society. In Claessen and Skalnik 1981: 219–245.
1985. Total Power or Shared Power? A Study of the Hydraulic State and its Transformation in Sri Lanka from the third to the ninth century A. D. In Claessen, van de Velde, and Smith 1985: 219–245.
- Hallpike, C.** 1986. *The Principles of Social Evolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Harris, M.** 1968. *The Rise of Anthropological Theory*. London.
1979. *Cultural Materialism. The Struggle for a Science of Culture*. New York: Radmon House.
- Hindess, B., Hirst, P.** 1975. *Pre-Capitalist Modes of Production*. London.
- Johnson, A. W., and Earle, T.** *The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford (Cal.): Stanford University Press.
- Johnson, G.** 1978. Information Sources and the Development of Decision Making Organizations. In Redman, C., et al. (ed.), *Social Archaeology: Beyond Subsistence and Dating* (pp. 87–112). New York.
1982. Organizational Structure and Scalar Stress. In Renfrew, C., et al. (ed.), *Theory and Explanation in Archaeology* (pp. 389–421). New York.
- De Josselin de Jong, P. E.** 1951. *Minangkabau and Negri Sembilan. Socio-political Structure in Indonesia*. Leiden.
- Kemp, J.** 1978. Cognatic Descent and Generation of Social Stratification in Southeast Asia. *Bijdragen tot de Taal-Landen Volkenkunde* 134: 63–86.
- Kennedy, P.** 1988. *The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Political Conflict from 1500 to 2000*. New York.
- Khazanov, A. M.** 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kirch, P.** 1984. *The Evolution of the Polynesian Chieftdoms*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kloos, P.** 1971. *The Maroni River Caribs of Surinam*. Assen.
- Korn, S. R.** 1978. Hunting the Ramage: Kinship and the Organization of Political Authority in Aboriginal Tonga. *The Journal of Pacific History* 13: 107–113.
- Kottak, C. Ph.** 1972. Ecological Variables in the Origin and Evolution of African States. *Comparative Studies in Society and History* 14: 351–380.
- Krader, L.** 1975. *The Asiatic Mode of Production*. Assen: Van Gorcum.
- Labby, D.** 1976. *The Demystification of Yap*. Chicago.
- Leach, E. R.** 1954. *Political Systems of Highland Burma*. London.
- Levi-Strauss, C.** 1949. *Les structures élémentaires de la parenté*. Paris.
- Lewis, H. R.** 1981. Warfare and the Origins of the State. Another Formulation. In Claessen and Skalnik 1981: 201–222.
- Muller, J.-C.** 1985. Political Systems as Transformations. In Claessen, van de Velde, and Smith 1985: 62–81.

Nason, J.-C. 1974. Political Change: an Other Island Perspective. In Highes, D. T., and Lingenfelter, S. G. (eds.), *Political Development in Micronesia* (pp. 119–143). Columbus, Ohio.

Nettleship, M. A., Givens, R. D., Nettleship, A. (eds.) 1975. *War. Its Causes and Correlates*. The Hague.

Ottino, P. 1972. *Rangiroa, parenté, étendue, résidence et terres dans un atoll polynésien*. Paris.

Panda, S. K. 1986. *Herrschaft und Verwaltung im östlichen Indien unter den späten Gangas. Beiträge zur Südasiensforschung*. Wiesbaden: Südasiensinstitut Universität Heidelberg, Bd. 110.

Parijs, P. 1981. *Evolutionary Explanation in the Social Sciences: an Emerging Paradigma*. Totowa, New York.

Price, B. 1977. Shifts in Production and Organization. A Cluster-Interaction Model. *Current Anthropology* 18: 209–34.

Renfrew, C. 1972. *The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the Third Millennium B. C.* London.

1973. *Before Civilization. The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe*. London.

1974. Beyond a Subsistence Economy, the Evolution of Social Organization in Prehistoric Europe. In Moore, C. B. (ed.), *Reconstructing Complex Societies* (pp. 69–95). (Bulletin of the American Schools of Oriental Research, No 20). Ann Arbor.

Renfrew, C., and Cherry, J. F. (eds.) 1986. *Peer Polity Interaction and Socio-political Change*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sahlins, M. D. 1960. Evolution: Specific and General. In Sahlins and Service 1960: 12–44.

1961. The Segmentary Lineage: An Organization of Predatory Expansion. *American Anthropologist* 63: 332–345.

1963. Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief. Political Types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies in Society and History* 5: 285–303.

Sahlins, M. D., and Service, E. R. (eds.) 1960. *Evolution and Culture*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Sanders, W. 1974. Chieftdom to State: Evolution at Kaminaljuyu, Guatemala. In Moore, C. (ed.), *Reconstructing Complex Societies* (pp. 97–121). (Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Vol. 20). Cambridge.

Service, E. R. 1971. *Primitive Social Organization*. 2nd ed. New York: Random House.

1975. *Origins of the State and Civilization*. New York: Norton.

Shifford, P. A. 1987. Aztecs and Africans. Political Processes in Twenty-two Early States. In Claessen and van de Velde 1987: 39–53.

Steward, J. H. 1949. Cultural Causality and Law. A Trial Formulation of the Development of Early Civilizations. *American Anthropologist* 51: 1–25.

1955. *Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution*. Urbana: University of Illinois Press.

1968. Causal Factors and Process in the Evolution of Pre-farming Societies. In Lee, R. B., and Devore, I. (eds.), *Man the Hunter* (pp. 321–334). New York.

- Taitner, J.** 1988. *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge.
- Testart, A.** 1982. *Les chasseurs-cueilleurs, ou l'origine des inegalites*. Paris: Institut de l'Ethnographie.
- Tökei, F.** 1962. *Zur Frage der Asiatischen Produktionsweise*. Berlin.
- Toland, J. D.** 1987. Discrepancies and Dissolution. Breakdown of the Early Inka State. In Claessen and van de Velde 1987: 138–153.
- Townsend, J. B.** 1985. The Autonomous Village and the Development of Chiefdoms. In Claessen, van de Velde, and Smith 1985: 141–155).
- Tymowski, M.** 1987. The Early State and after in Precolonial West Sudan. Problems of the Stability of Political Organizations and Obstacles to their Development. In Claessen and van de Velde 1987: 54–69.
- Ulmen, G. L.** 1978. *The Science of Society. Toward an Understanding of the Life and Work of Karl Wittfogel*. The Hague.
- Vayda, A. P. (ed.)** 1969. *Environment and Cultural Behavior*. New York: Garden City.
- Voget, F. W.** 1975. *A History of Ethnology*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Webb, M.** 1975. The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation. In Lamberg-Karlovski, C., and Sabloff, J. (eds.), *Ancient Civilization and Trade* (pp. 155–210). Albuquerque.
- White, L. A.** 1949. *The Science of Culture. A Study of Man and Civilization*. New York: Farrar, Straus and Company.
- Wilkinson, R.** 1974. *Poverty and Progress. An Ecological Perspective on Economic Development*. New York.
- Wittfogel, K. A.** 1957. *Oriental Despotism*. New Haven: Yale University Press.
- Yoffee, N.** 1979. The Decline and Rise of Mesopotamian Civilization: An Ethnoarchaeological Perspective on the Evolution of Social Complexity. *American Antiquity* 44: 5–35.

Часть II

Были ли у раннего государства альтернативы и аналоги?

- Р. Л. Карнейро
Теория происхождения государства
- Х. Дж. М. Классен
Было ли неизбежным появление государства?
- Л. Е. Гринин
Раннее государство и его аналоги
- Д. М. Бондаренко
Гомоархия как принцип социально-политической организации (постановка проблемы и введение понятия)
- Н. Н. Крадин
Археологические признаки цивилизации

3

*Теория происхождения государства**

Р. Л. Карнейро

Американский музей естественной истории, Нью-Йорк

На протяжении первых двух миллионов лет своего существования люди жили локальными группами или общинами, которые, насколько мы можем судить, были полностью автономны. Только примерно за 5000 лет до н. э. общины стали объединяться в более крупные политические единицы. Однажды начавшись, этот процесс объединения продолжался со все возрастающей скоростью и привел к формированию примерно за 4000 лет до н. э. первых в истории государств (говоря о государстве, я подразумеваю автономную политическую единицу, включающую многие общины в рамках своей территории и имеющую централизованное правительство с полномочиями сбора налогов, призыва людей на работу или войну, а также издания и исполнения законов).

Несомненно, возникновение государства было политической инновацией в истории человечества, имевшей наибольшие перспективы, однако эта инновация все еще не в полной мере осмыслена. В самом деле, ни одна из существующих в настоящее время теорий возникновения государства не является полностью удовлетворительной. В том или ином аспекте все они имеют недостатки. Впрочем, есть одна теория, которая, по моему мнению, убедительно объясняет, как возникло государство. Это теория, которую я предложил ранее (Carneiro 1961, особенно см. с. 59–64) и которую я представляю здесь в более полной форме. Однако, прежде чем сделать это, мне кажется, желательно вкратце обсудить некоторые из традиционных теорий.

Детально разработанные теории происхождения государства появились сравнительно недавно. Классические авторы, такие как Аристотель, незнакомые с другими формами политической организации, склонялись к мысли, что существование государства «естественно» и соответственно не требует объяснения. Однако эпоха открытий заставила европейцев осознать, что многие народы по всему миру живут не в государствах, но в автономных общинах или племенах, что заставило считать существование государства менее естественным и, таким образом, требующим объяснения.

Из всего множества предлагаемых современных теорий происхождения государства мы можем принять во внимание лишь некоторые.

Карнейро Р. Л. / Теория происхождения государства, с. 55–70

Например, теории, основанные на национальных факторах, к настоящему времени настолько детально опровергнуты, что нет необходимости рассматривать их в данной работе. Мы также можем отбросить убеждение, что государство есть выражение «гениальности» какой-либо нации¹, или что оно явилось результатом «исторической случайности». Такие представления делают возникновение государства явлением метафизическим или случайным и, таким образом, помещают его за пределы научного понимания. По моему мнению, возникновение государства не было ни мистическим, ни случайным явлением. Оно не было продуктом деятельности «гения» или результатом удачного стечения обстоятельств, но результатом закономерного и детерминированного культурного процесса. Более того, это было не уникальным, но повторяющимся феноменом: государства появлялись независимо друг от друга в разных местах и в разное время. Там, где в наличии были соответствующие условия, появлялись государства.

ВОЛОНТАРИСТСКИЕ ТЕОРИИ

Серьезные теории возникновения государства делятся на два основных типа: *волютаристские* и *теории принуждения*. Волютаристские теории утверждают, что в какой-то момент своей истории определенные народы спонтанно, рационально и добровольно отказываются от своего индивидуального суверенитета и объединяются с другими общинами, чтобы сформировать более крупную политическую единицу, достойную быть названной государством. Наиболее известной из этих теорий является старая теория Общественного договора, которую связывают с Руссо. Теперь мы знаем, что никакой подобный договор никогда не подписывался человеческими группами, и теория Общественного договора сегодня не более, чем историческая диковина.

Наиболее широко распространенная из современных волютаристских теорий – это теория, которую я бы назвал «автоматической теорией». Согласно этой теории, изобретение земледелия автоматически приводит к появлению прибавочного продукта, что позволяет некоторым индивидам отделиться от производства питания и стать гончарами, ткачами, плотниками, каменотесами и т. д., таким образом, создавая дальнейшее разделение труда. Из этой профессиональной специализации развивалась политическая интеграция, которая объединила некоторое число до этого независимых общин в государство. Этот аргумент чаще всего приводился британским археологом В. Г. Чайлдом (см., например: Childe 1936: 82–83; 1950: 6).

Принципиальным противоречием этой теории является то, что сельское хозяйство *не создает* автоматически прибавочного продукта. Мы знаем об этом, так как многие земледельческие народы мира производят мало прибавочного продукта. Практически все индейцы Амазонки, например, были земледельцами, но в первобытные времена они

не производили прибавочного продукта. То, что технически производить такой прибавочный продукт было для них вполне реально, доказывается тем фактом, что под воздействием предложений европейских поселенцев продавать им продукты питания ряд племен смогли начать выращивать маниок на продажу в объемах, значительно превосходивших их собственные нужды². Таким образом, технические возможности для производства прибавочного продукта там были: не было социальных механизмов для их реализации.

Другая современная волюнтаристская теория возникновения государства – это «гидравлическая гипотеза» Карла Виттфогеля. Как я понимаю, Виттфогель видит возникновение государства следующим образом. В определенных засушливых и полузасушливых регионах мира земледельцы-общинники изо всех сил старались прокормиться с помощью мелкомасштабной ирригации, затем настал момент, когда они поняли, что будет больше пользы для всех, если отбросить индивидуальную автономию и объединить свои деревни в одну большую политическую единицу, способную осуществлять ирригацию в крупных масштабах. Органы власти, которые были созданы для разработки и управления такими обширными ирригационными работами, и образовали государство³.

Эта теория столкнулась недавно с некоторыми затруднениями. Археологические данные показывают, что по крайней мере в трех районах, которые Виттфогель приводит в качестве иллюстрации своей «гидравлической гипотезы»: Месопотамии, Китае и Мексике, – развитое государство появилось задолго до широкомасштабной ирригации⁴. Таким образом, ирригация не была причиной появления государства и не играла той роли, которую приписывал ей Виттфогель⁵.

Эта и другие волюнтаристские теории возникновения государства наталкиваются на один и тот же подводный камень: очевидную неспособность автономных политических единиц отказаться от своего суверенитета при отсутствии доминирующего внешнего принуждения. Мы видим, что эта неспособность демонстрируется вновь и вновь политическими единицами, начиная от маленьких сельских общин и заканчивая великими империями. На самом деле, можно изучать страницы истории и не найти ни одного истинного исключения из этого правила. Таким образом, чтобы рассмотреть возникновение государства, мы должны отвергнуть волюнтаристские теории и поискать решение проблемы происхождения государства где-то в другом месте.

ТЕОРИИ ПРИНУЖДЕНИЯ

Внимательное изучение истории показывает, что только теория принуждения может объяснить возникновение государства. Принуждение, а не просвещенная заинтересованность, есть механизм, который шаг за шагом направлял политическую эволюцию от автономных общин к государству.

Мнение о том, что в основе государства лежит война, отнюдь не является чем-то новым. Две с половиной тысячи лет назад Гераклит писал, что «война – это мать всех вещей». Однако первое тщательное исследование роли войны в становлении государства было сделано менее ста лет назад Гербертом Спенсером в его «Основаниях социологии» (см.: Carneiro 1967: 32–47, 63–96, 153–165). Возможно, более известными, чем работы Спенсера о войне и государстве, являются теории завоевания европейских авторов, таких как Людвиг Гумплович (Gumplowicz 1883), Густав Ратценхофер (Ratzenhofen 1893) и Франц Оппенгеймер (Oppenheimer 1926).

Например, Оппенгеймер утверждал, что государство появилось, когда производительная способность оседлых земледельцев объединилась с энергией кочевых скотоводов через завоевание первых последними (Oppenheimer 1926: 51–55). Впрочем, у этой теории имеется два серьезных недостатка. Во-первых, не удается объяснить появление государства в древней (первобытной) Америке, где кочевое скотоводство не было известно. Во-вторых, сейчас хорошо известно, что кочевое скотоводство в Старом Свете появилось только после появления там самых ранних государств.

Однако, несмотря на недостатки отдельных теорий принуждения, остается мало сомнений, что в той или иной степени война сыграла решающую роль в подъеме государства. Исторические или археологические данные об активных военных действиях были обнаружены для ранних стадий формирования государства в Месопотамии, Египте, Индии, Китае, Японии, Греции, Риме, Северной Европе, Перу, Колумбии, если ограничиться упоминанием только наиболее выдающихся примеров.

Так, говоря о германских племенах Северной Европы, Эдвард Дженкс замечает, что «с исторической точки зрения нет ни малейших трудностей в доказательстве того, что все политические общины современного типа (то есть государства) существуют благодаря успешным войнам» (Jenks 1900: 73). А читая книгу Яна Вансины «Королевства саванны» (Vansina 1966), где не преследуются теоретические цели, можно обнаружить, как раз за разом государства Центральной Африки появлялись именно подобным образом.

Но действительно ли из этого правила нет исключений? Неужели нигде в мире нельзя найти примера государства, появившегося не под влиянием войны?

В целом до недавнего времени антропологи считали, что классические майя представляли собой такой пример. В имевшихся тогда археологических данных не было никаких намеков на войну среди ранних майя, что привело ученых к рассмотрению их как миролюбивого теократического государства, которое появилось абсолютно без войны⁶. Однако это мнение более нельзя считать обоснованным. Недавние археологические открытия показали классических майя совершенно в

другом свете. Сначала произошло открытие бонампакских фресок, показывающих древних майя на войне и наслаждающихся мучениями военнопленных. Затем при раскопках вокруг Тикаля были открыты огромные земляные укрепления, частично окружавшие этот город древних майя, что ясно указывает на военное соперничество с соседним городом Вашактуном (Puleston, Callender 1967: 45, 47). Суммируя современные точки зрения по данной проблеме, Майкл Д. Коу отметил, что «древние майя были такими же воинственными, как и ...кровожадные государства постклассического периода» (Сое 1966: 147).

Однако, хотя война, несомненно, и является главным двигателем возникновения государства, она не может быть единственным фактором. В конце концов, войны велись во многих частях света, где государства так никогда и не появлялись. Таким образом, наряду с тем, что война может быть необходимым условием возникновения государства, это не есть единственное условие. Или, другими словами, хотя мы и можем обозначить войну в качестве *механизма* образования государства, нам также необходимо выделить *условия*, при которых она дает начало государству.

СРЕДОВАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ

Как же нам следует определить эти условия? Один из многообещающих подходов – это поиск факторов, общих для тех регионов мира, где независимо появлялись государства (таких регионов, как долины Нила, Тигра и Евфрата, долина Инда в Старом Свете и долина Мехико, а также горные и прибрежные равнины Перу в Новом Свете). Эти районы отличаются друг от друга по многим аспектам – таким, как высота над уровнем моря, среднегодовая температура, количество выпадаемых осадков, тип почвы, – а также по другим характеристикам. Но, однако, у них есть одна общая черта: *это все районы ограниченных средой земель, пригодных для земледелия*. Каждый из этих регионов ограничен горами, морями или пустынями, и эти природные условия определяют четкую границу районов, которые земледельческие народы могут занимать и осваивать. В этом отношении данные регионы очень сильно отличаются от, скажем, бассейна Амазонки или восточных лесных массивов Северной Америки, где огромные и нетронутые леса обеспечивали почти неограниченный запас сельскохозяйственных угодий.

Но каково же значение ограниченных средой сельскохозяйственных земель для возникновения государства? Это значение лучше всего понять, сравнив политическое развитие двух регионов мира с противоположной экологией: один регион – с сельскохозяйственными землями, ограниченными средой, а другой регион – с обширными и неограниченными средой землями. Два региона, которые я выбрал для этого сравнения, – это прибрежные долины Перу и бассейн Амазонки.

Наше исследование начинается на этапе, когда земледельческие общины уже существовали, но каждая из них была все еще полностью

автономна. Сначала, рассмотрев бассейн Амазонки, мы увидим, что земледельческие общины там были многочисленны, но сильно рассредоточены. Даже в районах со сравнительно плотным расположением поселений, например в бассейне Верхнего Шингу, деревни находились по меньшей мере в 10–15 милях друг от друга. Таким образом, типичная община Амазонии, даже несмотря на практиковавшуюся там простую форму переложного земледелия, требовавшего огромных площадей земли, все равно имела в своем распоряжении достаточное количество лесных массивов, чтобы получить необходимый для обработки объем земель (см.: Carneiro 1960: 229–234). В целом для Амазонии в то время была характерна низкая плотность населения, и демографическое давление было слабым.

Войны, несомненно, были частым явлением в Амазонии, но они велись по причине мести, с целью захвата женщин, для личного престижа и по другим мотивам подобного рода. Там не было недостатка земель, и, в общем и целом, не было войны за землю.

Последствия войн того типа, что происходили в Амазонии, были следующие. Побежденная группа, как правило, не смещалась со своей территории. Также победители не делали никаких реальных попыток подчинить побежденных или получить от них дань. Это было трудно-выполнимо в любом случае, так как не было никакого эффективного способа помешать проигравшим спастись бегством в отдаленной части лесных территорий. В самом деле, побежденные деревенские общины часто выбирали именно этот вариант не столько во избежание подчинения другими общинами, сколько чтобы уйти от последующих атак. С разбросанными поселениями в Амазонии можно было относительно легко найти и занять новый район лесной зоны, не вклиниваясь при этом в территорию, контролируемую другой деревенской общиной. Более того, так как фактически любой район леса был пригоден для возделывания, сельскохозяйственное производство продуктов питания можно было осуществлять на новом месте так же, как и на старом.

По-видимому, в процессе этих войн и перемещений земледельческие племена постепенно распространялись до тех пор, пока не заняли, относительно неплотно, почти все обширные территории бассейна Амазонки. Таким образом, при условии неограниченных пахотных земель и низкой плотности населения, преобладавшей в Амазонии, эффект войны проявлялся в рассредоточении деревень на обширном пространстве и поддержании их автономии. За несколькими исключениями, перечисленными ниже, в Амазонии не наблюдалась тенденция, чтобы деревни оставались на одном месте и объединялись в более крупные политические единицы.

Поразительным контрастом ситуации в Амазонии были события в узких прибрежных долинах Перу. Представляемая мной реконструкция этих событий выведена общеизвестным дедуктивным путем, но, думаю, она согласуется и с археологическими данными.

Здесь так же наше рассмотрение начинается со стадии небольших разбросанных автономных земледельческих общин. Однако общины здесь были не рассредоточены, как на обширном пространстве дождевых лесов в Амазонии, а были ограничены примерно 78 короткими и узкими долинами⁷. Более того, каждая из этих долин была ограничена горами с одной стороны, морем – с другой, а по обе стороны располагались пустыни, засушливые, как нигде в мире. Вероятно, нигде больше нельзя найти более резко ограниченных для земледелия долин, чем здесь.

Как неолитические поселения в целом, деревни Перуанского побережья имели тенденцию разрастаться. Так как автономные общины, вероятно, имеют тенденцию распадаться по мере роста, до тех пор пока есть земля, доступная для отколовшихся поселений, несомненно, эти деревни время от времени разделялись⁸. Таким образом, имела тенденция увеличения числа деревень, которое росло быстрее, чем их размеры. Этот рост количества деревень, занимающих долину, по-видимому, продолжался, препятствуя значительным изменениям в производстве продуктов питания, до тех пор пока вся пахотная земля в долине не была освоена.

На этой стадии начали происходить два изменения в технологии земледелия: обработка уже возделываемой почвы стала более интенсивной, а новые, прежде непригодные, земли начали обрабатываться с помощью террасирования склонов и ирригации (см.: Carneiro 1958).

Впрочем, объемы новых пахотных земель не успевали за растущей потребностью в них. Уже до того, как недостаток земли стал настолько острым, что применение ирригации стало систематическим, общины, несомненно, воевали друг с другом за земли. До этого, когда число земледельческих общин было еще не большим, и они были обеспечены землей, войны, которые велись в прибрежных долинах Перу, возможно, были по большей части такие же, как описанные ранее для Амазонии. Однако с растущим демографическим давлением главные стимулы войны изменились с жажды мести на необходимость получения новых земель. И поскольку причины войн стали по большей части экономическими, их частота, интенсивность и значимость возрастала.

Когда эта стадия была достигнута, проигравшая в войне перуанская деревня сталкивалась с последствиями, весьма отличными от тех, с какими сталкивалась побежденная деревня в Амазонии. Там, как мы видели, побежденные могли уйти на новое место жительства, добывая пропитание так же, как и раньше, и при этом сохраняя независимость. Однако в Перу для жителей проигравшей деревни такой альтернативы больше не было. Горы, пустыня и море – не говоря уже о соседних деревнях – блокировали пути к спасению во всех направлениях. Таким образом, перспективы для проигравшей деревни ожидалась весьма мрачные. Если общине разрешалось оставаться на своей территории, вместо истребления или изгнания, то такое послабление возможно было только за определенную цену. И этой ценой было политическое

подчинение победителю. В целом такая зависимость влекла за собой по меньшей мере выплату дани или налога, что побежденная деревня могла обеспечить, только производя продуктов больше, чем производила ранее. Но подчинение подчас приводило к дальнейшей потере побежденной общиной своей независимости, а именно включение в политическую единицу, где доминировал победитель.

На фоне повторяющихся войн подобного рода мы наблюдаем возникновение в прибрежном Перу объединенных территориальных единиц, превосходящих общину по размерам и степени организации. Политическая эволюция достигала уровня вождества.

Так как нехватка земли сохранялась и даже становилась все более острой, продолжались и обострялись войны. Впрочем, теперь конкурирующими единицами зачастую были не маленькие общины, а большие вождества. Начиная с этого момента посредством завоевания вождества другим вождеством размер политических единиц увеличивался в геометрической прогрессии. Естественно, с увеличением размеров независимых политических единиц их число уменьшалось, и в результате вся долина, по-видимому, была полностью объединена под властью самого сильного вождества. Образовавшаяся таким образом политическая единица была, несомненно, достаточно централизована и сложна, чтобы иметь право называться государством.

Политическая эволюция, описанная мною для одной долины Перу, происходила и в других долинах, в высокогорьях, а также на побережье⁹.

Когда появились государства, занимавшие долину целиком, следующим шагом было формирование государств, состоящих из нескольких долин, путем завоевания более слабых более сильными. Кульминацией этого процесса было завоевание всего Перу¹⁰ самым могущественным государством и формирование единой великой империи. Хотя подобный скачок мог совершаться не раз, и не два в истории Анд, наиболее заметно в последний раз он был сделан инками¹¹.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

В то время как объединение общин в вождества и вождеств в государства происходило путем внешних завоеваний, структура этих постепенно увеличивающихся политических единиц внутренне развивалась. Эти внутренние изменения были, конечно, тесно связаны с внешними событиями. В результате успешной экспансии государства включали в свои владения завоеванные народы и территории, которыми нужно было управлять. И в основном именно индивиды, отличившиеся в войне, назначались на политические должности и выполняли задачи управления. Помимо утверждения законов и указов и сбора налогов, в функции этого растущего класса управленцев входила мобилизация населения для строительства ирригационных сооружений, дорог, крепостей, дворцов и храмов. Таким образом, эти функции помогали объ-

единить совокупность неоднородных мелких государств в единую интегрированную и централизованную политическую единицу.

Те индивиды, кому удалось улучшить свое социальное положение благодаря военным подвигам, стали наряду с правителем и его кровными родственниками ядром высшего класса. Более низкий класс, в свою очередь, сформировался из пленников, захваченных на войне и используемых в качестве слуг и рабов. Таким образом, война способствовала появлению социальных классов.

Ранее я отмечал, что люди старались завладеть землей соседей до того, как полностью используют возможности своей земли. Это предполагает, что у каждой автономной общины был неиспользованный резерв производительности и что этот резерв используется, только когда деревня покорена и вынуждена платить натуральную дань. Прибавочный продукт, получаемый от завоеванных деревень посредством взимания дани, в совокупности достигавший довольно значительных размеров, шел в основном на содержание правителя, его воинов и слуг, чиновников, священников и других членов зарождающегося высшего класса, который, таким образом, полностью отделился от производства продуктов питания.

Наконец, те, кто остался без земли в результате военных действий, но не был порабощен, обычно притягивались к поселениям, которые вследствие своей специфической административной, коммерческой или религиозной функции превращались в большие и маленькие города. Здесь они могли заработать пропитание в качестве работников и ремесленников, обменивая свой труд или изделия на часть экономического прибавочного продукта, который правящий класс получает от земледельцев общин и тратит на повышение своего уровня жизни.

Процесс политической эволюции, который я обрисовал, в прибрежных долинах Перу был по своим основным характеристикам отнюдь не уникальным, свойственным только для этого региона. В районах с ограниченным запасом сельскохозяйственных угодий в других частях света, таких как долина Мехико, Месопотамия, долина Нила, долина Инда, наблюдался во многом схожий процесс, имевший в своей основе те же причины. В этих районах также вслед за автономными общинами неолита появились вождества, за вождествами – государства, а за государствами – империи. Последняя стадия этого развития, была, конечно, наиболее впечатляющей. Масштабы и роскошь ранних империй затмили все, что было до этого. Но в каком-то смысле империи были всего лишь логической кульминацией процесса. Действительно, главным шагом, запустившим всю цепь событий, приведших к образованию империй, был сдвиг от автономной общины к надобщинной интеграции. Этот шаг был качественным изменением; все последующее было, в какой-то мере, только изменением степени.

К тому же этот кардинальный шаг к надобщинному объединению был трудным, так как потребовалось два миллиона лет, чтобы его сде-

лать. Но когда он был сделан, когда был преодолен уровень автономной общины, потребовалось всего лишь две или три тысячи лет для подъема великих империй и расцвета сложных цивилизаций.

КОНЦЕНТРАЦИЯ РЕСУРСОВ

Любая теория формулируется сначала на основе ограниченного числа фактов. Впрочем, со временем теория встречается с новыми фактами. А новые факты зачастую упрямы и не вписываются в теорию, или не совсем согласуются с ней. Что отличает удачную теорию от неудачной, так это то, что ее можно модифицировать или развивать, чтобы адаптировать ко всему диапазону фактов. Рассмотрим, как «теория ограниченности» выдержит столкновение с определенными фактами, которые кажутся исключениями.

Для первой проверки давайте вернемся в Амазонию. Первые путешественники по Амазонке оставили письменные свидетельства о культуре на берегу этой реки, с более высоким развитием, чем описанное мною для Амазонии в целом. В 1500-е годы плотность коренного населения, жившего по берегам Амазонки, была относительно высокой, деревни были сравнительно большими и располагались близко друг к другу, также существовал определенный уровень социальной стратификации. Более того, в некоторых местах верховный вождь имел власть над несколькими общинами.

Сразу возникает вопрос: почему же здесь, с нетронутыми пространствами земель, пригодных для земледелия и простирающихся от Амазонки вглубь на сотни километров, появились вождества?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны рассмотреть природные условия Амазонки. По берегам самой реки и на ее островах существует тип земель, называемый *várzea*. Река заливает эти земли каждый год, покрывая их слоем плодородного ила. Из-за этой ежегодной подпитки *várzea* является первоклассной почвой, которую можно культивировать год за годом, не оставляя под паром. Таким образом, среди местных земледельцев она высоко ценилась, и ею стремились завладеть. Воды Амазонки также необычайно щедры: рыба, ламантины, черепахи и черепахи яйца, кайманы и другие речные продукты в неисчислимых количествах. Благодаря такой концентрации ресурсов, Амазонка как место жительства значительно превосходила по привлекательности районы, расположенные вдали от прибрежной полосы.

Концентрация ресурсов вдоль берега Амазонки была, по сути, своего рода ограничением. Хотя здесь и не существовало четкого разделения на плодородные и неплодородные земли, как это было в Перу, налицо по крайней мере сильные экологические отклонения. Так, гораздо более благодатными, чем прилегающие районы, были берега Амазонки, и они стали настолько желанными в качестве места проживания, что народы тянулись сюда из прилегающих районов. Повидимому, произошло уплотнение населения вдоль многих частей ре-

ки, что привело к войнам за участки вдоль реки. И проигравшие в войне, чтобы снова получить доступ к реке, часто не имели никакого другого выбора кроме как покориться победителям. Через такое подчинение общины главному вождю появились вдоль Амазонки вождества, представлявшие более высокую стадию политической эволюции, чем где-либо еще в бассейне реки¹².

Понятие концентрации ресурсов также помогает объяснить тот удивительный уровень политического развития, вероятно, достигнутый народами перуанского побережья в то время, когда они все еще зависели преимущественно от рыболовства как средства пропитания и только во вторую очередь от сельского хозяйства (Lanning 1967: 57–59). Об этой кажущейся аномалии писал Лэннинг: «Насколько мне известно, это единственный случай, где столько много признаков цивилизации можно обнаружить без сельскохозяйственной экономической основы» (Lanning 1967: 59).

Однако, вооружившись понятием концентрации ресурсов, мы можем показать, что в конечном счете это развитие не было таким уж аномальным. Объяснение, как мне кажется, в следующем. Вдоль побережья Перу дикорастущие культуры, являвшиеся источником питания, встречались в значительных количествах и разнообразии. Однако они росли на очень ограниченной, узкой полосе земли.¹³ Соответственно *изобилие* продуктов питания в этой зоне привело к резкому росту населения, в то же время *ограниченность* таких участков вскоре привела к почти полному занятию используемых районов. И когда давление на имеющиеся в распоряжении ресурсы достигло критической точки, началось соперничество за земли. Результатом этого соперничества было приведение в действие описанной мною последовательности событий политической эволюции.

Таким образом, оказывается, что мы спокойно можем включить концентрацию ресурсов и средовую ограниченность как факторы, ведущие к войнам за землю и, значит, к политической интеграции над уровнем общины.

СОЦИАЛЬНАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ

Но остается еще один фактор, который необходимо рассмотреть в связи с возникновением государства.

Обсуждая теорию природных ограничений при рассмотрении индейцев яномама в Венесуэле, Наполеон А. Шаньон (Chagnon 1968: 249, особенно с. 251; см. также: Fock 1964: 52) представил понятие «социальных ограничений». Он имеет в виду, что высокая плотность населения в каком-либо регионе может оказать влияние на народы, живущие в центре данного района, похожее с влиянием природных ограничений. Это понятие представляется мне важным дополнением к нашей теории. Рассмотрим, как, согласно Шаньону, социальные ограничения действовали среди яномама.

Яномама, численность которых была около 100 тыс. человек, жили на огромной неограниченной территории дождевых лесов вдали от какой-либо большой реки. Можно было бы ожидать, что деревни яномама будут, таким образом, более или менее равномерно распределены. Однако Шаньон отмечает, что в центральной части территории яномама деревни располагаются ближе друг к другу, чем на периферии. По этой причине они больше вторгаются на территории друг друга, результатом чего являются более частые и интенсивные войны в центре, чем в периферийных районах. Более того, деревням, расположенным в центре, сложнее избежать нападений, переместившись в другое место, так как в отличие от деревень на периферии, их способность перемещаться в некоторой степени ограничена.

В результате деревни в центре территории яномама крупнее, чем деревни в других районах, так как большой размер деревни является преимуществом как при нападении, так и при обороне. Дополнительным эффектом более интенсивных военных действий в центре района является то, что лидеры здесь могущественнее. Вожди яномама – это еще и военные лидеры, и их влияние растет пропорционально участию их деревни в войне. Кроме того, наступательные и оборонительные союзы между общинами больше распространены в центре территории яномама, чем на внешних границах. Таким образом, все еще находясь в плане политической организации на уровне автономного поселения, те яномама, что испытывали социальную ограниченность, явно продвинулись на шаг или два в направлении более высокого политического развития.

Хотя для яномама характерна весьма умеренная социальная ограниченность, этого оказалось достаточно, чтобы создать различия в уровне политической организации. Следовательно, должно быть понятно, какими будут результаты в районах с более выраженной социальной ограниченностью. Сначала последует сокращение размеров территории, контролируемой каждой отдельной деревенской общиной. Затем, когда демографическое давление станет еще более сильным, последуют войны за землю. Но так как прилегающие территории на мили вокруг уже являются собственностью других деревень, проигравшей общине негде будет искать прибежище. Начиная с этого момента результаты войны для данной деревни и для политической эволюции в целом будут в основном такими, как я описал их для ситуации средовой ограниченности.

Возвращаясь к Амазонии, ясно, что если социальные ограничения действуют среди яномама сегодня, то они определенно оказывали влияние на племена в бассейне Амазонки 400 лет назад. И это влияние, несомненно, стало стимулом дальнейшей политической эволюции в этом регионе.

Итак, мы видим, что даже при отсутствии резких природных ограничений фактор концентрации ресурсов и социальная ограниченность могут посредством усиления войн и переориентации их в сторону захвата земли дать мощный импульс политическому развитию.

Теория ограниченности, включив в себя эти вспомогательные гипотезы, может лучше противостоять полному ряду проверочных случаев, которые могут встретиться. Например, теперь можно рассматривать возникновение государства в долине Хуанхэ на севере Китая и даже в районе Петен среди равнинных майя, районах, для которых не характерна резкая ограниченность земель, пригодных для сельского хозяйства. В случае с долиной Хуанхэ нет сомнений, что концентрация ресурсов и социальная ограниченность выступали в качестве главных действующих сил. Среди равнинных майя концентрация ресурсов, кажется, не была главным фактором, но это вполне могла быть социальная ограниченность.

Некоторые археологи могут возразить, что плотность населения в долине Петен в формативный период была слишком низкой для возникновения социальной ограниченности. Но, определяя величину плотности населения, достаточную для того, чтобы вызвать подобный эффект, мы должны учитывать не столько общую площадь занимаемой территории, сколько количество земли, необходимой для поддержания существующего населения. А размер земли, обеспечивающей пропитание, зависит не только от численности населения, но также и от образа жизни. Переложное земледелие, практиковавшееся древними майя (Morley, Brainerd 1956: 128–129), требовало значительно больших площадей земли на душу населения, чем при постоянной культивации полей, скажем, в долине Мехико или на побережье Перу¹⁴. Следовательно, поскольку мы говорим об оказываемом воздействии, то сравнительно низкая плотность населения в Петене могла быть равносильна значительно большей плотности в Мексике или Перу.

На примере яномама мы уже поняли, что социальная ограниченность может оказывать влияние, когда население еще относительно рассредоточено. И мы можем быть уверены, что Петен был значительно более густо заселен в формативный период, чем территория яномама сегодня. Таким образом, плотность населения среди равнинных майя с кажущейся видимой рассредоточенностью на самом деле могла быть достаточно высокой, чтобы спровоцировать борьбу за землю и, таким образом, обеспечить первоначальный импульс для формирования государства.

ВЫВОДЫ

Итак, говоря вкратце, теория ограниченности в своей усовершенствованной форме выходит далеко за рамки рассмотрения только происхождения государства. Она объясняет, почему государства появились там, где появились, и почему они не появились в других районах. Она показывает, что государство было предсказуемой реакцией на определенные специфические культурные, демографические и природные условия. Таким образом, она помогает объяснить, каков был тот несомненно уникальный в своей важности шаг, который когда-либо делался в истории человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Впервые опубликовано в журнале *Science*, 21 August 1970, № 169, с. 733–738, на английском языке под названием «A Theory of the Origin of the State». На русском языке публикуется впервые. Перевод выполнен Е. В. Емановой по указанному изданию.

¹ Например, один из первых американских социологов Лестер Ф. Уорд видел в государстве «результат незаурядного использования дара мышления», достижение настолько исключительное, что «оно должно было быть эманацией одного мозга или нескольких действовавших сообща умов...» (Ward 1883: 224).

² У меня в архиве есть несколько примеров производства прибавочного продукта в таких племенах Амазонии, как тупинамамба, хеверо, мундуруку, тукано, десана, кубео и канела. Тщательное исследование этнографической литературы по этому региону, несомненно, предоставит еще больше примеров.

³ Виттфогель утверждает: «Эти способы [организации и социального контроля – то есть государство] появляются, когда в поисках нового земледельческая община или протоземледельцы обнаруживают большие запасы влаги в засушливом, но потенциально плодородном районе... Некоторое число земледельцев, готовых завоевать [в плане сельского хозяйства, а не военном] засушливые долины и низины, вынуждены применять организационные механизмы, которые – на основе домашней технологии – предоставляют тот самый шанс на успех; при этом они должны работать в сотрудничестве со своими товарищами и подчинить себя прямой власти» (Wittfogel 1957: 18).

⁴ Для Месопотамии Роберт М. Адамс сделал следующий вывод: «Короче говоря, ничто не указывает на то, что подъем династической власти в южной Месопотамии был связан с необходимостью управлять главной системой каналов» (Adams 1960: 281). О Китае, прототипическом районе для «гидравлической теории» Виттфогеля, французский синолог Жак Жерне недавно писал: «Хотя создание системы регулирования течения воды и ирригации и контроль за этой системой могли оказать влияние на политическое устройство военных государств и имперского Китая, но факт остается фактом: исторически именно существовавшие до этого структуры государства и большое количество хорошо подготовленных работников, подкрепленные армией, сделали возможными грандиозные проекты по ирригации» (Gernet 1968: 92). В Мексике создание крупномасштабных ирригационных систем, как оказалось, не предшествовало классическому периоду, и в то же время ясно, что первые государства появились раньше формативного или доклассического периода.

⁵ Это не говорит, конечно, о том, что крупномасштабная ирригация там, где она осуществлялась, не способствовала в значительной степени росту мощи и размеров государства. Несомненно, способствовала. В рамках той дискуссии, которой ограничивается Виттфогель, я с ним вовсе не спору. Однако на повестке не то, как государство увеличивало свою мощь, но как оно появилось в первый раз. И на этот вопрос в «гидравлической теории», кажется, нет ответа.

⁶ Например, Джулиан Г. Стюард писал: «Следовательно, майя смогли развить высокую цивилизацию, вероятно, только потому, что им представился необычайно долгий период мира; так как их поселения кажутся слишком уязвимыми при военных действиях» (Steward 1949: 17).

⁷ В период ранних земледельцев (докерамический период VI, начавшийся около 2500 г. до н. э.) поселения людей, кажется, чаще располагались вдоль морского побережья, чем в речных долинах, и жизнеобеспечивающая экономика, по-видимому, больше основывалась на рыболовстве, чем на земледелии. Кроме того,

на этой стадии могли быть сделаны некоторые первые значимые шаги политической эволюции за рамки автономных общин. Впрочем, после того как производство продуктов питания стало основываться преимущественно на земледелии, модель поселения изменилась, и с тех пор общины стали больше концентрироваться в речных долинах, которые были единственным местом, где находились пригодные для возделывания почвы (см.: Lanning 1967: 57–59).

⁸ В моем архиве я обнаружил примеры расщепления общин среди следующих племен Амазонии: куикуру, амаракаери, кубео, урубубу, тупари, яномама, тукано, тенегара, канела и северные кайапо. В условиях легкости переселения в Амазонии отделение часто происходило при уровне численности населения меньше 100 человек, а размер деревни редко превышал 200 человек. Однако в прибрежном Перу, где количество земли было сильно ограничено, деревни не могли разделяться с такой легкостью и, таким образом, росли до уровня, когда, согласно Лэннингу, численность населения была в среднем больше 300 человек (Lanning 1967: 64).

⁹ Естественно, такая эволюция происходила в разных долинах Перу на разном уровне и в различной степени. На самом деле, возможно, в одно время несколько долин уже были политически унифицированы, а другие все еще не преодолели стадии автономных деревень.

¹⁰ Однако не каждый шаг в строительстве империи обязательно осуществлялся посредством реального физического завоевания. Угроза насилия зачастую оказывала тот же эффект, как и ее непосредственное применение... Таким образом, многие более мелкие вождества и государства, вероятно, были вынуждены отказаться от своего суверенитета, не будучи побежденными на поле битвы. Несомненно, инки однозначно использовали подобную политику при расширении своей империи: попробовать убеждение перед тем, как прибегнуть к силе оружия. (см.: Garcilaso de la Vega 1966: 108, 111, 140, 143, 146, 264)

¹¹ Эволюция империи в Перу никоим образом не была прямолинейна или обратима. Продвижение чередовалось с упадком. За интеграцией часто следовала дезинтеграция, когда государства распадались снова на вождества и, возможно, даже на автономные общины. Но лежавшие в основе политического развития мощные силы в конечном счете восторжествовали. Таким образом, несмотря на флуктуации и попятные движения, направление эволюции в Перу было очевидным: она началась со многих маленьких, простых, разбросанных и автономных общин и закончилась единой, огромной, сложной и централизованной империей.

¹² Фактически похожее политическое развитие происходило в другой части Амазонии – в бассейне реки Маморе в долине Мохос в Боливии. Здесь концентрация ресурсов также сыграла ключевую роль (см.: Denevan 1966: 43–50, 104–105, 108–110). В аборигенной Северной Америке к северу от Мексики самое высокое культурное развитие было достигнуто в среднем течении главной реки (Миссисипи), которая, обеспечивая людей исключительно плодородной почвой и ресурсами речных продуктов питания, являлась зоной концентрации ресурсов (см.: Griffin 1967: 189).

¹³ Концентрация ресурсов в таком случае сочеталась здесь с природными ограничениями. И, несомненно, то же самое можно сказать о долинах таких рек, как Нил, Тигр и Евфрат, Инд.

¹⁴ Я думаю, можно допустить, что любой существенный рост плотности населения среди майя достигался с помощью определенной интенсификации земледелия. С ростом населения поля, вероятно, выпалывались более тщательно, и, возможно, их обрабатывали на год или два больше, а под залежь оставляли на несколько лет меньше. Хотя, учитывая характер почвы во влажных тропиках, отсутствие свидетельств внесения каких-либо удобрений и скромную плотность насе-

ления, кажется вероятным, что земледелие у майя скорее оставалось экстенсивным, чем интенсивным.

ЛИТЕРАТУРА

Adams, R. M. 1960. Factors Influencing the Rise of Civilization in the Alluvium: Illustrated by Mesopotamia. In Kraeling, C. H., Adams, R. M. (eds.), *City invincible: a symposium on urbanization and cultural development in the ancient Near East* (pp. 24–34). Chicago: University of Chicago Press.

Carneiro, R. L.

1958. *Ethnographic-archaeol. Forschungen* 4, 22.

1960. Men and Cultures. In Wallace, A. F. C. (ed.), *Selected Papers of the Fifth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences* (pp. 229–234). Univ. of Pennsylvania Press, Philadelphia.

1961. *The Evolution of Horticultural Systems in Native South America: Causes and Consequences; A Symposium*. In Wilbert, J. (ed.), *Antropologica (Venezuela)*, Suppl. 2: 47–67

1967. *The Evolution of Society; Selections from Herbert Spencer's Principles of Sociology* (pp. 32–47, 63–96, 153–165). In Carneiro, R. L. (ed.). Univ. of Chicago Press, Chicago.

Chagnon, N. A. 1968. *Proceedings, VIIIth International Congress of Anthropological and Ethnological Science*. Vol. 3 (pp. 249–251). Tokyo; Kyoto.

Childe, V. Gordon

1936. *Man Makes Himself*. London: Watts.

1950. *Town Planning Rev.* 21, 3: 6.

Coe, M. D. 1966. *The Maya*. New York: Praeger.

Denevan, W. 1966. The Aboriginal Cultural Geography of the Llanos de Mojos of Bolivia. *Iberoamericana* 48: 43–110.

Fock, N. 1964. *Folk* 6 (47): 52.

Vega, Garcilaso de la 1966. *Royal Commentaries of the Incas and General History of Peru*. Part 1. Austin: Univ. of Texas Press.

Gernet, J. 1968. *Ancient China, from the Beginnings to the Empire*. London: Faber and Faber.

Griffin, J. B. 1967. *Science* 156, 175: 189.

Gumplowicz, L. 1883. *Der Rassenkampf*. Innsbruck: Wagner.

Jenks, E. 1900. *A History of Politics*. New York: Macmillan.

Lanning, E. P. 1967. *Peru Before the Incas*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.

Morley, S. G., Brainerd, G. W. 1956. *The Ancient Maya*. 3rd ed. Stanford, Calif.: Stanford Univ. Press.

Oppenheimer, F. 1926. *The State*. New York: Vanguard.

Puleston, D. E., Callender, D. W. 1967. *Expedition* 9 No. 3, 40 (see pp. 45, 47).

Ratzenhofer, G. 1893. *Wesen und Zweck der Politik*. Leipzig: Brockhaus.

Steward, J. H. 1949. Cultural Causality and Law: A Trial Formulation of the Development of Early Civilizations. *American Anthropologist* 51: 1–27.

Vansina, J. 1966. *Kingdoms of the Savanna*. Madison: Univ. of Wisconsin Press.

Ward, L. F. 1883. *Dynamic Sociology*. New York: Appleton.

Wittfogel, K. 1957. *Oriental Despotism*. New Haven, Conn.: Yale Univ. Press.

Было ли неизбежным появление государства?*

Х. Дж. М. Классен

Университет Лейдена

В данной статье рассматривается вопрос о том, насколько неизбежным было появление государства.

По мнению некоторых антропологов, развитие (раннего) государства было неизбежным результатом эволюции форм политической организации. В типологиях, разработанных такими учеными, как Сервис (Service 1971) и Фрид (Fried 1967), государство помещается на самый высокий уровень развития, и, более того, предполагается, что при нормальных условиях уровень государства не может не быть достигнут. Этот традиционный подход недавно попал под сильный огонь критики. Почти во всех работах сборника «За пределами вождей. Пути к сложному обществу в Африке» (McIntosh 1999) такой однолинейный подход отвергается, и утверждается, что можно выделить множество путей развития, приводящих к возникновению сложных обществ, но не государств (о подобных мнениях см.: Crumley 1987; 1995). Вместо развития иерархии авторы сборника указывают на развитие гетерархии, то есть общества, в котором власть и лидерство разделены между несколькими группами или лицами, или, как сформулировала Крамли (Crumley 1995: 30), «система, в которой элементы не ранжированы относительно друг друга или ранжированы различным образом в зависимости от условий». И в самом деле, этнографические данные демонстрируют множество примеров гетерархии, но также и государств. В сборнике «Альтернативы социальной эволюции» (Kradin, Korotayev, Bondarenko, de Munck, and Wason 2000) некоторые авторы описывают эволюционное развитие, приведшее к гетерархическим формам социально-политической организации, хотя остальные авторы сборника не отрицают и образование государства.

По мнению некоторых антропологов, развитие государства даже возможно было предотвратить, если бы люди больше знали об опасности, которую оно представляло. Общество могло бы сопротивляться формированию государства. Работа Пьера Кластра «Общество против государства» (Clastres 1974) могла бы стать хорошим примером, но, несмотря на свое

Классен Х. Дж. М. / Было ли неизбежным появление государства? с. 71–84

многообещающее название, в ней описываются не попытки предотвратить формирование государства, а стремление некоторых индейских племен Бразилии сопротивляться иерархизации, а это не одно и то же. Таким образом, усилия бразильских индейцев не предотвращали развитие государства.

Из вышесказанного следует, что в процессе развития многих более или менее сложных типов социокультурной организации, по крайней мере, в некоторых случаях возникло раннее государство. Государство как тип организации оказалось наиболее жизнеспособным, и сегодня по всему миру это доминирующая форма политики. В данной связи возникает вопрос: было ли формирование государства неизбежным, и если было, то в какой степени? Вначале я сформулирую два центральных понятия этой проблемы. «Неизбежность» выражает тот факт, что при соответствующих условиях появление определенного феномена не может быть предотвращено; что-то непременно произойдет или появится. Определение «государство» сформулировать гораздо сложнее. Это может показаться странным, ведь существует множество определений государства. Проблема большинства определений в том, что они основываются на идеологических взглядах. Уже в книге «Раннее государство» (Claessen and Skalník 1978) мы с Петером Скальником указывали на существование водораздела между определениями, сформулированными теми, кто считает государство злом и ошибкой, и теми, кто считает появление государства главным достижением культурной эволюции, открывающим самые многообещающие перспективы для человечества. Я попытаюсь избежать недостатков обоих подходов и сформулировать относительно свободное от идеологии определение государства. Чтобы сделать это, я сначала изложу некоторые факты касательно государства. Государство – это феномен, который впервые появился всего несколько тысяч лет назад. Государство, будучи продуктом социальных отношений, не должно быть материализованным, персонифицированным или сакрализованым. Это особый вид социальной организации, выражающий специфический тип общественного строя. Оно является выражением социальных, экономических и политических отношений, существующих в данном обществе, и идей, касающихся силы, власти, принуждения, правосудия и собственности (Claessen and Skalník 1978: 4). Или, как сказал Фридрих Энгельс больше ста лет назад,

государство не существовало вечно... На определенном этапе экономического развития, которое обязательно включало разделение общества на классы, государство стало необходимостью по причине этого разделения (Engels 1884/1972: 232).

По мнению Патриции Шифферд (Shifferd 1987: 47 сл.), процесс образования государства протекал не беспрепятственно и стал причиной проблем для многих членов общества:

Появление государства, сколь бы полезным оно ни оказалось, принесло с собой экономические и политические издержки для большинства людей. Возросший принудительный, экспроприрующий

щий и империалистический потенциал государства, даже самого раннего, был оплачен для большинства людей потерей некоторой части независимости и свободы выбора.

Она продолжает, и, я думаю, ее следующее утверждение наиболее важно для нашего исследования:

...непрерывная централизация, хотя и отчетливо наблюдается при рассмотрении культурной эволюции в целом, в некоторых случаях не является неизбежной. На самом деле, непрерывная централизация была наименее распространенным результатом в имеющихся примерах.

Или, в иной формулировке,

без сомнения, вероятность наличия всех необходимых условий в каждом отдельном случае достаточно мала.

Из этих утверждений мы можем сделать следующие выводы:

- развитие государства – всего лишь один из многих вариантов эволюции; и
- государство появляется только тогда, когда есть определенные «необходимые условия».

Я ограничусь анализом появления ранних государств, поскольку все поздние типы государства развились из ранних форм. В качестве определения раннего государства я возьму (с некоторыми небольшими изменениями) определение, сформулированное в книге «Раннее государство» (Claessen and Skalnik 1978: 640):

Раннее государство – это трехуровневая (национальный, региональный, местный уровни) социально-политическая организация для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном (многоуровневом) обществе, разделенном по крайней мере на два основных класса, или с возникающими социальными классами – правителей и подданных, чьи отношения, характеризующиеся политическим доминированием первых и обязанностью вторых платить налоги, узаконены общей идеологией, основополагающим принципом которой является реципрокность.

Это определение требует некоторых комментариев. Во-первых, взаимные обязательства правителей и подданных, конечно, имеют несимметричный характер; проще говоря, это обмен товаров на «пользу» (услугу). Существование общей идеологии не обязательно означает, что у правителей и подданных она идентична. В средневековой Западной Европе взгляды на христианство элиты и простых людей различались очень сильно; тем не менее они разделяли одну и ту же христианскую доктрину (Duby 1985). До тех пор пока существует определенное совпадение во взглядах обеих категорий, небольшие различия в идеологии не будут представлять опасности для легитимности и, следовательно, стабильности (раннего) государства. Во-вторых, устойчивая экономика способствует признанию правителей; как отмечает Дональд Куртц (Kurtz 1984), пока продуктов питания и товаров хватает на всех, законность правительства легко признается и поддер-

живается. Конечно, существовали ранние государства с неблагоприятной экономической ситуацией, когда, лишь применяя грубую силу, элита могла изымать продукты и товары, необходимые для ведения роскошной жизни (см., например: Cohen 1991 о доколониальном Борнео; Van Bakel 1991 о Гаваях). Однако нестабильная экономическая ситуация кажется скорее исключением, чем правилом, так как в целом для функционирования государства необходимо некоторое экономическое процветание (Claessen 2000). В-третьих, в (ранних) государствах, процветающих или нет, всегда есть значительное неравенство. Некоторые люди – несколько счастливых – богаты и могущественны, а другие – подавляющее большинство – бедны и бесправны. Такая ситуация заставила Эйдана Саутхолла задаться вопросом: «Как люди позволили заманить себя в ловушку, допустив подъем государства вокруг и над ними до такого уровня, когда у них уже просто не осталось выбора и не стало сил отвергнуть его?» (Southall 1991: 78; аналогично см.: Paynter 1989.)

Ответ на это вопрос заключается в том, что людям никогда и не предоставлялся такой выбор. Государство постепенно развивалось из ранних форм социально-политической организации, таких как вождества, большие конгломераты обществ с бигменами или полисы, где уже существовали социальное неравенство, обязанности платить налоги и работать на вождей, необходимость подчиняться правилам и предписаниям (в этой связи см. о вождествах: Carneiro 1981; Kirch 1984; Earle 1991; 1997; о системах с бигменами: Vansina 1991; 1994; о греческом полисе: Van der Vliet 1987; 2000). Легитимация лидерства в вождествах ли, полисах или государствах была не вопросом обмана со стороны правителей, как предположили Джойс и Уинтер (Joyce and Winter 1996: 37), а вопросом разделяемых всеми убеждений и верований. В те времена было принято верить, что у некоторых людей отношения с божествами, духами или предками лучше, чем у других, и поэтому предполагалось, что у них больше, чем у кого-либо другого в обществе, возможностей быть посредниками между людьми и сверхъестественными силами. Такого рода убеждения лежат в основе более высокого социального и политического статуса этих людей (Thomas 1990: 26–33; Claessen and Oosten 1996; Claessen 2000).

Таким образом, при обсуждении проблемы государства на первый план вышли несколько аспектов, которые были важны для развития и легитимации государств. Наиболее важным кажется тот факт, что еще задолго до появления государств люди жили в хорошо организованных обществах, и лидерство, правила, налоги, обязанности и т. п. уже были им известны. Развитие государства из такой формы организации зависело от появления «необходимых условий» (как обозначила их Шифферд). В некоторых случаях «необходимые условия» появились за короткий промежуток времени, и, следовательно, формирование государств протекало быстро. Это относится, например, к государству народа бецилео на Мадагаскаре (Kottak 1980; Claessen 2000).

Бецилео жили на востоке острова, где культивировали рис на прибрежных равнинах или орошаемых террасах. Их существование было поставлено под угрозу в начале XVII в., когда охотники за рабами пытались захватывать людей. Чтобы обезопасить себя от этой угрозы, бецилео возводили крепости на вершинах холмов и там оборонялись от охотников за рабами. Так они могли оставаться вблизи рисовых полей. Из-за относительной безопасности крепостей на холмах многие искали там убежище. Это привело к перенаселению, и потребовались строгие административные меры, чтобы установить порядок. Для этого нужны были более сильные руководители, чем обычно. В обществе бецилео уже существовал клан вождей, наделенных некой сакральной легитимностью. Из них на первый план выдвинулись те, кто предпринял необходимые меры по организации общественной жизни в крепостях. Как лидеры клана, они уже обладали сакральным статусом и вместе с возросшими полномочиями вскоре стали обладать еще большей сакральностью, чем другие лидеры, и возвысились над всеми остальными. Растущая сложность общества сделала неизбежным развитие механизмов, обеспечивающих выполнение правил и предписаний, если необходимо – силой. Таким образом, в перенаселенных крепостях был достигнут разумный уровень порядка и безопасности, а также был обеспечен достаточный приток продуктов и товаров.

Пример бецилео позволяет выявить несколько «необходимых условий», при которых происходит формирование государства, таких как нависшая угроза, необходимость организовать оборону, какое-то совместное строительство, необходимость поддерживать порядок в плотно населенных поселениях, необходимость производить продукты питания – в процессе такой деятельности на первый план вышла потребность в более развитых формах легитимизированного лидерства.

Чтобы обнаружить дополнительные данные о «необходимых условиях», представим обзор эволюции некоторых полинезийских обществ. Эти островные общества имели более или менее сходные экономические и идеологические условия. Для нашей цели важно отметить, что с самого начала полинезийская социокультурная организация имела иерархическую основу (Kirch and Green 2001). В Полинезии есть как небольшие простые общества, так и большие хорошо организованные вождества и ранние государства (Kirch 1984; Van Bakel 1989; Claessen 2000). Главными предпосылками социально-политического развития являются, с одной стороны, размер острова и процент пригодных для обработки земель, а с другой стороны, численность населения. Маленькие атоллы, где на нескольких квадратных километрах жили всего несколько сотен человек, характеризовались наличием простых обществ, где власть сакрального главы была скромной по объему. В таких локальных общинах с ограниченными ресурсами у вождей существует немного задач. В случае организации коллективного лова рыбы они давали инструкции, а на официальных мероприятиях имели право высказывать свое мнение (см.: Mason 1968; Alkire 1977; Huntsman and Hooper 1996). На больших островах, таких как Маркизские,

сложилась ситуация, благоприятная для развития более сложных форм руководства. Здесь относительно большое население оказывало слишком сильное давление на имеющиеся природные ресурсы. Таким образом, священные вожди больше не могли обеспечить изобилие и процветание, соответствующее ожиданиям людей, и народ потерял веру в них; вожди утратили легитимность, основанную на идеологии, и вскоре после этого политическая система разрушилась: священные вожди уступили место воинственным бигменам (Van Bakel 1989; Thomas 1990; Kirch 1991). На больших плодородных островах архипелага Самоа политическая система осталась в зачаточном состоянии. Реальная власть была у деревенской общины, и лидеры деревни должны были консультироваться с главами всех семей перед принятием какого-либо решения. Если решение было неприемлемо для некоторых жителей, они могли уйти и поселиться в другой деревне. Такая уникальная ситуация связана с низкой плотностью населения (Bargatzky 1987; Van Bakel 1989, 1991; другое мнение см.: Tcherkezoff 1997). На больших островах Таити, Тонга и Гавайях развивались ранние государства. На этих островах большая численность населения, сконцентрированного главным образом на прибрежных равнинах, а также процветающая экономика сделали возможным появление большого правящего класса; впрочем, на Гавайях, вероятно, был достигнут предел давления на ресурсы, так как, чтобы прокормить население, требовались ирригационные работы и искусственные пруды с рыбой (о Таити см.: Claessen 2000; о Тонга – Douaire-Marsaudon 1998; о Гавайях – Tuggle 1979; Sahlins 1992). Салинз представил менее пессимистический взгляд, но он тоже пишет об ирригации и прудах для разведения рыбы).

Обобщение данных о бецилео и Полинезии дает возможность сформулировать в более общих категориях «необходимые условия», при которых появляются ранние государства (см. также: Claessen and Oosten 1996: 5):

– **Чтобы сформировалось сложное стратифицированное общество, необходима достаточная численность населения.** Необходимое количество управленцев, слуг, придворных, священников, солдат, земледельцев, торговцев и т. д. можно обеспечить, если население исчисляется тысячами. Даже в самых маленьких ранних государствах Таити население достигало, по меньшей мере, 5000 человек. Такая большая численность людей – членов одного общества – имеет некоторые следствия, самым важным из которых является потребность в более развитых формах управления. Объяснение этому дано Грегори Джонсоном. Сначала он указал, что в больших группах становится доступным больший объем информации, с потоком которой могут справиться очень немногие. Это способствует продвижению тех, кто такой способностью обладает (Johnson 1978). Далее он объясняет, что при большом количестве людей, составляющих одно общество, необходима какая-то форма принятия решений. Если не появятся люди, обладающие правом (или способностью, или достаточной силой) принимать решения, то большая группа распадется (Johnson 1981). Общества на атоллах Океании были явно слишком маленькими, чтобы им была необходима

сильно развитая форма руководства. Случай Самоа показывает, что до тех пор, пока есть возможность обходиться без сильных лидеров, такое лидерство не будет развиваться. На больших островах, таких как Таити, Тонгатапу или Гавайи, появлялись сложные социально-политические организации – общества, которые квалифицируются как ранние государства.

– **Общество должно контролировать определенную территорию.** Территория, в первую очередь, это место, где проживает общество. Со временем такая территория может стать недостаточной для поддержания благополучия населения. На Маркизских островах демографическое давление на пищевые ресурсы, усугубленное разрушительными войнами, привело к голоду и нищете, и вождская организация разрушилась. В других случаях, как у ацтеков (Hicks 1986) или викингов (Sawyer 1982), средствами решения проблемы были завоевания, грабеж или торговля. Во всех случаях рассматриваемое общество сохраняло свою исконную территорию.

– **Должна существовать система производства избыточного продукта для содержания специалистов и привилегированных категорий населения.** Специалисты могут быть политическими, религиозными и административными деятелями, но также и ремесленниками, торговцами, служащими и т. д. Сбор излишков может осуществляться в форме налога, дани или даже грабежа (см.: Hicks 1986; Claessen and Van de Velde 1991: 11–12; Cohen 1991). До тех пор пока собирается достаточно средств, чтобы «платить» вождям, правителям, священникам, служащим и, наконец, нуждающимся, сложная социально-политическая структура может сохраняться и даже расширяться. Бедная экономика просто не допускает установления и даже появления такого типа общества; более сложная политическая организация в конце концов разрушится, если снизятся доходы, как это случилось на острове Пасхи (Claessen 2000).

Там, где общество занимает большую территорию, но люди живут в маленьких деревенских общинах, ведут только натуральное хозяйство и имеют ограниченные контакты с внешним миром, стратифицированная социально-политическая структура обычно не появляется. Просто нет необходимости в лидерах или управленцах. Домохозяйства заботятся о себе сами, и существует лишь несколько возвышающихся над ними институтов («братств» [Service 1971]). Хорошими примерами таких обществ являются нуэры (Evans-Pritchard 1940) и тонга плоскогорий (Colson 1968). Вывод из всего этого следующий: у лидеров должны быть **задачи**, чтобы стало возможным развивать принципы власти и статуса. В данной связи А. Джонсон и Ёрл (Johnson and Earle 1987) говорят об «управлении рисками» как об одной из важнейших задач лидеров. Это не противоречит теориям Г. Джонсона о развитии лидерства, а, скорее, дополняет их. Такие задачи проявляются, например, когда экономическая деятельность требует сотрудничества на более постоянной, чем прежде, основе, когда религиозные верования диктуют необходимость возведения храмов и святилищ, или когда возрастающая потребность в воде требует ведения ирригационных работ. Я знаю, что в некоторых местах ирригационные работы проводились без

вмешательства вождей или правителей: например, на острове Бали ирригационные работы велись сельскими общинами (Geertz 1980; Grader 1984), – хотя, говоря в целом, управление – важный стимул для развития лидерства, и во многих случаях слуга общины превращался в ее правителя (Engels 1960: 219; Wittfogel 1957).

– **Должна существовать идеология для объяснения и оправдания существования иерархической административной организации и социально-политического неравенства.** Существование или появление такой идеологии дает возможность менее удачливым понять и принять свое скромное положение. Если подобной идеологии не существует или не появляется, формирование государства становится затруднительным или даже невозможным (ср. Clastres 1974; Earle 1997), и тогда складываются другие типы социальной организации. Многие подобные общества могут быть охарактеризованы термином гетерархия, уже упомянутым в начале данной статьи. Такие гетерархические общества могут быть достаточно сложными, и их можно обнаружить по всему миру. Например, к этой категории принадлежат общества качинов в Азии (Friedman 1979; Hagesteijn 1989), индейцев северо-западного побережья Северной Америки и многие африканские общества (McIntosh 1999). Африканские мбунду – хороший пример данного случая. Здесь большая часть населения жила в благоприятных экономических условиях, и было предпринято несколько попыток надстроить религиозную и/или социально-политические структуры. Ни одна из этих попыток, впрочем, не увенчалась успехом; эгалитарная идеология была слишком сильна в сознании людей, чтобы допустить доминирование централизованного административного аппарата (Miller 1976).

Развитие убедительной формы легитимации исключительно важно для установления более сложных форм лидерства. Понятие легитимности было введено в общественные науки Максом Вебером (1964: 24 сл.), который утверждал, что легитимность лидера в первую очередь базируется на вере его людей. Если правитель действовал в соответствии с верой своего народа, то он действовал законно. Хотя для Битэма (Beetham 1991: 11) разделение норм и ценностей правителями и подданными также есть необходимое условие, он, кроме того, считает, что в обществе должны устанавливаться нормы законного обоснования получения и использования власти. Это представляется ценным дополнением к взглядам Вебера (см. также: Cohen 1988).

Впрочем, оказывается, что идеологическая легитимность имеет и сильный материалистический компонент. Как ранее отмечалось, Куртц (Kurtz 1984) говорит об обязанности правителей удовлетворять экономические нужды народа; пока это делается, люди будут подчиняться требованиям и законам, которые издает правитель. Иначе говоря, у народа есть обязанности по отношению к правителю, но и правитель также имеет обязательства перед своим народом. Речь идет о взаимозависимости: мы, народ, работаем на правительство, а правительство должно заботиться о нас. В

Полинезии и Микронезии легитимизирующая идеология основывается на убеждении, что основатель группы – самый старший потомок самой древней линии – является прямым потомком одного из божеств. Такое происхождение наделяет отца-основателя священными качествами. Эти качества переходят к старшему сыну и т. д. Потому-то эти потомки и были законными лидерами группы. Только они имели право напрямую обращаться к своим священным праотцам и обеспечивать изобилие и процветание для всех. В ответ простые люди отдавали лидерам еду, свой труд и женщин, подчинялись их приказам (Thomas 1990).

Во многих африканских обществах лидерство было связано с идеей «первенства». Верили, что человек, первый начавший возделывать тот или иной участок земли, повстречал духов земли, с которыми заключил своего рода договор, и в обмен на обязательство совершать определенные ритуалы смог обеспечить плодovitость женщин, скота и земли. Согласно мифам в некоторых регионах этот жрец культа земли уступил политические прерогативы «охотнику» – человеку, который пришел из другой страны и ассоциируется с распределением мяса. Взяв в жены дочь жреца культа земли, охотник и его потомки стали священными политическими лидерами (Claessen and Oosten 1996; McIntosh 1999; Muller 1999).

Качины, народ в Юго-Восточной Азии, верили, что человек, производящий больше еды, чем другие, и соответственно способный отдавать больше, имеет хорошие отношения с божествами, духами или предками. Если удача оставалась на его стороне, люди начинали делать ему маленькие подарки в ответ на его благословение. Таким образом, при условии, что ему продолжала сопутствовать удача в земледелии, он мог стать священным лидером, и подарки становились обязательными; Фридман (Friedman 1979) даже связывает с наличием этого типа структуры развитие азиатского способа производства. Хагештейн (Hagesteijn 1989) описывает дальнейшую трансформацию подобных политий в нестабильные ранние государства.

Наличие четырех указанных выше условий одновременно в одном месте – уже довольно исключительное явление (см.: Shifferd 1987), но сами по себе они недостаточны для развития государства: еще необходим некий повод, который спровоцировал бы трансформации. **Такой повод можно рассматривать как пятое необходимое условие.** В случае бецилео этим поводом было появление охотников за рабами. Стремясь избежать захвата и в то же время стараясь не бросать рисовые поля, бецилео решили уйти в расположенные на близлежащих холмах крепости. Этот «первый шаг» имел серьезным, но **непреднамеренным** следствием появление раннего государства. В других местах более сильного лидерства требовала необходимость развивать ирригацию или нужда в защите торговли на дальние расстояния. Все это уже утверждалось в «Раннем государстве» (Claessen and Skalnik 1978: 624–625):

...спусковым механизмом развития государственности во всех случаях было какое-то действие или событие, произошедшее задолго до этого и не *спланированное специально* с этой целью. Другая очевидная характеристика перехода к государственности – это эффект снежного кома: если он пришел в движение, то движется все быстрее и быстрее.

В свете представленных данных становится ясно, что необходимо было наличие некоторого числа факторов, а также какого-то воздействия – внутреннего или внешнего, – которые положили начало трансформациям. Таким воздействием могла быть угроза, как случилось с бецилео, недостаток продуктов и товаров, как в случае с ацтеками, или появление новых идей и верований, что было важнейшим фактором в развитии ранних государств Юго-Восточной Азии (Hagesteijn 1989). Впрочем, необходимо сознавать, что такая комбинация не всегда приводила к формированию более сложной социально-политической организации; это происходило только тогда, когда факторы взаимоусиливались и возникала позитивная обратная связь. Когда сила влияния факторов сильно различалась, есть все основания полагать, что складывался какой-то другой тип социально-политической организации – структура с бигменами, гетерархия. Если факторы вступали в противоречие или тормозили развитие друг друга, что, должно быть, происходило много раз, наступал застой (негативная обратная связь), и в конечном итоге раннее государство не возникало. В «модели комплексного взаимодействия» (Claessen and Van de Velde 1985; 1987) мы сформулировали взаимосвязь определяющих формирующих факторов – социальный формат (то есть территория и численность населения), идеология и господство над экономикой. Взаимодействие между ними приводит к изменениям факторов (или групп факторов), создавая условия, при которых появляются более сложные социально-политические структуры. Когда социально-политическая структура сформировалась, она становится четвертым фактором модели и, в свою очередь, влияет на три других и действует как со-детерминанта; разумеется, при условии, что это не будет предотвращено или отсрочено какой-либо отрицательной обратной связью.

Анализ исторических примеров четко показывает, что во многих случаях развитие государства было процессом достаточно длительным. В течение этого процесса могли иметь место и прогресс, и стагнация, хотя в конце концов государство становилось реальностью. Пестрая история Франкского государства – хороший пример такого длительного развития. Государство Капетингов появилось только после наполненной событиями истории длиной в семь веков. Истории, которая началась с Хлодвига, иницировавшего процесс формирования государства в V в., создав новое раннее государство, и закончилась с Филиппом II Августом, завершившим в XII в. строительство зрелого государства (Claessen 1985). История бецилео

демонстрирует, впрочем, что формирование раннего государства может быть делом каких-то пятидесяти лет (ср. Kottak 1980). И можно привести много примеров, когда, даже несмотря на то, что большая часть необходимых условий присутствовала, государство так и не появилось, как показывает история в ангольских мбунду (Miller 1976; ср. также: Shifferd 1987).

Именно в таком контексте нужно искать ответ на наш вопрос. Только когда в обществе одновременно присутствует несколько выявленных нами условий и происходит какое-то дающее толчок событие, начнется развитие раннего государства, причем между «необходимыми условиями» должна существовать позитивная обратная связь. Именно в таких случаях появление раннего государства было неизбежным.

Это еще не конец истории. Ныне повсеместно доминирующей формой правления является современное высокоразвитое государство, а альтернативные модели социально-политической организации воспринимаются только как своего рода районы или провинции в современных государствах. С самого начала государство было более сильным, чем все остальные, типом организации, и у окружающих политий альтернатив было не так уж много. Они могли пытаться имитировать могущественную организацию (взаимодействие равноуровневых политий [Renfrew and Cherry 1986]) и стараться сохранить независимость, иначе через некоторое время их покоряли и колонизировали. В этой связи нельзя не сделать вывод, что в конечном счете государство было неизбежным. И даже это, как представляется, не конец эволюции. Мы не знаем, каковы будут последствия роста глобализации и локализации – предсказания в социальной науке довольно рискованны. Впрочем, то, что государство в той форме, которую мы видим сейчас, просуществует еще очень долго, не кажется невероятным; возможно, это даже неизбежно (Kloos 1995).

ПРИМЕЧАНИЕ

* Впервые опубликовано в журнале *Social Evolution & History*, июль 2002, т. 1, № 1, с. 101–117 на английском языке под названием «Was the State Inevitable?» На русском языке публикуется впервые. Перевод выполнен по указанному изданию.

ЛИТЕРАТУРА

Alkire, W. 1977. *An Introduction to the Peoples and Cultures of Micronesia*. Menlo Park, CA: Cummings.

Bakel, M. A. van 1989. *Samen Leven in Gebondenheid en Vrijheid; Evolutie en Ontwikkeling in Polynesië*. Doctoral thesis. Leiden.

1991. The Political Economy of an Early State: Hawaii and Samoa Compared. In Claessen, H. J. M., and van de Velde, P. (eds.), *Early State Economics* (pp. 265–290). New Brunswick, NJ: Transaction.

Bargatzky, Th. 1987. *Die Söhne Tumumafonos; Deszendenz, Methapher und Territorialität: am Beispiel der Traditionellen Politischen Organization Westsamoa*. Habilitationsschrift: University of Munich.

- Beetham, D.** 1991. *The Legitimation of Power*. London: Macmillan.
- Carneiro, R. L.** 1981. The Chiefdom: Precursor of the State. In Jones, G. D., and Kautz, R. R. (eds.), *The Transition to Statehood in the New World* (pp. 37–79). Cambridge: Cambridge University Press.
- Claessen, H. J. M.** 1985. From the Franks to France; The Evolution of a Political Organization. In Claessen, H. J. M., van de Velde, P., and Smith, M. E. (eds.), *Development and Decline* (pp. 196–218). South Hadley, MA: Bergin & Garvey.
2000. *Structural Change; Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology*. Leiden: CNWS Press.
- Claessen, H. J. M., and Skalník, P.** (eds.) 1978. *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen, H. J. M., and van de Velde, P.** (eds.) 1985. Social Evolution. In Claessen, H. J. M., van de Velde, P., and Smith, M. E. (eds.), *Development and Decline* (pp. 1–12, 126–140, 246–263). South Hadley, MA: Bergin & Garvey.
1987. *Early State Dynamics*. Leiden: Brill.
1991. *Early State Economics*. New Brunswick, NJ: Transaction.
- Claessen, H. J. M., and Oosten, J. G.** (eds.) 1996. *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill.
- Clastres, P.** 1974. *La Société contre l'Etat*. Paris: Les Editions de Minuit.
- Cohen, R.** 1988. Introduction. In Cohen, R., and Toland, J. D. (eds.), *State Formation and Political Legitimacy* (pp. 1–21). New Brunswick, NJ: Transaction.
1991. Paradise Regained: Myth and Reality in the Political Economy of the Early State. In Claessen, H. J. M., and van de Velde, P. (eds.), *Early State Economics* (pp. 109–130). New Brunswick, NJ: Transaction.
- Colson, E.** 1968. The Plateau Tonga of Northern Rhodesia. In Colson, E., and Gluckman, M. (eds.), *Seven Tribes of Central Africa* (pp. 94–163). Manchester: Manchester University Press (orig. 1951).
- Crumley, C. L.** 1987. A Dialectical Critique of Hierarchy. In Patterson, Th. C., and Gailey, Chr. W. (eds.), *Power Relations and State Formation* (pp. 155–169). Washington DC: American Anthropological Association.
1995. Building a Historical Ecology of Gaulish Polities. In Arnold, B., and Gibson, D. B. (eds.), *Celtic Chiefdom, Celtic State* (pp. 26–33). Cambridge: Cambridge University Press.
- Douaire-Marsaudon, F.** 1998. *Les Premiers Fruits; Parenté, Identité Sexuelle et Pouvoirs en Polynésie Occidentale (Tonga, Wallis, Futuna)*. Paris: CNRS Editions/Editions de la Maison des Sciences de l'Homme.
- Duby, G.** 1985. *De Drie Orden; Het Zelfbeeld van de Feodale Maatschappij*. Amsterdam: Elsevier.
- Earle, T.** 1997. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- 1991 (ed.). *Chiefdoms: Power, Economy and Ideology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Engels, F.** 1960. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. Berlin: Dietz (orig. 1878).
- 1972 [1884]. *The Origin of the Family, Private Property and the State*. London: Lawrence & Wishart.
- Evans-Pritchard, E. E.** 1940. *The Nuer*. Oxford: Clarendon Press.
- Friedman, J.** 1979. *System, Structure and Contradictions; The Evolution of the 'Asiatic' Social Formations*. Copenhagen: National Museum of Denmark.

- Fried, M. H.** 1967. *The Evolution of Political Society*. New York: Random House.
- Geertz, C.** 1980. *Negara. The Theatre State in Nineteenth-Century Bali*. Princeton: Princeton University Press.
- Grader, C. J.** 1984. The Irrigation System in the Region of Jembrana. In Swellengrebel, J. L. (ed.), *Bali: Studies in Life, Thought, and Ritual* (pp. 267–288). Dordrecht: Foris (orig. 1939).
- Hagesteijn, R.** 1989. Circles of Kings; Political Dynamics in Early Continental Southeast Asia. Dordrecht: Foris.
- Hicks, F.** 1986. Prehispanic Background of Colonial Political and Economic Organization in Central Mexico. In Spores, R. (ed.), *Supplement to the Handbook of Middle American Indians* 4: 35–54. Austin: University of Texas Press.
- Huntsman, J., and Hooper, A.** 1996. *Tokelau; A Historical Ethnography*. Auckland: Auckland University Press.
- Johnson, A. W., and Earle, T.** 1987. *The Evolution of Human Societies; From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford: Stanford University Press.
- Johnson, G. A.** 1978. Information Sources and the Development of Decision-Making Organizations. In Redman, C. (ed.), *Social Archaeology; Beyond Subsistence and Dating* (pp. 87–112). New York: Academic Press.
1982. Organizational Structure and Scalar Stress. In Renfrew, C. et al. (eds.), *Theory and Explanation in Archaeology* (pp. 389–421). New York: Academic Press.
- Joyce, A. A., and Winter, M.** 1996. Ideology, Power, and Urban Society in Pre-Hispanic Oaxaca. *Current Anthropology* 37: 33–86.
- Kirch, P. V.** 1984. *The Evolution of the Polynesian Chiefdoms*. Cambridge: Cambridge University Press.
1991. Chiefship and Competitive Involution: The Marquesan Islands of Eastern Polynesia. In Earle, T. (ed.), *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology* (pp. 119–145). Cambridge: Cambridge University Press.
- Kirch, P. V., and Green, R. C.** 2001. *Hawaiki, Ancestral Polynesia; An Essay in Historical Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kloos, P.** 1995. Consequences of Globalization and Localization. In van Bakel, M. A., and Oosten, J. G. (eds.), *The Dynamics of the Early State Paradigm* (pp. 17–131). Utrecht: ISOR.
- Kottak, C. Ph.** 1980. The Past in the Present; History, Ecology and Cultural Variation in Highland Madagascar. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Kradin, N., Korotayev, A. V., Bondarenko, D. M., de Munck, V., and Wason, P. K.** (eds.) 2000. *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.
- Kurtz, D. V.** 1984. Strategies of Legitimation and the Aztec State. *Ethnology* 23: 329–354.
- Mason, L.** 1968. Suprafamilial Authority and Economic Process in Micronesian Atolls. In Vayda, A. P. (ed.), *Peoples and Cultures of the Pacific* (pp. 298–329). Garden City, NY: Natural History Press (orig. 1959).
- McIntosh, S. K.** (ed.) 1999. *Beyond Chiefdoms; Pathways to Complexity in Africa*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Miller, J.** 1976. *Kings and Kinsmen; Early Mbundu States in Angola*. Oxford: Clarendon Press.
- Muller, J.-C.** 1999. Du Don et du Rite comme Fondateurs des Chefferies. *Cahiers d'Etudes africaines* 154, XXXIX–2: 387–408.

- Paynter, R.** 1989. The Archaeology of Equality and Inequality. *Annual Review of Anthropology* 18: 369–399.
- Renfrew, C., and Cherry, J. F.** (eds.) 1986. *Peer Polity Interaction and Socio-Political Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sahlins, M. D.** 1992. Historical Ethnography. Part 1. In Kirch, P. V., and Sahlins, M. D. (eds.), *Anahulu; The Anthropology of History in the Kingdom of Hawaii*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Sawyer, P. H.** 1982. *Kings and Vikings; Scandinavia and Europe A.D. 700–1100*. London: Methuen.
- Service, E. R.** 1971. *Primitive Social Organization*. 2nd ed. New York: Random House.
- Shifferd, P. A.** 1987. Aztecs and Africans: Political Processes in Twenty-Two Early States. In Claessen, H. J. M., and van de Velde, P. (eds.), *Early State Dynamics* (pp. 39–53). Leiden: Brill.
- Southall, A.** 1991. The Segmentary State; From the Imaginary to the Material Means of Production. In Claessen, H. J. M., and van de Velde, P. (eds.), *Early State Economics* (pp. 75–96). New Brunswick, NJ: Transaction.
- Suttles, W.** (ed.) 1990. *Northwest Coast. Vol. 7. Handbook of North American Indians*. Washington: Smithsonian Institution.
- Tcherkézoff, S.** 1997. Culture, Nation, Société: Changements Secondaires et Bouversements Fondamentaux au Samoa Occidental. Vers un Modèle pour l'Etude des Dynamiques Culturelles. In Tcherkézoff, S., and Douaire-Marsaudon, F. (eds.), *Le Pacifique-Sud aujourd'hui* (pp. 309–374). Paris: CNRS Editions.
- Thomas, N.** 1990. *Marquesan Societies; Inequality and Political Transformation in Eastern Polynesia*. Oxford: Clarendon Press.
- Tuggle, H. D.** 1979. Hawaii. In Jennings, J. D. (ed.), *The Prehistory of Polynesia*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Vansina, J.** 1991. Sur les Sentiers du Passé en Foret. Les Cheminements de la Tradition Politique Ancienne de l'Afrique Equatoriale. Louvain-la-Neuve: Centre de l'Histoire de l'Afrique.
1999. Pathways of Political Development in Equatorial Africa and Neo-evolutionary Theory. In McIntosh, S. K. (ed.), *Beyond Chiefdoms; Pathways to Complexity in Africa* (pp. 166–172). Cambridge: Cambridge University Press.
- Vliet, E. Ch. L. van der** 1987. Tyranny and Democracy. The Evolution of Politics in Ancient Greece. In Claessen, H. J. M., and van de Velde, P. (eds.), *Early State Dynamics* (pp. 70–90). Leiden: Brill.
2000. Models of Political Evolution and the Formation of the Polis. *Pharos* 7: 129–148.
- Weber, M.** 1964. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Studien Ausgabe. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Wittfogel, K. A.** 1957. *Oriental Despotism; A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press.

Л. Е. Гринин*Волгоградский центр социальных исследований*

*Достаточно общепризнано, что догосударственное общество для своего превращения в государство должно обладать определенной численностью населения, необходимой социокультурной сложностью и возможностью производить значительное количество прибавочного продукта. Однако бывает, что социумы существенно переходят указанный уровень сложности и объемов, но не образуют государства. Известно немало таких исторических и этнографических негосударственных обществ, не уступавших раннегосударственным по размерам территории, численности населения, социокультурной и/или политической сложности. Как же классифицировать подобные общества? Ведь в сравнении с бесспорно догосударственными социумами (такими как, например, простые вождества) они не только намного крупнее, но и намного сложнее. В определенном смысле их можно считать находящимися на одном уровне социокультурного развития с раннегосударственными обществами. И поскольку и в тех и в других обществах решались аналогичные проблемы и задачи, указанные сложные негосударственные общества объединены мной понятием **аналоги** раннего государства. Настоящая статья посвящена анализу таких аналогов и их сравнению с ранними государствами.*

ВВЕДЕНИЕ

Едва ли ошибусь, если скажу, что среди исследователей проблем генезиса государства (и шире – политогенеза в целом) взгляд на государство как на единственно возможный и потому безальтернативный итог развития догосударственных политий преобладает. Такой однолинейный подход, несомненно, усиливает методологические трудности, с которыми столкнулись многие политические антропологи при исследовании сложных негосударственных обществ (см., например: Белков 1993: 1995; Попов 1995а; 1995б; McIntosh 1999а; 2000; Possehl 1998; Vansina 1999). Нередко даже говорят, что исследования политогенеза вообще зашли в тупик (см., например: Bondarenko 2000а: 213; Бондаренко 2000: 198). Однако из этого методологического тупика будет

легче выбраться, если отказаться от идеи, что государство было единственной и универсальной возможностью развития для усложнившихся позднепервобытных обществ, и признать, что **были и иные, альтернативные пути для развития подобных обществ, помимо превращения в раннее государство** (Bondarenko 2000a; Гринин 2001–2005; 2006a; Grinin 2003; 2004c). По счастью, сегодня мысль, что негосударственные общества не обязательно менее сложные, менее эффективные, конкурентные и успешные, чем государственные, выглядит уже не такой крамольной, как несколько лет назад (Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002; 2004; см. также: Claessen 2002: 101; Классен 2006; Crumley 1995; 2001)¹. Достаточно успешно разрабатываются идеи альтернативных государству моделей политогенеза (см., например: Kradin, Lynsha 1995; Kradin *et al.* 2000; Kradin, Bondarenko, Barfield 2003; Bondarenko, Korotayev 2000a; Grinin *et al.* 2004; Бондаренко, Коротаев 2002; Крадин, Лынша 1995; Крадин, Бондаренко 2002).

Известно множество исторических и этнографических примеров политий, которые по политическому устройству, структуре власти и управления существенно отличаются от раннего государства, но аналогичны ему по размерам и сложности (Alexeev *et al.* 2004; Beliaev *et al.* 2002; Bondarenko 1995; 2000a; 2000b; Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002; 2004; Bondarenko, Korotayev 2000a; Bondarenko, Sledzevski 2000; Crumley 1995; 2001; Grinin 2000; 2002a; 2002b; 2003; 2004c; Grinin *et al.* 2004; Korotayev 1995; Kradin *et al.* 2000; Kradin, Bondarenko, Barfield 2003; Kradin, Lynsha 1995; McIntoch 1999b; Possehl 1998; Schaedel 1995; Бондаренко 2001; Бондаренко, Коротаев 2002; Гиренко 1993; Гринин 1997; 2000a; 2001–2005; 2006a; Коротаев 2000a; 2000б; Крадин, Лынша 1995; Крадин, Бондаренко 2002; Попов 1995a; 1995б; 2000).

Наличие таких политий связано с тем, что, достигая определенных размеров и социокультурной сложности, с которых переход к государству, в принципе, уже возможен, общество может продолжать развиваться, но при этом долго не создавать раннегосударственную политическую форму. В частности, в социуме может быть очень высоким уровень социальной стратификации (примеры приводятся далее), но отсутствовать государственность. Эти альтернативные раннему государству формы названы мной аналогами раннего государства (см., например: Гринин 2001–2005). Их анализу и сравнению с ранними государствами посвящена данная работа. Но прежде необходимо указать, что в этой статье понимается под ранним государством.

Раннее государство – это категория, с помощью которой описывается особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма есть в то же время отделенная от населения организация власти:

а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые, перераспределять ресурсы; в) построенная (в основном или в большей части) не на принципе родства.

Следовательно, важно подчеркнуть, что в данной работе везде раннее государство рассматривается не как особый тип общества (социума в целом), а, прежде всего, как особая политическая организация общества (система политических и административных институтов), возникающая – **но не всегда, а лишь при определенных условиях** – в обществе, которое достигло необходимого уровня развития, и, в частности, имеет определенный уровень социокультурной и политической сложности, объем прибавочного продукта и богатства, размер территории, численности населения². Важно также указать, что, если подходить к пониманию раннего государства, прежде всего, как к продукту непримиримости социальных противоречий (например: Энгельс 1961; Fried 1967; 1978; Krader 1978; и др.), тогда многие описываемые далее явления трудно поддаются объяснению³.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. АНАЛОГИ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА

1. Аналоги раннего государства: предварительные пояснения

Достаточно общепризнано, что для образования государства догосударственное общество должно обладать определенными минимальными характеристиками: по территории, населению, сложности, социальному неравенству и возможности аккумулировать прибавочный продукт (см., например: Claessen 1978a; 2000; 2002). Однако, как уже сказано, социумы могут существенно перерасти уровень таких показателей, но не образовывать государства. Как классифицировать такие общества? Как все еще догосударственные или как-то иначе?

Решение проблемы заключается в том, что – как я доказываю в целом ряде своих работ – раннее государство вовсе не являлось единственной формой политической организации усложнившихся позднепервобытных обществ. Были и иные типы политий. Причем длительное время они составляли достаточную альтернативу раннему государству. Такие общества я назвал **аналогами раннего государства** (Гринин 1997; 2000; 2001–2005; 2003a; 2003б; 2006a; Grinin 2000; 2002a; 2002b; 2003; 2004a; 2004b; 2004c; Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002; 2004). Ведь, с одной стороны, по сравнению с бесспорно догосударственными, такими, как, например, коллективы во главе с бигменами, простые вождества, небольшие племена и другие, они не только более крупные, но и гораздо более сложные. А с другой стороны, они имели сравнимые с ранними государствами размеры и уровень сложности, а также решали сравнимые по масштабам и целям задачи. Потому в определенном смысле их можно считать находящимися на одном уровне социокультурного и/или политического развития с раннегосударственными обществами.

Последние, разумеется, существенно отличаются от аналогов, однако не столько уровнем развития, сколько, прежде всего, некоторыми особенностями политического устройства и «техникой» управления (о которых см. дальше). Но, несмотря на различия в механизмах регулирования социально-политической жизни, и в тех и в других обществах реализовывались аналогичные функции, а именно:

- создание минимального политического и идеологического единства и сплоченности в разросшемся обществе (группе близких обществ) для решения общих задач;
- обеспечение внешней безопасности или условий для экспансии;
- обеспечение социального порядка и перераспределения прибавочного продукта в условиях социальной стратификации и усложнившихся задач;
- обеспечение минимального уровня управления обществом, включая законотворчество и суд, а также выполнение населением необходимых повинностей (военной, имущественной, трудовой);
- создание условий для воспроизводства хозяйства (особенно там, где требовалась координация общих усилий).

Ниже я даю некоторые примеры таких аналогов. Но предварительно требуются пояснения.

2. Альтернативные раннему государству пути эволюции

Раннее государство возникает лишь в обществе определенной сложности, которое достигло необходимого уровня развития. И чтобы стать государством, необходимы определенные критерии⁴:

1. Общества не могут быть меньше определенного размера и сложности (самое меньшее несколько тысяч жителей). Хотя чаще требуется больший размер, а по мере развития государства его объемы, как правило, возрастают до многих тысяч (часто до десятков и сотен тысяч и даже миллионов человек).

2. В обществе должен иметься определенный производственный базис в виде сельского хозяйства, ремесла и торговли (два последних в отдельных случаях заменяет военно-данническая эксплуатация соседей).

3. В обществе должна быть заметная социальная стратификация.

4. Необходим определенный уровень политической и структурно-управленческой сложности, по крайней мере, должно быть не меньше трех уровней управления, а чаще – больше (см., например: Carneiro 2000: 186), что при археологических раскопках нередко выражается в трех-, четырехуровневой иерархии поселений (Wright, Johnson 1975; Джонсон 1986).

После обретения обществом таких объективных условий оно уже может стать государством. Но для такой трансформации, помимо указанных объективных параметров, требуются еще фактические (конкретно-исторические) возможности и способность стать государством. Особенности географического положения, производственная база,

принципы организации общества, историческая ситуация, отсутствие нужного толчка и прочее могли препятствовать такой трансформации в государство, хотя и не останавливали развитие. Следовательно, при одних и тех же объективных данных: размере, численности населения, уровне социокультурной и/или политической сложности – в одних ситуациях при наличии конкретных благоприятных условий уже возникает возможность начать трансформацию в государство, а в других – нет⁵. В статье Х. М. Классена (2006) приводятся интересные примеры таких причин, которые он называет «спусковым крючком» для начала образования государств. Он также приводит примеры обществ, которые имели объективные условия для формирования государств, но не смогли стать государствами.

Что же случается, если у политики есть объективные условия для формирования государства, но недостаточно конкретно-исторических? Одни из них могут топтаться на месте. Но другие продолжают развиваться, и нередко достаточно успешно и интенсивно. Но только они движутся своими особыми путями, в большей или меньшей степени отличными от формирования государства. Таким образом, ретроспективно все многообразие политогенетических путей развития обществ, я считаю, необходимо разделить на два главных:

- 1) непосредственное преобразование в раннее государство;
- 2) трансформация в аналог государства.

В свою очередь, пути развития аналогов также различны. Одни оказываются вовсе не способными стать государством, как по самой своей природе, так и из-за того, что их политогенез был насильственно прерван (в нижеприведенных примерах это ирокезы, туареги, хунну, галлы и другие). Другие аналоги превращаются в государство. Однако такой переход осуществляется по достижении уже весьма высокого уровня развития и сложности, вполне сравнимого с уровнем многих государственных обществ. Причем уровень, с которого разные аналоги превращаются в государство, сильно варьирует. Одни аналоги трансформируются в государство, имея население в 10–15 тыс. человек, другие – уже много десятков тысяч, а третьи – сотни тысяч.

Все это значит, что переход к государству в разных обществах осуществляется не с одного и того же, как обычно полагают, а с очень разных уровней социокультурной и политической сложности.

Исходя из того, что переход к раннему государству осуществляется от обществ разной сложности и размера, я предложил (Гринин 2001–2005; 2006а; Grinin 2003; 2004с) разделить все догосударственные общества на две группы: **стадиально (принципиально) догосударственные** и **стадиально равные раннему государству**. Первые – при наличном уровне сложности и размеров **не могут** образовать раннее государство. Вторые – объективно уже **способны** образовать государство. Они и есть **аналоги раннего государства**.

Но тут надо сделать два важных пояснения.

Первое. Стадиальное равенство означает только нахождение в объеме одной стадии развития. Но оно не означает равенства и по всем остальным параметрам. Одни социальные организмы и явления в рамках стадии выступают более развитыми, прогрессивными, универсальными, и в длительной перспективе более «проходными», чем другие. Именно так и обстоит дело в отношении ранних государств и аналогов. Иначе раньше или позже аналоги не стали бы трансформироваться в государства. Это подтверждает, что структурно-функционально ранние государства отличаются от аналогов не столько уровнем развития, сколько, прежде всего, некоторыми особенностями политического устройства и «техникой» управления, а исторически – тем, что первые имели определенное, удачное для образования именно государства сочетание особых условий, а вторые не имели их.

Второе. Нахождение на одной стадии развития может совмещаться с тем, что исторически одна форма будет перерастать в другую. Поэтому, поскольку многие аналоги позже стали государствами, в этом смысле их можно рассматривать и как догосударственные политии. И это, на первый взгляд, означает как бы противоречие в моей теории аналогов раннего государства. В самом деле, как аналоги могут одновременно быть и догосударственными, и равными государству по уровню развития политиями? Однако никакого противоречия тут нет. Дело в том, что можно вести речь о **стадиально** догосударственных и **исторически** догосударственных обществах. А это большая разница. Аналоги выступают только как **исторически** догосударственные, но не как стадиально догосударственные.

Для лучшего понимания такого разграничения можно провести следующую аналогию. Скотоводство может исторически предшествовать земледелию, но стадиально – это равные виды производства. Можно провести и более близкую россиянам аналогию. Если считать капитализмом господство негосударственного капитала в экономике, то сегодня Россию в этом смысле уже можно назвать капиталистическим обществом. Но тогда социализм неожиданно оказывается **докапиталистическим** строем. Однако очевидно, что он не равен докапиталистическому феодальному строю. Феодализм был и стадиально, и исторически докапиталистическим, а социализм был индустриальным обществом и выступал как аналог капиталистического индустриального хозяйства.

Из сказанного вытекают важные выводы, позволяющие более адекватно представить ход политогенеза и формирования собственно государства в его рамках.

1. Хотя любое общество, которое исторически предшествует образованию раннего государства, является исторически догосударственным, однако оно может предшествовать не обязательно малому государству, а сразу среднему или крупному. При этом чем крупнее и

сложнее «догосударственное» общество, тем вероятнее, что оно сразу перейдет и к более крупному государству, минуя этапы малого и среднего. В самом деле, правомерным ли будет считать, что сложное вожжество на о. Гавайи (самом большом на Гавайском архипелаге) численностью до ста тысяч человек (Johnson, Earle 2000: 285) стояло по уровню развития и сложности ниже упомянутых Классеном мельчайших таитянских государств или «номового» государства Ур, указанно-го выше? Совершенно очевидно, что нет. И, действительно, с приходом европейцев на Гавайском архипелаге образовалось уже государство среднего размера, то есть численностью в 160–300 тысяч человек или несколько больше, если опираться на оценку численности населения до контактов (Seaton 1978: 270; Johnson, Earle 2000: 284; Earle 1997; Ёрл 2002).

2. Таким образом, я пришел к выводу, что общество может трансформироваться в раннее государство:

1) как с **уровня** стадияльно догосударственного, например, путем синойкизма небольших общин. Такой путь отмечает Х. Дж. М. Классен со ссылкой на Коттака для бецилео на Мадагаскаре в начале XVII в. (Kottak 1980; Claessen 2000; Claessen 2004); такой способ был характерен также для греческих обществ (Кошеленко 1983: 36; также: Фролов 1986: 44), для Междуречья конца IV и III тыс. до н. э. (Дьяконов 1983: 110);

2) так и с **уровней** аналогов малого государства (например, именно на таком уровне начиналась великая Монгольская империя Чингисхана [Kradin 1995: 137]);

3) с **уровней** аналогов среднего государства (Гавайи);

4) и даже аналогов крупного государства (скифы в начале IV в. до н. э.). Известны и обратные метаморфозы от раннего государства к аналогу, хотя и более редкие (Коротаев 2000а; 2000б; Трепавлов 1995).

Все это значит, как уже сказано, что переход к государству в разных обществах осуществлялся не с одинакового, а с разных уровней социокультурной и политической сложности; и общество, достигая размеров и сложности, с которых переход к государству, в принципе, уже возможен, может продолжать развиваться, но при этом долго не создавать раннегосударственную политическую форму. Такие подходы позволяют полнее увидеть эволюционные альтернативы в политогенезе раннему государству как на любом уровне сложности и развитости государства, так и в плане соответствия его размерам.

Таким образом, раннее государство являлось лишь одной из многих форм организации сложных обществ, которая стала типичной и ведущей только в ходе длительного эволюционного отбора. Но очень важно не упустить и другое, что в конце концов именно государство оказалось ведущей политической формой организации обществ. Все же остальные, длительное время альтернативные ему,

в конце концов либо преобразовались в государство, либо исчезли, либо превратились в боковые или тупиковые виды⁶.

3. Аналоги раннего государства: классификация

3.1. Основная классификация

Следует учитывать, что приведенные ниже в примерах аналоги сильно отличаются друг от друга по развитости и размерам. Однако во всех случаях речь идет либо об унитарных полициях, либо об относительно прочных политических союзах с институционализированными механизмами объединения. Последние имели какие-то общие верховные органы и механизмы, поддерживающие политическую устойчивость, и представляли, по крайней мере с точки зрения иных обществ, некое постоянное единство. Народы, имеющие только культурное единство, а политически способные объединяться лишь кратковременно для определенных действий, вроде нуэров (см.: Рэдклиф-Браун 1985) или берберов⁷, нельзя считать аналогами раннего государства.

Все приведенные ниже примеры – это общества, население которых достигает по крайней мере нескольких тысяч человек. Однако население ряда описанных ниже аналогов составляет десятки, сотни тысяч и даже миллионы человек.

Все аналоги отличаются от ранних государств особенностями политического устройства и управления. Однако в каждом типе аналогов это проявляется по-разному. Например, в самоуправляющихся общинах недостаточно прослеживается отделение власти от населения; в конфедерациях налицо слабость централизации власти и т. п. Поэтому я старался классифицировать аналоги по особенностям их политической формы, хотя полностью провести этот принцип достаточно трудно. Можно выделить следующие типы и подтипы аналогов.

Во-первых, некоторые самоуправляющиеся общины и территории:

А) Городские и полисные.

Примерами таких самоуправляющихся городских общин являются города этрусков (о них еще будет сказано далее) и некоторые (но именно некоторые, а не все) греческие полисы⁸; гражданско-храмовые общины древней Южной Аравии (см.: Korotayev *et al.* 2000: 23; Коротаев 1997: 136–137; 2000б: 266). Одной из таких храмово-гражданских общин древней Южной Аравии можно считать Райбун (I тыс. до н. э.), который включал в себя комплекс храмов и сельскую территорию в обширном оазисе на площади до 15 кв. км (Frantsouzzoff 2000: 259). Райбун обладал сакральным статусом также и в глазах своих соседей (там же: 264). Ведущую роль в делах общины имело жречество, среди которого было много женщин. По мнению С. Французова, в случае Райбуна мы имеем дело с альтернативой государственной системе, с развитием, которое вело к возникновению высокоорганизованной культуры, но без формирования политических институтов, отделенных от общества. Однако, что очень интересно, он считает, что такой

тип социальной организации мог существовать только в сравнительной изоляции от окружающих государств, и неумение вести войну и предопределило его падение в первом же серьезном конфликте с ними (Frantsouzoff 2000; Французов 2000). И этот момент влияния отсутствия войн на формирование особых политических форм прослеживается также и в некоторых других аналогах – в частности в Исландии.

Б) Достаточно крупные самоуправляющиеся **переселенческие** территории (вроде Исландии X–XIII вв.).

Исландия также дает нам интересный пример превращения малого аналога в более крупный, а также того, как рост объема и сложности общества постепенно все же переводит развитие аналогов к государственному пути. В конце XI века в Исландии насчитывалось примерно 4500 сельскохозяйственных дворов (Филатов 1965: 342), а население, вероятно, составляло где-то 20–30 тыс. человек. Оно затем сильно увеличилось и в XIII в. достигло 70–80 тыс. человек (Филатов 1965: 343)⁹. Соответственно изменилась и социальная структура общества. В начале XI в. было принято решение о разделе крупных земельных хозяйств знати (хавдингов) между фермерами (бондами), который завершился в середине XI столетия (Ольгейрссон 1957: 179–191). Таким образом, Исландия превратилась в общество фермеров-средняков. Однако через некоторое время вследствие роста населения число арендаторов («держателей») земли вновь стало увеличиваться, и в конце концов они начали составлять большинство населения. В результате уже в XII столетии имущественное и социальное неравенство вновь так усилилось, что стало влиять на трансформацию основных институтов исландского общества (Гуревич 1972: 8, 9; см. также: Хьяульмарссон 2003: 53–55). Усилению неравенства и изменению структуры общества в обществе также способствовало введение в самом конце XI века церковной десятины (Хьяульмарссон 2003: 50).

Необычайно ожесточились и кровавые раздоры, хотя ранее военные действия не были ни столь жестокими, ни столь массовыми (см., например: Стеблин-Каменский 1971: 78). В столкновениях подчас принимали участие не единицы или десятки людей, а сотни и даже тысячи. Причиной междоусобиц среди хавдингов все чаще была жажда добычи и власти (Гуревич 1972: 9). Таким образом, необходимый для формирования государства элемент социально-политического насилия, прежде в Исландии почти отсутствовавший, стал усиливаться, что, несомненно, способствовало движению общества именно к государственности.

В) Территории, на которых жили крупные группы различного рода изгоев, имеющие свои органы самоуправления и представляющие собой организованную и грозную военную силу, например донские и запорожские казаки¹⁰ и, если Гумилев прав, возможно, жужани¹¹.

Во-вторых, это некоторые большие племенные союзы, с достаточно сильной властью верховного вождя («короля», хана и т. п.):

А) Более или менее устойчивые союзы племен, этнически однородные или имеющие крепкое моноэтническое ядро.

Примером могут служить некоторые германские племенные объединения периода великого переселения народов (бургунды, салические франки, вестготы, остготы, вандалы и другие), которые насчитывали 80–150 тыс. населения (см., например: Бессмертный 1972: 40; Ле Гофф 1992: 33; Неусыхин 1968; Удальцова 1967: 654); союзы племен некоторых галльских народов, в частности в Бельгии и Аквитании (см.: Шкунаев 1989: 140).

Б) Очень крупные политии, возникшие в результате успешных войн (вроде гуннского союза Аттилы V в. н. э. [см.: Корсунский, Гюнтер 1984: 105–116], аварского каганата хана Баяна второй половины VI в. н. э.), но непрочные и этнически разнородные.

Близким к такому типу был союз во главе с готским вождем Германарихом в Северном Причерноморье в IV в. н. э., который состоял из многих разноязычных, чуждых друг другу племен, в том числе кочевых и земледельческих (Смирнов 1966б: 324). Даже среди самих готских племен не было достаточного единства и прочных внутренних связей (Буданова 1990: 133–136), в том числе из-за своеволия аристократии (Тиханова 1958). Но готы достигли более высокого уровня социальной стратификации и культуры, чем гунны и авары (Тиханова 1958), и они, как считает Зиньковская, стояли «между варварством и цивилизацией» (Zin'kovskaya 2004).

В) Промежуточным типом между аналогами, описанными в п. А и Б, могут служить союзы племен под руководством того или иного выдающегося лидера, состоящие из этнически близких народов, но не очень прочные, обычно распадающиеся после смерти лидера или даже при его жизни (как это случилось с союзом Маробода). В I в. до н. э. – II в. н. э., например, у германцев возникали крупные союзы: свевский союз Ариовиста, союз херусков Арминия, маркоманский союз Маробода, батавский союз Цивилиса и другие (см. о них: Неусыхин 1968: 601–602; Oosten 1996).

О масштабах некоторых образований можно судить по союзу Маробода (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.). Маробод объединил маркоманов с лугиями, мугилонами, готами и другими германскими народами и создал крупную армию по римскому образцу, насчитывающую 70 тыс. человек пехоты и 4 тыс. человек конницы (СИЭ 1966: 123). Маробод был разбит вождем херусского союза Арминием¹². Другими примерами подобных аналогов являются гето-дакский союз Бурбисты I в. до н. э. (см. о нем: Федоров, Полевой 1984) и объединение славянских племен Богемии и Моравии VII в. н. э., так называемое государство Само (см.: Loznu 1995: 86–87). Весьма интересно,

что его глава Само, по свидетельству хроники Фредегара и по мнению ряда ученых, был не славянином, а франкским купцом (СИЭ 1969в: 512–513. См. также: Ванчура 1991: 23–26).

К подобному типу следует отнести и различные (средних размеров) объединения кочевников под руководством одного лидера, иногда не переживающие смерти вождя, иногда имеющие короткие династии. Таким был, например, восточный (донской) союз половцев под руководством хана Кончака и его сына Юрия Кончаковича (см.: Плетнева 1966: 457–462)¹³.

Г) Крупные образования, которые удерживались в единстве в основном силой авторитета вождей, а не силой принуждения.

Например, доинкское вождество Лупака (XV в.) в Перу имело население более 150 тыс. человек и им управляли два верховных вождя без института принудительной силы, а специализированный и принудительный труд имел место, по сути, на основе взаимного согласия (Schaedel 1995: 52).

В-третьих, большие племенные союзы и конфедерации, в которых королевская власть отсутствовала:

А) Примерами таких племенных союзов без королевской власти могут служить саксы в Саксонии; эдуи, арверны, гелветы в Галлии. Причем необходимо особо подчеркнуть, что процессы социального и имущественного расслоения у них (особенно у галлов) зашли весьма далеко и опережали политическое развитие.

У саксов (в Саксонии) до их завоевания Карлом Великим королевская власть отсутствовала, но во главе племенных подразделений стояли герцоги. Общее военное командование осуществлял герцог, избранный по жребию (Колесницкий 1963:186). Политическая организация всей территории осуществлялась в форме своеобразной федерации отдельных областей. Общие дела решались на собрании представителей областей в Маркло на Везере (Колесницкий 1963). Саксы (за исключением рабов) делились на три социальных слоя: родовую знать (эделингов-нобилей), свободных (фрилингов-liberi) и полусвободных литов. При этом существовали резкие различия в правовом статусе между нобиями и фрилингами (Неусыхин 1968: 608; СИЭ 1969а: 479), что было юридически закреплено в Саксонской правде. В первых двадцати статьях этого кодекса нобили выступают единственными носителями правовых норм (СИЭ 1969б: 475).

Галлия времен завоевания Юлием Цезарем была очень богатой территорией с огромным населением, по разным подсчетам, от 5 до 10 и более млн человек (Бродель 1995: 61–62), с большим количеством городов, развитыми торговлей и ремеслами. В Галлии в целом насчитывалось до тысячи «подлинных городов», население некоторых из них достигало десятков тысяч человек (Шкунаев 1989: 134, 143). Размеры некоторых городов достигали 100 и более га, и они были укреплены мощными стенами (см.: Филипп 1961: 116–129; Монгайт 1974: 248–253).

Социальное расслоение было велико (Clark, Piggott 1970: 310–328). По свидетельству Цезаря, простой народ был лишен политических прав, жил на положении рабов, а многие, страдая от долгов и обид, добровольно отдавались в рабство знатным (Галльская война VI, 13). В то же время знатные галлы имели по несколько сот, а самые знатные по несколько (до десяти) тысяч клиентов и зависимых людей, из которых они формировали конное войско, заменявшее всеобщее ополчение и, тем самым, противостоящее основной массе галлов (Бессмертный 1972: 17; Цезарь, Галльская война I, 4). Власть вождей слабела и переходила к выборным или назначенным магистратам (Chadwick 1987: 58). В аристократических без королевской власти *civitas* (так римляне называли галльские политии по аналогии с названием своей собственной) имелось вполне четкое военное единство, а механизмы принятия политических и иных решений реализовывались через посредство одного или нескольких выборных магистратов – вергобретов (Шкунаев 1989: 139, 140, 144). Однако привилегии аристократии были столь сильны, что она старалась свести политическую централизацию к нулю (см., например: Леру 2000: 123–127) и боялась возможности появления монархии, к которой тяготел народ. Страх перед монархией (поскольку кандидаты на престол во время войны обозначились) у аристократии отдельных народов галльских политий (например эдуев) был столь велик, что аристократы шли на сговор с римлянами (см. об этом: Штаерман 1951)¹⁴.

Численность отдельных племенных союзов и конфедераций была очень большой. Например, число гельветов, которые пытались в 58 г. до н. э. переселиться в Западную Галлию, по разным данным составляло от 250 тыс. до 400 тыс. (см., например: Шкунаев 1988: 503). Кроме того, среди крупных объединений выделялись своего рода гегемоны, от которых зависело много других племен. Как сообщает Цезарь (Галльская война VI, 11–12; см. также I, 31), одним из самых сильных народов в период перед вторжением римлян были эдуи, которые, победив своих соперников за влияние в Галлии секванов, приобрели гегемонию в Галлии и брали заложников у других племен для обеспечения их лояльности. Тем не менее во всех галльских общинах были сторонники как эдуев, так и секванов. Это несколько напоминает ситуацию в греческих полисах, жители которых делились на сторонников Афин и Спарты.

Б) Конфедерации различных по форме обществ, порой образующие весьма устойчивые и сильные с военной точки зрения политические образования. Например, конфедерации племен вроде ирокезов (см.: Морган 1983; Фентон 1978; Vorobyov 2000), туарегов (см.: Першиц 1968; см. также: Гринин 1997: 28), печенегов (см.: Marey 2000; а также: Васютин 2002: 95). Правда, тут уместно процитировать Хазанова, что большинство «федераций» и «конфедераций» (по крайней мере у кочевников) создавалось отнюдь не на добровольной основе (Хазанов 2002: 48).

В) Конфедерации городов, подобные этрусским конфедерациям. Сами этрусские города, в которых было олигархическое правление военно-служивой и жреческой знати (Неронова 1989: 376; Залесский 1959), скорее всего, не являлись государствами (насколько можно судить по скудным данным), а представляли собой аналоги малого государства¹⁵. Можно сравнить по эволюционному динамизму греческие и этрусские города. Первые смогли быстро создать военно-политический союз против Персии, а после победы над ней политическая жизнь Эллады вращалась вокруг борьбы двух крупных военно-политических объединений: Афинского морского и Пелопоннесского союзов. Этрусские же города, хотя и имели федерацию, но она была «преимущественно религиозным союзом» (см.: Неронова 1989: 379). И даже при римской угрозе этот союз не стал военно-политическим, что и явилось важнейшей причиной потери Этрурией независимости.

В известной мере аналогом среднего государства выступал и союз немецких городов – Ганза в XIII–XVI вв. Этот союз в период своего расцвета объединял около 160 городов (Подалаяк 2000: 125) и был способен выигрывать войны у Дании (см., например: Возгрин 1990).

Г) Автономные сельские территории, представляющие собой федерацию (или конфедерацию) сельских политически независимых общин, например, у горцев (см.: Kogotayev 1995)¹⁶. При этом низовые члены такого союза могут быть как в форме вожеств, так и безвожде-ских самоуправляемых общин, либо в иных формах.

Ярким примером такой конфедерации может служить Нагорный Дагестан (см.: Агларов 1988). Общины (джамааты), входившие в федерацию (так называемое «вольное общество»), иногда и сами по себе представляли весьма крупные поселения. Некоторые общины насчитывали до 1500 и более домов (см.: Агларов 1988), то есть были размером в небольшой полис, и имели многоуровневую (до пяти уровней) систему самоуправления (см.: Агларов 1988: 186). А федерация, иногда объединявшая по 13 и более сел, представляла собой политическую единицу в десятки тысяч человек, с еще более сложной организацией. Между семейными группами (тухумами) существовало социальное неравенство и различие в рангах (см.: Агларов 1988: 186). Другим примером служат группы деревень (village groups) в юго-восточной Нигерии, объединяющие нередко десятки деревень с общим населением в десятки (до 75) тысяч человек. Каждая такая группа деревень имеет собственное название, внутреннюю организацию и центральный рынок (McIntosh 1999a: 9).

Такие общества являются, по классификации Крамли (Crumley 1995; 2001; 2005), типичными гетерархиями. Она развивает в своих работах мысль о том, что помимо иерархически устроенных обществ можно говорить и о гетерархических, то есть таких, в которых реше-

ния принимаются иным способом: консенсусом, либо делегированием полномочий, либо сложными согласительными процедурами, либо организацией по определенным интересам и т. п., а структурные единицы обществ находятся между собой не в строгом подчинении, а в состоянии сотрудничества, союза и т. п. Так происходит в конфедерациях и федерациях, в объединениях общин и коммун. Гетерархиями она и некоторые другие авторы называют сложные общества, в которых нет единого центра и иерархической структуры, которая бы делала их более управляемыми и монолитными, в структуре которых взаимоотношение элементов не ранжировано, или они потенциально могут быть ранжированы различными способами (Ehrenreich, Crumley, Levy 1995: 3). Связи в гетерархиях в основном горизонтальные, решения принимаются на основе согласования между крупными единицами (общинами, различными корпорациями, союзами, профессиональными или религиозными объединениями и т. п.), на основе учета интересов, сложившихся традиций и механизмов и т. п. «Такие гетерархические общества могут быть достаточно сложными, и их можно обнаружить по всему миру», включая азиатские общества, такие, как сообщества качинов в Мьянме (Бирме) и многие африканские общества (Claessen 2004: 79; о гетерархиях см. также статью Д. М. Бондаренко в настоящем томе).

В-четвертых, это очень крупные и сильные в военном отношении объединения кочевников, «кочевые империи», внешне напоминавшие большие государства. Н. Н. Крадин определяет их как суперсложные вождества. Я считаю, что их можно рассматривать как аналоги раннего государства. «Кочевые империи» Внутренней Азии, по мнению Крадина, имели население до 1–1,5 млн чел. (Крадин 2001б: 127; 2001а: 79). К таким относится, например, «империя» хунну, образованная под властью шаньюя («императора») Моде в конце III до н. э. (Крадин 2001а), которая была настолько сильна, что китайцы сравнивали ее со Срединной империей (Гумилев 1993б: 53)¹⁷.

Мне также думается, что аналогом раннего государства можно считать и Скифию VI–V вв. до н. э. Это было крупное, иерархическое многоуровневое объединение с идеологией родового единства всего общества, с редистрибуцией (дань и повинности), обладающее военным единством. Скифия делилась на три царства во главе с царями, один из которых, по-видимому, был верховным правителем. Имеется также мнение, что в целом Скифия управлялась обособленным царским родом, который правил по принципам улусной системы (см.: Хазанов 1975: 196–199; 2002). Цари имели собственные военные дружины. У скифов выделялись сословие жрецов и аристократия. Последняя имела частные дружины воинов и большие богатства. Методы управления в Скифии, однако, оставались еще в основном традиционными, поэтому ранним государством ее считать нельзя, но и на обычное до-

государственное общество она никак не походит. В конце V – первой половине IV века до н. э. при царе Атее в Скифии происходит переход к раннему государству ([Мелюкова, Смирнов] 1966: 220). Этот царь устранил других царей, узурпировал власть и объединил всю страну от Меотиды (Азовского моря) до низовьев Дуная и даже стал продвигаться на запад за Дунай ([Мелюкова, Смирнов] 1966)¹⁸.

В-пятых, в связи с вышесказанным становится очевидно, что многие (и уж тем более очень крупные) сложные вождества можно считать аналогами раннего государства, поскольку по размерам, населенности и сложности они не уступают малым и даже средним государствам¹⁹.

Некоторые примеры таких сложных вождеств уже приводились выше. Можно упомянуть еще вождества на Гаити в конце XV – XVI в. Гаити в это время был, вероятно, наиболее густо заселенным островом среди других Больших Антильских островов (Александренков 1976: 143) и состоял из нескольких крупных вождеств, враждующих между собой. Среди множества вождей (касиков) испанцы выделяли несколько наиболее крупных, верховных. По некоторым сообщениям, каждый из четырех главных вождей имел в подчинении от 60 до 80 младших вождей, а Лас Касас даже сообщал, что под властью одного из верховных вождей Бехекио находилось около 200 касиков (Александренков 1976: 150–151). Иными словами, в любом случае это были весьма крупные политии, в которых имела социальная стратификация (Александренков 1976: 148–151).

Но в качестве наиболее показательного примера крупных вождеств как аналогов раннего государства стоит взять гавайцев. Это особенно важно, учитывая, что при контакте с европейцами социальная организация на Гавайских островах была наиболее сложной из всех полинезийских вождеств и, возможно, даже из всех когда-либо известных вождеств (Earle 2000: 73; см. также: Johnson, Earle 2000: 284).

Как известно, гавайцы достигли значительных хозяйственных успехов, в частности в ирригации (см.: Earle 1997; 2000; Johnson, Earle 2000; Wittfogel 1957: 241), очень высокого уровня стратификации и аккумуляции прибавочного продукта элитой (Earle 1997; 2000; Johnson, Earle 2000; Sahlins 1972a; 1972b) – основательного идеологического обоснования привилегий высшего слоя. К моменту открытия их Джеймсом Куком здесь сложилась политическая система, когда сосуществовало несколько крупных вождеств, границы которых определялись отдельными островами: Кауайи, Оаху, Мауи, Гавайи (Ёрл 2002: 78). Войны были обычным явлением, хотя, по некоторым данным, за тридцать лет до прибытия Кука был заключен мирный договор между вождествами (Seaton 1978: 271). Правда, такие договоры не особенно соблюдались. В результате удачных или неудачных войн, браков и иных политических событий время от времени политии то увеличивались, то уменьшались в размерах, иногда вовсе распались, как это

вообще свойственно вождествам. Число жителей отдельных вождеств колебалось от 30 до 100 тыс. человек (Johnson, Earle 2000: 246). Вождества делились на районы от 4 до 25 тыс. человек (Harris 1995: 152). Таким образом, все условия для образования раннего государства в этих вождествах были: достаточная территория с разделением на районы и большое население, высокая степень социальной стратификации и значительный прибавочный продукт, сильная власть верховного вождя и жесткая иерархия власти, развитая идеология и территориальное деление, частые войны, а также и другое. Однако государства не было.

Тем не менее некоторые ученые (например: Seaton 1978: 270; Van Bakel 1996) считают, что на Гавайях раннее государство существовало еще до появления Кука. Но такие утверждения основаны, скорее, на предположениях, поскольку нет ни археологических данных, ни письменных источников, которые позволили бы решить, были ли эти политики (до открытия островов Куком) уже ранними государствами или высшими вождествами. Таким образом, многое зависит от того, что считать государством. Исходя из моего понимания, что есть раннее государство, я считаю правильным присоединиться к более распространенному мнению, что в тот момент (в конце XVIII в.) на Гавайях государства еще не было (см., например: Earle 1997; 2000; Harris 1995: 152; Johnson, Earle 2000; Sahlins 1972a; 1972b; Service 1975; Салинз 1999).

С позиции моей теории аргументировать это можно тем, что главный принцип построения политической организации власти в гавайских вождествах был жестко связан с родственной иерархией, которая основывалась на генеалогической близости к предкам, линиджу верховного вождя и к самому вождю. Линии старших братьев и сыновей считались более высокими. Таким образом, вся политическая и социальная иерархия строилась вокруг родственных отношений, а правящие слои представляли собой эндогамные касты (см., например: Earle 1997: 34–35; Service 1975: 152–154; Van Bakel 1996; Bellwood 1987: 98–99). Если обратиться к вышеприведенному определению раннего государства, то это ситуация не соответствует п. в), согласно которому *раннее государство – это организация власти, построенная (полностью или в большой части) не на принципе родства*. Словосочетание в «большой части» означает, что в ранних государствах существует заметная социальная мобильность при формировании и пополнении слоя администраторов (по крайней мере среднего слоя управленцев), которая в гавайских вождествах практически отсутствовала. А чем строже ограничения на вхождение в аппарат управления «со стороны», тем труднее политике перейти к собственно государственным методам управления (см.: Гринин 2001–2005; 2006а; Grinin 2004с: 110–111).

Ниже я формулирую и подробно разъясняю четыре главных отличия раннего государства от его аналогов: *особые свойства верховной*

власти; новые принципы управления; нетрадиционные и новые формы регулирования жизни; редистрибуция власти (то есть перераспределение власти в рамках общества в пользу центра). Гавайи им во многом не отвечали. Верховная власть там не была способна изменить главные социально-политические и идеологические отношения, принципы управления оставались традиционными – основанными на родственном и кастовом делении; новые формы регулирования жизни почти отсутствовали; перераспределение власти было только внешним, то есть в виде борьбы вождей за власть. В рамках же собственно вожества баланс власти оставался прежним²⁰.

В то же время величина и развитость гавайских вожеств и тем более вожества непосредственно на самом о. Гавайи дают основания считать их аналогами ранних государств. Для доказательства этого утверждения стоит сделать некоторые сравнения. Население этого самого крупного вожества Гавайского архипелага составляло сто тысяч человек (Johnson, Earle 2000: 285), что в **сто** раз превосходит численность населения типичных простых вожеств, подобных тем, какие, например, были на Тробрианских островах (Johnson, Earle 2000: 267–279). По мнению Джонсона и Ёрла, только число вождей на о. Гавайи могло доходить до **тысячи человек**, то есть равнялось всему количеству жителей одного тробрианского вожества (Johnson, Earle 2000: 291). Если же прибавить к числу вождей на о. Гавайи других представителей элиты (управляющих землями, жрецов, дружинников) и членов их семей, то, думается, численность элиты превысила бы число всех жителей самых мелких государств на Таити, население которых, согласно Классену, составляло 5 тыс. человек (Claessen 2002: 107). Таким образом, гавайские политии вполне сравнимы с ранними государствами и даже превосходят некоторые из них по размерам, населенности, социокультурной сложности, степени социальной стратификации и централизации власти. Все это доказывает, что гавайские сложные вожества необходимо считать аналогами малых и средних ранних государств.

В-шестых, политии, структуру которых едва можно точно описать вследствие недостатка данных, однако, с другой стороны, учитывая их размеры и уровень культуры, есть веские основания не считать ни догосударственными образованиями, ни государствами. Следует подчеркнуть, что о таких обществах многое утверждать наверняка невозможно. Это только гипотезы, которые приведены с целью показать, что очень часто общества называются государством без достаточных для этого оснований, просто исходя из того, что если оно уже очевидно не является догосударственным, то ничем иным, как государством, оно быть не может.

Индская, или Хараппская, цивилизация может служить примером данного типа. Эта огромная древняя цивилизация значительно превосходила размерами территории такие наиболее древние цивилизации,

как Египет и Месопотамия (Бонгард-Левин, Ильин 1969: 92). Большое число жителей жили в двух крупнейших городах, Хараппе и Мохенджо-Даро, причем последний, возможно имел население до 100 тыс. человек (Бонгард-Левин, Ильин 1969: 96–97; Вигасин 2000: 394). В Индской цивилизации существовала социальная стратификация. Были высоко развиты ремесла и торговля (Бонгард-Левин, Ильин 1969: 101–103; Possehl 1998: 289).

Таким образом, многие данные достаточно ясно говорят, что она представляла собой сложный социальный организм (или их группу). Но сказать что-то о ее социальной организации достаточно сложно (Массон 1989: 202–203). Состояла ли она из трех групп: жречества, основной массы и «рабочих», как предполагает Лал (Lal 1984: 61), – или там была иная социальная стратификация, неясно. Еще менее ясна политическая организация (Массон 1989: 203). Тут много разных предположений. Политический строй иногда определяют как миролюбивое, без царской власти и репрессивного аппарата общество религиозного толка, где главным было не насилие, а религиозное воздействие (Косамби 1968: 78), как торговую олигархию с наследственной властью, как империю с сильной централизованной властью, сосредоточенной в двух или трех столицах, с основной эксплуатируемой массой сельского населения (см. об этом: Щетенко 1979: 182).

Но такие представления сегодня подвергаются критике. Некоторые исследователи не без основания считают, что Индская цивилизация не была ранним государством. Но гораздо важнее, что в то же время она также не была и догосударственным обществом. Например, Шаффер утверждает, что Хараппская цивилизация не являлась догосударственной по своей форме, и полагает, что она не была и государством, а могла быть уникальной формой организации в том смысле, что в археологических, исторических или этнографических данных нет близкой параллели (см.: Possehl 1998: 283–285). Так, согласно Посселу (1998: 290), эта цивилизация была «примером древней социокультурной сложности без архаической государственной формы политической организации».

Также есть основания полагать, что политическая система была сегментированной и децентрализованной, а монарх отсутствовал (Possehl 1998: 289; см. также: Файрсервис 1986: 197). В частности, нет ярко выраженных признаков дворцового хозяйства. Также нет доказательств существования центрального правительства или бюрократии (это важно в свете господствующих идей о сильной империи – см. выше), что, как считает Поссел, дает повод предполагать, что более древняя «племенная» организация обладала политической властью в региональном контексте. Все это, конечно, не служит однозначным доказательством отсутствия государства, как отсутствие монарха не доказывает, что государства не было, например, в греческих полисах. Но то, что в этой цивилизации было всего два крупных города наряду с сотнями городков и

поселков, делает ее непохожей на систему греческих полисов. Имелись ли в политической структуре теократические элементы, характерные для ранней стадии развития государственного организма первых цивилизаций (см., например: Массон 1989: 203), трудно сказать. Но теократия не так уж хорошо сочетается с развитой торговлей и мореплаванием, да и структура этой цивилизации существенно непохожа на существование там многих автономных храмовых центров, как это было в Месопотамии.

Так или иначе, вся цивилизация в целом объединялась сильной хараппской идеологией, которая преодолевала разделяющие регионы политические границы, проникая в каждую отдельно взятую хараппскую семью. В частности, различные остатки культуры (керамика, украшения, статуэтки, изделия из металла и др.), которые находят на территории примерно в 1 млн км² в течение примерно 600 лет, свидетельствуют о наличии общего стиля, хотя и с существенными вариациями. В общую культуру также входят письменность, система весов и измерения, архитектурные стандарты (Possehl 1998: 289; см. также: Файрсервис 1986: 197).

Существовали и другие формы сплочения, такие как торговля (Альбедиль 1991: 56; Бонгард-Левин, Ильин 1969: 102–103; Possehl 1998: 289). Также можно предположить существование сильных временных союзов среди многочисленных групп (Possehl 1998: 288), хотя фактическая форма организации зрелой Хараппской цивилизации изучена еще недостаточно хорошо (Possehl 1998: 290). Существование контроля над водными ресурсами и управление ими в пределах поселений – отличительная черта многих хараппских поселений. Эти люди также были отважными мореплавателями (Possehl 1998: 288).

Таким образом, есть серьезные основания предположить, что **Индская цивилизация была специфическим типом аналога раннего государства**. И в любом случае я полностью согласен с заключением Поссела, что «то, что мы узнали благодаря недавним исследованиям Хараппской цивилизации, это что древние цивилизации, или сложные общества, намного более разнообразны по форме и организации, чем способны отразить типологические схемы традиционной однолинейной эволюции» (Possehl 1998: 291). Тем не менее, как мы видим, не только древние цивилизации, но и различные другие сложные общества самых разных эпох демонстрируют разнообразие социополитических форм и альтернативность процесса формирования государства.

В-седьмых, иные формы аналогов. Здесь могли быть самые неожиданные формы, например то, что можно назвать корпоративно-территориальной.

Так, например, в начале II тыс. до н. э. в Малой Азии сложился своеобразный союз (община) торговцев с центром в городе Канише (территория современной восточной Турции), который имел своеобразную конституцию, самоуправление и органы управления, суд, каз-

ну, целую цепь факторий на протяжении торгового пути, связывающего Переднюю Азию со Средиземным и Эгейским морями. Но главное, он был независим ни от какой политической власти и выступал как субъект международного права (Гиоргадзе 1989; см. также: Гиоргадзе 2000: 113–114; Янковская 1989: 181–182)²¹.

Следует указать, что некоторые авторы относят к альтернативным раннему государству формам и другие типы обществ²².

3.2. Другие классификации

Классификация аналогов по формам их политического устройства, которую я представил выше, бесспорно, не является единственной. И поскольку аналоги ранних государств очень сильно отличаются друг от друга, я разработал также их классификации по другим основаниям (см. также: Гринин 2001–2005; 2006а).

Во-первых, аналоги можно разделить по степени структурного и организационно-административного сходства с ранними государствами. Здесь следует использовать два критерия: степень похожести аналогов на ранние государства; степень развитости в аналогах политической и социальной сфер.

С одной стороны, государства и аналоги различаются между собой особенностями политической организации, причем амплитуда этих различий очень велика. Следовательно, важно установить, насколько тот или иной аналог приближается в этом смысле к государствам. С другой стороны, в раннегосударственном обществе обычно имеется и заметное имущественное неравенство, и, так или иначе, выражены социальные противоречия. Последние, конечно, не всегда имеют характер классовых или позднесловных отношений, но, как правило, общество уже разделено по крайней мере на два (а обычно и больше) ясно выраженных слоя или формирующихся класса, а именно: управителей и управляемых. Классен и Скальник особенно подчеркивали эту характеристику раннего государства (см.: Claessen, Skalnik 1978с: 640; Claessen 2004: 74).

Однако, как уже говорилось, это не является эксклюзивным признаком только государства, а характерно и для многих аналогов. При этом в некоторых аналогах (например в ряде обществ Полинезии) преодолеть социальные перегородки оказывалось даже труднее, чем в иных ранних государствах²³. Это частично объясняется тем, что для образования и развития государства требуется смена элит (в частности, для формирования аппарата чиновников или армии нового типа).

Вариант классификации А.

Аналоги могут быть разделены на несколько групп по развитости политической и социальной сфер, а также по сходству политического развития с ранними государствами.

1) Неполные аналоги.

Не во всех аналогах, примеры которых были даны, есть достаточная степень социальной стратификации, действительно сравнимой с раннегосударственной. В частности, у ирокезов она отсутствовала или

была слабо выражена. Именно поэтому я сделал оговорку о том, что аналоги находятся на одном уровне социокультурного **и/или** политического развития с раннегосударственными обществами. Аналоги, которые можно сравнить с государством только по размерам и по степени политического и военного влияния, но не по уровню социокультурного развития, можно назвать **неполными** аналогами. Иными словами, сами автономные структурные части этих аналогов, то есть племена или вождества, по уровню своего развития еще представляют стадияльно догосударственные общества, в которых недостаточна социальная и имущественная дифференциация. Но, объединившись в рамках конфедерации, если она не является временным союзом или блоком, достаточно крепка, имеет определенные общесоюзные политические институты, они уже представляют образование, в отдельных аспектах сравнимое с ранним государством. Такие аналоги чаще всего возникают под действием внешней обстановки (или необходимости ей адекватно отвечать, или при попытках получить преимущества перед другими). Но при удаче они начинают образовывать уже и единую этническую общность, как это видно у ирокезов (см.: Воробьев 2002: 159).

В Северной Америке был целый ряд таких конфедераций, некоторые из них имели достаточно большую численность: например, конфедерация криков, оформившаяся в начале XVIII в., к концу этого века насчитывала 25 тыс. чел., гуронский союз из пяти племен в XVI в. – 30 тыс. чел. (Логинов 1988: 233; Тишков 1988: 148). Но наиболее ярким примером такого **неполного** аналога являются ирокезы. Социальная и имущественная дифференциация у них была слаба (см., например: Воробьев 2002: 159), хотя и есть некоторые свидетельства о социальном неравенстве в их обществе (см., например: Аверкиева 1973: 54). Но по развитости политической организации (с институционализацией отдельных ее моментов и сложной процедурой) и по военной мощи они выделялись²⁴. Возможно, это и вводит иногда в заблуждение некоторых исследователей, которые считают эту конфедерацию государством (например: Флюер-Лоббан 1990: 78). Надо также указать, что, помимо полноправных членов конфедерации, в ней были и неполноправные, «младшие» (делавары, часть гуронов, шауни, некоторые нейтральные племена), которые выплачивали ирокезам дань (см.: Куббель 1988: 229).

2) Полные аналоги.

Соответственно те аналоги, которые сравнимы с государством по уровню и политического, и социального развития, будут полными аналогами.

3) Социальные и политические аналоги.

В свою очередь, полные аналоги могут делиться на те, в которых больше развита социальная или политическая сфера. Первые можно назвать **социальными** аналогами, вторые – **политическими**. К соци-

альным относятся такие, как саксы, галлы; к политическим – хунну, гунны и другие.

4) Комплексные аналоги.

Можно выделить и такие аналоги, в которых и политическая, и социальная сферы были хорошо развиты, и которые, кроме того, во многом были схожи с государством по своему устройству, характеру высшей власти и т. п. Такие аналоги я бы назвал **комплексными**. Примером могут служить сложные гавайские вождества.

Вариант классификации Б.

Аналоги можно классифицировать по тому, являются ли они одним обществом или группой тесно связанных обществ.

Другими словами, могут быть **унитарные и составные аналоги**. Речь не идет об этнической гомогенности либо о полнейшей унитарности образования. Речь идет о том, руководятся ли аналоги одной волей, достаточно авторитарной (неважно, монарх ли это или коллективный орган вроде римского сената), либо составляющие единицы аналога во многом автономны, а их мнение должно обязательно быть учтено, поскольку для принятия решения необходимо добиваться того или иного консенсуса. Те же ирокезы, а также туареги, печенег, конфедерации общин и городов и другие являются примерами составных аналогов. А гавайские вождества, германские союзы во главе с королями; военно-захватнические политии (вроде гуннской или аварской «империи»); исландская демократия – унитарными.

Вариант классификации В.

Аналоги могут различаться по степени развитости, то есть, используя классификацию Классена и Скальника, могут быть **аналоги зачаточного, типичного и переходного ранних государств** (Claessen and Skalnik 1978b: 22–23; 1978c: 640; Claessen 1978: 589). Критериями для нашего случая, я полагаю, могут быть, в частности, такие: насколько аналог был способен выполнять функции типичного или переходного государства во внутреннем управлении; насколько глубоко зашли процессы социальной стратификации; насколько важную роль стали играть новые отношения.

Большинство аналогов соответствует уровню зачаточного государства. Примерами аналогов типичного государства, возможно, являются наиболее развитые галльские политии. Можно также применить прием, указанный выше. Некоторые аналоги выступают как аналогичные типичному государству только в отдельных направлениях, например внешней политике, военном деле (иногда в торговле). Мне кажется, такими являются очень крупные аналоги²⁵. Как справедливо указывал Хазанов, хотя кочевники могли казаться оседлым современникам варварами, но эти «варвары» были довольно изощренными в политическом отношении (Хазанов 2002: 54). Было замечено, что размеры, мощь и уровень сложности в реализации внешнеполитических функций у объ-

единений (империй) кочевников тесно коррелируют с размерами, мощностью и уровнем политической культуры и деятельности государств, с которыми номады постоянно контактировали. Соответственно некоторые кочевые соседи таких государств, как Китай, вполне могут рассматриваться как неполные аналоги типичного раннего государства.

Найти примеры аналога переходного раннего государства достаточно сложно. Я считаю, это связано с тем, что на этом этапе эволюционные преимущественно государства перед аналогами проявляются уже настолько ясно, что иные политогенетические пути начинают терять свое значение. Аналоги могут еще в определенных отношениях (в частности в военном) конкурировать с такими государствами, но уже не могут открыть путь к развитию цивилизации. А при военной победе над государственным обществом аналоги просто начинают перестраиваться по его меркам.

Возможно, если бы развитие галльских политий не было прервано насильственно, то они – особенно при заимствовании письменности – могли бы выйти на уровень такого аналога переходного государства и затем трансформироваться уже в собственно государство. Это предположение основывается на том, что, как уже было сказано выше, среди галльских цивилизаций выделялись такие, как эдуи, которые приобрели «главенство над всей Галлией» (см.: Цезарь, Галльская война VI, 11–12; см. также: I, 31), а следовательно, вполне могли объединить ее всю или в значительной части. А такое объединение обычно ведет уже к образованию крупного государства. Объединение могло произойти и с помощью германских племен. Ведь, как известно, потерпевшие поражение от эдуев секваны призвали на помощь германцев (свевов и других) во главе с Ариовистом. А тот не только успешно разгромил эдуев, но и начал поработать самих секванов. Эти события и позволили римлянам вмешаться в дела галлов (там же: I, 31–44).

Завершая разговор о классификациях аналогов, вновь хочу напомнить: нельзя забывать, что **все-таки именно государство оказалось ведущей политической формой организации обществ**. Все же остальные, длительное время альтернативные ему, в конце концов либо преобразовались в государство, либо исчезли, либо превратились в боковые или тупиковые виды.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. АНАЛИЗ ПРИЗНАКОВ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА В СРАВНЕНИИ ЕГО С АНАЛОГАМИ

1. Проблема размеров раннего государства.

Сравнение размеров раннего государства и его аналогов

Вопрос о размерах аналогов раннего государства приобретает очень важное значение. Есть прямая зависимость: чем больше населения в политике, тем выше (при прочих равных условиях) сложность устройства общества, поскольку новые объемы населения и территории могут требовать новых уровней иерархии и управления, и, наоборот, но-

вые уровни увеличивают возможности политики и ее объемы (см., например: Carneiro 1967; Feinman 1998; Johnson, Earle 2000: 2, 181; Джонсон 1986). Но раз аналоги сравниваются с ранним государством, то необходимо посмотреть, какие размеры считаются минимально необходимыми для ранних государств. Однако по данному вопросу единого мнения нет, мало того, здесь гораздо меньше согласия, чем можно было бы этого ожидать (Feinman 1998: 97; см. также: Chabal *et al.* 2004: 55). Представления о минимальных размерах, необходимых для государства, колеблются от 2–3 тысяч до сотен тысяч человек населения (подробнее см., например: Feinman 1998: 97–99). Такой разброс не в последнюю очередь объясняется именно тем, что ученые пытаются выстроить четкую однолинейную схему: «догосударственные политики – государства». А в эту схему не вписываются крупные и вроде бы догосударственные общества, в частности большие и сложные вождества, конфедерации и прочие. Ведь, как мы уже видели, уровень стадияльно догосударственного общества политики минуют в разных формах, среди которых примитивная раннегосударственная малого государства – только одна из возможных.

Чтобы сохранить однолинейную схему и ее внешне стройную концепцию, исследователи определенно грешат против фактов. Например, некоторые выстраивают такую шкалу: простое вождество – население в тысячи человек; сложное вождество – десятки тысяч человек; государство – сотни тысяч и миллионы человек (Johnson, Earle 2000: 246, 304; Васильев 1983: 45). При этом получается внешне стройная и безупречная линия уровней культурной эволюции: семья (семейная группа), локальная группа, коллективы во главе с бигменами, вождество, сложное вождество, архаическое государство, национальное государство (Johnson, Earle 2000: 245).

Для построения схемы эволюции развития человечества в целом такая линия может быть принята (и то с оговорками). Но для исследования политогенеза и раннего государства в частности она не годится. Ведь в ней полностью проигнорированы государства с населением от нескольких тысяч до 100 тысяч человек, которые есть даже и сегодня (например Науру, Кирибати), а в древности и средневековье их было гораздо больше. В то же время высказываются также мнения, если и не бесспорные, то заслуживающие внимания, что первые государства (имеются в виду первичные, по определению Фрида, государства) всегда и всюду бывают мелкими, охватывая одну территориальную общину или несколько связанных между собой общин (Дьяконов 2000а: 34). А Саутхолл (2000: 134, 135) считает, что самые ранние государства были городами-государствами, причем небольшими, площадью в 10 или даже менее гектаров, что, естественно, предполагает небольшое число жителей, даже если добавить к этому какую-то сельскую округу. Мне также представляется оправданной точка зрения

Классена, который считает, что для образования государства в политике должно быть не менее нескольких тысяч человек (Claessen 2004: 77). Следовательно, в этом плане ранние государства с населением от нескольких тысяч до 100–200 тысяч человек имеют особый интерес для исследователей генезиса государства.

Но не менее важна и нижняя граница, поскольку имеется также тенденция занижать эту нижнюю планку необходимого для государства населения, фактически не делая решительных различий между небольшим вождеством из нескольких деревень и ранним государством²⁶. Иногда применяют такую шкалу: «минимальное государство» – от 1,5 до 10 тыс. чел.; «малое государство» – от 10 до 100 тыс., «государство» – более 100 тыс. (см. об этом, например: Флюер-Лоббан 1990: 79).

С одной стороны, здесь верно учтено, что 100 тыс. – это уже «нормальный» размер для полноценного некрупного раннего государства. Но нижняя шкала, думается, опущена слишком низко. Полторы тысячи человек реально может быть населением государства только в условиях достаточной развитости государственности, наличия многих более крупных соседей, возможности использовать их культурные и иные достижения беспрепятственно, как это было, например, в Древней Греции.

Хотя, как сказано выше, Классен считает, что для образования государства нужно население в несколько тысяч человек, сам он также склонен занижать нижнюю границу. Так, он пишет, что самые малые государства на Таити имели население не менее 5000 человек (Claessen 2004: 77). Но это, конечно, самый-самый нижний предел для раннего государства. Это пограничная зона, поскольку и стадиально догосударственные политики могут иметь такое и даже большее население. Особенно если речь идет о переходном периоде, когда догосударственное общество уже почти созрело к тому, чтобы перейти этот рубеж. С таким населением раннее государство появиться может, но для этого нужны особо благоприятные условия, чаще всего наличие рядом других государств.

Таким образом, нижней границей необходимого населения для образования и функционирования малых государств можно считать 5–10 тыс. При этом для образования малого государства нередко требуется больше населения, чем для его жизнедеятельности, поскольку нередко позже такое государство может распаться или разделиться.

Посмотрим, однако, на некоторые факты, касающиеся численности жителей малых ранних государств. Дьяконов приводит интересные данные о предполагаемом населении городов-государств Двуречья («номовых» государств, как он их называет) в III тыс. до н. э. Население всей округи Ура (площадью 90 кв. км.) в XXVIII–XXVII вв. до н. э. составляло предположительно 6 тыс. человек, из них 2/3 в самом Уре. Население «нома» Шуруппак в XXVII–XXVI вв. до н. э. мог-

ло составлять 15–20 тыс. Население Лагаша в XXV–XXIV вв. до н. э. приближалось к 100 тыс. человек (Дьяконов 1983: 167, 174, 203).

Можно привести и другие примеры. Размер **типичного** города-государства в Центральной Мексике накануне испанского завоевания составлял 15–30 тыс. человек (Гуляев 1986: 84). А население одного из крупных государств майя I тыс. н. э. – города Тикаля с округой составляло 45 тыс. человек (в том числе 12 тыс. в самом городе), а площадь его равнялась 160 кв. км. (Гуляев 1977: 24). Население в 40–50 тыс. предположительно могло быть в раннем государстве периода 100 г. до н. э. – 250 г. н. э. в Монте-Албане в долине Оахака в Мексике (Kowalewski *et al.* 1995: 96).

Если в V в. до н. э. население даже таких крупных городов в Греции, как Спарта, Аргос, Фивы, Мегары, составляло от 25 до 35 тыс. человек (Машкин 1956: 241), значит, даже с учетом сельских жителей население многих греческих государств (исключая, конечно, такие, как Афины, Коринф, Сиракузы) находилось в интервале нескольких десятков тысяч человек. А в более раннюю эпоху оно, видимо, было и того меньше. Для примера можно привести сведения об известном причерноморском полисе Ольвия. Население этого города даже в эпоху его расцвета (V–IV вв. до н. э.) вряд ли превышало 15 тыс. человек (Шелов 1966: 236). Население самых крупных городов Северной Италии (с округой они представляли города-государства), таких как Милан и Венеция, в XII–XV вв. едва ли превышало 200 тыс. человек (Баткин 1970: 252; Бернадская 1970: 329; см. также: Луццатто 1954: 283). Население большинства других городов-государств было существенно меньше. Население Пизы, весьма богатого и политически активного города, в 1164 г. было всего 11 тыс. человек. Быстрый рост города увеличил население вчетверо, однако все равно оно едва достигало в 1233 г. 50 тыс. человек (Баткин 1970: 208). Примерно таким же (50–60 тыс.) было и население Флоренции в XIV в. (Рутенбург 1987: 74, 112). Население менее известного маленького государства Сан-Джаминьяно в начале XIV в. равнялось 14 тыс. человек (Баткин 1970: 261). Даже сравнительно крупные государства имели не слишком большое население, например, Великая Моравия в конце IX – начале X в. при территории в 40 тыс. кв. км (большей, чем современная Бельгия) имела где-то 300 тыс. жителей (Гавлик 1985: 97).

Наряду с такими небольшими государствами были, конечно, средние и крупные, иногда с населением во многие миллионы²⁷.

Таким образом, различия в численности населения (и соответственно сложности устройства) ранних государств можно условно отразить в следующей схеме:

малое раннее государство – от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч человек;

среднее раннее государство – от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч;

крупное раннее государство – от нескольких сот до 2–3 миллионов;

очень крупное раннее государство – свыше 3 миллионов человек.

Соответственно и аналоги раннего государства надо подразделить на:

аналоги малого раннего государства;

аналоги среднего раннего государства;

аналоги крупного раннего государства.

Должно быть очевидным, что аналоги раннего, среднего и крупного государств заметно отличаются друг от друга. Соотношение размеров ранних государств и их аналогов см. в таблице.

Критическим для аналога раннего государства можно считать размер в несколько сот тысяч человек. Это, вероятно, уже предел, за которым такая полития или разваливается, или трансформируется в государство. Поэтому аналоги крупного государства очень редки. Из нижеприведенных примеров это только некоторые объединения кочевников. Население этих суперкрупных вожеств, даже по самым оптимистическим подсчетам, никогда не превышало 1,5 млн человек (Крадин 2001б: 127; 2001а: 79)²⁸. Следовательно, такие аналоги соответствуют только малым из крупных государств. Аналогов же очень крупного раннего государства, я думаю, просто не могло быть, либо это были очень непрочные образования.

Таблица

Типы ранних государств и аналогов ранних государств

Размер политии	Тип раннего государства и примеры	Тип аналогов раннего государства и примеры
1	2	3
От нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч человек	Малое раннее государство (Ур в XVIII–XVII в. до н. э.)	Аналог малого раннего государства (Исландия в XI в.)
От нескольких десятков тысяч до нескольких сотен тысяч человек	Среднее раннее государство (Гавайи в XIX в.)	Аналог среднего раннего государства (эдуи, арверны, гельветы в Галлии до Цезаря)
От нескольких сотен тысяч до 3 млн человек	Крупное раннее государство (большое раннее государство в Польше в XI–XIV вв. ²⁹)	Аналог крупного раннего государства (хунну 200 до н. э. – 48 н. э.)
Свыше 3 млн человек	Очень крупное раннее государство (Римская республика II в. до н. э.; империя Инков)	Устойчивых аналогов очень крупного раннего государства не существует

2. Общая характеристика специфических признаков раннего государства

Таким образом, мы рассмотрели многочисленные политии, по размерам, сложности и ряду других параметров находящиеся на одном уровне развития со многими ранними государствами и в то же время существенно превосходящие типичные догосударственные образования (вроде простых вожеств, племен, общин). Это доказывает, что главные различия между ранними государствами и их аналогами не в размерах и уровне сложности, а в особенностях политического устройства и способах управления обществом, а поэтому для отличия раннего государства от его аналогов требуются иные критерии. Этим критериям и будет посвящена оставшаяся часть статьи.

Для различения раннего государства и его аналогов я вывел четыре признака, которые назвал так:

1. **Особые свойства верховной власти.**
2. **Новые принципы управления.**
3. **Нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества.**
4. **Редистрибуция власти.**

Прежде чем они будут раскрыты и охарактеризованы, следует сделать несколько пояснений.

I. Эти признаки представляют систему. Каждый из них во многом дополняет и объясняет другие. Поэтому они в известной мере перекрывают друг друга. Но, конечно, в каждом раннем государстве эти признаки развиваются не равномерно, и одни оказываются развитее других.

II. Каждый из этих признаков в той или иной мере должен присутствовать в каждом раннем государстве. А их совокупность дает достаточно точную возможность, чтобы определить, раннее государство перед нами или его аналог. Каждый признак обязательно показывает отличия раннего государства от каких-то аналогов, в которых его нет. Но наличие только отдельных признаков не является стопроцентным критерием раннего государства, так как эти признаки могут встречаться и в некоторых аналогах, однако не в системе. **Таким образом, признаки раннего государства, отличающие его от аналогов, должны рассматриваться в совокупности, поскольку нет аналогов, которые бы обладали всеми перечисленными признаками.**

III. Признаки эти достаточно абстрактны, что видно из самих названий (*новые принципы, особые свойства, новые формы*). Я считаю, что для решения поставленной задачи – найти отличия раннего государства от аналогов – такие широкие обобщения наиболее продуктивны по следующим причинам:

– Они отражают факт, что в каждом раннем государстве в рамках этих признаков преобладали те или иные более узкие направления.

Ведь понятно, что ни в одном раннем государстве не могли сразу появиться все новые принципы и формы, а только некоторые из них.

– Выделенные мной признаки позволяют объединить в них многие из тех моментов, на которые указывали различные исследователи как на критерии раннего государства. Например, дифференциация и специализация власти и способность к ее делегированию, а также появление аппарата управления включены в признак *новые принципы управления*.

3. Особые свойства верховной власти

Для исследования процесса формирования государства анализ его верховной (центральной) власти представляется исключительно важным. На единый центр как на важнейший признак государства указывают и различные исследователи (Claessen 1978a: 586–588; Claessen, Oosten 1996: 2; Claessen, van de Velde 1987a: 16; Ember C. R., Ember M. 1999: 158, 380; Fortes, Evans-Pritchard 1987/1940; Haas 2001: 235; Spencer 2000: 157 etc.; см. также: Гринин 2000a; 2001–2005; 2006a; Grinin 2002a; 2003; 2004a; 2004b; 2004c). Но понятно, что «центром» централизованного общества «не всегда будет определенная персона – лидер или правитель, обладающий высшей властью» (Haas 2001: 235). Иными словами, верховную власть можно трактовать более или менее широко. В узком плане – это монарх, президент, народное собрание и т. п. В широком – это совокупность органов и людей, осуществляющих высшую власть из постоянного или временного центра. Ведь ни монарх, ни народное собрание без определенного числа помощников и исполнителей, естественно, управлять не в состоянии. В настоящей работе я буду употреблять этот термин в широком смысле.

Разумеется, раннее государство нельзя редуцировать только к его центру и верховной власти. Но невозможно и отрицать, что именно в результате взаимодействия центра и периферии в одних случаях или в результате борьбы конкурирующих между собой центров за верховенство в других и создается новая структура общества, постепенно ведущая к тому, чтобы оно стало государственным. Отношения внутри верховной власти часто становятся важнейшими в политической системе государства, даже судьбоносными для него.

Далее раскрываются несколько важных характеристик верховной власти в раннем государстве.

• Достаточная сила верховной власти

В раннем государстве верховная власть приобретает некоторые черты, не свойственные не только догосударственным, но и негосударственным образованиям, даже тем, где реальная власть вождя и его окружения весьма велика.

В раннем государстве верховная власть чаще более сильная и более централизованная, чем в аналогах³⁰. «Главная характеристика, которая отличает государство от других форм социальной организации, –

это политическое господство, легитимная сила навязывать решения» (Claessen, Skalnik 1981a: 487; см. также: Service 1975: 154).

Достаточная сила верховной власти отличает ранние государства от тех аналогов, в которых она формальна, слаба или отсутствует. А также от тех, где главная задача верховной власти – сохранить единство и консенсус, типа конфедераций³¹ и более сложных обществ, например, галльских вождей и городов (см.: Леру 2000: 123–127), а также гетерархий (Crumley 2001).

От аналогов с более сильной верховной властью раннее государство отличается, прежде всего, большей систематичностью и активностью центра в отношении подвластной ему территории. Разумеется, многие области жизни почти не затрагиваются ранним государством. Но в отличие от многих аналогов его влияние на подвластные ему территорию и население, хотя бы в отдельных важных направлениях, становится систематическим, а не эпизодическим.

Достаточная сила верховной власти, в принципе, должна обеспечивать территориальную целостность государства. Способность противостоять распадным процессам и тенденциям Р. Коэн особо подчеркивал как критерий государства (Cohen 1981: 87–88; Gledhill 1994: 41). Однако распад весьма часто случался и в ранних государствах, но эту проблему мы затронем несколько дальше.

• Способность к переменам

Еще один показатель силы верховной власти заключается в том, что она должна быть способна производить существенные изменения в данном обществе и расширять сферу властного регулирования. Конечно, была масса сдерживающих факторов для перемен, но тем не менее способность к ним по сравнению с аналогами увеличилась.

Такая способность объясняется уже тем, что раннее государство как бы генетически носит на себе отпечаток крупных (иногда и крутых) перемен. Ведь государства, как уже сказано выше, чаще всего создаются в особых условиях, в том числе каких-то кризисов, решительного несоответствия старых способов управления важным задачам, которые нельзя игнорировать; гражданского противостояния; искусственной концентрации населения или его резкого роста; ослабления или дискредитации власти в условиях сложных задач; завоевания или военного объединения и т. п. (см. подробнее: Гринин 2001–2005; 2006а; Гринин 2003; 2004с; см. также: Классен 2006). Сервис даже считает, что, когда теократическое вождество становится государством, это обычно происходит в состоянии потрясений в обществе (Service 1975: 157–158). При этом иногда открывается большой простор для изменений. Например, правители ранних тираний в Греции порой довольно круто ограничивали не только влияние, но и частную жизнь знати и проводили важные реформы. И поэтому некоторые из них, «несмотря на весь свой тиранический эгоизм, а в некотором смысле и

благодаря ему, заложили основы будущего полиса» (Берве 1997: 37). Можно вспомнить и реформы Монтесумы II в начале XVI в. в империи ацтеков, который сократил численность знати, запретил многим из них под предлогом сомнительного происхождения доступ к государственной службе и отменил их привилегии (Kurtz 1978: 176).

Когда государство образуется на базе сложных вожеств с сильной властью вождя, власть нового «короля» может стать еще более сильной и непререкаемой. Так, в частности, было на Гавайском архипелаге, где объединивший в начале XIX в. все острова Камехамеха I истребил часть местной знати, передал власть от местных династий на островах своим родственникам и приближенным, провел перераспределение земель на покоренных территориях (Тумаркин 1964: 88–90; 1971: 21) и, используя европейскую помощь, создал постоянную в несколько тысяч человек армию с огнестрельным оружием и пушками, а также военный флот из 60 палубных ботов, нескольких бригов и шхун, построил форты (Тумаркин 1964: 102–103; 1971: 20). Его сын, принявший тронное имя Камехамеха II, вместе с приближенными отверг ряд наиболее уважаемых табу, поскольку, имея армию с огнестрельным оружием, он, вероятно, полагал, что уже меньше нуждается в сакральной поддержке небес (см.: Service 1975: 155–157). С другой стороны, такие нарушения могли внушать еще большее почтение к могуществу короля. Таким образом, в первые десятилетия XIX в. политическое и социальное устройство гавайского общества быстро менялось (Ёрл 2002: 79).

В молодых монархических государствах нередко правители, почувствовавшие себя всевластными, переставали считаться с различными советами, собраниями и традициями и за десяток-другой лет проводили больше реформ, чем их делалось за предыдущие 100–200 лет. А ликвидация власти вождя или царя, а затем и ограничение влияния аристократии в демократических полисах давало почти неограниченную власть демократическим органам, которые могли иногда принимать исключительно интересные решения.

• Полнота функций верховной власти

Чем больше функций выполняет государство, тем больше это, в принципе, говорит о росте государственности³². Но поскольку объем функций в каждом государстве во многом зависит от конкретных условий (в частности от того, организует ли государство производство или нет), то нужно установить хотя бы факт **достаточной полноты функций** верховной власти. При этом государство должно выполнять как **функции внутреннего регулирования** (объединительную и карательную, высшего арбитра, судебную и посредническую, фискальную, организационную, контрольную, сакральную), так и **внешние** (обороны или военного грабежа, поддержания суверенитета и удержания в орбите своего влияния союзников, внешней торговли

и внешних сношений). Это отличает ранние государства от тех аналогов, где внутреннее управление слабо (держится на традициях), а внешнеполитическая функция довольно развита, вроде конфедераций племен и городских общин, а также крупных политических объединений кочевников (например хунну) и т. п., в которых верховная власть, не вмешиваясь во внутреннее управление, могла контролировать внешнюю торговлю и военные акции (Крадин 1992; 2001а; 2002; Гумилев 1993б). Ибо если внутри общества можно пытаться решать проблемы старыми методами, то вне его очень часто это невозможно.

4. Новые принципы управления

С усложнением общества и наращиванием в нем новых этажей власти неизбежно возникает какое-то движение в сторону разделения труда в управлении. Однако в аналогах раннего государства такое разделение базируется на старых (родовых, сакральных, самоуправления и других) принципах, отчего не превращается в саморазвивающуюся систему, ведущую к постоянной дифференциации функций.

В раннем государстве появляются новые принципы разделения труда по управлению обществом. Наиболее важными из них являются: **делегирование власти; новое разделение функций (отделение исполнения от решений); изменения в комплектовании кадров управления; рост значения новых типов управленцев; появление властных вертикалей** – и некоторые другие, также связанные с дифференциацией функций, отраслевым характером управления, разделением властей, но менее универсальные, то есть встречающиеся только в отдельных ранних государствах. Постепенно принципы разделения управленческого труда стали и **новыми принципами управления обществом.** Но каждый из них в конкретных государствах реализовывался не полностью, а фрагментарно, сочетаясь с традиционными и догосударственными отношениями.

В числе новых принципов управления обществом, конечно, надо отметить и **бюрократизацию управления.** Но, несмотря на его большую эволюционную будущность, очень важно обратить внимание, что в ранних государствах бюрократизация получила заметное развитие не везде (и в этом смысле она не была универсальным новым принципом управления для ранних государств). В некоторых случаях мы видим процесс бюрократизации в ярком, классическом виде, как, например, в Египте или в Нижнем Междуречье эпохи III династии Ура. В других случаях бюрократизация была относительно слабой, особенно на завоеванной территории, например, в таких государствах, как ацтекское (Johnson, Earle 2000: 306; Баглай 1995) или Римская республика (Штаерман 1989). Иные государства, как Древняя Русь или Норвегия, были «дружинные», и весь аппарат управления сводился к его военной подсистеме (Гуревич 1980: 131; см. также 1970: 173; Шмурло 2000,

1: 107). Не относить такие политии к ранним государствам я не считаю правильным³³. Поэтому я стремился описать новые принципы управления возможно более универсально, чтобы они в полной мере относились как к бюрократическим, так и небюрократическим государствам. Впрочем, даже в бюрократических государствах управленцы все не походили на тот тип чиновников, о котором писал Вебер (Weber 1947: 333–334; см. также: Бондаренко 2001: 244–250; Гринин 2001–2005; 2006а).

4.1. Делегирование власти и делимость власти

Делегирование власти означает возможность передать кому-либо власть в определенном объеме и на определенных условиях (обычно с ограниченным сроком) для выполнения каких-то задач и функций. Такая практика зародилась вместе с появлением сколько-нибудь институционализированной власти. Однако догосударственные и негосударственные общества в большинстве случаев отличались слабой способностью к делегированию власти. Исследователи отмечают, что вождь часто не мог передать на сколько-нибудь длительное время кому-либо свои полномочия даже для решения важных проблем, не рискуя в конечном счете уменьшить или даже потерять свою власть (см.: Spencer 2000; Wright 1977). Тем более это было трудно сделать, если вождь имел сакральные функции, а его власть зиждилась на страхе перед его особыми качествами, которые далеко не всегда можно «делегировать» другому. Такие ограничения – поскольку сам вождь не мог поспеть везде – существенно усложняли управление и ставили преграды для эволюции политической системы.

Однако потребность в делегировании власти вытекала из важных практических нужд и необходимости решать одновременно много вопросов. По мере роста объемов и сложности задач такая потребность все усиливалась. Поэтому в конце концов трудности делегирования власти начинают постепенно преодолеваться, поскольку в раннем государстве удается, наконец, найти способы наделять кого-либо нужной долей власти на нужное время без боязни лишиться ее (о важности в раннем государстве делегирования власти см.: Claessen 1978a: 576; Spencer 2000; Wright 1977).

Таким образом, возможность делегирования власти становилась важным новым принципом управления. Но и этот, и другие принципы управления базировались на появлении нового свойства власти, о котором стоит сказать особо. Я назвал это свойство **делимостью власти** (Гринин 2001–2005; 2006а; Grinin 2003, 2004с). Оно заключается в возможности для обладателя власти делить ее в нужной пропорции между нужным количеством людей и на определенное время без утраты обладания властью и контроля над ней. Соответственно делимость власти предполагает реальное право отобрать данную власть или пере-

распределить ее. Делимость власти обычно означает также ту или иную степень согласия подчиненных и подвластных с правом обладателя власти делить ее и передавать другим, причем далеко не любому, а обладающему в глазах подчиненных нужным объемом полномочий, легитимности, авторитета. Иначе получивший полномочия не сможет ими воспользоваться.

Неделимая же власть – это власть, которую нельзя на время передать, делегировать, распределить и разделить между различными людьми и органами, не рискуя ее полностью или частично потерять либо встретить отказ в признании правомерности такого деления или нежелание подчиняться «заместителю» обладателя власти. И такой она обычно была в догосударственных обществах и в большинстве аналогов. Стоит заметить, что **неделимость власти означает и неделимость ответственности правителя** за всякого рода неудачи и бедствия. В то время как в государстве правитель очень часто мог переложить ответственность на исполнителя.

Для любого политического организма применимо, используя терминологию социологов, правило «нулевой суммы», то есть насколько у одного власти прибавилось, настолько у другого она убавилась. «Власть можно сравнить с ограниченным количеством товара – если ее больше у одной партии, то у другой должно быть меньше. Более того, если власть перераспределяется, это всегда влечет за собой потерю для одной или другой группы» (Смелзер 1994: 545). Однако некоторые теоретики, включая Парсонса, утверждают, что «увеличение власти не всегда связано с чьим-то поражением» и что общественные условия могут уменьшить ограничительный характер объема власти. Парсонс приводит аналогию с деньгами. Кредит может способствовать увеличению денежных ресурсов, но богатство одного человека не всегда приводит к бедности других людей (Смелзер 1994: 545).

Мне думается, что в догосударственных и негосударственных обществах это правило «нулевой суммы» действует более жестко, чем в ранних государствах, поскольку в последних при передаче власти от центра к его агентам сумма власти не остается нулевой, а возрастает. Ведь по мере развития аппарата центр может наделять кого-то властью, но объем его собственной власти от этого не уменьшается (по крайней мере, не должен уменьшиться теоретически). Мало того, чем больше людей у него на службе, тем больше его власть. Но властью обладает и каждый функционер. Следовательно, **в целом сумма власти возрастает.**

И хотя в раннем государстве эти процессы только-только начинаются, важно, что на базе делимости власти и роста ее общей суммы становится возможным усложнение разделения управленческого труда, что открывает перед обществом огромные перспективы развития в политическом плане.

4.2. Отделение выполнения функций от носителя функций

Общая черта ранних государств и аналогов – увеличение уровней сложности устройства и управления – ведет к тому, что центру становится труднее поддерживать достаточно эффективную связь между собой и периферией. В аналогах решение этой проблемы достигается, в первую очередь, за счет гипертрофии традиций и доведения до предела прежних тенденций развития, например, наращивания числа и титулатуры вождей (а также разрастания их линиджей); расширением того, что Э. Саутхолл называет «ритуальным сюзеренитетом» без ограничения фактического суверенитета местных правителей, то есть чисто формального подчинения верховному вождю (Southall 2000: 150); более четкого разграничения объема власти региональных и верховных правителей; более четкого закрепления тех или иных функций в руках определенных родов и линий; развития генеалогического принципа, а также сакральных, ритуальных и идеологических моментов, связанных с использованием власти.

Подобные процессы, разумеется, идут и в раннем государстве. Однако очень важно, что помимо усиления этих старых тенденций там возникает и нечто качественно иное, а именно: отделение исполнения функций верховной власти от нее самой (как носителя функций)³⁴. В результате происходит качественно другое, чем прежде, разделение функций. Верховная власть, образно говоря, превращается в мозг, который управляет различными органами общества, а ее задачи на местах исполняются специальными порученцами, представителями, функционерами, наместниками, специалистами³⁵. Этот формирующийся аппарат управления становится «приводным ремнем» от верховной власти к обществу. В результате такого разделения функций и начинается та внутренняя специализация, по Райту, в результате которой центральные процессы дифференцируются на отдельные действия, которые могут быть выполнены в разных местах и в разное время (Wright 1977: 381).

Таким образом, центр может, не теряя власти, расширять количество своих порученцев и функционеров, получая возможность сосредоточиться, прежде всего, на выработке общих решений, командовании, координации деятельности, сборе данных и контроле. Тем самым преграды для распространения его власти и расширения функций существенно уменьшаются, а возможности для экспансии увеличиваются. Проблемой становится необходимость кормить добавочных воинов и функционеров. Вот эта необходимость и является постоянным источником деятельности государства, его активности, необходимости что-то менять. Отделение исполнения функций порождает особую функцию верховной власти – **контроль за исполнителями**.

Все это ведет к усложнению и порой к разбуханию верховной власти, специализации ее органов, возникновению сложного баланса ин-

тересов в ней. Разумеется, такое разделение функций еще очень неполно и фрагментарно. Обычай вроде полюдья показывают, что верховная власть еще сама стремится или вынуждена и собирать дань, и вершить суд, и производить сакральные действия (см., например: Кобищанов 1995). Но все же во многих ранних государствах описанное отделение уже вполне заметно и играет важную роль. Оно способствует и **развитию властных вертикалей**, то есть подчинению управленцев сверху донизу одной воле и одним правилам. Этот принцип управления долгое время, правда, не играл слишком важной роли, однако в некоторых органах, особенно в армии, такие вертикали могли иметь место.

4.3. Новые черты системы управления в раннем государстве

Наличие развитого аппарата управления, как мы видели, не является обязательным признаком раннего государства. И это вполне объяснимо. Ведь административный аппарат возникает часто именно как добавочный, неосновной способ управления, и только потом обнаруживаются его преимущества. Поэтому в раннем государстве он создавался в основном из наличного материала (а не из идеальных чиновников, которых просто не существовало) и, конечно, не был полностью профессиональным. Мало того, он лишь частично формировался из лично обязанных власти людей, а большей частью центр просто приспособлялся к своим нуждам уже сложившиеся формы самоуправления, управления и выполнения определенных функций теми или иными родами, слоями, корпорациями, выборными людьми³⁶. Иными словами, **аппарат управления в раннем государстве обычно не системный. Он заново формируется только в каких-то важных местах или направлениях.** На привычный нам аппарат управления он похож только в отдельных фрагментах и моментах, а в целом представляет собой пеструю смесь старого и нового, поставленного на службу верховной власти. Эта система, однако, часто дает сбои то в одном, то в другом месте. Отсюда и постоянные поиски лучших административных решений, иногда наивных и близоруких, иногда просто вредных, но путем проб и ошибок все же открывающих простор для эволюционного развития.

Объем, степень сложности и разветвленности аппарата очень сильно зависят от объема самого государства. И тут никак нельзя сравнивать небольшие и огромные державы. Кроме того, разветвленность аппарата зависит от функций государства, поскольку там, где оно выполняет производственные задачи, соответственно и управленцев больше. Наконец, наличие достаточно развитого рынка делает ненужным часть управленцев, появляющихся в ряде государств в отсутствие рынка.

Таким образом, в раннем государстве начинается формирование особой **системы управления**, которая причудливым образом соединяет в себе старые и новые черты, а также и чисто переходные

(впоследствии исчезающие) явления. Причем новые признаки могут и не играть еще определяющей роли. Поэтому сравнение управления в раннем государстве и аналогах должно идти, прежде всего, по пути выявления в первых новых моментов, особенно таких, которые оказались способными в дальнейшем перестроить общество. Здесь следует обратить внимание на следующее.

Во-первых, хотя нередко верховная власть вынуждена терпеть различные иные силы и формы управления, все же в ранних государствах по сравнению с аналогами чаще проглядывается более сложная и разветвленная система управления, пусть состоящая еще в основном из управленцев старой формации (в том числе родовых начальников), но уже замкнутая на верховную власть. Сам род правителя начинает теперь играть в чем-то новую роль высшего эшелона власти, члены которого нередко раскиданы по всем уголкам страны. И даже в борьбе членов этого рода между собой за власть также можно увидеть, говоря словами русских историков XIX века, борьбу государственного и родового начал.

Во-вторых, если не во всех, то хотя бы в некоторых из ключевых органов и институтов (армии, суде, системе наместников, фискальных органах) верховная власть способна реально влиять как на назначения на важнейшие посты, так и на среднее звено руководителей.

В-третьих, для государства характерна **большая социальная мобильность** людей, выполняющих госфункции, чем для многих аналогов, выше **степень легкости включения** в указанный аппарат людей не из определенной элиты (рода, клана, сословия, касты). Чем строже ограничения, вплоть до полной невозможности вхождения в него людей со стороны, тем больше в политике старых способов организации, не позволяющих перейти к собственно политико-административным методам управления.

В-четвертых, по сравнению с аналогами ранние государства имели гораздо больше возможностей для замены (снятия с должности) членов аппарата в связи с плохим выполнением обязанностей или в связи с необходимостью, хотя порой слишком большого простора для выбора кандидатов и не было.

В-пятых, в ранних государствах по сравнению с аналогами происходят большие изменения в составе управленцев, **поскольку появляются новые типы управленцев**. Об этом скажем несколько подробнее.

4.4. Изменения в составе управленцев

Виттфогель говорил, что государство – это управление при помощи профессионалов (Wittfogel 1957: 239; см. также: Weber 1947: 333–334). Но профессионал – это достаточно широкое понятие. Оно включает в себя и **наследственных** профессионалов, то есть тех, кто от рождения предназначен для отправления тех или иных обязанностей. Именно такими являлись вожди разных рангов в вождествах, а также наслед-

ственные главы, старосты общин или их частей. Поэтому можно сказать, что во многих аналогах и догосударственных образованиях также управляли профессионалы.

В ранних государствах наследственных и клановых³⁷ профессионалов, занимающих свой пост или должность независимо от центра, также было немало. Но постепенно все более заметную роль начинают играть нового рода управленцы (а также прежде маловажные типы управленцев).

Во-первых, существенно растет число и роль управленцев-**функционеров** (их классификацию см.: Claessen 1978a: 576). А разница между функционером и, скажем, вождем существенна, поскольку первый выполнял ограниченные и специальные функции, а второй – общие (см. об этом, например: Diamond 1999: 274). Ибо вождь сосредоточивал на своем уровне всю полноту власти, а люди, поставленные (утвержденные) центром, часто имели только определенные полномочия.

Во-вторых, слой управленцев становится довольно пестрым, поскольку их права на должность были различны. Среди наследственных управленцев растет число **утвержденных**. Они наследовали должности по родственной линии или получали ее из рук клана, но вступление на должность должно было утверждаться центром.

Среди новых типов управленцев особо стоило бы выделить **назначенцев**, тех, кто назначается (нанимается) на какие-то должности или места и зависит от правителя и власти. Разумеется, и эта группа была пестрой. Она включала в себя и тех, кто материально мог вполне обойтись без службы или даже вовсе тяготился своим положением. Но была и подгруппа тех, для кого служба была главным делом и кто очень сильно зависел от вышестоящей власти. Следует учитывать, что и в аппарат, и в дружины людей стремились подбирать по принципу преданности. Особенно удобны в этом плане для власти были люди без роду и племени, рабы и слуги, иноплеменники. Поэтому их и привлекали для управления, военной службы, надзора за хозяйством³⁸. Такая практика была широко распространена не только в государстве, но и у частных лиц. В некоторых государствах от управленцев требовали и специальных знаний, тем самым создавалась эволюционно перспективная группа управленцев-специалистов (в том числе писцов). В управлении государством могли играть важную роль иностранные советники, как это было на Гавайях после смерти первого короля Камехамехи I при его преемниках. И даже при самом Камехамехе I некоторые иностранцы получали в пользование целые поместья с даровой рабочей силой (см.: Тумаркин 1964: 94; 1971).

Таким образом, в политике и управлении появлялось все больше людей, которые жили за счет выполнения своих функций и прямо зависели от правительства. Разумеется, они могли еще не составлять полную систему, но чем дальше развивалось государство, тем заметнее был кон-

фликт между профессионалами по праву и профессионалами-назначенцами, тем сильнее верховная власть стремилась или заменить первых на вторых, или превратить первых во вторых. История многих государств изобилует такими примерами. Чем более способна была верховная власть выполнить это, тем заметнее было развитие государства.

В демократиях и аристократических республиках, помимо функционеров, сформировался и тип профессиональных политиков. В этих обществах прийти к власти очень часто мог только подготовленный (и обычно состоятельный) гражданин. Эти люди занимались политикой не потому, что нуждались в доходах, а потому, что это было престижно и упрочивало их положение. Косвенным путем, правда, удавалось нередко получить и материальные выгоды, но прямая связь была не всегда. Иными словами, это были **свободные** профессионалы, обладавшие особой квалификацией (ораторским искусством, знанием законов и т. п.).

Возможность служить или не служить, заниматься политикой или нет характерна для аристократических или сословных государств, где высшие слои (сословия) имеют независимые источники дохода. Но это могло быть только в том случае, когда государство обеспечивало и охраняло собственность этих людей. Иными словами, государство здесь выступало как исполнительный комитет (или как проводник) воли граждан, точнее, той части граждан, которой удалось навязать свою волю остальным. Таким образом, свободные профессионалы были частью политической системы и фактически частью госаппарата (как сегодня в развитых демократиях партийные функционеры, по сути, являются частью государственной машины). Какие-то из них прямо находились у власти, другие оставались «оппозицией его величества», но в целом это была неразрывная система.

Общие черты профессионалов-функционеров и профессионалов свободных заключались в том, что для занятия должности или занятия политикой ни безоговорочного права, ни строгой обязанности у них чаще всего не было. Имелась и определенная свобода в выборе занятий, и определенная неуверенность в прочности своего положения. Следует также отметить и необходимость в специальных знаниях.

5. Новые и нетрадиционные формы регулирования жизни общества

5.1. Традиционные и нетрадиционные формы регулирования жизни общества

Выше мы отмечали, что политическая власть в государстве постепенно приобретает возможность регулировать при необходимости любые аспекты жизни общества. Какие именно моменты будут объектом такого регулирования, разумеется, зависит от очень многих вещей, в том числе от задач и силы верховной власти. При определенных ситуациях даже вопросы, весьма далекие от политики, становятся политически-

ми, если верховная власть начинает в них влезать, менять и контролировать. Но вместе с ростом объемов и сложности сферы регулирования в раннем государстве существенно повышается и роль нетрадиционных методов регулирования, а также появляются новые³⁹.

Что я имею в виду под традиционными методами регулирования жизни общества? Это методы, которые:

- а) уже устоялись и потому не требуют отходов от прежней практики;
- б) основаны на таких обычаях и деятельности людей и групп, которые либо проходят вовсе без какого-либо участия верховной власти, либо ее участие в них объясняется традицией и обязанностями, которые верховная власть не может изменить (вроде какого-нибудь обряда плодородия, религиозных празднеств, выслушивания жалобщиков и т. п.).

Соответственно нетрадиционные и новые методы:

- а) обязательно связаны с прямым или косвенным участием верховной власти (непосредственно или через ее представителей);
- б) в них явно выражается воля верховной власти, и они могут быть связаны с теми или иными изменениями в обычаях и законах.

Разумеется, деление на традиционные и нетрадиционные методы весьма условно. Но оно способно быть полезным при анализе особенностей ранних государств по сравнению с аналогами. В частности, в последних изменение традиций, регулирующих социально-политическую жизнь, было связано, в первую очередь, со сверхразвитием старых направлений и потенций. Зато в ранних государствах наряду с таким сверхразвитием укрепляется важная способность к реформированию и/или к разрыву с некоторыми традициями.

По этому поводу стоит привести высказывание Сервиса, который, анализируя ситуацию на Гавайях до и после контактов с европейцами, писал, что система этих теократических вождей держалась на идеологии, которая оправдывала и санкционировала правление наследственной аристократии, *опиравшейся на вековые традиции и этикет*. А такая система, по его мнению, находится в определенном противоречии с примитивным государством, которое, хотя и пытается править с помощью идеологии и традиций (обычаев), *должно создать добавочную поддержку* в виде монополии силы с законной структурой, которая управляет этой силой (Service 1975: 154). Эта мысль (с учетом, конечно, разницы в наших подходах) подтверждает доказываемую мной идею: *аналоги опираются в основном на традиционные методы, а государства, наряду с традиционными, должны создавать нетрадиционные и новые формы управления*.

5.2. Нетрадиционные и новые формы регулирования

К таким методам я отношу:

- реформирование и/или постепенное изменение управления и различных аспектов социальной жизни, включая «контроль и регулирование в некоторых сферах социальной деятельности (различных для каждого конкретного государства: от половых запретов до кровной

вражды. – Л. Г.), которые в безгосударственных обществах являются прерогативой родственных групп» (Kurtz 1978: 183);

– разрыв с традициями и тенденция к замене традиций политической волей (деятельностью управленцев или выборных лиц, правом, насилием, нормотворчеством власти и т. п.);

– рост значения принуждения и контроля за исполнением, в том числе установление контроля за прежде автономными должностными лицами и органами (судами, старостами и т. п.)⁴⁰;

– изменения в системе поощрений и наказаний (в том числе их кодификация или детализация, появление новых форм поощрения и наказания, изменение круга или положения лиц, имеющих право осуществлять наказания и поощрения). При этом правители и администраторы, подобно индийскому Каутильи, автору «Артхашастры», были озабочены эффективностью наказаний, то есть тем, чтобы они не были ни слишком жестокими, ни слишком мягкими (Mishra P., Mishra J. 2002);

– расширение или сужение полномочий должностных лиц для выполнения ими воли и политики верховной власти;

– создание условий (особых законов; органов власти, надзора и контроля; должностей; изменение обязанностей местной власти и прочего), которые позволяют верховной власти создать систему более регулярного контроля, добиваться более регулярного контроля, принятия важных для нее решений и доведения их до населения.

Стоит добавить, что в каждом раннем государстве (и даже на каждом этапе его развития) какие-то из перечисленных методов могли быть мало развиты, а какие-то – преобладать. Более подробно мы остановимся на первых трех формах.

5.3. Традиция и государство. Традиция и реформирование

Отношение государства к традициям двойственное. Оно может опираться на них, если это для него удобно. Так, в России искусственно сдерживался распад сельской общины. Но если эти традиции мешают функционированию или интересам верховной власти, их пытаются тем или иным способом устранить. В целом же имелась тенденция к замене традиционных форм регулирования жизни административными и правовыми.

В догосударственных обществах роль традиций была исключительно важной. Но правомерно ли думать, будто ранние государства незаметно вырастают из этих традиций, так что люди почти не ощущают перемен? Я полагаю, нет. Образование раннего государства всегда связано с заметными переменами. Ко многим традициям раннее государство было индифферентно, так как они еще не влияли на его деятельность. На другие традиции оно, напротив, опиралось, порой резко усиливая их, делая из менее значимых важными или самыми важными⁴¹. Весьма часто это касалось таких «традиций», как выполнение различных материальных, трудовых или военных повинностей.

В Гавайском государстве в XIX в. например, из-за расточительства двора и знати и бесконечных государственных долгов усилились повинности общинников. Это особенно ярко выразилось в принудительных заготовках сандалового дерева, что периодами приводило к кризису в сельском хозяйстве (Тумаркин 1971).

В этом смысле раннее государство сходно со многими аналогами, в которых как бы идет гипертрофирование традиций, как это было, например, с родовитостью в Полинезии и в других местах⁴². Есть много традиций (особенно религиозного, семейного плана и связанных с благородством родов), которые не нравятся верховной власти, но которые она не может, не считает возможным, боится тронуть. Например, местничество в Московской Руси удерживалось даже в период крутых расправ с боярами и реформ в XVI в.

Наконец, четвертая группа традиций включает в себя такие, которые препятствуют решению насущных задач или достижению важнейших целей либо угрожают устойчивости или самому положению верховной власти. Их она (когда это по силам) устраняет или преобразует, а также ломает связи людей с местными традициями (Kurtz 1978: 185). И вот это **стремление изменить некоторые важные традиции или порвать с ними, мне кажется, очень характерно для ранних государств. Почему?**

Дело в том, что управление только по традиции не требует ни специального аппарата, ни выполнения особых функций контроля. **Другими словами, там, где традиция господствует абсолютно, не нужно государства**, а достаточно иных принципов организации общества⁴³. Государство же – это политическая форма, возникшая в условиях, когда был необходим отход от некоторых важных традиций. Таким образом, перефразируя известное определение, можно сказать: **государство начинается там и тогда, где и когда традиционные методы управления не действуют**⁴⁴. Иными словами, переход к государству облегчается серьезными отклонениями от привычной ситуации и необходимостью существенных (иногда и коренных) изменений в управлении (Claessen 2004; Классен 2006; Гринин 2001–2005; 2006а; Grinin 2003; 2004с).

Конечно, сильные изменения и разрывы с традицией в результате неожиданной перемены ситуации, или внутренней борьбы, или необходимости имели место в некоторых случаях и до раннего государства, и параллельно ему⁴⁵. Но все же большинство аналогов не способно уйти от тех традиций, которые не дают им эволюционного простора.

Зато в ранних государствах направленность на изменение традиций становится более определенной и систематической.

Но, разумеется, в каждом обществе такой отход от традиций происходил только в отдельных направлениях, неполно, встречая сопротивление, оппозицию и заговоры, часто с откатами, возвратами и переворотами. Такой отход облегчается в условиях, когда выполнение тра-

диций затруднено, так как нарушилась их основа. Например, сселение людей в крупные поселения, этническое перемешивание, развитие торговли, войны, технологические перемены и прочее усиливают необходимость судебного или административного регулирования. Сказанное о тенденции к разрыву с традициями не противоречит и тому факту, что в процессе образования государств (по крайней мере значительного их числа) важную роль играет завоевание (Ambrosino 1995; Carneiro 1970, 1978; Саутхолл 2000). Напротив, в определенном смысле завоевание может рассматриваться как резкий разрыв с некоторыми традициями и возникновение новых отношений между победителями и побежденными.

Вот несколько из очень многих примеров отхода от традиций. Гавайские правители особенно после Камехамехи I в дворцовых церемониях и ритуалах стали подражать европейцам, переняли европейские одежду, домашний быт, военные представления (Johnson and Earle 2000: 294). Глава «правительства» У Ци в древнекитайском государстве Чу насильственно переселял знать на целинные земли (Переломов 1974: 23). Реформатор Шан Ян в древнекитайском государстве Ци изменил порядок получения титулов и разделил страну на уезды (там же: 23–24). Нередко закон ограничивал права населения на применение насилия, или полностью запрещал кровную месть и подобные обычаи, как, например, следует из Салической правды франков (например, XLI, 7 [см.: Батыр, Поликарпова 1996, I: 249]).

Стоит отметить, что чем сильнее разрыв с традицией, тем больше проблем и ответственности на власти, поскольку многие вещи, которые прежде решались внутри семьи, общины или небольшой области, становятся частью государственного регулирования. Соответственно **увеличение проблем и забот ведет к росту потребностей государства**. А это, в свою очередь, является источником новых изменений, например, регулирования порядка получения дани и налогов, введения законов и норм.

По мере развития раннего государства верховная власть начинает постепенно заменять и подменять традиции, во многих случаях реализация ее воли идет уже через систему установлений, органов, политиков и администраторов. Но, конечно, никогда разрыв с традицией не бывает тотальным.

С изменением традиций тесно связано и реформирование. Ведь реформы часто являются тем же отходом от каких-то важных традиций. История любого раннего государства дает нам примеры тех или иных реформ, связанных с отходом от традиций. В ранней истории (или в преданиях) очень многих обществ можно найти упоминания о деятельности того или иного великого реформатора. Таковы, например, Шунь, У Ци, Шан Ян и другие правители и политики в Китае (Бокщанин 1998б; Переломов 1974), Ликург в Спарте, Сервий Тулий в Риме, Уракагина/Уруингина в Лагаше (см., например: Дьяконов 1951;

1983: 207–274; 2000б: 55–56), Саргон в Аккаде (Дьяконов 2000в: 57–59), Саул и Давид в Израиле-Иудее (Вейнберг 1989: 99) и т. д. История многих ранних государств дает нам примеры тех или иных реформ, связанных с отходом от традиций, например религиозных. Хлодвиг у франков, Владимир на Руси и многие другие отказались сами и заставили отказаться свои народы от старой религии (Мажуга 1990: 48; Рыбаков 1987: 143). Даже в Индии, где власть стремилась избегать крутых разрывов с традиционными основами, таких примеров немало. Достаточно ярким является поддержка индийским царем Ашокой буддизма (III в. до н. э.), хотя и не ставшего государственной религией, но сильно укрепившегося при нем. А ведь это было в обществе, уважавшем веротерпимость, где правители обычно не вмешивались в религиозные дела. Ашока передал столь огромные дары буддийским храмам и общинам, что опустошил государственную казну. И это (согласно традиционной версии, очевидно, отражающей истинные события) привело к заговору со стороны сановников и наследника, фактически отстранивших Ашоку от управления (см.: Бонгард-Левин 1973: 71–74; Косамби 1968: 164–170).

Реформирование может происходить в виде сохранения внешней оболочки традиции (что порой уменьшает сопротивление переменам); иногда даже в виде кажущегося возврата к «добрым старым», но неправомерно нарушаемым обычаям; а также путем резкого изменения. Например, как это было в Междуречье в конце III тыс. до н. э. при саргонидях, которые «во всем – в титулатуре, в обычаях, в художественных вкусах – порвали с традициями раннединастической поры» (Дьяконов 2000в: 59) и провели разнообразные реформы в управлении, войске, землепользовании.

В целом **в ранних государствах усиливается способность власти к реформированию**. Оно является уже не только результатом неожиданных поворотов событий, но и все более важным способом решения тех или иных проблем верховной властью. Но реформы все же были редким делом (хотя существовали и отдельные периоды довольно активного реформирования). Промежуточное место между реформами и застоем занимали **регулируемые изменения, связанные с деятельностью верховной власти**. И вот в этом плане раннее государство особенно заметно отличается от аналогов, поскольку в нем этот процесс становится существенно более упорядоченным. Например, в Афинах народное собрание собиралось ежемесячно, а с IV века до н. э. четыре раза в месяц, то есть еженедельно (Кучма 1998: 113). И ведь оно должно было что-то решать, а значит, помимо рутинных проблем, обсуждалось и много изменений. Сравните эту упорядоченность, например, с Исландией, где альтинг собирался сначала один раз в год на неделю-две, потом немного чаще, и различия между ранним государством и его аналогом станут очевидными⁴⁶.

5.4. Рост значения принуждения

Как уже сказано, развитой и формализованный аппарат принуждения не обязателен для ранних государств. Но что, несомненно, можно увидеть в них – это рост роли принудительных методов управления со стороны верховной власти. Многие исследователи считают «важнейшим конститутивным признаком государства, отличающим его от вождества», «наличие инструментов насилия» (Service 1975; Годинер 1991: 68; см. также: Хоцей 2000: 118–120). Принуждение достигалось разными способами – как традиционными, так и новыми, как прямыми, так и косвенными. Стоит отметить рост роли судов и введение особых законов, слежку за населением, институт особых соглядатаев и доносчиков⁴⁷, увеличение прав у наместников, усиление наказаний за неисполнение повинностей, прямые репрессии, особенно на покоренных территориях, где армия неизбежно выступала как аппарат принуждения и насилия над завоеванным населением.

Этим ранние государства отличались от ряда демократических аналогов вроде древнеисландского, где такое насилие на общеполитическом уровне отсутствовало или было весьма слабым. А большей самостоятельностью верховной власти в свободе применения наказаний и репрессий государство отличается от аналогов с племенной (клановой) структурой и слабым центром, где какие-то карательные акции против нарушителей обязательств перед центром могли осуществляться только с согласия большинства кланов.

Другой важный момент связан с изменениями в войске. Государственные реформы едва ли не в половине случаев в той или иной степени касаются именно армии. И это неудивительно, поскольку военная сфера более всего и требует вмешательства государства. Этим раннее государство отличается от сложного (составного) вождества или другого аналога, где изменить традиции в военном деле более сложно. И начало многих государств (в смысле создания истинно новых политических и административных форм) часто шло именно от таких военных структур, обычаев, институтов, например военных лагерей юношей, дружин, личной гвардии, охраны и т. п. (см., например: Миллер 1984: 191 и др.; Орлова, Львова 1978; Бочаров 1991: 70).

Хотя было немало ранних государств с нерегулярной армией, но и в этих случаях мы, скорее всего, найдем, что новые формы регулирования жизни заметно коснулись и ее. Это могло выразиться в особом порядке формирования частей и назначении командиров, в укреплении дисциплины, в унификации вооружения и регулярности военных сборов для обучения воинов и многом другом. Кроме того, принудительный характер призыва на войну и жестокие наказания за уклонение, вплоть до смертной казни или продажи в рабство, более характерны для ранних государств, чем для аналогов, во многих из которых участие в военных походах было добровольным делом, даже у воинственных ирокезов (см.: Фентон 1978: 127)⁴⁸.

5.5. Наиболее важные направления изменений

В каждом раннем государстве изменения в традиционных отношениях, формах регулирования и институтах идут лишь в отдельных моментах, которые определяются конкретными обстоятельствами, расстановкой сил, историческим опытом и т. п. Если говорить о наиболее важных направлениях изменений, то они таковы:

а) изменение и расширение властных полномочий, включая изменение титулатуры⁴⁹ и церемониала; изменения в порядке передачи власти, в государственном устройстве и внутри управленческого и военного аппарата; введение или упразднение должностей и органов; изменение порядка назначения и смещения должностных лиц разных уровней;

б) изменение статуса, прав и обязанностей как отдельных людей⁵⁰, так и групп и всего населения⁵¹. Это касается и введения (отмены) налогов. Введение новых почетных званий, титулов и рангов;

в) изменение ритуала, моральных и религиозных норм, отмена различных обычаев и введение новых установлений.

Наконец, нужно сказать об изменении **территориального устройства**. Как мы уже отмечали, даже в аналогах раннего государства наблюдается порой изменение территориального деления, что вызывается ростом этносов и политий, сложностью поддержания единства и необходимостью согласовывать время от времени действия. Появляющиеся единицы (типа сотен у германских племенных союзов), нужные, скажем, для отнесения к ведению того или иного суда, для организации выборов представителей на общие собрания, для поставки воинов и выполнения повинностей, потом могут стать уже и естественными территориально-структурными единицами, оттесняя родовые и общинные.

Однако в раннем государстве по сравнению с аналогами возникают более сильные стимулы для изменения территориального устройства. Но систематичности в этих изменениях обычно не наблюдалось. Чаще было смешанное территориальное устройство, где наряду со старыми делениями появлялись и новые, созданные под воздействием верховной власти⁵². Система могла длительное время усложняться и запутываться, пока в какой-нибудь период не происходило более рационального территориального деления. Ведь если центр не преуспевает в уменьшении сложности подсистем, баланс силы (власти) в системе будет неустойчивым (Bargatsky 1987; Johnson 1981; Claessen 1989; Классен 2005).

Как уже говорилось, заметные сдвиги в разрушении родовых основ организации населения происходили далеко не везде. Но даже там, где территориальный принцип в целом приживался медленно, все же некоторые важные изменения в этом плане имелись, в частности, в появлении населенных пунктов (или кварталов) нового типа, системе расположения крепостей и опорных пунктов, обеспечивающих господство центра над местностью, особом развитии столицы или ее центра и т. п.⁵³

6. Редистрибуция власти

6.1. Понятие редистрибуции власти

Как уже сказано, ранние государства обычно образовывались в результате существенных перемен в устоявшихся социально-политических отношениях в обществе. Но и в аналогах также время от времени происходили своего рода **колебания и перемещения власти** от народа к элите и наоборот, от одних групп к другим, от знати к вождю и наоборот и т. п. (см., например, о возмущениях народа, вызванных превышением полномочий гавайскими вождями, которые инспирировались другими вождями: Салинз 1999). Иногда в результате этих пертурбаций центр усиливался и возникало крупное вождество. Однако если это центростремительное движение было недостаточно устойчивым, чтобы закрепиться, жизнь выросшей политики оказывалась недолгой. Такие непрочные образования, как славянское «государство» Само (Lozny 1995: 86–87), германские племенные союзы Маробода (у маркоманов), Ариовиста (у свевов), Арминия (у херусков), Клавдия Цивилиса (у батавов) (Неусыхин 1968: 601–602; Oosten 1996), гуннская «держава» Аттилы (Корсунский, Гюнтер 1984: 105–116), гето-дакский союз под руководством «короля» Бурбисты (Федоров и Полевой 1984) и прочие, обычно распадались после смерти вождя (а иногда и при его жизни, как случилось с Марободом). Иной раз в аналогах и вовсе шло ослабление верховной власти, особенно если там имелась сильная и своевольная знать⁵⁴.

В других случаях мелкие политики объединялись в более устойчивые образования: конфедерации, слабоцентрализованные теократии или монархические политики сегментарного типа (Southall 2000). Однако во всех этих случаях отсутствовала направленность на усиление верховной власти, на развитие новых принципов управления и форм регулирования, о которых мы вели речь.

Зато в раннем государстве возникают тенденции на усиление роли верховной власти и центра в распределении власти, на образование как бы силового ядра власти, влияние которого на общество становится все более заметным, а постепенно в чем-то и определяющим. Эти центростремительные процессы я назвал **редистрибуцией власти** (Гринин 2001–2005; 2006а; Grinin 2003; 2004с). Власть в данном случае нужно рассматривать не в каком-то чистом, нематериальном виде, а как систему властных функций, прав, обязанностей, распоряжений, действий и связанных с этим разнообразных людских и материальных ресурсов и информации.

Таким образом, **редистрибуция власти – это процесс поддержания (и при возможности изменения) системы распределения власти между центром и периферией, который позволяет верховной власти не только контролировать периферию, но и переориентировать потоки властных функций и действий на центр, где значительная**

часть власти (а также и материальных ресурсов) задерживается. Соответственно идет процесс накопления в центре такого узла власти, который все сильнее влияет на общество, все сильнее стремится к аккумуляции дополнительной власти, ресурсов и информации.

Редистрибуция власти – это еще не централизация государства в полном виде, но это процесс движения к централизации, а вместе с этим к большей упорядоченности и регулярности в отношениях между властями всех уровней, рангов и линий; а также между населением и властью в целом. Редистрибуция власти связана и с некоторой унификацией отношений и норм в рамках державы. Она сильно влияет на развитие этнических, культурных, религиозных и других процессов. Все больше дел и проблем совершается и решается под эгидой и заметным контролем верховной власти (в отличие от аналогов). А в результате ее роль в управлении обществом имеет тенденцию к увеличению. Вследствие этого раннее государство гораздо быстрее, чем аналоги, начинает менять отношения внутри общества.

Это может выражаться в самых разных действиях верховной власти, связанных с расширением ее функций и полномочий, а также борьбой против попыток местной власти выйти из-под контроля, например;

- в изменении порядка назначения (или выборов) местных руководителей (Иван III в завоеванном Новгороде [Хорошкевич 1966: 122]);
- в принудительном переселении народов или масс населения (Ассирия, государство ацтеков [Садаев 1979; Kurtz 1978: 177]) и насильственным перемещением в другие места знати, например в некоторых древних китайских государствах в IV в. до н. э. (Переломов 1974: 23);
- в замене единого массива земельных владений крупных аристократов на поместья, разбросанные по стране или пожалования за службу таким же образом (Камехамеха I на Гавайях; Вильгельм Завоеватель в Англии; правитель-оба Бенина [Тумаркин 1964; 1971; Мортон 1950: 60; Бондаренко 2001: 221]);
- в «нейтрализация местных организаций, которые могли как-то мешать выражению гражданами преданности и лояльности» (в государстве ацтеков [Kurtz 1978: 180]);
- в монополизации верховной властью некоторых функций, в частности судебных (как это было сделано Вегбаджей, первым царем Дагомеи [Кочакова 1986: 256]);
- в увеличении роли и росте пышности двора правителя (Гавайи в XIX в. после Камехамехи I; в некоторых древнекитайских государствах [Johnson, Earle 2000: 294; Pokora 1978: 203]), при котором порой живут в качестве заложников или воспитанников родственники местных правителей (Бенин [Бондаренко 2001: 222–223]);
- нередко это выражается в очень наглядных материальных акциях, например, в смене столиц (в 639 году император Дзёмей в Японии [Пасков 1987: 34]) или превращении в столицу прежде маловажного

города (Саргон Древний в Аккаде [Дьяконов 2000в: 57], Андрей Боголюбский во Владимиро-Суздальском княжестве [Рыбаков 1966: 617]); строительстве общегосударственного храма (в Иерусалиме при Соломоне [Вейнберг 1989: 99]) и т. п.;

- в концентрации и накоплении важнейшей информации в архивах, например, законодательной или подтверждающей знатность. Так, Чингисхан после избрания его великим ханом в 1206 году создал специализированный орган публичной власти – верховный суд, который, помимо судебных функций, должен был письменно фиксировать все административные и судебные решения (Kradin 1995: 193). Р. Карнейро специально подчеркивает, что государство должно контролировать информационные потоки (Carneiro 2000: 186);

- это также может выражаться в росте размеров и значения столицы или в особом положении столичных знати и чиновников. Например, можно сравнить гробницы верхнеегипетских областеначальников времен Старого царства, высеченные в скалах, небольшие и нередко скудно отделанные, с громадными, сложенными из тесаных камней и испещренными резьбою гробницами столичных вельмож, чтобы убедиться в различии общественного положения столичной и провинциальной знати (см.: Перепёлкин 2001: 191–192).

Однако, поскольку власть во многих ранних государствах еще не полностью стала принудительной (см., например: Кочакова 1999: 9), постольку и редистрибуцию власти нужно рассматривать как своеобразный переход от согласительной власти догосударственных образований к принудительному типу власти. Естественно, что многое во взаимоотношениях центра и периферии еще не устоялось, не имеет развитых форм и сложившегося порядка. А раз политический порядок еще не отлажен, то удержание перераспределенной власти требует больших усилий от правительства, нередко уступок и «бонапартизма», то есть способности опираться на разные слои и общественные силы.

Патриция Шифферд, проведшая сравнительный анализ 22 ранних государств, пришла к выводу, что попытки централизовать политические институты никогда не протекали гладко и легко, поскольку появление государства в экономическом и политическом смысле задевало существенные интересы как людей, так и корпоративных групп изменяющегося общества (Shifferd 1987). Возрастание государственной власти означало потерю независимости на местах (Bargatzky 1987). Характерно также, что продолжение централизации было достаточно редким случаем для ранних государств, так как противоречия, напряженность и противодействие оказывались слишком сильными (Shifferd 1987).

Поэтому, с одной стороны, военная сила – это один из главных инструментов редистрибуции власти. Успешные и постоянные территориальные захваты могли способствовать и одновременно требовать возрастания внутренней сложности управления. Но, с другой стороны, перераспределение власти в раннем государстве имеет еще частично

традиционный характер, поскольку верховная власть нередко старается придать этому процессу вид договоренностей, согласований и прочего. Сам по себе титул не гарантирует правителю власти, поэтому он должен заключать постоянные союзы, разыгрывать те или иные комбинации, чтобы сохранить статус-кво, а при возможности и увеличить свою власть. И поскольку ни государственные институты, ни политические и административные границы еще не устоялись, в истории таких обществ можно видеть резкие колебания, связанные то с возвышением правителя, династии и резким территориальным расширением державы, то с их упадком. Одним из ярких примеров стремительного расширения территории служит государство Инков, площадь которого всего за 30 лет во второй половине XV в. увеличилась в сотни раз (см.: Naviland 1991: 245; Mason 1961). Порой правитель связан по рукам и ногам родней, советниками, аристократией, обычаями, то вдруг иной монарх превращается в тирана и палача. «Противоречие между двумя течениями, безудержным и вводящим ограничения, – это, впрочем, общий признак архаического времени», – очень верно подмечает Гельмут Берве (1997: 19).

6.2. Редистрибуция благ и редистрибуция власти

Теперь есть смысл дополнительно пояснить название предложенного мной термина. Понятие редистрибуции (благ) было введено для характеристики распределительных отношений в некоторых догосударственных и раннегосударственных обществах (см., например: Polanyi 1968; Sahlins 1972). Редистрибуция очень часто сохраняла внешнюю видимость добровольности и равнозначности обмена между населением и руководителями. Она приобретает бóльший размах и бóльшую зрелость в ранних государствах и их аналогах, затем постепенно и далеко не сразу сменяясь налогами⁵⁵.

Разумеется, сравнение власти с материальными благами не всегда корректно. Но я остановился на слове «редистрибуция» не только из-за его известности, но особенно потому, что аналогия между благами и властью многое объясняет в характеристике ранних государств и их специфике, а кроме того, имеет существенные основания для своего применения.

Во-первых, редистрибуция благ и редистрибуция власти – тесно связанные явления, поскольку никакая власть не может обходиться без материальных средств и любая власть одной из главных целей ставит аккумуляцию этих ресурсов. Во-вторых, власть имущественная и политическая имеют родственные черты (в частности, благодаря возможности распоряжаться важными для людей благами: имуществом, временем, правами). В-третьих, власть вполне правомерно рассматривать как благо, которое должно регулярно воспроизводиться и потребляться (ведь если власть не используется, она имеет тенденцию к сокращению). А с появлением такого качества власти, как делимость (о чем выше шла речь), существенно возрастает возможность перерас-

пределять ее и накапливать. Исходя из сказанного, должно быть понятно, что:

1. Перераспределение власти в раннем государстве имеет еще частично традиционный характер, поскольку верховная власть нередко старается придать этому процессу вид договоренностей, согласований и прочего. Но на практике влияние центра стремится к увеличению.

2. Этот процесс носит нерегулярный и колебательный характер. И так же, как редистрибуция благ не имеет еще постоянного, систематического и строго контролируемого порядка, каковыми качествами начинают обладать налоги, так и редистрибуция власти не означает, что властная воля центра имела строго упорядоченный и нормированный характер.

3. Редистрибуция – это всегда реципрокация (взаимный обмен), но только асимметричная. А реципрокация нуждается в постоянном поддержании баланса. А значит, даже на стадии раннего государства «власть по-прежнему зависит не только от владения ресурсами, но и в значительной мере от способности дарить» (Кочакова 1995: 160). Поэтому в раннем государстве от верховной власти требуется много усилий для поддержания баланса власти. Иной раз редистрибуция благ ведет к перенапряжению общества и разладу в распределительной системе. Резкий рост полномочий центра также может вести к кризисам. Недаром вождей, превратившихся в деспотов, вроде зулусского Чаки, убиваются, слабые преемники тирана свергаются, возникают страшные раздоры после смерти создателя державы и т. п.

4. Подобно вождям, которые стараются не только сохранить объем перераспределенных благ, но и ищут возможности увеличить его, государственная власть также ищет возможности, не теряя достигнутого, сократить собственные обязанности и увеличить права и, напротив, увеличить обязанности нижестоящих властей и населения и сократить их права.

5. Подобно тому, как между вождями шла конкуренция и борьба за источники богатства и подданных (при этом те из них, кто не мог удержать последних под своим влиянием, теряли авторитет и силу), так и в ранних государствах идет борьба за влияние на окраины, за то, кто именно будет тем центром, который их объединит и удержит; и те центры, которые не могли удержать периферию, теряли свое значение и слабели.

6. Подобно тому, как редистрибуция означает не просто изъятие, но перераспределение через центр, редистрибуция власти означает, что власть не всегда возвращается к тем, у кого она ушла в центр, но центр может передать ее другим.

6.3. Редистрибуция власти и распад государств

Укрепление позиций и возможностей верховной власти не исключает колебаний и временного ослабления центра, попыток вернуть самостоятельность, разлада во властной редистрибутивной системе. Напротив, это вполне типично. Именно эти проблемы и создают источник

новых решений. Редистрибуция власти неразрывно связана с военными факторами (внешней опасностью или безопасностью, победами или поражениями), которые усиливают или ослабляют ее. Поиск более удачных эволюционных решений в истории часто осуществлялся путем разрушения одних государств и создания на их месте других. Например, в результате внутренней борьбы центр державы может переместиться на окраину, как это неоднократно бывало в истории, когда прежде слабый и провинциальный город становился новой столицей, либо когда покоренный народ превращался в господствующий (как это было, например, с Мидией, ставшей в VI веке до н. э. частью Персии во главе с Великим Киром [см., в частности: Дьяконов 1956: 414 и др.] или как произошло в шаньинском Китае, когда его властителями стали прежде зависимые от него чжоусцы [см.: Васильев 1993: 184–185]).

Все это говорит о том, что следует иметь в виду не только процессы в отдельном государстве, но и эволюцию государственности в целом, поскольку для последней регресс в одних обществах обеспечивает прогресс в других⁵⁶. Жизнь сильнее организмов, говорил Тейяр де Шарден (1987), а в данном случае государственность как форма существования обществ становится сильнее конкретных государств. Поиск более удачных решений в ранних государствах часто осуществлялся путем разрушения старого и создания на его месте нового. В результате процесс редистрибуции власти обновлялся и приобретал более четкие черты.

Этот момент важен при обсуждении проблемы устойчивости ранних государств к децентрализации. Можно согласиться с мнением, что любая теория происхождения государства должна быть способна объяснить, как зарождающийся правящий класс преодолевает тенденции к периодической децентрализации, каковая тенденция связывается с вождествами (Gledhill 1994: 41). Понятие редистрибуции власти в определенной мере облегчает такое объяснение. Коэн тенденцию к распаду рассматривает как качественно менее свойственную государственным структурам, в то время как регулярный распад догосударственных образований он (как и Карнейро) считает важной характеристикой последних (Cohen 1981: 87–88). Это в целом справедливо, хотя «многие централизованные политии существовали веками, без развития признаков государства (Chabal, Feinman, Skalník 2004: 27; см. также их статью в настоящем томе).

Но способность не распадаться (как и не быть завоеванным) – черта как бы идеального государства. Близкими к этому были лишь немногие державы древности и средневековья (о распадах государств см., например: Tainter 1990). Поэтому важно подчеркнуть, что и сами распады во многих ранних крупных государствах имели существенно отличные черты от распада негосударственных образований. А именно:

1. Бóльшая длительность объединенного состояния по сравнению с догосударственными образованиями и аналогами. Цикл устойчивого существования таких государств составлял многие десятки и даже сотни лет.

2. Стремление распавшихся территорий к новому объединению, память о единстве.

3. Частое появление конкурирующих между собой центров объединения, что в целом усиливает возможности объединения.

4. Распадение нередко способствует развитию более сильной государственности на местах, поскольку происходит как бы ее спускание на местный уровень (появление местной администрации, столицы и прочего).

6.4. Направления редистрибуции власти

Характер и конкретная направленность редистрибуции власти очень сильно зависят от конкретных условий: объема, населенности и этнического состава государства; внешнего окружения; природных условий, облегчающих или затрудняющих централизацию; исторических традиций и т. п. В крупных монархиях может иметь место конфронтация между царем и местной аристократической властью. В небольших или средних по размеру обществах иной раз позиции аристократии ослабевают, а демоса или «буржуазии» (как в некоторых средневековых торговых республиках) усиливаются. Эти изменения могут закрепляться в законах и даже в особой писаной или неписаной конституции. В результате роль традиционного и корпоративного самоуправления ослабевает, а роль государственных и правовых рычагов усиливается.

Характер редистрибуции власти меняется и в связи с развитостью самого государства. В начальных фазах часто идет борьба за то, кто будет главным центром власти. Поэтому победителю необходимо сделать власть достаточно реальной, уменьшить опеку или помехи со стороны иных источников власти. Характерным является пример так называемых лугалей-гегемонов в Междуречье, с середины III тыс. постепенно оттеснивших военных и культовых вождей (лугалей, энами и энси). Лугали-гегемоны опирались на своих личных приверженцев и дружину, которая зависела от них и порой позволяла им завоевывать небольшие соседние полинии. Чтобы приобрести независимость от местных органов самоуправления, они стали прибирать к рукам храмы и соответственно храмовые земли, либо женись на верховных жрицах, либо заставляя совет избирать себя сразу и военачальником, и верховным жрецом, при этом поручая храмовую администрацию вместо общинных старейшин зависимым и обязанным лично правителю людям (Дьяконов 2000б: 51; см. также: Виткин 1968: 432). На Гавайях в скором времени после объединения архипелага происходит определенное усиление политической власти правителя за счет ослабления жречества (Service 1975: 158; Davenport 1969: 17), хотя это и наносило вред концепции священного ранга вождя (Davenport 1969: 17). По мнению Сервиса, новые правители в государстве нередко склонны вообще рассматривать старое жречество как препону против их абсолютизма (Service 1975: 158). Это очень верное наблюдение. Но, кроме того, но-

вые правители не прочь освободиться от стеснительных и утомительных сакральных обязанностей, если они могут это сделать.

В Африке «двуединство и борьба за власть царя и царского двора, с одной стороны, и совета родовой по происхождению знати, связанной через цепочку носителей должности с низовыми общинами, с другой, составляло главную характерную черту структуры формирующегося аппарата и основное содержание политического соперничества в ранних государствах. Главной тенденцией царской власти в области формирования властно-управленческих структур было стремление к созданию дворцовой организации, независимой от родовой знати» (Кочакова 1995: 161).

На этапе типичного раннего государства самым главным может быть закрепить доминирование центра, не дать державе распасться, суметь аккумулировать в руках верховной власти основные военные и материальные ресурсы, приобрести новые земли. На этапе переходного раннего государства верховная власть может пытаться перестроить всю систему управления, заменить местных правителей на своих назначенцев, ввести какую-то унификацию в административные отношения и т. п. Но нередко именно на этом этапе начинается ослабление верховной власти, поскольку выявляются слабости и пороки политической системы, дают себя знать прежние ошибки и т. п.

В зависимости от конкретных обстоятельств и проблем редистрибуция власти касается самых разных вещей. В первую очередь, конечно, центр волнует возможность аккумуляции военной силы в нужное время, а затем и полный контроль над войском всей страны. Но верховная власть не менее озабочена проблемой лояльности родовых начальников, эффективным контролем над сбором налогов и выполнением повинностей. Она стремится ограничить права местных правителей (вершить суд по определенным делам, вводить свои налоги и т. п.) и даже полностью заменить их на своих наместников.

Важнейшим нервом редистрибуции порой становится борьба вокруг порядка передачи престола, а также сужения или расширения контингента, обладающего какими-то политическими правами (вроде голосования) или из которого черпаются функционеры; дарование или отбирание привилегий. Где-то редистрибуция видна только в отдельных моментах, но нередко территория оказывается «под многосторонним воздействием ранней государственности»⁵⁷, поскольку масса проблем в государстве взаимосвязана и некоторые изменения имеют как бы сцепленный характер, то есть влекут за собой массу иных.

Редистрибуция власти, конечно, меняет положение населения (иногда в худшую, а иногда в лучшую сторону). Но прежде всего она направлена на тех, у кого концентрируется власть, то есть на знатных и богатых, а также на корпорации разного рода. Параллельно с этим может идти расширение прав и привилегий новой элиты, на которую верховная власть пытается опереться, но с которой в будущем она,

в свою очередь, может начать борьбу. Поэтому-то далеко не всегда раннее государство предстает (вопреки марксизму) как орган классового господства. Напротив, оно может оказаться враждебным знати, как при демократии, так и при монархии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, известны многочисленные политии, по размерам, сложности и ряду других параметров находящиеся на одном уровне развития со многими ранними государствами и в то же время существенно превосходящие типичные догосударственные образования (вроде простых вожеств и общин). Такие сложные негосударственные общества неправильно считать находящимися на догосударственном уровне развития. Но поскольку многие из них исторически предшествовали образованию раннего государства, я предложил разделить все догосударственные общества на две группы. Первая – это общества, которые можно обозначить как **принципиально (или стадияльно) догосударственные**, поскольку при данном объеме и сложности они ни при каких условиях не могут трансформироваться даже в малое государство. Вторая группа политий – те, которые при их наличных характеристиках потенциально уже способны стать хотя бы малым государством (но конкретно-исторические условия могут этому препятствовать). Такие политии, которые уже способны решать задачи, сравнимые с теми, что стоят перед государствами, были названы мной **аналогами раннего государства**. Объединение под одним названием **аналоги раннего государства** очень непохожих друг на друга обществ было сделано мной, прежде всего, с целью противопоставить государственной альтернативе развития сложных позднепервобытных обществ иных альтернатив. Общество, достигая размеров и сложности, с которых переход к государству, в принципе, уже возможен, может продолжать развиваться, но при этом долго не создавать раннегосударственную политическую форму.

Все ранние государства по размерам можно разделить на малые, средние, крупные, соответственно и их аналоги надо подразделить на **аналоги малого, среднего, крупного государств**. Таким образом, общества могут трансформироваться в раннее государство как с уровня принципиально догосударственного, так и с уровней аналогов малого, среднего и даже крупного государства. А это значит, что переход к государству в разных обществах осуществлялся не с одинакового, а с разных уровней социокультурной и политической сложности.

И ранние государства, и аналоги в одинаковой степени отличаются от стадияльно догосударственных обществ по размерам, уровню сложности, объему прибавочного продукта и т. п. Различия же ранних государств и аналогов между собой лежат не в таких количественных показателях, а в особенностях политического устройства и способах

управления обществом. Вот почему для отличия раннего государства от его аналогов и требуются особые критерии (совсем иные, чем те, что отличают ранние государства и аналоги от стадильно догосударственных обществ).

Мною было выделено и проанализировано четыре таких признака-критерия для разделения ранних государств и их аналогов:

- особые свойства верховной власти;
- новые принципы управления;
- нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества;
- редистрибуция власти.

Таким образом, раннее государство являлось лишь одной из многих форм организации сложных обществ, которая стала типичной только в ходе длительного эволюционного отбора. Однако важно не упустить и другую сторону проблемы – в конечном счете именно государство оказалось ведущей политической формой организации обществ. Все же остальные, длительное время альтернативные ему, в конце концов либо преобразовались в государство, либо исчезли, либо превратились в боковые или тупиковые виды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О проблемах классификации обществ, уже переросших догосударственный уровень, но не ставших государством, см. также: Lloyd 1981: 233; Marcus, Feinman 1998: 6.

² Р. Коэн (Cohen 1978: 2–3) предлагал все определения государства разделить на две группы. Первая связана с социальной стратификацией общества, вторая – со структурой управления и власти. Коэн, правда, еще упоминает об информационном подходе Райта и Джонсона (Wright, Johnson 1975) и других. Если исходить из такой классификации, то мое понимание ближе ко второй группе, но с учетом идей Райта и Джонсона, как увидит читатель в разделе «Новые принципы управления».

³ Но речь идет лишь о ранних, а не о развитых (зрелых в другой классификации) государствах, различия между которыми очень существенны (Claessen, Skalnik 1978b; Гринин 2001–2005; 2006а). И поэтому многие исследователи подчеркивают, что большинство ранних государств так и не превращаются в зрелое государство (Claessen, van de Velde 1987а, 1991; Skalnik 1996; Shifferd 1987; Tymowski 1987; Кочакова 1995). Но вопросы сравнения ранних и зрелых государств выходят за рамки настоящей статьи (этот вопрос рассмотрен в другой моей статье в этом томе: Гринин 2006в).

⁴ См. о таких условиях также: Классен 2006.

⁵ Переход к государству облегчается серьезными отклонениями от привычной ситуации, такими, как прекращение изоляции, возникновение реальной угрозы обществу или части населения, резкое увеличение роли торговли, внутренние конфликты и т. д. Все это может служить толчком для существенных изменений в управлении и политическом устройстве (см. подробнее: Гринин 2001–2005, 2006а; Grinin 2003; 2004с). Но думается, что среди факторов такого резкого изменения

жизненных условий война, завоевание или опасность быть завоеванным, несомненно, занимают первое место. Все связанное с военной деятельностью может служить толчком для образования государства. Например, ввоз или заимствование более современного оружия. Так, ввоз огнестрельного оружия послужил важной причиной образования некоторых государств на Мадагаскаре в XVII в. (Дешан 1984: 353; Ратцель 1902, т. 1: 445). В этом плане также показательным является мнение Т. Ёрла, который считает, что «гавайские вождества могли бы стать государствами. Для этого были необходимы лишь небольшие технические нововведения. Гавайские вожди знали, что им нужно, и быстро осознали ценность европейского оружия» (Ёрл 2002: 86; курсив мой. – Л. Г.).

⁶ Надо отметить, что, помимо тенденции занижать уровень аналоговых обществ до догосударственных, встречается и мнение, что все общества, в которых выделилась функция «насильственного управления обществом» надо относить к государствам, независимо от того, на основе родства, сословного деления или чисто политического и территориального принципа организовано такое управление (см. например: Хоцей 2000: 123 и др.). Такой подход затрудняет понимание как эволюции постпервобытных обществ в целом, так и эволюции государственности, а также возможностей выявления эволюционной перспективности или типичности различных обществ.

⁷ У берберов Магриба в XIX – начале XX века сознание племенной солидарности проявлялось даже реже, чем сознание деревенского единства. Жители деревень, принадлежавшие к одному племени, обычно объединялись лишь во времена войн, восстаний, природных катастроф (Бобровников 2002: 188).

⁸ Например, Дельфийский полис (подробнее см.: Гринин 2006б). В качестве аналогов интересны также политические образования в Греции (их было немало), не имевшие собственных городских центров, однако воспринимавшиеся и самими гражданами, и другими эллинами как полисы (см.: Кошеленко 1983: 10).

⁹ Но по населению Исландии есть и другие данные. Например, Хизриева (2002: 78) полагает, что в течение IX века в Исландию прибыло 30–35 тыс. чел. А согласно подсчетам Бьорну и Харальдссона в это время численность населения могла составлять и 60 тыс. чел. (там же; см. также: Хьяульмарссон 2003: 27). Но, кажется, все-таки это завышенные цифры.

¹⁰ О казаках см.: Рознер 1970. О казаках как об аналогах см.: Korotaev *et al.* 2000: 19. Единственный критерий принадлежности к казачеству состоял в признании над собой власти казацкого суда (Петкевич 2005: 41; 2006).

¹¹ Гумилев писал: «У жужаней, как у народа, не было единого этнического корня. Происхождение жужаньского народа было несколько своеобразно. В смутные времена всегда бывало много людей, выбитых из седла и скомпрометированных. Немало таких оказалось и в середине IV в. (н. э. – Л. Г.). Все, кто не мог оставаться в ставке тобасского хана или в столице хуннского шаньюя, бежали в степь. Туда же бежали от жестоких господ невольники, из армий – дезертиры, из обедневших деревень – нищие крестьяне. Общим у них было не происхождение, не язык, не вероисповедание, а судьба, обрекающая их на нищенское существование; она-то властно принуждала их организоваться» (Гумилев 1993а: 11–12). Но вообще вопрос о происхождении жужаней весьма дискуссионен (о жужанях подробнее см.: Крадин 2000: 80–94).

¹² Арминий был, несомненно, выдающийся полководец. Херуски вместе с другими племенами под его руководством одержали знаменитую победу над римскими легионами Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу в 9 г. н. э. Арминий погиб в результате заговора херусской знати, недовольной его стремлением к единовла-

стию (см.: СИЭ 1967: 746). И это еще один факт, свидетельствующий о почти повсеместной борьбе центробежных и центростремительных сил в политогенезе.

¹³ Примеры такого рода объединений кочевников см.: Крадин (1992; 2001а; 2002). О половцах, а также об огузах, печенегах и других см.: Васютин 2002: 95–96.

¹⁴ Именно слабая централизация и огромная сила в руках аристократии, а также невозможность для центральной власти провести какие-либо реформы и преобразования и прочее, без чего политический организм оказывался бессильным, и определяют мою позицию в отношении этих обществ как аналогов раннего государства. Характерно, что именно во время войны с Цезарем и появились потенциальные возможности для укрепления политической власти, для сосредоточения ее в руках военных лидеров и политических лидеров, таких как Верцингеториг или вождь гельветов Оргеториг, который, по мнению некоторых французских историков, для укрепления своей власти уговорил гельветов начать передвижение в Западную Галлию (см.: Штаерман 1951: 213). Другими словами, именно создание такой новой, экстраординарной ситуации и дает шанс для преобразования догосударственной политики или аналога в раннее государство. Иное дело, что не всем это удастся, как не удалось галлам, не в последнюю очередь из-за позиции аристократии. Другим вариантом политического развития в Галлии могла бы быть прочная гегемония какого-нибудь народа, тех же эдуев. Тогда под влиянием необходимости контролировать огромные территории и население, вероятно, возникли бы более совершенные, собственно уже государственные формы управления. Но такому развитию помешало вторжение римлян.

¹⁵ Однако и государства могут быть членами сложного аналога среднего и крупного государств. Думается, такими были союзы полисов в Греции (Афинского, Пелопоннеского, Коринфского).

¹⁶ У горцев развитие часто идет не путем создания крупных территориальных или этнических образований, а по линии более четкого обособления локальных сегментов (типа общин или независимых кланов). Вследствие этого социальная и политическая организация горских народов включает сумму автономных общин, которые являются основными ячейками общества (см.: Маретина 1995: 81–82).

¹⁷ Империи Чингисхана я однозначно отношу к ранним государствам, хотя некоторые исследователи и ее считают суперсложным вождеством. Например, Т. Д. Скрынникова определяет это общество как предгосударственное и предполитическое (см., например: Скрынникова 1997; Skrynnikova 2004: 525).

¹⁸ По вопросу о времени возникновения государства у скифов нет единой точки зрения (см., например: Смирнов 1966а: 146–150). Например, А. М. Хазанов полагает, что уже в VII–V веках до н. э. существовали Скифские царства (Хазанов 1975; Khazanov 1978). Я присоединяюсь к мнению тех, кто считает, что это произошло именно при царе Атее, по следующим причинам: в политическом и социальном отношении произошло устранение других царей и усиление царской власти. Территория политики расширилась, усилились этническая неоднородность и эксплуатация зависимого населения, а также и процесс социальной стратификации. В экономическом отношении появился более прочный базис для государства в результате расширения торговли, которую контролировала верхушка общества, и усилившегося процесса перехода части скифов к оседлости (Хазанов 1975; [Мелюкова, Смирнов] 1966: 219–220).

¹⁹ И, кстати, этот факт отмечается даже теми, кто считает такие вождества догосударственными обществами в стадильном смысле. Например, Роберт Карнейро, твердый сторонник жесткой эволюционной стадильной схемы «вождество –

государство», выделяет вождества, которые включают в себя до ста поселений (Carneiro 1981; 2000a; Карнейро 2000). При этом он пишет: «Понятие вождества, несомненно, охватывает большой диапазон уровней развития. Оно начинается с первоначального объединения нескольких общин в более крупную политическую единицу. А завершается политией, которая столь велика и сложна, что достойна называться государством» (Карнейро 2000: 90; Carneiro 2000a: 55–56).

²⁰ Это можно представить более подробно и наглядно в сравнении с теми крутыми изменениями, которые произошли в период формирования уже собственно Гавайского государства в начале XIX в. Если суммировать, то с учетом тех признаков, которые отличают аналоги от ранних государств (о них см. с. 112 и далее), гавайским политиям мешало стать государством:

1. Слишком сильное социальное деление по признаку родства и соответственно слишком большая роль положения в родственной иерархии для занятия какого-либо заметного места в иерархии управления. Хотя и в ряде ранних государств (например в Чжоусском Китае) этот фактор имел очень важное значение, но все же на Гавайях его значимость была исключительной. Социальное положение человека определялось едва ли не по единственному критерию: генеалогической близости к старшей родственной линии (см., например: Bellwood 1987: 97–98; Claessen 1996; Sahlins 1972a). С объединением Гавайских островов Камехамехой I в начале XIX в., уничтожением или понижением значимости побежденных вождеских родов (в том числе путем конфискации их земель) возможности для включения незнатных или недостаточно знатных людей в правящий слой возросли. В частности, приближенные нового короля получили власть и земли на завоеванных территориях, позже на службу были привлечены иностранцы и даже наделены имениями с даровой рабочей силой (см.: Тумаркин 1964: 94; 88–90; 1971: 21 и др.).

2. Запутанность родственных отношений, включая и распространение фальшивых родословных, а также трудности изменения сложившейся системы не позволяли гавайским вождествам решительно перераспределить властные полномочия в пользу центра. В этом плане формирование единого правящего рода и уничтожение вождеской знати подорвало возможности сопротивления центру, которое, как правило, возглавляли недовольные и обиженные вожди (см.: Sahlins 1972b; Салинз 1999). Это естественно усилило власть центра и явилось крайне важным моментом в процессе формирования собственно государства. Стоит также отметить, что в отличие от верховного вождя король стал менее зависеть от своих приверженцев.

3. Слишком сильная роль традиций (то есть превосходства старших родственных линий и оправдывающей его религии) и соответственно слабая роль новых и нетрадиционных форм и способов регулирования жизни. С образованием единого государства изменилось очень многое не только в политической, но и в социальной жизни, в быте высших слоев, даже в придворном церемониале, обычаях и одежде при дворе (Ёрл 2002: 79; Johnson, Earle 2000: 294).

4. Слабые возможности центра для изменения отношений в обществе, поскольку весь порядок держался на указанной идеологии сакральности и превосходства знатных родов и линий. Поэтому всякие изменения подрывали не просто идеологию, но и само положение правящей группы. Также и попытки повысить нормы эксплуатации простолюдинов, если верить Салинзу (Sahlins 1972b; Салинз 1999), наткнулись на их сопротивление и часто кончались восстаниями. Быстрые изменения после образования раннего гавайского государства в течение двух десятилетий в плане реформ (например создания регулярной армии и полиции) и в плане повышения эксплуатации, в частности в заготовках сандалового дерева (Тумаркин 1964: 102–103; 1971: 20), а также в отношении изменения религиозных

обычаев и порядков (Сервис и другие исследователи даже говорят о «гавайской культурной революции» [Service 1975: 156–158]) наглядно показывают, чем отличается раннее государство от аналогов.

²¹ Как уже сказано, формы могли быть самые разные. Например, можно предположить, что некоторые тайные союзы, подобные известным в Меланезии и особенно в Африке, могли вырастать до такого рода аналогов ранних государств, особенно если происходил некий симбиоз и такие союзы становились фактически частью аппарата власти, как это было, например, у *менде* и *темне* в Западной Африке (Куббель 1988: 241). Такие союзы объединяли весьма большие территории своеобразными горизонтально-вертикальными связями. У многих африканских народов они стали той структурой, из которой непосредственно выростала сакральная верховная власть (Куббель 1988: 241).

²² В частности, Д. М. Бондаренко считает, что Бенин XIII–XIX веков следует рассматривать не как раннее государство, а как особый тип комплексного негосударственного иерархического социополитического организованного общества. Такое общество он называет «мегаобщинной», поскольку оно было сверху донизу охвачено общинными и квазиобщинными отношениями и понятиями и в целом представляло как бы одну гигантскую «мегаобщину» (см., в частности: Bondarenko 1995; 2000a; 2000b; 2005; Бондаренко 1995; 2000; 2001). Однако я не включил «мегаобщину» в свою классификацию аналогов, поскольку сам склоняюсь к тому, чтобы считать Бенин, скорее, ранним государством, чем особым типом аналога государства. Тут важно привести пояснения самого Бондаренко, который говорит (курсив везде мой. – Л. Г.): «Таким образом, в соответствии с практически общепринятой идеей о неразрывности связи между существованием государства и бюрократии, следует признать, что бенинская мегаобщина государством (или «зрелым государством», в категориях Классена) не была. Ее нельзя также признать государством и с позиций Моргана и американских неоеволюционистов, так как в Бенине не было соблюдено ни одно из трех необходимых условий» (то есть *территориальное административное деление; налоги; бюрократический отделенный от населения аппарат*. – Л. Г.). Но очень показательно, что далее он добавляет: «Если же исходить из концепции раннего государства, Бенин эпохи Второй династии при желании *можно рассматривать в качестве такового*» (Бондаренко 2001: 249–250).

Иными словами, во многом наши различия в подходе к определению политической сущности Бенина определяются разными подходами к тому, что следует понимать под государством. Я не считаю необходимым для раннего государства наличие указанных признаков и, в частности, развитого бюрократического аппарата в веберовском понимании бюрократии (как это делает Бондаренко). И думается, что не только Бенин, но и мало какие африканские государства подходят под эти признаки государства.

В то же время к выдвинутым мной четырем признакам раннего государства Бенин вполне подходит. И по силе центральной власти, и по способности менять отношения (и административную структуру [см.: Бондаренко 1995: 183–189]) и проводить реформы, и по способам подбора управленцев и назначенцев, и по усилиям на перераспределение власти бенинская полития является ранним государством. Например, едва ли не большинство управленцев обладали ненаследственным титулом и считались назначенными правителем-*оба*, кроме того, любой вождь мог лишиться должности по повелению *оба* (Бондаренко 2001: 247, 248). Власть же *оба* была весьма реальной, эффективной и положила конец сепаратистским настроениям, что было не под силу предшествующим правителям (там же: с. 246). В данной работе, однако, нет возможности более подробно останавливаться на анализе политического строя Бенина.

Особо следует подчеркнуть позицию В. А. Попова. На примере конфедерации Ашанти в XVIII–XIX вв. (побережье Гвинейского залива), представлявшей самый крупный и самый известный союз среди аканских народов (Попов 1995: 188), он рассматривает проблему первичных и вторичных государств. Первичные – те, где преобладал классогенез (Попов, правда, не приводит примеры таких государств, возможно, такими он считает древние ирригационные государства). То есть это государство в марксистском смысле слова, возникшее за счет внутренних факторов, государство как политическая организация экономически господствующего класса (зрелое государство, государство в полном смысле слова, по его определению) (Попов 1995: 197). Вторичные государства – те, в которых отсутствует развитая частная собственность и эксплуатация на ее основе, экономические классы, где политогенез стимулируется внешними факторами (войной, внешней торговлей). Конфедерация Ашанти было вторичным государством и возникла она под воздействием внешних факторов, как, впрочем, и большинство других государств Африки. Например, Н. Б. Кочакова (1995: 162) пишет, что государства Бенинского залива Ойо, Дагомея и Бенин во многом образовались благодаря трансатлантической работорговле.

В более ранних работах В. А. Попов определяет эту конфедерацию как «союз племен, аналогичный Лиге ирокезов, Конфедерации криков, Союзу гуронов» и т. п. надплеменным образованиям (Попов 1982: 144). Правда, в социальном плане ашантийцы существенно опережали ирокезов и других индейцев Северной Америки. Кроме того, конфедерация Ашанти была и существенно больше по населению. Еще в XVII вв. она могла выставить до 60 тыс. воинов (см.: Попов 1990: 119). Сравните с 20 тыс. общего населения ирокезов.

Теперь же он считает, что ашантийская конфедерация все же более похожа на примитивное государство (наличие определенных административных органов управления, тенденция к замене родоплеменной знати служивой знатью; начало налогообложения; проведения ряда реформ в управлении, особенно реформ Осая Коджо, и т. п. [Попов 1995: 189–195; 1990: 131]). Но поскольку там отсутствовали экономические классы, а политическая сторона опережала в развитии социальную, то В. А. Попов говорит о том, что у ашанти имелся некий «синдром государства», но вот в марксистском понимании государства не было (1995: 194).

Вывод В. А. Попова таков, что не надо заниматься терминотворчеством, а следует оставить понятие государства за классовыми государствами, а политии типа ранних государств (каковым и является конфедерация Ашанти и многие другие африканские государства) считать парapolитейными (парагосударственными, квазигосударственными) (Попов 1995). Я не думаю, что такая предложенная им терминология менее запутывает дело, чем термин «раннее государство», который, по крайней мере, является понятием, описывающим определенную стадию политогенеза.

²³ Например, дружинники на Руси, в Скандинавии, в других местах могли сделать выдающуюся карьеру, а в Древнем Египте, Вьетнаме и других государствах простолудин, получивший образование, мог стать большим вельможей.

²⁴ Относительно численности ирокезов Морган в «Лиге ирокезов» говорил, что существуют большие расхождения в ее определении. Сам он полагал, что к 1650 г., то есть к моменту наибольшего могущества Лиги, их было 25 тыс. человек (Морган 1983: 21–22). В «Древнем обществе» он уже более осторожен, заявляя, что их численность никогда не превышала 20 тыс., если когда-либо достигала такой цифры (Морган 1934: 74). Но и цифра в 20 и даже в 15 тыс. человек сравнима с населением малого государства. О том, что политические механизмы ирокезской конфедерации были более отлажены и эффективны, чем у других конфедераций североамериканских индейцев, см.: Vorobyov 2000: 158.

²⁵ Вроде хунну, особенно при первых правителях-шаньюях (Моде и других во II в. до н. э.), поскольку позже политическая система несколько примитивизировалась (см.: Kradin 2000a: 296).

²⁶ См., например: Миллер 1984, где о некоторых описываемых автором «королевствах» и «государствах» складывается именно такое впечатление, хотя Миллер избегает приведения каких-либо цифр.

²⁷ Например, государство Инков, оценки численности населения которого колеблются от 3 до 37 млн чел. (см.: Schaedel 1978: 293–294). Так, Джонсон и Ёрл, а также Фейнман (Johnson, Earle 2000: 246; Feinman 1998: 98) определяют население государства Инков в 14 млн чел.; а Березкин (1991: 78) в 10 млн чел.

²⁸ Население некоторых образований, вроде гуннской «империи» Аттилы, также могло быть очень большим, но такие политии в отличие от хуннской были непрочными.

²⁹ В Польше уже в период правления Болеслава Храброго в начале XI в. проживало примерно 700 тыс. чел. (рассчитано по: Якубский 1993: 13).

³⁰ Спенсер считает, что «в любой эволюционной последовательности принимающая решения власть должна быть централизована, прежде чем внутренняя административная специализация и сопутствующее частичное делегирование власти могут осуществляться» (Spencer 2000: 157).

³¹ Потребность в консенсусе «вызывает отсутствие стабильности в центре конфедерации и ведет к потере связи с “окраинами”» (Фентон 1978: 114).

³² Об основных функциях формирующегося государства см.: Service 1975: XIII. Относительно того, какие проблемы почти всегда стоят перед ранним государством, см.: Claessen 1978a: 576. Стоит отметить, что верховная власть все заметнее приобретает и статус верховного арбитра, что является одной из важнейших характеристик государства (Service 1975; Stone 1989: 7).

³³ О том, какие типы ранних государств можно выделить, помимо бюрократического, см.: Гринин 2006б; а также: Гринин 2001–2005; 2006а.

³⁴ Иногда говорят о делегировании задач (Claessen 1978a: 576), но это только часть указанного мной принципа. Также и понятие, которое использует Спенсер, «делегированное принятие решений» для обозначения стратегии назначения из столицы на места управленцев низшего уровня с ограниченными полномочиями (Spencer 2000: 157) составляет только часть указанного мной принципа.

³⁵ В Китае еще на самой заре формирования государства появляется «сентенция, уподобляющая государственное устройство строению человеческого тела, а именно: государь – это голова, а сановники или же чиновники – это его руки и ноги, глаза и уши» (Бокщанин 1998a: 213). Аналогичный образ использовался и гавайцами, но уже после формирования там государства в XIX веке (см.: Johnson, Earle 2000: 302).

³⁶ В частности, специализация деятельности по кланам могла являться одним из источников формирования госаппарата и аппарата принуждения. Например, в Древней Японии VI века н. э. император Кэйтай «делил власть с кланами Мононобэ и Опоото, которые поставляли воинов для карательных походов, и с кланами Накатоми и Сога, поставлявшими специалистов культа». Однако постепенно под воздействием централизации государственной власти «различия, восходившие к специализации родов на особых видах деятельности», сглаживались, и эти виды деятельности «заново распределялись внутри высшего класса» (Patterson 1995: 131–132. См. также: Дьяконова 1989: 214). Тем не менее для Японии такая ситуация во многом сохранялась и позже (см.: Пасков 1987; Мещеряков, Грачев 2003).

³⁷ Так можно назвать членов родственной группы, только из числа которой выделялись управленцы и функционеры на определенные должности.

³⁸ См. о роли царских слуг в управлении в Египте в Древнем царстве: Janssen 1978: 223. Роль слуг была заметной повсеместно. Хозяйствами древнерусских и первых московских князей обычно управляли особые холопы, дворские, которые также выполняли различные государственные и политические поручения (см., например: Платонов 1994: 129). В королевстве Ойо в Африке иностранные рабы держали в своих руках большинство ключевых позиций в столице и провинциях (Кочакова 1986: 255). Для Африки в период трансатлантической работорговли рабы вообще стали играть исключительно важную роль. Рабы и зависимые люди часто составляли охрану и особые войска. В частности, «резервом для формирования царских дружин в раннефеодальных государствах Африки были домашние рабы», иногда включавшиеся в состав войска тысячами. Нередко они выполняли также и полицейские функции (Кобищанов 1974: 168–169. См. также: Годинер 1982: 94–96; Киселев 1985: 98–102; Орлова, Львова 1978: 253). В свою очередь, новая элита стремилась обзавестись зависимыми людьми, что достигалось нередко за счет невольников и захваченных в плен (см.: Киселев 1985: 101–102; Куббель 1976: 107–108). Это было распространено и в Киевской Руси (см., например: Ключевский 1937, т. 1). Можно вспомнить также, что арабские халифы комплектовали свои войска, особенно гвардию, из иноземных рабов-гулямов, которые впоследствии в Египте захватили власть и стали правящим сословием (*мамлюков*).

³⁹ Нетрадиционные методы применялись в догосударственных и негосударственных образованиях, но не как основные. В ранних государствах существенно повышается и их значимость, и отношение к ним со стороны верховной власти, которая все чаще начинает использовать их как важнейшее орудие своей политики. Совсем новых методов могло быть и не так много.

⁴⁰ В знаменитом древнеиндийском трактате о политике «Артхашастра», написанном, как предполагают, Каутилей, министром царя Чандрагупты в конце IV века до н. э., очень много места уделено сведениям о контроле над теми, кто выполнял роль «надзирателей» за подданными и «элементами царства», и «проверке исполнения ими традиционных или специально оговоренных норм, договоров, обязательств, проверке честности при передаче в казну должной части дохода, а также осуществлении наказаний, штрафования и устранении нарушителей... тех, кто присваивал царское имущество, царскую долю доходов и т. д.» (Лелюхин 2000: 37, 42). Такие проблемы типичны для ранних государств.

⁴¹ Например, у зулусов юноши должны были проходить своего рода военное обучение в военных краях в течение достаточно длительного времени, и только после этого они получали право жениться. Правитель зулусов Чака, который вел бесконечные войны и был заинтересован в возможно большей численности армии, чрезмерно усилил указанную традицию. Он запрещал воинам жениться в течение многих лет, поскольку они непрерывно находились на военной службе. Такое право он давал только за особые заслуги отдельным воинам или целым частям (см.: Риттер 1968).

⁴² Нечто подобное было и в ряде ранних государств, в том числе в Китае, где, например, в шанском обществе система родства не имела еще четких критериев, в частности, основные и побочные ветви еще не сильно различались. Зато в последующие периоды такая формализация усилилась (см.: Бокщанин 1998б: 230).

⁴³ Вот прямое подтверждение этой мысли историком: «При отсутствии органов государственной власти отношения между людьми в райбунском обществе полностью регулировались традициями, главным хранителем которых являлось жречество» (Frantsuzov 2000: 263).

⁴⁴ «Можно даже сказать, что наличие государства следует констатировать лишь в том случае, если в данном обществе совершился переход от обычая к закону», – считает Якобсон (1997: 7). Бесспорно, это чрезмерно категоричное заявление, тем более для раннего государства, но все же важность отхода от традиций подмечена верно.

⁴⁵ Ярким примером является Исландия, где альтингом (народным собранием) в 1000 году н. э. был принят закон о христианстве. Таким образом, исландцы не только добровольно изменили религию, но и оформили этот шаг законодательно. При этом были учтены интересы населения и проявлена веротерпимость, в частности, было разрешено употреблять конину (основную мясную пищу) и приносить тайно жертвы языческим богам. В Исландии также было принято решение о разделе крупных земельных хозяйств знати (хавдингов) между фермерами (бондами). Этот раздел завершился в основном в середине XI в. (см.: Ольгейрссон 1957: 179–186, 189–191).

⁴⁶ Здесь даже происходит противоположное движение. В период коренных изменений в Исландии (конец X – первая треть XI века) политическая жизнь была наполнена борьбой и противостоянием сторонников и противников Норвегии, приверженцев старой и новой религии, что и получило отражение в сагах. Казалось бы, после победы народовластия политическая жизнь должна стать более регулярной, систематической, охватывающей все новые области жизни. Однако, напротив, в следующем столетии, с 1030 по 1130 год, она замирает, и об этом периоде мало рассказывается в сагах. «Общество, состоящее из зажиточных бондов-«средняков», было миролюбивым и единообразным, в нем происходило мало крупных событий» (Ольгейрссон 1957: 191). Напротив, жизнь народовластных Афин все более политизировалась, а органы управления и суда становились разветвленнее. Кроме того, надо учитывать, что альтинг был не только законодательным собранием, но также играл роль высшего суда, поэтому разбор тяжб мог занимать основную часть времени его работы.

⁴⁷ Например, согласно уже упоминавшейся «Артхашастре» в Индии в IV в. до н. э. в числе основных проводников политики царя были многочисленные «тайные люди» и согладатаи (см.: Лелюхин 2000; Лелюхин, Любимов 1998а; Lehoukhine 2000: 272; Mishra P., Mishra J. 2002). Причем они нередко прибегали к весьма изощренным и даже жестоким методам, в том числе убийствам, грабежам, конфискациям, что внушало страх населению (см.: Косамби 1968: 169).

⁴⁸ Как справедливо замечает Эдвард ван дер Влит (см. в настоящем томе), способ формирования гражданской армии гоплитов в Древней Греции значительно отличался своего рода самоорганизации по сравнению со способом и обстоятельствами, при которых собирались военные отряды в племенных группах или сегментарных линиджах. Он также указывает, что гоплитские фаланги были, в первую очередь, отражением и выражением порядка, то есть организованной дисциплины, которая появлялась не автоматически из внутреннего содержания, но навязывалась извне – или сверху.

⁴⁹ Например, царь Аккада Саргон Древний «окончательно отбросил все старые традиционные титулы и стал называть себя «царем четырех стран света» (Дьяконов 2000в: 61).

⁵⁰ Например, во многих африканских государствах царь мог изменить социальное положение человека (Токарев, Кобищанов 1978: 257).

⁵¹ В том числе ограничение права населения на применение насилия, особенно запрет кровной мести и подобных обычаев.

⁵² Например, в Бенине правитель мог создавать новые вождества – «чифдомы насажденные» – помимо тех, что образовались самостоятельно – «чифдомы выросшие» (см.: Бондаренко 1995: 183–189).

⁵³ Пространственная интеграция (то есть такое расположение важных населенных пунктов и городов, которое показывает определенную иерархию как общества, так местностей в структуре общества. – Л. Г.) считается признаком начального процесса образования государства (см.: Lozny 1995: 90).

⁵⁴ Так, комментируя положение власти у эдуев, наиболее могущественного народа у галлов времен Цезаря, Франсуаза Леру пишет: «Ясно виден процесс деградации. Сперва была максимально сокращена компетенция царской власти, затем, из опасения, что она останется все еще слишком широкой, статус царя был попросту и окончательно упразднен и заменен двумя магистратами, назначаемыми ежегодно, как римские консулы, с той только разницей, что они не обладали никакой реальной властью» (Леру 2000: 124).

⁵⁵ Под редистрибуцией в раннем государстве иногда понимают (например: Claessen, van de Velde 1991: 9) такое явление, когда значительная часть распределяемых благ и трудовых услуг поступает в центр государства для материального обеспечения правителя и распределяется затем для различных нужд (обороны, строительства, в пользу храмов, для поддержания дорог и т. п.).

⁵⁶ «Распад и смена одних “имперских” образований другими в XIX в., перемещение “имперских” политических центров были проявлением поступательного развития ранней африканской государственности...» (Кочакова 1986: 270; см. также: Ambrosino 1995; Kowalewski *et al.* 1995).

⁵⁷ Так, Н. Б. Кочакова (1986: 270) характеризует влияние некоторых африканских империй на всю территорию Бенинского залива.

ЛИТЕРАТУРА

Аверкиева, Ю. П. 1973. О путях распада родового строя. В: Бромлей, Ю. В. (ред.), *Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология* (с. 51–57). М.: Наука.

Агларов, М. А. 1988. *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.* М.: Наука.

Александренков, Э. Г. 1976. *Индейцы Антильских островов.* М.: Наука.

Альбедиль, М. Ф. 1991. *Забывтая цивилизация в долине Инда.* СПб.: Наука.

Баглай, В. Е. 1995. Древнеацтекское государство: структура власти и управления. В: Попов 1995б: 230–258.

Баткин, Л. М. 1970. Период городских коммун. В: Сказкин и др. (ред.) 1970: 200–272.

Батыр, К. И., Поликарпова, Е. В. (ред.) 1996. *Хрестоматия по всеобщей истории государства и права.* Т. 1. М.: Юрист.

Белков, П. Л.

1993. Проблема генезиса государства: перерастает ли вождество в государство? В: Следзевский, И. В. (ред.), *Цивилизации Тропической Африки: общества, культуры, языки* (с. 29–40). М.: Институт Африки РАН.

1995. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? В: Попов 1995б: 178–182.

Бернадская, Е. В. 1970. Политический строй итальянских государств. Синьории и принципаты. В: Сказкин и др. (ред.) 1970. Т. 1: 295–346.

Берве, Г. 1997. *Тираны Греции* / пер. с нем. Ростов н/Д: Феникс.

Березкин, Ю. Е. 1991. *Инки. Исторический опыт империи*. Л.: Наука.

Бессмертный, Ю. Л. 1972. Возникновение Франции. В: Манфред, А. З. (ред.), *История Франции*: В 3 т. Т. 1: 9–68. М.: Наука.

Бобровников, В. О. 2002. Берберы (XIX – начало XX в. н. э.). В: Бондаренко, Коротаев (ред.) 2002: 177–195.

Бокшанин, А. А.

1998а. Зарождение административно-управленческого аппарата в Древнем Китае. В: Лелюхин, Любимов 1998б: 204–224.

1998б. Сложение государственно-административных институтов в Китае (эпоха Шан-Инь, XVI – середина XI в. до н. э.). В: Лелюхин, Любимов 1998б: 225–249.

Бонгард-Левин, Г. М. 1973. *Индия эпохи Маурьев*. М.: Наука.

Бонгард-Левин, Г. М., Ильин Г. Ф. 1969. *Древняя Индия. Исторический очерк*. М.: Вост. лит-ра, Наука.

Бондаренко, Д. М.

1995. *Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть*. М: Институт Африки РАН.

2000. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории. В: Крадин и др. (ред.) 2000: 198–206.

2001. *Доимперский Бенин: формирование и эволюция социально-политических институтов*. М.: Институт Африки РАН.

Бондаренко, Д. М., Коротаев А. В. (ред.) 2002. *Цивилизационные модели политогенеза*. М.: Институт Африки.

Бочаров, В. В. 1991. Политические системы Тропической Африки: от племени к государству. В: Ильин, Ю. М., Попов, В. А., Следзевский, И. В. (ред.), *Племя и государство в Африке* (Материалы выездной сессии Научного совета, состоявшейся в Ленинграде 5–6 мая 1991) (с. 65–75). М.: Институт Африки РАН.

Бродель, Ф. 1995. *Что такое Франция?* Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 1. Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков / пер. с фр. М.: Изд-во имени Сабашниковых.

Буданова, В. П. 1990. *Готы в эпоху Великого переселения народов*. М.: Наука.

Ванчура, В. 1991. *Картины из истории народа чешского*: В 2 кн. Кн. 1 / пер. с чеш. М.: Худ лит-ра.

Васильев, Л. С. 1983. *Проблемы генезиса Китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации)*. М.: Наука.

Васютин, С. А. 2002. Типология потестарных и политических систем кочевников. В: Крадин, Бондаренко 2002: 86–98.

Вейнберг, И. П. 1989. Сирия, Финикия и Палестина в первой половине I тысячелетия до н. э.. В: Дьяконов, И. М. (ред.), *История древнего мира*. Т. 2. Расцвет древних обществ (с. 95–114). М.: Наука.

Вигасин, А. А. 2000. Древняя Индия. В: Якобсон (ред.) 2000: 389–432.

Виткин, М. А. 1968. Проблема перехода от первичной формации ко вторичной. В: Данилова (ред.) 1968: 425–454.

Возгрин, В. Е. 1990. Генезис датского абсолютизма. В: Рутенбург, В. И., Медведев, И. П. (ред.), *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.)* (с. 132–176). Л.: Наука.

Воробьев, Д. В. 2002. Ирокезы (XV–XVIII в. н. э.). В: Бондаренко, Коротаев (ред.) 2002: 159–176.

Гавлик, Л. 1985. Государство и держава моравян (К вопросу о месте Великой Моравии в политическом и социальном развитии Европы). В: Санчук, Г. Э., Популик, Й. (ред.), *Великая Моравия. Ее историческое и культурное значение* (с. 96–107). М.: Наука.

Гиоргадзе, Г. Г. 1989. Ранняя Малая Азия и Хеттское царство. В: Дьяконов, И. М. (ред.), *История древнего мира*: В 3 кн. Кн. 1. Ранняя древность (с. 212–234). М.: Наука.

2000. Ранняя Малая Азия и Хеттское царство. В: Якобсон (ред.) 2000: 113–127.

Гиренко, Н. М. 1993. Племя и государство: проблемы эволюции. В: Попов (ред.) 1993: 122–131.

Глускина, Л. М. 1983. Дельфийский полис в IV в. до н. э.. В: Голубцова (ред.) 1983: 43–72.

Годинер, Э. С.

1982. *Возникновение и эволюция государства в Буганде*. М.: Наука.

1991. Политическая антропология о происхождении государства. В: Козлов, С. Я., Пучков, П. И. (ред.), *Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения* (с. 51–78). М.: Наука.

Голубцова, Е. С. (ред.) 1983. *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 2. Кризис полиса. М.: Наука.

Гринин, Л. Е.

1997. Формации и цивилизации. Глава 4. Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории. *Философия и общество* 5: 5–63.

2000. *Политогенез: генеральная и боковые линии (доклад на Международной конференции «Иерархия и власть в истории цивилизаций». Москва. 15–18 июня 2000)*. Волгоград.

2001–2005. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). *Философия и общество*: № 4/2001 (с. 5–60); 2/2002 (с. 5–74); 3/2002 (с. 5–73); 2/2003 (с. 5–42); 3/2003 (с. 5–57); 1/2004 (с. 5–44); 4/2004 (с. 5–44); 4/2005 (с. 5–29).

2003а. *Производительные силы и исторический процесс*. Изд. 2-е. Волгоград: Учитель.

2003б. *Философия, социология и теория истории*. Изд. 3-е. Волгоград: Учитель.

2006а. *Государство и исторический процесс*. Волгоград: Учитель. (В печати.).

2006б. Раннее государство и демократия. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 337–386).

2006в. От раннего к зрелому государству. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 523–556).

Гуляев, В. И.

1977. Города-государства древних майя. В: *Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья»* (с. 20–24). Л.: Наука.

1986. Типология древних государств: Месопотамия и Мезоамерика. В: *Древние цивилизации Востока (Материалы 2-го Советско-американского симпозиума)* (с. 81–85). Ташкент: изд-во ФАН Узбекской ССР.

Гумилев, Л. Н.

1993а. *Древние тюрки*. М.: Клышников, Комаров и К°.

1993б. *Хунну*. СПб: Тайм-Аут-Компасс.

Гуревич, А. Я.

1970. *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе*. М.: Высшая школа.

1972. *История и сага*. М.: Наука.

1980. Образование раннефеодального государства в Норвегии (конец IX – начало XIII в.). В: Кан, А. С. (ред.), *История Норвегии* (с. 126–151). М.: Наука.

Данилова, Л. В. (ред.) 1968. *Проблемы истории докапиталистических обществ*. М.: Наука.

Дешан, Ю. 1984. История большого острова. В: Ольдерогге, Д. А. (ред.), *История тропической Африки (с древнейших времен до 1800 г.)* (с. 345–357). М.: Наука, изд-во Вост. лит-ры.

Джонсон, Г. А. 1986. Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем. В: *Древние цивилизации Востока (Материалы 2-го Советско-американского симпозиума)*. Ташкент: изд-во ФАН Узбекской ССР.

Дьяконов, И. М.

1951. Реформы Уркагины в Лагаше. *Вестник древней истории*: 15–32.

1956. *История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э.* М.–Л.: изд-во АН СССР.

1983 (ред.). *История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой формации*. Т. 1. Месопотамия. М.: Главная редакция вост. лит-ры.

2000а. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. В: Якобсон 2000: 27–44.

2000б. Города-государства Шумера. В: Якобсон 2000: 45–56.

2000в. Переход к территориальному государству в Месопотамии. В: Якобсон 2000: 57–66.

Дьяконова, Е. М. 1989. Древняя Япония. В: Дьяконов, И. М. (ред.), *История древнего мира*: В 3 кн. Кн. 3. Упадок древних обществ (с. 211–219). М.: Главная редакция вост. лит-ры.

Ёрл, Т. К. 2002. Гавайские острова (800–1824 гг.). В: Бондаренко, Коротаев 2002: 77–88.

Залеский, Н. Н. 1959. *Этруски в Северной Италии*. Л.: изд-во Ленинград. ун-та.

Карнейро, Р. Л. 2000. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства. В: Крадин, Н. Н., и др. (ред.) 2000: 84–94.

Киселев, Г. С. 1985. *Доколониальная Африка. Формирование классового общества (состояние проблемы и перспективы ее разработки)*. М.: Наука.

Классен, Х. Дж. М.

2005. Эволюционизм в развитии. *История и современность* 2: 3–22.

2006. Было ли неизбежным появление государства? В: Гринин Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 71–84).

Ключевский, В. О. 1937. *Курс русской истории*. Часть 1. М.: Государственное социально-экономическое изд-во.

Кобищанов, Ю. М.

1974. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития. В: Куббель, Л. Е. (ред.), *Африка: возникновение отсталости и пути развития* (с. 85–290). М.: Наука.

1995. *Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций*. М.: Роспен.

Колесницкий, Н. Ф. 1963. Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (VI–XIV вв.). *Средние века* 23: 183–197.

Коротаев, А. В.

2000а. От государства к вождеству? От вождества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет). В: Попов 2000: 224–302.

2000б. Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена). В: Крадин и др. 2000: 265–291.

Корсунский, А. Р., Гюнтер, Р. 1984. *Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение варварских королевств (до середины VI в.)*. М.: Изд-во МГУ.

Кочакова, Н. Б.

1986. *Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея)*. М.: Наука.

1995. Размышления по поводу раннего государства. В: Попов, В. А. (ред.) 1995: 153–164.

1999. *Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»)*. М.: Институт Африки РАН.

Косамби, Д. 1968. *Культура и цивилизация Древней Индии* / пер. с англ. М.: Прогресс.

Кошеленко, Г. А. 1983. Введение. Древнегреческий полис. В: Голубцова, Е. С. (ред.), *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 1. *Становление и развитие полиса* (с. 9–36). М.: Наука.

Крадин, Н. Н.

1992. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука,

2000. Общественный строй жужаньского каганата. В: Крадин, Н. Н., и др. (ред.), *История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э. В. Шавкунова* (с. 80–94). Владивосток: Изд-во ДВГУ.

2001а. *Империя хунну*. 2-е изд. Владивосток: Дальнаука.

2001б. Кочевники в мировом историческом процессе. *Философия и общество* 2: 108–138.

2002. Структура власти в кочевых империях. В: Крадин, Бондаренко (ред.) 2002: 109–125.

Крадин, Н. Н., Бондаренко, Д. М. (ред.) 2002. *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М.: Институт Африки РАН и др.

Крадин, Н. Н., Лынша, В. А. (ред.) 1995. *Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум*. Владивосток: Дальнаука.

Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.) 2000. *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос.

Куббель, Л. Е.

1976. Об особенностях классовообразования в средневековых обществах Западного и Центрального Судана. В: Першиц, А. И. (ред), *Становление классов и государств* (с. 87–123). М.: Наука.

1988. Возникновение частной собственности, классов и государства. В: Бромлей Ю. В. (ред.), *История первобытного общества. Эпоха классовобразования* (с. 140–269). М.: Наука.

Кучма, В. В. 1998. *Государство и право Древнего мира. Курс лекций по истории государства и права зарубежных стран*. Волгоград: Офсет.

Ле Гофф, Ж. 1992. *Цивилизация средневекового Запада* / пер. с фр. М.: Прогресс.

Лелюхин, Д. Н. 2000. «Тайная служба» в древнеиндийской политической теории. В: Васильев, Л. С. (ред.), *Политическая интрига на Востоке* (с. 35–44). М.: Вост. лит-ра.

Лелюхин, Д. Н., Любимов, Ю. В.

1998а. Проблема государства и его критериев. Введение. В: Лелюхин, Любимов 1998б: 3–7.

1998б (ред.). *Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности)*. М.: Биоинформсервис.

Леру, Ф. 2000. *Друиды* / пер. с фр. СПб.: Евразия.

Логинов, А. В. 1988. Крики. В: Бромлей, Ю. В. (ред.), *Народы мира* (с. 233). М.: Советская энциклопедия.

Луццатто, Дж. 1954. *Экономическая история Италии* / пер. с ит. М.: ИЛ.

Мажуга, В. И. 1990. Королевская власть и церковь во франкском государстве. В: Рутенбург, В. И., Медведев, И. П. (ред.), *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.)* (с. 46–70). Л.: Наука.

Маретина, С. А. 1995. К проблеме универсальности вождеств: о природе вождей у нага (Индия). В: Попов (ред.) 1995: 79–103.

Массон, В. М. 1989. *Первые цивилизации*. Л.: Наука.

Машкин, Н. А. 1956. К вопросу об экономической жизни Греции классического периода. В: Струве, В. В., и др. (ред.), *Древняя Греция* (с. 234–266). М.: Наука.

[**Мелюкова, А. И., Смирнов, А. П.**] 1966. Киммерийцы, скифы, сарматы. В: Плетнева, Рыбаков (ред.) 1966: 214–225.

Мещеряков, А. Н., Грачев, М. В. 2003. *История Древней Японии*. СПб.: Гиперион-Триада.

Миллер, Дж. 1984. *Короли и сородичи. Ранние государства мбунду в Анголе* / пер. с англ. М.: Наука.

Монгайт, А. Л. 1974. *Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века*. М.: Наука.

Морган, Л. Г.

1934 (1878). *Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации* / пер. с англ. Л.: Изд-во института народов Севера.

1983 (1851). *Лига ходеносауни, или ирокезов* / пер. с англ. М.: Наука.

Мортон, А. Л. 1950. *История Англии* / пер. с англ. М.: Изд-во иностранной лит-ры.

Неронова, В. Д. 1989. Этруские города-государства в Италии. В: Дьяконов, И. М. (ред.), *История древнего мира*. Т. 1. Ранняя древность (с. 369–381). М.: Наука.

Неусыхин, А. И. 1968. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья). В: Данилова (ред.) 1968: 596–617.

Ольгейрссон, Э. 1957. *Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии* / пер. с исл. М.: ИЛ.

Орлова, А. С., Львова, Э. С. 1978. *Страницы истории великой саванны*. М.: Наука.

Пасков, С. С. 1987. *Япония в раннее Средневековье. VII–XII века*. Исторические очерки. М.: Наука.

Переломов, Л. С. 1974. Китай в эпоху Лего и Чжаньго. В: Симоновская, Л. В., Юрьев, М. Ф. (ред.), *История Китая с древнейших времен до наших дней* (с. 17–32). М.: Наука.

Перепёлкин, Ю. Я. 2001. *История Древнего Египта*. СПб.: Журнал «Нева», Летний сад.

Першиц, А. И. 1968. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. В: Першиц, А. И. (ред.), *Разложение родового строя и формирование классового общества* (с. 320–355). М.: Наука.

Петкевич, К.

2005. Украина на перепутье: Казачье государство. *История и современность* 2: 35–63.

2006. Казачье государство. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 280–303).

Платонов, С. Ф. 1994. *Лекции по русской истории*. Т. 1, 2. М.

Плетнева, С. А. 1966. Кочевые народы VII–XIII вв. В: Плетнева, Рыбаков (ред.) 1966: 438–463.

Плетнева, С. А., Рыбаков, Б. А. (ред.) 1966. *История СССР с древнейших времен до наших дней*. Т. 1. *Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь*. М.: Наука.

Подаляк, Н. Г. 2000. Ганза. В: Сванидзе, А. А. (ред.), *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 4. *Extra muros: город, общество, государство* (с. 125–150). М.: Наука.

Попов, В. А.

1982. *Аиантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования*. М.: Наука.

1990. *Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках*. М.: Наука.

1993 (ред.). *Ранние формы социальной стратификации. Генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции*. М.: Вост. лит-ра.

1995а. Политогенетическая контроверза, паразитичность и феномен вторичной государственности. В: Попов 1995б: 188–204.

1995б (ред.). *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Вост. лит-ра РАН.

2000 (ред.). *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика*. СПб.: МАЭ РАН.

Ратцель, Ф. 1902. *Народоведение*: В 2 т. / пер. с нем. СПб.: Типография Товарищества «Просвещение».

Риттер, Э. А. 1968. *Чака Зулу. Возвышение зулусской империи*. / пер. с англ. М.: Наука.

Рознер, И. Г. 1970. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. *Вопросы истории* 8: 42–56.

Рутенбург, В. И. 1987. *Итальянский город. От раннего Средневековья до Возрождения*. М.: Наука.

Рыбаков, Б. А. 1987. Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Молодая гвардия.

Рэдклиф-Браун, Э. Э. 1985. *Нуэры* / пер. с англ. М.: Наука.

Садаев, Д. С. 1979. *История Ассирии*. М.: Наука.

Салинз, М. 1999. *Экономика каменного века* / пер. с англ. М.: ОГИ.

Саутхолл, Э. 2000. О возникновении государства. В: Крадин (ред.) 2000: 130–136.

Сказкин, С. Д., Котельникова, Л. А., Рутенбург, В. А. (ред.) 1970. *История Италии*. В 3 т. Т. 1. М.: Наука.

Скрынникова, Т. Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингисхана*. М.: Изд. фирма Вост. лит-ра.

Смелзер, Н. 1994. *Социология*. М.: Феникс.

Смирнов, А. П.

1966а. *Скифы*. М.: Наука.

1966б. Кочевники IV–VII в. н. э. В: Плетнева, Рыбаков (ред.): 321–336.

Советская историческая энциклопедия (СИЭ): В 16 т. М.: Советская энциклопедия.

1966. Маробод. *СИЭ* 9: 123.

1967. Арминий. *СИЭ* 1: 746.

1969а. Саксы. *СИЭ* 12: 478–480.

1969б. Саксонская правда. *СИЭ* 12: 475.

1969в. Само. *СИЭ* 12: 512–513.

Стеблин-Каменский, М. И. 1971. *Мир саги*. Л.: Наука.

Струве, В. В., Калистов, Д. П., Блаватская, Т. В., Машкин, Н. А., Зебелев, Т. В., Волгин, В. П. (ред.) 1956. *Древняя Греция*. М.: Наука.

Тейяр де Шарден, П. 1987. *Феномен человека* / пер. с фр. М.: Наука.

Тиханова, М. А. 1958. Готы в Причерноморских степях. В: Рыбаков (ред.), *Очерки истории СССР III–IX вв.* (с. 130–137). М.: Изд-во Академии Наук.

Тишков, В. А. 1988. Гуроны. В: Бромлей, Ю. В. (ред.), *Народы мира* (с. 148). М.: Советская энциклопедия.

Токарев, С. А., Кобищанов, Ю. М. (ред.) 1978. *Община в Африке: проблемы типологии*. М.: Наука.

Тумаркин, Д. Д.

1964. *Вторжение колонизаторов в «край вечной весны»*. М.: Наука.

1971. *Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820–1865*. М.: Наука.

Удальцова, З. В. 1967. Остготы. *СИЭ* 10: 654.

Файрсервис, В. 1986. К вопросу о происхождении Хараппской цивилизации. В: *Древние цивилизации Востока* (с. 188–199). Ташкент: Изд-во «ФАН».

Фентон, У. Н. 1978. Ирокезы в истории. В: Аверкиева, Ю. П. (ред.), *Североамериканские индейцы* (с. 109–156). М.: Прогресс.

Филатов, И. 1965. Исландия. *СИЭ* 6: 341–348.

Филипп, Я. 1961. *Кельтская цивилизация и ее наследие*. Прага.

Федоров, Г. В., Полевой, Л. Л. 1984. «Царства» Бурбисты и Децебала: союзы племен или государства? *Вестник древней истории* 7: 58–80.

Флюер-Лоббан, К. 1990. Проблема матрилинейности в доклассовом и раннеклассовом обществе. *Советская этнография* 1: 75–85.

Фролов, Э. Д. 1986. Рождение греческого полиса. В: Курбатов, Г. Л., Фролов, Э. Д., Фроянов, И. Я. (ред.), *Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство)* (с. 8–99). Л.: Изд-во ЛГУ.

Хазанов, А. М.

1975. *Социальная история скифов*. М.: Наука.

2002. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе. В: Крадин, Бондаренко (ред.) 2002: 37–58.

Хизриева, Г. А. 2002. Формирование исландской этнокультурной общности в эпоху средневековья. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Природа и самоорганизация общества* (с. 78–92). М.: Московский лицей.

Хорошкевич, А. Л. 1966. Образование единого Российского государства. В: Тихомиров, М. Н., и др. (ред.), *История СССР*. Том 2. Борьба народов нашей страны за независимость в XIII–XVII вв. Образование единого Русского государства (с. 105–141). М.: Наука.

Хоцей, А. С. 2000. *Теория общества*: В 3 т. Т. 2. Казань: Матбугат Йорты.

Хьяульмарссон, Й. Р. 2003. *История Исландии*. М.: изд-во «Весь мир».

Шелов, Д. Б. 1966. Рабовладельческие государства Северного Причерноморья. Ольвия 6–1 в. до н. э. В: Плетнева, Рыбаков (ред): 230–272.

Шмурло, Е. Ф. 2000. *Курс русской истории*: В 4 т. Т. 1: Возникновение и образование Русского государства. СПб.: Алетей; С.-Петербург. ун-т МВД России и др.

Штаерман, Е. М.

1951. Древняя Галлия. Обзор послевоенной буржуазной историографии. *Вестник древней истории* 1 (35): 209–215.

1989. К проблеме возникновения государства в Риме. *Вестник древней истории* 2: 76–94.

Шкунаев, С. В.

1988. Кельты в Западной Европе в V–I вв. до н. э. В: Голубцова, Е. С. (ред.), *История Европы*. Т. 1. Древняя Европа (с. 492–503). М.: Наука.

1989. *Община и общество западных кельтов*. М.: Наука.

Щетенко А. Я. 1979. *Первобытный Индостан*. Л.: Наука.

Энгельс, Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В: Маркс и Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 21: 23–178. М.: Политиздат.

Якобсон, В. А.

1997. Государство как социальная организация (теоретические проблемы). *Восток* 1: 5–15.

2000 (ред.). *История Востока*: В 6 т. Т. 1: *Восток в древности*. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.

Якубский, В. А. 1993. Формирование и развитие феодального общества (до середины XV века). В: Дьяков, В. А. (ред.), *Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней* (с. 5–39). М.: Наука.

Янковская, Н. Б. 1989. Ашшур, Митанни, Аррапхэ. В: Дьяконов, И. М. (ред.), *История древнего мира*. Т. 1. *Ранняя древность* (с. 174–197). М.: Главная редакция вост. лит-ры.

Alexeev, I. L., Beliaev, D. D., Bondarenko, D. M. (eds.) 2004. *Hierarchy and Power in the History of civilizations. Third International Conference. Abstracts of the*

3rd International Conference (Moscow, 18–24 June, 2004). Moscow Center for Civilizational and Regional Studies of the RAS.

Ambrosino, J. N. 1995. Inter-societal Contact and the Rise of the State: a Brief Note Work in Progress. In Kradin, Lynsha 1995: 54–59.

Bargatsky, T. 1987. Upward Evolution, Suprasystemic Dominance, and the Mature State. In Claessen, H. J. M., Velde, P. van de (eds.), *Early State Dynamics* (pp. 24–38). Leiden: Brill.

Beliaev, D. D., Bondarenko, D. M., Frantsouzoff, S. A. (eds.) 2002. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations*. Moscow: IAF RAN.

Bellwood, P. 1987. *The Polynesians. Prehistory of an Island People*. London: Thames and Hudson.

Bondarenko, D. M.

1995. Precolonial Benin. In Kradin, Lynsha 1995: 100–108.

2000a. 'Homologous Series' of Social Evolution and Alternatives to the State in World History (An Introduction). In Kradin et al. 2000: 213–219.

2000b. Benin (1st millennium B. C. – 19th century A. D.). In Bondarenko, Korotayev 2000a: 87–127.

2005. A Homoarchic Alternative to the Homoarchic State: Benin Kingdom of the 13th–19th Centuries. *Social Evolution & History* 4 (2): 18–88.

Bondarenko, D. M., Grinin, L. E., Korotayev, A. V.

2002. Alternative Pathways of Social Evolution. *Social Evolution & History* 1: 54–79.

2004. Alternatives of Social Evolution. In Grinin et al. 2004: 3–27.

Bondarenko, D. M., Korotayev, A. V.

2000a (eds.). *Civilizational Models of Politogenesis*. M.: IAF RAN.

2000b. Introduction. In Bondarenko, Korotayev 2000a: 5–31.

Bondarenko, D. M., Sledzevski, I. V. (eds.). 2000. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Abstracts of the 1st International Conference*. M.: IAF RAN.

Carneiro, R. L.

1967. On the Relationship Between Size of Population and Complexity of Social Organization. *Southwestern Journal of Anthropology* 23: 234–243.

1970. A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.

1978. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion. In Cohen, Service 1978: 205–223.

1981. The Chiefdom: Precursor of the State. In Jones, G. D., and Kautz, R. R. (eds.), *The Transition to Statehood in the New World* (pp. 37–79). Cambridge: Cambridge University Press.

2000a. Process VS. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State. In Kradin, N. N., et al. (eds.) 2000: 52–58.

2000b. *The Muse of History and the Science of Culture*. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers.

Chabal, P., Feinman, G., Skalník, P. 2004. Beyond States and Empires: Chiefdoms and Informal Politics. *Social Evolution & History* 3 (1): 21–38.

Chadwick, N. 1987. *The Celts*. London: Penguin books.

Claessen, H. J. M.

1978a. The Earle State: A Structural Approach. In Claessen, Skalník 1978a: 533–596.

1978b. Early State in Tahiti. In Claessen, Skalník 1978a: 441–467.

1989. Evolutionism in development. *Vienne Contributions to ethnology and anthropology* 5: 231–247.

1996. Ideology and the Formation of Early States: Data from Polynesia. In Claessen, Oosten 1996: 339–358.
2000. Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. In Kradin *et al.* 2000: 1–11.
2002. Was the State Inevitable? *Social Evolution & History* 1: 101–117.
2004. Was the State Inevitable? In Grinin *et al.* 2004: 72–87.
- Claessen, H. J. M., Oosten, J. G. (eds.)** 1996. *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill.
- Claessen, H. J. M., Skalník, P.**
- 1978a. (eds.) *The Early State*. The Hague: Mouton.
- 1978b. Limits: Beginning and End of the Early State. In Claessen, Skalník 1978a: 619–636.
- 1978c. The Early State: Models and Reality. In Claessen, Skalník 1978a: 637–650.
- 1981a. Ubi sumus? The Study of the State conference in retrospect. In Claessen, Skalník (eds.) 1981: 469–510.
- 1981b (eds.). *The Study of the State*. The Hague: Mouton.
- Claessen, H. J. M., Velde, P. van de**
- 1987a. Introduction. In Claessen, van de Velde 1987b: 1–23.
- 1987b (eds.). *Early State Dynamics* (pp. 1–23). Leiden: Brill.
- 1991 (eds.). *Early State Economics*. New Brunswick, N. J.: Transaction.
- Clark, G., Piggott, S.** 1970. *Prehistoric Societies*. Harmondsworth, Middlesex, UK: Penguin Books Ltd.
- Cohen, R.**
1978. Introduction. In Cohen, Service 1978: 1–20.
1981. Evolution, Fission and Early State. In Claessen, Skalník 1981: 96–112.
- Cohen, R., Service, E. R. (eds.)** 1978. *Origins of the State*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.
- Crone, P.** 1989. *Pre-Industrial Societies*. Oxford UK – Cambridge MA USA.
- Crumley, C. L.**
1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. In Ehrenreich, R. M., Crumley, C. L., Levy, J. E. (eds.), *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* (pp. 1–15). Washington, DC: American Anthropological Association.
2001. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity. In Haas 2001b: 19–33.
2005. Remember How to Organize: Heterarchy across Disciplines. In Beekman, Ch. S., Baden, W. W. (eds.), *Nonlinear Models for Archaeology and Anthropology: continuing the Revolution* (pp. 35–50). Aldershot: Ashgate.
- Davenport, W.** 1969. The ‘Hawaiian Cultural Revolution’: Some Political and Economic Considerations. *American Anthropologist* 71: 1–20.
- Diamond, J.** 1999. *Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies*. New York – London: W.W. Norton & Company.
- Earle, T. K.**
1997. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford, CA: Stanford University Press.
2000. Hawaiian Islands (A. D. 800–1824). In Bondarenko, Korotayev 2000a: 73–86.
- Ehrenreich, R. M., Crumley, C. L., Levy, J. E.** 1995. *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Washington, DC: American Anthropological Association.

Ember, C. R., Ember, M. 1999. *Anthropology*. 9th ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, Inc.

Frantsuzoff, S. A. 2000. The Society of Raybūn. In Kradin *et al.* 2000: 258–265.

Feinman, G. M. 1998. Scale and Social Organization: Perspectives on the Archaic State. In Feinman, Marcus 1998: 95–133.

Feinman, G. M., Marcus, J. (eds.) 1998. *Archaic States*. Santa Fe, NM: School of American Research Press.

Fried, M. H.

1967. *The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology*. New York: Random House.

1978. The State, the Chicken, and the Egg; or What Came First? In Cohen, Service 1978: 35–48.

Fortes, M., Evans-Pritchard, E. E. 1987/1940. Introduction. In Fortes, M., Evans-Pritchard, E. E. (eds.), *African Political Systems* (pp. 1–24). London and New York: International African Institute.

Frantsuzov, S. A. 2000. The Society of Raybūn. In Kradin *et al.* (eds.) 2000: 258–265.

Gledhill, J. 1994. *Power and its Disguises: Anthropological Perspectives on Politics*. London – Chicago, IL: Pluto Press.

Grinin, L. E.

2000. Politogenesis: General and Lateral Branches. In Bondarenko, Sledzevski 2000: 51.

2002a. *General Context of the Social Evolution at the Early State Formation*. Volgograd: Uchitel.

2002b. General Context of the Social Evolution at the Early State Formation. In Beliaev *et al.* 2002: 86–87.

2003. The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 1: 131–176.

2004 a. Democracy and Early State. *Social Evolution & History* 3 (2): 93–149.

2004 b. Early State and Democracy. In Grinin *et al.* 2004: 419–463.

2004c. The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis. In Grinin *et al.* 2004: 88–136.

Grinin, L. E., Carneiro, R. L., Bondarenko, D. M., Kradin, N. N., Korotayev, A. V. (eds.) 2004. *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel.

Haas, J.

2001a. Nonlinear Paths of Political Centralization. In Haas 2001b: 235–243.

2001b (ed.). *From Leaders to Rulers*. New York etc.: Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Harris, M. 1995. *Cultural Anthropology*. 4th ed. New York: Addison-Wesley.

Haviland, W. A. 1991. *Anthropology*. 6th ed. Fort Worth, Chicago, IL, etc.: Holt, Rinehart and Winston.

Janssen, J. J. 1978. The Early State in Ancient Egypt. In Claessen, Skalnik 1978a: 213–234.

Johnson, G. 1981. Monitoring Complex System Integration and Boundary Phenomena with Settlement Size Data. In Leeuw, S. E. van der (ed.), *Archaeological Approaches to the Study of Complexity* (pp 144–188) Amsterdam: van Giffen Instituut voor Prae-en Protohistorie.

Johnson, A. W., Earle, T. K. 2000. *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press.

Khazanov, A. M. 1978. The Early State Among the Scythians. In Claessen, Skalnik 1978a: 425–439.

Korotayev, A. V. 1995. Mountains and Democracy: An Introduction. In Kradin, Lynsha 1995: 60–74.

Korotayev, A. V., Kradin, N. N., Lynsha, V. A., Munck, V. de 2000. Alternatives of Social Evolution: An Introduction. In Kradin *et al.* 2000: 12–51.

Kottak, C. Ph. 1980. *The Past in the Present: History, Ecology and Cultural Variation in Highland Madagascar*. Ann Arbor: University of Michigan Press

Kowalewski, S. A., Nicolas, L., Finsten, L., Feinman, G. M., Blanton, R. E. 1995. Regional Restructuring from Chiefdom to State in the Valley of Oaxaca. In Kradin, Lynsha 1995: 93–99.

Krader, L. 1978. The Origin of the State Among the Nomads of Asia. In Claessen, Skalnik 1978a: 93–107.

Kradin, N. N.

1995. The Transformation of Political Systems from Chiefdom to State: the Mongolian Example. In Kradin, Lynsha 1995: 136–143.

2000a. The Hsiung-Nu (200 B. C. – A. D. 48). In Bondarenko, Korotayev 2000: 287–304.

2000b. Nomads, World-Empires, and Social Evolution. In Kradin *et al.* 2000: 274–288.

Kradin, N. N., Bondarenko, D. M., Barfield, T. J. (eds.) 2003. *Nomadic Pathways in Social Evolution*. M.: IAF RAS.

Kradin, N. N., Korotayev, A. V., Bondarenko, D. M., Munck, V. de, Wason, P. K. (eds.) 2000. *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok: FEB RAS.

Kradin, N. N., Lynsha, V. A. (eds.) 1995. *Alternative Pathways to Early State*. Vladivostok: Dal'nauka.

Kurtz, D. 1978. The Legitimation of Aztec State. In Claessen, Skalnik 1978a: 169–189.

Lal, B. B. 1984. *Some reflections on the structure remains at Kalibangan*. FIC.

Lelioukhine, D. N. 2000. State and Administration in Kautilya's 'Arthashastra'. In Kradin *et al.* 2000: 266–272.

Lloyd, P. 1981. West African Kingdoms and the Earle State: a Review of Some Recent Analyses. In Claessen and Skalnik 1981: 223–238.

Lozny, L. 1995. The Transition to Statehood in Central Europe. In Kradin, Lynsha 1995: 84–92.

Marcus, J. 1998. The Peaks and Valleys of Ancient States: An Extension of Dynamic Model. In Feinman, Marcus 1998: 59–94.

Marcus, J., and Feinman, G. M. 1998. Introduction. In Feinman, Marcus 1998: 3–13.

Marey, A. V. 2000. The Socio-Political Structure of the Pechenegs. In Kradin *et al.* 2000: 289–293.

Mason, J. A. 1961. *The Ancient Civilizations of Peru*. Baltimore, MD: Penguin.

McIntosh, S. K. 1999a. Pathways to Complexity: an African Perspective. In McIntosh 1999b: 1–30.

1999b (ed.) *Beyond Chiefdoms; Pathways to Complexity in Africa*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mishra, P., Mishra, J. 2002. *Strategy of Power sharing in ancient India: with special reference to Kautilya's Arthashastra. Paper presented at the International Conference "Hierarchy and Power in the History of Civilizations" St. Petersburg, July 4–7.*

Oosten, J. 1996. Ideology and the Development of European Kingdoms. In Claessen and Oosten 1996: 225–247.

Patterson, T. C. 1995. Gender, Class and State Formation in Ancient Japan. In Kradin, Lynsha 1995: 128–135.

Pokora, T. 1978. China. In Claessen, Skalník 1978a: 191–212.

Polanyi, K. 1968. Primitive, archaic and modern Economics. In Dalton, G. (ed.), *Primitive, Archaic, and Modern Economics: Essays of Karl Polanyi*. Garden City, N. Y., Anchor Books.

Possehl, G. L. 1998. Sociocultural Complexity Without the State: The Indus Civilization. In Feinman, Marcus 1998: 261–292.

Sahlins, M. D.

1972a/1958. *Social Stratification in Polynesia*. Seattle – London: University of Washington Press.

1972b. *Stone Age Economics*. Chicago

Schaedel, R.

1978. Early State of the Incas. In Claessen, Skalník 1978a: 289–320.

1995. The Temporal Variants of Proto-state Societies. In Kradin, Lynsha 1995: 47–53.

Seaton, L. 1978. The Early State in Hawaii. In Claessen, Skalník 1978a: 269–287.

Service, E. R. 1975. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. N. Y.

Shiffard, P. A. 1987. Aztecs and Africans: Political Processes in Twenty-Two Early States. In Claessen, van de Velde 1987b: 39–53.

Skalník, P. 1996. Ideological and Symbolic Authority: Political Culture in Nanun, Northern Ghana. In Claessen, Oosten 1996: 84–98.

Skrynnikova, T. D. 2004. Mongolian Nomadic Society of the Empire Period. In Grinin *et al.* (eds.) 2004: 525–535.

Southall, A. 2000. On the Emergence of States. In Kradin *et al.* 2000: 150–153.

Spencer, Ch. S. 2000. The Political Economy of Pristine State Formation. In Kradin *et al.* 2000: 154–165.

Spencer, Ch. S., Redmond, E. M. 2003. Militarism, Resistance and Early State Development in Oaxaca, Mexico. *Social Evolution & History* 2 (1): 25–70.

Tainter, J. A. 1990. *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge – New York: Cambridge University Press.

Trepavlov, V. V. 1995. The Nogay Alternative: from a State to a Chiefdom and Backwards. In Kradin, Lynsha 1995: 144–151.

Tymowski, M. 1987. The Early State and after in precolonial West Sudan. Problems of the stability of political organizations and the obstacles to their development. In Claessen, van de Velde 1987b: 54–69.

Van Bakel, M. 1996. Ideological Perspectives of the Development of Kingship in the Early States of Hawaii. In Claessen, Oosten 1996: 329–345.

Vansina, J. 1999. Pathways of Political Development in Equatorial Africa and Neo-evolutionary Theory. In McIntosh 1999b: 166–172.

Vorobyov, D. V. 2000. The Iroquois (15th–18th centuries A. D.). In Bondarenko, Korotayev 2000a: 157–174.

Wason, P. K. 1995. Social Types and the Limits of Typological Thinking in Social Archaeology. In Kradin and Lynsha 1995: 19–27.

Weber, M. 1947. *The Theory of Social and Economic Organization*. New York: Free Press.

Wittfogel, K. A. 1957. *Oriental Despotism*. New Haven, CT: Yale University Press.

Wright, H. T. 1977. Recent Research on the Origin of the State. *Annual Review of Anthropology* 6: 379–397.

Wright, H. T., Johnson, G. 1975. Populations, Exchange, and Early State Formation in Southwestern Iran. *American Anthropologist* 77: 267–289.

Zin'kovskaya I. V. 2004. The Hermanarich Kingdom: Between Barbarity and Civilization. In Alexeev, I. L. *et al.* (eds.) 2004: 84–85.

***Гомоархия как принцип социально-
политической организации
(постановка проблемы и введение понятия)****

Дмитрий Михайлович Бондаренко

*Центр цивилизационных и региональных исследований РАН,
Москва*

Слово «гомоархия» было «изобретено» автором данной статьи и его коллегой А. В. Коротаевым в ходе неформального обсуждения концепции гетерархии К. Крамли (Crumley 1979; 1987; 1995; 2001). К. Крамли определяет гетерархию в прямом соответствии с содержанием этого понятия в биофизике, откуда она и перенесла этот термин в науку об обществе (см. Crumley 1987: 156–157), – «... как взаимоотношение элементов, при котором они неранжированы или когда они обладают потенциалом для того, чтобы быть ранжированными несколькими различными способами» (Crumley 1995: 3; также см. 1979: 144; 1987: 158; 2001: 25). Соответственно гомоархия может быть определена как взаимоотношение элементов, при котором они жестко ранжированы единственным образом и не обладают (или обладают незначительным) потенциалом для того, чтобы стать неранжированными или ранжированными другим или несколькими другими способами, по крайней мере, без кардинального изменения всего общественно-политического устройства. Образы, используемые для разграничения гетерархии и иерархии в кибернетике, также подходят в данном случае: «гетерархия – это форма организации, напоминающая плетенку или рыболовную сеть», а «иерархия – это форма организации, напоминающая пирамиду» (Dictionary n.d).

Однако в обществоведении гомоархия не должна отождествляться с иерархией (как и гетерархия не должна пониматься как эгалитарность в строгом смысле этого слова [Brumfiel 1995: 129]). Иерархия – атрибут любой социальной системы притом, что в любом обществе можно наблюдать и «вертикальные», и «горизонтальные» социальные связи (Bergerman 1981; Smith 1985; Johnson, G. 1989; Ehrenreich *et al.* 1995: 1–5, 87–100, 116–120, 125–131; Blanton 1998; Бондаренко и Ко-Бондаренко Д. М. / Гомоархия как принцип социально-политической организации (постановка проблемы и введение понятия), с. 164–183

ротаев 2002а; Бондаренко 2004). Истинность этого утверждения прямо подтверждают авторы немалого числа недавних конкретных исследований самых различных культур, основанных на археологических (см., например: Small 1995; Wailes 1995; Kristiansen 1998: 54–56; Anderson, C. E. 1999; Kuijt 2000: 312–315; Stein 2001; Scarborough *et al.* 2003), письменных (см., например: Reynolds 1990; Коротаев 1998; Золотов 1999) и этнографических (см., например: Kelly 1993; Jolly and Mosko 1994; Kammerer 1998; Nangoro 1998: 47–48) источниках. Даже у так называемых «эгалитарных охотников и собирателей» (Woodburn 1982) с присущими их обществам доминирующим этосом равенства и отсутствием социальной стратификации (хадза, !кунг, пигмеев, бирхор, палийан, шошонов и др.) тем не менее можно выявить признаки социальной дифференциации и неформального лидерства (см. недавние общие описания и рассуждения: Johnson and Earle 2000: 41–89; Артемова 2004: 190–196). Как справедливо отмечает П. П. Швейцер, необходимо «уничтожить общий ярлык “эгалитарности” и превратить его в континуум реальных констелляций неравенства. ... Даже горячие сторонники “первобытного коммунизма” соглашаются, что “полного равенства” не существует...» (Schweitzer 2000: 129; см. также: *inter alia*, Dahrendorf 1970/1968; Rousseau 1985; Trigger 1985: 49–51; Геллер 1992; Artemova 2000; Артемова 2002). На противоположном же конце шкалы уровней сложности даже такие общества, как «архаические государства», обычно представляемые обществами с низкой социальной мобильностью и высокой степенью бюрократизированности (Египет, Ур времени III династии, держава инков и др.), в действительности «были и гетерархическими, и иерархическими (гомоархическими)» (Marcus and Feinman 1998: 11; выделено авторами. – Д. Б.). Более того: иногда кажется невозможным обозначить общество как «гомоархическое» или «гетерархическое» даже на самом общем уровне анализа, как в случаях с позднеантичными германцами (см., например: Гуревич 1999/1985: 45–57) и раннесредневековыми «варварскими королевствами», в которых монархия и достаточно жесткая социальная иерархия сочетались (по крайней мере, поначалу) с демократическими институтами и процедурами (например, выборами короля), не менее значимыми для функционирования социально-политической системы как целого (см., например: Diesner 1966; Claude 1970; Дворецкая 1982; Claessen 1985; Санников 2003).

В самом деле, представляется нереальным измерить степень гомоархичности и гетерархичности того или иного общества с математической точностью, например, в процентах. Сугубо количественный подход здесь также неприемлем: наличие в обществе, допустим, пяти иерархий не делает его более гетерархическим и менее гомоархическим по сравнению с обществом с четырьмя иерархиями, если в первом из них присутствует, а во втором отсутствует одна доминирующая иерархия, организующая общественную систему в целом. Путь к опре-

делению общества как гетерархического или гомоархического (в абсолютных ли, относительных ли категориях) лежит через анализ его как целого – как системы социальных иерархий, и целью этого анализа в русле теории систем (см., например: Hill 1977; Laszlo 1996:95–126) должен быть не подсчет иерархий, а понимание характера и способа их взаимосвязи.

Следовательно, вопросы, встающие при исследовании под данным углом зрения конкретного общества, – существует ли в нем единичная иерархия или множественная? и в последнем случае – жестко или нет эти иерархии ранжированы: оказываются ли некие два индивида единообразно ранжированными по отношению друг к другу в любом социальном контексте или нет? К примеру, в образцово гетерархическом обществе пуштунов долины Сват, каковым оно предстает в описании Ф. Барта (Barth 1959), человек мог занимать не одинаковое место в иерархиях трех пересекавшихся главных элементов социальной организации: территориальных делений, каст и патрилинейных родственных групп, дополнявшихся значительным количеством добровольных ассоциаций, основывавшихся на соседстве, браке и свойстве, политическом и экономическом клиентелизме и т. д. Таким образом, индивид *X* мог быть выше своего соплеменника *Y* в одном социальном контексте, но ниже или равным ему в другом. Русский же крепостной крестьянин ни при каких условиях не мог оказаться социально равным (а тем более выше) дворянина, как не может солдат не быть ниже офицера¹. В то же время на уровне теории нельзя не согласиться с Г. Фейнманом, что, хотя «антропологи долго дискутировали о спектре социальных механизмов, интегрирующих людей посредством и горизонтальных (более эгалитарных), и вертикальных (более иерархических) связей», только «продолжающиеся сравнительные исследования должны помочь поместить эти разнообразные социальные приспособления в более широкий диахронный контекст» (Feinman 1996: 189).

За каждой иерархией в обществе стоит специфическая система ценностей. Общество можно считать гомоархическим, когда в нем утверждается одна ценность, центральная для всех существующих в нем иерархий, не только интегрирующая, но и ранжирующая пирамидальным образом все остальные, вторичные по отношению к ней, ценности и иерархии, за которыми они стоят. В таких условиях эта ценность «охватывает» все остальные и делает общество «холистическим» (Dumont 1980/1966; 1986/1983), то есть гомоархическим, когда целое безусловно доминирует над составляющими его частями как высшее выражение этой всеобъемлющей и всепроникающей ценности. Хотя взгляд Л. Дюмона на ритуальную чистоту как на ценность, или идею, «охватывающую» холистическое общество в Индии и мире индуизма в целом, ныне подвергается критике (Mosko 1994b: 24–50; Quigley 1999; 2002), значимость его теоретического вклада тем не менее подтверждается, например, тоталитарными обществами XX в., в

которых, скажем, идея коммунизма явственно играла роль, приписываемую Л. Дюмоном ритуальной чистоте в Индии. Можно привести и примеры так называемых «традиционных» обществ: в частности, Б. Рэй (Ray 1991: 206) утверждает, что в явственно гомоархической доколониальной Буганде (см., например: Годинер 1982; Wrigley 1996) «охватывающее» «...величие института кабака (верховного правителя. – Д. Б.) было искусственно создано, а не родилось само собой. Институт кабака... был культурным творением, а не просто политическим продуктом...». Согласно обобщению другого африканиста, Я. Ван-сина, «королевства Тропической Африки... являлись продуктами идеологии более чем любой другой силы... Королевства Тропической Африки действительно сначала были созданы в умах и укоренены в вере» (Vansina 1992: 21, 24; анализ под тем же углом зрения «королевства» Экие на юге современной ДРК см.: Kopytoff 1987: 91–99). Даже в простых обществах гомоархизация могла произойти благодаря выдвиганию на передний план идеологий, основанных на «охватывающей» идее фундаментального деления всех членов общества на тех, кто имеет и не имеет доступ к эзотерическим знаниям и право осуществлять связанную с ними деятельность, в том числе управленческую (Bern 1979; Artemova 2000; 2003; Artemova and Korotayev 2003).

Однако «охватывание» не всегда коренится непосредственно в области идей и ценностей; оно вполне может возникнуть как результат религиозно-идеологической концептуализации уже существующих социально-политических реалий, как это произошло в Полинезии с идеей «кониического клана», или рэмиджа о том, что генеалогическое расстояние от старшей родственной линии есть единственный главный критерий социальной стратификации (Sahlins 1958: XI–XII, 139–180; Firth 1963; Goldman 1970; Claessen 1996; Классен 2005; Kirch 1997; Kirch and Green 2001). В данном случае следует отметить, что среди теоретиков вождества – наиболее известного и во многих концепциях единственного возможного типа гомоархического общества среднего уровня социокультурной сложности – проблема изначально (и даже сущностного) приоритета идеологического или социально-политического фактора в «охватывании» всех иерархий соответствующих социумов все еще весьма далека от своего решения и остается «полем битвы» для антропологов и археологов, представляющих различные теоретические лагеря (*vide stricto* Earle 1997; Kelekna 1998; Beliaev *et al.* 2001; Carneiro 2002).

В любом случае, в противоположность «холистическим» (гомоархическим) культурам, в условиях «множественности “иерархических”, или асимметричных, оппозиций, ни одна из которых не сводима ни к одной другой или к единой всеподчиняющей оппозиции или идее», «ситуация немедленно отклоняется от формулировки Дюмона» (Mosko 1994a: 214) – общество не подходит под гомоархическую (или иерархи-

ческую в смысле, вкладываемом в данное понятие Л. Дюмоном) модель. Во в целом гетерархическом обществе следует ожидать позитивной оценки индивидуализма в его интеллектуальной и социальной жизни («сфокусированной на эго социальной системы» [White 1995]), связанной с установленным в нем акцентом на личные честь и достоинство, как и важности общественного мнения, высокой степени социальной мобильности и, по крайней мере численного, превалирования достигнутых статусов над изначально predetermined. Это типично не только для таких парадигматических примеров гетерархических культур, как древние полис и цивитас, некоторые позднеантичные и ранне-средневековые общества Европы или страны Запада начиная с эпохи Ренессанса, но и для многих других культур, возможно, менее знаменитых, но не менее важных для антропологического теоретизирования: «эгалитарных» охотников и собирателей (см., например: Gardner 2000), «акефальных сложных обществ» горных районов, таких, как Гималаи (см., например: Fügler-Haimendorf 1962; Березкин 1995а; 1995б; Шинкарев 1997) или Кавказ (см., например: Ихилов 1967; Магометов 1978; Агларов 1988), наиболее сложные из которых своей социально-политической моделью напоминают греческий полис (Коротаев 1995), племенных обществ Ближнего и Среднего Востока (см., например: Barth 1959; Irons 1975) и Северной Америки (см., например: Lowie 1935; Hoesel 1960), или же для неклассифицируемой социально-политической организации Исландии «эпохи демократии» (930–1267 гг.) (см., например: Tomasson 1980; Nastrup 1985; Vuock 1988). Этот список можно было бы продолжать достаточно долго.

Б. Триггер постулирует, что роль гетерархических связей была выше в маленьких городах-государствах, чем в более крупных и чем в территориальных государствах (Trigger 2003: 196–197, 661, 665–666). Даже если Б. Триггер прав в отношении ранних цивилизаций, закономерность «меньше территория – больше гетерархии» явно не действует в негосударственных и современных индустриальных обществах. Например, типичное племя, в целом гетерархическое, обычно занимает достаточно обширную территорию, тогда как вождество в целом гомоархично и, как правило, сравнительно компактно. Что же касается современных обществ, то развитие принципов федерализма и народного представительства (на местном и национальном уровнях власти) вкупе с совершенствованием средств коммуникации элиминировало роль размера территории страны как значимого предиктора типа общества. Однако в свете отмеченной Б. Триггером тенденции мы можем рассматривать ранние цивилизации как культуры, в которых наиболее ярко проявилась очень важная переменная, ведущая к становлению гетерархии или гомоархии в обществах любых типов. Эта переменная проявляется в том, что, как правило, гетерархические связи и институты получают большее развитие в тех обществах, где значение

непосредственных межличностных отношений выше, или хотя бы не ниже, чем отношений деперсонализированных и формализованных.

Итак, я надеюсь, что идея гомоархии может стать полезной теоретической инновацией, находящейся в отношениях дополнительной с идеей гетерархии (Bondarenko and Crumley 2004; также см.: Barry III 2004; Cook 2004; Reicher 2004).

Кроме того, – и это тоже чрезвычайно важный момент – я считаю правильным и даже необходимым применять оба понятия, гетерархии и гомоархии, не исключительно при изучении властных отношений (для чего К. Крамли предназначает первое из них²), но в более широких рамках социальных отношений и социальной структуры в целом. В рецензии на одну из недавних статей К. Крамли, посвященных гетерархии, Р. Карнейро ставит вопрос: «Но, вводя это понятие в исследование политической эволюции, действительно ли Крамли улучшает наше понимание [данного] процесса?» (2004: 163). Ответ, который дает сам патриарх культурного эволюционизма, абсолютно негативный. Я же осмелюсь не согласиться с Р. Карнейро и заявить, что в моем понимании концепция гетерархии представляет собой значительный вклад в антропологическую теорию (о чем может свидетельствовать и рост ее популярности [см., например: Ehrenreich *et al.* 1995; Haggis *et al.* 2003; Scarborough *et al.* 2003; Alexeev *et al.* 2004: 5–17]) даже в нынешнем, в общем не столько процессуально, сколько типологически-ориентированном виде. Одновременно я полагаю, что, во-первых, дополнение понятием «гомоархия» и, во-вторых, распространение на анализ всего многообразия отношений в обществе может сделать эвристическую ценность концепции гетерархии еще более высокой.

Справедливая неудовлетворенность «классическими» однолинейными типологическими схемами вроде «от локальной группы к государству» (Service 1971/1962) или «от эгалитарной организации к государственному обществу» (Fried 1967), особенно стремительно нарастающая со второй половины 1980-х гг. (*vide stricto* Mann 1986; Maisels 1987; Upham 1990; Yoffee 1993; Ehrenreich *et al.* 1995; Price and Feinman 1995; Arnold 1996; McIntosh 1999a; Bondarenko and Korotayev 2000a [Бондаренко и Коротаев 2002б]; Claessen 2000; Крадин и др. 2000; Kradin *et al.* 2000; Guidi 2002; Trigger 2003; Grinin *et al.* 2004), вылилась не только в новый виток отрицания идеи эволюции вообще (см.: Trigger 2003: 40–42), но и – в рамках эволюционизма – в обоснованный и перспективный с точки зрения развития антропологической теории отказ исследователей от рассмотрения обществ как изолированных сущностей в пользу взгляда на них как на элементы более обширных культурных сетей, что привело к смещению «центра тяжести» исследований с метафизических типов-стадий на динамические процессы трансформации. Эту (и не только) причину общей неудовлетворенности еще недавно доминировавшими подходами четко сформули-

ровал Р. Дж. Венке: «Здесь важно то, что простые категории, такие, как “локальные группы”, “племена”, “вождества” и “государства” – статичные описательные типы, от которых не много пользы при анализе происхождения и функций феноменов, обозначаемых этими расплывчатыми ярлыками» (Wenke 1999: 344). Справедливости ради, следует отметить, что это обвинение не столь уж и заслужено классиками неэволюционистской политической антропологии – Э. Р. Сервисом, М. Х. Фридом и Р. Л. Карнейро с их знаменитыми интегративной, (Service 1971/1962; 1975; Cohen and Service 1978), конфликтной (Fried 1970/1960; 1967) и ограничительной (Carneiro 1970) теориями *происхождения*, по меньшей мере, вождества и государства, как и некоторыми учеными последующих поколений (см., например, Earle [1997]). С гораздо большим основанием обвинение в подмене анализа эволюционных процессов рассмотрением того или иного общества в статике во имя определения его «типа» можно предъявить многочисленным эпигонам, для которых простое развешивание на объектах исследования «табличек» вроде «это вождество», «перед нами государство» и т. п. действительно стало исходным стимулом и конечной целью работы. В любом случае я убежден в конечной правоте Р. Карнейро, утверждающего, что дихотомия «процесс или стадии» – «ложная» (Carneiro 2000; 2003: 155–156): важно и то, и другое³. Главное здесь не то, что якобы не существует общественных типов или что в действительности их гораздо больше четырех, но то, что они не могут быть расставлены на «ступенях» единственной «лестницы» и что сугубо типологическое мышление, особенно однолинейное, не позволяет оценить в должной мере перемены, приводящие к радикальной трансформации общества, однако не поднимающие его на следующую «ступень» той самой пресловутой «лестницы» типов.

В частности, по моему (и не только моему) мнению, новаторская «дуально-процессуальная теория», разработанная в последнее десятилетие мезоамериканистами (*vide stricto* Blanton 1994; Feinman 1995; 2001; Blanton *et al.* 1996), преследует ту же цель, что и идея гетерархии – гомоархии: «...учесть вариативность обществ схожих уровня сложности и масштаба» (Blanton *et al.* 1996: 1)⁴. Следует отметить, что дихотомия гомоархических и гетерархических обществ прослеживается на всех уровнях социокультурной сложности. Таким образом, вопреки однолинейным схемам Э. Р. Сервиса, М. Х. Фрида и других, степень централизованности не должна являться критерием при определении общего уровня развития социума (см.: Бондаренко 1997: 10–15; 1998; 2000; Bondarenko 1998; Bondarenko *et al.* 2002; Бондаренко и Коротаяев 1999; 2002а; Коротаяев и др. 2000; Коротаяев 2003: 45–91). Деление на гомоархические и гетерархические объективно возможно (и осуществляется – на «деспотические» и «эгалитарные») даже применительно к сообществам приматов, не относящихся к виду *Homo Sapiens* (Бутовская и Файнберг 1993; Бутовская 1994; 2002; Butovskaya

et al. 2000; Дерягина и Бутовская 2004; Matsumura 1999), так что данная дихотомия, очевидно, уходит корнями в далекую предысторию человечества. Среди простейших культур, известных социальной антропологии: неспециализированных охотников и собирателей, – деление на гомоархические и гетерархические отражено в понятиях «неэгалитарных» (прежде всего, австралийские аборигены) и «эгалитарных» (хадза, !кунг и др.) обществ соответственно (см., например: Woodburn 1982; Артемова 1991). Для уровня простых земледельческих деревенских общин один из показательных примеров дает сопоставление двух китайских деревень на Тайване, исследованных в середине прошлого века Б. Пастернаком (Pasternak 1972). Эти деревни имели общее происхождение, но в одной из них (Чунгше) в конце концов сложилась гомоархическая система корпоративных патрилиниджей при постоянном политическом доминировании одного из них, в то время как в другой деревне (Татиех) развитие линиджей было рано пресечено вследствие формирования корпоративных объединений, пересекавших границы родственных групп, что привело к сложению гетерархической системы нелокализованных агнатных десцентных групп, каждая из которых могла выдвинуть кандидата на роль главы деревни.

Более того, по ходу истории общество может менять свою внутреннюю организацию с гомоархической на гетерархическую или наоборот (Crumley 1987: 164–165; 1995: 4; Beliaev *et al.* 2001: 380–381; Бондаренко 2001: 255–256; 2004: 47; Бондаренко и др. 2002: 15–16; Bondarenko *et al.* 2002: 57), нередко без изменения общего уровня социокультурной сложности (некоторые из множества примеров этого: Leach 1954; Шкунаев 1988; Levy 1995; Korotayev 1996; Kowalewski 2000; Дождев 2002)⁵. Наконец, даже культуры одного уровня сложности и организованные на основе одного и того же базового принципа могут принимать различные конкретные формы, то есть альтернативность существует на уровне не только гомоархического и гетерархического типов обществ, но и внутри каждого из этих типов⁶. Например, нет никаких оснований утверждать, что раннее государство, гомоархическое по определению⁷, было единственной возможной и исторически известной формой гомоархического доиндустриального сверхсложного общества (в частности, см. коллективные монографии и сборники статей: Крадин и др. 2000; Kradin *et al.* 2000; Крадин и Бондаренко 2002; Бондаренко и Коротаев 2002б; Grinin *et al.* 2004): альтернативами раннему государству являлись, в частности, социально-политические системы, основанные на глубоко разработанном жестком кастовом строе (Quigley 1999: 114–169; Kobishchanov 2000: 64), на воспроизведении родственной большесемейной социокультурной «матрицы» на многочисленных надобщинных уровнях (Бондаренко 1995а: 276–284; 1995б; 1996; 2001: 230–263; Bondarenko 2004; 2005), или же возникшие в результате трансформации сложного вождества не в го-

сударство, а в суперсложное вождество (Крадин 2000а; 2000б: 328–332; Kradin 2002).

Хотя было бы совершенно неверно утверждать, скажем, что сетевая стратегия ведет к гетерархии, а корпоративная – к гомоархии или наоборот, и хотя, как показывают африканские материалы (McIntosh 1999с: 17–19), оказывается проблематичным разделить и дихотомизировать стратегии до той степени, которую предполагают создатели дуально-процессуальной теории (см. также: Cowgill 1996: 53; Demarest 1996: 56; Kolb 1996: 59)⁸, я полагаю, что эти подходы могут плодотворно дополнить друг друга в рамках общей объяснительной модели, призванной предложить «пригодную поведенческую теорию» (Blanton *et al.* 1996: 1) вариативности социокультурных типов, в особенности с учетом того, что они оба концентрируются на диалектике взаимоотношений индивида и группы, централизации и децентрализации и стремятся «...выйти за пределы *типологического* подхода...» (White 1995: 119; выделено автором. – Д. Б.). При этом, по моему убеждению, в данном случае «выйти за пределы» должно значить «инкорпорировать», а не «отвергнуть» – я согласен с одним из сторонников дуально-процессуальной теории, П. Уасоном (Wason and Balda 2000), что «при должной осторожности типологический подход по-прежнему остается действенным...» (Wason 1995: 25). Однако установление связи между двумя подходами не входит в число целей данной, в общем типологической по характеру, статьи, а является задачей на будущее.

Задачами на будущее остаются и глубокое изучение общих предпосылок и условий появления и исторической трансформации гомоархии, соотношения в общественной организации гомоархических и гетерархических принципов, измерения этого соотношения и шкалирования обществ по степени их общей гомоархичности – гетерархичности, как и многие, многие другие задачи, которые можно будет решить, если сам феномен гомоархии и отражающий его термин будут признаны заинтересованной частью антропологического сообщества. В этом случае, безусловно, важнейшей задачей окажется и изучение под соответствующим углом зрения разнообразных конкретных обществ.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 06-06-80459-а «Выявление закономерностей функционирования и эволюции традиционных социально-политических систем Евразии»).

¹ Вообще регулярная армия представляется идеальным образом в целом гомоархического общества и реальной моделью подобного сообщества. Жесткое вертикальное деление военнослужащих по воинским званиям – ее всеохватывающая основа и залог эффективности функционирования; положение человека в армии есть прямая производная от его позиции на единственной шкале званий, которой всецело определяются сферы и границы его профессиональных обязанностей, ответственности и прав. В то же время неформальные горизонтальные

связи соединяют военнослужащих одного и того же или близких званий, устанавливая неформальные вторичные иерархии, например, придавая больший авторитет среди сослуживцев храбрым солдатам, нежели трусливым, талантливым военачальникам, нежели бездарным.

² К. Крамли настаивает именно на «добавлении термина гетерархия в словарь отношений *власти...*» (Cumley 1995: 3; выделено мной. – Д. Б.) и видит предпосылку гетерархической социально-политической организации в множественности источников власти, так как ее концепция направлена на изучение непосредственно политической подсистемы общества. Разрабатывая проблематику «гетерархического государства», К. Крамли в этом отношении не отличается от большинства более традиционно мыслящих современных теоретиков, которые «утверждают, что эволюция социальной сложности должна пониматься, прежде всего, как политический процесс» (Earle 1994: 940), и в целом также склонна видеть в государстве лишь специфическую форму политической организации. Такое понимание государства приводит К. Крамли и ее последователей к необоснованному отождествлению гетерархии с демократическим политическим строем (Cumley 1995: 3; Vliet 2003), что, на наш взгляд, понижает эвристический потенциал ее концепции. В то же время К. Крамли совершенно обоснованно подходит к отношениям власти (любого характера – не только гетерархическим) не как к «вещам в себе», но строит свою теорию на исследовании их взаимодействия и во многом обусловленности социальными, ментальными (системоценностными) и экологическими факторами. При этом следует отметить, что чрезмерный акцент на административную систему приводит некоторых ученых к отождествлению отсутствия «короля» с отсутствием в обществе каких-либо «иерархических черт» (McIntosh 1999b: 77), или же к отождествлению гетерархии с отсутствием автократии вследствие разделения власти между сувереном и коллективными органами, такими, как советы вождей и тайные союзы (McIntosh 1999c: 9–16, 23). Однако, во-первых, подлинная автократия в этом смысле – исключительно редкое явление в мировой истории; во-вторых, истинная степень демократичности политической системы не зависит всецело от ее внешней формы (ср., например, США и СССР с де-юре демократическими системами политических институтов в обоих случаях); и, в-третьих, во многих случаях реальная демократичность или не демократичность политической системы может являться производной от демократического или не демократического характера базовых социальных институтов – в доиндустриальных и современных западных обществах, в первую очередь, семьи и общины (Bondarenko and Korotayev 2000b; 2001; 2004; Korotayev and Bondarenko 2000; Коротаев и Бондаренко 2001; Бондаренко 2004; Barry III 2003).

³ При этом в данном случае я оставляю в стороне те аспекты подхода Р. Карнейро, которые не могу принять в силу того, что я предпочел бы вести речь в многолинейном ключе – о «процессах», а не «процессе» и о «типах» не как синониме «стадий».

⁴ Р. Пирсон (Pearson 2001) не так давно уже предпринял попытку применить оба подхода – гетерархический (но не гетерархически-гомоархический) и сетевой / корпоративной стратегий – при исследовании процесса становления государства на Окинаве. При исследовании доколониальной Африки – другого региона, далекого от тех, на материалах которых в первую очередь создавались гетерархическая и дуально-процессуальная теории – соответственно позднеантичных и раннесредневековых кельтов и культур доколумбовой Мезоамерики, их прин-

ципиальная совместимость (хотя и с существенными оговорками), насколько мне известно, была впервые отмечена С. Макинтош (McIntosh 1999с: 14–19).

⁵ Примечательно, что в теории биологической эволюции переход от более иерархизированной структуры к структуре менее иерархизированной не рассматривается как деградация или регресс, если такой переход не сопровождается понижением степени приспособленности организма к окружающей среде (см., например: Futuyma 1997).

⁶ Философское обоснование закономерности кардинальных общественных трансформаций, не сопровождающихся изменением уровня социокультурной сложности, см. в: Шемякин 1992: 18–19.

⁷ Раннее государство – «...централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном по крайней мере на две основные страты или на два возникающих социальных класса – управляющих и управляемых; отношения между ними характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых; законность этих отношений освящена единой идеологией, основным принципом которой является услугообмен» (Claessen and Skalnik 1978: 640).

⁸ В вину авторам дуально-процессуальной теории можно было бы поставить и сам ее дихотомический характер, конечно же, редуцирующий до всего лишь двух макровариантов многообразие реальных стратегий, известных истории. Однако, как верно отмечает Т. Инголд, дихотомичность заложена в самих основах антропологии как научной дисциплины и неизбежно проявляется в теоретических построениях даже тех ученых, которые сознательно стремятся ее избежать и полагают, что им это удалось (Ingold 1996: 1–2, 5). Автор данной статьи также не избежал (и не стремился избежать) дихотомичности подхода: идея гетерархии – гомоархии столь же дихотомична, сколь и дуально-процессуальная теория.

ЛИТЕРАТУРА

Агларов, М. А. 1988. *Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса)*. М.: Наука.

Артемова, О. Ю. 1991. Эгалитарные и неэгалитарные первобытные общества. В: Коротаев, А. В. и Чубаров, В. В. (ред.), *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития*. Ч. 1 (44–91). М.: Институт истории СССР АН СССР.

2002. Начальные этапы политогенеза. В: Бондаренко и Коротаев 2002а: 54–70.

2004. *Охотники / собиратели и теория первобытности*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Березкин, Ю. Е. 1995а. Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели. В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* (62–78). М.: Восточная литература.

1995б. Модели среднemasштабного общества: Америка и древнейший Ближний Восток. В: Крадин, Н. Н. и Лынша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к ранней государственности* (75–83). Владивосток: Дальнаука.

Бондаренко, Д. М. 1995а. *Бенин накануне первых контактов с европейцами: человек, общество, власть*. М.: Институт Африки РАН.

1995б. Мегаобщина как вариант структуры и типа социума: доколониальный Бенин. В: Крадин, Н. Н. и Лынша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к ранней государственности* (139–150). Владивосток: Дальнаука.

1996. Мегаобщина как вариант структуры и типа социума: предпосылки сложения и функционирования. *Восток* 3: 30–38.

1997. *Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной Тропической Африке*. М.: Институт Африки РАН.

1998. Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству. *Восток* 1: 195–202.

2000. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории. В: Крадин, Коротаев, Бондаренко и Лынша 2000: 198–206.

2001. *Доимперский Бенин: формирование и эволюция системы социально-политических институтов*. М.: Институт Африки РАН.

2004. Социально-политическая эволюция: от равноположенности типов общины к альтернативности форм надобщинной организации. В: Непомнин, О. Е. (ред.), *Alaïca. Сборник научных трудов российских востоковедов, подготовленный к семидесятилетнему юбилею профессора, доктора исторических наук Л. Б. Алаева* (32–53). М.: Восточная литература.

Бондаренко, Д. М., Коротаев, А. В. 1999. Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции (К кросс-культурному тестированию некоторых политантропологических гипотез). *Общественные науки и современность* 5: 129–140.

2002а. Введение. В: Бондаренко и Коротаев 2002б: 5–31.

Бондаренко, Д. М. и Коротаев, А. В. (ред.) 2002б. *Цивилизационные модели политогенеза*. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН.

Бондаренко, Д. М., А. В. Коротаев и Крадин, Н. Н. 2002. Введение: социальная эволюция, альтернативы и нomaдизм. В: Крадин и Бондаренко 2002: 9–36.

Бутовская, М. Л. 1994. *Универсальные принципы организации социальных систем у приматов включая человека*. Автореф. дис. ... д. и. н. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

2002. Биосоциальные предпосылки социально-политической альтернативности. В: Бондаренко и Коротаев 2002а: 35–53.

Бутовская, М. Л. и Файнберг, Л. А. 1993. *У истоков человеческого общества. Поведенческие аспекты эволюции человека*. М.: Наука.

Геллнер, Э. 1992. Марксистская Книга Бытия. *Этнографическое обозрение* 2: 35–51.

Годинер, Э. С. 1982. *Возникновение и эволюция государства в Буганде*. М.: Наука.

Гуревич, А. Я. 1999/1985. Древние германцы. В: Гуревич, А. Я. *Избранные труды*. Т. 1. *Древние германцы. Викинги* (23–78). М.; СПб.: Университетская книга.

Дворецкая, И. А. 1982. *Возникновение раннефеодального государства в Северной Италии VI–VIII веков*. М.: Московский государственный педагогический институт.

Дерягина, М. А., Бутовская, М. Л. 2004. *Систематика и поведение приматов*. М.: Энциклопедия российских деревень.

Дождев, Д. В. 2002. Рим (VIII–II вв. до н. э.). В: Бондаренко и Коротаев 2002б: 249–279.

Золотов, В. И. 1999. Горизонтальные связи социальных общностей в средневековой Англии. В: Кузнецов, Е. В. (ред.), *Проблемы английской и валлийской истории в позднее средневековье* (63–72). Арзамас: Арзамасский государственный педагогический институт.

Ихиллов, М. М. 1967. *Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов*. Махачкала: Институт истории, языка и литературы ДФ АН СССР.

Классен, Х. Дж. М. 2005. Сакральное королевство в Полинезии. В: Бондаренко, Д. М. (ред.), *Сакрализация власти в истории цивилизаций*. Ч. I (217–241). М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН.

Корогаев, А. В. 1995. Горы и демократия: к постановке проблемы. *Восток* 3: 18–26.

1998. *ВожDESTВА и племена Страны Хашид и Бакил: общие тенденции и факторы эволюции социально-политических систем Северо-Восточного Йемена (X в. до н. э. – XX в. н. э.)*. М.: Институт востоковедения РАН.

2003. *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции*. М.: Восточная литература.

Корогаев, А. В., Бондаренко, Д. М. 2001. Полигиния и демократия: кросс-культурное исследование. *Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства* 7: 173–186.

Корогаев, А. В., Крадин, Н. Н., Лынша, В. А. 2000. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). В: Крадин, Корогаев, Бондаренко и Лынша 2000: 24–83.

Крадин, Н. Н. 2000а. Имперская конфедерация хунну: социальная организация суперсложного вожDESTВА. В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы социальной организации: генезис, функции, историческая динамика* (195–223). СПб.: Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.

2000б. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. В: Крадин, Корогаев, Бондаренко и Лынша 2000: 314–336.

Крадин, Н. Н., Бондаренко, Д. М. (ред.) 2002. *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН.

Крадин, Н. Н., Корогаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.) 2000. *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос.

Магометов, А. Х. 1978. Политическое устройство у горских народов в первой половине XIX века. В: Магометов, А. Х. (ред.), *Социальные отношения народов Северного Кавказа* (47–64). Орджоникидзе: Североосетинский государственный университет.

Санников, С. В. 2003. Развитие ранних форм королевской власти у германских народов: особенности политогенеза. В: Пиков, Г. А. (ред.), *История и социология государства* (36–54). Новосибирск: Новосибирский государственный университет.

Шемякин, Я. Г. 1992. Теоретические проблемы исследования феномена альтернативности. В: Манекин, Р. В., Шемякин, Я. Г. и Корогаев, А. В. (ред.), *Альтернативность истории* (12–75). Донецк: Донецкое отделение Советской ассоциации молодых историков.

Шинкарев, В. Н. 1997. *Человек в традиционных представлениях тибето-бирманских народов*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Шкунаев, С. В. 1988. Кельты в Западной Европе в V – I вв. В: Голубцова, Е. С. (ред.), *История Европы*. Т. 1. *Древняя Европа (492–503)*. М.: Наука.

Alexeev, I. L., Beliaev, D. D., and Bondarenko, D. M. (eds.) 2004. *Third International Conference «Hierarchy and Power in the History of Civilizations». Abstracts*. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies Press and Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences.

Anderson, C. E. 1999. *Formation and Resolution of Ideological Contrast in the Early History of Scandinavia*. Unpublished Ph. D. dissertation. Cambridge: University of Cambridge.

Arnold, J. (ed.) 1996. *Emergent Complexity: The Evolution of Intermediate Societies*. Ann Arbor: International Monographs in Prehistory.

Artemova, O. Yu. 2000. Monopolization of Information and Social Inequality. In: Kradin, Korotayev, Bondarenko, de Munck, and Wason 2000: 132–137.

2003. Monopolization of Knowledge, Social Inequality, and Female Status: A Cross-Cultural Study. *Cross-Cultural Research* 37: 62–80.

Artemova, O. Yu., Korotayev, A. V. 2003. Monopolization of Information and Female Status: A Cross-Cultural Test. *Cross-Cultural Research* 37: 81–86.

Barry III, H. 2003. Community Customs Associated with Political Subordination. *Social Evolution and History* 2 (1): 116–130.

2004. Heterarchical or Homoarchical Leadership and Kinship in Communities. In: Alexeev, Beliaev, and Bondarenko 2004: 8–9.

Barth, F. 1959. *Political Leadership among Swat Pathans*. London: Athlone Press.

Beliaev, D. D., Bondarenko D. M., and Korotayev, A. V. 2001. Origins and Evolution of Chiefdoms. *Reviews in Anthropology* 30: 373–395.

Bern, J. 1979. Ideology and Domination: Toward a Reconstruction of Australian Aboriginal Social Formation. *Oceania* 50: 118–132.

Berreman, G. D. 1981. Social Inequality: A Cross-Cultural Analysis. In: Berreman, G. D. (ed.), *Social Inequality: Comparative and Developmental Approaches* (3–40). New York: Academic Press.

Blanton, R. E. 1994. *Houses and Households: A Comparative Study*. New York: Plenum Press.

1998. Beyond Centralization: Steps Toward a Theory of Egalitarian Behavior in Archaic States. In: Feinman, G. M. and Marcus, J. (eds.), *Archaic States* (135–172). Santa Fe, NM: School of American Research Press.

Blanton, R. E., Feinman, G. M., Kowalewski, S. A., Peregrine, P. N. 1996. A Dual-Processual Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization. *Current Anthropology* 37: 1–14.

Bondarenko, D. M. 1998. «Homologous Series» of Social Evolution. In: Butovskaya, M., Korotayev, A., and Khristoforova, O. (eds.), *Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behaviour. Concepts of Humans and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approach* (98–99). Moscow: Russian State University for the Humanities.

2004. From Local Communities to Megacommunity: Biniland in the 1st Millennium B.C. – 19th Century A.D. In: Grinin, Carneiro, Bondarenko, Kradin, and Korotayev 2004: 325–363.

2005. A Homoarchic Alternative to the Homoarchic State: Benin Kingdom of the 13th – 19th Centuries. *Social Evolution and History* 4 (2): 18–88.

Bondarenko, D. M., Crumley, C. L. 2004. Alternativity in Cultural History: Heterarchy and Homoarchy as Evolutionary Trajectories. In: Alexeev, Beliaev, and Bondarenko 2004: 5.

Bondarenko, D. M., Grinin, L. E., Korotayev, A. V. 2002. Alternative Pathways of Social Evolution. *Social Evolution and History* 1 (1): 54–79.

Bondarenko, D. M., Korotayev, A. V. (eds.) 2000a. *Civilizational Models of Politogenesis*. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences.

2000b. Family Size and Community Organization: A Cross-Cultural Comparison. *Cross-Cultural Research* 34: 152–189.

2001. Family Structures and Community Organization: Theoretical Introduction and Socio-Cultural Background of a Pre-colonial African Kingdom. В: Следзевский, И. В. и Саватеев, А. Д. (ред.), *Эволюция традиционных институтов в колониальной и постколониальной Африке* (49–58). М.: Институт Африки РАН.

2004. A Historical-anthropological Look at Some Sociopolitical Problems of Second and Third World Countries. In: Gammer, M. (ed.), *Community, Identity and the State. Comparing Africa, Eurasia, Latin America and the Middle East* (14–41). London; New York: Routledge.

Brumfiel, E. M. 1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies: Comments. In: Ehrenreich, Crumley, and Levy 1995: 125–131.

Butovskaya, M. L., Korotayev, A. V., Kazankov, A. A. 2000. Variabilité des relations sociales chez les primates humains et non humains: a la recherche d'un paradigme general. *Primatologie* 3: 319–363.

Byock, J. L. 1988. *Medieval Iceland: Society, Sagas, and Power*. Berkeley: University of California Press.

Carneiro, R. L. 1970. A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.

2000. Processes vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State. In: Kradin, Korotayev, Bondarenko, de Munck, and Wason 2000: 52–58.

2002. Was the Chieftdom a Congelation of Ideas? *Social Evolution and History* 1 (1): 80–100.

2003. *Evolutionism in Cultural Anthropology. A Critical History*. Boulder, CO: Westview Press.

2004. Multiple Trajectories in Political Development: Review of Jonathan Haas (ed.), *From Leaders to Rulers*. *Social Evolution and History* 3 (1): 162–175.

Claessen, H. J. M. 1985. From Franks to France – The Evolution of a Political Organization. In: Claessen, H. J. M., Velde, P. van de, and Smith, M. E. (eds.), *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* (196–218). South Hadley, MA: Bergin and Garvey.

1996. Ideology and the Formation of Early States: Data from Polynesia. In: Claessen, H. J. M. and Oosten, J. G. (eds.), *Ideology and the Formation of Early States* (339–358). Leiden: Brill.

2000. *Structural Change. Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology*. Leiden: Leiden University.

Claessen, H. J. M., and Skalník, P. 1978. The Early State: Models and Reality. In: Claessen, H. J. M. and Skalník, P. (eds.), *The Early State* (637–650). The Hague etc.: Mouton.

Claude, D. 1970. *Geschichte der Westgoten*. Stuttgart etc.: Kohlhammer Verlag.

Cohen, R., Service, E. R. (eds.) 1978. *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues Press.

Cook, G. 2004. Heterarchy and Homoarchy in Maya Village Politics. In: Alexeev, Beliaev, and Bondarenko 2004: 9–10.

Cowgill, G. L. 1996. [Comment on Blanton, R. E., Feinman, G. M., Kowalewski, S. A., and Peregrine, P. N. «A Dual-Processual Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization»]. *Current Anthropology* 37: 52–53.

Crumley, C. L. 1979. Three Locational Models: An Epistemological Assessment for Anthropology and Archaeology. In: Schiffer, M. B. (ed.), *Advances in Archaeological Method and Theory*. Vol. 2 (141–173). New York: Academic Press.

1987. A Dialectical Critique of Hierarchy. In: Patterson, T. C. and Gailey, C. W. (eds.), *Power Relations and State Formation* (155–169). Washington, DC: American Anthropological Association Press.

1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. In: Ehrenreich, Crumley, and Levy 1995: 1–5.

2001. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity. In: Haas, J. (ed.), *From Leaders to Rulers* (19–33). New York; Boston: Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Dahrendorf, R. 1970/1968. On the Origin of Inequality Among Men. In: Laumann, E. O., Siegel, P. M., and Hodge, R. W. (eds.), *The Logic of Social Hierarchies* (3–30). Chicago: Markham.

Demarest, A. A. 1996. [Comment on Blanton, Richard E., Gary M. Feinman, Stephen A. Kowalewski, and Peter N. Peregrine. «A Dual-Processual Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization»]. *Current Anthropology* 37: 56.

Dictionary n.d. *Web Dictionary of Cybernetics and Systems*. <http://pespmc1.vub.ac.be/ASC>

Diesner, H.-J. 1966. *Das Vandalenreich. Aufstieg und Untergang*. Stuttgart etc.: Kohlhammer Verlag.

Dumont, L. 1980/1966. *Homo Hierarchicus: The Caste System and Its Implications*. Chicago: University of Chicago Press.

1986/1983. *Essays on Individualism: Modern Ideology in Anthropological Perspective*. Chicago; London: University of Chicago Press.

Earle, T. K. 1994. Political Domination and Social Evolution. In: Ingold, T. (ed.), *Companion Encyclopedia of Anthropology* (940–961). London: Routledge.

1997. *How Chiefs Come to Power. The Political Economy in Prehistory*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Ehrenreich, R. M., Crumley, C. L., Levy, J. E. (eds.) 1995. *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Washington, DC: American Anthropological Association Press.

Feinman, G. M. 1995. The Emergence of Inequality: A Focus on Strategies and Processes. In: Price and Feinman 1995: 255–279.

1996. Chiefdoms and Nonindustrial States. In: Levinson, D. and Ember, M. (eds.), *Encyclopedia of Cultural Anthropology*. 1: 185–191. New York: Holt.

2001. Mesoamerican Political Complexity. The Corporate-Network Dimension. In: Haas, J. (ed.), *From Leaders to Rulers* (151–175). New York; Boston: Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Firth, R. 1963. *We, the Tikopia. Kinship in Primitive Polynesia*. Abridged Edition. Boston: Beacon Press.

- Fried, M. H.** 1967. *The Evolution of Political Society, An Essay in Political Anthropology*. New York: Random House.
- 1970/1960. On the Evolution of Social Stratification and the State. In: Laumann, E. O., Siegel, P. M., and Hodge, R. W. (eds.), *The Logic of Social Hierarchies* (684–695). Chicago: Markham.
- Fürer-Haimendorf, C.** 1962. *The Apa Tanis and Their Neighbours*. London: Routledge and Paul; New York: The Free Press of Glencoe.
- Futuyma, D. J.** 1997. *Evolutionary Biology*. 3rd ed. Sunderland, MA: Sinauer Associates.
- Gardner, P. M.** 2000. *Bicultural Versatility as a Frontier Adaptation among Palayan Foragers of South India*. Lewiston, MN; New York: The Edwin Mellen Press.
- Goldman, I.** 1970. *Ancient Polynesian Society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Grinin, L. E., Carneiro, R. L. Bondarenko, D. M. Kradin, N. N., Korotayev A. V. (eds.)** 2004. *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel.
- Gudi, A.** 2002. Modelling the Social Evolution: The State of Art. *Archeologia e Calcolatori* 13: 65–78.
- Haggis, D., Terrenato N., Poppen, R. Vander** (organizers) 2003. *Current Issues in State Formation: The Mediterranean and Beyond. Colloquium, University of North Carolina at Chapel Hill, October 17–19, 2003*. <http://www.classics.unc.edu/wgems/index.html>
- Hastrup, K.** 1985. *Culture and History in Medieval Iceland: An Anthropological Analysis of Structure and Change*. Oxford: Clarendon Press.
- Hill, J.** 1977. Systems Theory and the Explanation of Change. In: Hill, J. (ed.), *Explanation of Prehistoric Change* (59–103). Albuquerque, NM: University of New Mexico Press.
- Hoebel, E.** 1960. *The Cheyenne*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Ingold, T.** 1996. General Introduction. In: Ingold, T. (ed.), *Key Debates in Anthropology* (1–14). London; New York: Routledge.
- Irons, W.** 1975. *The Yomut Turkmen: A Study of Social Organization among a Central Asian Turkic-speaking Population*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Johnson, A. W., and Earle, T.** 2000. *The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Johnson, G.** 1989. Dynamics of Southwestern Prehistory, Far Outside – Looking In. In: Cordell, L. and Gumerman, G. (eds.), *Dynamics of Southwest Prehistory* (371–389). Washington, DC: Smithsonian Institution Press.
- Jolly, M., and Mosko, M. S.** (guest eds.) 1994. Transformations of Hierarchy. Structure, History and Horizon in the Austronesian World. *History and Anthropology* 7: 1–409.
- Kammerer, C. A.** 1998. Descent, Alliance, and Political Order among Akha. *American Ethnologist* 25: 659–674.
- Kelekna, P.** 1998. War and Theocracy. In: Redmond, E. M. (ed.), *Chieftoms and Chieftaincy in the Americas* (164–188). Gainesville, FL etc.: University Press of Florida.
- Kelly, R. C.** 1993. *Constructing Inequality. The Fabrication of a Hierarchy of Virtue among the Etoro*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Kirch, P. V.** 1997. *The Lapita People: Ancestors of the Oceanic World*. Oxford: Blackwell.
- Kirch, P. V., and Green, R. C.** 2001. *Hawaiki. Ancestral Polynesia: An Essay in Historical Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Kobishchanov, Y. M.** 2000. The Community-Caste Systems. In: Bondarenko, D. M. and Sledzevski, I. V. (eds.), *Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Abstracts of International Conference* (63–64). Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies Press and Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences.
- Kolb, M. L.** 1996. [Comment on Blanton, R. E., Feinman, G. M., Stephen Kowalewski, A., and Peregrine, P. N. «A Dual-Processual Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization»]. *Current Anthropology* 37: 59–60.
- Kopytoff, I. (ed.)** 1987. *The African Frontier. The Reproduction of Traditional African Societies*. Bloomington, IN; Indianapolis, IN: Indiana University Press.
- Korotayev, A. V.** 1996. *Pre-Islamic Yemen. Sociopolitical Organization of the Sabaean Cultural Area in the 2nd and 3rd Centuries AD*. Wiesbaden: Horrosowitz Verlag.
- Korotayev, A. V., and Bondarenko, D. M.** 2000. Polygyny and Democracy: A Cross-Cultural Comparison. *Cross-Cultural Research* 34: 190–208.
- Kowalewski, S. A.** 2000. Cyclical Transformations in North American Prehistory. In: Kradin, Korotayev, Bondarenko, de Munck, and Wason 2000: 177–187.
- Kradin, N. N.** 2002. Nomadism, Evolution, and World-Systems: Pastoral Societies in Theories of Historical Development. *Journal of World-System Research* 8: 368–388 (<http://csf.colorado.edu/jwsr>).
- Kradin, N. N., Korotayev, A. V., Bondarenko, D. M., Munck, V. de, Wason, P. K. (eds.)** 2000. *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.
- Kristiansen, K.** 1998. *Europe before History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kuijt, I.** 2000. Near Eastern Neolithic Research. Directions and Trends. In: Kuijt, I. (ed.), *Life in Neolithic Farming Communities. Social Organization, Identity, and Differentiation* (311–323). New York etc.: Kluwer Academic/Plenum Publishers.
- Laszlo, E.** 1996. *Evolution. The General Theory*. Cresskill, NJ: Hampton Press.
- Leach, E. R.** 1954. *Political Systems of Highland Burma. A Study of Kachin Social Structure*. Boston: Beacon Press.
- Levy, J. E.** 1995. Heterarchy in Bronze Age Denmark: Settlement Pattern, Gender, and Ritual. In: Ehrenreich, Crumley, and Levy 1995: 41–53.
- Lowie, R. H.** 1935. *The Crow Indians*. New York: Farrar and Rinehart.
- Maisels, C. K.** 1987. Models of Social Evolution: Trajectories from the Neolithic to the State. *Man* (N.S.) 22: 331–359.
- Mann, M.** 1986. *The Sources of Social Power*. Vol. 1. *A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Marcus, J., Feinman, G. M.** 1998. Introduction. In: Feinman, G. M. and Marcus, J. (eds.), *Archaic States* (3–13). Santa Fe, NM: School of American Research Press.
- Matsumura, S.** 1999. The Evolution of «Egalitarian» and «Despotic» Social Systems among Macaques. *Primates* 43: 23–31.
- McIntosh, S. K. (ed.)** 1999a. *Beyond Chiefdoms. Pathways to Complexity in Africa*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McIntosh, S. K.** 1999b. Modeling Political Organization in Large-scale Settlement Clusters: A Case Study from the Inland Niger Delta. In: McIntosh 1999a: 66–79.
- 1999c. Pathways to Complexity: An African Perspective. In: McIntosh 1999a: 1–30.
- Mosko, M. S.** 1994a. Junior Chiefs and Senior Sorcerers: The Contradictions and Inversions of Mekeo Hierarchy. In: Jolly and Mosko 1994: 195–222.

1994b. Transformations of Dumont: The Hierarchical, the Sacred, and the Profane in India and Ancient Hawaii. In: Jolly and Mosko 1994: 19–86.

Nangoro, B. N. Ole 1998. «Branding the Land»: Maasai Responses to Resource Tenure Insecurity and Social Change. In: Frank Horn (ed.), *Economic, Social and Cultural Rights of the Maasai* (15–93). Rovaniemi: Lapland's University Press.

Pasternak, B. 1972. *Kinship and Community in Two Chinese Villages*. Stanford: Stanford University Press.

Pearson, R. 2001. Archaeological Perspectives on the Rise of the Okinawan State. *Journal of Archaeological Research* 9: 243–285.

Price, T. D., Feinman, G. M. (eds.) 1995. *The Foundations of Social Inequality*. New York: Plenum Press.

Quigley, D. 1999. *The Interpretation of Caste*. New Delhi: Oxford University Press.

2002. Is a Theory of Caste Still Possible? *Social Evolution and History* 1 (1): 140–170.

Ray, B. C. 1991. *Myth, Ritual, and Kingship in Buganda*. New York; Oxford: Oxford University Press.

Reiher, D. 2004. Pyramid and Trapeze Constellations; State-building Processes and Patterns of Social Control. In: Alexeev, Beliaev, and Bondarenko 2004: 15–16.

Reynolds, S. 1990. *Kingdoms and Communities in Western Europe, 900 – 1300*. Oxford: Clarendon Press.

Rousseau, J. 1985. The Ideological Prerequisites of Inequality. In: Claessen, Henry J. M., Velde, P. van de, and Estellie, S. M. (eds.), *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* (36–45). South Hadley, MA: Bergin and Garvey.

Sahlins, M. D. 1958. *Social Stratification in Polynesia*. Seattle: University of Washington Press.

Scarborough, V. L., Valdez, F., Jr., and Dunning, N. (eds.) 2003. *Heterarchy, Political Economy, and the Ancient Maya. The Three Rivers Region of the East-Central Yucatán Peninsula*. Tucson, AZ: University of Arizona Press.

Schweitzer, P. P. 2000. Hierarchy and Equality among Hunter-Gatherers of the North Pacific Rim: Toward a Structural History of Social Organization. In: Kradin, Korotayev, Bondarenko, de Munck, and Wason 2000: 123–131.

Service, E. R. 1971/1962. *Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective*. New York: Random House.

1975. *Origins of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution*. New York: Norton.

Small, D. B. 1995. Heterarchical Paths to Evolution: The Role of External Economies. In: Ehrenreich, Crumley, and Levy 1995: 71–85.

Smith, M. E. 1985. An Aspectual Analysis of Polity Formations. In: Claessen, H. J. M., Velde, P. van de, and Smith, M. E. (eds.), *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* (97–125). South Hadley, MA: Bergin and Garvey.

Stein, G. J. 2001. «Who was King? Who was not King?» Social Group Composition and Competition in Early Mesopotamian State Societies. In: Jonathan Haas (ed.), *From Leaders to Rulers* (205–231). New York; Boston: Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Tomasson, R. S. 1980. *Iceland: The First New Society*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Trigger, B. G. 1985. Generalized Coercion and Inequality: The Basis of State Power in the Early Civilizations. In: Claessen, H. J. M., Velde, P. van de, and Smith,

M. E. (eds.), *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* (46–61). South Hadley, MA: Bergin and Garvey.

2003. *Understanding Early Civilizations: A Comparative Study*. Cambridge: Cambridge University Press.

Upham, S. (ed.) 1990. *The Evolution of Political Systems. Sociopolitics in Small-scale Sedentary Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Vansina, J. 1992. Kings in Tropical Africa. In: Erna Beumers and Hans-Joachim Koloss (eds.), *Kings of Africa. Art and Authority in Central Africa* (19–26). Maastricht: Foundation Kings of Africa.

Vliet, E. C. L. van der 2003. Complexity and Heterarchy: The Archaic Greek *Polis*. <http://www.classics.unc.edu/wgems/abstract12.html>

Wailes, B. 1995. A Case Study of Heterarchy in Complex Societies: Early Medieval Ireland and Its Archaeological Implications. In: Ehrenreich, Crumley, and Levy 1995: 56–69.

Wason, P. K. 1995. Social Types and the Limits of Typological Thinking in Social Archaeology. In: Kradin, N. N. and Lynsha, V. A. (eds.), *Alternative Pathways to Early State* (19–27). Vladivostok: Dal'nauka.

Wason, P. K., Baldia, M. O. 2000. Religion, Communication, and the Genesis of Social Complexity in the European Neolithic. In: Kradin, Korotayev, Bondarenko, de Munck, and Wason 2000: 138–148.

Wenke, R. J. 1999. *Patterns in Prehistory. Humankind's First Three Million Years*. 4th ed. New York; Oxford: Oxford University Press.

White, J. C. 1995. Incorporating Heterarchy into Theory on Socio-Political Development: The Case from Southeast Asia. In: Ehrenreich, Crumley, and Levy 1995: 101–123.

Woodburn, J. C. 1982. Egalitarian Societies. *Man* (N.S.) 17: 431–451.

Wrigley, C. C. 1996. *Kingship and State: The Buganda Dynasty*. Cambridge: Cambridge University Press.

Yoffee, N. 1993. Too Many Chiefs? (Or, Safe Texts for the '90s). In: Norman, Y. and Sherratt, A. (eds.), *Archaeological Theory: Who Sets the Agenda?* (60–78). Cambridge: Cambridge University Press.

Николай Николаевич Крадин

*Институт истории, археологии и этнографии
ДВО РАН, Владивосток*

I

В своей знаменитой работе о городской революции Вир Гордон Чайлд выделил десять археологических критериев стадии древней *цивилизации*:

1. появление городских центров;
2. возникновение классов, занятых вне производства пищи (ремесленники, торговцы, жрецы, чиновники и пр.) и живущих в городах;
3. значительный прибавочный продукт, изымаемый элитой;
4. наличие монументальных культовых, дворцовых и общественных сооружений;
5. обособление правящих групп, наличие фиксируемой в археологических источниках резкой социальной стратификации;
6. появление письменности и зачатков математики;
7. развитие изысканного художественного стиля;
8. появление торговли на дальние расстояния;
9. образование государства;
10. взимание налогов или дани (Childe 1950).

Понятно, что в данном случае под цивилизацией он не имел в виду особый культурно-исторический тип общества, а рассматривал цивилизацию как стадию развития общества, следуя в этом Л. Моргану и Ф. Энгельсу. В некотором смысле можно говорить, что под цивилизацией он понимал общество, имеющее классы и государство. В этой работе термин «цивилизация» будет использован **только в данном значении** – как синоним определения сложного общества, имеющего развитую социальную структуру, государственность или не менее сложные альтернативные формы политической организации.

Впоследствии список археологических признаков цивилизации как стадии неоднократно уточнялся. Не так давно Ч. Майзелс проанализировал на основе современных достижений археологии, насколько критерии Чайлда применимы к четырем древнейшим цивилизациям Старого Света (Египет, Месопотамия, Индия, Китай). Оказалось, что даже в этих обществах из 10 вышеперечисленных признаков такие, как наличие резкой социальной стратификации, письменность, торговля на

дальние расстояния, монументальные культовые сооружения, встречаются только в трех случаях из четырех (Maisels 1999: 343).

Тем не менее среди археологов обычно принято перечислять достаточно большое количество признаков, которые могли бы свидетельствовать о достижении изучаемым обществом цивилизации. Весьма показателен в этом плане обширный перечень археологических критериев цивилизации, суммированный Дж. Хаасом: города, монументальная архитектура, региональные стили искусства, торговые сети большой протяженности, письменность, календарь, металлургия, крупномасштабная ирригация, прибавочный продукт, государство (Haas 1982: 130–131). Примерно в таком же русле рассматривали эту проблему и другие западные (Oates 1976; Redman 1978; Ламберг-Карловски, Саблов 1992 и др.) и отечественные (Масон 1976: 184; Гуляев 1979: 19 и др.) исследователи.

Из перечисленного списка необходимо выделить универсальные признаки (если таковые имеются) – признаки, которые встречаются достаточно часто, а также отграничить их от признаков, которые фиксируются относительно редко. В этой связи представляется важным напомнить некоторые теоретические положения книги К. Ренфрю о возникновении цивилизации в Эгейском мире. Несмотря на то, что эта монография была опубликована более 30 лет назад, она остается одной из авторитетнейших работ второй половины XX века по социальной археологии. Ренфрю сократил общее количество признаков вдвое. Он полагает, что показателем цивилизации выступает так называемый им многомерный критерий, в который он включил следующие характерные, но не всегда обязательно фиксируемые археологами признаки:

1. социальная стратификация;
2. высокоразвитая ремесленная специализация;
3. город;
4. письменность;
5. монументальное культовое строительство.

При этом, полагает Ренфрю, из трех последних признаков достаточно хотя бы пары (Renfrew 1972: 3–7).

В отечественной науке существует схожая традиция. По мнению, например, В. М. Массона, критерием цивилизации выступает археологическая «триада» признаков: город, монументальная архитектура и письменность (1989: 8–11). Согласно Ю. В. Павленко (1989: 65–72), археологическими признаками политогенеза являются развитие ремесленной специализации, формирование многоуровневой общественной стратификации, отраженной в погребальных и поселенческих комплексах, обособление культуры знати от культуры масс, рост внешней торговли и аккумуляция импортных изделий у элиты, коренная трансформация идеологии, создание раннегородских центров. При этом, по его мнению, следует учитывать всю совокупность показате-

лей, а не наличие или отсутствие какого-либо из признаков. «При этом переход к классовым отношениям обычно связан с распространением письменности и развитием монументальной архитектуры. Однако... и то и другое совпадает со становлением раннеклассовых социальных организмов лишь в тенденции, но не обязательно в каждом конкретном случае» (1989: 72).

Поскольку государственность (в форме особого аппарата управления), классовая структура и частная собственность формируются в процессе длительной эволюции, ряд исследователей пришли к мнению, что целесообразно выделять некоторые промежуточные фазы между доиерархическими безгосударственными обществами и сложившимися доиндустриальными государствами (цивилизациями). Среди отечественных авторов длительное время была популярна концепция «дофеодального периода» А. И. Неусыхина (1968), позднее большинство вышеупомянутых советских ученых и их последователей (некоторые не без влияния зарубежных коллег) приняли идею о необходимости выделения трех этапов:

1. Предгосударственного общества, в котором большинство населения уже отстранено от управления обществом («дофеодальное общество», «предклассовое общество», «военно-иерархические структуры», «протогосударство-чифдом», «вождество» и др.).
2. «Раннего государства», знакомого с эксплуатацией, но не знающего частной собственности («раннеклассовое общество», «раннефеодальное», «варварское» или «сословное» государство и пр.).
3. Традиционное государство, знакомое с частной собственностью («зрелое государство», «сословно-классовое общество» и т. д.) (Гуревич 1970; Васильев 1983; Куббель 1988; Павленко 1989; Илюшечкин 1990 и др.).

В западной науке появились концепции «вождества», многие схожие положения были сформулированы в рамках теории «архаического» или «раннего» государства (Service 1975; Claessen, Skalnik 1978). Последняя теория оказала значительное влияние и на последующее развитие отечественной политической антропологии. По всей видимости, это было обусловлено тем, что неозволюционизм (как и его предшественник – классический эволюционизм) концептуально был очень близок к марксизму (достаточно хотя бы напомнить подзаголовок книги Ф. Энгельса о происхождении семьи, собственности и государства – «в связи с воззрениями Л. Г. Моргана»). Под определенным влиянием неозволюционизма оказались и наши Учителя – Л. С. Васильев, Л. Е. Куббель, А. М. Хазанов. Осваивая эту методологию, многие отечественные авторы оказались под некоторым обаянием теории «раннего государства» Х. Дж. М. Классена и П. Скальника. При

этом планка государственности в пер-воначальном варианте концепции оказалась сильно заниженной (Claessen, Skalnik 1978), чем, например, в аналогичной работе Э. Сервиса (Service 1975). Позднее мнения создателей теории «раннего государства» на этот счет несколько разошлись. В личных беседах с П. Скальником в 2004–2005 гг. мне удалось выяснить некоторые важные моменты истории создания и эволюции концепции, которые позволяют также понять трансформацию собственных взглядов (см. также: Skalnik 2004).

Теория «раннего государства» в немалой степени являлась своего рода ответом на догматические марксистские интерпретации докапиталистических обществ. В ней есть немало общего с концепцией «дофеодального общества» А. И. Неусыхина, согласно которому еще до возникновения феодализма в Европе существовали иерархические политические структуры, которые явно не попадали под классические признаки феодализма. К похожим выводам пришел и сам Скальник еще в период обучения в Ленинградском университете, предположив, что многие политические структуры доколониальной Африки не соответствуют чертам феодальной формации и правильнее их было бы обозначить термином «раннее государство» (диплом защищался на английском языке!). Впоследствии он развернул эти идеи в кандидатской диссертации, которой не суждено было быть защищенной в социалистической стране. Сам автор был вынужден на длительный период времени уехать из своей страны.

Именно в годы эмиграции П. Скальника сформировался его творческий союз с Х. Дж. М. Классеном и вышли первые два тома о раннем государстве (Claessen, Skalnik 1978; 1981). В этих книгах, особенно в первой, авторы понимают раннее государство как «централизованную социополитическую организацию для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном по крайней мере на два основных страта, или возникающих социальных класса – на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых; законность этих отношений освещена единой идеологией, основной принцип которых составляет взаимный обмен услугами» (Claessen, Skalnik 1978: 640).

Х. Классен и П. Скальник разработали типологию ранних государств по степени зрелости, выделив соответственно «зачаточное», «типичное» и «переходное».

Для «зачаточного» (inchoate) раннего государства характерно: 1) доминирование клановых связей; 2) должностные лица существовали за счет доли собираемой ими редиистрибуции; 3) не существовало узаконенной правовой кодификации; 4) не было специальных судебных органов; 5) редиистрибуция, дань и поборы не были строго определены; 6) слабое развитие аппарата управления (Claessen, Skalnik 1978: 22, 641).

Для «типичного» раннего государства характерно: 1) сохранение кланово-линейных связей, но при некотором развитии внеклановых отношений в управляющей подсистеме; 2) источником существования должностных лиц являются как кормления за счет вверенных подданных, так и жалование из центра; 3) появился письменно зафиксированный свод законов; 4) существует специальный аппарат судей, которые уже разбирали большинство юридических вопросов; 5) изъятие доли прибавочного продукта «управителями» имело «точно установленный характер» и осуществлялось как путем взимания дани, так и посредством принудительного труда; 6) появляются специальные чиновники и лица, помогающие им (Claessen, Skalnik 1978: 22, 641).

Для «переходного» раннего государства характерно: 1) преобладание назначения на должность в административном аппарате; родственные связи играют роль только на самых высших уровнях иерархии; 2) система выплаты жалования чиновникам доминирует над системой «кормлений»; 3) кодификация законов завершена; 4) все вопросы правотворчества решаются судебным аппаратом; 5) налогообложение превратилось в хорошо отлаженную регулярную функционирующую систему; 6) вся эта деятельность контролировалась многочисленными чиновниками (Claessen, Skalnik 1978: 22, 641).

К сожалению, в тот момент в теории раннего государства не были четко прописаны отличия между вожжеством и ранним государством. Сейчас определенно ясно, что «зачаточные» ранние государства не являются государствами, а представляют собой типичные вожества. Какое это может быть государство, если в нем отсутствует самый главный критерий государственности – специализированный аппарат управления? Только в «типичном» раннем государстве появляются признаки государственной организации – специальные чиновники, аппарат судей, письменный свод законов и др. (Bondarenko, Korotayev 2003).

Сам П. Скальник рассказывал мне летом 2004 г. во Владивостоке, что первоначально они обошли своим вниманием очень важную для понимания сущности процессов политогенеза теорию вожества. Только во второй книге был затронут вопрос о различиях между вожжеством и ранним государством (Claessen, Skalnik 1981: 491). Тем не менее представления о вожествах в концепции «раннего государства» были даны как об очень непрочных и стремящихся к распаду политических системах, хотя на самом деле хорошо известно, что вожества могли являться очень крупными и устойчивыми к распаду. Не случайно многие из обществ, которые в труде Классена и Скальника описаны как зачаточные ранние государства (Claessen, Skalnik 1978: 593), в работе о происхождении государства Э. Сервиса интерпретированы только как вожества (Service 1975: 150 ff.; см. также: Earle 1997: 33–46, 200–203).

В этой связи, во-первых, представляется необходимым пересмотреть классическую типологию ранних государств, оставив в ней не три, а только одну модель собственно раннегосударственного общест-

ва – «типичное» раннее государство. Во-вторых, следует признать, что те общества, которые ранее интерпретировались как «зачаточные» ранние государства, правильнее было бы определять как сложные или (если речь идет о кочевых империях), скорее, суперсложные вождества. В-третьих, «переходные» ранние государства следует рассматривать как сложившиеся зрелые доиндустриальные (или традиционные) государства.

II

Для реализации поставленной в этой работе цели воспользуемся одной из упомянутых выше работ, написанной в соавторстве Дж. Мёрдоком и К. Провост (Murdock, Provost 1973). В данной статье авторы задаются целью определить, что является критерием сложности общества. Они взяли 10, с их точки зрения, наиболее важных критериев культурной сложности – письменность, оседлость, земледелие, урбанизацию, технологию, транспорт, деньги, плотность населения, политическую иерархию и социальную стратификацию. Каждая из переменных оценена по пятибалльной шкале от 0 до 4. Авторы закодировали информацию по 186 обществам из всех регионов мира.

Целесообразно воспроизвести общий список признаков.

1. Письменность и записи:

- 4 – имеется письменность и хотя бы «скромные» записи;
- 3 – имеется письменность, но без аккумуляции записей или использована письменность чужого народа;
- 2 – используются неписьменные записи в форме пиктограмм, кипу, рисунков и др.;
- 1 – используются мнемонические средства, например, фишки;
- 0 – письменность, записи, мнемонические средства отсутствуют.

2. Степень оседлости:

- 4 – поселения оседлы и постоянны;
- 3 – поселения оседлы, но непостоянны;
- 2 – полuosедлая система поселений;
- 1 – полукочевая система поселений;
- 0 – кочевая система поселений.

3. Земледелие:

- 4 – интенсивное земледелие (ирригационное, пашенное) – основа сельского хозяйства;
- 3 – экстенсивное земледелие более значимое, чем другая форма сельского хозяйства;
- 2 – земледелие более 10 %, но уступает другим формам сельского хозяйства;
- 1 – земледелие менее 10 %;
- 0 – собственное земледелие не практикуется.

4. Урбанизация:

- 4 – население местных общин в среднем более 1000 чел.;
- 3 – население местных общин в среднем между 400 и 999 чел.;
- 2 – население местных общин в среднем между 200 и 399 чел.;
- 1 – население местных общин в среднем между 100 и 199 чел.;
- 0 – население местных общин в среднем менее 100 чел.

5. Технологическая специализация:

- 4 – общество имеет разнообразных специалистов ремесла, включая кузнецов, ткачей и гончаров;
- 3 – общество имеет металлургов или кузнецов, но испытывает недостаток ткачей и/или гончаров;
- 2 – качество имеется, но металлургия отсутствует или неизвестна;
- 1 – гончарство известно, но металлургия и ткачество отсутствуют или неизвестны;
- 0 – гончарство, ткачество и металлургия отсутствуют или неизвестны.

6. Наземный транспорт:

- 4 – перевозка грузов на самоходных колесных средствах;
- 3 – перевозка грузов животными на колесных средствах;
- 2 – перевозка грузов животными на бесколесных средствах;
- 1 – перевозка грузов вьючными животными;
- 0 – переноска грузов людьми.

7. Деньги:

- 4 – валюта в виде стандартных металлических или бумажных денег;
- 3 – символические средства (каури, ожерелья, слитки);
- 2 – деньги иностранных государств, в том числе колонизаторов;
- 1 – денег нет, но в качестве средств обмена используются ценные предметы или продукты (соль, зерно, скот, украшения);
- 0 – прямой или косвенный обмен товарами.

8. Плотность населения:

- 4 – более 100 чел. на кв. милю;
- 3 – от 26 до 100 чел. на кв. милю;
- 2 – от 5,1 до 25 чел. на кв. милю;
- 1 – от 1 до 5 чел. на кв. милю;
- 0 – менее 1 чел. на кв. милю.

9. Уровень политической интеграции:

- 4 – три и более уровня иерархии, например, государство, разделенное на области и на районы;
- 3 – два уровня иерархии, например, полития, разделенная на районы;
- 2 – один уровень иерархии, как-то: полития, объединяющая локальные общины;
- 1 – безгосударственное общество, состоящее из автономных общин;
- 0 – безгосударственное децентрализованное общество.

10. Социальная стратификация:

4 – три и более отличные друг от друга страты (классы и др.);

3 – две страты (например, знать и простолюдины), наличие наследственного рабства и/или каст;

2 – две страты, но рабство и касты неразвиты;

1 – формальные страты отсутствуют, но имеется рабство и/или статусные различия, обусловленные владением или перераспределением богатства;

0 – эгалитарное общество без стратификации, каст и рабства.

В этом перечне признаки 1 (письменность и записи), 4 (урбанизация), 5 (технологическая специализация), 7 (деньги), 9 (политическая интеграция) и 10 (социальная стратификация) практически полностью соответствуют наиболее популярным в археологии критериям цивилизации. Но и остальные признаки работы Мёрдока–Провост также можно рассматривать для изучения поставленной в этой работе проблемы.

При этом такой критерий, как монументальные строения, в этой работе не будет учитываться. С одной стороны, это обусловлено тем, что аналогичного критерия нет в упомянутой работе американских антропологов. С другой стороны, есть серьезные сомнения относительно того, насколько подобный критерий мог бы быть отличительным признаком государственности. «Среди всех ошибок, которые встречаются в умозаключениях археологов, эта является самой глубокой и делается наиболее часто» (Шэдел 1995: 65). Величественные строения на острове Пасхи или знаменитый Стоунхендж – это монументальные конструкции, но создавшие их люди не имели государственность.

Следующий важный момент, который необходимо оговорить, это то, какой уровень сложности политической интеграции и социальной стратификации в классификации Мёрдока–Провост следует признать соответствующим раннему государству и стадии цивилизации. В 1970-х годах Г. Джонсон и Г. Райт предложили определять государство как общество с тремя уровнями иерархии. По их мнению, два уровня иерархии должны соответствовать сложному вождеству, тогда как три уровня и более – государству (Johnson 1973: 3, 141; Wright, Johnson 1975: 272). Критикуя впоследствии эту концепцию, многие исследователи приводили контраргументы, показывающие, что иерархия в два и три уровня не является критерием только государства (Isbell, Schreiber 1978; Cohen 1981; Naas 1982 etc.). Следовательно, необходимо иметь в виду, что четырехбалльный уровень политической иерархии свидетельствует о том, что данное общество по степени сложности своей политической организации должно быть не ниже комплексного общества, однако далеко не всегда это могло быть государство.

Более определенно можно сказать относительно последнего признака. Кросс-культурный анализ 21 раннегосударственного общества, проделанный Х. Дж. М. Классеном, показывает, что «социальная стратификация в ранних государствах была достаточно сложной материей.

Обычно существовало несколько социальных категорий с дифференцированным доступом к материальным и другим ресурсам. «Мы провели различие между двумя основными слоями, высшим и низшим, – пишет Класссен, – и обнаружили, что в подавляющем большинстве случаев также существовал средний слой. Высший слой включал правителя, аристократию, к которой принадлежали родственники правителя, обладатели высших должностей и главы кланов и линиджей, и духовенство (priesthood). Средний слой состоял из таких категорий, как служащие (ministerials) и провинциальная элита (gentry). К низшему слою принадлежали мелкие владельцы и арендаторы и, реже, такие категории, как ремесленники, торговцы, слуги и рабы» (Claessen, Skalnik 1978: 587–588). Исходя из этого, можно быть уверенным, что социальная стратификация в четыре балла должна свидетельствовать об обществе уровня раннего государства и цивилизации (в терминологии Г. Чайлда).

III

Прежде всего я хотел бы рассмотреть общую таблицу корреляции между 10 признаками для получения информации о величине связи между всеми парами признаков (см. табл. 0).

Табл. 0. Общая корреляция между признаками

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Write	1,00	,25	,35	,42	,49	,63	,53	,37	,58	,63
2. Residenc	,25	1,00	,78	,45	,40	,07	,41	,71	,41	,45
3. Agricult	,35	,78	1,00	,51	,55	,23	,36	,64	,51	,44
4. Urban	,42	,45	,51	1,00	,44	,40	,38	,56	,48	,49
5. Tecnolog	,49	,40	,55	,44	1,00	,47	,42	,47	,57	,58
6. Transp	,63	,07	,23	,40	,47	1,00	,41	,21	,42	,47
7. Money	,53	,41	,36	,38	,42	,41	1,00	,56	,53	,46
8. Populat	,37	,71	,64	,56	,47	,21	,56	1,00	,57	,51
9. Polit	,58	,41	,51	,48	,57	,42	,53	,57	1,00	,72
10. Strat	,63	,45	,44	,49	,58	,47	,46	,51	,72	1,00

Изучение коэффициента корреляции всех признаков между собой показывает сильную связь в двух разных группах ($R > 0.50$). Первая группа – это (2) степень оседлости, (3) земледелие, (8) плотность населения и в меньшей степени (4) урбанизация. Данная высокая степень близости представляет собой элементарную автокорреляцию. Очевидно, что чем больше количество и плотность населения, тем более оседлый образ жизни ведут эти люди и тем больше они занимаются земледелием. Однако небезынтересно, что с таким признаком, как урбанизация, это не связано так жестко.

Вторая группа представляет большую важность для настоящей статьи. Она показывает корреляцию между такими признаками, как: (1) письменность и записи, (5) технологическая специализация, (7) деньги, (8) плотность населения, (9) политическая интеграция, (10) социальная стратификация. Эти признаки показывают наличие определенной корреляции в увеличении культурной сложности общества и возникновения высшей степени сложности. Именно эту степень сложности Чайлд и называл цивилизацией.

Однако в то же самое время нельзя сказать, что хотя бы для одной пары признаков имеется строгая однолинейная корреляция. При этом самая высокая корреляция фиксируется ($R = 0.72$) между такими признаками, как политическая иерархия и социальная стратификация. Это можно было бы рассматривать как подтверждение точки зрения, согласно которой политогенез шел параллельно классогенезу, однако внимательный анализ табл. 1 (см. Приложение ,с. 199) показывает, что здесь прослеживается определенная билинейность.

Кроме, условно говоря, генеральной линии классо-/поли-тогенеза хорошо выделяются два боковых варианта. Для характеристики подобных политий, структурно не менее сложных, чем общества с государственной организацией, но с несколько отличной политической системой, был предложен термин «аналог государства» (Grinin 2004). В первом случае развитая стратификация фиксируется в обществах с неразвитой политической иерархией. Во втором случае для обществ с многоуровневой политической иерархией характерна слабая социальная стратификация. Это служит хорошим подтверждением концепции многолинейной культурной эволюции (Бондаренко, Коротаев 2000; Коротаев 2003 и др.). Самым ярким примером первого отклонения от средних значений является античный полис, который демонстрирует создание высокой культуры с письменностью, классовой стратификацией, но без развитой политической иерархии, то есть без государства (Штаерман 1989; Берент 2000). Это дает основание сделать парадоксальный, но очень важный вывод – возможно создание **безгосударственной цивилизации**.

Иной вариант, который рассмотрен в целой серии других публикаций, касается эволюции сложных обществ кочевников-скотоводов. Этнографические исследования скотоводческих народов Передней Азии и Африки показывают, что экстенсивная пастушеская экономика, низкая плотность населения, отсутствие оседлости не предполагают необходимости развития сколько-нибудь институализированной иерархии. Следовательно, можно предположить, что потребность в государственности для кочевников не была внутренне необходимой. Сложная иерархическая организация власти в форме «кочевых империй» и подобных им политических образований развивалась у кочевников только в тех регионах, где они были вынуждены иметь длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами. Это предопределило двойственную природу «степных империй».

Снаружи они выглядели как деспотические завоевательные государства, так как были созданы для изъятия прибавочного продукта извне степи. Но внутри империи кочевников оставались основанными на племенных связях без установления налогообложения и эксплуатации скотоводов. Сила власти правителя степного общества основывалась на его умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговли, дани и набегов на соседние страны. Кочевники-скотоводы выступали в данной ситуации как **класс-этнос** и специфическая **ксенократическая** (от греч. «*ксено*» – наружу и «*кратос*» – власть), или **экзополитарная** (от греч. «*экзо*» – вне и «*полития*» – общество, государство), политическая система.

Вне всякого сомнения, данную политическую систему нельзя считать государством. Однако это не свидетельство того, что такая структура управления была примитивной. Как было показано выше, греческий и римский полисы также не могут считаться государством. Но как быть с кочевниками, каким термином описать существо их политической системы? Учитывая ее негосударственный характер и развитую иерархическую структуру, было предложено характеризовать «кочевые империи» как **суперсложные вождества** (Крадин 1992; 2002; Скрынникова 1997; Крадин, Бондаренко 2002; Krađin, Bondarenko, Barfield 2003; Базаров, Крадин, Скрынникова 2004 и др.).

Очень многие считают, что письменность и урбанизация являются главными критериями цивилизации. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Сначала проанализируем корреляцию между письменностью и иерархией.

Изучение корреляции между письменностью и политической иерархией ($R=0.58$) показывает, что есть много обществ с развитой иерархией, но без существования собственной письменности. Однако есть также и противоположные примеры, когда общества имеют развитую письменность, но их внутренняя иерархия не развита.

Значение корреляции между стратификацией и письменностью несколько больше ($R=0.63$). Это очевидно, поскольку общество с развитой классовой стратификацией должно иметь соответствующую идеологическую систему, обосновывающую подобное неравенство. Однако нет оснований для того, чтобы говорить о письменности как об обязательном признаке цивилизации и государства. Корреляция между урбанизацией, интеграцией и стратификацией еще меньше (см. табл. 0). Интересно также то, что в развитых стратифицированных обществах нет случаев полного отсутствия способов записей.

IV

Самый интересный вопрос – это соотношение между признаками на таком уровне, который примерно соответствует государству и цивилизации. Представляется интересным показать те выявленные случаи, когда, по Мёрдоку и Провост, политическая интеграция и стратификации составляют четыре балла и имеют очень жесткую корреляцию с признаками 1–8. Такие случаи удалось найти.

В данном случае четко видно, что все развитые классовые общества обязательно имеют постоянную оседлость (4 балла). Отсюда можно сделать вывод, что чистые кочевые общества **в принципе не могут** создать развитую трехуровневую классовую структуру.

Корреляция между трехуровневой политической интеграцией и оседлостью не такая однолинейная, но также достаточно ярко выраженная (см. табл. 5).

Исходя из этого, можно сделать вывод, что наличие постоянной оседлости является **обязательным** условием для возникновения развитой классовой структуры.

Корреляция между стратификацией и земледелием выглядит столь же впечатляюще. В 26 случаях из 29 развитые классовые общества имеют интенсивное (пашенное, ирригационное) земледелие. Только в 2 случаях это экстенсивное земледелие, которое составляет основу хозяйства. И только в 1 случае это экстенсивное земледелие не составляет основу хозяйства.

Корреляция между развитой политической иерархией и земледелием также достаточно высока. Из 58 сложных вождеств и государств только два имеют слабое развитие земледелия (менее 10 % халха-монголы и казахи). Однако эти примеры показывают, что кочевые общества могут создавать высокую развитую политическую иерархию без развития земледелия. Наиболее могущественные из них – кочевые империи, о чем уже было сказано несколько ранее. Это не простое исключение, а важная особенность эволюции обществ кочевников, которые могли создавать в мировой истории большие империи без развитой классовой стратификации (Крадин, Бондаренко 2002 и др.).

Исходя из вышеизложенного можно сделать важный вывод: для создания развитого классового общества необходимо **земледельческое хозяйство как основа экономики**, которое, как правило, должно являться интенсивным земледелием.

Очень интересная корреляция прослеживается между такими признаками, как стратификация и технологическая специализация.

Почти во всех случаях развитое классовое общество имеет разнообразные ремесла, но нет ни одного общества с трехуровневой классовой структурой, в которой бы не было металлургов или кузнецов. Следовательно, **обработка металлов – обязательный** критерий для развитого классового общества. Между политической интеграцией и уровнем развития технологии столь жесткой корреляции обнаружено не было.

Последняя жесткая корреляция была зафиксирована при изучении корреляции между такими признаками, как стратификация и наземный транспорт.

Во всех случаях развитые классовые общества имели самоходные колесные транспортные средства. Из этой таблицы мы можем сделать вывод: общества с развитой трехуровневой классовой стратификацией

могут использовать разные способы перемещения ресурсов (на руках, на животных, на колесных повозках с помощью животных), но те общества, которые способны изобрести **самоходные** колесные средства **всегда** имеют развитую классовую структуру. Этот же вывод справедлив в отношении корреляции между политической интеграцией и транспортом (см. табл. 10). Остается только сожалеть, что этот критерий неприменим к доиндустриальным цивилизациям и государствам.

V

Какие выводы можно сделать на основании всего вышеизложенного?

1. Кросс-культурный анализ показывает, что универсальных признаков государственности и цивилизации нет. Ни письменность, ни урбанизация, ни монументальная архитектура, ни иной критерий не являются обязательным признаком сложного общества с государственностью и цивилизацией.

2. Развитие социальной стратификации идет параллельно с политической интеграцией (я думаю, это камень в огород жестких сторонников как интегративной, так и конфликтной теорий политогенеза). Однако имеется некоторое количество случаев, когда общества с развитой классовой стратификацией не имеют государственной иерархии и когда общества с развитой политической иерархией не имеют развитой классовой структуры. Это позволяет говорить о многовариантности социальной эволюции.

3. Для создания развитого стратифицированного общества с тремя классами обязательно необходима постоянная оседлость, земледельческое хозяйство как основа экономики (как правило, интенсивное земледелие), разнообразные ремесла с обязательной обработкой металлов.

4. Многоуровневая политическая интеграция не предполагает столь жестких корреляций. Это свидетельствует о том, что трехуровневая классовая структура является более надежным критерием, чем иерархия и государство, той стадии сложности, которую мы вслед за Чайлдом могли бы отнести к так называемым высоким культурам или цивилизациям.

5. Исходя из всего вышеизложенного, можно предположить на основе выборки из 186 обществ Дж. Мёрдока и К. Провост, что обязательными (однако недостаточными) археологическими критериями обществ высшей сложности (цивилизации) являются **развитая (не менее чем трехуровневая) классовая структура, постоянная оседлость, земледельческое хозяйство** как основа экономики, обработка и использование **металлов** (например, для престижного потребления). Если в результате раскопок эти признаки не найдены, скорее всего, изучаемое общество не может считаться цивилизацией.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 06–0680459–а «Выявление закономерностей функционирования и эволюции традиционных социально-политических систем Евразии»).

ЛИТЕРАТУРА

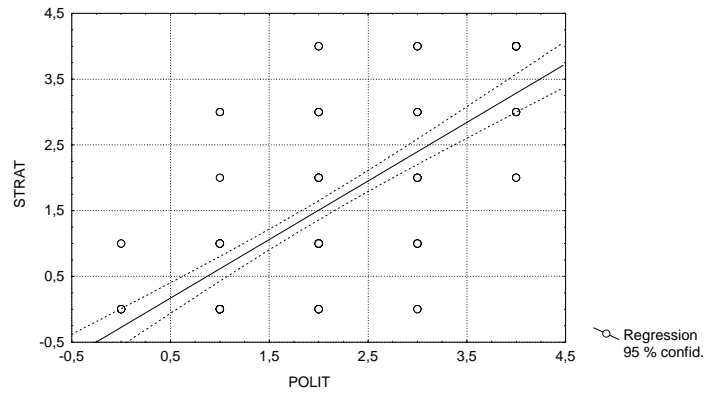
- Базаров, Б. В., Крадин, Н. Н., Скрынникова, Т. Д. (отв. ред.)** 2004. *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Берент, М.** 2000. Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество. В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (отв. ред.), *Альтернативные пути к цивилизации* (235–258). М.: Логос.
- Бондаренко, Д. М., Коротаев, А. В. (отв. ред.)** 2002. *Цивилизационные модели политогенеза*. М.: ЦЦРИ РАН.
- Васильев, Л. С.** 1983. *Проблемы генезиса китайского государства*. М.: Наука.
- Гуляев, В. И.** 1979. *Города государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе)*. М.: Наука.
- Гуревич, А. Я.** 1970. *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе*. М.: Высшая школа.
- Илюшечкин, В. П.** 1990. *Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах*. М.: Наука.
- Коротаев, А. В.** 2003. *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции*. М.: Восточная литература.
- Крадин, Н. Н.** 1992. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.
2002. *Империя Хунну*. 2-е изд. М.: Логос.
- Крадин, Н. Н., Бондаренко, Д. М. (отв. ред.)** 2003. *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М.: ЦЦРИ РАН.
- Куббель, Л. Е.** 1988. *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.
- Ламберг-Карловски, К., Саблов, Дж.** 1992. *Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика*. М.: Наука.
- Массон, В. М.** 1976. *Экономика и социальный строй древних обществ*. Л.: Наука.
1989. *Первые цивилизации*. Л.: Наука.
- Неусыхин, А. И.** 1968. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к феодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья). В: Данилова, Л. В. (отв. ред.), *Проблемы истории докапиталистических обществ* (596–617). М.
- Павленко, Ю. В.** 1989. *Раннеклассовые общества (генезис и пути развития)*. Киев: Наукова Думка.
- Скрынникова, Т. Д.** 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингисхана*. М.: Восточная литература РАН.
- Штаерман, Е. М.** 1989. К проблеме возникновения государства в Риме. *Вестник древней истории* 2: 76–94.
- Шэдэл, Р.** 1995. Варианты протогосударственных обществ во временной последовательности. В: Крадин, Н. Н., Лынша, В. А. (отв. ред.), *Альтернативные пути к ранней государственности* (59–68). Владивосток.

- Bondarenko, D. M., Korotayev, A. V.** 2003. «Early State» in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J. M. Claessen's Database. *Cross-Cultural Research. The Journal of Comparative Social Science* 37 (1): 105–132.
- Childe, V. G.** 1950. The Urban revolution. *Town Planning Review* 21: 3–17.
- Claessen, H. J. M., Skalnik, P.** 1978 (eds.). *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Cohen, R.** 1981. Evolution, Fission and the Early State. In: Claessen, H. J. M. and Skalnik, P. (eds.), *The Study of the State* (87–115). The Hague: Mouton.
- Earle, T.** 1997. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press.
- Grinin, L. E.** 2004. The Early State and Ins Analogues: A Comparative Analysis. In Grinin, L. E. (ed.) et al. *The Early State, its Alternatives and Analogues* (88–136). Volgograd.
- Haas, J.** 1982. *The Evolution of the Prehistoric State*. New York: Columbia Univ. press.
- Isbell, W., Schreiber, K.** 1978. Was Huari a State? *American Antiquity* 43: 372–389.
- Johnson, G.** 1973. *Local Exchange and Early State Development in Southwestern Iran*. Ann Arbor (The University of Michigan Anthropological Papers, No 51).
- Kradin, N. N., Bondarenko, D. M., Barfield, T. (eds.)** 2003. *Nomadic Pathways in Social Evolution*. Moscow: Center of Civilizational Studies of the Russian Academy of Sciences.
- Maisels, Ch.** 1999. *Early civilizations of the Old World: The formative histories of Egypt, the Levant, Mesopotamia, India, and China*. New York: Routledge.
- Murdock, G., and Provost, C.** 1972. Measurement of Cultural Complexity. *Ethnology* 12 (4): 379–392.
- Oates, D.** 1976. *The rise of civilization*. Oxford: Elsevier Phaidon
- Redman, Ch. L.** 1978. *The rise of civilization: from early farmers to urban society in the ancient Near East*. San Francisco: W. H. Freeman
- Renfrew, C.** 1972. *The Emergence of Civilization: the Cyclades and Aegean in the third millenium B. C.* London: Methuen.
- Service, E.** 1975. *Origins of the State and Civilization*. New York: W. W. Norton and Co. Inc.
- Skalnik, P.** 2004. Chieftdom: a universal political formation? *Focaal* 43: 76–98.
- Wright, H., and Johnson, G.** 1975. Population, exchange and early state formation in Southwestern Iran. *American Anthropologist* 77 (2): 267–289.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Табл. 1. Политическая интеграция = иерархия и стратификация

POLIT vs. STRAT (Casewise MD deletion)
 $STRAT = -.2737 + .89014 * POLIT$
 Correlation: $r = .72284$

		Стратификация (strat.)				
		0	1	2	3	4
Иерархия (polit.)	0	8	3	0	0	0
	1	43	22	2	4	0
	2	9	19	8	7	4
	3	3	8	7	4	6
	4	0	0	4	5	20

Рис. 1. Политическая интеграция = иерархия и стратификация

Bivariate Histogram: POLIT and STRAT
 (Casewise deletion of missing data)

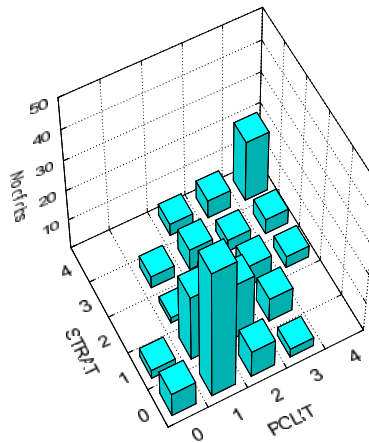
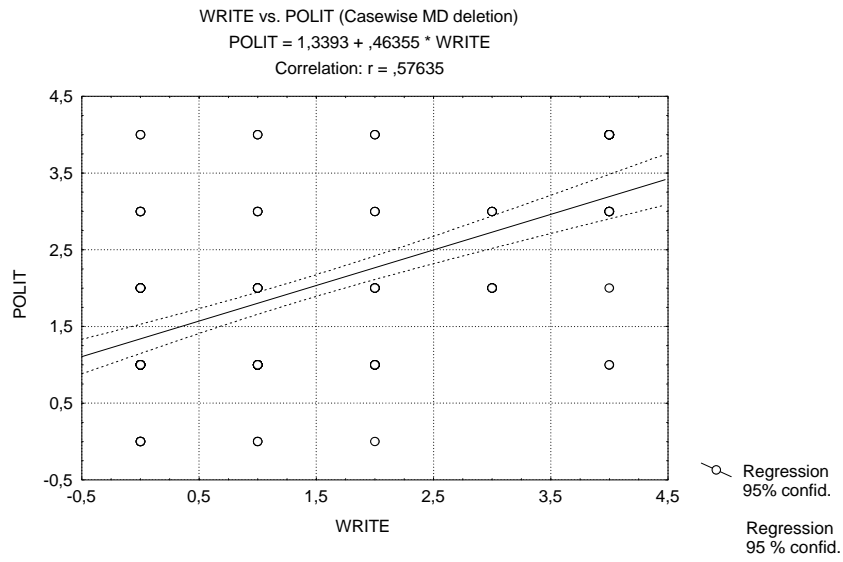

Табл. 2. Письменность и политическая интеграция = иерархия

		Письменность (write)				
		0	1	2	3	4
Иерархия (polit.)	0	7	35	22	7	3
	1	3	26	11	5	3
	2	1	8	6	3	3
	3	0	0	7	5	0
	4	0	2	1	8	20

Рис. 2. Письменность и политическая интеграция = иерархия

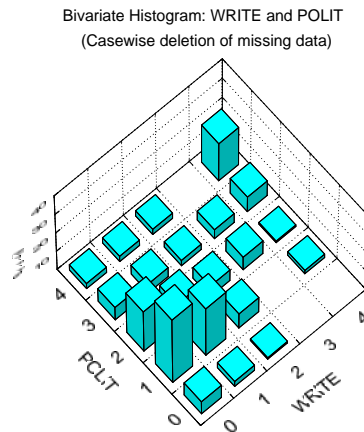
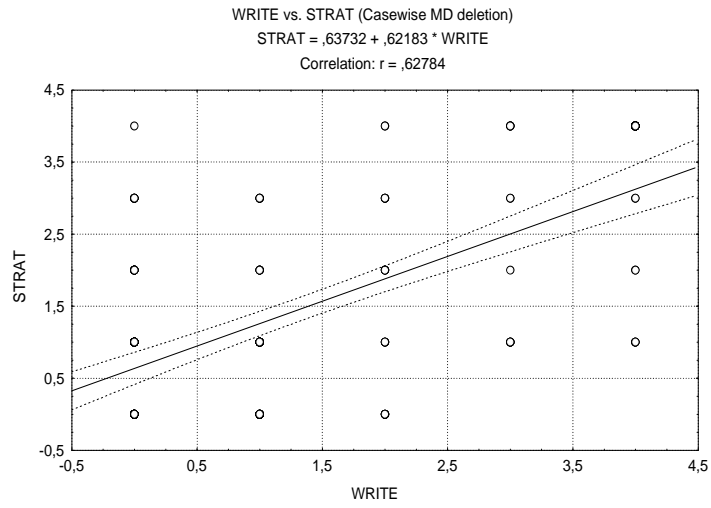

Табл. 3. Письменность и стратификация

		Письменность (write)				
		0	1	2	3	4
Стратификация (strat.)	0	35	22	9	7	1
	1	21	17	5	5	0
	2	7	4	4	4	2
	3	0	5	1	2	4
	4	0	4	2	2	23

Рис. 3. Письменность и стратификация

Bivariate Histogram: WRITE and STRAT
 (Casewise deletion of missing data)

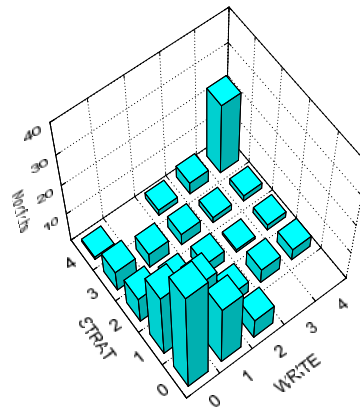
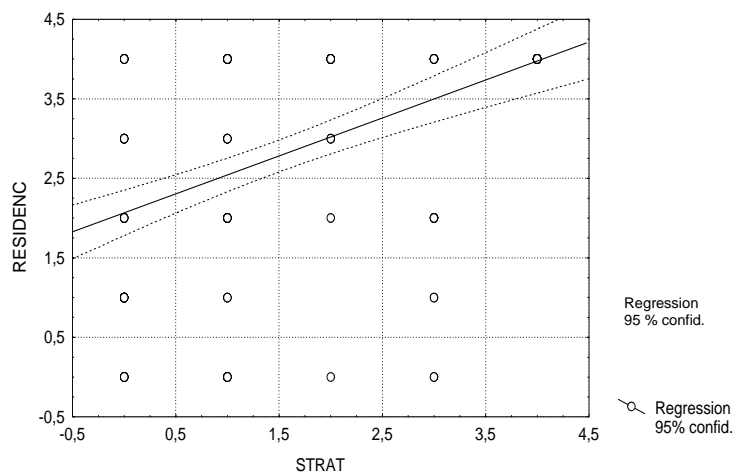

Табл. 4. Стратификация и оседлость

STRAT vs. RESIDENC (Casewise MD deletion)

$$RESIDENC = 2,0654 + ,47747 * STRAT$$

Correlation: $r = ,44933$

		Оседлость (residenc)				
		0	1	2	3	4
Стратификация (strat.)	0	16	17	7	7	16
	1	8	3	7	5	29
	2	1	0	1	3	16
	3	2	2	5	0	11
	4	0	0	0	0	30

Рис. 4. Стратификация и оседлость

Bivariate Histogram: STRAT and RESIDENC
(Casewise deletion of missing data)

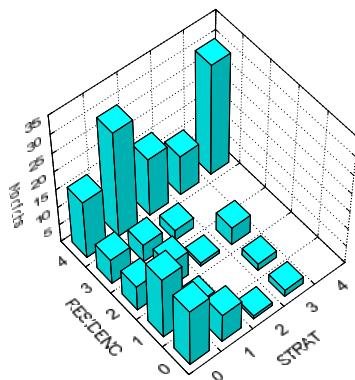
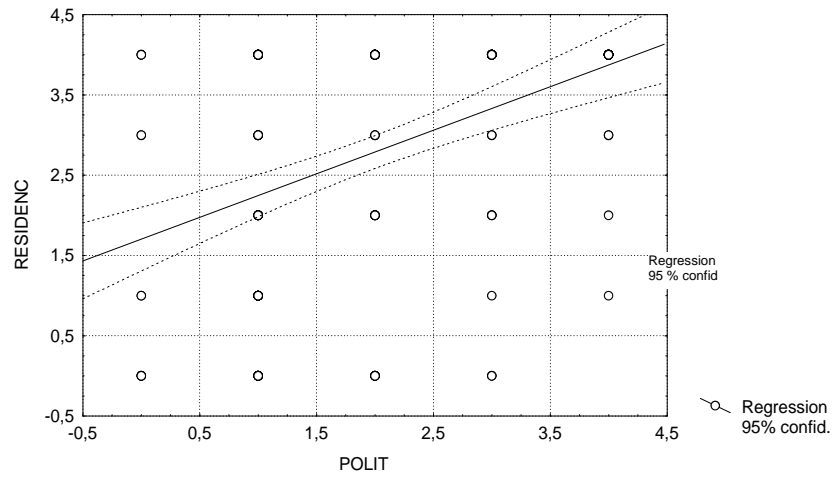

Табл. 5. Политическая интеграция = иерархия и оседлость

POLIT vs. RESIDENC (Casewise MD deletion)

$$RESIDENC = 1,7041 + ,54257 * POLIT$$

Correlation: $r = ,41462$

		Оседлость (residenc)				
		0	1	2	3	4
Иерархия (polit.)	0	4	2	0	2	3
	1	14	18	9	6	24
	2	7	0	7	3	30
	3	2	1	3	2	20
	4	0	1	1	2	25

Рис. 5. Политическая интеграция = иерархия и оседлость

Bivariate Histogram: POLIT and RESIDENC
(Casewise deletion of missing data)

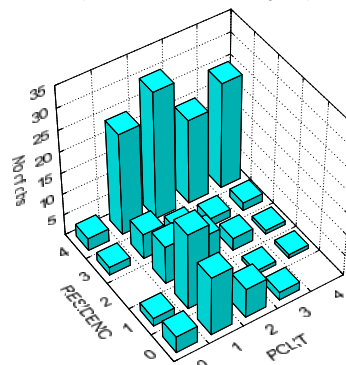
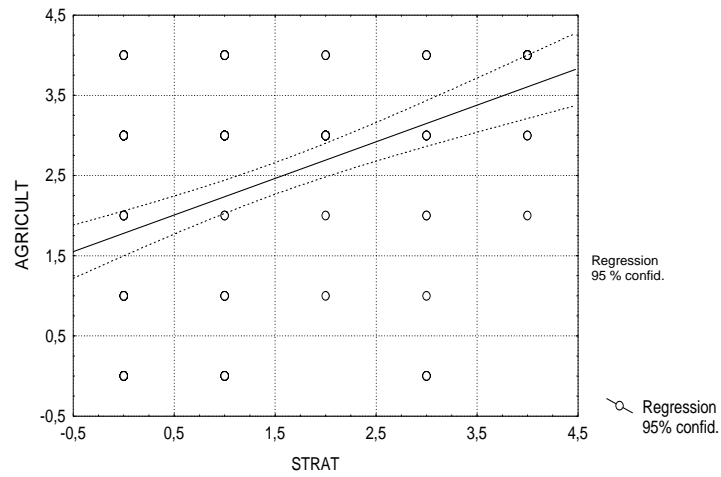

Табл. 6. Стратификация и земледелие

STRAT vs. AGRICULT (Casewise MD deletion)

$$\text{AGRICULT} = 1,7786 + ,45686 * \text{STRAT}$$

Correlation: $r = ,44050$

		Земледелие (agricult.)				
		0	1	2	3	4
Стратификация (stratio)	0	22	10	5	17	9
	1	11	5	2	21	13
	2	0	1	1	16	3
	3	5	1	2	6	6
	4	0	0	1	3	26

Рис. 6. Стратификация и земледелие

Bivariate Histogram: STRAT and AGRICULT
(Casewise deletion of missing data)

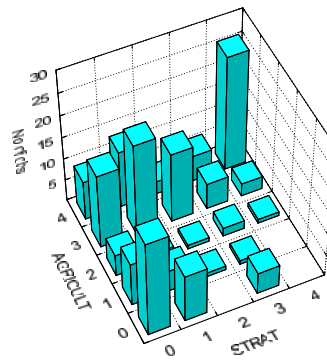
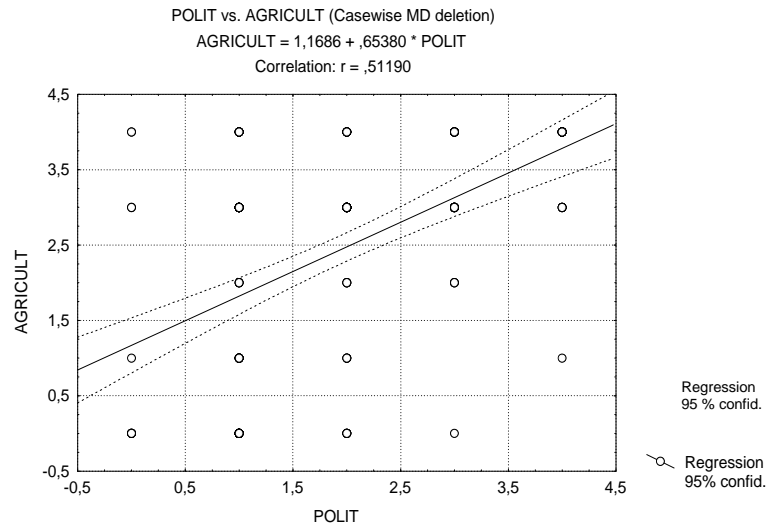

Табл. 7. Политическая интеграция = иерархия и земледелие

		Земледелие (agricult.)				
		0	1	2	3	4
Иерархия - (polit.)	0	6	1	0	2	2
	1	25	11	4	20	11
	2	6	4	4	23	10
	3	1	0	3	13	11
	4	0	1	0	5	23

Рис. 7. Политическая интеграция = иерархия и земледелие

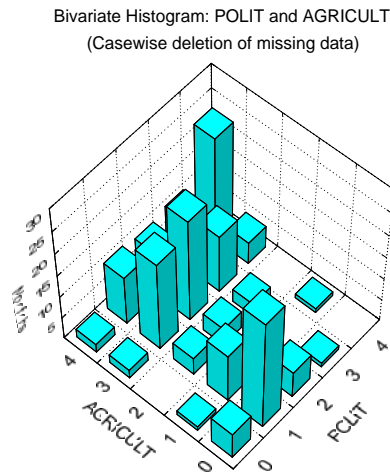
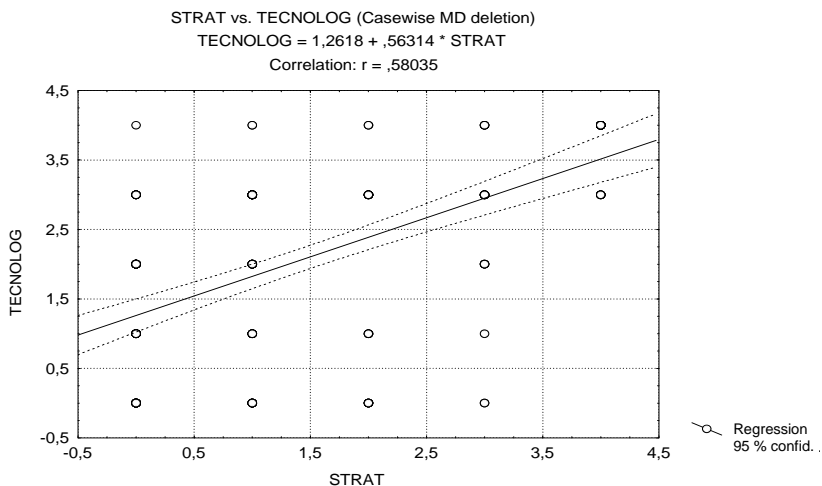

Табл. 8. Стратификация и технологическая специализация

		Технология (technolog.)					
		0	1	2	3	4	
Стратификация (strat.)	0	21	15	17	9	1	
	1	10	7	10	23	2	
	2	6	4	0	9	2	
	3	2	1	4	9	4	
	4	0	0	0	6	24	

Рис. 8. Стратификация и технологическая специализация

Bivariate Histogram: STRAT and TECNOLOG
 (Casewise deletion of missing data)

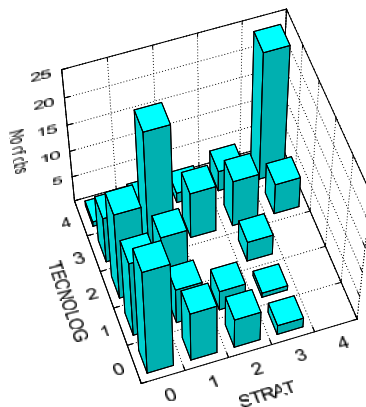
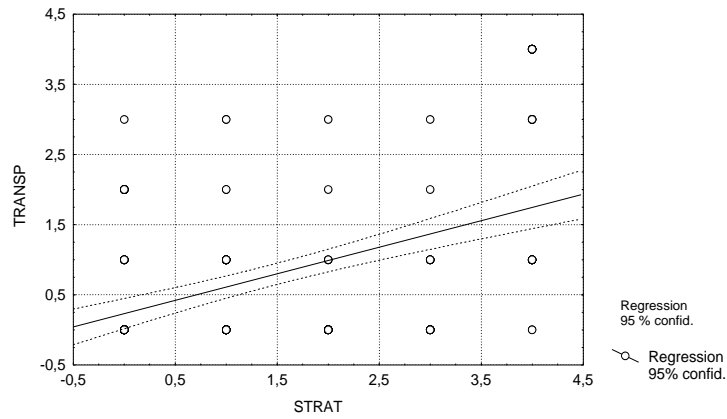

Табл. 9. Стратификация и транспорт

STRAT vs. TRANSP (Casewise MD deletion)
 $TRANSP = ,23297 + ,37835 * STRAT$
 Correlation: $r = ,46765$

		Транспорт (transp.)				
		0	1	2	3	4
Стратификация (strat.)	0	44	8	10	1	0
	1	34	14	2	2	0
	2	16	3	1	1	0
	3	12	6	1	1	0
	4	2	11	0	6	11

Рис. 9. Стратификация и транспорт

Bivariate Histogram: STRAT and TRANSP
 (Casewise deletion of missing data)

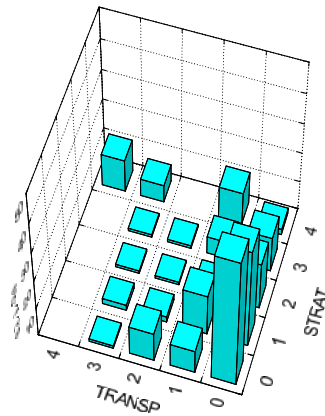
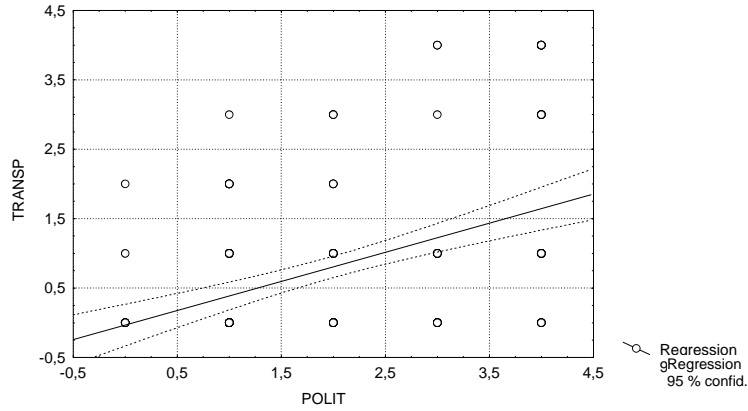

Табл. 10. Политическая интеграция = иерархия и транспорт

POLIT vs. TRANSP (Casewise MD deletion)

$$\text{TRANSP} = -.0328 + .41947 * \text{POLIT}$$

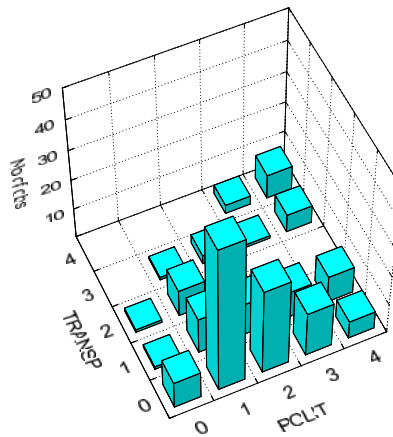
Correlation: $r = .42103$

		Транспорт (transp.)					
		0	1	2	3	4	
Иерархия (polit.)	0	9	1	1	0	0	
	1	49	12	9	1	0	
	2	29	11	4	3	0	
	3	15	9	0	1	3	
	4	6	9	0	6	8	

Рис. 10. Политическая интеграция = иерархия и транспорт

Bivariate Histogram: POLIT and TRANSP
(Casewise deletion of missing data)

Часть III

Вождества и ранние государства

- Р. Л. Карнейро
Было ли вождество сгустком идей?
- П. Чэбел, Г. М. Фейнман, П. Скальник
По ту сторону государств и империй: вождества и неформальная политика
- Р. Баум
Ритуал и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае
- А. В. Коротяев
Становление и развитие государственных структур в Евразии и Северной Африке (VI–I тыс. до н. э.): мир-системный контекст
- К. Петкевич
Казацкое государство
- К. Петкевич
Великое княжество Литовское

Роберт Л. Карнейро*Американский музей естественной истории, Нью Йорк*

Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту *хотя* на один локоть?

Матфей 6:27

Пионер американской социологии Лестер Ф. Уорд полагал, что появление государства есть «результат незаурядного использования дара мышления», достижение настолько исключительное, что «оно должно было быть эманацией одного мозга или нескольких действовавших сообща умов...» (Ward 1883, 2: 224).

Возвеличивание Уордом идей как первостепенных факторов политической эволюции не являлось чем-то необычным для того времени. В эпоху Возрождения человеческий разум заменил волю Бога как первичный двигатель истории, и те, кто разделяли эти взгляды, с легкостью рассматривали идеи как первопричину, ведя речь о происхождении множества институтов. Обратимся к некоторым проявлениям такого подхода.

В «Курсе позитивной философии» Огюст Конт (Comte 1830–1842, 1: 48) утверждал, что «любому читателю данной работы не надо доказывать, что мысли управляют миром и разрушают его...». Английский последователь Конта, Джон Стюарт Милль (Mill 1856, 2: 517) был уверен, что «упорядоченность человеческого прогресса во всех отношениях будет зависеть в основном от продвижения вперед интеллектуальных взглядов человечества...». Ральф Валдо Эмерсон, который, по словам Лесли Уайта (White 1949: 279), «обеспечил интеллигенцию Америки вербальными отражениями, называемыми “мыслями”», провозгласил, что «мысль всегда предшествует факту; все факты истории существовали сначала в уме... Каждая революция сперва была мыслью в голове какого-то человека...» (Emerson, n.d.a.: 1–2).

Английский историк Лорд Эктон, более известный своими афоризмами о власти и коррупции, дал одну из самых четких формулировок идеалистических позиций в отношении хода истории:

... в популярной литературе широко распространена материалистическая тенденция. Но что нам действительно нужно и что мы должны

требовать от наших историков, так это как раз противоположное. Если история должна быть истолкована как интеллектуальный, а не естественный процесс, то изучать ее следует как историю разума.

И далее он продолжает:

Поступки, как и слова, есть знак мысли: и если мы учитываем только внешние события, не прослеживая ход мысли, выражением и результатом которой они являются... тогда мы имеем всего лишь оставшее от жизни понятие истории... (цит. по: Lally 1942: 216).¹

Как бы то ни было, с развитием общественных наук стали происходить глубокие изменения в интерпретации истории человечества. Материальным условиям стала отводиться большая роль в истории. Тем не менее некоторые антропологи XIX в. все еще придерживались убеждения о доминирующей роли мысли. Адольф Бастиан, по словам Гумпловича (Gumplowicz 1899: 38, 38–39), «приписывает все социальные явления человеческой мысли... У него мысли всегда первичны, поступки есть их проявление». Примерно теми же словами А. Х. Питт-Риверс (Pitt-Rivers 1906: 21) говорил о «науке о культуре, в которой объекты трактуются как эманации человеческого разума...».

Возможно, наиболее серьезное утверждение «идеологического детерминизма» в антропологии можно найти в работах сэра Джеймса Фрэзера (Frazer 1913: 168):

Чем больше мы изучаем внутреннюю деятельность общества и прогресс цивилизации, тем яснее мы осознаем, что оба они управляются влиянием мыслей, которые, зарождаясь сначала, неизвестно как и когда, в нескольких лучших умах, постепенно разрастаются, пока не захватят всю инертную часть ...человечества.

И эта точка зрения не исчезла по мере развития общественных наук. На самом деле, определенная часть социологов и антропологов придерживается этих взглядов и сегодня. Толкотт Парсонс, возможно, наиболее влиятельный социолог своего поколения, утверждал, что «основные дифференцирующие факторы социокультурной эволюции гораздо более “идеальны” ...нежели “материальны”» (Parsons 1972: 5). И далее: «я уверен, что в рамках социальных систем нормативные элементы более важны для социальных изменений, чем “материальные”...» (Parsons 1966: 113).

Роберт Редфилд (Redfield 1955: 30) придерживался тех же взглядов:

Мир людей состоит в первую очередь из идей и идеалов. Если изучать зарождение городских сообществ из более примитивных общин, то именно перемена в ментальной жизни, в нормах и стремлениях, а также в характере личности становится самым важным аспектом трансформации.

Целью данной статьи является более детальное рассмотрение того, что может подразумеваться, когда теоретики допускают первичность

мыслей в эволюции культуры. И в частности, я бы хотел определить, насколько удачен может быть такой подход при рассмотрении первого ключевого шага в политической эволюции – зарождения вождества.

КУЛЬТУРНО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Наряду с мнением, что идеи (мысли) есть первичный двигатель культуры, среди первых эволюционистов зародилась и противоположная точка зрения: традиции, верования и институты можно лучше объяснить, если соотнести их с материальными условиями, которые им предшествовали и сопутствовали.

Конечно, эти два противоположных мнения не всегда встречались всецело разделенными, в чистом виде. Один и тот же ученый мог выражать материалистическую точку зрения относительно одного явления и идеалистическую в отношении другого. Льюис Г. Морган, например, использовал в основном идеологические детерминанты, рассматривая социальные институты, а материальные – когда рассматривал технические изобретения. Подобный «дуализм» можно найти и в работах Э. Б. Тайлора (подробно см.: Carneiro 1973: 99–100, 102–104).

Герберт Спенсер, третий великий эволюционист XIX века, более последовательно придерживался материалистических взглядов. Или, по крайней мере, его редко можно было увидеть в лагере идеалистов. Так, опровергая постулат Конта о том, что «идеи управляют миром и разрушают его», Спенсер (Spencer 1891: 128) утверждал, что «идеи не управляют и не разрушают мир: миром управляют и его разрушают чувства, для которых мысли являются всего лишь проводниками». А говоря о политической эволюции, Спенсер (Spencer 1890: 395) обобщил свои взгляды на социальную причинную обусловленность, утверждая, что «появление простого политического руководства, как и развитие сложного политического руководства, определяется условиями, а не намерениями».

Тенденция поиска факторов, определяющих социальные формы, в окружающей среде, продовольственном обеспечении, экономике и тому подобном появилась в антропологии, получив поддержку в работах таких ученых, как Кларк Уисслер, Джулиан Стюард, Лесли Уайт и Марвин Харрис. По сути, сейчас антропологи, специализирующиеся на изучении политической эволюции, археологи они или этнологи, в основном придерживаются культурно-материалистического подхода к данной проблеме.

Тем не менее идеалистическая позиция, как я уже отмечал, отнюдь не исчезла. В последние два десятилетия наблюдается возрождение интереса к символическим и идеологическим аспектам культуры. Все это хорошо и правильно. Но одно дело – устанавливать, фиксировать и интерпретировать систему идей народа, и совсем другое дело – возвышать эти идеи до положения первопричины при рассмотрении социополитической структуры его общества. Хотя тенденция заниматься

именно этим все еще заметна. Наследие Роберта Редфилда живет и здравствует в университете Чикаго и еще кое-где. На самом деле, оно даже, возможно, распространяется. Соответственно вполне уместно издать предупреждение: «инфекция» идеализма не только заразна, но и опасна. И все же ситуация ни в коем случае не безнадежна. Хотя с профилактикой заболевания уже опоздали, еще может быть не поздно прописать противоядие и эффективное лечение. В любом случае, надо попробовать.

В узком смысле цель данной статьи, как я уже говорил, состоит в том, чтобы выяснить, насколько обоснованно рассмотрение зарождения вождества в терминах идеологии. Но раз эта проблема является частью более общего вопроса – а именно о ценности идеологического объяснения при рассмотрении культурных форм в целом, – кажется разумным разобраться с общим вопросом, прежде чем концентрироваться на более частном.

СУЩНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Итак, что же конкретно имеют в виду теоретики, когда утверждают, что идеи лежат в основе вождества или любого другого института? Является ли такое утверждение чем-то бóльшим, чем просто изложением очевидного? В конце концов, любому действию человека, если это действие совершается не по принуждению, предшествует мысль (намерение). Я подбираю камень и бросаю его в дерево, потому что перед этим у меня появилась **мысль** сделать это. Идеи (мысли) – это необходимые анцедентные состояния ума, предшествующие почти любому человеческому поступку. И если это все, что может предложить «идеологический детерминизм», то, на самом деле, это банально. **Конечно**, идеи должны предшествовать действиям и создавать волевые акты, которые реализуются через эти действия. Ручка в моей руке не сдвинется ни на дюйм, пока я не решу, что **я хочу этого**. Карл не увенчал бы себя коронной императора франков, если бы **он** не задумал сделать это. Но приобретаем ли мы что-нибудь для нашей способности объяснять явления, лишней раз утверждая нечто само собой разумеющееся? Ничего. На самом деле, мы даже что-то теряем, делая это. Мы несем потери, потому что создаем **иллюзию** объяснения там, где его нет и в помине.

Идеи могут быть необходимыми предпосылками для любого действия, но то, что именно они являются **непосредственной** причиной, не делает их **основной** причиной. Идеи не могут быть приняты как **данные**, их необходимо проследить до **источника**. А их источник – это всегда **матрица условий**, из которых они возникли, но не индивид, в уме которого эти элементы случайно комбинировались. Мысль может быть «родителем» поступка, но «родителями» мысли всегда являются условия. У идей есть последствия, но у них есть и причины.

Таким образом, в человеческом поведении мысль есть всего лишь промежуточная связь, среднее звено между Условием и Результатом.

Только если мы выбросим звено причинной обусловленности, мы действительно придем к представлению, что существует следующая причинно-следственная связь «мысль → результат» вместо более полной последовательности «условие → мысль → результат». Но теперь получается, что если мысли неизменно проистекают из связи предшествующих условий, то мы, возможно, продвинемся в нашем поиске происхождения социальных институтов, если перестанем концентрироваться на идеях и займемся розыском этих самых условий.

Отрицать это, по сути, означает доказывать, что идеи, преобразующие общества, – это те идеи, что возникают в глубине души нескольких одаренных индивидов и которые появляются там, чистые и не испорченные, не запятнанные никакими контактами с окружающей средой. У этой точки зрения, конечно, были и есть сторонники. Она имплицитно выражена в высказывании Ральфа Валдо Эмерсона (Emerson n.d.: 380), «что общественный институт есть увеличенная тень одного человека...». Эта точка зрения явно присутствует в утверждении Уильяма Джеймса (James 1880: 458), что великие изобретения истории, социальные и технические, «были гениальными проблесками в умах отдельных людей, для которых в окружающей среде не было никаких предзнаменований».

Мы обнаруживаем тот же взгляд в попытке Джеймса Брестеда приписать появление монотеизма необычайному гению одного человека – фараона Эхнатона:

До Эхнатона история мира была всего лишь непреодолимым потоком традиций... Эхнатон был первой личностью в истории. Осознанно и преднамеренно с помощью мыслительного процесса он завоевал свои позиции, а затем открыто противопоставил себя традиции и уничтожил ее (цит. по: White 1949: 237)².

Приведенные утверждения ясно показывают, что одной из опасностей идеологической интерпретации истории является та легкость, с которой она соскальзывает в зыбучие пески теории Великих Людей. И, по крайней мере, уже со времен Герберта Спенсера признается существование непреодолимых проблем с той точкой зрения, что великие культурные прорывы случались благодаря Великим Идеям, порожденным Великими Людями. Основная сложность здесь заключается в объяснении появления Великих Людей. Почему, например, была такая многочисленная группа одаренных людей в Афинах с VI по IV в. до н. э. и почти ни одного после этого периода?

Те, кто верят в Великого Человека или Гения, легко принимают тот факт, что они не могут найти объяснения этому феномену. Джон Фиске (цит. по: Payne 1900: 142), например, полагал, что «социальный философ должен просто принимать гениев как факт, так же как Дарвин принимает спонтанные мутации». А Джастин Каплан (Kaplan 1983: 250), получивший Пулитцеровскую премию за лучшую биогра-

фию, подтверждает, что «гений работает в своей собственной ослепительной темноте, в которую не могут проникнуть обычные способы объяснения».

Ранее мы отмечали, что Джеймс Фрэзер приписывал прогресс цивилизации идеям, исходящим из «нескольких лучших умов». Там же Фрэзер (Frazer 1913: 168) продолжает:

Происхождение таких мыслительных мутаций со всеми их далеко идущими социальными последствиями так же неясно, как и происхождение тех физических мутаций, от которых, если верить биологам, зависит эволюция видов... Возможно, та же Неизвестная причина, которая определяет один набор мутаций, порождает и другие...

В таком случае, «гений» непостижим и необъясним. То, что творит «гений», единично и уникально, оно бросает вызов всем законам и выходит за пределы рационального понимания.

Нет необходимости говорить, что такой взгляд на главные движущие силы истории есть полная противоположность науке. В действительности, это проклятие науки. Задача науки – обнаружить сеть тех причин, которые все разъясняют. Наука не занимается явлениями, которые по сути своей необъяснимы. Если есть объект подобного рода, то наука отрицает его существование. Или, по крайней мере, предпринимаются все усилия снять эту маску необъяснимости с такого объекта.

Таким образом, наука сразу отражает нападки Уильяма Джеймса, утверждающего, что изобретения «были гениальными проблесками в умах отдельных людей, для которых в окружающей среде не было никаких предзнаменований». Также нужно отметить, что уже в следующем номере журнала, где были опубликованы взгляды Джеймса на эту проблему, появились решительные возражения Гранта Аллена. Аллен писал (Allen 1881: 381):

«Случайные» и «спонтанные» мутации доктора Джеймса, как бы тщательно он их ни замаскировывал, это всего лишь длинные названия для чудес... Теория спонтанных мутаций, случайно воспроизводящих гениев... это не более чем обожествление Каприза, представленного как объект, который способен инициировать изменения за пределами сферы физической причинности.³

Итак, когда идея считается необъяснимой, то перчатка вызова сразу бросается общественной науке. И вызов состоит в том, чтобы раскрыть обстоятельства, при которых появилась эта «необъяснимая» мысль, раскрыть ее как детерминированный результат специфических условий.

Каждая из великих идей в истории – одомашнивание растений, плавка металлов, письменность, гравитация, эволюция, относительность и т. д. – на самом деле может появляться в уме отдельного человека. Но в каждом случае эта идея была **синтезом** других идей, которые уже существовали и активно реализовывались в культуре. А без

этих ранее существовавших, взаимодействующих элементов синтез никогда бы не произошел. Смог бы Ньютон сформулировать закон всемирного тяготения, если бы в качестве опоры у него не было закона падающих тел Галилея и наблюдений движения планет Браге, Кеплера и Коперника?

Более реалистичен взгляд на изобретения не как на вспышки молнии в умах гениев, а как на новые связи культурных элементов, которые появляются вследствие протекания культурного процесса. То, что мы называем культурным процессом, было описано Лесли Уайтом (White 1950: 76) как

поток взаимодействующих культурных элементов – орудий, верований, обычаев и т. д. В этом процессе взаимодействия каждый элемент сталкивается с другими и, в свою очередь, сам подвергается воздействию. Этот процесс может быть конкурентным: орудия, традиции и верования могут устаревать и выбрасываться из потока. Время от времени включаются новые элементы. Постоянно проявляются новые комбинации, и происходит синтез культурных элементов – изобретения и открытия...

«Гений» – это тот, кто занимает благоприятную позицию в этом процессе, так что он оказывается на месте слияния или в водовороте сходящихся культурных потоков и может ухватить и оседлать новые формирующиеся вихри и течения. Он – удачливый проводник, посредством которого происходит новый культурный синтез. Как сказал Эдвард Бисли более века назад (Beesly 1861: 171), «гениальные люди влияют на свою эпоху пропорционально тому, насколько они понимают и распознают дух своего времени».

Культурные особенности, конечно, не взаимодействуют независимо от людей и мыслей, приходящих им в голову. Человеческий мозг – это сосуд, который наполняют нематериальные аспекты природы. И это не просто пассивный сосуд. Это неврологический смесительный аппарат, в котором идеи постоянно работают и вступают в реакцию друг с другом, иногда порождая новую «смесь». И все же свойства этих новых смесей культурных элементов – изобретений или открытий – зависят не от свойств смесительного аппарата, но от свойств ингредиентов, входящих в состав.

Сущность изобретения, таким образом, зависит от культурной среды, в которой находится изобретатель. Если эта среда не обеспечивает подходящих условий для его формирования, новые идеи просто не появятся, и культурный синтез не произойдет. Идея парламентского правления, например, едва ли возникла бы в голове ориньякского охотника на оленей. Не мог и австралийский абориген изобрести систему исчисления. В самом деле, родился Исаак Ньютон арунта, он бы ее тоже не изобрел. Но кто-то другой **сделал** бы это. Независимо от Ньютона и почти одновременно с ним Лейбниц также изобрел систему исчисления. Должны ли мы приписывать эти события удивительному

и удачному совпадению? Совсем нет. Дело просто в том, что и Ньютон, и Лейбниц были погружены или помещены в один поток созревающих математических идей.

Эти и сотни других примеров одновременных, но независимых изобретений показывают, что, когда наступает время – когда культурный процесс достигает необходимой точки, – идея приходит одновременно в более чем один ум. Не требуется лучших доказательств, чем это, чтобы показать, что великие изобретения не являются необъяснимыми всплесками в непостижимых умах. Скорее, они есть детерминированные результаты появления и слияния культурных потоков.

Давайте вернемся на минуту к арунта. Причина, по которой они никогда бы не изобрели систему исчисления, не в генетической неполноценности. Нет ничего, что позволяло бы нам предположить, что среди них, как и в любой человеческой популяции, не могло быть небольшого количества индивидов с наилучшими неврологическими свойствами, необходимыми для изобретения системы исчисления. Причина их несостоятельности лежит не в генах, но в культуре. Будь у них культура и особенно математические традиции, сравнимые с таковыми в Англии середины XVII в., и какой-нибудь одаренный арунта вполне бы мог осуществить этот культурный синтез.

Британский социолог Моррис Гинсберг (Ginsberg 1932: 74) говорил об этом же десятилетия назад:

Кажется вероятным ... что процент одаренных людей довольно постоянен, в то время как выражение или реализация их потенциала ждет и зависит от возможностей, предоставляемых ситуациями исключительной активности и оживления, характерными для эпох [бурного] прогресса.

Также Кребер (Kroeber 1948: 339) отмечал, что «лишь некоторая часть всех людей, прирожденно предрасположенных быть гениями, когда-либо становится таковыми. Только небольшая часть когда-либо раскрывается или может занять определенное место в истории».

Марк Твен (Twain 1961: 151–152) выразил ту же мысль в своей характерной парадоксальной манере:

Тысячи гениев живут и умирают непризнанными – ни сами собой, ни другими. Если бы не Гражданская война в Америке, Линкольн и Грант, Шерман и Шеридан никогда не стали бы известными, и о них бы никто не узнал. Я затронул эту тему в своей маленькой книжке... «Путешествие капитана Стормфилда в рай». Когда Стормфилд попал в рай, он очень захотел увидеть таких непревзойденных и несравненных военных гениев, как Цезарь, Александр и Наполеон. Но один из давних обитателей рая сказал ему, что они здесь вовсе и не считаются военными гениями, и что они всего лишь скромные кап-ралы по сравнению с определенно колоссальным военным гением, сапожником по профессии, который жил и умер безвестным в деревне в Новой Англии и не видел ни одной битвы за всю свою зем-

ную жизнь. Его не признали, пока он жил на Земле, но в раю все стало ясно, как только он попал туда, и ему отдали те почести, которые он мог бы заслужить ...если бы на земле знали, что он был самым одаренным военным гением из всех когда-либо живших на планете...⁴

Мысли – идеи – и **ограничены, и навязаны**. **Ограничены**, потому что обстоятельства могут существенно ограничить то, о чем можно думать. (Мог ли даже самый одаренный ягана, когда-либо живший, дрожа на скалистом берегу Огненной Земли, сформулировать второй закон термодинамики?) **Навязаны**, потому что когда складываются соответствующие обстоятельства, определенные идеи, кажется, так и бьют неостановимым потоком, и индивиды, захваченные вихрем этих бурлящих культурных элементов, поистине **вынуждены** синтезировать их. Если кто-то в этом сомневается, прислушайтесь к Герберту Спенсеру (Spencer 1926, II: 460):

Когда понимание Эволюции охватывает вас в своей всеобъемлющей форме, желание развивать и двигать ее дальше становится таким сильным, что позволить себе провести жизнь, делая что-то еще, было бы невыносимо.

Каков же вывод, который мы должны сделать в отношении тех, кто допускает первичность мысли в порождении культурных изменений? Если все, что они могут сказать, это то, что идеи есть необходимое среднее звено между условиями и следствиями, то этот их аргумент очевиден и тривиален. Но если они придерживаются мнения, что культурный прогресс происходит только из-за того, что исключительно одаренные индивиды способны генерировать выдающиеся идеи достаточно независимо от окружающих условий, их аргументы явно ошибочны.

ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕЙ

Даже если признать важность идей, не играет роли, насколько оригинальной и выдающейся является какая-нибудь мысль, так как этого недостаточно. Она должна быть высажена на грядку с рассадой, где сможет дать ростки, распуститься и цвести. Кто знает, быть может, какому-нибудь неуклюжему неандертальцу-гению, серьезно размышлявшему, сдвинув брови, в какой-то момент жизни и пришла идея вожества? Но одно дело – придумать нечто, и совсем другое – реализовать. И те культурные условия, которые доминировали в эпоху среднего палеолита, просто не способствовали зарождению вожества. То же справедливо и в отношении Цезаря, или Александра, или Наполеона, или того твеновского сапожника, родись они неандертальцами. Вожества не возникли, пока не сложились подходящие условия. А когда они образовались, вожества во многих частях мира появились, как грибы после дождя. Как сказал Герберт Спенсер, «определяют условия, а не замыслы».

ОСНОВЫ ВОЖДЕСТВА

Конечно, кто-то может спросить: **каковы** были те условия, что привели к возникновению вождества? И когда эти условия возникли, какие «идеи» тогда генерировались в умах людей, что смогли обеспечить связь между условиями и следствиями?

Как я уже писал в других работах (Carneiro 1970; 1981), несколько факторов привели к тому, что деревни эпохи неолита переросли пределы местной автономии и создали политические единицы, состоящие из нескольких общин, которые мы называем вождествами. Этими условиями, по существу, стали наличие сельского хозяйства, ограничения, налагаемые социальной и естественной средой, демографическое давление и войны. Все вместе они создали необходимые и достаточные условия, которые инициировали процесс. Почти неизбежно они приводили к возникновению вождеств, а затем, на более ограниченных территориях, к появлению государства.

Итак, в какого рода идеях выразились эти условия, когда начали формироваться вождества? По моему мнению, соответствующие идеи были просты и немногочисленны и могли прийти на ум любому обычному человеку. Их было немного, помимо следующих:

1. Силой оружия захватить соседние селения.
2. Включить людей и их территорию в свою политическую единицу.
3. Взять пленных и заставить их работать как рабов.
4. Использовать своих ближайших соратников, чтобы управлять захваченными территориями, если местные лидеры организуют восстания.
5. Потребовать от подданных периодической уплаты дани.
6. Потребовать от них также предоставления воинов в случае войны.

Этой полдюжины идей было вполне достаточно, чтобы обеспечить интеллектуальный аппарат, вовлеченный в создание вождеств. Можно ли найти еще столько же более простых идей? Неужели такие мысли не могли прийти в голову кому угодно? Неужели такие мысли не приходили в голову вождю селения, который столкнулся с проблемой недостатка земли и наличия жадных соседей?

То, что эти идеи были действительно просты и приходили в голову многим вождям, наглядно подтверждают факты. Посмотрите на мир в эпоху среднего неолита и раннего бронзового века, и вы найдете **сотни** появляющихся вождеств. Более того, их базовая структура была довольно однотипной. В самом деле, чем больше мы узнаем о вождествах, тем больше они удивляют нас обилием сходств и единством закономерностей. А многократные повторения одного и того же явления, без сомнения, зачатые враги «гениальных всплесков», или идей, для которых «в окружающей среде не было никаких предзнаменований». Все как раз наоборот. Не смутными, трудными для понимания и

глубокими, а, скорее, естественными и очевидными были идеи, которые лежали в основе вожества. Таким образом, вожества сами по себе были предсказуемым и неизбежным результатом специфического набора обстоятельств. Всякий раз, когда возникали такие условия, появлялись вожества. Все было, действительно, настолько просто.

Представление о жесткой деспотической, военной основе вожества, которое я изложил выше, не всем нравится. Многие находят его непригодным и стараются выдвинуть вместо этого теорию, которая отрицала бы или ослабляла значимость элемента насилия. Кое-кто найдет утешение и ободрение в тех отрывках, которые, кажется, опровергают взгляд на природу вожеств как воинственную и автократическую. Так, они легко хватаются за характеристику Джона Эдера, данную им власти вождей у криков, чоктавов, чикасавов и чироков в то время, когда он посещал их:

...в их словаре нет слов для обозначения деспотической власти, деспотов, притесненных и покорных подданных. Власть их вождей – пустой звук. Они только могут убедить или раз-убедить людей либо силой доброго и ясного объяснения, либо приукрасив вещи, чтобы те соответствовали преобладающим настроениям (цит. по: Peebles 1983: 185).

Но, как справедливо отметил Кристофер Пиблз, положение дел, описанное Эдером, было таким в 1775, а не исконным состоянием вожеств юго-востока современных Соединенных Штатов. На самом деле, это был продукт более чем двухсот лет разрушения и декультурации, которые являлись прямыми или косвенными результатами контактов с европейцами. На протяжении XVI в., до того, как произошло это разрушение, вожествами юго-востока управляли сильные, наводившие ужас военные вожди. Так, ранний испанский хроникер, известный под именем Синьора из Эльваса, так писал о Тасталуке – верховном вожде, с которым повстречалась экспедиция де Сото:

Перед его жилищем на возвышении была расстелена циновка, на которой было две подушки, одна на другой; к ним он подходил и садился, его люди рассаживались вокруг на некотором расстоянии так, чтобы перед ним образовывался разомкнутый круг; индейцы выше рангом садились ближе к его персоне. Один из них закрывал вождя от солнца круглым зонтиком... У него было знамя, с которым он ходил в битву. Его наружность была полна достоинства, он был человеком высоким, мускулистым, худощавым и пропорционально сложенным. Он был сюзереном многих территорий и множества людей, которого одинаково боялись его вассалы и соседние народы (цит. по: Peebles 1983: 184).

Только по прошествии времени и когда удача от них отвернулась, некогда могущественные вожества юго-востока «превратились в, по сути, эгалитарные общества, образованные независимыми общинами, объединенными в рыхлые конфедерации» (Peebles 1983: 185).

ИДЕОЛОГИЯ КАК ЛЕГИТИМАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Как отмечал Карл Хаттерер, «власть легитимируется через ее использование». Иначе говоря, самый эффективный способ сделать так, чтобы власть признали и приняли, это распоряжаться ею. Так, один из императоров инков, обнаружив, что он у него есть двадцать тысяч человек, но нет для них работы, заставил сначала перенести холм с одного места на другое, а затем вернуть его на прежнее место. Большинство ослепительных символов и детально продуманных ритуалов его правления были поступками подобного рода, и это сделало инков уважаемыми, им подчинялись.

В таком случае, разве не представляется возможным избавиться идеологию от бессмысленного нагромождения причинных объяснений, в которое мы, похоже, ее превратили? Вероятно, способ добиться этого существует. Но если об идеологии и можно сказать, что она сыграла значительную роль в жизни вождества, то больше имея в виду его сохранение, чем создание. Идеология играет роль в провозглашении и поддержании авторитета верховного вождя после того, как его власть была установлена силой оружия.

Когда вождество сформировалось, его лидер все же сталкивается с серьезной угрозой: как превратить в лояльных, платящих дань поданных людей, которые незадолго до этого были его заклятыми врагами. Вождество, созданное открытой силой, должно на каком-то этапе начать ослаблять вожи. Железный кулак должен надеть бархатную перчатку. Прилагаются определенные усилия, чтобы смягчить притеснения, или, по крайней мере, оправдать их. Со временем суровый **свершившийся факт** начинает казаться естественным и правильным ходом событий. И достижение такой трансформации влечет за собой создание **идеологии** – группы совокупности мифов, символов и ритуалов, рационалистического обоснования и убеждений, призванных сделать так, чтобы все то, что приходится выносить, казалось терпимым и, может быть, даже приятным.

Хотя идеология может формироваться медленно и прерывисто, она в конечном счете может стать детально разработанной, логически последовательной и непреодолимой системой убеждений и обычаев. И если ее эффективно продвигать, то такая идеология может со временем проникнуть так глубоко в традиции вождества, что скроет и исказит его истинные корни. Беспощадные завоевания военных деспотов через несколько поколений могут таинственным образом превратиться в мирное, великодушное и добровольное присоединение людей древним вождем, который, если сам и не был богом, то, по крайней мере, был вedom божественной дланью.

И если последующие поколения подданных вводятся таким образом в заблуждение касательно того, как в действительности зародилось вождество, удивительно ли, что антропологи, борясь с той же самой проблемой, века спустя были также введены в заблуждение?

ДВА АСПЕКТА ИДЕОЛОГИИ

У идеологии две грани. Она убеждает и принуждает. Дюркгейм был прав, когда говорил, что нормы поведения «не только внешние для индивида, но, более того, щедро наделены принуждающей силой, благодаря которой они навязываются ему...» (цит. по: White 1949: 146). Внушенные индивиду культурные нормы могут побуждать человека к действию не слабее, чем острие меча.

Но культура действует тем эффективнее, чем менее она принудительна. Люди с большей готовностью следуют правилам, если эти правила кажутся не наказаниями сверху, а импульсом изнутри. Люди подчиняются с большей готовностью, когда с ними говорят тем тихим голоском совести, который не знает, что, как пронизательно заметил Шекспир, «политика стоит выше совести» (Тимон Афинский, акт III, сцена 2).

Эрих Фромм очень точно выразил эту мысль, написав, что «общество лучше всего функционирует тогда, когда люди **хотят** делать то, что они **должны** делать». Верховные вожди, следовательно, заботятся о том, чтобы идеи долга, преданности, верности насаждались среди подданных. Таким образом, как я уже говорил, тягостные и даже ненавистные задачи, такие как подчинение ограничивающим законам, уплата дани и риск жизнью и здоровьем во время войны, становятся терпимыми. В самом деле, если адекватно внушить общественные задачи подданным, то они начинают осознавать, что выполнение этих требований есть их патриотический долг. А когда преданность долгу заметно вознаграждается почетом, славой, известностью и чином, согласие с желаниями, интересами вождя обеспечено.

Позвольте мне привести лишь один пример. Обычно уплата дани считается безрадостным бременем, но вожди на Фиджи нашли способ превратить это в праздник:

Уплата налогов на Фиджи, в отличие от Британии, – писал миссионер Томас Уильямс, – ассоциируется со всем, что нравится людям. День уплаты налогов – это праздник, это день для лучших нарядов, самых приятных взглядов и самых добрых слов; это день для демонстрации ожерелий из китового уса и раковин каури, нагрудных украшений из оранжевых каури и жемчужных раковин, алых повязок на лбу, самых новомодных шейных лент; ...самые изящные тюрбаны, порошок из черного янтаря и румяна насыщенного красного цвета – все это достается в такой праздничный день. Прическа, которая сооружалась месяцами, теперь демонстрируется во всем своем совершенстве; борода, за которой долго ухаживали и теперь внесли последний штрих, становится объектом особого внимания; тело умащивается самыми благоухающими маслами и украшается самыми яркими цветами и самыми элегантными одеждами.

Житель Фиджи вносит свою дань со всяческими выражениями радостного возбуждения, которое разделяет все племя. Собираются толпы зрителей, а король и его свита принимают подать, которая

отдается с песней и танцами и принимается с улыбкой и аплодисментами. После этой сцены налогоплательщики отбывают для участия в пире, даваемом их королем.

И затем Уильямс добавляет: «Конечно, политика, которая так может превратить уплату налогов в “источник удовольствия”, не заслужит презрения» (Williams 1870: 31–32).

Итак, мы вновь видим, что чем тяжелее покров ритуалов, тем с большей готовностью выполняются приказания вождя его подданными, так как они верят, что это идет во благо всего общества. И, конечно, это облегчает вождю решение перманентной задачи удержания вождества под своим твердым контролем.

Теперь, когда политические обязанности, смягченные таким образом, вдобавок сдобрены религиозным значением и санкциями, шелковый шнур идеологического принуждения затягивается еще туже. Когда желание вождя становится также и волей божеств, а согласие с ним награждается обещанием славной загробной жизни или еще какого-то сверхъестественного вознаграждения, кто будет возражать? И чтобы придавить хребет тем, кто мог бы возразить, часто добавляется угроза скорых и ужасных кар со стороны божеств, если приказ не будет исполнен.

Как я предположил ранее, вождество (или государство) может быть настолько прикрыто религиозными атрибутами, что создается ложное впечатление, будто бы с самого начала это была мирная теократия. Реальный сценарий, однако, мог быть следующим. Вождество, появившееся в результате завоевания, по-видимому, могло расширить свои границы до естественных географических пределов, после чего войны могли прекратиться или, по крайней мере, стать гораздо более редкими из-за отсутствия врагов. Таким образом, лишенный своей изначально военной роли верховный вождь в стремлении сохранить власть мог начать присваивать все больше и больше религиозных атрибутов и функций. Со временем вождество, возможно, приобрело все внешние атрибуты мирной теократии, и если бы кто-нибудь наблюдал за ним на этом этапе, то мог бы с легкостью спроецировать отсутствие войн в сочетании с искусно и детально продуманной религиозной ролью вождя на самую начальную стадию формирования вождества. Хотя, если бы мы знали раннюю историю вождества, мы бы точно разглядели его военные корни. Если нам нужно использовать только четкие краски, то будет более точным описывать вождество как светскую военную тиранию, нежели миролюбивую теократию.

Однако необходимо сделать предостережение. Увеличение количества ритуалов, мифов и символов не всегда означает соответствующий рост политического контроля. Все может быть и наоборот. Мартин Р. Доорнбос обратил внимание на тот факт, что расцвет церемониализма в вождестве или государстве фактически может маскировать его упадок и надвигающийся распад. Основываясь на своем исследо-

вании королевства Анколе в Восточной Африке, Доорнбос (Doornbos 1985: 25, 34) пишет:

... даже если политический институт все больше и больше украшается позолотой и богатством, его реальные функции могут, тем не менее, ослабевать. И когда большинство упоминаний об институте начинают связывать с его великолепием и церемониалом, а не с какой-нибудь эффективной... ролью, которую он когда-то играл, можно не без основания предположить, что он утратил суть своих прежних роли и положения... Проявляется обратная корреляция, а именно: чем больше церемониализируется та или иная роль, тем слабее реальная сила приказов тех, кто ее играет.

До того как вождество или государство достигнет этапа старения, его идеология может хорошо отражать кое-что из особенностей его природы и структуры. Так, даже если мы знаем только идеологию политики, мы в состоянии сделать выводы и о многих других связанных с ней вещах. Обратим внимание на религиозную иконографию, которая часто является материальным воплощением в искусстве определенных идей, важных для общества, и возьмем, к примеру, чавин, о чьей культуре в целом известно очень мало. Из всего того, что мы знаем, многое черпается из идеологии, отраженной в религиозной иконографии. И хотя кое-кто может истолковать его иначе, для меня это искусство означает сильную военную основу общества чавин. И если для него была характерна сильная, всепроникающая религиозная надстройка – церковь, то это была воинствующая церковь, поставленная на службу воинственному государству. В противном случае почему доминирующими символами религии чавин были такие существа, как ягуары и орлы, а не, скажем, морские свинки или бабочки?

СТРУКТУРНЫЕ СХОДСТВА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Чем больше мы смотрим на вождества по всему миру – на юго-востоке США, на островах в Карибском море, в Западной, Центральной и Восточной Африке, в Полинезии, – тем больше нас поражает сходство элементов их структуры. И это относится не только к общему строению, но также и к мелким деталям. Так, мы прослеживаем многие сходные черты в вождестве за вождеством: вождь имеет власть над жизнью и смертью своих подданных, он терпим к полигинии, его носят на носилках, ему выражают почтение, хоронят в отдельной могиле вместе с женами и слугами и т. д. и т. п. И, как мы отмечали ранее, чем больше параллелей обнаруживается в организации вождеств, тем увереннее можно говорить о вождестве как о естественной, детерминированной, предсказуемой и даже неизбежной стадии социальной эволюции, и, наоборот, тем меньше они выглядят результатом единичного и случайного скопления необычных идей.

Выводы

Теперь пришло время сделать некоторые выводы. Если идеи обязательно предшествуют поступкам, то идеи действительно должны быть

предтечами всего, что появлялось при зарождении вождества. Тем не менее идеи не являются «беспричинными причинами». Они не вытекают из неопределенных и необъяснимых источников. Идеи в основе вождества не настолько основательны и трудны для понимания, чтобы требовать наличия одаренного ума для их формулирования. Условия, которые привели к зарождению вождеств, были просты, широко распространены и повторяемы. И, объясняя возникновение вождества, мы наверняка преуспеем больше, если внимательно рассмотрим эти условия, чем если попытаемся проникнуть в умы тех индивидов, которые были обусловлены ими.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Впервые опубликовано в журнале *Social Evolution & History*, июль 2002, т. 1, № 1, с. 80–100 на английском языке под названием «Was the Chiefdom a Congelation of Ideas?». Перевод выполнен по указанному изданию

¹ Можно привести сколько угодно примеров выражения этого взгляда. Так, американский клерикал Фрэнсис Х. Джонсон (Johnson 1884: 638) считал «неоспоримым фактом то, что разум есть единственная порождающая причина, о которой мы знаем все...», добавляя, что «в нашем опыте реальных причинно-следственных связей универсален процесс не от материи к разуму, но от разума к материи». А выдающийся британский историк Джон Б. Бьюри (Bury 1930: 46) говорил об «истории, в которой мысль является характерным признаком и направляющей силой...».

² Обращение к «гениям» как к первичному двигателю культуры иногда имеет место и в антропологии. Так, Роберт Г. Лоуи (1940: 25) писал:

Огромное значение земледелия, следовательно, состоит не в том, что оно сделало для человечества, когда впервые было внедрено, но в том, что оно было способно достичь после того, как было значительно усовершенствовано. Искусные земледельцы Перу могли прокормить, вероятно, около трех миллионов человек. Это означало, что еще больше гениальных людей могло родиться...

(Другие примеры привлечения антропологами «гениев» к объяснению культурного прогресса см.: Wissler 1923: 331; Swanton 1930: 368; Childe 1935: 5–6; Voas 1945: 76; Kenyon 1959: 40).

³ Еще до того как Уильям Джеймс столь беззастенчиво провозгласил это, Дж. Ф. МакЛеннан (McLennan 1876: 231) был хорошо осведомлен о таком способе мышления и обдавал его презрением, называя, по словам Дугалда Стюарта, «бездеятельной философией, которая апеллирует к чуду, как только оказывается не в состоянии объяснить что-либо в мире природы и морали». (Я признателен Джорджу У. Стокингу-младшему [Stocking, Jr. 1987: 168] за то, что он обратил мое внимание на этот отрывок).

⁴ Еще один аспект вопроса о гениях, который получает недостаточное внимание, это вопрос о человеке с интеллектом чуть выше среднего, который, будучи ввергнут обстоятельствами в исключительно благоприятные условия, способен осуществить величайший культурный синтез. По моему мнению, Чарльзу Дарвину не хватало интеллектуальной остроты некоторых его современников, таких как Герберт Спенсер или Томас Генри Хаксли. Хотя, применяя разум, которым он обладал, к своей главной проблеме и делая это с необычайным упорством, он смог достичь того, что, вероятно, явилось наиболее далеко идущим интеллектуальным триумфом всех времен.

ЛИТЕРАТУРА

- Allen, G.** 1881. Genesis of Genius. *The Atlantic Monthly* 47: 371–381.
- Beesly, E. S.** (Anonymous) 1861. Mr. Kingsley and the Study of History. *The Westminster Review* 19: 161–178.
- Boas, F.** 1945. *Race and Democratic Society*. New York: J. J. Augustin.
- Bury, J. B.** 1930. *Selected Essays of J. B. Bury*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Carneiro, R. L.** 1970. A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.
1973. Classical Evolution. In Naroll, R., and Naroll, F. (eds.), *Main Currents in Cultural Anthropology* (pp. 57–123). New York: Appleton-Century-Crofts.
1981. The Chieftdom: Precursor of the State. In Jones, G. D., and Kautz, R. R. (eds.), *The Transition to Statehood in the New World* (pp. 37–79). New York: Cambridge University Press.
- Childe, V. G.** 1935. *New Light on the Most Ancient East*. Rev. ed. London: Kegan Paul, Trench & Trubner.
- Comte, A.** 1830–1842. *Cours de Philosophie Positive*. 6 vols. Paris: Bachelier.
- Doornbos, M. R.** 1985. Institutionalization and Institutional Decline. In Claessen, H. J. M., van de Velde, P., and Smith, M. E. (eds.), *Development and Decline*, (pp. 23–35). South Hadley, MA: Bergin and Garvey.
- Emerson, R. W.** n.d.a. History. In *Essays by Ralph Waldo Emerson* (pp. 1–26). New York: Hurst.
- n.d.b. Self-Reliance. In *Essays by Ralph Waldo Emerson* (pp. 25–57). New York: Hurst.
- Frazer, J. G.** 1913. *Psyche's Task*. 2nd ed. London: Macmillan.
- Ginsberg, M.** 1932. *Studies in Sociology*. London: Methuen.
- Gumpłowicz, L.** 1899. *The Outlines of Sociology*. Philadelphia: American Academy of Political and Social Science.
- James, W.** 1880. Great Men, Great Thoughts, and the Environment. *The Atlantic Monthly* 46: 441–459.
- Johnson, F. H.** 1884. Mechanical Evolution. *The Andover Review* 1: 631–649.
- Kaplan, J.** 1983. *Mr. Clemens and Mark Twain*. New York: Simon & Schuster.
- Kenyon, K. M.** 1959. Some Observations on the Beginnings of Settlement in the Near East. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 89: 35–43.
- Kroeber, A. L.** 1948. *Anthropology*. New York: Harcourt & Brace.
- Lally, F. E.** 1942. *As Lord Acton Says*. Newport, RI: Remington Ward.
- Lowie, R. H.** 1940. *An Introduction to Cultural Anthropology*. New York: Rinehart.
- McLennan, J. F.** 1876. *Studies in Ancient History, Comprising a Reprint of Primitive Marriage*. London: Bernard Quaritch.
- Mill, J. S.** 1856. *System of Logic*. 4th ed. 2 vols. London: J. W. Baker.
- Parsons, T.** 1966. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
1972. General Introduction. In Lidz, V., and Parsons, T. (ed.), *Readings on Pre-modern Societies* (pp. 1–13). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Payne, W. M.** 1900. American Literary Criticism and the Doctrine of Evolution. *The International Monthly* 2: 26–46.
- Peebles, C. S.** 1983. Moundville: Late Prehistoric Sociopolitical Organization in the Southeastern United States. In Tooker, E. (eds.), *The Development of Political Or-*

ganization in Native North America (pp. 183–198). Washington, DC: The American Ethnological Society.

Pitt-Rivers, A. H. L.-F. 1906. *The Evolution of Culture and Other Essays*. Oxford: Clarendon.

Redfield, R. 1955. *The Little Community*. Chicago: University of Chicago Press.

Spencer, H. 1890. *The Principles of Sociology*. Vol. 2. New York: D. Appleton.

1891. Reasons for Dissenting from the Philosophy of M. Comte. In *Essays: Scientific, Political, and Speculative*. Vol. 2 (pp. 118–144). London: Williams and Norgate.

1926. *An Autobiography*. 2 vols. London: Watts.

Stocking, G. W., Jr. 1987. *Victorian Anthropology*. New York: The Free Press.

Swanton, J. R. 1930. An Indian Social Experiment and Some of Its Lessons. *The Scientific Monthly* 31: 368–376.

Twain, M. 1961. *The Autobiography of Mark Twain*. New York: Washington Square Press.

Ward, L. F. 1883. *Dynamic Sociology*. 2 vols. New York: D. Appleton.

White, L. A. 1949. *The Science of Culture*. New York: Farrar & Straus.

1950. The Individual and the Culture Process. *Centennial, American Association for the Advancement of Science* (pp. 74–81). Washington, DC: American Association for the Advancement of Science.

Williams, Th. 1870. *Fiji and the Fijians*. 3rd ed. London: Hodder & Stoughton.

Wissler, C. 1923. *Man and Culture*. New York: Thomas Y. Crowell.

***По ту сторону государств и империй:
вождества и неформальная политика****

П. Чэбел

Королевский колледж, Лондон

Г. М. Фейнман

Музей естественной истории им. Филда, Чикаго

П. Скальник

университет Пардубице

В самом начале XXI века был брошен вызов суверенности и доминирующему положению государства. Всего лишь пятьдесят лет назад некоторые ученые предвидели неизбежный или прямой исторический путь к более консолидированным и крупным политиям: мировое правительство, возможно, планетарное государство, по меньшей мере, содружество государств-наций (Carneiro 1978; Hart 1948). Сегодня это воспринимается как полет фантазии. Даже перед лицом революции в телекоммуникациях и мощного процесса экономической глобализации стало очевидным, что в политическом развитии или централизации нет линейной прогрессии. Политические философы могут рассматривать перспективу неуклонного движения по направлению к однородным политиям как желательную или аморальную. Ученые, занимающиеся общественными науками, просто фиксируют силы, противостоящие этому движению, которые могут представлять вполне реальную угрозу государству-нации в том виде, в каком оно развивалось в течение последних двух столетий.

* * *

Глобализация, стремление к демократии, как и новые процессы коллективной идентификации, дали возможность народам лучше осознать различия между нациями, между целыми континентами, а также острые социальные противоречия внутри самих государств. В результате появились различные этнические, региональные, локальные, профессиональные, партийные, политические и общественные идентичности, которые конкурируют с государством и фактически оказывают открытое неповиновение. Подобные образования имеют политический

Чэбел П., Фейнман Г. М., Скальник П. / По ту сторону государств и империй: вождества и неформальная политика, с. 229–243

подтекст, но прикрываются культурными одеждами и подкрепляются экономическими или идеологическими аргументами.

Сегодня в мире насчитывается огромное количество негосударственных организаций, включающее повстанцев-сепаратистов, экстремистские партии, военизированные сети, освободительные движения, международные организованные преступные сети, а также неправительственные организации с амбициями, намного превышающими амбиции большинства государств. Некоторые из недавно созданных религиозных организаций характеризуются такой преданностью их членов, которая государствам-нациям и не снилась. В других частях света некоторые так называемые традиционные формы правления требуют вернуть им власть, которой они лишились с приходом колонизаторов, доказывая, что государство на этой территории – инородное образование, принесенное извне правителями империй, и что общество должно управляться согласно принципам, развивавшимся на данной территории.

Короче говоря, в современном мире существует несметное число политических образований, которые нелегко вписать в рамки принятых категорий государств-наций и которые развиваются путями, не отвечающими стандартным ожиданиям политического и экономического развития (Chabal 1992). Сам факт их существования – вызов привычной концептуализации мирового порядка, а их разнообразная деятельность проверяет на прочность структуру международных систем. В то же время они игнорируют национальные границы и действуют либо на уровне целых регионов, либо в наиболее отдаленных уголках отдельных стран. По нашему мнению, эти группировки и движения объединяет ряд характеристик – политических, культурных, социальных и экономических, – чаще всего связанных с типом негосударственных, мелкомасштабных, неформальных организаций, который часто определяют как вождества.

Давайте приведем несколько примеров. Курдский народ насчитывает 20 миллионов человек, но курдского государства не существует. Конечно же, создание такого государства не приветствуется странами, на территории которых проживают курды, но дело еще и в том, что сильные родственные связи, в основе которых лежат семейные кланы, пронизали всю политическую жизнь курдов и, возможно, послужили причиной разобщенности, препятствующей, таким образом, возникновению государства-нации. Повстанцы из группировки FARC боролись за Колумбийское государство четыре десятилетия. Они фактически контролируют заметную территорию. Однако их идеология антигосударственна и встает вопрос, как определить существующую у них сегодня форму политики и какую форму она могла бы принять, завладей они всей страной. В Ливане, где центральное государство было относительно слабым на протяжении десятилетий, политическая культура, связанная с разнообразными конфессиональными сообществами, может также рассматриваться как культура вождеств. Более того, недав-

но потерпевшие поражение сепаратисты на острове Бугенвиль в восточной части Папуа Новой Гвинеи создали военизированную форму правления, возглавляемую их «вождем», Франсисом Она. Недавно в Чаде, Сьерра-Леоне или Анголе, а в настоящее время в Сомали или Берегу Слоновой Кости, части каждой из этих стран находятся, либо когда-то находились, в руках политических движений, существование которых в большой степени зависит от выдающихся личных качеств лидеров, военачальников или современных вождей.

Даже когда движение борется за национальную независимость, условия, в которых ведется борьба, требуют непосредственной организации, структурированной по неформальным линиям, которая все же может быть иерархичной. Нам известно о существовании Национального Совета Палестины, но этот публично демократический орган собирается редко. Повседневная политическая деятельность десятилетиями находилась в руках Ясира Арафата и немногочисленной группы его соратников. Каков организационный характер этой группы? Как она функционирует? Имеем ли мы дело с определенного типа самовоспроизводящимся феодальным устройством, на котором была возведена мнимо демократическая доктрина Организации Освобождения Палестины? С другой стороны, нам почти ничего неизвестно о структуре организации ХАМАС, которую можно рассматривать как по сути теократическое вождество, но в других отношениях это широкая сеть сторонников, потенциальных мучеников и террористов-смертников. Нам также мало известно об организационной структуре группировки ал-Каида и связях между идеологическим и исполнительным руководством этой группировки. Наконец, что можем мы сказать о религиозных сектах, таких как культ карго (*cargo cults*) в Меланезии или культ Джонстауна в Гвиане, которые выступают за независимость или просто ведут себя, будто они полностью автономны, «государство в государстве», со своей внутренней структурой, которая напоминает таковую в вождестве?

В современных нациях существует множество коллективных образований или политических группировок, действующих так, словно государства вовсе не существует или, время от времени, работающих в прямо противоположных ему направлениях. В прочно установившихся государствах-нациях, например, в Западной Европе, подобные организации чаще всего имеют форму агрессивных (таких как, например, Гринпис) или тайных группировок вроде масонских лож и религиозных сект (одна из которых недавно заявила о первом успешном клонировании человека). В менее устойчивых или более молодых государствах-нациях так называемого второго и третьего мира конкурентов установленному порядку можно найти среди политических партий, профсоюзов, профессиональных объединений и других образований, многие из которых номинально могут принадлежать к государственной структуре, но организованы людьми, на самом деле не

признающими господство государства. Даже в странах с авторитарным режимом власти (Китай) движения за права человека и свободу вероисповедания обвиняются в том, что они хорошо организованы и политически мотивированы, хотя до настоящего момента не было найдено свидетельств их подрывных антиправительственных целей. На другом конце спектра мы находим группировки, которые планируют и осуществляют государственные перевороты либо паразитируют на государстве и обществе – по модели криминальных сетей и мафии, цель которых – приобретение незаконного богатства, но иногда они могут влиять и на политическую власть, как это было в Италии.

Несмотря на то, что о существовании таких политических групп всем известно и есть даже некоторая информация о том, как они функционируют, их политическая значимость еще до конца не осознана и еще в меньшей степени проанализирована. Не существует адекватной политической теории, способной объяснить подобные тенденции в современном обществе, – хотя и был разработан один подход, рассматривающий «неформализацию» и «ре-традиционализацию» политики в контексте африканского континента (Chabal and Daloz 1999). Современные теории международных отношений также не справляются с осмыслением появления независимых и неформальных негосударственных организаций, игнорирующих государственные границы и действующих с явным пренебрежением к суверенности существующих государств. Даже международный закон оказывается беспомощным перед лицом этих сетей без территории и четких организационных структур. В большинстве гуманитарных и общественных наук существует насущная необходимость в понятиях, с помощью которых можно объяснить эти, по-видимому, новые политические феномены. Углубляясь в прошлое, иногда в очень далекое прошлое, и используя сравнительный междисциплинарный анализ для раскрытия понятия «вождество», можно найти путь к общей теории неформальной политики и, обратно, к новому подходу к теории государства.

ПОНЯТИЕ ВОЖДЕСТВА

Наш подход следует использовать и выстраивать на понятии вождества, сформулированном антропологами и археологами, и применять его для изучения современных негосударственных политических образований и структур. В среде антропологов и археологов, работающих в сфере древней политики, «вождество» постепенно стало центральным понятием. Литература по вождествам является исторически глубокой и глобально сопоставительной (Carneiro 1981; Earle 1997; Feinman и Neitzel 1984). «Вождество» впервые было использовано для характеристики сравнительно небольших управляемых вождями групп в этнографическом настоящем Южной Америки (Oberg 1955) и Полинезии (Sahlins 1958). В таких обществах имеются предписанные формы руководства, а принадлежность в значительной степени основывалась на родстве. К

середине XX в. термин «вождество» вошел в неэволюционистскую схему (Service 1962), где вождества были помещены на эволюционной лестнице на ступень между эгалитарными группами (бэнды и племена) и большими, более бюрократизированными, государствами (Feinman 1996). Обычно в подобных теоретических построениях вождество относят к тем традиционным формам социальной организации, население которых насчитывает десятки тысяч (или менее) человек, которые имеют наследственную (в противовес приобретенной) форму лидерства, цементируются родственными или фиктивными родственными связями и не имеют бюрократических структур. В вождествах обычно имеется только один или два уровня принятия решений над общей массой населения. Отмечается тенденция к преобладанию авторитета над грубой военной силой или институализированной властью (Skalnik 1996, 1999).

Постепенно было признано наличие значительного разнообразия среди вождеств (Renfrew 1974). К примеру, несмотря на то, что одни ученые рассматривали редистрибутивную экономику как одну из их главных черт, другие полагали, что в реальности экономика вождества была намного более разнообразна (1978, 1987). Ключевым моментом было то, что наделенные властью имели доступ к любым ресурсам, необходимым для воспроизводства существующей структуры. Данная характеристика отличает вождества от бигмэновских сообществ, где власть больше связана с харизмой и личными качествами и, следовательно, более ситуативна и менее воспроизводима по прошествии времени. Основываясь на более раннем сравнительном анализе, в недавних работах описываются «корпоративные вождества», в которых правление было сконцентрировано не в руках отдельных вождей, но осуществлялось советниками и иногда было оформлено в виде строгих общественных сводов правил поведения (Blanton *et al.* 1996; Feinman *et al.* 2000).

Имплицитное допущение неэволюционистов о том, что вождества – это ступенька или промежуточная станция на историческом пути формирования государства, также подверглось большой критике. Археологические исследования, часто в сочетании с этнографическими, проводимые в Карибском бассейне, Центральной Америке, в северной части Южной Америки, восточной части Северной Америки, а также в Африке и Полинезии, показали, что вождества существовали веками и даже тысячелетиями (Drennan and Uribe 1987; Redmond 1998). И хотя отдельные вождества могут возвышаться и приходить в упадок, вождество как организационная формация выдерживает испытание временем. В других регионах, таких как доиспанская Мексика и Анды, продукты распада более ранних государств также обозначались как вождества, так как они были сравнительно небольшими, иерархически организованными, но не бюрократизированными (Costin и Earle 1989). Другие же окрестили эти балканизированные политии «малыми государствами» (*petty-states*) или «городами-государствами» (*city-states*) (Brumfiel 1983), с учетом того, что они часто обладают чертами (стра-

тификация, письменность, рынки), нетипичными для вожеств. И хотя подобные соотношения между исторической последовательностью и структурой, несомненно, важны, исходя из организационной политики или политических структур, малые государства и вожества имеют важные параллели. Таким образом, многие вожества, некогда названные нестабильными, оказались устойчивыми и просуществовали на протяжении длительного времени – столетий и даже больше. В других работах описывается историческая временная цикличность между вожествами и более или менее иерархичными формами (Leach 1954; Southall 1956). Важно отметить, что не существует единой однопольной траектории изменения, когда речь заходит о подобных колебаниях (Feinman 1998: 102).

Недавнее увлечение неэволюционистами концепцией раннего государства теперь пошло на спад с осознанием того, что многие из соответствующих политических образований, называемые «королевствами» или даже «империями», в действительности могли и не быть сильными, интегрированными политическими единицами, какими мы их иногда считаем (Brumfiel 1992). Например, значительное число «зачаточных» ранних государств не сохраняло свою целостность, а распалось на более мелкие, но более жизнеспособные единицы, потому что им не хватало необходимых свойств, таких как эффективные механизмы принуждения (монополия на насилие или ее угроза), систематическое налогообложение, полноценная бюрократия или развитая социально-имущественная стратификация. В противовес этому многие централизованные политии существовали веками, даже не развивая черты государства. И все же они обладали наследственными или выбираемыми правителями, называемыми вождями, власть которых опиралась на политическую идеологию, религию и ритуал.

Что касается вождей и вожеств Африки, Океании и некоторых частей Азии и Южной Америки, то они никогда не переставали существовать. Колониальное правление Запада и последующие современные независимые государства были не в состоянии или не считали возможным избавиться от них. Политика «косвенного правления» переводила вожества в более низкую категорию колониальной политики, но, парадоксально, это и позволило им выжить. В некоторых случаях колониальные правители и следующие за ними независимые режимы предпринимали попытки упразднить местные вожества и «королевства». Некоторые из них, такие как хорошо известные Буганда и Моого (в Буркина Фасо), были недавно восстановлены. Тот факт, что эти вожества, кланы или королевства существуют и сегодня и функционируют в тени современного государства, очевидно, не может не заинтриговать. Так как сегодня во многих частях света государство не удовлетворяет основным демократическим ожиданиям, люди обращаются к существующим вожествам за помощью. Люди помнят о долговечности подобных политий и, что более важно, в них учитываются местные корни. Вожества (по

крайней мере, некоторые из них) представляют в этом смысле более надежную политическую систему. Это привело к тому, что западный мир начинает осознавать культурные и социальные особенности менее формальной, открытой политики даже в сфере либеральной демократии. Призыв к автономии в таких унитарных государствах-нациях способен оживить некоторые из принципов более прямой демократии, свойственной некоторым вождествам.

Возвращение вождества на арену мировой политики во многих африканских государствах не было беспроблемным. Например, в Гане «конфликты кланов» тесно связаны с конституционными соглашениями, определяющими отдельные области как историческую территорию вождеств. Однако способность перемещаться и обосновываться где угодно в колониальном и постколониальном государстве создала ситуации, когда «чужаки» поселялись во многих местах, обычно с разрешения местных правителей, но с увеличением их количества росло и напряжение (Skalnik 2002). Еще одно интригующее проявление – вожди и вождества обладают, скорее, большим, нежели меньшим престижем в таких странах, как Гана. Для многих африканцев, получивших современное западное образование, стать вождем – заветная личная цель. В некоторых сложных вождествах Ганы (Ашанти, Гонья) вожди – это обычно хорошо образованные люди, но они не видят никаких противоречий в поддержке идеологии вождества.

В Камеруне вожди, возглавляющие исторически сильные вождества в северо-западной части страны, иногда присоединяются к ведущей политической партии и выполняют важные функции в управлении, но поступают они так, в первую очередь, потому, что хотят защитить и укрепить положение своего вождества. И, несмотря на их заявления о своем нежелании вмешиваться в дела национальной политики, они делают это с целью укрепить и даже увеличить силу и сферу влияния политики своего вождества. Уничтожение апартеида в Южной Африке было воспринято наследными вождями как возможность получить новую роль вне маргинальной и подчиненной позиции, занимаемой ими в политической жизни бантустанов в предыдущие годы. Вожди являются членами национальной организации и соперничают за закрепленные места в различных представительских органах. Их требования, по-видимому, опираются на идеологию и риторику африканского ренессанса. Истинное африканское освобождение для них немислимо без вождей. Проблемы, конечно, могут возникнуть, когда, к примеру, все граждане Южной Африки, говорящие на языке свази, будут считать себя подданными короля Свазиленда, являющегося главой другого независимого государства. Заявление о том, что граждане отдельной страны являются субъектами неотрадиционных вождеств, чье высшее руководство находится в другой стране, – это особенно острая проблема в сегодняшних реалиях политической жизни Африки. В целом, роль и должность вождя часто идеологически

идентифицируются с самой сущностью и выживанием общества – как в некоторых случаях в Африке, таких как ежегодные ритуалы возрождения народа свази или практика наследования среди членов племени нанумба в Северной Гане.

За пределами Африки вождеская политика, уходящая корнями в традиционное политическое устройство, встречается в арабском мире, особенно в районе Персидского залива, где большинство современных суверенных государств, по сути, являются прямыми наследниками доколониальных вожеств, или эмиратов. В Афганистане и на северо-западной границе Пакистана, в некоторых частях Индии, Бирмы, на севере Таиланда, в Лаосе и даже Вьетнаме существование вождеской политики вполне обычное дело. Бутан – королевство, управляемое как вождество. Недавнее освобождение Афганистана от теократического централизованного правления Талибана позволило укоренившимся вождеским кланам вновь заявить о своих претензиях на власть и бросить откровенный вызов слабому центральному государству под управлением Карзайа. Это не удивительно, так как афганские освободительные движения годами боролись против российской оккупации и талибы изначально были организованы как военные вождества.

В Федеративных Государствах Микронезии некоторые островные государства отвергали идею съезда вождей только потому, что местное население не хотело, чтобы их вожди собирались вместе с современными политиками и руководителями (Peterson 1997). В Полинезии, однако, такие страны, как Западное Самоа и Тонга, являются монархиями, где вожди доминируют или влияют на политику. Глава государства Самоа с 1963 г. – вождь Танумафили II Малиетоа, а *Фоно* (законодательная ассамблея) состоит исключительно из *матаи* (вождей). Тонга официально является независимым государством, но в реальности функционирует как неотрадиционное вождество. Вожди являются главными членами Тайного Королевского Совета, а 9 из 30 членов законодательной ассамблеи – титулованные лица или вожди. На Фиджи, официально являющемся республикой, где местное австронезийское население пытается примириться с многочисленными иммигрантами из Индии, реальной властью обладает Большой Совет Вождей (*Bose Levu Vakaturaga*), учрежденный в 1997 г. Актом по делам Фиджи (*Fijian Affairs Act*). Этот совет вождей назначает и снимает с должности президента и вице-президента и назначает 14 из 32 членов сената. Национальное голосование обеспечивает попадание нескольких вождей в число 71 члена Законодательной Ассамблеи. На управляемой Новой Зеландией Токелау члены Общего Фоно избираются *Таутулега* (Советом Старейшин) с трех атоллов. Наконец, в самой Новой Зеландии сейчас обсуждается некоторая форма юридического статуса для вождей маори.

Как следует из всех этих примеров, вождества оказались более долговечными и стабильными, чем изначально полагали неоеволюционисты. Вождества не только дожили до настоящего времени, но в

странах, где государство пришло в упадок или не справилось с выполнением даже минимальных обязанностей, вождества все более активно берут на себя политические функции, подтверждая ту важную социальную и культурную роль, которую они всегда играли. Неудивительно, что сторонники вождества делают акцент на долговечности и схемах выработки консенсуса в процессе принятия решений как двух наиболее важных характеристик данной формы политического устройства. Интересно, что сторонники негосударственных, более неформальных организаций на Западе призывают именно к укоренившимся в культуре и непосредственным формам социального и политического взаимодействия.

По этой причине научные споры о вождествах в прошлом и настоящем являются полезной основой для рассмотрения разнообразных радикальных движений, балканизированных политий, военизированных группировок и зарождающихся негосударственных образований, функционирующих в мире сегодня. Эта основа должна помочь нам проверить широко распространенное предположение, что подобные образования являются отклонениями от нормы, внутренне нестабильны или вряд ли переживут своих нынешних лидеров. Разве невозможно предположить, что вождества могут быть долгожителями и в наше время, так же, как и в прошлом? Если говорить об известных нам вождествах, то каковы экономические основы, обеспечивающие их продолжительное социальное воспроизводство, и какие внутренние или внешние процессы способны подорвать их целостность и устойчивость? Вождества уже не определяются одной только редистрибуцией, но обладает ли экономика вождества специфическими чертами, отличающими его от экономики государства? Что можно сказать о природе и видах имущественного неравенства, и каким образом оно влияет на развитие вождества?

Археологические и исторические исследования уже показали, что историческая последовательность и условия, предшествующие появлению, могут находиться в определенном соотношении с различными моделями вождеской организации и структуры. Например, в высокогорных областях Центральной Мексики малые государства или вождества, процветавшие после упадка урбанизированного государства в Теотиуакане (700–1300 гг. до н. э.), имели четко выраженный слой элиты, обладали письменностью и к концу этого периода, как раз предшествовавшего подъему империи ацтеков, были вовлечены в сеть региональных торговых отношений (Brumfiel 1983). Подобные черты обычно нетипичны для вождеств, предшествующих возникновению или утверждению государства. Как это знание может пригодиться сегодня? И обратно, может ли изучение современных вождеских образований и их отношений с существующими государствами пролить свет на то, что произошло в Мексике много веков назад?

Какое воздействие могут оказать на сегодняшние небольшие иерархические группы историческая случайность и новые технологии, такие

как письменность и спутниковая связь? Многие прежние вождества хотя бы частично зависели от личных взаимоотношений; означает ли это, что правление вождя всегда основывалось на авторитете, а не на грубой силе? Подобные вопросы обсуждаются сегодня в отношении пуштунского мира, где большая часть населения безграмотна, а легенды о героических подвигах сохраняются в устной форме. Усложняет ли контроль над политической ситуацией использование боевыми командирами спутниковой связи, когда личные встречи организовать затруднительно?

Какие средства традиционно использовали и используют вожди для утверждения своей воли? Каковы организационные последствия деспотии в использовании личной власти, силы, если противопоставить это тирании «справедливости» или большинства? Возможно ли существование вождеств, не представленных конкретным вождем? Одни из нас считают, что некоторые большие пуэбло доиспанского периода на юго-западе США, например, в каньоне Чако, характеризуются иерархичностью процесса принятия решений и были организованы как вождества (Feinman *et al.* 2000). Все же на территории большей части подобных пуэбло многие из признаков власти вождя (богатые погребения и искусно отделанные резиденции) встречаются редко или отсутствуют вовсе. Является ли показательная демонстрация богатства или силы необходимым атрибутом власти вождя сегодня? Или, к примеру, может ли сила религии стать более мощным мобилизующим фактором?

Так как все вождества и прошлого, и современности являются частью более широких сетей по обмену товарами, людьми и идеями со своими соседями, а иногда даже прилегающими государствами и империями, представляется продуктивным исследовать, как такие связи влияли на развитие вождеств. Сказывалось ли географическое положение вождеств относительно государств на способы обеспечения ресурсами? Можем ли мы сказать, что известные нам вождества были более или менее способны просуществовать, располагаясь в непосредственной близости от государств? Можем ли мы определить периоды роста и спада в этих отношениях? Есть ли организационные отличия между вождествами, экономически зависимыми от производственной деятельности (в частности, аграрные экономики), и вождествами, чье существование принципиально зависит от циркуляции товаров и доступа к сетям обмена? Подобными вопросами мы стремимся не только преодолеть дисциплинарные барьеры в академических языках, которые мы используем для описания политической деятельности и процессов, но и создать сопоставимый ряд теорий и вопросов, способных выйти за пределы несколько искусственных границ, отделяющих прошлое от настоящего, традиционное от современного и западный мир от остального.

ВОПРОСЫ, ТЕМЫ, ГИПОТЕЗЫ

Цель повторного рассмотрения работ исследователей в области археологии, антропологии, истории и политики состоит не только в простом

сопоставлении представленных в них определений вождества. Поскольку мы заново оцениваем расстановку сил в современном мире, нам надо знать, в какой мере понимание прошлого может дать нам информацию о сегодняшней ситуации. Встает вопрос: возможно ли более плодотворно изучать многочисленные и постоянно меняющиеся формы негосударственной политики, встречающиеся в мире сегодня, если учитывать историю подобных политий в ранние периоды? Напротив, мы стремимся выяснить, может ли знание о давно исчезнувших политических образованиях стать более важным, если уделять больше внимания фактическому развитию неформальных политий в мире в настоящее время.

Мы бы хотели найти пути решения этой сопоставительной задачи через выявление серии ключевых вопросов, из которых может возникнуть несколько тем. Первый вопрос, вполне очевидно, это вопрос границ, так как можно обнаружить большое разнообразие в понимании вождества в разных областях науки. Хотя нам не следует давать какие-либо предписания по данному вопросу, необходимо согласовать некоторые основные критерии. Насколько большим и рассредоточенным может быть вождество? В какой степени средства коммуникации и транспорт влияют на форму, которую примет группа? До какой степени может увеличиться или, наоборот, уменьшиться такое сообщество, до того как оно перестанет функционировать как вождество?

Поэтому второй вопрос касается вариативности, так как и здесь, очевидно, не существует единой модели. Можно ли сравнивать вождества с сильно отличающимися размерами и масштабом? Законно противопоставлять те, которые просуществовали всего несколько десятилетий, с теми, что существовали столетиями? Насколько далеко мы можем закинуть наши сети? Существует ли риск, что мы распространим понятие на слишком большое число политических группировок, таким образом, подрывая его пригодность в качестве аналитического инструмента?

Все это приводит нас к проблеме динамики, или, скорее, процесса. Иногда приводятся доводы, хотя все менее и менее убедительные, что так называемые традиционные политии были статичными. Даже самое поверхностное изучение подобных групп прояснило бы, что они не более статичны, чем другие, больших размеров или более современные. Тем не менее важно попытаться осмыслить, как развивались вождества прошлого и настоящего, и даже важнее нам понять, какие факторы могли вызывать те значительные или катастрофические изменения, которыми отмечен распад вождеств.

На что указывают подобные вопросы, так это, конечно же, на ключевую проблему взаимоотношений между структурой и следствием. Раз было признано, что неэволюционизм в этом отношении есть не что иное, как тупик, то отнюдь не просто уверенно продолжать движение в направлении возможных причинных связей между двумя этими переменными. Хотя было бы приятно думать, что можно сфор-

мулировать общие правила, историки, вероятно, будут утверждать, что первостепенное значение имеет окружающая обстановка. Вполне возможно, что между структурой и следствием не будет существовать значимой корреляции. Это остается для проверки не только в рамках соответственно нашей дисциплины, но также посредством сравнительного анализа либо существовавших в одну эпоху, либо кросс-исторических случаев.

Помимо этих основных проблем, есть и некоторое количество других вопросов, к которым сравнительное исследование вождеств должно обратиться более конкретно. Первый, и вероятно наиболее важный, это вопрос природы авторитета и власти. Хотя в целом признается, что такие политии основаны на родстве (реальном или мнимом) и что они лишены бюрократии, все еще существует множество возможных форм правления. Каким образом мы определяем типы и уровни власти? Насколько решающими являются личные качества вождя? Какую роль играет харизма? Наконец, каким образом власть воспроизводится на протяжении поколений?

Вопрос власти, естественно, связан с вопросом легитимности. Пока на общем уровне часто утверждается, что вожди должны сочетать земные и магические качества, в реальности как природа этих двух типов власти, так и их сочетание подвержены значительным вариациям. Фактически, вполне может оказаться, что некоторые отдельные вождества не имеют «религии» и вместо этого опираются на другие формы идеологии – национализм или терроризм например – для того, чтобы закрепить и развивать связи, которые делают их законными в глазах своих членов.

Структура властных отношений внутри любого вождества, вполне естественно, связана с его экономической основой. Следовательно, решающим для понимания того, каким образом подобные политии развиваются и сохраняются, является способ получения и использования ресурсов. Здесь также очевидно, что существуют очень большие различия как в способах, которыми они добываются, так и в том, насколько важными они являются для функционирования вождества. С одной стороны, как в прошлом, так и в настоящем существуют стабильные общества, в которых обмен (и/или дарение) ограничен, хотя и, возможно, важен символически. С другой стороны, существуют движения или сети (как мафия), возможно, вождеские по свойствам, но в других отношениях вовлеченные в трансконтинентальную торговлю, подкрепленную одновременно личными и технологическими сетями.

Одинаково важен вопрос редистрибуции. Обычно утверждается, что вождества характеризуются высоким уровнем перераспределения ресурсов. Современные неопатримониальные отношения, например, основаны на способности вождя постоянно подкреплять сети, от которых зависит их власть. Впрочем, мы также знаем, что существует громадное неравенство в вождествах как прошлого, так и настоящего. Существуют ли здесь границы, за пределами которых такие политические единства начинают

распасться? В равной степени, могут ли вождества регулировать значительное благосостояние или социальную стратификацию?

Наконец, есть некоторое количество вопросов, связанных со взаимодействием между вождествами и более сложными политическими структурами – государствами, царствами, империями и т. д. Сегодня, как и раньше, группы, с которыми мы имеем дело, функционируют как на границах, так и внутри таких больших политических единств. Следовательно, нелишне попытаться определить стратегии, используемые вождествами, чтобы плыть по обманчивым водам «международных» отношений. Сейчас, как и прежде, существует постоянная борьба между потребностью вождества в автономии и «империалистическими» амбициями больших политик. Впрочем, вопреки здравому смыслу, борьба отнюдь не неравная. У вождеств есть долгая история существования, доказывающая, что некоторые из их стержневых свойств вполне могут сделать их способными к выживанию и адаптации к превратностям «мир-системы», которой они противостоят.

Конечно, это только некоторые из вопросов или тем, вокруг которых можно провести продуктивный сравнительный анализ вождеств сквозь временные периоды и географические районы. Это, скорее, инструменты для использования, чем предписываемые характеристики, которые мы могли бы надеяться включить в нашу сопоставительную работу. Тем не менее они предполагают возможность разработки методологии, предоставляющей данные о таких небольших, неформальных и легко приспосабливаемых образованиях.

ВЫВОДЫ

Политические формации типа вождеств сегодня очень часто соревнуются с громоздким, сверхбюрократизированным государством за преданность своих членов. Вследствие неформальности своих социальных отношений, личного характера общественной сферы, более согласованного процесса принятия решения и самой природы лидерства, основанного, скорее, на авторитете, чем принуждении, вождества часто оказываются более подходящими для людей в их поиске непосредственных форм управления. Иерархия в вождествах более отчетлива, наследственный или выборный принципы назначения на должности просты и приемлемы. С другой стороны, некоторые вождества могут стать самодостаточными, изоляционистскими элементами социального взаимодействия, которые рассматривают мир вокруг них как враждебный. Таковы криминальные или террористические организации, которые либо желают разрушить государство, либо захватить власть.

Поэтому понятно, что не может быть простого подхода к вопросу о будущем вождества. Пока многие будут утверждать, что они обеспечивают более приемлемый вид политического и социального взаимодействия, другие отпрянут при виде их потенциального вреда. В этой связи оказывается, что вождества, как и любые другие формы челове-

ческих политических институтов, могут быть либо более «демократическими», либо более «тираническими». Хотя не следует смотреть на них слишком идеалистически, как на решение трудноразрешимых политических проблем современности, также было бы неразумно отвергать их как архаические пережитки далекого прошлого, девиантные или мутантные формы в мире, где предполагается господство либеральной демократии.

По крайней мере, мы можем стремиться развивать язык для понимания таких разнообразных и сложных политических группировок, который пересечет границы дисциплин. Или, скорее, даст возможность ученым из различных областей понять работу других, а также создать аналитические инструменты, облегчающие анализ, несомненно, одной из наиболее интересных и устойчивых политических организаций, которые когда-либо существовали в мире.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Впервые опубликовано в журнале *Social Evolution & History*, март 2004, т. 3, № 1, с. 22–40 на английском языке под названием «Beyond States and Empires: Chiefdoms and Informal Politics». Перевод выполнен по указанному изданию.

ЛИТЕРАТУРА

Blanton, R. E., Feinman, G. M., Kowalewski, S. A., and Peregrine, P. N. 1996. A Dual-Processual Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization. *Current Anthropology* 37: 1–14.

Brumfiel, E. 1983. Aztec State Making: Ecology, Structure, and the Origin of the State. *American Anthropologist* 85: 261–284.

1992. Distinguished Lecture in Archaeology: Breaking and Entering the Ecosystem – Gender, Class, Faction Steal the Show. *American Anthropologist* 94: 551–567.

Carneiro, R. L. 1978. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion. In Cohen, R., and Service, E. (eds.), *The Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution* (pp. 205–223). New York: Columbia University Press.

1981. The Chiefdom: Precursor of the State. In Jones, G. D., and Kautz, R. R. (eds.), *The Transition to Statehood in the New World* (pp. 37–79). Cambridge: Cambridge University Press.

Chabal, P. 1992. *Power in Africa: an Essay in Political Interpretation*. Basingstoke/New York: Macmillan/St. Martin's.

Chabal, P., and Daloz, J-P. 1999. *Africa Works: Disorder as Political Instrument*. Oxford/Indiana: James Currey/Indiana University Press.

Costin, C. L., and Earle, T. K. 1989. Status Distinction and Legitimation of Power as Reflected in Changing Patterns of Consumption in Late Prehispanic Peru. *American Antiquity* 54: 691–714.

Drennan, R. D., and Uribe, C. A. (eds.) 1987. *Chiefdoms in the Americas*. Lanham: University Press of America.

Earle, T. 1978. Economic and Social Organization of a Complex Chiefdom: The Halelea District, Kaua'i, Hawaii. *Anthropological Papers* 63. Ann Arbor: Museum of Anthropology.

1987. Chiefdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective. *Annual Review of Anthropology* 16: 279–308.

1997. *How Chiefs Come to Power. The Political Economy in Prehistory*. Stanford: Stanford University Press.

Feinman, G. M. 1996. Chiefdoms and Non-industrial States. In Levinson, D., and Ember, M. (eds.), *Encyclopedia of Cultural Anthropology* (pp. 185–191). New York: Henry Holt and Company.

1998. Scale and Social Organization: Perspectives on the Archaic State. In Feinman, G.M., and Marcus, J. (eds.), *Archaic States* (pp. 95–133). Santa Fe: School of American Research Press.

Feinman, G. M., Lightfoot, K. G., and Upham, S. 2000. Political Hierarchies and Organizational Strategies in the Puebloan Southwest. *American Antiquity* 65: 449–470.

Feinman, G., and Neitzel, J. 1984. Too Many Types: an Overview of Sedentary Pre-state Societies in the Americas. In Schiffer, M. B. (ed.), *Advances in Archaeological Method and Theory*. Vol. 7 (pp. 39–102). New York: Academic Press.

Hart, H. 1948. The Logistical Growth of Political Areas. *Social Forces* 26: 396–408.

Leach, E. R. 1954. Political Systems of Highland Burma. A Study in Kachin Social Structure. Boston: Beacon Press.

Oberg, K. 1955. Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America. *American Anthropologist* 57: 472–487.

Petersen, G. 1997. A Micronesian Chamber of Chiefs? In White, G., and Lindstrom, M. (eds.), *Chiefs Today: Traditional Pacific Leadership and the Post-colonial State* (pp. 183–196). Stanford: Stanford University Press.

Redmond, E. M. 1998. *Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas*. Gainesville: University Press of Florida.

Renfrew, C. 1974. Beyond a Subsistence Economy: The Evolution of Social Organization in Prehistoric Europe. In Moore, C. B. (ed.), *Reconstructing Complex Societies* (pp. 69–85). Supplement to the American Schools of Oriental Research 20. Cambridge: Cambridge University Press.

Sahlins, M. D. 1958. *Social Stratification in Polynesia*. Seattle: University of Washington Press.

Service, E. R. 1962. Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective. New York: Random House.

Skalnik, P. 1996. Authority versus Power: Democracy in Africa Must Include Original African Institutions. *Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law* 37–38: 109–121.

1999. Authority versus Power: a View from Social Anthropology. In Cheater, A. (ed.), *The Anthropology of Power. Empowerment and Disempowerment in Changing Structures* (pp. 163–174). London: Routledge.

2002. The State and Ethnopolitical Identities: the Case of Community Conflicts in Northern Ghana. *Nouveaux Mondes* 10: 141–166.

Southall, A. W. 1956. Alur Society. A Study in Processes and Types of Domination. Cambridge: Heffer.

***Ритуал и рациональность:
корни бюрократического государства
в Древнем Китае****

Ричард Баум

университет Калифорнии, Лос-Анджелес

В каждом первобытном обществе без исключения постулируется существование божественных существ и сверхъестественных сил... которые благоприятно или неблагоприятно реагируют на специфические поступки человека.

Э. Адамсон Хебель (Hoebel 1954)

Ритуалы избавляют от беспорядка, как дамбы предотвращают наводнения.

Книга Обрядов (Legge 1885)

ВВЕДЕНИЕ

С самого появления первых урбанизированных центров как мест концентрации политической власти в эпоху позднего неолита монархи отличались от других обладателей власти преимуществом предполагаемого обладания священным мандатом, или «харизмой», которая отличает их от остальных (Dawson 1958: 109). В примитивных государствах харизматическая способность монарха оценивалась, по большей части, в связи с их предполагаемой способностью общаться с небесными духами (Beattie 1964: 227). Поскольку способность общения с духами означала способность направлять внимание небес на земные дела – и, таким образом, изменять (или по крайней мере предвидеть) течение последних, – духовное могущество правителей заключало в себе ключевой компонент архаического процесса политической легитимизации; фактически такое могущество формировало самый ранний, самый распространенный источник «согласия поданных» (Cohen and Service 1978: 31).

В данной статье исследуются религиозные основы и эволюция инструментов политической легитимизации в Древнем Китае. В первой части мы рассмотрим отношения между архаической духовной культу-
Баум Р. / Ритуал и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае, с. 244-266

Ритуал и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае 245
рой и появлением института монархии в период, предшествующий эпохе Воюющих Царств (1100–500 до н. э.). Связав древнекитайский культ поклонения предкам с двумя наиболее важными стратификационными инструментами, которые появились в эту эпоху – патрилинейным родством и патрилинейным происхождением, – мы покажем в данном разделе, каким образом архаичные религиозные верования и практики сыграли ключевую роль в легитимизации китайского политического устройства в доимперский период.

Во втором разделе мы рассмотрим рутинизацию божественной (харизматической) политической власти, которая произошла в эпоху Воюющих Царств и ранней империи (550 до н. э. – 200 н. э.). Именно в этот период ряд китайских религиозных верований и практик, например, ритуалы, связанные с Тянь-Мин – Небесным мандатом – и умением прорицателей интерпретировать благоприятные предзнаменования, были лишены своего древнего духовного содержания, чтобы стать светским инструментом политической легитимизации в руках действующих в своих интересах придворных космологов и конфуцианской образованной элиты. По этим взаимосвязанным процессам священной рутинизации, ритуальной секуляризации и династической легитимизации мы исследуем важные характеристики процесса формирования и начальных этапов развития традиционного китайского бюрократического политического устройства.

О ПРАВИТЕЛЯХ, ДУХАХ И АРХАИЧНОЙ ВЗАИМОДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ НЕБА И ЗЕМЛИ

Как уже отмечалось ранее, идея о том, что невидимые небесные силы влияют на события на земле, по-видимому, является универсальной в первобытных и традиционных обществах. В Древнем Китае верили, что боги и духи способны очень сильно повлиять на течение социальных и природных процессов¹. Божества не прямо говорили с человеком, а проявляли себя, скорее, косвенно, посредством того, что Макс Вебер называл «системой правления на земле». Когда боги были довольны, благосостояние человека увеличивалось; когда они злились или беспокоились – катастрофы были гарантированы. Люди верили, что все неблагоприятные события были признаками нарушения «божественной гармонии Неба и Земли» (Вебер 1951: 2).

Воля Неба передавалась на Землю посредством иерархии добрых духов (*shen*) и злых демонов (*gui*). Эти божественные посланники среднего и низшего звена, хотя и по-своему довольно могущественные, были далеки от всемогущества; магическими силами их влияние могли уменьшить шаманы и жрецы, которых Вебер называл «харизматическими компетентными посредниками», – люди, которые специализировались на толковании намерений духов, проводили соответст-

вующие церемонии и приносили жертвы, необходимые для того, чтобы их умилоствить.

Хотя божественных покровителей можно было умилоствить или воздействовать на них как-то иначе – через ритуальное жреческое ходатайство, – иногда они оказывались довольно упрямыми, безответственными или недостаточно могущественными, чтобы помочь своим земным просителям. Вебер называл такую ситуацию проблематичных властных отношений между людьми и духами «примитивной взаимностью»:

С такими духами люди общались на основе примитивной взаимности: такие-то ритуальные действия приносили такую-то пользу. Если покровительствующий дух оказывался недостаточно сильным, чтобы защитить человека, несмотря на все жертвоприношения и добродетели, он должен был быть заменен, поскольку поклонения заслуживает только действительно могущественное божество. В действительности, такие изменения происходили довольно часто. Более того, император даровал признание проверенным божествам как объектам поклонения; он жаловал им титулы и ранги, а порой снова понижал их в должности. Только проверенная харизма узаконивала божество... (с. 29–30).

Как главный земной предсказатель небесных намерений, сам царь был высшим священником в Древнем Китае. Он был Сыном Неба, Цзы, назначенный Верховным Божеством, Шан-Ди, и его обязанностью было приносить соответствующие и своевременные жертвы разным божествам, а также правильно толковать и реагировать на небесные знаки, чтобы обеспечить процветание своего народа.

Хотя официально он был Сыном Неба, правитель, тем не менее, должен был постоянно демонстрировать, подтверждать и обновлять свою собственную харизму. И если, несмотря на его добросовестное отношение к своим обязанностям, реки все-таки разрушали дамбы или дожди так и не начинались, это было достаточным свидетельством того, что у императора отсутствовали необходимые харизматические качества, требуемые Небом. В таких случаях предполагалось, что император публично выразит сожаление по поводу своих неудач.

В крайних случаях, если царь демонстрировал вопиющее невнимание к благосостоянию своих покровительствующих духов (например, если он не совершал необходимых жертвоприношений) либо своих земных подданных (например, облагал чрезмерными налогами или постоянно игнорировал ирригационные работы), что приводило к повсеместным бедствиям, несчастьям и неудовольствию людей, Сына Неба могли даже лишить харизматической мантии Тянь-Мин, Небесного Мандата. Такая «конфискация» выражалась в «законном» праве на восстание – и свержение – правящего монарха.

Таким образом, устанавливалась тонко сбалансированная взаимозависимость между небесными божествами наверху и земными правителями внизу. У каждого были определенное могущество и привиле-

Ритуал и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае 247
гии, и каждый должен был подтверждать и уважать юрисдикционную гегемонию другого.

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Поствеберовские аналитики в целом подтвердили центральность примитивной взаимности в религиозных ритуалах и практике Древнего Китая, а также исследовали политический символизм и значимость таких практик. Эмили Эхерн, например, утверждала, что многие жертвенные и священные обряды, встречающиеся в современном китайском обществе, можно проанализировать в качестве форм политической активности, то есть как попытки людей убедить, договориться или как-то иначе повлиять на нечеловеческие существа (богов или духов предков) таким же образом, как они пытаются повлиять на правительственных чиновников посредством политических действий (Ahern 1981: 4–5). Отмечая, что многие ритуализированные формы взаимодействия человек – божество оказываются созданными по образцу политических процессов, Эхерн допускает, что китайская религия «отражает систему государственного контроля». В обоих случаях процедуры доступа к высшей власти и к принимаемым решениям – в высшей степени «бюрократический» по своей сути, то есть формализованный, рутинизированный и иерархически организованный процесс (с. 97).

В поисках объяснения такого параллелизма Эхерн предположила, что священный ритуал, прямо подражая бюрократической процедуре, выполнял жизненно важную функцию «политической социализации» для большей части простых людей в китайском обществе, знакомя их с манерами и моралью бюрократизма и тренируя их в соответствующих приемах бюрократического прошения. Посредством изучения и практики правильного ритуального поведения в религиозном контексте, заключает Эхерн, люди могут в конечном счете надеяться увеличить шансы своего удачного обращения за защитой и поддержкой к «высшей власти» в политической сфере (с. 102–103). В этом отношении, заключает она, «отношения с богами можно рассматривать как репетицию, проигрывание навыков, важных в отношениях с земными системами власти» (с. 97).

Постулат Эхерн о взаимно поддерживающих, синтонических отношениях между религиозными ритуалами и бюрократическими процедурами продолжает в определенных ключевых моментах тему, поднятую несколькими годами ранее Джозефом Нидэмом, чей многотомный труд «Наука и цивилизация в Китае» содержит интересные наблюдения об очевидной бюрократизации определенных традиционных священных китайских практик.

Впрочем, в целом стойкий почитатель традиционной китайской мысли, Дж. Нидэм с презрением отвергает примитивный мистицизм и суеверие, воплощенные в классике древнекитайских предсказаний –

И-цзин (Книге перемен). Отнесясь к этой чрезвычайно влиятельной работе как аномальному отступлению от протонаучного натурализма классической китайской мысли, Нидэму пришлось поразмышлять о долгодетии и популярности И-цзин. Почему, вопрошает он, ранние конфуцианские ученые просто «не привязали камень к И-цзин и не утопили в море?» (Ронан и Нидэм 1978: 184)³. Он полагал, что ответ лежит в структуральной симметрии между китайской практикой предсказания и китайской политикой, и рассуждал, предвосхищая Эхерн, что влияние И-цзин, возможно, продолжалось именно потому, что ее символическая система ритуализированных священнодействий очень четко отражала административную организацию неоконфуцианской бюрократии (с. 187).

Основное суждение Нидэма заключалось в том, что, как и сама китайская бюрократия, И-цзин содержала структурный каркас для классификации разнообразных феноменов, это была «гигантская архивная система», которая вмещала все идеи и концепты, для того чтобы быть тщательно стилизованной и «легко вписаться в бюрократическую систему» (с. 187). В самом деле, утверждал Нидэм, И-цзин лучше всего описывать

... как устройство для направления идей в правильные каналы к правильным отделам, почти что небесная копия бюрократии на земле, отражение в естественном мире уникального социального порядка человеческой цивилизации, которая его породила... Не только потрясающая архивная система в И-цзин, но и «символические корреляции», где все имеет свое место и связано через «правильные каналы» со всем остальным, и что можно лучше всего описать как административный подход к природе (с. 188).

Как и Эхерн, Нидэм, таким образом, рассматривал традиционные китайские духовные ритуалы как эфемерные проекции человеческих поведенческих характеристик на сверхъестественные божества. Впрочем, в таком случае эфемеризированы и перенесены на своих «небесных двойников» были не *индивидуальные* человеческие черты, а, скорее, весь основной набор административных механизмов, которые характеризовали китайскую бюрократическую систему⁴.

ПРОТОБЮРОКРАТИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ И ПРИМИТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Примитивные культуры демонстрируют почти универсальную тенденцию очеловечивать свои божества (Weber 1951; Beattie 1964). Джон Битти приписывает эту склонность к антропоморфизму отсутствию в примитивном обществе достаточного объема эмпирических знаний, которые могли бы помочь людям справиться с ежедневными опасностями посредством практических, научно обоснованных приемов. Не имея таких приемов и, что более важно, не имея подходящей эпистемологии для открытия таких приемов, древний человек имел единст-

Ритуал и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае 249

венное убежище в очеловечивании своей духовной вселенной, пытаясь понять силы природы и, таким образом, обрести некоторый контроль над ними. Надеясь источник природного события (например, эпидемию оспы) квазичеловеческими свойствами (например, акт мести со стороны разгневанных богов), первобытные люди могли надеяться на своего рода социальные отношения с ним. Затем посредством заклинаний и жертвоприношений они могли попытаться изменить события, сделав их исход более для себя благоприятным (Beattie 1964: 227).

В случае с традиционным Китаем, духовная область была не просто очеловечена, но также и политически стратифицирована. Это отчетливо заметно в описании параллельных бюрократических иерархий Небес и Земли, сделанном С. К. Янгом:

Монарх на Небе был Императором... Его императорский двор состоял из звездных богов, а также верховных божеств буддистского и даосистского пантеонов. Подчиненными администраторами при небесном дворе были божества, воплощенные в природных элементах земли, таких, как горы и реки... Организация этой сверхъестественной власти копировала традиционное китайское правление с императором, обладающим высшей властью, шестью органами центральной администрации и разделением на административные области ...вплоть до округов и деревень и множеством простых душ в качестве подданных (1967: 144, 150).

К этому поразительному структурному изоморфизму между административными сферами Неба и Земли Фрэнсис Сю (Hsu 1981: 240–244) добавил важное *психологическое* измерение. Как он отмечает, китайцы традиционно очень сильно зависят от эмоциональной безопасности и социальной поддержки семьи и клана отношений, которые могут дать им гарантии от неопределенности в отношениях с удаленными (и, таким образом, безличными) имперскими властями. Разительный контраст между тесными семейными отношениями и доверием, с одной стороны, и бюрократической отчужденностью и недоверием, с другой, и, таким образом, порождаемый моральный дуализм четко отражены, настаивает Сю, в раздвоении китайского духовного мира. С одной стороны выстроены непосредственно духи умерших предков человека, обычно защищающие и благожелательные, но занимающие относительно низкое положение в общей иерархии духов; с другой стороны выстроены более удаленные и безличные (и, следовательно, более равноправные) главные божества, которые вместе составляют духовную «элиту», то есть небесную копию императорского двора.

Подобно тому, как китайцы традиционно использовали семейные связи в качестве буфера против неконтролируемой власти императора и его бюрократических чиновников, точно так же они старались заручиться поддержкой дружелюбных духов предков, чтобы те защитили от более удаленных и могущественных духов (или в качестве альтер-

нативы обратились к ним от своего лица как посредники). В таком случае психологические отношения людей с духами предков сильно напоминали договорную взаимосвязь подчиненных и начальников (Сю 1981: 250–251).

О ДУХАХ, ДОГОВОРАХ И БЮРОКРАТАХ

Основываясь на анализе пророческих надписей, выгравированных на черепахах животных и панцирях черепах в период позднего Шан (Инь) (II тыс. до н. э.), Дэвид Кейтли предположил, что функциональная логика ранних задокументированных китайских священных ритуалов была по своей сути протодоговорная и протобюрократическая:

Религиозная практика шанцев (иньцев) основывалась на вере в *do ut des* («даю, чтобы ты дал»), что правильная ритуальная процедура... приведет к благодеяниям от [Шан Ди, который] стоит на вершине иерархии духов... Насколько мы можем судить, отношения между членами [божественной] иерархии были, в терминах Вебера, «систематически упорядочены»; то есть правильное жертвоприношение обеспечивало требуемые ответы, а правильные ответы от духов вели, в свою очередь, к соответствующим благодарственным жертвоприношениям от царей...

Сама логика жертвоприношений и посвящений была часто бюрократической: характер приношений был написан на предсказательной кости или скорлупе, успех приношения зависел от правильного выполнения «предписанных обязанностей», правильного количества скота [принесенного в жертву] правильным предкам в правильный день... На гадательных костях предсказание было разделено на ряд отвлеченных и гипотетических утверждений, проверяющих и изучающих «за и против» по отношению к возможности одобрения духами. Эта готовность разделить предсказание на управляемые элементы... предполагает работу бюрократического менталитета (Keightly 1978: 214–216)⁵.

Интерпретация шанских прорицательных надписей, представленная Кейтли, подтверждает вывод о том, что культовые практики древних китайцев представляли собой, по сути, донаучные «технологии», применяемые с расчетом – в противовес примитивному способу – получить некоторый контроль, посредством задабривания духов, над теми могущественными силами природы, основополагающие принципы действия которых и «законы» примитивный человек просто не мог понять⁶.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Если древнекитайские ритуальные практики были, по сути, примерами примитивного инструментализма в действии, то тогда можно утверждать, например, что древняя доктрина «Небесного Мандата», Тянь-Мин, недооцениваемая современными исследователями как удобный политический миф, используемый династическими пропагандистами для легитимизации абсолютной императорской власти (или, наоборот, чтобы обосновать

Ритуал и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае 251 восстания народа против деспотической власти), может успешно рассматриваться как рациональный (в противовес донаучному) прием ограничения воли умерших предков⁷. Нет сомнений, что со временем Небесный Мандат стал инструментом политической рационализации и самооправдания в руках амбициозных политических деятелей и конфуцианских интеллектуалов, начиная с периода поздней Чжоу. Но, как отмечают многие исследователи, древняя духовная логика, лежавшая в основе первоначального концепта Тянь-Мин, очень серьезно воспринималась – фактически буквально – ранними китайскими царями и придворными деятелями (Creel 1970: 82–84; Ho 1975: 330–331; Chang 1976: 191–195).

Поскольку сюда входили примитивные верования в то, каким образом получить власть и контролировать духов предков, древнекитайские религиозные ритуалы дают важные ключи к пониманию происхождения и свойств китайского бюрократического политического устройства. Сутхилл (Soothill 1951: 73), например, отмечает, что определенные древнекитайские культовые практики, включая жертвоприношения земных правителей природным духам и предкам, ритуальную вспашку земли царями и церемониальные жертвоприношения во время новолуния, определенно служили политическим, а заодно и религиозным целям. Даже такие как будто бы светские научные действия, как календарное исчисление и метеорологические наблюдения, имели важное политическое применение. Так, распространение самого раннего китайского лунного календаря, по общему мнению, установленного правителями династии Шан, было, скорее, направлено на удовлетворение ритуальных требований харизматической священноориентированной династической элиты, чем на соответствие насущным экономическим нуждам земледельцев (которые в любом случае продолжали регулировать свою деятельность преимущественно по началу наводнений, дождей и цикличному появлению определенных звезд) (DeWoskin 1983: 7; Wheatley 1971: 385–386)⁸.

К IV в. до н. э. китайский календарь стал выраженным символом харизматического могущества династических правителей. Из-за символических ассоциаций каждая новая династия была вынуждена разрабатывать свой особый календарь (Eberhard 1957: 65). Таким образом, между 370 г. до н. э. и 1851 г. н. э. в Китае было официально распространено не менее 102 календарей (в среднем один новый календарь каждый 21 год – обычно в начале правления нового императора).

В дополнение к календарному исчислению многие другие «научные» функции приобретали ритуализированное политическое значение в Древнем Китае. К эпохе ранней Хань (208 г. до н. э. – 8 г. н. э.) китайские императоры обычно нанимали астрономов для записи и трактовки аномальных природных явлений (например, солнечных затмений и землетрясений), которые считались небесными предзнаменованиями надвигающихся несчастий для династии. Из-за чрезвычайной политиче-

ской важности, придаваемой толкованию таких предзнаменований по доктрине Тянь-Мин, астрономы и составители календарей были в числе наиболее важных придворных чиновников в раннеимперском Китае (Ronan and Needham 1981: 79)⁹.

Говоря вкратце, древнекитайские церемониальные ритуалы, очевидно, обуславливали правила поведения и, в свою очередь, косвенно способствовали харизматической легитимизации (и окончательной бюрократизации) китайского династического государства. В этом отношении почти несомненно, что появившееся в Древнем Китае политическое устройство – по крайней мере вначале – получило существенный толчок и легитимность от предполагаемого небесного мира божеств¹⁰.

РИТУАЛЬНОСТЬ И РУТИНИЗАЦИЯ ХАРИЗМЫ

Ко времени эпохи Шан китайские цари правили благодаря предполагавшемуся у них наличию прорицательского дара. По существу, они были наследственными теократами, хотя принципы, регулирующие линию наследования, еще не были четко зафиксированы¹¹. И со времени династии Шан основной функцией всех китайских правителей была функция верховного священника или «главного прорицателя», чьей задачей было «умилостивить силы природы и, таким образом, сделать эффективными жертвоприношения» (Fitzgerald 1961: 41). Именно царь – и только царь – «делал возможными богатые урожаи и победы, благодаря тем жертвоприношениям, которые он совершал, ритуалам, которые он осуществлял, и предсказаниям, которые он делал» (Keightley 1974: 3)¹².

Хотя, как мы уже отмечали ранее, древние церемониальные ритуалы обеспечивали строгие поведенческие архетипы для прото-бюрократизации древнекитайского династического государства, сами архетипы были подчинены процессу постепенной эволюционной адаптации и «рутинизации». Макс Вебер первым убедительно показал, что дарованная небесами харизма, приписываемая заклинателям духов и другим специалистам по ритуалам в примитивных обществах, со временем неизбежно подвергалась воздействию рутинизации. «В чистом виде, – писал он, – харизматическая власть, можно сказать, существует только в процессе создания. Она не может оставаться стабильной, но становится традиционализированной, либо рационализированной, либо и той, и другой» (1947: 364).

Рутинизация сделала возможным сохранить архаические ритуальные формы примитивного религиозного выражения, одновременно лишая их первоначального духовного содержания. Это в точности то, что имел в виду Вебер, когда писал, что на поздних стадиях эпохи китайской империи, официальные жертвоприношения и общественные культы стали по большей части делом «общественного договора... лишенного всех эмоциональных элементов» (1951: 173)¹³.

Хотя теория рутинизированной харизмы предполагает, что с течением времени архаические религиозные символы имеют тенденцию терять свое священное значение, это не обязательно означает, что они становятся лишенными всех социальных функций или пользы. Как отмечал Вебер, рутинизированная харизма – это мощная сила, которую можно использовать, чтобы легитимизировать не только деятельность священников и других специалистов по «духовной коммуникации», но также политические институты, элиту, идеологию и экономические отношения собственности¹⁴.

Веберовское понятие рутинизированной харизмы обеспечивает одно средство урегулирования отмечаемого противоречия между религиозными корнями китайского династического государства и якобы секуляризированной политической культурой эпохи империи. К тому же это поможет объяснить эволюцию концепта Тянь-Мин от его архаического значения харизмы, дарованной небесами, которую божества могут аннулировать, до агностической, инструментальной доктрины моральной легитимности, используемой династическими элитами (или претендентами на звание династической элиты), чтобы оправдать сохранение (или свержение) имперской власти¹⁵.

Неизбежно морализация концепта Тянь-Мин сопровождалась его возрастающей секуляризацией. В руках конфуцианских ученых периода Воюющих Царств (403–221 гг. до н. э.) и позднее доктрина была лишена своей изначальной духовной основы прямого божественного вмешательства в человеческие дела. Мен-цзы (род. в 372 г. до н. э.), например, настаивал, что воля неба проявляется на земле только косвенно, через волю людей; и он утверждал, что божественный контроль над земными событиями начинается и заканчивается небесным актом передачи основателю новой династии (Eberhard 1957: 36–38). Соответственно, утверждал он, заботой самого Сына Неба становится обновление своей харизмы посредством мудрого и благополучного правления – светская цель, успешное достижение которой конфуцианские ученые приписывали своей уникальной квалификации и способности давать разумные советы императору.

Мен-цзы, таким образом, начал процесс моральной секуляризации концепта Тянь-Мин. Но завершился этот только лишь примерно 1500 лет спустя, когда неоконфуцианский философ Чжу Си (род. в 1130 г. н. э.) в период династии Сун явно изменил древний духовный концепт «почитания небес», который составлял изначальный теистический стержень концепта Тянь-Мин. Почтительность к небесам Чжу Си заменил своей собственной концепцией почитания, уходящей корнями в такие ценности этого мира, как пристойность и сыновняя привязанность. Таким образом, была достигнута окончательная секуляризация династической власти¹⁶.

Лишив концепт Тянь-Мин древнего духовного содержания и адаптировав его в соответствии со светскими, «гуманистическими» целями имперского правления, неоконфуцианская образованная знать в конце концов сформировала могущественную доктрину политической легитимности – доктрину, чья первичная религиозность с течением времени стала даже более рутинизирована, формализована и сохранилась нетронутой в плане ритуалов. Как результат, император становился все более зависимым от добросовестного, регулярного совершения тщательно продуманных и высоко стилизованных ритуальных жертвоприношений, чтобы поддержать свой тщательно культивируемый политический образ Сына Неба¹⁷.

Возрастающая помпезность и стерильное величие концепта Тянь-Мин является убедительной иллюстрацией типа «светского ритуализма», предсказанного веберовской теорией рутинизированной харизмы. Впрочем, теория Вебера не может далеко продвинуть нас в попытках разрешить главную загадку, упомянутую ранее: если все более формализованные религиозные ритуалы служили возрастающей светской роли легитимизации династии, тогда чем объяснить сохраняющуюся чрезвычайную популярность архаических культов предков и примитивных предсказательных ритуалов среди **простых** людей в **современном** Китае? Никакой концепт рутинизированной харизмы, никакая теория «остаточного культурного формализма» не могут дать удовлетворительного объяснения выживанию и продолжающемуся активному церемониальному использованию сотен тысяч храмов предков, вмещающих множество фамильных склепов в сельской местности в современном Китае¹⁸.

Теория рутинизированной харизмы не объясняет также особые политические и административные формы и структуры Китайского государства при его переходе от патримониальной теократии к имперской бюрократии. Чтобы объяснить появление этих форм, мы обращаемся далее к обсуждению связи религии и социально-политической стратификации в доимперском Китае.

ИЕРАРХИЯ ДУХОВ И КУЛЬТ ПОКЛОНЕНИЯ ПРЕДКАМ

Ключевой переходной структурой, связывавшей древнюю китайскую теологию с поздней конфуцианской социальной стратификацией, был ритуализированный культ поклонения предкам. Как мы видели, поздние представители династии Шан верили, что духи умерших основателей династии способны влиять на могущественные божества (вплоть до самого Шан Ди), чтобы обеспечить помощь небес, среди прочего, в получении богатых урожаев и победах на поле боя. Посредством ритуальных молитв и приношений зерна, ячменного пива и мяса животных последующие поколения правителей Шан старались умилостивить духов своих ушедших царственных предков, а также посредством «протек-

Ритуал и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае 255
ции» последних предсказать земные замыслы высших божеств. Таким образом цари могли продемонстрировать свою «власть» над природой и миром духов и, таким образом, легитимизировать свои харизматические притязания на использование светской власти (Keightly 1978: 213).

Тем не менее не все духи предков считались одинаково могущественными, благожелательными или достойными жертвоприношений. Чем больше лет назад умер конкретный предок и чем ближе его прямые отношения с первыми правителями Шан, тем выше его статус на небесах и тем больший жертвенный «трофей» он получает на церемониальных подношениях. Однако парадоксально, что чем выше «старшинство», то есть возраст и ранг, умершего предка, тем более безлично и беспристрастно будет использоваться его могущество (Keightly 1978: 218; Hsu 1981: 240–244)¹⁹.

Хотя частота и материальная ценность жертвенных приношений правителей династии Шан своим умершим предшественникам различались прямо пропорционально поколению и кровному родству с предками, очень редко живущие цари обращались напрямую к Верховному Богу Шан Ди. Шан Ди, насколько известно, не рассматривался как прямой родоначальник царского дома Шан²⁰. Вследствие этого очевидного отсутствия родства царственные прорицатели, по видимому, предпочитали приносить свои ритуальные дары более низким божествам (в основном прямым предкам семьи), которые предположительно были более благожелательно настроены по отношению к своим собственным родственникам (Keightly 1978: 218–219). Предполагают даже, что раз Шан Ди, скорее всего, не был кровно связан с царской династией Шан, то считалось, что *a priori* он не может быть благожелательно настроен на сохранение правления Шан; что как неродственный, «чужой», он может быть фактически не восприимчив к жертвенным стимулам или подкупу, предлагаемым царями Шан, и, следовательно, способен причинить вред династии (например, поддерживая нападения вражеских племен) – то, что уважающие себя, умиловленные соответствующим образом предки династии Шан и не помыслят делать²¹.

Независимо от точной степени покровительства предков и «надежности», которую цари Шан могли ожидать в конкретных случаях, иерархия умерших предков в соответствии с принадлежностью к определенному поколению представляет собой систематическую схему для дифференциации предполагаемой способности различных божеств; и в то же время она обеспечивает удобный указатель для выражения разной степени близости и родства божества. Но чтобы поддерживать такую схему в порядке и обеспечивать правильные жертвоприношения именно тем предкам, которые нужны, была необходима какая-то формальная классификационная система, или *генеалогия*.

Поскольку от жертвоприношений царским предкам напрямую зависело благосостояние их живущих потомков, и интересы поколений живых и мертвых были, таким образом, тесно переплетены, правителям Древнего Китая срочно требовалась система надежной идентификации кровного родства. Такую систему обеспечивал институт клановых имен, самое раннее появление которых отмечено в Китае в эпоху позднего неолита (Wu 1982: 21).

Клановые имена – это инструменты, созданные для того, чтобы разделять и отличать людей друг от друга в соответствии с их предками. С изобретением и записью клановых имен иерархия приписываемого духовного родства и потенциала могла быть более-менее точно соотнесена с различиями в происхождении. Генеалогия, таким образом, стала важным методом фиксации относительного ритуального статуса и жертвенных наименований для разных ветвей (и отдельных представителей) какого-либо кланового древа²².

Генеалогия также выполняла символические социальные/церемониальные функции. Например, календарные исчисления в период Инь сводились к десятидневному ритуальному циклу, который регулировал совершение жертвоприношений предкам. Так как правильное управление жертвоприношениями считалось исключительно важным для благосостояния династии, каждому последующему правителю династии Инь посмертно давалось новое имя, которое увязывало его происхождение по отцовской линии с соответствующей фазой в ритуальном цикле династического календаря (Chang 1976: 79–89).

Наконец, так как положение царя в социополитической системе было в значительной степени отражением ритуальных статусов и имен его умерших предков, генеалогический анализ умерших имел серьезные политические последствия для живущих²³. Учитывая, что власть династий зависела от происхождения, справедливо можно сказать, что политическая власть в Древнем Китае помещалась ни в бочке с порохом (или на лезвии меча), но на стволе родословного дерева. И, несомненно, по этой причине составление и запись династических родословных были объектом особой заботы, а фактически, возможно, одержимостью многих поколений китайских императоров, ученых, писателей и придворных чиновников²⁴.

РОДСТВО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

В обществах с хорошо развитым культом поклонения предкам – включая Древнюю Грецию и Рим, а также Китай и большую часть современной Азии и Африки – родословная обеспечивает важное чувство целостности прошлого и настоящего, неба и земли. В таких обществах культы предков помогают поддержать существующий социальный порядок через определение четких родословных подразделений, из которых состоит общество (Beattie 1964: 225–226).

Подобно тому, как почившие предки живущих китайских правителей были систематизированы и ранжированы для ритуального поклонения в соответствии с критерием старшинства поколения и чистоты кровной линии, так и живущие члены правящего клана ранжировались в соответствии с возрастом, поколением и степенью единокровности с царем (Но 1975: 292–295; Chang 1980: 175–189). Если родственники древних царей (обычно сыновья, дяди или двоюродные братья) отправлялись из царской столицы для основания новых городов (чтобы облегчить демографическое давление, открыть новые сельскохозяйственные территории или построить военные оборонительные сооружения), им давали особые фамилии, чтобы отметить их клановую принадлежность вместе с территориальным названием и чтобы обозначить их новые поселения. Одновременно царь даровал им ритуальные атрибуты и церемониальные регалии (включая повозки, барабаны, колокола, флаги и красочные шелковые одеяния), символизирующие их политический статус в правящей династии (Chang 1983: 16).

В своем новом поселении владелец нового удела воздвигал храм предков, где, несомненно, помещалась табличка с его собственным именем как основателя ветви рода. В свое время новые сегменты отделились от этой ветви, формируя вторичные (и третичные) территориальные роды, которые ранжировались в последовательной иерархии понижающихся политических и ритуальных статусов. Таким образом, система патримониальных землевладений Инь – самая ранняя из известных форм институционализированного территориального управления в Китае – отражает иерархию родственного статуса в рамках отдельной царской линии, иерархию, которая сама строилась, в первую очередь, в соответствии с патриархальной иерархией духов предков²⁵.

К концу II тыс. до н. э. в Китае было более сотни патрилинейных кланов, каждый со своим именем²⁶, а также собственным мифом о происхождении предков, своим собственным храмом предков, склепом и табличкой, своими собственными символическими атрибутами политической легитимности и своим собственным клановым духом и солидарностью.

Благодаря сочетанию сельскохозяйственной колонизации (и сопутствующей ей сегментацией родов), военным захватам и политическим союзам, размер территории центрального государства быстро увеличивался начиная с эпохи поздней Инь. Но это расширение имело двойственный для династических правителей, чья патримониальная/ритуальная власть неизбежно ослабевала геополитически, так как она переносилась все дальше и дальше от столицы царства к постоянно расширяющейся и еще более отдаленной границе династии²⁷.

Все больше и больше правитель не мог лично совершать все разнообразие церемониальных ритуалов, которые он, как Сын Неба, был призван осуществлять в каждом из территориальных доменов цен-

трального государства; все больше и больше власть территориального управления должна была делегироваться де-факто наместникам; также все больше и больше правитель был вынужден делиться выгодами от расширения династии – и приспосабливаться к различным региональным/специфическим интересам – со своими родственниками-землевладельцами²⁸; и все больше и больше даровались новые земельные владения, передаваемые по наследству, лидерам союзных племен или периферийных государств, которые даже не были кровно связаны с царской семьей, в обмен на предоставление военной помощи или обещания преданности в будущем (Ho 1975: 301–305).

По иронии, конечным результатом процесса династической экспансии было серьезное ослабление древнекитайского патримониально-теократического государства. Парадоксально, но жизнеспособность государства позднего Инь – раннего Чжоу была постепенно ослаблена именно его политическими/военными успехами. Как следствие, постепенно зародилась новая форма правления в Китае – феодализм, отмеченный институтом наследования феодальных владений (*feng jian*) и отчетливым сдвигом в балансе династической власти от царского центра к феодальной периферии²⁹.

Феодализацией китайского государства в эпоху западного Чжоу были посеяны семена окончательной династической дезинтеграции. Феодализм, по своей природе, редко оказывался успешным средством установления центральной власти над обширными территориями на длительные периоды времени (Creel 1970: 420)³⁰. И к эпохе Чун-цю центробежные силы выросли до той точки, когда недавно появившиеся политические/территориальные соперники стали вступать в открытые конфликты.

Эти дезинтеграционные процессы достигли своего пика во времена Воюющих Царств, когда соперничающие феодальные владетели, часто представляющие разные боковые ветви общего царского родословного дерева, открыто боролись за защитный покров Тянь-Мин³¹. В этой борьбе за имперское превосходство узаконивающий принцип родства стал настолько значимым, что обеспечивал полную занятость для множества странствующих ученых, занимающихся генеалогией. Эберхард писал об этом:

Верили феодальные владетели или нет в [Небесный] Мандат, правители и претенденты [одинаково] всегда... пытались установить свою легитимность. Соответственно, если один из феодальных владетелей подумывал о том, чтобы предъявить претензии на имперский трон, он должен был продемонстрировать, что его семья имела такое же священное происхождение, как и императорская, а возможно, и связана отдаленным родством. Таким образом, странствующие ученые оказывали ценную услугу в качестве создателей генеалогических деревьев. У каждой

из древних знатных семей уже имелось семейное дерево как необходимый элемент для жертвоприношения предкам. Но в одних случаях это дерево начиналось как ветвь императорского дерева... тогда как в других случаях первым предком было местное божество, которому поклонялись в родной стране семьи... Здесь вступали в игру ученые, превращая местные божества в людей и «императоров». Так знатная семья внезапно получала императорское происхождение... (Eberhard 1977: 48).

Хотя политизация кровного родства была доведена до крайности в период Воюющих Царств, это явление само по себе было отнюдь не уникальным для Китая.

Ввиду того огромного внимания, которое придавалось в Древнем Китае происхождению как ключу к легитимизации власти, здесь оставался всего лишь маленький шаг от политической традиции, которая подчеркивала классификацию предков на основе ранжирования по старшинству, до той, которая подчеркивала моральный долг молодых чтить старших, сынам почитать отцов, женам почитать мужей и живущим почитать мертвых – то есть традиции *сыновней почтительности* (*xiao*). И именно эта традиция, в свою очередь, обеспечивала централизованный, или моральный, стержень, которым идеологи конфуцианства старались последовательно связать три мира – духов предков, родовых групп и имперской бюрократии – в одну связанную систему иерархической социальной и политической власти³³.

ВЫВОДЫ

Суммируя наши рассуждения, свидетельства из исторических документов Китая периода до объединения позволяют сделать следующие общие выводы:

ПЕРВОЕ. В Древнем Китае существовала тесная и сильная связь между ритуальным лидерством и появлением института монарха.

ВТОРОЕ. Древние теократы изначально получали харизматическую власть от приписываемой им способности привлекать и подпитывать духов предков высокого ранга.

ТРЕТЬЕ. Через процессы моделирования по аналогии китайские социальные и политические институты изначально стали отражать проторациональную духовную логику архаичных религиозных практик.

ЧЕТВЕРТОЕ. Ключевым структурным элементом в этом процессе моделирования было ранжирование духов предков по принадлежности к определенному поколению, что обеспечивало парадигму для прото-бюрократической стратификации китайского общества.

ПЯТОЕ. Архаический концепт Тянь-Мин обеспечивал основу для божественной легитимизации царской (императорской) власти, которая полностью соответствовала зарождающимся принципам патрилинейного родства и генеалогии предков.

ШЕСТОЕ. Через комбинацию харизматической рутинизации и конфуцианской кооптации концепт Тянь-Мин стал политически морализованным и ритуально формальным.

СЕДЬМОЕ. Конфуцианская морализация власти, уходящая корнями в соответствующие светские императивы собственности и сыновней почитательности, распространила на все общество парадигматический легитимизирующий принцип иерархии, основанной на генеалогии, ниспосланной Небесами отдельным кланам и семьям посредством имперской бюрократии.

ВОСЬМОЕ. Влияние древней религии на формирование и артикуляцию китайского династического государства в целом недооценивалось, так как китайские первобытные религиозные чувства и ритуалы были, начиная с периода, предшествовавшего объединению, рутинизированы и облачены в светскую униформу конфуцианской пристойности и пиетета.

Почти ни в одном из этих аспектов – за исключением, пожалуй, последних двух – Китай не был уникальным в мире. Наоборот, мы постарались показать, насколько Китай был похож на другие патриониальные теократии. Если взять вышеперечисленные предположения по отдельности и в изоляции, очень немногие из них окажутся всецело новыми или оригинальными. Тем не менее, рассмотренные конфигурационно и в перспективе развития, они обеспечивают ряд ценных, связанных ключей к пониманию закономерностей формирования и эволюции доимперского китайского государства и, таким образом, к происхождению уникального китайского – уникального по продолжительности – бюрократического политического порядка.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Впервые опубликовано в журнале *Social Evolution & History*, март 2004, т. 3, № 1, с. 41–68 на английском языке под названием «Ritual and Rationality: Religious Roots of the Bureaucratic State in Ancient China». Перевод выполнен по указанному изданию.

** Эта статья посвящена памяти моего друга и наставника Артура С. Ибералла (1918–2002), чей необыкновенный взгляд на происхождение и динамику комплексных систем, как физических, так и социальных, серьезно повлиял на формирование моего понимания того, «как работают вещи».

¹ Феномен харизмы (букв. «дар изыщества») первым систематически исследовал Макс Вебер, который использовал этот термин для обозначения «...определенного качества личности, посредством которого индивид отличается от обычного человека, и к нему обращаются как к одаренному сверхъестественной, сверхчеловеческой или по крайней мере ...исключительной силой или качествами». Таким образом, поскольку люди верили, что такие качества даруются богами, то они считались «недоступными обычному человеку» (Вебер 1947: 358–359).

² К удобству историографов, небесное благословение таких восстаний могло быть продемонстрировано с какой бы то ни было уверенностью посредством ретродикции, то есть после факта успешной смены династии.

³ Убедительный анализ взглядов Нидэма на традиционную китайскую науку, см. в Restivo (1979).

⁴ В отличие от Эдхерн Нидэм не приписывал священным ритуалам функцию скрытой политической социализации, ограничившись просто замечаниями о структурной симметрии образа действия имперских бюрократов и образа действия небесных духов.

⁵ Сара Аллан согласна с допущением Кейтли о ритуальном протобюрократизме Шан, но ставит под сомнение договорной характер священных процессов, настаивая, что процесс был, скорее, магический, чем договорный: «Царь предсказывал не для того, чтобы достичь согласия со своими предками, но чтобы определить магическим способом, какое сочетание категорий будет “благоприятно” и наверняка приведет к желаемым результатам» (Аллан 1981: 312).

⁶ В этом отношении Кейтли, возможно, переоценил «научные» признаки ритуалов Шан, потому что, как отмечал Битти, «вера в действенность ритуала основана не как вера в науку на проверке (гипотез) опытным путем, но на приписывании случайных результатов символическому проявлению как таковому» (Beattie 1970).

⁷ Большинство историков относят время появления доктрины Тянь-Мин к завоеванию Шан династией Чжоу. Тем не менее Кейтли утверждает, что доктрина уходит корнями еще дальше, в протобюрократический спиритизм времен Шан (1978: 220). Аллан (1984: 529–531) согласна с такой датировкой, хотя и по другой причине. По ее мнению, первый прецедент идеи условного Мандата случился, когда первый царь Шан (Тан) поднял успешное восстание против династии Ся в 1766 до н. э. и затем предложил принести себя в жертву Шан Ди, чтобы искупить свою государственную измену. Тем не менее Верховный Бог отказался принять жертву Тана и вместо этого послал внезапный ураган, чтобы покончить с жестокой засухой, которая поразила страну – так имплицитно давая небесное одобрение восстанию Тана.

⁸ Это понятие ритуализированной функции «харизматического утверждения», подкрепляемой регулированием династического календаря, частично противоречит более убедительной экономической гипотезе, выдвинутой Джозефом Нидэмом, который утверждал, что «для аграрной культуры... регулирование календаря было делом первостепенной важности. Тот, кто смог дать людям календарь, станет их лидером» (Ronan and Needham 1981: 75–76). Предположение Нидэма может помочь объяснить *изначальную фиксацию* лунного календаря, но едва ли может объяснить ту частоту, с которой календарь последовательно пересматривался и переиздавался (что неизбежно сопровождалось специальными помпезными церемониями) следовавшими друг за другом имперскими режимами.

⁹ В период Поздней Хань одним из самых высокооплачиваемых и наиболее влиятельных чиновников при императорском дворе был Великий Магистр Церемоний, который вместе со своими многочисленными подчиненными был ответственным помимо всего прочего за организацию царских жертвенных ритуалов, за запись знаков и предзнаменований, за наблюдение за царскими обсерваториями и за ежегодное распространение царского календаря (Bielenstein 1980: 17–19).

¹⁰ Китай не был исключительно уникальным в этом отношении. Е. А. Хебель, например, описывал религиозную этику племенной политики Ашанти в XX в. (Золотой Берег) в терминах, удивительно похожих на способ ритуального обще-

ния с духами и харизматической легализации, которые процветали в Древнем Китае (Hoebel 1954: 264–265). А Кристофер Доусон отмечал четкую параллель между древнекитайским династическим принципом легитимизации Тянь-Мин и полинезийским концептом божественного *tana* или божественной благодати (Dawson 1958: 112–113, 121).

¹¹ К. С. Чанг (Chang 1976: 79 и далее) описывает сложную систему порядка политического наследования Шан, основанную на чередовании поколений двух главных царских родов.

¹² Значительная часть всех предсказаний оракула Шан толковалась лично царем с помощью свиты из более низких жрецов, включая предсказателей, заклинателей и колдунов (Keightly 1974; Chang 1983: 45 и далее). Возможно, этих царских духовных помощников можно было бы считать первыми китайскими протобюрократами.

¹³ Ху Ши, по сути, говорил о том же, когда в начале XX в. отмечал, что китайские религиозные ритуалы стали культурными рудиментами, «просто формальными церемониями без серьезного реального значения» (Yang 1967: 178).

¹⁴ «Одним из решающих мотивов, лежащих в основе всех случаев рутинизации харизмы, – писал Вебер, – является стремление к безопасности. Это означает легитимизацию позиций власти и социального престижа, с одной стороны, а с другой стороны, экономических преимуществ, которые получают соратники и симпатизирующие лидеру... В значительной степени переход к харизме, передаваемой по наследству, или харизме должности служит... средством легитимизации существующих или недавно приобретенных возможностей контролировать экономические блага. Наряду с идеологией лояльности, которую ни в коем случае нельзя считать маловажной, верность наследственной монархии, в частности, находится под серьезным влиянием утверждения, что вся наследуемая собственность и все, что приобретено на законных основаниях, подвергается опасности, если ликвидировать субъективное признание санкционированности наследования трона» (Weber 1947: 372–373).

¹⁵ С. К. Чанг говорил об этом эволюционном сдвиге в китайском концепте Тянь-Мин как «морализации власти», то есть процессе установления этической основы для доминирования династии через «включение морального значения в политическую власть» (Yang 1967: 137–138).

¹⁶ Знаменитый японский критик XVII в., критиковавший Чжу Си, позже писал об этой светской трансформации: «Поклонение (*jing*) ...имеет в своей основе почитание небес и почитание духов и души. Не может быть поклонения без объекта поклонения. Чжу Си создал кодекс для усовершенствования поклонения, но у него это было поклонение *без объекта, к которому оно относится*» (цитируется в Yamashita 1979: 311–312. – Р. Б.).

¹⁷ Так, Рэй Хуан отмечает, что ко времени династии Мин (1368–1644 гг. н. э.) установление священной императорской воли «требовало ритуальных обрядов, регулярно вовлекающих суверена и его главных министров в совершение этих ритуалов, со всей гражданской ответственностью и с эстетическим и моральным подтекстом. Пышная церемония или нет, череда низких поклонов подтверждали имперское превосходство; хотя просто тот факт, что император посещал церемонии, указывал на то, что он подчинял себя космическому порядку и моральному закону... Очевидно, до некоторой степени было использовано воображение, но воображаемое не обязательно значит ненастоящее. Нужно осознавать, насколько это был мощный инструмент управления, когда все участники разделяли веру в него» (Huang 1981: 46–47).

¹⁸ В этой связи С. К. Янг утверждает, что долговременная практика периодически совершаемых жертвоприношений духам предков в виде денег и других повсеместно ценных товаров не могла быть просто рудиментарной формальностью, так как она составляла значительные расходы экономических ресурсов для крестьянства, имевшего минимум средств к существованию (Yang 1967: 178–179).

¹⁹ Кайтли отмечает, что «недавно умершие предки могли вмешиваться (или защищать) живущих индивидов (кто, возможно, знал их, когда они были живы), но умершие из намного более отдаленных поколений влияли на государство в целом, воздействуя на урожай, засухи и нападения врагов» (Keightly 1978: 218).

²⁰ Китайские иероглифы, обозначающие двух «Шанов», абсолютно непохожи. Династический «Шан» представлен логографом, современное значение которого «торговля», в то время как верховное божество «Шан» изображается иероглифом местоположения, означаящим «наверху, над».

²¹ Кейтли полагает, до некоторой степени незамысловато, что забота династического дома Шан о видимом равнодушии Шан Ди коренится в том, что у верховного божества нет прямых родственных связей с основателями династии, что может помочь объяснить появление теории Тянь-Мин, способствующей достижению положения в обществе благодаря способностям человека.

²² В этой связи можно предположить, что широко отмечаемое отсутствие институционализированной церкви и профессиональных священников в традиционном Китае коренится в традиционном плюрализме древнекитайской системы религиозных верований, основанных на почитании предков. С Шан Ди и другими «верховными» божествами, недоступными для простых людей, и с духами предков в качестве основных охранников и гарантов благополучия индивида и семьи организовывать надсемейные (или надклановые) культы было просто некстати, а организованное священство было, таким образом, ненужным, тем более, что сам император официально монополизировал те церемониальные ритуалы, которые использовались, чтобы привлечь высшие божества для обеспечения общего благосостояния. Более абстрактную и метафоричную интерпретацию, основанную на древнем мифе «разрыва связи между небом и землей», см. в работе У (Wu 1982: 7–20). Напротив, Сю (Hsu 1981: 107, 243–248 270–276) подчеркивает эклектичные, политеистические, утилитарные и недогматические аспекты традиционных китайских духовных ценностей в качестве объяснения слабости институционализированной религии в Среднем Государстве.

²³ Существование генеалогических ограничений политической власти было явно не уникальным для Древнего Китая. Например, обсуждая отношения между происхождением и властью вождя у жителей Тробрианских островов, Хебель отмечает, что «вся клановая и субклановая система с сопутствующими различиями в ранге, земельных правах... и исключительных прерогативах основана на сверхъестественных постулатах... в особенности (включая) усопших предков» (Hoebel 1954: 264). Похожее наблюдение касательно стратификационной функции культа предков было сделано Джоном Миддлтоном в его исследовании примитивных религий среди лугбара в Уганде (Middleton 1960). Ср. также с Битти (Beattie 1964: 226).

²⁴ Известный историк династии Хан – Сыма Цянь (род. 135 до н. э.) – по имеющимся данным, имел в своем распоряжении большое количество таких династических родословных в виде выгравированных «табличек с родословной» (*pudie*), когда он составлял свои монументальные *Исторические записки* о древней истории. В

самом деле, до самого периода Мин – Цин (1368–1911 гг. н. э.) – местные родословные представляют собой один из самых богатых и наиболее задокументированных источников информации по микросообществам, который можно найти среди найденной во всех китайских исторических записях (Dardess 1983: 75–76).

²⁵ Для анализа отношений между происхождением и политической стратификацией в Китае в период позднего Шан/раннего Чжоу см. исследование Чана (Chang 1976), особенно главы 3–5 и стр. 189–195.

²⁶ Термин «сотня старых фамилии» (*lao bai xing*) используется с древних времен для коллективного обозначения китайского народа. В своем первоначальном использовании в период позднего Шан – раннего Чжоу термин относился исключительно к элитарным субкланам правящей семьи. Позднее значение изменилось, и он стал обозначать массы простых людей.

²⁷ Один из китайских исследователей (Ho Ping-ti 1975: 301) отмечает, что «быстрая географическая экспансия потребовала от правителей Шан дополнить существующие или создать новые институциональные инструменты, с помощью которых можно управлять землями за пределами патримониальной территории».

²⁸ Крил (1970: 345) полагает, что династические правители этого периода не делились плодами военной победы со своими региональными родственниками; «они, должно быть, были неспособны удержать завоеванные территории вместе».

²⁹ Среди исследователей до сих пор отсутствует единство мнения по вопросу о природе, происхождении, длительности и распространенности феодализма в Китае в эпоху позднего Шан – раннего Чжоу. Взгляды представителей противоположных подходов см. помимо прочего у Bodde (1954: 85 и далее); Creel (1970: 317 и далее); Wheatkley (1971: 118 и далее); Eberhard (1977: 13 и далее).

³⁰ Так, Карл Стефенсон (1942: 76) настаивает, что «феодальное государство... должно было быть маленьким». Напротив, Китайское государство продолжало разрастаться даже в эпоху западного Чжоу.

³¹ Самую развернутую аналитическую оценку динамики межгосударственных отношений в государствах периода Воюющих Царств см. в Walker 1953.

³² Из-за очевидной политизированности генеалогических исследований в этот период Эберхард и другие очень скептически настроены насчет аутентичности всех династических родословных в Китае вплоть до периода образования единой Империи.

³³ Так, Доусон замечает: «Канонизация сыновней почитательности как самой большой конфуцианской добродетели обеспечила совершенную психологическую основу для отеческого авторитета конфуцианского государства и церемониального благочестия государственной религии» (Dowson 1958: 166).

ЛИТЕРАТУРА

Ahern, E. M. 1981. *Chinese Ritual and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Allan, S. 1981. Sons of Suns: Myth and Totemism in Early China. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 44 (2): 290–326.

1984. Drought, Human Sacrifice and the Mandate of Heaven in a Lost Text from the 'Shang Shu'. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 47 (3): 523–539.

Beattie, J. H. M. 1964. *Other Cultures: Aims, Methods and Achievements in Social Anthropology*. New York: The Free Press.

- Ритуал и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае 265
1970. On Understanding Ritual. In Wilson, B. R. (ed.), *Rationality* (pp. 240–268). New York: Harper Torchbooks.
- Bielenstein, H.** 1980. *The Bureaucracy of Han Times*. London and Cambridge: Cambridge University Press.
- Bodde, D.** 1956. Feudalism in China. In Le Blank, Ch., and Forei, D. (eds.), *Essays on Chinese Civilization* (pp. 85–131). Princeton: Princeton University Press.
- Chang, K. C.** 1976. *Early Chinese Civilization*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
1980. *Shang Civilization*. New Haven and London: Yale University Press.
1983. *Art, Myth, and Ritual: The Path to Political Authority in Ancient China*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Cohen, R., and Service, E. R. (eds.)** 1978. *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.
- Creel, H. G.** 1970. *The Origins of Statecraft in China*. Vol. 1. Chicago and London: University of Chicago Press.
- Dardess, J. W.** 1983. *Confucianism and Autocracy: Professional Elites in the Founding of the Ming Dynasty*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Dawson, Ch.** 1958. *Religion and Culture*. New York: Meridian Books.
- DeWoskin, K. J.** 1983. *Doctors, Diviners, and Magicians of Ancient China*. New York: Columbia University Press.
- Eberhard, W.** 1957. The Political Role of Astronomy and Astronomers in Han China. In Fair-bank, J. K. (ed.), *Chinese Thought and Institutions* (pp. 33–70). Chicago: University of Chicago Press.
1977. *A History of China*. Revised ed. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Fitzgerald, C. P.** 1961. *China: A Short Cultural History*. 3rd ed. New York and Washington: Frederick A. Praeger.
- Ho, Ping-ti** 1975. *The Cradle of the East*. Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong.
- Hoebel, E. A.** 1954. *The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Hsu, F. L. K.** 1981. *Americans and Chinese: Passage to Differences*. 3rd ed. Honolulu: The University Press of Hawaii.
- Huang, R.** 1981. *1587: A Year of No Significance*. New Haven: Yale University Press.
- Keightley, D. N.** 1974. *Religion and the Rise of Chinese Civilization*. Paper presented to the Regional Seminar of the Center for Chinese Studies, University of California, Berkeley.
1978. The Religious Commitment: Shang Theology and the Genesis of Chinese Political Culture. *History of Religions* 17 (3–4): 211–225.
- Legge, J.** 1885. *The Texts of Confucianism: Li Ki (Li Ji)*. London: Oxford University Press.
- Middleton, J.** 1960. *Lugbara Religion: Ritual and Authority among an East African People*. London: Oxford University Press.

Restivo, S. P. 1979. Joseph Needham and the Comparative Sociology of Chinese and Modern Science. In Jones, R. A., and Kuklick, H. (eds.), *Research in Sociology of Knowledge, Sciences and Art*. Vol. 2 (pp. 25–51). Greenwich, Conn.: Aijai Press.

Ronan, C. A., and Needham, J. 1978. *The Shorter Science and Civilization in China*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.

1981. *The Shorter Science and Civilization in China*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press.

Soothill, W. E. 1951. *The Hall of Light: A Study of Early Chinese Kingship*. London: Lutterworth Press.

Stephenson, C. 1942. *Medieval Feudalism*. Ithaca: Cornell University Press.

Walker, R. L. 1953. *The Multi-State System of Ancient China*. Westport, Conn.: Greenwood Press.

Weber, M. 1947 [1964]. *The Theory of Social and Economic Organization*. New York: The Free Press.

1951 [1964]. *The Religion of China*. New York: The Free Press.

Wheatley, P. 1971. *The Pivot of the Four Quarters: A Preliminary Enquiry into the Origins and Character of the Ancient Chinese City*. Chicago: Aldine Publishing Co.

Wu, K. C. 1982. *The Chinese Heritage*. New York: Crown Publishers.

Yamashita, R. 1979. Nakae Toju's Religious Thought and its Relation to 'Jitasugaku'. In Theodore de Bary, W., and Bloom, I. (eds.), *Principle and Practicality: Essays in Neo-Confucianism and Practical Learning* (pp. 307–335). New York: Columbia University Press.

Yang, C. K. 1967. *Religion in Chinese Society*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

Становление и развитие государственных структур в Евразии и Северной Африке (VI–I тыс. до н. э.): мир-системный контекст*

А. В. Коротаяев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва*

К концу I тыс. до н. э. мы наблюдаем пояс сверхсложных государственных образований («империй»), протянувшийся через весь рассматриваемый макрорегион от Атлантики до Тихого океана. Эти социально-политические системы обладают поразительно сходным уровнем культурной сложности – экономико-технологически они основаны на достаточно интенсивном плужном земледелии (ориентированном на производство пшеницы и/или других злаков преимущественно ближневосточного происхождения), разведении крупного и мелкого рогатого скота, колесном транспорте, металлургии железа, керамическом производстве с использованием гончарного круга, текстильном производстве со сходной сырьевой базой и технологией и т. д. Они имеют предельно высоко (для рассматриваемого времени) развитые бюрократии, профессиональные армии с удивительно сходным вооружением, кавалериями, разработанные идеологии (с важной ролью философских систем) и т. п. – данный список можно было бы продолжать на многих страницах.

Возможны два базовых объяснения данного феномена. Первое объяснение исходит из того, что социально-политические системы данного пояса развились независимо друг от друга. Подобное объяснение предполагает в некотором смысле чудесный сценарий, ибо достаточно сложно представить себе, что в результате действительно независимого развития социально-политические системы с удивительно сходным уровнем и характером культурной сложности развились с фантастической синхронностью в сплошном пространственном поясе, в то время как ни одной социально-политической системы со сколько-нибудь

Коротаяев А. В. / Становление и развитие государственных структур в Евразии и Северной Африке (VI–I тыс. до н. э.): мир-системный контекст, с. 267–279

близким уровнем и характером культурной сложности за пределами данного пояса к концу I тысячелетия до н. э. так и не развилось. Второе объяснение исходит из представления о том, что социально-политические системы рассматриваемого пояса представляли собой определенное системное единство. К аргументам, высказывавшимся ранее (см., например: Diamond 1999), здесь можно добавить и некоторые другие. Как представляется, в качестве свидетельства подобного единства может рассматриваться гиперболический¹ рост населения Земли, наблюдавшийся в рассматриваемый нами период.

Было предложено и несколько математических моделей, описывающих этот рост (см., например: von Foerster, Mora, and Amiot 1960; Капица 1992, 1999; Kremer 1993; Cohen 1995; Подлазов 2000, 2001, 2002; Podlazov 2004; Johansen and Sornette 2001; Tsirel 2004 и т. д.). Некоторые из этих моделей вполне компактны (см., например: Капица 1992, 1999), но не вполне объясняют механизмы гиперболического роста; модель М. Кремера содержит такое объяснение, но, на наш взгляд, неоправданно сложна².

Предлагаемая нами первая компактная макро модель гиперболического роста населения исходит из следующих допущений:

1) На протяжении большей части существования человечества рост его численности на каждый данный момент времени был ограничен потолком несущей способности земли, обусловленным наблюдаемым в данный момент времени уровнем развития жизнеобеспечивающих технологий (Мальтус 1793 [1798]; Malthus 1798; Habakkuk 1953; Postan 1950, 1972; Braudel 1973; Abel 1974, 1980; Artzrouni and Komlos 1985; Cameron 1989; Kremer 1993; Komlos and Nefedov 2002). Потолок несущей способности Земли повышался в результате роста уровня развития жизнеобеспечивающих технологий. Следовательно, на протяжении большей части существования человечества скорость роста его численности была прямо пропорциональна темпам роста уровня развития жизнеобеспечивающих технологий.

2) Относительные темпы роста уровня развития жизнеобеспечивающих технологий прямо пропорциональны численности населения Земли («Чем больше людей, тем больше изобретателей»; при прочих равных условиях в десять раз большее число людей будет в тенденции делать в десять раз большее число сопоставимого уровня изобретений); при этом абсолютные темпы технологического развития также пропорциональны и самому уровню развития технологий (Kuznets 1960; Boserup 1965; Lee 1986; Grossman and Helpman 1991; Aghion and Howitt 1992, 1998; Kremer 1993; Simon 1977, 1981, 2000; Komlos and Nefedov 2002 и т. д.).

Самым простым способом математического моделирования данных допущений представляется следующая (и, насколько нам извест-

но, ранее не предлагавшаяся³) система из двух дифференциальных уравнений:

$$\frac{dN}{dt} = a(bK - N)N \quad (1)$$

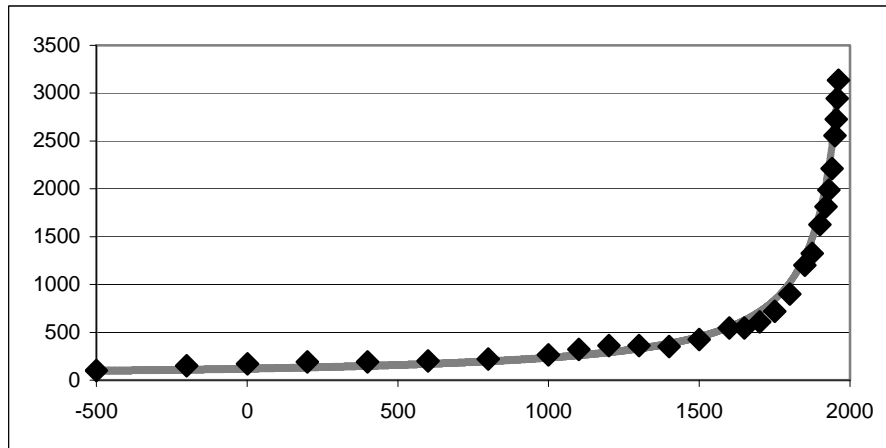
$$\frac{dK}{dt} = cNK \quad (2)$$

где N – это население Земли, K – уровень технологического развития, bK соответствует потолку несущей способности Земли при данном уровне развития жизнеобеспечивающих технологий.

Компьютерная симуляция с использованием данной модели (с началом в 500 г. до н. э.)⁴ дала следующие результаты (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

Динамика роста населения Земли (500 г. до н. э. – 1962 г. н. э.): наблюдаемые значения и значения, предсказанные моделью

ПРИМЕЧАНИЕ: сплошная серая линия была сгенерирована моделью; черные маркеры соответствуют оценкам численности населения мира, по М. Кремеру (Kremer 1993)⁵, для 500 г. до н. э. – 1950 г. н. э. и данным Бюро переписей США (US Bureau of the Census) по населению мира для 1950–1962 гг.

Корреляция между предсказанными и наблюдаемыми значениями для данной симуляции имеет следующие характеристики:

$$R = 0,9983; R^2 = 0,9966; \alpha \ll 0,0001.$$

Еще более высокая корреляция была получена при компьютерной симуляции с началом в 1650 г. (до 1962 г.)⁶:

$$R = 0,9989; R^2 = 0,9978; \alpha \ll 0,0001.$$

Отметим, что наряду с прочим данная модель объясняет, почему абсолютная скорость роста населения Земли до 1962 г. в тенденции

была пропорциональна квадрату численности населения ($dN/dt = aN^2$), что было обнаружено еще С. П. Капицей (1992). Действительно, рост населения мира (N), например, с 10 до 100 миллионов человек подразумевает, что и уровень развития жизнеобеспечивающих технологий (K) вырос приблизительно в десять раз. С другой стороны, десятикратный рост численности населения означает и десятикратный рост числа потенциальных изобретателей, а значит, и десятикратное возрастание относительных темпов технологического роста. Таким образом, с ростом численности населения Мир-Системы в десять раз абсолютная скорость технологического роста вырастет в $10 \times 10 = 100$ раз (в соответствии с уравнением (3.2) макромоделей). А так как N стремится к K (в соответствии с уравнением (3.1) макромоделей), мы имеем все основания предполагать, что и абсолютная скорость роста населения мира (dN/dt) в таком случае в тенденции вырастет в 100 раз, то есть будет расти пропорционально квадрату численности населения.

Отметим, что, когда мы впервые познакомились с математическими моделями роста населения мира, мы испытали определенное сомнение. Действительно, подобные модели подразумевают, что население мира может рассматриваться в качестве единой системы, и уже Х. фон Ферстер, П. Мора и Л. Амиот прямо делали такое допущение:

«Однако то, что может быть правильным по отношению к элементам⁷, которые из-за отсутствия между ними адекватной коммуникации должны принимать участие в соревновательной игре с (почти) нулевой суммой выигрыша, может быть неправильным для элементов⁸, обладающих системой коммуникации, которая дает им возможность образовывать коалиции, пока все элементы не оказываются столь сильно связаны между собой, что все население с точки зрения теории игр может рассматриваться в качестве единого игрока, ведущего игру, в которой в роли второго игрока-оппонента выступает природа» (von Foerster, Mora, and Amiot 1960: 1292).

Однако на определенном уровне анализа имеются в высшей степени серьезные основания усомниться в обоснованности подобного допущения. Все дело здесь в том, что вплоть до самого недавнего времени (а в особенности до 1492 г.) человечество не представляло собой системы ни в каком реальном смысле, ибо, например, рост населения Старого Света, Нового Света, Австралии, Тасмании или Гавайских островов происходил практически полностью независимо друг от друга. Так, представляется вполне очевидным, что бурные демографические процессы, происходившие в I тыс. н. э. в Евразии, не оказали АБСОЛЮТНО никакого влияния на синхронную демографическую динамику, скажем, обитателей Тасмании (да и обратное влияние, совершенно очевидно, было также просто нулевым).

Тем не менее мы полагаем, что картина высокодетерминированной технико-экономической, культурной и демографической динамики мира на протяжении последних нескольких тысячелетий ни в какой степени не является случайной. Собственно говоря, она отражает динамику совершенно реальной системы, а именно Мир-Системы. Вместе с А. Г. Франком (см., например: Frank and Gills 1994), но не с И. Валлерстайном (Wallerstein 1974) мы склонны говорить о единой Мир-Системе, возникшей задолго до «длинного шестнадцатого века».

Отметим, что наличие более или менее интегрированной Мир-Системы, охватывающей большинство населения мира, является необходимым условием, без соблюдения которого корреляция между актуально наблюдаемыми и сгенерированными гиперболическими моделями величинами не будет столь высокой, как мы могли это видеть выше.

Например, представим себе, что мы имеем дело со случаем, когда население мира численностью в N человек выросло в четыре раза, но при этом оказалось расколотым на четыре идеально изолированных региональные популяции численностью в N человек каждая. Конечно же, согласно нашей модели, четырехкратный рост населения мира должен был бы привести к четырехкратному росту относительных темпов технологического роста. Но есть ли у нас достаточные основания ожидать, что такого рода увеличение будет актуально наблюдаться в вышеописанном случае? Разумеется, нет. Конечно же, и в этом случае в четыре раза большее число людей будет, скорее всего, в тенденции делать в четыре раза большее число изобретений. Тем не менее эффект, предсказываемый нашей моделью, может наблюдаться только в том случае, если инновации, произведенные любой из региональных популяций, станут доступными для всех остальных популяций через сколько-нибудь ограниченный промежуток времени (хотя бы порядка нескольких веков). Однако мы допустили, что все четыре соответствующие региональные популяции живут в полной изоляции друг от друга.

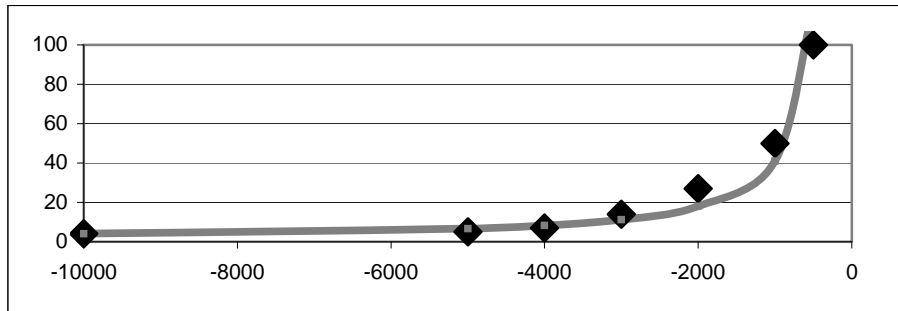
Соответственно в такого рода условиях инновации, сделанные в каждой данной региональной популяцией, так и не станут достоянием остальных популяций, а ожидаемое увеличение относительных темпов технологического роста наблюдаться не будет, что приведет к очень заметному разрыву между предикциями модели и актуально наблюдаемыми данными.

Для настоящего исследования особое значение имеет то обстоятельство, что гиперболический рост населения мира прослеживается как минимум с X тыс. до н. э., что свидетельствует о системном единстве большей части населения мира уже начиная с этого времени.

Действительно, компьютерная симуляция с использованием нашей гиперболической модели показывает высокую степень соответствия между предикциями, генерируемыми данной моделью, и эмпирическими данными для 10000–500 гг. до н. э. (см. диаграмму 2):

Диаграмма 2

**Динамика роста населения Земли (10 000–500 гг. до н. э.):
наблюдаемые значения и значения, предсказанные моделью.**

ПРИМЕЧАНИЯ: ось абсцисс – годы до н. э.; ось ординат – численность населения мира (в млн чел.). Сплошная линия сгенерирована моделью; черные маркеры соответствуют эмпирическим оценкам численности населения мира (McEvedy and Jones 1978; Kremer 1993).

Для данной имитации корреляция между наблюдаемыми значениями и значениями, сгенерированными моделью, имеет следующие характеристики: $R = 0,982$, $R^2 = 0,964$, $\alpha = 0,0001$. Стоит отметить, что хотя корреляция для 10 000–500 гг. до н. э. и очень сильна, она заметно слабее⁹ аналогичной корреляции, наблюдаемой для 500 г. до н. э. – 1962 г. н. э. и в особенности для 1650–1962 гг. н. э. Подобные результаты трудно считать сколько-нибудь неожиданными, так как представляется вполне очевидным, что в 10000–500 гг. до н. э. Мир-Система была значительно менее интегрирована, чем в 500 г. до н. э. – 1962 г. н. э. (не говоря уже о 1650–1962 гг. н. э.).

Гиперболический тренд роста народонаселения мира, наблюдаемый с X тыс. до н. э., является, по всей видимости, прежде всего, продуктом роста Мир-Системы, судя по всему, зародившейся именно в районе X тыс. до н. э. на Ближнем Востоке в прямой связи с ближневосточной неолитической революцией. Наличие гиперболического тренда свидетельствует о том, что большая часть соответствующей общности (а в нашем случае, напомним, речь идет о народонаселении мира) имела определенное системное единство, и нам представляется, что в нашем распоряжении имеется достаточно данных для того, чтобы утверждать, что подобное системное единство, действительно, в рассматриваемую эпоху реально наблюдалось... Действительно, в нашем распоряжении

имеется достаточно данных о систематическом распространении важнейших инноваций (доместичированных злаков, крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, плуга, колеса, металлургии меди, бронзы, а в дальнейшем и железа, и т. д.) с Ближнего Востока по всей североафриканско-евразийской ойкумене, начавшемся за много тысяч лет до н. э. (см., например: Чубаров 1991). В результате данных процессов эволюция обществ данного макрорегиона уже в это время не может рассматриваться как полностью независимая.

Здесь представляется необходимым и следующий комментарий. Конечно, у нас не было бы оснований говорить о Мир-Системе, простирающейся от Атлантики до Тихого океана, даже для начала I тыс. н. э., если бы мы применяли критерий «массовых товаров» (*«bulk-good» criterion*), предложенный И. Валлерстайном (Wallerstein 1974), потому что в это время какое-либо движение массовых товаров, скажем, между Китаем и Европой полностью отсутствовало (и мы не имеем никаких оснований не согласиться с И. Валлерстайном в его классификации попадавшего в данное время в Европу китайского шелка как предмета роскоши, но никак не массового товара). Однако Мир-Система I века н. э. (и даже I тысячелетия до н. э.) может вполне быть классифицирована именно как мир-система, если мы применим здесь более мягкий критерий «информационной сети», предложенный К. Чейз-Данном и Т. Д. Холлом (Chase-Dunn and Hall 1997; см. также, например: Чешков 1999). Подчеркнем, что на нашем уровне анализа наличие информационной сети, охватывающей всю Мир-Систему, является совершенно достаточным условием, которое делает возможным рассматривать всю Мир-Систему как единое развивающееся целое. Да, в I тыс. до н. э. какие-либо массивные товаропотоки между Тихоокеанским и Атлантическим побережьями Евразии были принципиально невозможны. Однако Мир-Система достигла к этому времени такого уровня интеграции, который, как было отмечено выше, уже делал возможным распространение по всей Мир-Системе принципиально важных технологий за промежуток времени, заметно меньшие тысячелетия.

Другим важным моментом может представляться то обстоятельство, что даже в I в. н. э. Мир-Система охватывала заметно менее половины всей обитаемой земной суши. Однако гораздо более важным здесь представляется другое обстоятельство: уже к началу I в. н. э. более 90 % населения мира жило именно в тех регионах Земли, которые были интегральными частями Мир-Системы (Средиземноморье, Средний Восток, Южная, Центральная и Восточная Азия) (см., например: Durand 1977: 256). За несколько тысячелетий перед этим мы имеем дело с поясом культур, также характеризовавшимся удивительно сходным уровнем и характером культурной сложности, протянувшимся от Балкан вплоть до границ долины Инда (см., например: Peregrine and Ember 2001a, 2001b; Peregrine 2003)¹⁰. Таким образом, уже несколько тысяч лет динамика

населения мира отражает, прежде всего, именно динамику населения Мир-Системы, что и делает возможным ее описание при помощи вышеприведенных компактных математических макромоделей.

Отметим, что сказанное выше предполагает возможность разработки нового подхода к мир-системному анализу. В рамках этого подхода в качестве наиболее важного механизма интеграции Мир-Системы могли бы рассматриваться генерация и диффузия инноваций. Если некое общество систематически заимствует извне важные технологические инновации, его эволюция уже не может рассматриваться в качестве действительно независимой; это общество уже имеет смысл рассматривать в качестве части некоего большего эволюционирующего целого, внутри которого данные инновации систематически генерируются и распространяются. Одной из главных задач мир-системного подхода было найти эволюционирующую единицу. Базовой и совершенно разумной идеей здесь было то соображение, что эволюцию отдельного общества совершенно невозможно адекватно объяснить, не принимая во внимание того обстоятельства, что любое такое общество было частью некоего более обширного целого. Однако традиционный мир-системный анализ слишком сосредоточился на изучении движения товаров массового потребления и эксплуатации периферии со стороны ядра при почти полном игнорировании роли генерирования и диффузии инноваций в мир-системной интеграции. Вместе с тем, информационная сеть оказывается древнейшим механизмом мир-системной интеграции, она играла исключительно важную роль на протяжении всей истории эволюции Мир-Системы и продолжает играть не менее важную роль в настоящее время. Эта роль представляется даже более важной, чем та, что играла в эволюции Мир-Системы эксплуатация (нередко мнимая) периферии со стороны ядра. (Не принимая во внимание механизм генерирования и диффузии инноваций, невозможно объяснить такие важнейшие мир-системные события, как, скажем, демографический взрыв XX в., непосредственной причиной которого было радикальное снижение смертности, но в качестве главной конечной причины которого выступала именно диффузия инноваций, сгенерированных почти исключительно мир-системным ядром.) Наряду с прочим предлагаемый подход предполагает и пересмотр определения мир-системного ядра, в качестве которого в этом случае имеет смысл понимать, скорее, не мир-системную зону, эксплуатирующую другие зоны, а ту зону Мир-Системы, которая имеет наивысшее соотношение между сгенерированными внутри нее (и получившими распространение в других зонах) и заимствованными из других зон инновациями, которая выступает в качестве донора инноваций в несравненно большей степени, чем в качестве их реципиента.¹¹

Итак, как мы могли видеть, приведенная выше система из 2 дифференциальных уравнений способна объяснить 96,2–99,78 % всей де-

мографической макродинамики мира за последние несколько тысяч лет. Обнаруженные закономерности могут служить прекрасной иллюстрацией известного синергетического принципа, сформулированного Д. С. Чернавским: хаотическая динамика на микроуровне генерирует высокодетерминированное системное поведение на макроуровне (Чернавский 2004).

Чтобы описать поведение нескольких молекул газа в замкнутом сосуде, нам потребуются крайне сложные математические модели, которые все равно не смогут достаточно точно предсказать состояние системы уже через секунду после начала эксперимента из-за неустранимого хаотического компонента. Вместе с тем поведение многих триллионов таких молекул может быть описано при помощи крайне простых уравнений, способных в высшей степени точно предсказать макродинамику всех основных базовых параметров (и именно из-за хаотического поведения, наблюдаемого на микроуровне).

По всей видимости, с аналогичным набором закономерностей мы сталкиваемся и в мире людей. Для того чтобы предсказать демографическое поведение отдельной семьи, нам потребовались бы крайне сложные математические модели, которые смогли бы предсказать лишь очень небольшой процент актуальной вариации, и именно из-за неустранимого хаотического компонента. Для математического описания поведения систем, включающих в себя на порядки большее число людей – городов, государств, цивилизаций – нам потребовались бы заметно более простые модели, обладающие, тем не менее, заметно более высокой предиктивной способностью. В свете сказанного вряд ли неожиданным представляется то обстоятельство, что наиболее простые закономерности, объясняющие исключительно высокий процент всей макрвариации, обнаруживаются как раз на уровне социальной системы, самой большой из всех принципиально возможных – на уровне мира людей в целом, на уровне Мир-Системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 06–0680459–а «Выявление закономерностей функционирования и эволюции традиционных социально-политических систем Евразии»).

¹ Гиперболический рост населения подразумевает, что абсолютный прирост населения (N человек в год) пропорционален квадрату численности населения (в отличие от экспоненциального роста, при котором абсолютный прирост населения линейно пропорционален его численности). Если при экспоненциальном росте при численности населения в 100 млн чел. наблюдался абсолютный прирост в 100 тыс. чел. в год, то на уровне в 1 млрд чел. он составит 1 млн чел. в год (то есть рост населения в 10 раз приводит к увеличению абсолютных темпов его роста в те же 10 раз). Если при гиперболическом росте при численности населения в 100 млн чел. наблюдался абсолютный прирост в 100 тыс. чел. в год, то на уровне 1 млрд чел. абсолютный прирост населения составит уже 10 млн чел. в год (то есть рост населения в 10 раз приведет к увеличению абсолютных темпов его прироста в $[10 \times 10]$ 100 раз).

Отметим, что при экспоненциальном росте относительные темпы прироста населения (0,1 % в нашем случае) изменяться не будут, в то время как при гиперболическом росте они будут линейно пропорциональны численности населения (в нашем примере рост населения в 10 раз приводит к увеличению относительных годовых темпов прироста населения в те же 10 раз, с 0,1 % до 1,0 %).

² Модель Дж. Э. Коузена (Cohen 1995), на наш взгляд, является ухудшенной модификацией модели М. Кремера (Kremer 1993). Наименее удачной представляется модель А. Джохансена и Д. Сорнетта (Johansen and Sornette 2001), которая не обладает ни компактностью моделей Х. фон Ферстера и С. П. Капицы, ни объяснительной силой модели М. Кремера.

³ Отметим, тем не менее, что близкая по сути своей модель предлагалась (впрочем, без развернутого обоснования и тестирования) С. В. Цирелем (Tsirel 2004: 368). Анализ данной модели см. в нашей монографии (Коротаев, Малков, Халтурина 2005: 38–57).

⁴ Симуляция производилась годичными итерациями с использованием следующей системы разностных уравнений, выведенных из двух вышеописанных дифференциальных уравнений:

$$K_{i+1} = K_i + cN_iK_i$$

$$N_{i+1} = N_i + a(bK_{i+1} - N_i)N_i$$

Были выбраны следующие значения констант и начальных условий (в соответствии с имеющимися историческими оценками): $N = 0,01$ десятков миллиардов (то есть 100 миллионов); $a = 1,0$; $b = 1,0$; $K = 0,01$; $c = 0,04093$. Значение 1,0 было придано коэффициентам a и b для упрощения подсчетов; таким образом, в наших симуляциях с использованием первой макромодели K измерялось непосредственно как число людей, которых мир-система Земли может обеспечить средствами к существованию при данном уровне развития технологии (K).

⁵ Модель демонстрирует высокий уровень соответствия и с другими оценками динамики численности народонаселения мира (Thomlinson 1975; Durand 1977; McEvedy and Jones 1978: 342–51; Biraben 1980; Haub 1995: 5; UN Population Division 2004).

⁶ Для данной симуляции были выбраны следующие значения констант и начальных условий (в соответствии с имеющимися историческими оценками): $N = 0,0545$ десятков миллиардов (то есть 545 миллионов); $a = 1,0$; $b = 1,0$; $K = 0,0545$; $c = 0,05135$.

⁷ Здесь имеются в виду животные.

⁸ Здесь имеются в виду люди.

⁹ Вместе с тем представляется необходимым подчеркнуть, что даже для 10 000–500 гг. до н. э. наша гиперболическая модель демонстрирует значительно большее соответствие наблюдаемым данным, чем, например, экспоненциальная модель с наиболее высоким уровнем соответствия ($R^2 = 0,737$, $\alpha = 0,0003$).

¹⁰ Подчеркнем, что и в том, и в другом случае население соответствующих поясов включало в себя большую часть населения мира соответствующей эпохи.

¹¹ В заключении этой статьи представляется необходимым сделать следующее уточнение. Выше мы предложили рассматривать наличие информационной сети в качестве достаточного условия рассмотрения покрываемой ею общности в качестве мир-системы. По всей видимости, это не совсем так. Начнем с того, что Г. Хатт приводит сведения о том, что с 1617 г. по 1876 г. было зафиксировано не менее 60 японских судов, унесенных течением Куроисио (а затем Северо-Тихоокеанским течением) к берегам Нового Света (Hatt 1949: 104). На этом фоне крайне примечательным представляется то обстоятельство, что «японская [мифология] почти не содержит мотивов, которые бы не встречались в Америке (на что давно обратил внимание Леви-Строс)» (Березкин 2002: 290–291). Уже это не позволяет полностью исключить возможности того, что какая-то информация могла

попадать из Старого Света в Новый и в доколумбову эпоху и даже оказывать некоторое влияние на эволюцию некоторых притихоокеанских америндских мифологий. Однако если такого рода информация из Старого Света в Новый и попадала, это не могло сделать последний интегральной частью доколумбовой Мир-Системы. Японские рыбаки могли даже рассказать америндам о таких восхитительных животных, как лошади или коровы (и при этом даже выдвигались предположения, что на некоторых доколумбовых изображениях могут быть изображены некоторые животные, обитающие именно и только в Старом Свете [von Heine-Geldern 1964; Казанков 2005]). Они могли даже иметь некоторые представления о том, как коров или лошадей разводят, но вся эта информация была бы совершенно бесполезна без наличия кое-чего вполне материального – реальных коров или лошадей. Если проникновение японских фольклорно-мифологических мотивов относится к числу гипотетических событий, то существование в доколумбову эпоху обмена фольклорно-мифологическими мотивами между Мезоамерикой и Андами никаких особых сомнений не вызывает (Березкин 2000, 2002, 2005). Но и здесь нет возможности говорить о существовании единой мир-системы, так как между этими зонами не наблюдалось обмена важнейшими технологиями (например, культура картофеля так и не проникла в доколумбову эпоху из Южной Америки в Северную, а возделывание кукурузы так и не распространилось из Центральной Америки на юг от Панамского перешейка [подробнее об этом см.: Diamond 1999]). Поэтому вышеописанные «мир-системообразующие» сети, по всей видимости, было бы более правильно обозначить не просто как «информационные сети», а как «сети диффузии инноваций», которые предполагают возможность распространения не только информации об инновациях, но и тех материальных носителей, без диффузии которых реальное распространение инноваций оказывается невозможным.

ЛИТЕРАТУРА

- Березкин, Ю. Е.** 2000. *Мост через океан*. Lewiston, NY: Mellen.
2002. Мифология аборигенов Америки: Результаты статистической обработки ареального распределения мотивов. *История и семиотика индейских культур Америки* (277–346) / ред. А. А. Бородатова и В. А. Тиш-ков. М.: Наука.
2005. *Мифы заселяют Америку*. М.: ОГИ.
- Казанков, А. А.** 2006. *Сравнительная мифология и культурная диффузия*. М.: Институт Африки РАН. (В печати.)
- Капица, С. П.** 1992. Математическая модель роста населения мира. *Математическое моделирование* 4(6): 65–79.
1999. *Сколько людей жило, живет и будет жить на земле*. М.: Наука.
- Коротаев, А. В., Малков, А. С., и Халтурина, Д. А.** 2003. *Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография. Экономика. Войны*. М.: УРСС.
- Мальтус, Т.** [1798] 1993. *Опыт о законе народонаселения*. Петрозаводск: Петроком (Шедевры мировой экономической мысли. Т. 4).
- Подлазов, А. В.** 2000. *Теоретическая демография как основа математической истории*. М.: ИПМ РАН.
2001. *Основное уравнение теоретической демографии и модель глобального демографического перехода*. М.: ИПМ РАН.
2002. Теоретическая демография. Модели роста народонаселения и глобального демографического перехода. *Новое в синергетике. Взгляд в третье тысячелетие* (324–345) / ред. Г. Г. Малинецкий и С. П. Кур-дюмов. М.: Наука.

- Чернавский, Д. С.** 2004. *Синергетика и информация (динамическая теория информации)*. М.: УРСС.
- Чешков, М. А.** 1999. *Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии мироцелостности*. М.: МОНФ.
- Чубаров, В. В.** 1991. Ближневосточный локомотив: темпы развития техники и технологии в древнем мире. *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* (Т. 1: 92–135.) / ред. А. В. Корогаев и В. В. Чубаров. М.: Институт истории СССР АН СССР.
- Abel, W.** 1974. *Massenarmut und Hungerkrisen im vorindustriellen Europa. Versuch einer Synopsis*. Hamburg: Parey.
1980. *Agricultural Fluctuations in Europe from the Thirteenth to the Twentieth Centuries*. New York, NY: St. Martin's.
- Aghion, P., and Howitt, P.** 1992. A Model of Growth through Creative Destruction. *Econometrica* 60: 323–352.
- Aghion, P., and Howitt, P.** 1998. *Endogenous Growth Theory*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Artzrouni, M., and Komlos, J.** 1985. Population Growth through History and the Escape from Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. *Genus* 41: 21–39.
- Biraben, J.-N.** 1980. An Essay Concerning Mankind's Evolution. *Population* 4: 1–13.
- Boserup, E.** 1965. *Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure*. Chicago, IL: Aldine.
1973. *Capitalism and Material Life, 1400–1800*. New York, NY: Harper and Row.
- Cameron, R.** 1989. *A Concise Economic History of World*. New York, NY: Oxford University Press.
- Chase-Dunn, C., and Hall, T.** 1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO.: Westview Press.
- Cohen, J. E.** 1995. Population Growth and Earth's Carrying Capacity. *Science* 269(5222): 341–346.
- Diamond, J.** 1999. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. New York, NY: Norton.
- Durand, J. D.** 1977. Historical Estimates of World Population: An Evaluation. *Population and Development Review* 3(3): 255–296.
- Foerster, H. von, Mora, P., and Amiot, L.** 1960. Doomsday: Friday, 13 November, A.D. 2026. *Science* 132: 1291–1295.
- Frank, A.G., and Gills, B. (eds.)** 1994. *The World System: 500 or 5000 Years?* London: Routledge.
- Grossman, G., and Helpman, E.** 1991. *Innovation and Growth in the Global Economy*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Habakkuk, H. J.** 1953. English Population in the Eighteenth Century. *Economic History Review* 6: 117–133.
- Hatt, G.** 1949. *Asiatic Influences in American Folklore*. København: Ejnar Munksgaard (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske meddelelser, 31: 6).
- Haub, C.** 1995. How Many People have ever Lived on Earth? *Population Today* 23(2): 4–5.
- Heine-Geldern, R. von.** 1964. Traces of Indian and Southeast Asiatic Hindu-Buddhist Influences in Mesoamerica. *Proceedings of the 35th Int. Congress of Americanists* 1: 47–54.

Hoerner, S. J. von. 1975. Population Explosion and Interstellar Expansion. *Journal of the British Interplanetary Society* 28: 691–712.

Johansen, A., and Sornette, D. 2001. Finite-time Singularity in the Dynamics of the World Population and Economic Indices. *Physica A* 294(3–4): 465–502.

Komlos, J., and Nefedov, S. 2002. A Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth. *Historical Methods* 35: 92–94.

Kremer, M. 1993. Population Growth and Technological Change: One Million B.C. to 1990. *The Quarterly Journal of Economics* 108: 681–716.

Kuznets, S. 1960. Population Change and Aggregate Output. *Demographic and Economic Change in Developed Countries*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Lee, R. D. 1986. Malthus and Boserup: A Dynamic Synthesis. *The State of Population Theory: Forward from Malthus* / Ed. by D. Coleman and R. Schofield, pp. 96–130. Oxford: Blackwell.

Maddison, A. 2001. *Monitoring the World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD.

Malthus, T. 1978 [1798]. *Population: The First Essay*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

McEvedy, C., and Jones, R. 1978. *Atlas of World Population History*. New York: Facts on File.

Peregrine, P. 2003. Atlas of Cultural Evolution. *World Cultures* 14: 2–88.

Peregrine, P., and Ember, M. (eds.). 2001a. *Encyclopedia of Prehistory*. 4: Europe. New York, NY: Kluwer.

2001b. *Encyclopedia of Prehistory*. 8: South and Southwest Asia. New York, NY: Kluwer.

Podlazov, A. V. 2004. Theory of the Global Demographic Process. *Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics* / ed. by M. G. Dmitriev and A. P. Petrov, pp. 269–272. Moscow: Russian State Social University, 2004.

Postan, M. M. 1950. Same Economic Evidence of Declining Population in the Later Middle Ages. *Economic History Review*. 2nd ser. 2: 130–167.

Postan, M. M. 1973. *Essays on Medieval Agriculture and General Problems of the Medieval Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Simon, J. 1977. *The Economics of Population Growth*. Princeton: Princeton University Press.

1981. *The Ultimate Resource*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

2000. *The Great Breakthrough and its Cause*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Tsirel, S. V. 2004. On the Possible Reasons for the Hyperexponential Growth of the Earth Population. *Mathematical Modeling of Social and Economic Dynamics* (367–369) / ed. by M. G. Dmitriev and A. P. Petrov. Moscow: Russian State Social University.

UN Population Division. 2004. United Nations. [Department of Economic and Social Affairs](http://www.un.org/esa/population). Population Division (<http://www.un.org/esa/population>).

U. S. Bureau of the Census. 2004. *World Population Information* (<http://www.census.gov/ipc/www/world.html>).

Wallerstein, I. 1974. *The Modern World-System*. Vol.1. *Capitalist Agriculture and the Origin of the European World-Economy in the Sixteen Century*. New York: Academic Press.

К. Петкевич*Университет им. Адама Мицкевича, Познань*

Проблема казацкой государственности играет большую роль в украинском национальном сознании и принадлежит к темам, чаще всего поднимаемым украинскими историками¹. Господствует взгляд, что в 1649 г. завершилось формирование украинской государственной идеи, и это является большим достижением политической культуры народа. С этой точки зрения целью политики Хмельницкого было освобождение украинского народа, и эта идея, вопреки всему, осталась к концу XX в. в сердцах и сознании украинцев². Сформированное в середине XVII в. казацкое государство сохраняло существование некоторых своих институтов вплоть до 1785 г., и у большинства украинских исследователей нет сомнения, что именно казаки были творцами и распространителями украинской национальной и государственной идеи. Очень редко встречаются утверждения, подобные утверждениям П. Толочко, который писал, что «комплекс подданства, к сожалению, был характерен казацким старшинам» и на протяжении всего периода существования гетманской государственности «ни один гетман не имел программы суверенного государства» (Толочко 1997)³. До сих пор не решена дилемма, было ли это суверенное государство – зачаток украинского государства, сформированного в результате долговременного исторического развития, или только автономное «гетманство» – случайный политический феномен, результат народного восстания? Ответ на такой вопрос приближает нас к решению проблемы: существовала ли возможность построения украинского государства в XVII веке? Однако сначала мы должны обратить внимание на исторические условия становления казацкого общества на Украине, а также на действительные общественные и политические силы, которые добились государства и стали его основой.

Степная пограничная полоса – Украина. В XV – начале XVII вв. понятие *украина* использовалось в значении окраины – пограничной области. Украиной называли широкий пояс земель меж Русью – областью народа оседлого, занимающегося земледелием, и степью – областью кочевников. Южные рубежи русского поселения в средневековье в Причерноморской зоне возможно реконструировать на основе возник-

шего в конце XIV в. «Списка Русских городов» (Тихомиров 1952). Их определяют на Подолье: Бакота на Днестре, Соколец на р. Кальюс⁴, также Веница, Браславль и Новый городок на Южном Буге; в Киевской земле – Юрьев и Корсунь на Роси; и за Днепром только Хотмышь в верховьях Ворсклы и линия городов на Суле. Все эти территории завоевала Литва в XIV в. (Шабульдо 1987; 1998). В современной историографии отвергается мнение о катастрофических демографических последствиях монгольского нашествия XIII в., которое якобы спровоцировало уход населения на северо-восток к верховьям Десны и Оки. Напротив, по исследованиям О. Андрияшева и П. Клепатского, Посейме и Путивльский повет в XIV–XV вв. были цветущей провинцией на рубеже татарских кочевий (Русина). За Днепром Литва широко вела политику осаживания бежавших из Орды татарских князей (см.: Vobiński 2000: 99; Архив ЮЗР. Ч. VII. Т. 1: 90, 102; Т. 2: 133–134; Дворцовые разряды...; Kuczyński 1965: 221–226; Lietuvos Metrika 1995 47: 83. Анализ источников мой. – *Петкевич* 2002: 137–165). Потому предположение М. Грушевского (*Історія України...* 74–76) о том, что среднее Приднепровье, которое «в средневековье было костром политической и экономической жизни не только Украины, но всей Восточной Европы, в XII–XVI вв. стало паром, зарастающим дикой природой, не контролируемой человеком», не имеет никакого основания. Напротив, О. Русина удостоверяет развитие городов под властью Орды, хотя связывает это с преодолением последствий разрушений Галицкой династией, а не с благоприятными условиями этого развития, созданными Золотой Ордой (см.: Кульпин 1998; Клепатский 1912).

Источником исправляемых теперь, но долгими веками упроченных взглядов на русско-татарское соседство, по-моему, есть отождествление эпохи Золотой Орды со временами татарских набегов на Южную Русь, которые начались в конце XV в. Они начались с перемены союзов в Восточной Европе, когда Крымское ханство, союзник Литвы до 1473 г., заключило союз с Иваном III как ответ на противомосковский союз Казимира IV с ханом Большой Орды Ахматом (Podhorodecki 1987: 20). Начались разрушительные походы крымцев на Галицкую Русь и Подолье в 1474 г. и на Киев в 1482 г., предпринятые по желанию Ивана III. Татарские набеги опустошили большие пространства земель, на которых контроль литовского правительства стал чисто символическим. Потери населения оцениваются в 2–2,5 миллиона людей убитыми и взятыми в плен. Замедлился процесс развития городов. К примеру, на Подолье осталось только 2 города и 4 местечка, тогда как на Волыни их было 32 и 89 (Грушевський 2000: 75. Подсчеты: Сас 1989; Ochmański 1960: 349–398). Область, которая во время Золотой Орды была местом довольно мирной совместной жизни, была разорена (Kolankowski 1930: 5; ПСРЛ, т. XXII: 462; Рарée 1904: 228). Даже Менгли-Гирей не хотел после боев 1486–1491 посещать истребленную Украину: «бо пуста мно-го» (Сб. РИО. Т. 41 № 40: 182).

По мнению М. Грушевского, в конце XV в. «вся Украина... стала сценой страшных опустошений, татарских, турецких, волошских... Достижения цивилизации и культуры многих столетий пропали молниеносно. Вся степная сторона, весь пояс юго-восточный вплоть до линии лесов – Переяславльское, южное Черниговское, южное и центральное Киевское и восточное Подолье – стали пустыней, где только в немногочисленных государственных городках и исключительно в непосредственном соседстве держались небольшие группировки населения» (Грушевский 1907: 334–335). Согласно работам М. К. Любавского можно судить, что южная граница населения установилась на много столетий вдоль рек: Ягорлык, Кодым, Синюха, Большая Высь, Тясьминь (Любавский 1899: 235–248). (Исследованное население: Веница – 7 сел, в 1545 было 21; Брацлав (Брянславль) – 28 сел (1545 – 47 и вол. Красное), итак едва 35–40 сел во всем Подолье литовском – позднее воеводство Брацлавское). В номенклатуре документов XVI в. территорию, определенную как пограничье, называли по-русски *украинами*, по-польски «*кресами*».

Казаки – жители пограничья. В польской историографии мы находим термины: *Kozaczyzna ukraińska* или *Kozaczyzna zaporoska* (Rawita-Gawroński, Tomkiewicz) (Украинное или Запорожское казачество) (Яворницкий). Но здесь требуется уточнение. Первое упоминание о казаках находится в *Codex cumanicus*, где слово *казак* переводится как «часовой, стражник». Н. Яковенко замечает, что понятие *казак* в XIV–XVI вв. эволюционировало. Сначала слово *казак* обозначало свободного наемного работника, у татар – воина, который покинул свой улус, и шире – степного разбойника, изгнанника, беспризорного, авантюриста или просто неженатого парня. Яковенко цитирует определение В. Бартольда, что «казак – это лицо, которое в одиночестве или с семейством покинуло орду и самостоятельно искало средства содержания в степи, и это название потом распространилось на целые племена либо объединения племен, кочующих вне орды» (Jakowenko 2000: 142). Добавим еще формируемые по татарскому образцу в XVI–XVII вв. конные отряды, называемые казачьими хоругвями, чтобы уяснить, что понятия *казак*, *казачество* – весьма многообразные и исторически изменчивые. Кроме того, приверженцам поиска генезиса украинской нации в такой глубине веков, какая только возможно, удобно отождествлять запорожских казаков времен Хмельницкого со всеми казаками, отмеченными в ранних источниках (Franz 2002: 84–93). Известен факт: наместники, старосты и воеводы литовские Южнорусских земель и на Московском пограничье в XVI в. содержали отряды казаков, то есть легкой конницы, наемной или городской пехоты, что не имеет никакой связи с генезисом запорожских казаков, особой военной организации, созданной в пограничной степной зоне.

Возникновение запорожского казачества – основные моменты. После 1482 г. на Литовской Руси и восточном Подолье население от-

ступило на север, и область дикого поля значительно расширилась к северу и западу, к району лесов. В это пустое пространство лесостепей и степей проникали люди, ищущие истинную свободу. Там не было больших земельных собственников, и потому не было сословной системы. И понятно, почему на окраинах вокруг немногочисленных уцелевших городков, где старосты руководили городским населением, появились группы пришельцев, не признающих над собой никакой власти, называемые казаками, по определению Бартольда. Казаки занимали окраинные земли, номинально принадлежащие Литве, а после 1569 г. Польше. Д. Яворницький реконструировал на материале XVIII в. так называемые «*границы казацких вольностей*», вмещающие южную Киевщину, восточное Подолье и соседнюю степь. Он цитирует главным образом летописи Грабянки и С. Величко, которые сохранили память о господстве казаков на обоих берегах Днепра, равно выше и ниже порогов и даже в окрестностях Чигирин. Поддерживает этот тезис и О. Гуржій (Яворницький 1990: 27; Гуржій). Эти границы непрерывно менялись, но память о них существовала. Говорит о том фальсификат универсала Б. Хмельницкого якобы от 15.01.1655 г., который подтвержден привилеей Стефана Батория Запорожскому Низовому Войску. Согласно этому фальсификату земли, признанные казачьими, достигали границ собственно Крыма (Універсали... 250–251). Такую территорию мы можем отождествлять с понятием *Украины* в понимании, какое этот термин имел в XVI в. Сравнительно более узкое значение имело *Запорожье*, расположенное к югу от Киевской земли до низовий Днепра, где оседлое население было невозможным. Д. Яворницький вообще игнорирует историю казацкого реестра и восстания Б. Хмельницкого, как не принадлежащие истории Запорожья. Автор жил в Екатеринославе – как историк, этнограф и писатель, он был хорошо знаком с этим краем.

Низ – область, прилегавшая с юга к земле Киевской и Подолью, не была объята ни юрисдикцией, ни администрацией, была местом кочевий татар и летнего пребывания казаков. В более широком значении *Низ* обнимал *Дикое Поле* – название, известное с конца XV в. (лат. *campus desertus*) – обширную территорию меж низовьями Днестра на западе и устьем Дона и побережьем Азовского моря на востоке. В том *Низе Запорожье* – область, расположенная по обе стороны Днепра ниже порогов, недоступная, составляющая хорошее укрытие для всяких беженцев, место, богатое дикими зверями, рыбой и фруктами.

Именно в *Низу* возникла организация *запорожских казаков*, называемых также *низовыми* или просто *ножовцами*, которые стали началом и прообразом для всех казаков. Согласно В. Бобинскому овладение *Низом* казаками произошло в три этапа: 1) с конца XV в. на *Низ* уходили беженцы, а именно крестьяне и городской плебс; 2) создание Запорожской Сечи – жилища и одновременно военной организации казаков; ее творцом считается кн. Д. Вишневецкий; 3) создание Войска Низового

или Запорожского с момента установления реестра королем Стефаном Баторием. В известной описи Украины Г. Боплана самой важной информацией кажется нам то, что казаки не пребывали постоянно в Запорожье. Они прибывали туда весной, все лето занимались казацкими делами: строили чайки, на которых нельзя было переправиться через пороги и на которых они ходили в море, охотились, ловили рыбу, нападали на татарские улусы. В Запорожье не пускали женщин. Как свидетельствуют турецкие источники, которые в середине XVI в. отмечают казаков польских (украинных), запорожских, московских (донских) и русских (запорожских и донских), проникновение славян в татарскую степь быстро расширилось (Голобуцкий 1994: 139–140).

Далее уточнения требует прилагательное *запорожский*. Отсутствие точности может привести ко многим недоразумениям, через отождествление *географического Запорожья, запорожских казаков и Войска Запорожского*. Источниками отмечена большая разница между *Запорожской Сечью* и *украинским казачеством*. Последнее – это общность казаков, осевших на окраинах, принадлежавших Речи Посполитой, иначе говоря, *все население, остающееся вне сословной системы* – шляхты, мещан, податных крестьян, численность которого в 1-й пол. XVII в. оценивается в 150–200 тыс. *Украинские казаки* жили по королевским волостям и городам. Из них набиралось наемное войско по именному списку, называемому казачьим реестром. Реестровое казачье войско предназначалось сначала для обороны от татар, а с конца XVI в. призывалось на войну в Молдавию, потом со Швецией, Москвией и Турцией. Только *реестровые казаки* формально имели привилегии. Так была создана военная организация, принявшая название *Войско Низовое* или *Запорожское*. Большую роль в образовании Войска Запорожского сыграло вступление в ряды казаков мелких местных бояр (Леп'явко 1993: 49; Яковенко 1993: 246–247). Таким образом, на название Войска Запорожского равно претендовали как казаки настоящего Запорожья, так и казаки окраинных местечек и волостей. Нет сомнения, что это были в большинстве своем одни и те же люди. Речь Посполитая так и не урегулировала статус своих казаков. Государство для безопасности своих границ приняло казаков на королевскую службу, освобождая их от всякой обычной юрисдикции, отчего возникла идея *казацкого иммунитета*, идея освобождения казаков от каких-либо даней, повинностей, тягот, от всех местных властей, кроме собственной власти – казацкой. На Украине очень часто по необходимости меняли крестьянам службу волостную на боярскую, а мещан освобождали от налогов за военную службу. Хотя казацкие «привилегии» имели «особливый» характер, относились только к тем казакам, которые были записаны в реестр «на плате», но практически относились ко всем, только казна всегда задерживала выплаты и не сумела удержать порядка в реестре. Единственный критерий принадлежности к казачеству состоял в признании над собой власти казацкого суда: кто

признавал казацкую власть и юрисдикцию, тот становился казаком. Не юрисдикцию суда, поставленного государством (старост и старейшин), но неофициальную власть казацкую и ее выборную организацию (Грушевський 1995: 193, 264–266). Казаки на Низу или в волостях или в походах в чужие страны, полагали, что они стерегут страну от татар, утверждали свою службу сказаниями, что они «слуги короля и Речи Посполитой».

Колонизация Украины и народотворческий процесс. Люблинская уния и включение всех Южнорусских земель в Польшу внесли на эту территорию совсем новые условия жизни. На протяжении нескольких десятилетий население увеличилось в 10–20 раз. Возникли крупные собственники. С развитием колонизации казаки, до того владельцы страны, были оттеснены к Низу. Начиная с перелома XVI–XVII вв. казаки стали главной проблемой для Речи Посполитой. В этом государстве лично свободными были представители шляхетского сословия. Казаки, не будучи шляхтой, должны были войти в крестьянское сословие согласно конституции 1648 г. Шляхта не могла терпеть конкурирующего сословия – казаков, имеющих, как и шляхта, право пользования оружием. Для массы людей (среди запорожцев были московиты, поляки, волохи, белорусы, сербы, евреи и др.) пограничье стало убежищем от крепостного гнета, а Запорожская Сечь и ее военные действия – надеждой на легкую добычу и альтернативой для сословной системы Речи Посполитой (Bobiński 2000: 292). Войны конца XVI – начала XVII в., на которые призывались десятки тысяч казаков, усилили процесс их эмансипации и утвердили систему привилегий. После окончания турецкой войны (1621) попытка ограничения реестра до тысячи казаков не удалась и окончилась казацким восстанием. Кроме того, Брестская уния (1596) Сигизмунда III добавила религиозный аспект общественному конфликту. Уже с 1620 г. преследуемое православное духовенство получило поддержку от казаков гетмана П. Конашевича-Сагайдачного. По довольно согласному мнению украинских историков, соединение общественного и религиозного конфликта ускорило процесс кристаллизации народного самосознания русинов-украинцев, основанного на оппозиции католикам-полякам. Такая интерпретация ищет зародыш первой украинской государственности в организации Запорожской Сечи и в военном строе казацких восстаний XVI – первой половины XVII в. По-моему, такая интерпретация не выдерживает критики. Она предполагает однородность общественных процессов на вновь колонизированных землях пограничья и в «старых» землях Руси (Волини, Червонной Руси, Подолье). К последним казацкая проблема не относилась, потому что в них казаков просто не было. Казаки жили только в восточном Подолье и на Киевской земле. Напротив, религиозный конфликт относился ко всем Русским землям Польши и Литвы. Православие покинули магнаты, зажиточная шляхта и высшее духовенство. При своем вероисповедании остались мещан-

ство, крестьяне и мелкие бояре. На юго-восточной окраине создалась сильная корпорация, которую все время подкрепляли беженцы от крепостного гнета. Казацкая корпорация имела определенные взгляды на свой статус и в момент обострения национальных, религиозных и общественных проблем превратилась в великое восстание под руководством Б. Хмельницкого. Восстание было вызвано личными мотивами и казацкой проблемой, когда рухнула надежда на антитурецкий крестовый поход, организованный королем Владиславом IV, и желание восстановления «казацких вольностей» быстротою молнии охватило большинство населения Южнорусских земель Речи Посполитой. На завоеванных казаками землях стало создаваться казацкое государство.

Можно ли политическую организацию, созданную в ходе казацкой революции, назвать государством? Выше упомянуто, что в современной украинской историографии нет сомнения в этом вопросе. В общественных науках выработаны разнообразные определения ранней государственности, которая обсуждается как историческое явление, что позволяет на сравнительном фоне определить этапы ее развития. Однако точное определение, когда политическая система может быть признана государством, не имеет до сих пор однозначного теоретического решения.

Территория. Политическая система, которая возникла в казацкой революции 1648 г., соответствует всем условиям определения раннего государства. Оно образовалось внезапно вследствие драматических политических событий на территории, с которой были вытеснены все государственные институты Речи Посполитой. Предел действия армии и администрации коронной и литовской обозначал однозначно рубежи казацкого государства. В 1649 г. оно вмещало Киевское, Черниговское и Брацлавское воеводства, где казацкая администрация осуществляла фактическую власть. Таким образом, не имеют существенного значения формально-правовые основы, на каких оно получило легитимизацию своего бытия. В том случае это была «декларация ласки» королевской, данная в Зборове 18 августа 1649 г., согласно которой власть Б. Хмельницкого исходила от короля Яна Казимира. Территорию эту *Deklaracja łaski* определяла так: «От Днепра начиная с этой стороны в Димире, Горностайполе, Коростишове, Паволочи, Погребыщах, Прилуке, Венеци, Брацлаве, а оттуда, от Брацлава до Ямполья к Днестру, и от Днестра до Днепру, разумеется, они могут записываться в реестр казаческий, а с другой стороны Днепра, в Остере, Чернигове, Ромне, Нижине вплоть до Московской границы и Днепра». Казаки, живущие вне этих рубежей, могли свободно с имуществом переселиться в Украину. Кроме того, король пожаловал Хмельницкому и Войску Запорожскому Чигирин, амнистировал участников восстания, обязался не посылать своих войск в Украину, даже запретил евреям проживать в Украине. Интересно, что король не разрешил казакам продавать водку, но только разрешал гнать самогон для себя.

На самом деле на обозначенной территории уже летом 1648 г. (времененно даже на более широкой области – почти всей Южной Руси и юго-восточной Беларуси) казацкий гетман осуществлял суверенную власть и был самостоятельным субъектом внешней политики.

Создание государства – формула юридическая. В 1649 г. образующееся казацкое государство было подчинено королю Яну Казимиру. Дальнейшее развитие этого государства зависело от значительного расширения решений Зборовского соглашения, которому сопротивлялась Речь Посполитая (Kaszmarszyk 1988: 108–113). Королевские документы подтверждали казакам все «прошлые привилегии», а именно освобождение от юрисдикции старост и арендаторов, подтверждение полной судебной власти гетмана; устанавливали численность Войска Запорожского в 40 тысяч человек, происходящих равно как из королевских, так и частных владений. Население, не записанное в реестр, должно было оставаться в прежнем подданстве. Речь Посполитая обещала православному митрополиту и четырем владыкам места в сенате, но проблему отмены униатской церкви не решила. Иезуитам запрещалось действовать на Украине; все должности в Киевском, Черниговском и Брацлавском воеводствах должны были исполнять только православные шляхтичи. Позднее оказалось, что для существования этого государства самым важным было недопущение королевских войск и администрации на его территорию. Сейм не согласился на предоставление мест в сенате православным иерархам, как и не отменил церковной унии. Если отбросить нереализованные постановления очередных договоров и соглашений, а придерживаться только действительных исторических фактов, то есть возможность точного определения организации и хронологических рамок функционирования казацкого государства.

Организация государства. К концу 1649 г. была создана гетманская администрация, построенная на военно-территориальной основе. Начальной единицей был **курень** (прежний десяток), числом 10–40 казаков от одного хутора, села, местечка или квартала города. Управлял куренем куренный атаман, но гражданская власть оставалась в руках выборного войта. 200–300 казаков создавали **сотню**, эквивалент роты, а по области – волость. Сотней командовал сотенный атаман с помощью выборной старшины – есаула, писаря и хорунжего. 11–22 сотни (в зависимости от людских ресурсов) создавали **полк**, эквивалент староства (повета); в 1649 г. полков было 16. Полком командовал полковник с помощью полковой старшины (писарь, судья, есаул, обозный) (все данные по: Реестр...). Характерно, что, кроме куреня, все командиры исполняли равно военную и гражданскую власть. Формально все должности были выборными, и на каждой ступени верховную власть исполняло всеобщее собрание казаков – совет (казацкий круг, сотенная или полковая рада), но в военных условиях пол-

ковников назначал гетман, а сотников – полковник. Таким образом, возникла достаточно эффективная централизованная политическая система, где полнота власти принадлежала гетману, который исполнял все функции монарха. Он был верховным вождем войска, шефом администрации, верховным судьей и законодателем. Правительством при гетмане стала Генеральная старшина – обозный, писарь и его канцелярия, по два генеральных судьи и есаулы, все полковники и другие сановники. Генеральная рада (всеобщий совет) – номинально верховная власть Войска Запорожского – никогда не собиралась в полном составе, от случая к случаю участвовали в ней казаки полка, в котором она собиралась, и депутаты остальных полков.

Казаки – привилегированное сословие. В раннем казацком государстве очень трудно найти рубеж, отделяющий правящих от подданных. В 1648 году Хмельницкий с казаками неожиданно встал во главе всех социальных слоев: православной шляхты, мещан и духовенства. Но единственным основателем государства было привилегированное сословие – казаки числом 40 тысяч (точно по реестру 1649 г. – 40 477). Исследователи оценивают численность всех, считающих себя казаками и служащих под знаменами Хмельницкого, в 3–4 раза больше, но так называемого «доборового войска» было 40–50 тысяч, остальные – это *показаченные* мещане и крестьяне (Реестр... 16). Опорой государства была старшина – центральные чиновники, полковники, командиры и офицеры всех ступеней. Большой процент в составе старшины занимала мелкая русская шляхта православного вероисповедания (бояре). Она с самого начала вступала в реестр и занимала большинство офицерских должностей Войска Запорожского. Шляхта сохранила свои имения (Леп'явко 1993: 49; Яковенко 1993: 245–247). Таким образом, рядовые казаки только формально влияли на политику государства. Они создавали генеральную раду, называемую также *чернецкой радой*, а значит, просто Войско его королевской милости Запорожское. Строй генеральной рады, на что очень редко обращают внимание историки, происходил непосредственно от шляхетского сеймика, который был просто рыцарским кругом. Рыцарским кругом считала себя вся Речь Посполитая. Сеймик помимо демократизма шляхты соблюдал свою иерархию санов и престижа, происходящую еще от средневекового вече, которое было собранием всех сановников и чиновников земли. Последовательно в сеймике в центре сидели сенаторы и земские чиновники, лица, пользующиеся особым престижем из-за происхождения или богатства, центр окружали рядовые шляхтичи. В совещании практически принимали участие только эти первые, они имели право голоса, остальные участвовали лишь в общем одобрении или неодобрении принятых решений. В сеймике не было ни каких-либо правил, ни порядка совещания, кроме решений выборного маршалка (предводителя). В описях казацких рад в Сечи, даже Запо-

рожском Войске, мы находим похожие или идентичные обычаи: старшина в центре, рядовые казаки вокруг, хорowymi возгласами принимающие решения старшин. В 1649 г. такой порядок совещаний считался уже традиционным, исходящим от начала Войска Запорожского (Opisy Ukrainy 1972: 69, 139). К решению сложнейших проблем допускались отдельные совещания старшины. Сами себя казаки провозглашали шляхтой в принимаемых воззваниях, например, запорожцы именовали себя «рыцарством», «товариществом» («славное запорожское низовое товарищество» и т. п.).

Казаки, записанные в реестр, стремились создать особое сословие, стоящее выше всех остальных слоев общества, узаконить себя как шляхту. О том говорит быстрое составление реестра в 1649 г. Согласно Зборовскому соглашению Хмельницкий был обязан доставить реестр королю до 12.IX.1650, но реестр был готов уже 16.XII.1649, и казацкие послы передали его королю в Варшаве 7.I.1650 (Kaczmarszyk 1988: 120; za: Stanisława Oświęcima Dyariusz. 1643–1651, wyd. W. Czermak, Kraków 1907: 212). Основной задачей полковой администрации в то время было завести порядок и принудить крестьян вернуться в деревню и начать нормальную работу. Привести массу черни, освобожденной от подчинения, к какому-нибудь порядку было очень трудно. Сразу возникла оппозиция, которую возглавили начальные вожди революции – полковник брацлавский Д. Нечай, черниговский М. Небаба и нежинский П. Шумейко. Масштаб проблемы отражает то, что в полку Нечая записано в реестр 2622 казаков, когда фактически было их около 30 тысяч. Универсалы Хмельницкого позволяли шляхте вернуться в свои имения и запрещали скрывать панских поданных и «всякой шалости» (Універсали... 41: 111, z 10.VIII.1650). Недовольство было подавлено силой, но это во многом лишило Хмельницкого популярности. Не записанные в реестр казаки бежали в Запорожье, но после подавления оппозиции старшин (полковник Шумейко лишился чина) Хмельницкий послал в Сечь карательную экспедицию, бунтовщиков арестовали, а предводитель Худолый был казнен. Хмельницкий ликвидировал автономию Сечи, запретив выборы кошевого атамана и поставив свой гарнизон реестровых для поддержания порядка. На территории Запорожья ввели полково-сотенную систему, отменили курени, вместо которых создали местные единицы – паланки, которые делились на курени – военно-хозяйственные части (Kaczmarszyk 1988: 138; Степанков 2001: 82–83; Стороженко 1999).

Монархия. Уже Г. Боплан подчеркивал особую роль гетмана, избранного в Сечи на время войны. Действительно, избранный в апреле 1648 г. Б. Хмельницкий исполнял упроченную долгой казацкой традицией диктаторскую власть военного времени. Власть гетмана с момента завоевания собственной территории Запорожского Войска начала быстро эволюционировать к известному образцу монаршей власти.

Как исключительно военная организация, Войско Запорожское не присвоило себе польской структуры королевской власти, законодательно ограниченной правомочиями сейма. Среди казаков старшина и рада были фактором, определяющим только рамки общественного ограничения монаршей власти Хмельницкого, те рамки, которые ограничивают каждую власть. По этому поводу Г. Ловмянски писал: «Неограниченную, значит, абсолютную, власть характеризует отсутствие законного ограничения, это правовой аспект проблемы; вместо этого с социологической точки зрения нельзя говорить о существовании когда-нибудь государственной власти, в том числе абсолютной, изолированной от влияния общественной среды, независимой фактически от общества. И тогдашний абсолютный монарх правил при помощи бюрократии, которая не была только пассивным инструментом в его руках, но была фактическим фактором власти, хотя с юридической точки зрения правителя не ограничивала» (Łowmiański: 184).

Для упрочения казачьего государства необходимым стало узаконение власти гетмана на основе принципов, признаваемых в XVII в.: происхождение власти от Бога и династическая легитимность. Так можно толковать действия Хмельницкого, направленные на восстановление на Украине законной, православной династии. По соседству было два таких государства, соответствующих этому критерию: Россия под управлением династии Романовых и Молдавия под управлением Лупулов. Близкие экономические, общественные и даже религиозные связи с Молдавией направили Хмельницкого к мысли опереть свою династию на правомочия династии Лупулов. В том мы видим причину упорной борьбы Хмельницкого, который, несмотря на большие потери, реализовал план брака своего сына Тимоши с дочерью Лупула Роксандой. Он хотел соединить Молдавию с Украиной, а для Лупула завоевать Волошину (Мультаны). Даже после смерти Тимоши не отказывался от династической идеи, передавая гетманскую власть сыну Юрию, что постановила старшина в апреле 1657 г. (Гвоздик-Прицак 1999: 126–127).

Идеология. Идеал легитимизации монархии Хмельницкого требовал идеологического обоснования. Его доставила борьба за возвращение правящей роли православной церкви, утраченной во время Брестской унии 1596 г. Пик стихийного восстания 1648 г. охватил почти все русские земли Короны и Великого княжества Литовского и породил мысль о том, чтобы основой нового государства стала вся *Земля Русская*, понимаемая как территория проживания русских подданных Речи Посполитой православного вероисповедания. Таковую мысль выразил Хмельницкий в речи к королевским послам в Переяславле в феврале 1649 г., когда сказал: «Бог дал меня это: что я самовластитель и самодержец Русский... Выбью из Ляцкой неволи весь Русский народ; а что сперва за шкodu мою воевал, теперь воевать буду за веру православную нашу. Поможет меня в этом чернь вся по Люблин, по

Краков... За границу на войну не пойду, сабли против турок и татар не обнажу; достаточно мне на Украине и Подолье и Волыни теперь; достаточно отдыха; достатку и пожитку в Земли, Княжестве моем по Львов, Холм и Галич. А оказавшись над Вислой, скажу дальнейшим ляхам: «Сидите и молчите Ляхы». И дюков и князей там загною: а будут ли от Завислья кричать; найду их там, конечно. Не постоит нога никакого князя, ни шляхтича на Украине; а захочет ли хлеба, который из наименьших пусть войску Запорожскому послушным будет, а на короля не крикнет» (Michałowski 1864: 375–376). В этой речиманифесте победоносного вождя восстания видны три элемента: 1) народно-освободительный – освобождение всего русского народа от польского правления и начертание территории до Вислы, охватывающей Украину, Подолье, Волынь и города Львов, Холм и Галич (Michałowski 1864: 375–376); 2) формирование идеала самодержавной монархии, несомненно, противостоящей польской традиции; 3) политический реализм, подчеркивающий верность королю, что означало намерение остаться в границах Речи Посполитой, но на своих условиях.

Экономические основы. Около 1648–1649 гг. был создан новый государственный институт «Войсковы скарб» (казна), находящийся в личном управлении Б. Хмельницкого (Гвоздик-Прицак 1999: 99–107). Вопреки общему мнению так и действовали последующие гетманы и лишь только в Гетманстве (Малороссии) в 1728 г. появился особый чин управляющего скарбом (подскарбия генерального). В казну поступили все земли, экспроприированные казаками, – королевские, шляхетские имения, имущество католической церкви (Гвоздик-Прицак 1999: 103–104). Б. Хмельницкий применил польскую казенную систему. Он стал получателем всей прибыли от вышеназванных имений, кроме того, в казну поступали доходы от внутренней и внешней торговли (таможенные налоги и мыта), доходы от полезных ископаемых и монетного двора, дани и налоги, которые он наложил на все население своими универсалами. Л. Гвоздик-Прицак утверждает, что Хмельницкий играл в то время двойную роль: польского короля, как главы государства, и подскарбего, как распорядителя казны. В условиях продолжительных войн, поглощающих огромные средства, Хмельницкому не нужно было согласия старшины на конкретные расходы. Уже современники оценивали доход скарба казацкого в 5 миллионов польских злотых (Грушевський 1995: 109). Л. Гвоздик-Прицак оценивает годовые приходы казны Хмельницкого в 7495 тыс. зл. (Гвоздик-Прицак 1999: 114), которые расходовали: на содержание 60-тысячной армии казаков вместе с артиллерией – около 4400 тыс. зл., на татарскую конницу – около 1000 тыс. зл., на дипломатическую службу – около 1150 тыс. зл. и в резерве оставалось около 1000 тыс. зл., отчего пошло убеждение, что у казацкого гетмана «никогда не бывает отсутствия гро-

шей». Это стало возможным благодаря монетному двору, созданному в 1649 г. в Чигирине, где чеканили монету с именем Хмельницкого. Описание такой монеты находим в рапорте московского посла Г. Кунакова от декабря 1649 г.: «А в Чигирине де учинил Богдан Хмельницкий мынзу, и деньги делают; а на тех новых деньгах на одной стороне меч, а на другой стороне его, Богданово, имя» (Воссоединение... 315). Как таковая монета не сохранилась, она неизвестна современной нумизматике.

Международное положение. Казацкое государство возникло только благодаря поддержке Крымского ханства, которое было самым близким соседом и партнером. Казацкая элита давно сдружилась и поддерживала близкие (а также семейные) отношения с татарской знатью. Условия договора о казацко-татарском союзе хорошо исследованы в историографии. Со стороны Крыма договор был направлен на устранение планов крестового похода польского короля Владислава IV и ликвидации ханства (Туранли 2000: 71–75 и другая литература). Пока государство Хмельницкого ослабляло Речь Посполитую, Крым усиленно поддерживал казаков, но не бесплатно (мы уже говорили, что татарская конница ежегодно получала 1 миллион зл.). Но действия 1649 г. показали, что хан Ислам Гирей III не допустил потери равновесия между соседями Крыма и чрезмерного усиления одной стороны конфликта. Поэтому он принудил Хмельницкого принять условия Зборовского соглашения. Но когда в борьбу за Украину в 1654 г. вступила Россия, Крым немедленно поменял ориентацию и поддержал Польшу, правильно оценивая угрозу со стороны объединенных сил России и казачества (Wójcik 1959). Прежние достижения историографии достаточно обосновывают тезис, не совсем приемлемый для украинских историков, о том, что победа казацкой революции была возможной только при поддержке Крымского ханства, которое в исламском мире отвечало за политику в Восточной Европе (Гвоздик-Прицак 1999: 132–137). Кроме платы коннице, Хмельницкий отдавал татарам всех пленных (ясыр) и делал богатые подарки хану и крымской знати.

Поскольку мир с Речью Посполитой был устойчивым при условиях, навязанных поляками при поддержке хана, Хмельницкий с самого начала предпринимал поиски союзников и протектората других монархов – Турции (1650), России (1653), Швеции (1655). Лучшим и хорошо знакомым союзником могла стать Турция из-за тесных экономических связей, процветающего торгового пути от Киева и Чигирина через Яссы в Стамбул и надежды на династическую связь с Молдавией. Статус вассала Турции мог принести государству Хмельницкого безопасность со стороны Польши и легитимизировать его династию (Гвоздик-Прицак 1999: 129). Это разъясняет, почему Хмельницкий до 1653 г., до смерти сына Тимоши, вел упорную борьбу за Молдавию и только лишь после того реализовал вторую альтернативу – союз с Москвой. Выбор Москвы вытекал из необходимости подчинения православному сюзеру,

который являл с идеологической точки зрения противовес польскому королю – католику и турецкому султану – мусульманину.

В это время связей между Украиной и Россией практически не было. В сознании украинской элиты эти связи были только исторические, книжные. Казаки посещали Слободскую Украину и Дон, условия тамошней жизни хорошо знали, но им не хватало действительного знания жизни Москвы. Это выявилось уже в момент окончания Переяславской рады 1654 г. Не только казацкая канцелярия не знала полностью царских титулов, но казаки не понимали сущности царского самодержавия. По мнению З. Когута, в 1654 г. столкнулись две традиции: российского централизма, опирающегося на концепции наследственного царства, и автократии с договорной системой отношений украинских казаков с королевской властью (Когут 1996: 317). Только из-за отсутствия реальных возможностей установления своего порядка царь Алексей Михайлович признал широкую автономию Войска Запорожского и согласился на договор одновременно и союза, и протектората⁵. Со своей стороны, Хмельницкий относился конъюнктурно к этому союзу и использовал любые возможности для укрепления своего государства. Во время начала русско-польской войны (1654–1667) и шведского нападения на Польшу (1655), вопреки приказам из Москвы, он начал расширять свою территорию. Казаки заняли юго-восточную Беларусь – Гомель, Могилев, Быхов, где создали казацкий белорусский полк и построили порт, предназначенный для контактов с Прибалтикой. Командование в Беларуси получил Иван Нечай, зять Хмельницкого. Россия смогла ликвидировать казацкую администрацию в этой части Беларуси лишь после смерти Хмельницкого в августе 1657 г. Нечай пользовался титулом белорусского, могилевского и гомельского полковника и утверждал, что Хмельницкий повелел ему туда «панование», что привело к официальной реакции Москвы, которая обратила внимание, что «панование» обозначает «государствование», а в России «государствует и пишется царь» (Горобець 2001: 151–157; Грушевський, т. IX/2: 1212).

Война с Речью Посполитой. Существование казацкого государства зависело от Речи Посполитой: примет она мирное соглашение или перейдет к наступлению для отвоевания взбунтовавшейся провинции. До 1650 г. польской политикой руководили канцлер Ю. Оссолинский и воевода А. Кисель, которые признавали фактическую самостоятельность казацкого государства при условии формального признания над собой власти польского короля и гарантии, что Хмельницкий не будет вступать в союз с врагами Речи Посполитой. Оссолинский и его советники, вероятно, хорошо понимали глубину перемен в Украине: обращение вспять потребовало бы всех сил Речи Посполитой. Это не понимало большинство шляхты. Лишь акция Хмельницкого в Молдавии показала шляхетскому обществу опасность со стороны

Войска Запорожского для международных интересов Речи Посполитой. В 1651 г. огромная польская армия победила казацко-татарские силы в сражении под Берестечком на Волыни, а литовские войска заняли Киев. В результате дальнейшей кампании 28.IX.1651 Хмельницкий вынужден был принять Белоцерковское соглашение, которое, если бы не глубокий кризис в Польше, могло стать конечным актом казацкого государства. По этому соглашению реестр сокращался до 20 тысяч человек. Хмельницкий подчинился полному контролю польских гетманов и отказался от самостоятельной внешней политики. Самым важным было допущение коронных войск за Днепр и возврат шляхте имений. Казаки могли жить только в королевских имениях Киевского воеводства. Теоретически казацкое государство прекратило свое существование, утратило половину территории и перестало быть политическим субъектом, а Войско Запорожское вернулось в положение наемного войска польского короля. Изменения были, к счастью казаков, кратковременны. Сейм 1652 г. «утонул» в борьбе между магнатами и королем и был сорван, что использовал Хмельницкий, который разгромил войско гетмана М. Калиновского под Батогом 2.VI.1652. Казацкое государство вернулось к границам с 1649 г., а Тимош Хмельницкий женился на Роксанде. Но Речь Посполитая еще имела силы и средства на мобилизацию новой армии. Заблокированный около Жваньца на Днестре король Ян Казимир искусно охранял действия своих частей в Молдавии, где Тимош был разгромлен и убит. 15.XII.1653 король договорился с Ислам Гиреем III, который снова вынудил Хмельницкого заключить соглашение с Польшей на условиях 1649 г.

Неудача казацких стремлений к независимости имела свое глубокое основание внутри украинского общества. Рождающейся монархии не хватало общественной опоры. Прежде всего, подвела казацкая элита. Она не была убеждена в возможности получения независимости. А потому сомнительно, что общество было готово бороться за создание своего государства. Старшина уже в 1651 г. разделилась на два лагеря. С одной стороны, старые казаки Ф. Веш-няк, К. Бурлай, Л. Мозыря, И. Чернята, пользующиеся полным доверием казацкой черни, противились какому-либо компромиссу с Польшей и были готовы признать присоединение Украины к России, лишь бы не допустить снова польскую шляхту в ее имения. Второй лагерь создали украинские шляхтичи И. Выговский, П. Тетера и И. Богданович-Зарудный, которые понимали, что русское правление лишит их привилегий, которые они гарантированно имели в Речи Посполитой. Эта группа поддерживала Б. Хмельницкого в надежде возврата позиций, утраченных во время народного восстания. С ходом времени они приняли идеалы казацких вольностей и были обязаны Хмельницкому имениями и самыми высокими чинами в государстве. Представители этой группы враждебно

относились к царю и к развивающемуся процессу *казачения* крестьян (Kaczmarszyk 1988: 174). Волна бунтов и беспорядков потрясла Украину после Зборовского соглашения и была кроваво подавлена гетманом. Недовольные бежали в Россию, где их направляли в Сибирь и Поволжье. Хмельницкому удалось овладеть ситуацией благодаря поддержке Выговского и его сторонников. В дальнейшем единственным средством предупреждения волнений стала война, что, конечно, прекратило возможность мирного построения государства. Парадоксально, что удерживание общества в постоянном военном положении было единственной гарантией сохранения гетманской власти (см.: Документы... 251).

Казацкое общество и проблема независимости. В среде казацкой элиты можно выявить только нескольких приверженцев идеи независимости Украины, таких как И. Богун или П. Дорошенко. Богун принадлежал к той группе полковников, которые редко шли на компромиссы. Кажется, что после Белоцерковского соглашения он был готов «бороться с самим Хмельницким», не признавая польской верховности. Также в 1654 г. отказался присягать на верность царю Алексею. После смерти Б. Хмельницкого поддерживал его сына Юрия, потом И. Выговского, пока их политика была направлена на сохранение независимости. Чтобы не допустить завершения Гадячского договора, он вместе с кошевым атаманом И. Серко организовал восстание против Выговского, за что его посадили на 2 года в Мальборк. Освобожден он был по просьбе П. Тетеры, принял участие в походе Яна Казимира за Днепр, где был обвинен в измене и расстрелян (Гуржий 1998: 7–26). Похожими были повороты карьеры П. Дорошенко, который, много лет лавируя между Польшей, Турцией и Россией, свои действительные взгляды объявил лишь будучи гетманом (1665–1676). И. Перденя (Perdenia) убедительно доказывает, что Дорошенко всю свою деятельность направлял на дело независимости Украины. Оба этих легендарных вождя казачества не нашли поддержки своей политики. Кажется, их взгляды разделяло только меньшинство.

Приведенные факты доказывают, что в сознании рядовых казаков и сотен тысяч *показаченных* крестьян и мещан господствовали негативные цели борьбы: сопротивление власти польской шляхты, собственной казацкой знати, стремление к отмене церковной унии, приверженность к казацким вольностям и др. Одновременно видно отсутствие конструктивных элементов, а именно понимание того, что если казацкие вольности противостоят господствующему строю всех соседних государств, то эффективная защита этих вольностей возможна только в границах своего государства. Дальнейшая судьба казацкого государства показала, что включение Войска Запорожского в Речь Посполитую, Россию или Турцию каждый раз заканчивалось ликвидацией «вольностей» и ассимиляцией к господствующему порядку. Только долговременные войны между соседними государствами и равновесие между Россией и Турцией до 1774 г. позволило дожить некоторым

институтам казацкой автономии в России почти до конца XVIII в. Украина заплатила за свои искания высокую цену: полным опустошением Правобережья и Запорожья. В литературе период опустошения датируется временем от смерти Хмельницкого до гетманства И. Мазепы (1657–87). Фактически опустошение началось раньше, с началом русско-польской войны в 1654 г., когда после сражения под Охматовом (30.I–2.II.1655) Польша была вынуждена согласиться на зимование Орды в восточном Подолье, следствием чего стало полное опустошение этой земли.

Опустошение. История падения казацкого государства показывает, сколь большую роль играл харизматический монарх в жизни раннего государства. После смерти Б. Хмельницкого старшина стремилась защитить государство сильной поддержкой авторитета покойного гетмана, сосредоточенным в его династии и легендарном богатстве. Когда сын Богдана Юрий оказался неспособным к исполнению обязанностей гетмана, осенью 1657 г. отдали булаву И. Выговскому как регенту. Выговский был самым близким соратником Б. Хмельницкого и, кроме того, родственником рода Хмельницких через брак его брата Даниила на Олене Богдановне. В 1660 г. она вторично вышла замуж за П. Тетеру (о нем говорили, что жена купила ему гетманскую должность, которую тот исполнял в 1663–1665). Очередным гетманом стал П. Дорошенко, женатый на дочери Павла Яненко Хмельницкого. Высокие должности наказных гетманов исполняли другие родственники Хмельницких: Яков Сомко, Иван Золотаренко, Даниил Выговский, Даниил Нечай, Михайло Кричевский. Я. Дашкевич пишет, что Хмельницкий создавал узкую верную группу – зачаток аристократии, составленную из родственников, что он сознательно вел династическую политику (Дашкевич 1992: 78–92). Среди них только Ю. Хмельницкий, гетман 1657 и 1659–1663 гг. имел непосредственное право наследия, важного для непрерывности власти. Таким образом, внутри казачества столкнулись два идеологических направления: монархизм «клана Хмельницких» и казацкий республиканизм. Большинство казаков поддержало «демократов», оглядывавшихся на институты Запорожской Сечи, забывая, что они напоминают анархию шляхетской Речи Посполитой. Внутренние силы, которым повезло контролировать Хмельницкого, взорвали государство после его смерти.

Ухудшилось также международное положение казацкого государства. Уже русско-польское перемирие 1656 г. показало, что для России Украина является предметом торга с Польшей в тяжбе о ревизии Поляновского мира (1634), а ее конечная цель – аннексия Украины под выгодным идеологическим обоснованием – защиты православных русинов. Ограничения автономии, навязанные очередным гетманам царем Алексеем, склоняли казацкую элиту к поиску поддержки в Польше. Результатом была Гадяцкая уния 1658 г. Ее творцы: И. Выговский и кальвинист по вероисповеданию магнат Юрий Немирич – выработали

концепцию Княжества Русского как третьего равноправного члена Речи Посполитой. По условиям унии, польский король согласился принять титул Великого князя русского наравне с титулом Великого князя литовского. В княжестве власть оставалась в руках гетмана как киевского воеводы и первого сенатора. Все институты Русского Княжества напоминали шляхетскую автономию. Падение унии произошло из-за разногласий среди казачества. Для большинства соглашение с Польшей явилось отходом от идеалов казацкой революции и жертв 10 лет упорной борьбы. Рядовые казаки, поддержанные Москвой, не примирились с возвратом в Украину польской сословной системы, и выбрали на должность гетмана Ю. Хмельницкого. Вспыхнула внутренняя война, но Ю. Хмельницкому не хватило сил и способностей для сдерживания хаоса. После неудачного польского умиротворения Украины 1660 г. государство распалось на два гетманства. При поддержке Запорожской Сечи, где возродилось независимое братство, и России в должность гетмана Левобережной Украины вступил И. Брюховецкий. На Правобережье Польша отдала булаву П. Тетере. Началась борьба между двумя гетманствами за их объединение, которая велась до 1667 г., когда Польша и Россия, ожидая турецкого нашествия, разделили Украину между собой по линии Днепра. Андрусовское перемирие передало Левобережье и Киев России, Правобережье – Речи Посполитой, Запорожье стало кондоминиумом обеих сторон, а фактически было под контролем России. Казаки не признали раздела и под руководством П. Дорошенко начали борьбу за воссоединение обеих сторон Днепра под протекторатом Турции. Как писал З. Когут, иностранные войска, несколько противоборствующих казацких армий, классовые антагонизмы между крестьянами, рядовыми казаками и элитой бросили Украину в омут анархии (Когут 1996: 36).

Правобережье подверглось сплошному опустошению, остаток населения изгнали на Левобережье. В Запорожье Сечь выделилась в полусамостоятельную республику, лавирующую между Россией, Крымом и Польшей. Гетманство существовало на Левобережье под контролем России. Пока длилась турецкая оккупация Подолья (1672–1699), Речь Посполитая содержала небольшие части реестрового Войска Запорожского на Правобережье, но кроме названия оно ничем не напоминало казацкие войска эпохи Хмельницкого. После Карловицкого мира 1699 г. сейм упразднил Войско Запорожское в Речи Посполитой. Сопrotивление наказного гетмана Самуся и полковника С. Палая спровоцировало последнее казацкое восстание в Польше 1702–1704 гг., которое использовал гетман Левобережья И. Мазепа (1687–1709) для занятия некоторых городов на правом берегу Днепра и который во время Северной войны предпринял последнюю попытку отвоёвать независимость Украины при поддержке короля Швеции Карла XII. Полтавское поражение и смерть Мазепы в 1709 г. положили конец

борьбе казаков за свое государство. Выступление Мазепы в союзе с кошевым атаманом К. Гордиенко дало Петру I повод для разрушения Запорожской Сечи. Просуществовало еще гетманство (укр. Гетманщина) на Левобережье, официально называемое Малороссией – автономная часть Российской империи.

Наследие. Малороссия, гетманство Левобережья, стала колыбелью украинского национального сознания. Украинцы считают Гетманщину непосредственным наследником государственности, созданной Б. Хмельницким. Это не совсем точно по данным исторической науки, по которой в XVIII в. вследствие бурных перемен в Малороссии возникла новая общественная структура и система правления, отличающаяся от русской и польской. Украинские «права и вольности» основывались на этой новой структуре, используя некоторые институты и традиции казачьего гетманства, а также политические взгляды и мифы его элиты (Когут 1996: 37). В Малороссии возникла новая элита, которую создала шляхта польского времени вместе с казацкой старшиной, происходящей из низких сословий, которая во время правления И. Самойловича (1672–1687) и И. Мазепы укрепила свою земельную собственность и приняла шляхетскую модель жизни. Однако все они были вынуждены стать казаками, но выделились в «значне товариство войскове». Остальные казаки сохранили древние привилегии, такие как самоуправление, освобождение от налогов, право собственности земли, право винокурения, свободы торговли некоторыми товарами. Эта группа из-за отсутствия платы за службу, которую получали в Польше, подвергалась экономической и общественной деградации и переходила в ряды свободных крестьян. Города Малороссии были невелики и не играли большой роли в народном хозяйстве края. Они сохранили немецкое право – наследство Речи Посполитой. Крестьяне, получившие личную свободу в результате казацкой революции, платили только налоги, но к середине XVIII в. большинство из них снова попало в крепостничество через дары монастырям, поборы шляхты и казацкой старшины. Около 1760 г. из 515 тыс. всех крестьян уже 465 тыс. было частновладельческими. Особенностью общества Малороссии была небольшая по сравнению с Россией доля крестьян. Они составляли приблизительно 50 % населения (в России 90 %), почти столько было казаков – 455 тыс., духовенство, русские дворяне, офицеры и другие привилегированные слои составляли 11 тыс. человек, в том числе новая шляхта – всего 2400 человек мужского и женского пола. Малороссийская элита соединила шляхетские и казацкие традиции в том, что «статьи Б. Хмельницкого» – своеобразная конституция гетманства, всякий раз меняющаяся под нового гетмана, – сохраняли договорную систему отношений казаков с правительством и гетмана с императором. Кроме того, новая шляхта приняла на себя ответственность за сохранение государственного строя, чем напоминала шляхту Речи Посполитой. Эту от-

ветственность утверждал, кроме того, действующий Литовский статут 1588 г., в котором шляхта находила ежедневную поддержку для осознания глубоких общественных разногласий с единой Русской империей. Большое количество казаков (фактически показаченных крестьян) долго не позволяло ликвидировать гетманство и казацкую самоорганизацию. Казацкие традиции и «права и вольности» требовали почтения. На таком фоне возникла героическая казацкая традиция, а именно прославление Хмельницкого в литературе. Появился новый жанр – казацкие летописи: Грабянки (1710), Савицкого (1718) и Велички (1720). В этих произведениях появилось новое самосознание, элементами которого стало уважение казацкого прошлого, шляхетское политическое мировоззрение и ощущение отличия от России, с которой Малороссию, согласно взглядам малороссийской элиты, соединяет только царское лицо.

* * *

Возникшее вследствие казацкой революции государство Б. Хмельницкого было только этапом в долгой истории формирования украинского народа. Неожиданный кризис Речи Посполитой и стечение обстоятельств международной политики, а именно поддержка Крымского ханства обусловили кратковременное самостоятельное существование этой политической системы. У нового господствующего сословия – казачества – не было сплоченности и самосознания для защиты института государства, поддержка которого зависела от настроений крестьянских масс. Устройство, фундаментом которого было сопротивление польскому гнету, а структурные основы состояли из смеси «казацкого демократизма» и «гетманского монархизма», было быстро разрушено внутренними противоречиями. Внутри казацкого государства отсутствовали силы, способные к упорному строительству государственных институтов, умеющих создавать общественный мир, необходимый для создания структур власти. Казацкое государство объединило только небольшую часть Южнорусских земель. Элита остальной части будущей Украины (И. Выговский и его соратники) или полонизировалась, или стояла на почве соблюдения господствующего порядка Речи Посполитой. В этом смысле мы видим отсутствие существенных сил, способных построить украинское государство, из-за отсутствия политической украинской национальности. Единственным фактором, соединяющим общество, было православие. В Гадячском договоре И. Выговский один раз вышел за рубежи Русского Княжества, обусловливая соглашение согласия поляков на основании трех высших православных учебных заведений в Речи Посполитой и гарантии свободы православного вероисповедания во всей стране. Еще больше говорит об этом постановление всех слоев южнорусского общества в связи с проблемой отдачи Киева Польше в 1669 г. Против отдачи «православной столицы» выступили все. Даже П. Дорошенко, в то время

вассал Турции, писал Алексею Михайловичу, протестуя против угрозы возврата иезуитов на Украину.

В международных отношениях маленькое казачье государство могло противостоять могучей Речи Посполитой только при поддержке других государств. Потому крымские татары в заботе о равновесии у своих северных границ быстро навязали казакам компромисс с Польшей. Попытка основания казачьего государства при протекторате России закончилась разделом Украины и захватом Киева и Левобережья. Одновременно борьба за Правобережье завершилась ее полным опустошением. Последствием было отречение от идеи построения особой государственности. Этот идеал из сферы текущей политики перешел «в царство басен и платонических мечтаний». Политика ограничилась соблюдением автономии. Высшие слои Левобережья (старшина, духовенство, мещане) приняли идеологию «малороссийскости» (хохлячества) с характерным отречением от национальности как средства самосохранения. Раболепство дошло до крайнего эгоизма, одетого в платье показного смирения, готовности пожертвовать духовными ценностями ради материальных благ и карьеры. Проявлением этого был отказ от борьбы за единство Украины, признание его вредным (см.: Степанков 2001: 96).

ПРИМЕЧАНИЯ

* Впервые опубликовано в журнале «История и современность», № 2, сентябрь 2005, с. 35–63 под названием «Украина на перепутье: Казачье государство в XVII в.». Текст печатается по указанному изданию.

¹ М. Жарких перечисляет 113 работ, посвященных разным аспектам казачьей государственности XVII–XVIII вв.

² В. С. Степанков, создавший одну из самых новых работ, синтетически представляющих проблему, цитирует М. Грушевского: «Хмельницкий был сознательным носителем украинской государственной идеи» (Степанков 2001: 80).

³ Кроме того, В. С. Степанков цитирует В. Шевчука: «Только гадяцкий договор олицетворял национальный идеал украинцев, борющихся за свою государственность» (Степанков 2001: 81).

⁴ Далее всех на юго-востоке на Подолье были в 1505 г. имения Никиты Хамчича, пожалованные его семье кн. Владимиром Ольгердовичем (Pietkiewicz 1995: 136).

⁵ Несмотря на все это в российской историографии живет миф о «воссоединении Украины с Россией». Л. Гумилев (1992: 254) писал, что Малороссия в 1654 г. перешла под власть Московского царя, совершая меткий выбор «на основании натурального желания народа». Автор учебника для студентов высших учебных заведений (Мунчаев 1998: 108–109) утверждает, что «важнейшей политической акцией Российского государства в XVII в. явилась борьба за воссоединение с Украиной». Поражает использованная терминология: *днепропетровские* казаки вместо *запорожских*, гетман *Полоцки* вместо

Потоцки. Далее: «Летом 1648 г. восстание переросло в освободительную войну», затем «в борьбу включились белорусы» (украинцы, белорусы в середине XVII в. – это понятия даже не этнические, только географические). И еще курьёз: «Понимая, что собственных сил для завоевания независимости и длительной борьбы с Речью Посполитой и Крымом недостаточно, Хмельницкий несколько раз обращался к русскому правительству с просьбой принять Украину в русское подданство». Дальнейшую войну учебник зовёт «войной за воссоединение». О казацком государстве нет ни слова, но много о «воссоединении». В 1667 г. (с. 110) согласно перемирию «России были *возвращены* Смоленск, а также все земли к востоку от Днепра. Речь Посполитая признала воссоединение Левобережной Украины с Россией».

ЛИТЕРАТУРА

Архив ЮЗР. Ч. VII. Т. 1, 2.

Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы: В 3 т. М., 1954. Т. 2. № 135.

Гвоздик-Прицак, Л. 1999. *Економічна і політична візія Богдана Хмельницького та її реалізація в державі Військо Запорозьке*. Київ.

Голобуцький, В.

1994. *Запорозьке козацтво*. Київ.

1957. *Запорозькое казачество*. Киев / изд. 2-е, допол. і переробл.: *Запорозьке козацтво*. Київ, 1994.

Горобець, В. 2001. *Еліта козацької України в пошуках політичної легітимації: стосунки з Москвою та Варшавою, 1654–1665*. Київ.

Грушевський, М.

1995. *Історія України – Руси*. Т. IV, VII, IX/2. Київ (репринт Київ – Львів, 1907).

2000. *Історія України: нове бачення* В: Смолій, А. В. (ред.), *Демографічні та етнокультурні процеси XIV – першої половини XVI ст.* (74–76). Вид. 2. Київ.

Гумилев, Л. 1992. *От Руси к России. Очерк этнической истории*. М.

Гуржій, О.

1996. *Українська козацька держава в другій половині XVII–XVIII ст.* Київ.

1998. *Іван Богун*. В: Смолій, В. (ред.), *Полководці Війська Запорозького: Історичні портрети* Київ.

Дашкевич, Я. 1992. *Клан Хмельницького – легенда чи дійсність? Україна в минулому*. Вып. 2. Київ – Львів.

Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II Отделением Собственной Императорского Величества Канцелярии. Т. 1. СПб., 1850.

Документи Богдана Хмельницького. Выд. I / Крипякевич, І.; Бутич. Київ, 1961: 159.

Жарких, М. *Бібліографія старої України 1240 – 1800 pp.* Зошит 4: 121–127.

Клепатский, П. Г. 1912. *Очерки по истории Киевской земли*. Т. 1. *Литовский период*. Одесса.

Когут, З. 1996. *Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетманщини 1760 – 1830*. Київ.

- Кульпин, Э. С.** 1998. *Золотая Орда*. М.
- Леп'явко, С.** 1993. *Козацтво і Україна наприкінці XVI в. Чи була можливість порозуміння?* Польсько-Українські Студії. Київ.
- Любавский, М. К.** 1899. *Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута*. М.
- Мунчаев, Ш. М.** 1998. *Политическая история Российского государства*. В: Мунчаев, Ш. М. (ред.). М.
- Петкевич, К.** 2002. Казацкое государство. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Природа и самоорганизация общества* (с. 137–165). М.: Моск. лицей.
- Ресстр** Війська Запорозького 1649 року: Транслітерація тексту. Київ, 1995.
- Русина, О.** 1998. Україна під татарами і Литвою. *Україна крізь віки*. Т. 6: 266–267. Київ.
- Сас, П. М.** 1989. *Феодальные города Украины в конце XV – 60-х годах XVI в.* Киев.
- Степанков, В. С.** 2001. Українська державна ідея. В: Смолій, В. А. (ред.), *Українське суспільство на злами середньовіччя і нового часу. Нариси з історії ментальності та національної свідомості*. Київ.
- Стороженко.** 1999. Реформування Запорізької Січі Хмельницьким. *Осягнення історії. Збірник наукових праць на пошану професора Миколи Павловича Ковшальського з нагоди 70-річчя (504)*. Острох; Нью-Йорк.
- Тихомиров, М. Н.** 1952. Список Русских городов дальних и ближних. Исторические записки. Т. 40: 214–259.
- Толочко, П. П.** 1997. *Від Русі до України. Вибрані науково-популярні, критичні та публіцистичні праці*. Київ.
- Туранли, Ф. Г.** 2000. *Посольство гетьмана Б. Хмельницького до Багчесарая за даними літопису Сена'ї (71–75)*. Київський національний університет імені Тараса Шевченка. Висник. Вып. 4: Східні мови та літератури. Київ.
- Шабульдо, Ф. М.**
1987. *Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского*. Киев; Он же. Чи був ярлик Мамає на українські землі. *Lituanoslavica Posnaniensia*. Т. IX / в пол. пер.
1998. *Синьоводська проблема: можливий спосіб її розв'язання*. Київ.
- Шевчук.** 1995. *Козацька держава*. Київ.
- Універсали** Богдана Хмельницького 1648–1657. Київ, 1998. Дод. I. № 9.
- Яворницький, Д. І.** (Эварницкий). 1990. *Історія запорозьких козаків: у 3 т.* Київ.
- Яковенко, Н.** 1993. *Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна)*. Київ.
- Wobiński, W.** 2000. *Województwo kijowskie w czasach Zygmunta III Wazy. Studium osadnictwa i stosunków własności ziemskiej*. Warszawa.
- Franz, M.** 2002. *Wojskowość Kozaczyzny Zaporoskiej w XVI–XVII wieku. Geneza i charakter*. Toruń.

Jakowenko, N. *Historia Ukrainy od czasow najdawniejszych do konca XVIII wieku* (394). Lublen.

Jakuba Michałowskiego... *Księga pamiętnicza*. Kraków, 1864.

Kaczmarczyk, J. 1988. *Bohdan Chmielnicki*. Warszawa.

Kolankowski, L. 1930. *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów* (379). T. 1: 1377–1499. Warszawa.

Kuczyński, S. M. 1965. Jahołdaj i Jahołdajewicze. *Studia z dziejów Europy Wschodniej X–XVII w.* Warszawa.

Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 8 (1499–1514). Vilnius, 1995; Nr. 47.

Łowmiański, H. *Początki Polski*. T. VI, 1.

Ochmański, J. 1960. Organizacja obrony w Wielkim Księstwie Litewskim przed napadami Tatarów Krymskich w XV–XVI wieku. *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. T. 5. Warszawa.

Opisy Ukrainy. *Eryka Lasoty i Wilhelma Beauplana opisy Ukrainy* / red. Z. Wójcik. Warszawa, 1972.

Papée, F. 1904. Polska i Litwa na przełomie wieków średnich. T. 1: *Ostatnie dwunastolecie rządów Kazimierza Jagiellończyka*. Kraków.

Perdenia, J. 2000. *Hetman Piotr Doroszenko a Polska*. Kraków.

Pietkiewicz, K. 1995. *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka*. Poznań.

Podhorodecki, L. 1987. *Chanat Krymski i jego stosunki z Polską w XV–XVIII wieku*. Warszawa.

Rawita-Gawroński, F. 1922. *Kozaczyzna ukraińska w Rzeczypospolitej Polskiej do końca XVIII wieku*. Warszawa.

Tomkiewicz, W. 1939. *Kozaczyzna ukraińska*. Warszawa.

Wójcik, Z. 1959. *Traktat andruszowski 1667 r. i jego geneza*. Warszawa.

К. Петкевич*Университет им. Адама Мицкевича, Познань*

В истории Европы Великое княжество Литовское – это феномен, который, пожалуй, сравнить можно только с Венгрией – государством, образованным относительно немногочисленным народом, который подчинил себе этнически чуждые ему соседние народности и создал большое государство, оказывавшее сильное влияние на все окружающие страны. Как венграм, так и литовцам удалось не разделить судьбу, постигшую многих победителей, и устоять перед соблазном ассимиляции, несмотря на их культурное преобладание. Им удалось сохранить национальную идентичность и создать современное многонациональное государство. Однако современная Литва, за исключением небольшой части своей территории, мало общего имеет с древним Великим княжеством Литовским, присоединившим большую часть земель средневековой Руси и в XIV–XV вв. ставшим гегемоном в Восточной Европе. Оставаясь с 1385 года в персональной унии, а с 1569 года в федерации с Польшей, Великое княжество Литовское образовало Республику Обоих Народов и вместе с ней было ликвидировано в результате разделов, его земли вошли в состав России и Пруссии в 1779–1795 гг. За 550 лет своего существования Великое княжество Литовское, после периода экспансии в XIII–XV вв., претерпело значительные территориальные потери, нанесенные войнами с Великим княжеством Московским (XV–XVI) и решением Сигизмунда Августа (1569) о передаче Польше всей южной Руси (Украины). В результате драматических поворотов истории земли, когда-то принадлежавшие Великому княжеству Литовскому, сегодня находятся на территории пяти государств: Литвы, Беларуси, Украины, России и Польши. В историографии этот факт вызывает постоянные споры о «наследии» Великого княжества Литовского. Восточные славяне, то есть сегодняшние русские, белорусы и украинцы, оспаривают исключительную роль литовцев в деле формирования этого государства. Литовцы, в свою очередь, уже давно высказывают мнения об отрицательном влиянии унии с Польшей на историю их страны, считая, что в XVI–XVII вв. из-за унии литовские элиты полностью утратили свой национальный облик.

I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (XIII в.)

Балты. Основателями литовского государства были литовские племена, принадлежавшие к балтийским народностям индоевропейской группы, которые уже в ранний период железного века (около 600 до н. э.) заселили юго-восточное побережье Балтийского моря. По всей вероятности, хотя на этот счет есть и другие гипотезы, балты выделились из ранее существующего балто-славянского единства. Древнейшие места обитания балтов, определяемые по устойчивым названиям рек, охватывали огромные территории верхнего Поднепровья, между бассейном Припяти, средней Двиной, верхним течением Волги и Оки на востоке и побережьем Балтийского моря. В I тыс. н. э. балты были вытеснены из районов Поднепровья восточнославянскими племенами, активно заселявшими эту территорию. В средневековье они заняли новые места обитания и около 1000 года разделились на две группы: на западных балтов: пруссов и ятвягов (судавов) – и на восточных балтов, в состав которых входили литовские, латышские и куршские племена (курши). Численность балтов в это время составляла около 480 тысяч человек. В средневековье большинство из них исчезло в результате насильственной вооруженной христианизации и ассимиляции. Уцелели только латыши и литовцы, из них только литовцам удалось создать свое собственное государство.

Литовцы. Древнейшее упоминание о Литве относится к 1009 году, когда на рубежах Руси и Литвы мученической смертью погиб миссионер св. Бруно из Кверфурта. В настоящее время эта дата является для литовцев символическим свидетельством их тысячелетней национальной традиции. Спустя некоторое время попытки завоевать литовские племена предприняли киевские князья Владимир Великий и Ярослав Мудрый (1015 и 1040 гг.), но закончились они неудачей. Датским королям Кануту Великому (1014–1035) и Кануту IV (1080–1086), правда ненадолго, но удалось обложить Литву данью.

В XII в. объем литовского заселения на юге и на востоке определялся линией пограничных русских городов, таких, как Городно, Новгородок, Городец, Изяслав, Минск, Борисов, Логойск и Браслав. В это время литовские племена начали создавать первые политические организации, способные проводить крупномасштабные военные операции, о чем свидетельствуют жестокие нападения на русские земли, имевшие место в 1162, 1180 и 1198 гг. До 1187 года литовцы заняли территории, расположенные на средней Двине, и, угрожая Полоцку, направлялись отсюда на владения Пскова и Новгорода Великого. На рубеже XII–XIII вв. они неоднократно совершали набеги на своих соседей с целью эксплуатации богатых стран, добычи трофеев и рабов.

Рост экономического потенциала, связанный с развитием земледелия, в XI–XIII вв. оказал влияние на изменения в архаических общинно-родовых структурах. Литовцы, как и другие балтийские народно-

сти, колонизировали все большие территории. Обитание в зоне лесов привело к созданию своеобразной общественной организации. Основной поселенческой единицей было поле (*laukas*) площадью в 10 км², на территории которого проживали несколько десятков семей, образующих общину. Поселения были рассеяны либо образовывали небольшие скопления домов. Группы полей создавали прочные волости, не подвергавшиеся изменениям на протяжении столетий. Будущие литовцы разделялись только на два больших племени: Литву и Жемайт, обитавших на землях Аукштота и Жемайт, от лит. *aukštas* – «высокий», «высокий (верхний) край» и *žemas* – «низкий», «низкий (нижний) край».

Наряду с общим определением Литвы (Аукштота) существовало и более узкое понятие «литовская земля» (расположенная на правом берегу Немана между Вилией [лит. *Neris*] и Меречанкой [лит. *Merkys*]), обозначавшее первоначальное место проживания литовцев, которые в XIII веке, распространившись на север и восток, образовали две земли: Дяволтва (*Deltuva*) и Нальщаны (*Nalšia*). Близ Немана, между Вилией и Невяжей, находилась небольшая земля Нерис (Вилейская, от лит. названия реки *Neris*), на север от нее лежала Упитская земля (*Uputė*). Жемайт занимала территории на запад от Литвы почти до земель приморских куршей. В это время Жемайт также переживала период интенсивного развития, жемайты образовали земли: Коршовскую, Кнетовскую, Медницкую, Шавельскую и др., в которых жили небольшие племена. На побережье Балтийского моря находились примерно 9 земель куров (куршей), в том числе земли Мегове, Пилсатен и расположенная на восток от них земля Кеклис (*Ceclis*), на севере было 7 земель Жемигола, которые полностью либо частично находились на территории современной Литвы.

Литовское общество разделялось на две основные группы: свободных земледельцев, составлявших большинство, и на высший класс – воинов (*nobiles* – благородный), которых называли кунигасами (князьями, господами, нем. *kuning*). Материального благосостояния и высокой позиции в обществе они добивались путем грабительских войн; в меньшей мере – благодаря сбору дани от собственного населения. Они руководили жизнью волостей, жили в городищах, куда в случае внешней угрозы могло спрятаться население. Еще до образования государства выделилась стабильная группа знатных людей, происходивших из знаменитых родов. Эта группа подчинила себе вече, до сих пор решавшее важнейшие вопросы, касающиеся племени и его земель.

Племенные литовские государства. Самостоятельному формированию литовского государства в XII–XIII вв. способствовало его геополитическое положение. Русь в это время была раздроблена и ослаблена междоусобицами, немецкие колонизаторы только начинали проникать на восточное побережье Балтийского моря, занимая земли

куршей и латвийских племен, от Польши литовцев отделяли земли ятвягов. Таким образом, у литовцев не было соседей, которые могли бы воспрепятствовать процессу образования государства. В 1207 году литовские войска совершили первый поход на латвийские земли. Организованным образом литовские племена выступили в 1219 году, когда они заключили договор с Галицко-Волынским княжеством. В состав Литовского союза входил 21 князь (кунигас). Князья представляли племенных начальников: 5 старших князей (сузеренов), представителей собственной Литвы – Аукштоты: Живинбуд, братья Довят и Виликайл, а также Довспрунк с братом Миндовгом (лит. Миндаугас); вместе с ними были младшие князья (подвластные), представлявшие земли или волости: Жемайт (Эрдивил и Выкинт), Дяволтву (4 князя), упитскую волость (7 князей из рода Рушковичей) и шавельскую землю (князь Вишимунт Булевич с братьями). Вне союза оставалась еще самая отдаленная, расположенная к востоку, литовская земля Нальщаны, управляемая Довмунтом.

Благодаря сохранившимся первоисточникам, сведения об образовании Литовского государства нам довольно хорошо известны. Это было дело лишь одного поколения. Заключение брачных союзов, кровопролитные войны дали превосходство потомкам Рингольда, Довспрунку и его брату Миндовгу. Около 1238 года Миндовг подчинил себе Нальщаны. Параллельно в Жемайти в начале XIII в. сформировался сильный, конкурентный по отношению к Аукштоте (Литве) государственный центр. В 1219 году в Жемайти правил князь Выкинт, который отдал Довспрунку, правителю Аукштоты, свою сестру в жены. На протяжении последующих десятилетий Выкинт соперничал с Миндовгом в деле объединения всей Литвы. В 1236 году он дал отпор первому большому немецкому наступлению со стороны Ливонии, полностью разгромив рыцарей ордена меченосцев в битве под Шавлями. Два брата-мече-носца, которым удалось спасти жизнь, в 1237 году присоединились к крестоносцам. Это было событие, последствия которого Литва ощущала на протяжении нескольких столетий, поскольку с тех пор ее прибалтийские земли отделяли друг от друга два тевтонских государства в Пруссии и в Ливонии.

Королевство Миндовга. По всей вероятности, угроза, растущая со стороны крестоносцев из Ливонии (с 1237 года), а также завоевание Руси татаро-монголами (1237–1240) позволили Миндовгу стать безраздельным правителем. К 1245 году он подчинил себе Рушковичей и князей Дяволтвы, а также лишил жизни князей Булевичей. После этого он изгнал племянников Товтовила и Ердивида и отнял у них Полоцк, завоеванный ими в 1248 году. Ему подчинилась также так называемая Черная Русь с Городной и Новгородком.

Экспансия Миндовга вызвала реакцию соседей. В 1249–1251 гг. Миндовг должен был дать отпор галицко-волынскому князю, нападшему вместе ливонскими крестоносцами, а также Жемайтию Выкиннта

и ятвягами, выступавшими от имени Товтовила и Эрдивида. В 1251 году в сражении под Твирементом погиб Выкинт, а крестоносцы перешли на сторону Миндовга, который дал им обещание креститься. Ливонский магистр Андрей фон Штирланд окрестил Миндовга, его жену Марту и двор литовского владыки.

Поздняя летописная легенда об основании Вильны Гедимином в XIV веке на протяжении многих столетий заставляла историков искать место крещения Миндовга в Новгородке, а столицу – в легендарной Воруце. Археологические раскопки, проведенные в конце XX века в подземельях виленского кафедрального собора, обнаружили фундамент небольшого каменного костела, который, по всей вероятности, был местом крещения Миндовга и первой литовской церковной столицей. Итак, Литва оказалась в семье христианских европейских монархий, чем старался воспользоваться папа римский Иннокентий IV, задумавший создание системы буферных государств, отделявших христианский мир от татаро-монголов. Миндовг (одновременно с Даниелем Галицким) в 1253 году получил королевскую корону. Началась христианизация, проводимая епископом-миссионером Христианом.

Его миссия не охватывала Жемайти, над которой король Литвы имел, по-видимому, только номинальную власть. При крещении и коронации Миндовг подарил крестоносцам и епископу-миссионеру Христиану по половине жемайтских волостей, Ейраголы, Бетьголы, Росень, Крожи, Лавкова, Кулене, Коршова. Этот дар до сих пор вызывает дискуссии среди историков. Преобладает мнение, что Миндовг подарил ордену то, чем фактически не обладал. С политической точки зрения этот факт вплоть до XV века порождал серьезные последствия, так как он был формально-правовой основой предъявления притязаний крестоносцами на владение Жемайтию.

Структура государства Миндовга была далека от сплоченности. Товтовил вернулся в Полоцк, Русь Черную в лен взял Роман, сын князя Даниила Галицкого (в рамках мирного соглашения в 1252 году женившийся на дочери Миндовга), Жемайтию правил Трениота, сын Выкинта. Жемаить поддерживала борющихся с крестоносцами куршей и латышей, одержала над ними победу на озере Дурбе (1260) и близ Леневарде (1261). Миндовг, учитывая антихристианские настроения подданных, в 1261 году отказался от христианства и благодаря этому объединил все литовские земли, ему подчинился также правитель Жемайти, Трениота, в 1262 году Миндовг отнял у Романа Новгородок. В 1263 году Миндовг вместе с сыновьями Руклисом и Репейком были убиты в результате заговора, в котором участвовали князь Довмонт из Нальщан, Трениота и Товтовил. Этот заговор был, по всей вероятности, реакцией на жестокие, кровавые методы правления Миндовга.

Литва после убийства Миндовга. После смерти Миндовга в Литве вспыхнула гражданская война. Трениота (1263–1264) убил Товтивила и включил Полоцк в состав Великого княжества Литовского, но сам вскоре погиб, убитый слугами Миндовга. После этого власть на три года перешла в руки единственного уцелевшего сына Миндовга, православного монаха, Войшелка. Благодаря помощи Галицкой Руси, Войшелк жестоко расправился с противниками и восстановил целостность государства. Ему не удалось разрешить спор с Романовичами, касающийся Руси Черной. В 1267 году Войшелк, приглашенный на переговоры князем галицким, Львом, был коварно убит. Власть перешла в руки его шурина – галицкого князя Шварна Даниловича (1267–1269), против которого вскоре вспыхнуло восстание, поднятое Тройденом, одним из литовских кунигасов. Это была, по всей вероятности, реакция имущих против подчинения Литвы христианскому владыке.

После изгнания русских правителем стал Тройден (1269–1282), при котором закончилась гражданская война и стабилизировалось государство. Новый государь упрочил литовскую власть в Полоцке и на Руси Черной. Он вновь подчинил Литве Жемайт и, используя трудное положение Ливонского ордена, занял земли жемигалов и зеленов. Тройден выступал против крестоносцев, которые нападали на пруссов и ятвягов, а также безуспешно боролся с галицким князем за принадлежавшее когда-то ятвягам Подляше. Благодаря Тройдену в состав Литвы навсегда вошла Понемонская пуца. Тройдену удалось подчинить, правда ненадолго, Скаловию и Нордовию, прусские земли, расположенные на Немане. Литва стала для всех балтов центром, защищавшим их от атак крестоносцев, Польши и Руси. Нападения и грабежи, которым подвергались огромные территории, привели к тому, что Литва при Тройдене вновь стала угрожать всем своим соседям. Брак дочери Тройдена, Софии, с плоцким князем Болеславом, состоявшийся в 1279 году, положил начало польско-литовским династическим связям, которые оказали сильное влияние на судьбы обеих стран.

II. ЯЗЫЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ

Новая династия. Смерть Тройдена совпала по времени с окончательным покорением пруссов крестоносцами, которые с тех пор свой главный удар направили на Литву – последний оплот язычества в Европе. Первой подверглась атаке Жемайт, клином разделяющая владения ордена в Пруссии и Ливонии. Бои за эту землю продолжались вплоть до 1422 года. В 1283 году Литва утратила Скаловию и Нордовию. Ливонскому ордену подчинилась земля жемигалов. По всей вероятности, это было вызвано ослаблением государства, хотя нет свидетельств о том, что в Литве шла внутренняя борьба за власть. Недолго правил Литвой малоизвестный князь Довмонт, погибший в 1285 году во время похода на Русь.

В истории Литвы конец XIII века – это период, довольно слабо изученный, и поэтому мы до сих пор не знаем, в какой степени родства состояла с Тройденем новая династия, пришедшая к власти около 1285 года и по традиции называемая династией Гедимина. При ней укрепилась «диархия» – своеобразная система совместного правления князя и его младшего брата, который в случае смерти правителя становился наследником престола. Великий князь, однако, оставлял за собой право назначать преемника. После 1385 года Литвой фактически правили Будикид и Будивид, последний из них с 1292 года уже самостоятельно. Его идентифицируют с Пукувером, упоминаемым около 1294/5 г. О деятельности этих князей известно очень мало. Наследником Пукувера стал Витень (1295–1316).

Родоначальником новой династии был, по всей вероятности, живший в середине XIII века Сколомед, о котором известно то, что он был предком Гедимина, единокровного брата Витеня. Гедимин (1316–1341), правящий с 1305 года вначале совместно с братом, а потом уже самостоятельно, развернул широкую экспансию на Русь. Умирая, в 1341 году он оставил престол своему сыну Явнуге, который оказался слабым правителем и зимой 1344/45 был свергнут в результате государственного переворота, организованного его старшими братьями, Ольгердом и Кейстутом, которые с тех пор дружно правили государством, подчинив себе остальных членов династии. Великокняжеский престол занял Ольгерд (1345–1377), который, будучи виленским князем, занимался восточной политикой государства, Кейстут (1345–1382) владел Трокским княжеством, охватывавшим западную часть Литвы, Жемайт, Городну и Подляше, и защищал границу от крестоносцев.

Политический строй. У Гедимина было 7 сыновей, оставивших после себя многочисленное потомство. Разросшаяся династия считала Великое княжество Литовское своей собственностью. В литовской монархии прочно установилась система диархии – совместного правления. С конца XIII века один из князей, имевший высшую власть и титул великого князя, выбирал соправителя, брата или сына, который являлся его преемником. Итак, соправителями были Войшелк и Шварна, Будикид и Будивид, Пукувер и Витень, Витень и Гедимин. Гедимин назначил своим преемником Явнугу, который не снискал признания членов династии. Этот факт вытекал из военного характера литовской монархии. Ее основой была дружина, в состав которой входили княжеские бояре, не имевшие земельных владений. Их благосостояние зависело от военных способностей князя, гарантировавшего им трофеи или доходы от эксплуатации завоеванных земель. Следы этого «единовластного» характера литовской монархии сохранились в своеобразном церемониале коронации, называемом «посажением на великое княжение». По-видимому, члены княжеской дружины после избрания великого князя поднимали его и сажали на коня.

Великое княжество Литовское очень быстро увеличивало свою территорию. В составе дружин оказались воины, которые жили на завоеванных землях, что влекло за собой увеличение средств на ее содержание и порождало механизм непрерывной экспансии. Завоеванными землями управляли члены династии вместе со своей дружиной, держа их, таким образом, в повиновении Вильну. Единство государства зависело от таланта и авторитета великого князя. С другой стороны, только объединенными силами можно было держать в повиновении обширные, этнически чуждые русские земли и защищаться от крестоносцев. Ассимиляция Гедиминовичей и их дружин с русскими, а также стремление превратить завоеванные земли в суверенные наследственные княжества являлись серьезной угрозой единству Литовского государства. Великое княжество Литовское представляло собой конгломерат земель, основу которого составляла так называемая «собственная Литва», входили в нее два княжества, Виленское и Трокское, вместе с присоединенными к ним русскими землями. Наряду с ними существовала целая мозаика земель – анексов, находившихся во владении членов династии Гедимины, которым князь, по своему усмотрению, то давал земли, то отнимал их.

В Литве система диархии существовала до конца XIV века. Ольгерд своим преемником назначил Ягайлу (1377–1434), который до 1381 года правил совместно с Кейстутом. В 1381 году в Великом княжестве Литовском вспыхнула гражданская война. Кейстут отстранил от власти Ягайлу и, будучи высочайшим князем, своим соправителем назначил сына Витовта. В 1382 году Ягайла пришел к власти, Кейстут скончался в тюрьме, а место соправителя занял Скиргайла. После заключения унии с Польшей в 1386 году Великое княжество Литовское должно было войти в состав Польши, это осуществилось путем принесения присяги на верность королю всеми членами династии. Гражданская война, вспыхнувшая в результате действий Витовта (1390–1392), закончилась подписанием перемирия, согласно которому Витовт стал наместником Ягайлы (1392), а с 1401 года великим князем. Ягайла сохранил за собой титул высочайшего князя (*supremus dux*) и поставил условие, что после смерти Витовта престол будет принадлежать его потомкам. С этого момента Великое княжество Литовское стало наследственным государством династии Ягеллонов.

Борьба с немецким орденом. Литва стала великой державой благодаря династии Гедимины. Развитие Литовского государства в XIV веке обуславливали два основных направления в его политике. С одной стороны, это была упорная защита от растущего натиска со стороны крестоносцев, для которых уничтожение последнего в Европе языческого очага было сутью их существования, с другой – продолжение завоевания Руси, начатого еще при Миндовге. После покорения пруссов крестоносцами (1283) литовские земли оказались в тисках между

двумя орденами государствами – Пруссией и Ливонией. Основной целью ордена было завоевание Жемайти, а со временем – всей Литвы. Эти действия поддерживались многочисленными массами западного рыцарства, которое, таким образом, выполняло свой священный долг участвовать в крестовых походах против неверующих.

Витень был отеснен на оборонительные позиции. К 1315 году ему удалось отразить 20 больших нападений неприятельских войск, которые подошли почти до Вильны. Благодаря заключению союза с Ригой, которая была в конфликте с орденом, Витеню удалось нейтрализовать Ливонию. Этот союз существовал до 1330 года. Территорией, подвергавшейся грабительским нападениям литовцев, оставалась Польша. Их нашествия прекратились около 1308 года, благодаря договору между Витенем и Владиславом Локетекком, заключенному после занятия крестоносцами Гданьского Поморья. Наследник Витеня, Гедимин, почти ежегодно должен был давать опору нападениям крестоносцев. Его военная мощь увеличилась, когда в состав его войск были включены воины с завоеванных русских земель. Благодаря дипломатическим уловкам, то есть обещанию принять крещение, князю удалось на некоторое время прервать военные действия. О желании принять христианскую веру Гедимин впервые заявил в письмах, направленных папе римскому Иоанну XXII в 1323 году. Это помогло ему заключить перемирие на 1324–1328 гг. Выгоды, какие Гедимин мог бы извлечь, принимая христианскую веру, не удовлетворяли его, и он отказался от этого проекта. Это повлекло за собой целый ряд нападений на протяжении 1328–1340 гг., на что литовцы ответили такими же опустошительными, но почти наполовину менее многочисленными нападениями на прусские земли и на Ливонию. Наибольшую угрозу представляли огромные походы с участием западных крестоносцев, такие, как поход чешского короля Яна Люксембургского в 1328 году или императора Людвига IV Баварского в 1337 году, который формально подарил Литву немецкому ордену.

Атаки крестоносцев усилились после 1343 года. Заключив мирный договор с Польшей в Калише, орден мог свою армию направить на войну с Литвой. Против большого похода крестоносцев в 1348 году Ольгерд собрал все военные силы Великого княжества Литовского, литовские и русские, но, несмотря на это, его войска были полностью разбиты в битве на Страве, являвшейся одним из самых больших поражений в истории Литвы. В течение последующих лет сражения чередовались с переговорами, благодаря этому Ольгерд и Кейстут могли установить контакты с Польшей (1348), Первым рейхом и папством (1358). Пообещав принять крещение, они, тем самым, могли заключить перемирие. Кейстут все чаще организовывал жестокие ответные действия. В результате длительной войны приграничные земли были опустошены и безлюдны. Литовские поселения отодвинулись далеко

вглубь страны. В Жемайти заселенными оставались лишь центральные и восточные районы. После смерти Ольгерда орден поменял тактику, стараясь посеять в Литве внутреннюю рознь. В 1379–1380 гг. крестоносцы заключили отдельные соглашения с Ягайлой и Кейстутом, а также поддерживали сепаратизм полоцкого князя Андрея Ольгердовича, надеясь, тем самым, вызвать внутренний конфликт в Литве. Эти действия были одной из причин гражданской войны. Одержав победу, Кейстут немедленно ударил по Пруссии, в ответ крестоносцы помогли Ягайле вновь прийти к власти. Непосредственное вмешательство ордена и угроза основам существования собственной Литвы заставили Ягайлу искать сильного союзника и принять крещение. Это была одна из причин заключения унии с Польшей в 1385 году.

Завоевание Руси. Правящий с 1316 года брат Витеня, Гедимин, положил начало продолжавшейся свыше 100 лет литовской экспансии на восток и на юг, целью которой было завоевание всей Руси. С 1241 года Русь была частью империи Золотой Орды, которая не нарушила внутренний строй русских княжеств, но обложила их высокими даяниями (выходом) и в случае необходимости требовала оказывать ей военную помощь. В начале XIV века Золотая Орда преобразовалась в исламское государство, что углубило и так уже довольно серьезные общественные и идеологические различия между полукучевой Ордой и аграрной Русью. Русская общественность стала тяготеть к Литве, из-за того что ее требования были относительно небольшие, а продолжавшееся с середины XIII века влияние русской культуры на литовские элиты сглаживало осознание чуждости. Великое княжество Литовское могло также защитить от татар, великие князья сумели обеспечить своей стране внутренний мир, в отличие от постоянно борющихся друг с другом Рюриковичей. Следует отметить, что литовская экспансия имела, в принципе, мирный характер. Русские земли либо занимались без боя, либо включались в состав Литвы благодаря династическим брачным союзам. Золотая Орда с трудом удерживала в повиновении отдаленные княжества, и поэтому ханы были готовы признать за Литвой право на правление в них, но при условии соблюдения формальных прав Орды на высшую власть.

В начале своего правления Гедимин подчинил себе Туровско-Пинское княжество на Полесье. Благодаря браку сына Ольгерда с последней витебской княжной, после 1320 года он получил Витебск, таким же образом Любарту Гедиминовичу досталась Волынь с Луцком. Через некоторое время Гедимину удалось подчинить Псковскую республику (1322) и Смоленск (около 1326). Его сын Нарымунт в 1333 году стал князем Новгорода Великого. Около 1325 года брат Гедимина Федор, будучи вассалом Орды, взял в свои руки власть в Киеве, начиная, тем самым, период литовско-татарского кондоминиума на территории южной Руси (Украины). Гедимин установил также хорошие от-

ношения с Тверью, которой угрожало растущее могущество Москвы, и она, как и Новгород Великий и Псков, рассчитывала на поддержку со стороны Литвы. Галицкая Русь, в свою очередь, была предметом соперничества между Литвой и Польшей. В 1323 году вымерла мужская линия галицких Романовичей, правивших также на Подляше. В 1325 году Гедимин заключил мирный договор с Владиславом Локетком, согласно которому галицким князем стал Болеслав-Юри II, мазовецкий князь, женившийся на дочери Гедимины – Евфимии. Подляше вошло в состав Литвы, а будущий польский король, Казимир Великий, взял в жены дочь Гедимины – Анну (Альдону). Юри II был отравлен в 1340 году. Согласно его завещанию Галицкая (Красная) Русь вошла в состав Польши, а сын Гедимины, Кориат, завладел Подолем. В 1349–1366 гг. шла польско-литовская война, закончившаяся компромиссным разделом Галицко-Волыньских земель. Литва сохранила за собой Волынь, а литовские князья, во владении которых находились хелмская и белзкая земли и Подолье, стали вассалами польского короля.

Страшная эпидемия чумы 1348–1353 гг. вызвала кризис в Золотой Орде, что позволило Ольгерду продолжить завоевание русских земель. Его завоевания были узаконены благодаря соглашению с фактическим правителем Орды, эмиром Мамаем, отказавшимся от своих прав на них. Сначала Ольгерд занял Черниговско-Северские земли за Днепром. В 1362 году он нанес поражение татаро-монголам под Синими Водами (ныне Тарговица) и в 1363 г. занял Киевскую землю и восточное Подолье. В послании императору Карлу IV (1358) Ольгерд писал, что целью его политики является владение всей Русью (*dominium Russiae*). Благодаря браку, заключенному с тверской княжной Юлианной, в сферу влияния литовского государства вошла Тверь. За ее пределами оставались Москва и отдельные княжества на северо-востоке. В 1368–1372 гг. Ольгерд, совместно с Тверью, совершил три нашествия на Москву, но взять ее не смог. Оказалось, что смелые восточные планы превышали возможности Литвы.

Крещение и уния с Польшей. В XIV веке христианство не являлось вероисповеданием, чуждым литовским правителям. Православие исповедовали русские подданные Литвы, которые в XIV веке составляли уже большинство в государстве. В 1317 году, благодаря ходатайству Гедимины, удалось основать для них отдельную метрополию с резиденцией в Новгороде. После упадка метрополии в 1330 году старания, предпринимаемые в Константинополе (1354–1361 и 1376–1389) с целью возобновления ее деятельности, являлись постоянным элементом русской политики Литовского государства, ибо только это могло гарантировать спокойствие на Литовской Руси. Одновременно поступал процесс обрусения Великого княжества Литовского. В середине XIV века все князья из династии Гедимины женились на христианках, а князья, правящие в русских княжествах, принимали право-

славную веру, на русском языке составлялись документы литовской канцелярии. Думается, что литовские правители не обращались в православие только по политическим причинам, его принятие не могло спасти собственную Литву от вторжений с запада, так как христиане, исповедующие католическую веру, относились к православным (схизматикам) с такой же враждебностью, как и к язычникам.

После смерти Людовика Венгерского (1382) и коронации на трон польского короля его дочери, Ядвиги, Польша стала потенциальным союзником Литвы при условии, что будет достигнуто соглашение и улажен конфликт, касающийся земель Руси Галицко-Волынской. Кревское соглашение (1385) было заключено согласно принципам брачного права. Ядвига внесла в приданое Ягайле Польское королевство и престол, взамен получила от него Великое княжество Литовское, которое Ягайла обязался на веки вечные включить и присоединить к полученной им Польской Короне. С этого момента вплоть до Люблинской унии (1569) продолжался польско-литовский спор о взаимном характере этого союза. Поляки считали, что Великое княжество Литовское было включено в состав Польши, являвшейся государством, которое они уже не идентифицировали с монархом, но считали общественным благом (*res publica*), а литовцы знали только понятие средневекового государства, они понимали его как единство правителя и его подданных вместе с занимаемой ими территорией. Согласно этому литовцы могли признать право на владение своим государством только за потомками Ядвиги и Ягайлы; если бы таких не оказалось, то в дальнейшем естественным правителем оставался бы Ягайла, и претензии, заявляемые Польшей, были для них абсолютно непонятной абстракцией.

После коронации и крещения Ягайлы, а также литовских элит в Кракове король Польши Владислав II Ягайла учредил (1387) виленское епископство, вошедшее в состав метрополии в г. Гнезно, и окрестил Литву. Языческой оставалась еще Жемайт, население которой было занято войной с крестоносцами и враждебно относилось к христианству.

III. ЭПОХА ЯГЕЛЛОНОВ

Внутренние реформы в Великом княжестве Литовском. После заключения унии с Польшей Великое княжество Литовское вновь стало объектом атаки крестоносцев, стремившихся доказать всем и вся, что крещение Литвы – это мистификация. Ягайла передал власть в государстве Скиргайле и в литовских замках разместил польских рыцарей, благодаря которым была отражена атака врагов. В 1389 году Витовт Кейстутович поднял бунт против Ягайлы из-за того, что тот не отдал ему отцовского Трокского княжества. Витовт бежал в Пруссию и оттуда с помощью крестоносцев хотел занять Литву. После кровопролитного боя

за Вильну в 1390 году, когда стало ясно, что литовские бояре в большинстве встали на сторону Витовта, видя в нем своего настоящего противника, выступая тем самым против Польши, было заключено мирное соглашение Витовта с Ягайлом в Острове в 1392 году.

Наступил почти 40-летний период правления Витовта (1392–1430). Преодолев некоторые колебания, в дальнейшем он абсолютно лояльно сотрудничал с Ягайлой. Это укрепило великодержавную позицию Великого княжества Литовского в Восточной Европе на ближайшие 250 лет. Витовт, как трокский князь и наместник Ягайлы в виленском княжестве, располагал безраздельной властью. В течение нескольких лет ему удалось ликвидировать наследственные княжества на территории всего государства. Неподатливые князья Гедиминовичи вынуждены были либо бежать за границу, либо, смирившись, покорно принять меньшие жалования земли, уже не являвшиеся уделами, а только земельными владениями во временном пользовании. Самых больших бунтарей Витовт отправлял в Польшу, и там они сидели в заключении в королевских замках.

Великое княжество Литовское обрело централизованную государственную структуру. Всеми делами управлял двор великого князя Витовта, во главе отдельных земель стояли наместники, по такому же принципу управлялись меньшие административные единицы – волости-поветы. Эта политика пользовалась полной поддержкой литовских бояр-католиков, которых в 1387 году король Владислав II Ягайла пожаловал первыми сословными привилегиями. В 1398 году во время съезда на острове Саллин они даже провозгласили Витовта королем Литвы.

Благодаря политике Витовта, произошло коренное преобразование литовских элит. Князья подверглись деклассированию: хотя они и сохранили свои титулы, но их место заняли несколько десятков боярских семей литовцев-католиков, присвоивших себе титул «пан». Эта группа завоевала право занимать в государстве самые высокие посты. Личная карьера и общественный престиж полностью зависели от службы на благо великого князя. В 1412 году Витовт приступил к образованию чиновничьей иерархии по польскому образцу. Была установлена должность великого или земского маршала (придворный маршал появился в 1494 году), Трокское и Виленское княжества стали воеводствами, наряду с должностью воеводы (наместника) была установлена должность кастеляна, но без конкретных компетенций. Во главе Жемайти был поставлен жемайтский староста. Эти шесть гражданских должностей, а также виленское епископство и с 1417 года жмудское давали место в узкой великокняжеской раде. Часто две-три должности объединялись, что способствовало ограничению численности элит. В отличие от Польши, в которой воевода был земским чиновником, в Литве он был наместником, обладающим полнотой власти, за исключением самых важных компетенций, принадлежавших великому князю. Наместники других земель, таких, как Полоцкая, Ви-

тебская, Смоленская, а с 1471 года Киевская и Новгородская, также титуловались воеводами, но этот обычай окончательно укрепился только в начале XVI века. Лишь на отдаленных восточных рубежах, в Черниговско-Северской земле, в Верховских княжествах, в Вязьме и на восточной Смоленщине сохранились еще княжеские владения.

Политический строй. С 1392 года Витовт был наместником Ягайлы в Литве. Вскоре он присвоил себе титул великого князя. Литовские бояре-католики идентифицировали его с государственной собственностью, и поэтому в виленско-радомской унии 1400–1401 гг. Ягайла после смерти Ядвиги, будучи лично заинтересованным в сохранении своего государства, дал согласие Витовту на пожизненное пользование этим титулом. Городельская уния 1413 года предусматривала сохранение Великого княжества Литовского также после смерти Витовта, а это значило, что литовцы полностью отвергли мысль о присоединении их государства к Польской Короне. И только через некоторое время власть должна была перейти к Ягайле или его потомкам. Реликтом диархии оставался принцип назначения наследника престола, не учитывавший старшинства. Ягеллоны должны были, однако, считаться с мнением литовских панов, так как от них зависело, кому будет принадлежать реальная власть в государстве. После смерти Витовта (1430) сыновья Ягайлы были еще малыми детьми, и поэтому на высшую должность в государстве был назначен брат Ягайлы, Свитригайла (1430–1432). Но в тот момент, когда Свитригайла решил разорвать унию и обрести самостоятельность, был свергнут братом Витовта, Сигизмундом Кейстутовичем (1432–1440), который должен был подтвердить наследственные права Ягеллонов на владение Литвой. Стечение обстоятельств, внутренние конфликты и самолюбие правителей привели к гражданской войне (1432–1438). В 1440 году, после убийства Сигизмунда, король Владислав III (Варненчик) по требованию литовских панов назначил наместником в Литве своего младшего брата, Казимира Ягеллончика (1440–1492). Казимир после прибытия в Вильну был сразу «посажен на великое княжение», что являлось своеобразным подкреплением суверенитета Литвы. Умирая, Казимир назначил своим наследником сына Александра (1492–1505), который, не имея детей, избрал себе в преемники брата, Сигизмунда Старого (1506–1548). Под влиянием королевы Боны Сигизмунд Старый уже в 1529 году постарался посадить на великое княжение своего сына, Сигизмунда Августа, которому к концу своей жизни передал полную власть в Литве (1544–1572). Великий князь присвоил себе адаптированный из Польши на Русь титул господаря (*gospodarz*), обозначающий наследственного монарха, от которого исходит русское – «государь».

До 1572 года Ягеллоны обладали полной монаршей властью в Великом княжестве Литовском, они правили самостоятельно, назначали всех чиновников, были законодателями и самыми высокими судьями,

единственными, кто мог жаловать земельные владения. С середины XV века свою власть они исполняли с помощью панов-рады господарской и наместников (воевод и старост). Государство разделялось на Собственную Литву, то есть на воеводства виленское и трокское, Жмудское княжество – староство, со статусом равным воеводе, русские земли – Полоцкую, Витебскую и Смоленскую, с традиционной формой власти (старина). До 1452 года Волынь принадлежала Свитригайле, потом стала воеводством под управлением маршала волынской земли – луцкого старосты в ранге воеводы. До 1471 года Киев был княжеством, власть в котором принадлежала Олельковичам, со временем он также стал воеводством.

Привилеи Сигизмунда Кейстутовича 1434 года уравнивали в правах православных бояр и литовцев-католиков, за исключением права занимать в государстве самые высокие посты. Такое отношение к местным русским элитам вызывало в них чувство обделения.

Особо важные вопросы решались Ягеллонами совместно с великими собраниями чиновников, с панами-радой, с наместниками – воеводами и старостами, прибывавшими на эти съезды вместе со знатными местными боярами. Эти собрания, как и периодические заседания самих панов-рады, назывались сеймами, что вводило в заблуждение польских политиков, которые воспринимали их как законодательные органы. В Литве законодательной компетенцией обладала только узкая господарская рада.

Формирование сословного общества. В начале XV века Витовт приступил к распределению земельных наделов, гарантируя их владельцам право собственности. Первыми, кто получил владения в собственность, были самые высокие сановники, занимавшие важнейшие государственные посты, а также католическая церковь, епископства, капитулы, монашеские ордены и приходы. В середине XV века виленскому епископству принадлежали самые большие латифундии в Литве. Такие же огромные латифундии стали создавать знатные магнатские семьи: Монивиды, Гоштолды, Кежгайлы, а чуть позже Радзивиллы и другие. Таким образом, Литва преобразовалась в страну великих магнатов. Одновременно бояре, входившие в состав княжеских дружин и получившие наделы, в течение XV века превратились в земян-шляхту. Все это коренным образом изменило социальную систему Литовского государства. Существующая воинская повинность – литовская погоня (*vytis*) – согласно принятому земскому праву была заменена земской военной службой, размеры которой (количество снаряженного отряда) были обусловлены величиной личного имущества. Эти реформы привели к ослаблению военного потенциала и изменили отношение бояр к внешней экспансии. Занятые развитием и увеличением своей собственности, земяне-шляхта потеряли интерес к войне,

до сих пор являвшейся единственным источником средств существования. Привилеи 1397 и городельский 1413, а также земские привилеи 1447, 1492 и 1506 гг. сформировали шляхетское сословие, разделенное на несколько слоев. Следует добавить, что исповедуемая религия также оказывала влияние на расслоение шляхетского сословия. Самый высший слой составляли литовские панове – католики, члены семей, которым, согласно постановлениям городельской унии 1413, были присвоены польские гербы. Панове оказывали влияние на зарубежную политику, от них зависели назначения на государственные посты, им гарантировалась личная неприкосновенность, право на собственность и на владение подданными, они были также освобождены от большинства повинностей княжеского права. Положение рядовых бояр, с XV века землян-шляхты, было похожим, но они не принимали участия в политической жизни, оставаясь под абсолютным всевластием панов. В этой группе особое место занимали господарские бояре, имения которых находились на территории всего государства, но они сами подвергались юрисдикции господаря, тем самым, они не подлежали власти наместников – воевод и старост. Похожими правами обладали на русских землях многие княжеские семьи, имения которых, как панские, так и боярские, были выделены из-под местного управления. К ним принадлежали Мстиславские (потомки Лингвена Ольгердовича), Олельковичи и Бельские (потомки Владимира Ольгердовича), Заславские (потомки князя Явнута Гедиминовича), а также другие члены ягеллонской династии (Сангушки, Чарторыские), Гольшанские – древний литовский княжеский род, Острогские на Волыни и другие Рюриковичи в верховских княжествах и на северщине, если они получили от Ягеллонов соответствующие привилеи. Все они несли военную службу в соответствующих воинских частях: панских, княжеских, надворных и шляхетских.

Большинство бояр и князей подчинялись местной администрации и несли военную службу в повятовых хоругвах. Привилегированным классом, занимавшим самое низкое положение, были многочисленные путные (от русского слова «путь») бояре – вольные крестьяне в средневековье, освобожденные от даней и исполнения трудовых повинностей взамен военной службы. Большими группами поселяли их близ государственных границ, вдоль трактов, по которым могли наступать вглубь страны чужие войска. Большие группы путных бояр проживали в Троцком воеводстве, вдоль границы с владениями крестоносцев, и в Жемайти (например ляуданский путь), а также в Смоленском воеводстве (смоленский путь на Москву).

Духовное сословие было сравнительно немногочисленным, но оно располагало огромными земельными владениями, сконцентрированными в руках епископа и виленского капитула. Основанное позже жемайтское епископство в Медниках было бедным, а медницкий епископ был обычно виленским каноником. Более низкое положение занимали

епископ брестско-луцкий и киевский епископ-миссионер, которым чаще всего был игумен местного ордена доминиканцев. В середине XVI века на литовских землях существовала довольно густая сеть приходов, в Виленском епископстве она насчитывала 166 костелов, в Медницком – 45, а на русских землях – 93. Литовское духовное сословие пользовалось такими же привилегиями, как духовенство в Польше.

Православная церковь с 1458 года имела свою собственную метрополию, номинально Киевскую и Всея Руси, а фактически Виленскую, разделенную на епархии (епископства): хелмско-белзкую, луцко-острогскую, полоцко-витебскую (архиепископство), смоленскую и владимирско-брестскую. Православной церкви покровительствовал сам господарь. Ягеллоны старались окружать церковь своей заботой, но, будучи католиками, свои обязанности выполняли лишь формально. Таким же образом обстояли дела с монастырями и приходами, в которых назначение на духовную должность зависело от прав, какими располагали владельцы поместий. И то, что на духовную должность назначали светские, отрицательным образом сказывалось на уровне духовенства и порождало большие недосмотры. Только местные православные элиты, проживавшие на русских землях, заботились о развитии своих церквей.

Мещанское сословие в Литве развивалось очень медленно. Его развитию не способствовало также навязанное властью немецкое городское право, которое с трудом воспринималось в городах Руси. И только в XVI веке вместе с ростом доминирующей роли шляхты города начали должным образом оценивать достоинства этого права и значение самоуправления. Немецкое право не распространилось за Днепр, и там в дальнейшем существовал русский уклад города. Сеть городов оставалась слабой. В Великом княжестве Литовском выделялось лишь несколько центров: Вильна, Ковно, Троки, Гродна, города Подляша – Брест, Дрогичин, Бельск, Мельник, на Руси – Полоцк, Минск, Новогородок, Слоним. Города Витебск и Смоленск не приняли немецкого права. На южных землях были Киев, Луцк и Владимир Волынский. Десятки малых городов и городков имели в большинстве аграрный характер, так как проживавшее в них население в основном занималось земледелием.

Крестьяне. На огромной территории Великого княжества Литовского положение крестьянского населения было сильно дифференцировано. Наделы земли вместе с проживающими на них подданными привели к образованию фольварочно-крепостной системы, развивавшейся только в западной части государства (Литва, Жемайт, Подляше, Вольтынь). На большей части территории государства продолжала существовать традиционная система даней. На подданных наложены были определенные дани (медовая, куничная, грошовая, бобровая) и обязанности. Усадьба и земли пана обрабатывались невольной челя-

дью (она жила в имении), которая существовала уже со времен ранне-го средневековья.

Война с орденом. Благодаря унии с Польшей, Великое княжество Литовское оказалось победителем в войне с крестоносцами. Самые агрессивные атаки наступили после 1392 года, когда Витовт порвал с крестоносцами, и они потеряли надежду на раскол Литвы (6 нападений с 1392 по 1394 г.). В 1395 году по настоянию Ягайлы Сигизмунд Люксембургский запретил крестоносцам нападать на Литву. Витовт, стремившийся в те годы обрести полную независимость от Польши, подписал в 1398 году договор с крестоносцами на острове Саллин на Немане. Взамен за подписание договора о нерушимом мире и помощи в борьбе с татарами, Витовт отдал крестоносцам Жемайт почти до реки Невяжи и обязался помогать им в порабощении жмудинов. Правление крестоносцев на территории Жемайти закончилось полной неудачей. Крещение не состоялось, жмудины не сдавались и поднимали восстания. Последнее, произошедшее в 1409 году по наущению Витовта, стало причиной великой войны 1409–1411 гг., в которой принимали участие все силы Великого княжества Литовского и его союзников. Часть литовской армии блокировала Ливонию, а с большинством (около 10–12 тыс. конных) Витовт пошел под Грюнвальд. Эти войска, хотя в какой-то мере и уступали полякам по вооружению (литовские бояре и татарское подкрепление – это была легкая конница, русские тяжеловооруженные полки обладали высокими боевыми качествами), в этой войне сыграли существенную роль. Согласно постановлениям торуньского мирного соглашения 1411 года Витовт получил Жемайт в пожизненное владение.

Ягайла после победы в 1413 году решил окрестить Жемайт, но и эта попытка закончилась неудачей. Литовское правление вызывало протесты жмудинов, но Витовт кроваво с ними расправился, в 1417 году он основал епископство в Медниках и заставил все население принять крещение. Большая литовская армия принимала участие в очередных нападениях на государство крестоносцев в 1414 и 1422 гг. В результате перемирия, заключенного на озере Мельно, Жемайт окончательно была передана во владение Литве. Это положило конец конфликтам с орденом крестоносцев, отказавшимся от идеи объединения земли пруссов с Ливонией в ущерб Литве. Последней войной между Литвой и крестоносцами был конфликт, вызванный Свитригайлом, который заключил союз с орденом против Польши (1431). После государственного переворота, совершенного Сигизмундом Кейстутовичем, до 1435 года крестоносцы поддерживали Свитригайлу в развернутой им гражданской войне. Сокрушительный удар, нанесенный польско-литовскими войсками в сражении на реке Святой по русским и орденским войскам Свитригайлы, окончательно завершил эпоху войн с орденом крестоносцев. Заключенное после этого перемирие

несколько раз продлевалось. В 1454 году Литва отказалась принимать участие в Тринадцатилетней войне. И только жемайтский староста не пропускал по суше подкрепления, шедшие из Ливонии на прусскую землю. В 1473 году была установлена граница с Ливонией, а через некоторое время с Пруссией. Она оказалась самой стабильной границей в Европе. По сей день не изменилась ливонская граница и в настоящее время она отделяет Литву от Латвии; прусская граница просуществовала до III раздела Польши в 1795 году, и после Венского конгресса 1815 года просуществовала до II мировой войны как граница Восточной Пруссии с небольшими коррективами (Клайпеда).

«Витовтовы границы». При Витовте территория Великого княжества Литовского достигла самых больших размеров на протяжении всей своей истории. В 1397–1402 гг. Литва окончательно подчинила себе Смоленск, а ее владения на северо-востоке доходили до истоков Волги. В 1397 году Витовт совершил поход в Крым и там посадил на престол улуса Ширинов, одного из ответвлений Золотой Орды, своего союзника хана Тохтамыша. Границы Великого княжества Литовского коснулись Черного моря и проходили между устьями Днестра и Днепра. Взамен за оказание помощи в возвращении власти над всей Золотой Ордой Тохтамыш пообещал Витовту передать ему право на владение всеми русскими землями. Чтобы добиться этой цели, Витовт вместе с Тохтамышом предпринял поход против Темира-Кутлуга, закончившийся поражением на Ворскле в 1399 году. Планы Витовта завладеть всеми русскими землями оказались нереальными ввиду растущего могущества Москвы, которая после принятия литовцами католической веры обрела над ними идеологическое превосходство и могла представлять Великое княжество Литовское как центр, враждебный православию.

В 1405 году Литва начала войну с Псковом, которая должна была положить начало завоеванию Новгорода Великого. Это привело к войне с Москвой (1406–1408), в результате которой Витовт подчинил Литве верховские княжества. В последние годы правления Витовта Литва достигла вершины своего могущества. В 1424 году Витовт обрел номинальную власть над Крымом и помог своему союзнику Магмету занять престол Золотой Орды. После смерти Василия Дмитриевича Витовт покровительствовал своему несовершеннолетнему внуку Василию II Московскому. В 1428 году его власти подчинились Новгород Великий, Псков, рязанские князья и состоявшая с ним в союзе Тверь. Великое княжество Литовское достигло абсолютной гегемонии в Восточной Европе.

Витовт хотел воспользоваться своим положением и в 1429 году принял предложение императора Сигизмунда Люксембургского короноваться на трон короля Литвы, но решительные действия со стороны Польши свели на нет его усилия. Витовт скончался в 1430 году, и

спустя некоторое время зависимость северной и восточной Руси от Великого княжества Литовского стала ослабевать. Гражданская война между Свитригайлом и Сигизмундом Кейстutowичем разделила государство на северо-западную литовскую часть, в которой доминировали литовцы-католики, и на восточную и южную части, с православным населением, которое оставалось верным Свитригайле. Последствия этого раздела преодолевались на протяжении многих лет, что решительным образом прекратило планы литовской экспансии на восток. Другой немаловажной проблемой в эти годы был захват Польшей Подолья, а также ленных (вассальных) земель – белзкой и хелмской. Волынь, возвращенную Свитригайле в 1440 году, поляки также считали собственностью Короны.

Авторитет Литвы на русских землях поднял и укрепил король Казимир Ягеллончик. В 1449 году он подписал договор с Василием II, учитывающий принцип статус-кво. Это была политическая декларация об отказе от экспансии. Литва должна была согласиться с тем, что Новгород Великий, Псков, Тверь, Рязань вошли в сферу влияния Москвы. До 1466 года поддерживался союз Литвы с Крымом, гарантирующий полную безопасность с востока и с юга. Казимир Ягеллончик все силы направил на покорение крестоносцев (1454–1466), а также на осуществление своих династических планов в Чехии и в Венгрии. Все это реализовалось в ущерб интересам Литвы, переданной под контроль панов-рады, которые никак не смогли противостоять росту могущества Москвы.

В это время Москва завоевала Новгород и подчинила себе всю северо-восточную Русь. На ее сторону перешло также Крымское ханство. Потерпела неудачу плохо подготовленная коалиция с Великой Ордой и Ливонским орденом в 1480 году. Москва окончательно преодолела свою зависимость от Орды, а отсутствие реакции на эти события со стороны Литвы подорвали престиж Великого княжества Литовского. В 1482 году нашествие крымского хана разрушило Киев. С того времени до 1515 года Великое княжество Литовское стало объектом постоянных нападений со стороны крымских татар, которые привели к полному разорению киевской земли, восточного Подолья и Волыни. На украинских землях осталось меньше двадцати городов, а литовские границы отодвинулись выше линии диких полей, так что сохранение «Витовтовых границ» оказалось уже невозможным.

Поражение на Востоке. В 1487 году Иван III Московский начал военные действия в районе пограничных областей, в результате которых подчинил себе нескольких верховских князей. Это было предзнаменованием войны 1492–1494 гг., во время которой Москва заняла Верховские княжества, Вязьму и Торопецкий повет (уезд). Брак Александра Ягеллончика, заключенный с Еленой Московской, принес лишь кратковременное перемирие. Под предлогом защиты православ-

ных от насильственного обращения их в католическую веру Иван III возобновил военные действия. После позорного поражения в битве на речке Ведроше, а потом мирного соглашения, заключенного в 1503 году, Литва должна была отказаться от третьей части своей территории. Она утратила восточную Смоленщину, Черниговско-Северские земли и часть Киевской земли. Новая граница проходила вдоль среднего течения Днепра. Бунт, поднятый князем Михаилом Глинским накануне прихода на престол Сигизмунда Старого, угрожал распадом государства (1508), а московские войска стали угрожать Вильне. В 1514 году московская армия заняла Смоленск. И только победа, одержанная в битве под Оршей, приостановила московскую экспансию. В очередной войне 1533–1537 гг. Литве удалось отвоевать часть Северщины. Положение изменилось в период Ливонской войны (1558–1570), в ходе которой Литва в 1559–62 гг. заняла большую часть Ливонии, но в 1563 году, благодаря неожиданной атаке, Москве удалось занять Полоцк и литовские земли за Двиной. Их отбил Стефан Баторий в войне 1579–1582 гг. Тогда Литва получила Ливонию (без Эстонии и островов) и Курляндию в качестве совместного лена с Польшей.

Внутреннее развитие Литвы в XVI веке. Реформы. Войны, продолжавшиеся на отдаленных рубежах, не касались литовских и белорусских земель, составляющих основу Литовского государства. Длительный период мирного существования, время от времени нарушаемый татарскими вторжениями (Клецк 1506) на отдаленные рубежи, способствовал бурному экономическому развитию Литвы. К середине XVI века было основано 120 новых городов и городков, а Вильна переживала период грандиозного расцвета. Росли доходы от сельского хозяйства. Через Ригу и Кенигсберг Литва экспортировала уже не только свои традиционные лесные богатства, но и зерновые. Интенсивно развивался внутренний рынок, Литва с 1490 года начала чеканить собственную монету (литовский грош). Александр Ягеллончик предпринимал усилия с целью укрепления государства. Он восстановил земские привилегии во всех литовских и русских областях, планировал также произвести унификацию литовского права. Но это было осуществлено лишь в 1529 году, когда Сигизмунд Старый издал Первый литовский статут. При Сигизмунде Старом еще сильнее укрепилась позиция литовской знати, которая, обладая монополией на высокие государственные посты, захватывала все большую власть в государстве, допуская при этом крупные махинации и злоупотребления. Огромные латифундии Кежгайлов, Раздивиллов, Гаштолдов, в которых жили по несколько десятков тысяч подданных крестьян, своими размерами превышали не одно княжество Немецкого рейха. Высокомерие и неуважительное отношение к низшему сословию (к примеру, вельможа Ян Глебович на службу в своем имении принимал только русских князей, чтобы тем самым показать свое превосходство над

русским населением), эксплуатация крестьян приводили к напряжению обстановки в стране.

Королева Бона пыталась сломить господство магнатов. Государские земли, переданные в ее пользование, она привела в цветущее состояние, совершила ревизию собственности и отняла у панов незаконно занятые ими земли. В жизни Великого княжества Литовского очень существенную роль сыграли возрождение и реформация. В результате большого культурного подъема и развития системы образования совершалась постепенная полонизация, сначала охватившая сословие панов, а со временем среднюю шляхту. По городам распространялось лютеранство, магнаты в основном принимали кальвинизм. Именно под влиянием реформации, а также благодаря примеру польского шляхетского лагеря по экзекуции прав, возникло движение, целью которого было уравнивать в правах всю шляхту. Это привело к созданию двух политических лагерей: магнатского, заинтересованного в сохранении существующего порядка, и шляхетского, который в тесной унии с Польшей видел свои шансы на приобретение политических прав, сходных с польскими. Во время Ливонской войны в 1562 г. под Витебском литовское народное ополчение основало конфедерацию, требуя разрешения вопросов унии и других проблем государства.

Сигизмунд Август, отдавая себе отчет в том, что он последний из Ягеллонов, и что именно ему предстоит разрешить вопрос о будущем государства, принял решение реализовать программу реальной унии шляхетского лагеря. Сигизмунд Август предпринял целый ряд реформ, чтобы приблизить государственный строй Литвы к правопорядку, существующему в Польше. В 1557 году он начал реформу на волоки. Во всех господарских землях был произведен обмер. Деревни приобрели упорядоченный вид. Было введено обязательное трехполье, способствовавшее росту производительности сельских хозяйств, а также налажены крестьянские повинности. В течение 20 лет были произведены обмеры также в частных владениях.

В 1564–1566 гг. королем были введены реформы, которые не только гарантировали литовской шляхте такие права, какими обладала шляхта в Польше, но и уподобили общественный строй Литвы существующему в Короне. Начало реформам положили изменения в судебном аппарате. В 1564 году были созданы земские, городские, а через некоторое время подкоморские суды. Как и в Польше, чиновники земских судов должны были избираться на сеймиках, что было первым шагом на пути к созданию шляхетского самоуправления. Одновременно Сигизмунд Август провел реформу государственного административного строя. В Великом княжестве Литовском было образовано 14 воеводств, более-менее одинаковых по занимаемой ими площади. Они делились на поветы, ставшие административными, судебными, военными и самоуправленческими округами шляхты. Система государственного строя в Великом княжестве Литовском стала, наконец,

четкой и ясной. Благодаря этому мог возникнуть литовский сейм, созданный по образцу польского, куда поветовые сеймики избирали по 2, а Жемайт – 3 послы. В 1566 году был утвержден новый актуализированный право Второй Литовский статут. Реформы завершили актом, изданным в 1568 году Сигизмундом Августом, подтверждавшим полное уравнение в правах русской православной шляхты.

Дискуссия об унии с Польшей проводилась на заседании сейма в Варшаве в 1563/64 гг. Литовская сторона отклонила, однако, далеко идущие требования, направленные на фактическую ликвидацию Великого княжества Литовского. Объявленное тогда решение Сигизмунда Августа об отказе от наследственных прав на Литву в пользу Короны, по сути дела, не оставляло литовцам поля маневра, они должны были принять постановление еще до смерти короля, в противном случае сами лишились бы возможности оказывать влияние на судьбу Великого княжества Литовского.

IV. В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ОБЕИХ НАЦИЙ

«Люблинской трагедией» назвал современный литовский историк Эдвардас Гудавичюс постановление, принятое на сейме в Люблине в 1569 году. С точки зрения литовской государственности это поистине была трагедия. Самостоятельное до сих пор Великое княжество Литовское потеряло больше половины своей территории. Самоуправным решением Сигизмунд Август присоединил к Короне часть Подляша (Бельск, Дрогичин, Мельник), а также всю южную Русь – Волынь, восточное Подолье (Брацлавское воеводство) и Киевское воеводство. В Речи Посполитой (республике) Обеих Наций (Rzeczpospolita Obojga Narodów), провозглашенной согласно акту о федеративной унии, Великое княжество Литовское было партнером более слабым. Представители Литвы составляли меньшинство как в сейме (48 из 167), так и в сенате (27 из 140). Избрание короля на территории Польши, учитывая расстояния, отдавало предпочтение полякам, а ликвидация отдельного возведения господара на великокняжеский престол явно ограничивали суверенитет Литвы. Было создано что-то наподобие отдельного сейма, так называемая конвокация – отдельное заседание литовских послов. Литовская конвокация рассматривала в основном вопросы армии и государственной казны. Законы принимал сейм Речи Посполитой. От конвокации отказались только в 1673 году, когда было принято решение о созыве каждого третьего сейма в Гродне на территории Великого княжества Литовского.

Великое княжество Литовское сохранило государственную самостоятельность. Речь Посполитая Обеих Наций имела единого правителя, единый сейм и вела единую зарубежную политику. В Литве продолжали существовать отдельный управленческий аппарат, армия, казна, судебный аппарат и законодательство. Именно законодательство сыграло решающую роль в сохранении устоявшихся традиций литовской государственности. В 1581 году был основан отдельный

Главный литовский трибунал, а в 1588 году был принят Третий Литовский статут, действовавший вплоть до 1849 года. В Речи Посполитой канцелярия Великого княжества Литовского занималась вопросами взаимоотношений с Москвой.

Страна многих культур. Большинство сельского населения в Великом княжестве Литовском, на его сокращенной в 1569 г. до сегодняшних литовских и белорусских земель территории, составляли православные белорусские крестьяне и – числом менее – литовские крестьяне католического вероисповедания. Этот слой населения полностью зависел от шляхты и не имел никакого влияния на судьбы страны. В литовских городах смешивались польские, немецкие, русские и еврейские влияния. Традиционное деление населения на католиков, православных и на евреев расширилось за счет протестантов, в основном лютеран. Еврейские общины, развивающиеся с 1503 года (до 1495–1503 гг. евреям не разрешалось жить в Литве), в 1514 году были наделены общим привилеем, дающим им самоуправление и определяющим их обязанности. Великое княжество Литовское приняло огромные массы евреев, изгоняемых из других европейских стран. Динамично развивающуюся организацию создало православное мещанство, которое в городах, основанных на магдебургском праве, отвоевало половину мест в органах самоуправления. Православные придерживались своей веры и финансовыми средствами снабжали церкви, монастыри и школы. К концу XVI века они стали создавать православные братства, со временем ставшие единственным оплотом ортодоксального вероисповедания.

Среди шляхты, в значительной мере полонизированной, распространялся кальвинизм. В начале XVII века большинство магнатов также исповедовали кальвинизм. Самый большой ущерб был нанесен католической церкви на территории собственной Литвы, там прекратили свою деятельность большинство приходов (в виленской епархии осталось 77 приходов из 246), костелы превратились в протестантские храмы. Кальвинисты открывали школы, гарантировавшие очень высокий уровень обучения, организовывали многочисленные издательства, популяризировали достижения культуры.

С прибытием иезуитов в Вильну в 1569 году начался период контрреформации. Иезуиты в 1570 году основали коллегию, которая в 1579 году была преобразована в Академию – один из двух университетов в Речи Посполитой. Вслед за этим возникла сеть коллегий, уровень преподавания в которых привлекал к ним шляхетскую молодежь, побуждая ее тем самым к возвращению к католической вере.

Значительным актом было заключение под влиянием государства церковной унии в Бресте в 1596 году. Согласно ее постановлениям православная иерархия подчинялась папской власти, но униатская церковь сохранила свою литургию и большинство обычаев. Оплотом

православия продолжали оставаться городские братства. Новое вероисповедание пропагандировал орден базилианов, перенявший православные монастыри и школы. Благодаря его деятельности, отстававшее когда-то православное просвещение по своему уровню приблизилось к католическому. Окончательный переход большинства православных в Великом княжестве Литовском в униатскую церковь совершился в начале XVIII века.

Взаимоотношения с Россией. Возникновение Речи Посполитой Обеих Наций укрепило позиции Литвы по отношению к России. Первым наглядным результатом было возвращение земель, утраченных во время Ливонской войны, благодаря победам Стефана Батория в войне 1579–1582 гг. Одновременно литовские магнаты стремились к сближению с Москвой, в 1576 году выдвигая кандидатуру царя Ивана IV Грозного, а в 1587 его сына, царя Федора, на польский престол. Это было проявлением активизации в восточной политике. После смерти последнего царя из династии Рюриковичей появились проекты литовско-московской унии, подхваченные Сигизмундом III Вазой в период большой смуты в России (1605–1613). Литовская шляхта во время смуты составляла основную массу интервенционных отрядов. Во время войны Речи Посполитой с Россией в 1609–1619 гг. королевские войска заняли Смоленск, который вместе с частью Северской земли вернулся к Литве. Одновременно продолжалась спровоцированная Сигизмундом III война со Швецией. Для Литвы большое значение имело владение Ригой. В 1605 году под предводительством литовского гетмана Яна Кароля Ходкевича литовско-польская армия одержала под Кирхгольмом одну из своих грандиознейших побед. Ходкевич оказался самым великим полководцем в истории Литвы. До 1619 года он с огромным военным мастерством вел военные действия против России, а с 1621 года командовал защитой Хотина от турок. В это время утрачена была Рига, вновь занятая Швецией, что нанесло большой ущерб литовскому экспорту на запад. Альтмаркское перемирие (1628) лишило Литву большей части Ливонии, оставляя ей так называемую Польскую Ливонию. В ходе Смоленской войны (1632–1634), начавшейся после смерти Сигизмунда III Вазы, удалось защитить Смоленск, а подписание Поляновского перемирия утвердило за Литвой Смоленскую, Северскую земли (Черниговская земля отошла к Польше).

Кризис середины XVII века. Восстание Хмельницкого в 1648 году положило начало глубокому кризису в Речи Посполитой. Литовские войска успешно сражались с восставшими казаками. В 1649 году в битве при Лоеве литовская армия под предводительством гетмана Януша Радзивилла одержала блестящую победу и в 1651 году заняла Киев. Решения, принятые Переяславской Радой в 1654 году, привели к войне с Россией, которая, таким образом, смогла взять реванш за по-

ражения, нанесенные ей в 1611 и 1634 гг. Осенью 1654 года русские войска заняли Смоленск, Витебск и Полоцк, а в 1655 году после поражения Януша Радзивилла под Ошмянной взяли Вильну. Русская оккупация большинства земель Великого княжества Литовского продолжалась 6 лет. В это время свирепствовали многочисленные эпидемии (1655, 1657, 1660, 1668, 1669) и страшный голод. В 1655 году через Ливонию вошли в Литву шведские войска. Януш Радзивилл вместе с братом Богуславом капитулировали и 22 октября 1655 года от имени панов и литовской шляхты подписали Кейданскую унию. Радзивиллы, лишённые возможности защищаться, согласились признать шведского короля и порвать с Польшей. Другая группа шляхты под руководством Станислава Орды, великим князем литовским, признала царя Алексея. Однако большинство остались верными королю Иоанну II Казимиру. Литовское войско заключило Верболовскую конфедерацию. Во главе королевского лагеря стояли гетман польный Винкентий Госевски, Павел Сапега, а также Кшиштоф и Михал Пацы. Во всей стране настал страшный голод.

Заключенное в 1656 году перемирие с Москвой дало возможность возобновить войну со шведами. Одновременно белорусские крестьяне под предводительством шляхты подняли кровопролитные партизанские бои с оккупационной русской армией, безумно грабившей население. Этот факт противоречит идее освободительной миссии России, которую она вела якобы с целью защиты православного населения. В 1659 году Речь Посполитая возобновила войну с Россией, в ходе которой России удалось занять Гродну и Слоним. И только в 1660 году после победы, одержанной под Полонкой, изменился ход войны. После победы, одержанной над русскими, в конце 1661 года была освобождена Вильна, а русские войска были вытеснены за Днепр. Королевский поход на Москву 1662/63 гг. закончился неудачей. В результате перемирия, подписанного в Андрусове в 1667 г., Литва должна была признать утрату Смоленска и земель, завоеванных в 1634 году. Серьезную проблему составляли неоплаченные войска, которые заключали конфедерации, разоряющие страну. Был убит гетман В. Госевски.

Вследствие войн, эпидемий и голода Великое княжество Литовское потеряло 46 % своего населения, а из 568 тыс. крестьянских дворов (дымов) – около 4,55 млн человек – к 1667 году осталось 312 тыс. дворов – около 2,35 млн человек. Потери среди городского населения составили свыше 50 %, Вильна была полностью разрушена. Плотность населения снизилась с 15,3 до 7,8 человека на км².

Восстановление государства. После опустошительных войн Великое княжество Литовское очень медленно восстанавливалось. К 1690 году количество населения увеличилось всего на 500 тысяч. Магнатская олигархия захватила абсолютную власть в государстве. Свою доминирующую позицию утратили Радзивиллы, а их место заняли сначала Па-

цы, а к концу XVII века – Сапеги. Война обеспечивала успех контрреформации. Были закрыты протестантские школы, католическая церковь получила обратно большинство храмов. Магнаты делали многочисленные пожертвования на строительство новых и реконструкцию старых храмов. В архитектуре установился стиль барокко, который в Великом княжестве Литовском приобрел свой собственный облик, называемый виленским барокко.

В Литовском государстве начал углубляться политический кризис, вызванный произволом магнатов. Одновременно литовская шляхта выступала с требованиями гарантировать ей такие права, какими располагала польская шляхта, но при условии сохранения самостоятельности Литвы. У шляхты стало вырабатываться раздвоенное национальное сознание. Принадлежа одному шляхетскому народу Речи Посполитой и польской культуре, она все сильнее стала подчеркивать свои литовские корни (*gente lituanus, natione polonus*). Конфликт на почве использования шляхетской собственности для снабжения армии привел к гражданской войне (1697–1700), которую шляхетский лагерь вел с Сапегами. В битве под Олькенниками в 1700 году (историки подчеркивают, что в войнах, которые велись за пределами государства, Литва никогда не выставляла ни такой большой и дисциплинированной армии, ни такого количества пушек) Сапеги были разбиты. С тех пор ни один магнатский род не обладал уже полной властью в Литве.

Выборный сейм 1697 года принял постановление об уравнивании в правах шляхты Литвы и Польши (*coequatio iurium*), об уравнивании компетенции литовских и польских чиновников и окончательно ликвидировал русский язык как официальный. С тех пор официальным языком в Великом княжестве Литовском стал польский.

Эпоха Сасов. Начало XVIII века – это время очередных военных разрушений и цивилизационного регресса Великого княжества Литовского. В 1700–1721 гг. шла великая Северная война, действия которой отразились также на литовских землях. Только что закончилась изгнанием Сапег гражданская война, как в 1701 году, после разгрома русских войск в Ливонии, шведская армия, преследуя Сасов Августа II Моцного, ворвалась на территорию Великого княжества Литовского. Насилие и грабежи, совершаемые шведами, вызвали разногласия среди литовской общественности. За союз со Швецией высказывался вернувшийся из ссылки Казимеж Сапега, а за союз с Россией и Августом Моцным – Михал Висьневецки и Г. Огински. В 1703 году Великое княжество Литовское заключило формальный союз с Россией. Раскол в обществе усугубился еще из-за избрания в 1704 году Станислава Лещинского на королевский престол. Сторонники Сасов, сражавшиеся со сторонниками Лещинского, поддерживаемого конфедерацией жмудской шляхты, привели к настоящей гражданской войне. В

ней принимали участие войска борющихся друг с другом королей. В 1708–1709 гг. на территории Литвы шли военные действия с участием русских и шведских войск. В конечном итоге после поражения, нанесенного шведам под Полтавой в 1709 году, русские взяли верх. Русские войска, с помощью которых Август II вновь пришел к власти, стояли в Литве до 1719 года. Во время их пребывания на территории Литвы в 1708–1711 гг. свирепствовал страшнейший голод. Страна обезлюдела. По сравнению с 1690 годом Литва потеряла около 1 млн своих граждан, ее население в 1717 году составляло лишь 1,85 млн жителей. Навязанное Россией уменьшение численности армии привело к тому, что постоянная литовская армия сократилась до 6 тыс. солдат. Правление Сасов не оказало влияния на принципиальное распределение общественных сил. Военные разрушения повлекли за собой дальнейшее деклассирование шляхты, в особенности средней, вынужденной искать поддержки у магнатов. Государство превратилось в арену противоборствующих магнатских группировок. В Великом княжестве Литовском доминировали так называемые республиканцы, противники всяких реформ, защищавшие свою золотую свободу, к ним принадлежали Радзивиллы, Сапегы, Висьневские, успешно борющиеся с влияниями «фамилии» Чарторыских. Внутренняя анархия и экономический кризис стали причиной упадка культуры.

Реформы и упадок. Конец эпохи Сасов принес оживление в политической жизни. Очередные разрушения нанесла Великому княжеству Литовскому Семилетняя война (1656–1663), в которой Речь Посполитая не принимала участия, но по территории Литвы проходили и временно располагались на ней русские войска. Во второй половине XVIII века наступил стремительный подъем литовской экономики. Растущий в западных странах спрос на зерновые побуждал шляхту к совершенствованию хозяйств и образованию новых фольварков, к внедрению новых интенсивных методов земледелия и мелиорации, к увеличению площади обрабатываемой пашни и посеву экспортных растений. Магнаты стали создавать красильни и мануфактуры по производству бумаги, стекла, сукна. Антони Тизенгауз, подскарбий надворный, направлял молодежь в Англию на обучение агрономии. Благодаря его стараниям, в Гродне были открыты школы, готовящие землемеров, строителей, ветеринаров, был также разбит первый в Великом княжестве Литовском ботанический сад. В Литве быстро увеличивалось количество населения, и к 1790 году оно достигло почти 3,2 млн человек, что составляло 1/3 всего населения Речи Посполитой.

Избрание на престол Станислава Августа Понятовского вызвало разногласия среди литовской шляхты. Реформы 1764–1766 гг. возбудили реакцию в лагере республиканцев, которые, по подстрекательству России и Пруссии, заключили в 1768 году барскую конфедерацию. В стране опять разразилась гражданская война. Маршалом конфедера-

ции в Великом княжестве Литовском стал Миколай Пац, поддержали ее Юзеф Сапега, Михал Казимеж Огински и Кароль «Пане Коханку» Радзивилл. С помощью русских войск конфедераты были разбиты. В итоге все эти события привели к I разделу Польши в 1772 году. Великое княжество Литовское утратило 92 тыс. км² своей территории. Россия заняла земли, расположенные за Двиной: Польскую Ливонию, Полоцкую и Витебскую земли, граница на востоке проходила по рекам Друть и Днепр, на русской стороне остались также Мстиславское воеводство и восточная часть Минского.

Раздел Польши не приостановил экономического подъема и культурного возрождения страны. В Великом княжестве Литовском успешно развивались школы ордена пиаров. Напуганные деятельностью конкурентов иезуиты реформировали систему обучения, внедряя в своих школах современные программы обучения. Интенсивно развивалась Академия. В Вильне было образовано иезуитами элитарное Collegium Nobilium, с 1751 года действовавшее как прогрессивная средняя школа. После кассации ордена иезуитов в 1773 году его имущество и школы были переняты Комиссией национального просвещения (Komisja Edukacji Narodowej). Академия была преобразована в Школу главную Великого княжества Литовского.

Представители Литвы сыграли значительную роль во время работ Четырехлетнего сейма (1788–1792). Литовским маршалом объединенного в конфедерацию сейма был Казимир Нестор Сапега. Конституция 3 мая 1791 года была одобрена литовской шляхтой. Постановления конституции были добавочно укреплены принятием 20 октября 1791 года «Взаимного ручательства обоих народов», ликвидировавшего ощущаемый столетиями перевес Короны в союзе двух государств. С тех пор и Великое княжество Литовское, и Корона во всех государственных органах имели равное количество представителей. Благодаря этому почти все отчетные сеймики, собравшиеся 14 февраля 1792 года, одобрили конституцию (из 34 только 2 ее не приняли).

Противники реформ, собравшиеся в Петербурге, создали конфедерацию, которая была объявлена в Тарговице. Представителями Литвы во властях конфедерации были братья Коссаковские, Шимон – гетман польный литовский и генерал в русской службе – и Юзеф – епископ ливонский. В мае 1792 года на территорию Литвы вошла русская армия. Оказалось, что шляхта в большинстве поддержала конфедерацию. Небольшая литовская армия, лишенная начальников, быстро отступила. Генеральная конфедерация, прокламированная 25.VI.1792 года в Вильне, приняла решение о восстановлении шляхетских свобод и прав Великого княжества Литовского согласно законодательству, действовавшему до реформы. Конфедераты, осуществляющие власть под защитой русских, допуская огромные злоупотребления, преследовали патриотов, грабили их имения и своими действиями привели к росту коррупции в стране. Абсолютной неожиданностью для конфеде-

ратов был II раздел, объявленный в 1793 году. Россия заняла земли, расположенные за линией Друть – Пинск. Территория Великого княжества Литовского уменьшилась наполовину.

Последним важным событием в истории Великого княжества Литовского было восстание под предводительством Т. Костюшко в 1794 году. Услышав о том, что в Кракове вспыхнуло восстание, литовские войска, стоявшие в Шавлях, 16 апреля подняли восстание. Литовские якобинцы под командованием Якуба Ясинского с 22 на 23 апреля начали восстание в Вильне. Предатель Шимон Коссаковский был повешен. Восстанием должна была управлять Рада наивысшая народа, которая призвала литовцев бороться за свободу и гражданское равенство. Радикальные лозунги повстанцев угрожали превращением этого движения в революцию. Осторожный Костюшко отозвал Ясинского и во главе восстания поставил генерала Михала Вельгорского, потом распустил Литовскую раду и создал Центральную депутацию Великого княжества Литовского. Как Вельгорски, так и последний начальник восстания в Литве, Станислав Мокроновски, не были в состоянии противостоять военному перевесу русской армии, которая в августе вытеснила повстанческую армию из Гродно, а потом дальше по направлению к Варшаве.

Россия, Пруссия и Австрия 24 октября 1795 года подписали трактат о разделе Польши. В результате III раздела Россия заняла оставшуюся часть Великого княжества Литовского. И только Понемонская пуца перешла во владение Пруссии.

ЛИТЕРАТУРА

Дворниченко, А. Ю. 1993. *Русские земли Великого Княжества Литовского (до начала XVI в.)*. СПб.

Краўцевич, А. 1996. *Да праблемы утварення Вялікага княства Літоўскага*. Białoruskie Zeszyty Historyczne, Białystok, № 1.

1998. *Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага*. Минск (wyd. 2, Rzeszów 2000).

Кром, М. 1995. *Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.* М.

Кульпин, Э. С. 1998. *Золотая орда*. М.

Пашкоў Г.П. (ред.) 2005. *Вялікае княства Літоўскае*. Энцыклапедыя. В 2 т. Т. 1. Абаленскі – Кадэнцыя. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя.

Пашуто, В. Т. 1959. *Образование Литовского государства*. М.

Русина, О. 1998. *Сіверська земля у складі Великого Князівства Литовського*. Київ.

1998. *Україна під татарами і Литвою, Україна кріз віки*. Т. 6. Київ.

Сагановіч, Г. 2002. *Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя*. Мінськ.

Шабульдо, Ф. М. 1987. *Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского*. Київ

1998. *Синьоводська проблема: можливий спосіб її розв'язання*. Київ: Инст. історії України НАНУ.

2003. Чи був ярлик Мамає на українські землі? // *Центральна Україна за доби класичного середньовіччя: студії з історії XIV ст.* (с. 102–126) / ред. наук. Ф. М. Шабунько. Київ: НАН України, Інститут історії України.

Яковенко, Н. 1998. *Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття*. Київ (wyd. pol. Lublin 2000).

Bardach, J. 1970. *Studia z ustroju i prawa W. Ks. Litewskiego XIV–XVII wieku*. Warszawa.

1988. *O dawnej i niedawnej Litwie*. Poznań.

1999. *Statuty litewskie a prawo rzymskie*. Warszawa.

Gudavičius E. 1998. *Mindaugas*. Vilnius.

1999. *Lietuvos istorija*. T. I. *Nuo seniausiu laikų iki 1569 metų*. Vilnius.

Kiaupa, Z., Kiaupiene, J., Kuncevičius, A. 1995. *Lietuvos istorija iki 1795 metų*. Vilnius.

Kiaupa, Z. 2002. *The history of Lithuania*. Vilnius.

Łowmiański, H. 1983. *Studia nad dziejami Wielkiego księstwa Litewskiego*. Poznań.

1999. *Polityka Jagiellonów*. Poznań.

Ochmański, J. 1990. *Historia Litwy*. Wrocław.

Pietkiewicz, K. 1995. *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka*. Poznań.

Rachuba, A. 2002. *Wielkie księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763*. Wydawnictwo sejmowe. Warszawa.

Tęgowski, J. 1999. *Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów*. Poznań–Wrocław.

1999. *Unia lubelska i tradycje integracyjne w Europie Środkowo-Wschodniej* / red. J. Kłoczowski i in. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej.

Wisner, H. 1999. *Litwa. Dzieje państwa i narodu*. Warszawa.

Часть IV

Античный полис: дискуссия о природе политики

- Л. Е. Гринин
Раннее государство и демократия
- Э. Ч. Л. ван дер Влит
Полис: проблема государственности

Л. Е. Гринин

Волгоградский центр социальных исследований

*В статье рассматривается проблема, которая стала дискуссионной: являются ли античные полиции – Афины, Римская республика и другие – ранними государствами или они представляют собой особый тип безгосударственных обществ? В частности, Моше Берент в ряде своих работ пытается доказать, что Афины являются безгосударственным обществом. Однако такой вывод представляется неправомерным. Я обстоятельно показываю в статье, в чем несостоятельность аргументов Берента и других сторонников идеи безгосударственности античных обществ и почему можно считать, что **Афины и Рим были ранними государствами.***

*В статье на примере античных обществ рассматривается проблема многолинейности социополитической эволюции. С одной стороны, параллельно с ранними государствами возникали сложные негосударственные общества, сравнимые с государствами по размерам и другим параметрам, а также функциям. Такие полиции я называю **аналогами раннего государства** (см. мою статью «Раннее государство и его аналоги» в этом же сборнике). С другой стороны, многообразие социополитической эволюции выражается также в огромном разнообразии собственно ранних государств, среди которых бюрократические государства являются только одним из многих типов. Ранние демократические государства с небюрократическими чертами, анализу двух из которых посвящена эта статья, представляют другие типы.*

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ ОБЩЕЙ ТИПОЛОГИИ РАННИХ ГОСУДАРСТВ

1. Античность и теория государства

Афины и Римская республика целые столетия были образцами государства в представлении политиков и ученых. Поэтому вопрос о том, действительно ли они являлись государствами или были безгосударственными обществами, оказывается интригующим и важным сам по себе. Но какие есть вообще основания так ставить вопрос? Для начала можно указать, что у некоторых антропологов возникает «подозрение» относительно «греческого случая», связанного с тем, что, по их

Гринин Л. Е. / Раннее государство и демократия, с. 337–386

мнению, «общества, называемые городами-государствами, часто не являются государствами» (см., например: Marcus 1998: 89). Есть также и специалисты-античники, которые считают, будто полис не был государством (см. подробнее: Marcus, Feinman 1998: 8).

Но значимость этой проблемы еще больше возрастает оттого, что попытки решить вопрос о природе античных политий неизбежно приводят к рассмотрению более широкой и теоретически очень важной для антропологии проблемы: *какие политии вообще можно считать ранним государством? И можно ли, в частности, относить к ним общества с демократическим устройством?* Дело в том, что хотя прямо на негосударственном характере демократических политий, в частности Афин и Рима, все-таки настаивает не так уж много ученых, но фактически едва ли не любой анализ типичных признаков ранних государств прямо (см., например: Петкевич 2002: 148) или имплицитно исходит из того, что раннее государство – это обязательно государство монархического типа, иерархически устроенное¹.

Это определяет и некоторые довольно распространенные взгляды на типичные черты раннего государства. В частности, во-первых, полагают, что возможность влиять на политику всегда сосредоточена почти исключительно в клане правителя или в довольно узких высших кругах², а во-вторых, что основная часть населения постоянно отделена от политической сферы, а его участие в государственной жизни было сведено только к выполнению обязанностей (военная служба, налоги и труд). В-третьих, чтобы закрепить такое распределение обязанностей, требуется наличие аппарата насилия. Прекрасным примером, иллюстрирующим распространенность этих взглядов, является статья М. Берента, о которой чуть дальше.

Бесспорно, жесткая отделенность масс от политики, концентрация власти и принятия решений в узком кругу были не просто распространенным, но типичным явлением для ранних государств. Однако типичное не означает единственно возможное. Иными словами, были и достаточно многочисленные исключения из этих правил. Например, в Афинах и Римской республике монархи отсутствовали, влияние родовых отношений на власть было небольшим, система подбора кадров строилась на иных основах, чем в других обществах, граждане не были исключены из политики, а активно в ней участвовали, насилие в отношении граждан применялось нерегулярно.

Такие кажущиеся «противоречия» с представлением о том, что есть государство, побудили некоторых антропологов к призыву вообще отказаться от термина «город-государство» (например: Burke 1986: 151), поскольку, по их мнению, этот термин несет на себе смысловую нагрузку близости к полису, тогда как подобные политии во многих частях мира не были похожи на древнегреческие, либо они были слишком малы, либо явились результатом распада более крупных государств и т. п. (см. подробнее: Marcus, Feinman 1998: 9). Действительно, города-

государства очень не похожи друг на друга, некоторые из них и не являются государствами (а могут быть как догосударственными полициями, так и аналогами государства). Все это требует конкретного анализа. Но попытка отказаться от этого термина либо заменять его каждый раз на специфические исторические (см. подробнее: Marcus, Feinman 1998: 8) малопродуктивна.

Таким образом, вопрос о том, как классифицировать Афины (и другие античные полисы) и Римскую республику: в качестве ли ранних государств особого типа или аналогов раннего государства, – приобретает большое теоретическое значение³.

Конечно, с марксистской точки зрения они выступают едва ли не классическими образцами государства. Недаром же Энгельс уделил истории Афин и Рима столько внимания в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Античное государство, по его мнению, было, прежде всего, «государством рабовладельцев для подавления рабов» (Энгельс 1961: 179). Обе эти политики хорошо соответствуют и знаменитому ленинскому определению государства как организации, с помощью которой один класс может эксплуатировать другой и держать его в повиновении (Ленин 1974 [1917]: 24).

Однако часть советских историков всегда испытывала трудности при приложении концепции исторического материализма к исследуемым ими обществам. В отношении Греции и Рима проблемы, во-первых, вытекали из того, что иногда было невозможно использовать понятие общественных классов для характеристики социальных слоев и ранних сословий (см., например: Штаерман 1989: 81–85). Во-вторых, само понятие государства прочно ассоциировалось с бюрократией и другими чертами, характерными для ряда восточных деспотий. Между тем ни в Риме, ни в Афинах государственные служащие никак не походили на чиновников (см., например: Osborne 1985: 9). В-третьих, были трудности и с некоторыми иными признаками, которые считались неизменными для любого государства, например с обязательностью налогов. Ведь граждане Римской республики, Афин и ряда других полисов не платили регулярных налогов, а только экстраординарные. Эти и другие особенности античных обществ давали основание поднимать ряд сложных проблем, например, о том, является ли полис государством (например: Утченко 1965: 18; см. также: Глушкина 1983а: 31; Фролов 1986: 18), а также является ли он городом (Кошеленко 1979: 5–6; 1983: 31; Маринович, Кошеленко 1995; см. об этом также: van der Vliet 1987: 71).

2. Типология ранних государств

Как мной было показано в статье «Раннее государство и его аналоги» (Гринин 2006б), одновременно с ранними государствами существовали сложные разнообразные по формам и институтам негосударственные общества, сравнимые с государством по размерам, численности населения, другим параметрам и функциям, то есть аналоги раннего

государства. Таким образом, процесс политогенеза нельзя сужать только до формирования государства. Однако и сами ранние государства нельзя свести к одному его типу, а именно к бюрократическому государству. Разнообразию политической эволюции выражается, в частности, в огромном разнообразии собственно ранних государств, среди которых бюрократические государства представляли собой только один тип. Хотя далее пойдет речь о демократических ранних государствах античности, есть необходимость сказать немного о типологии ранних государств. Конечно, разработка такой типологии – это особая и весьма сложная задача, но даже набросок такой классификации, который я представляю ниже, вполне доказывает, что правомерно говорить о многих типах ранних государств (см. также: Гринин 2001–2005; 2006а; Grinin 2004а; 2004б).

В рамках настоящей статьи под **ранним государством** понимается **особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые, перераспределять ресурсы; в) построенная (в основном или в большей части) не на принципе родства.**

Среди типов ранних государств в первую очередь следует, конечно, выделить **бюрократические**. Государство третьей династии Ура (XXI–XXI вв. до н. э.) в Месопотамии является классическим образцом этого типа (Дьяконов 2000: 64–65; Виткин 1968: 433–434; Емельянов 2003). Но можно вести речь также о **сакральных** без значительного развития бюрократии (примерами являются молодые государства Океании, образовавшиеся в конце XVIII – XIX в. после прихода европейцев: Таити, Тонга). Многие африканские ранние государства также являются **сакральными**, однако у них бюрократические структуры развиты существенно сильнее (см., например: Кочакова 1995)⁴. Можно выделить и тип **имперских небюрократических** государств (вроде ацтекского [Johnson, Earle 2000: 306]).

Русь, Норвегия и другие страны являли пример **дружинного** государства, в котором могущество правителя «измерялось в первую очередь размерами его дружины» (Гуревич 1980: 131; см. также: 1970: 173)⁵. Что касается Спарты, то, например, Финли указывал на нее как на модель военного государства. Но парадокс, по его мнению, заключался в том, что эта модель была разрушена вследствие больших военных успехов Спарты (Finley 1983: 40). Однако и помимо Спарты много других древних государств были военными, но с различными особенностями. Поэтому, мне кажется, более корректно рассматривать Спарту как военное общинно-рабовладельческое государство. А можно гово-

речь о **военно-торговых** государствах, в частности у кочевников (Хазария, Тюркский каганат)⁶. И просто о военных захватнических государствах, какова, например, была Монгольская империя или Древняя Ассирия. Ряд средневековых государств Европы, Московская Русь⁷, ранняя Османская империя, равно, как и ее предшественник в Малой Азии в XI–XIII вв. – государство Сельджукидов, представляли собой **военно-служивые** (военно-феодалные) государства (см.: Петросян 1990: 91; Гордлевский 1941: 69; Строева 1978: 5–11). Особым – **общинным** – типом раннего государства, возможно, являлся Бенин⁸. И т. д.

Полис и Римская гражданская община (цивитас), как мы увидим чуть позже, также следует рассматривать как особые типы раннего государства. В чем-то они были между собой похожи, но во многом и различны. Может быть, поэтому их эволюционные возможности оказались разными. Римская республика не без кризисов, но стала развитым государством. А переход из демократического небольшого полиса в развитое государство оказался невозможным⁹.

Однако демократические ранние государства вовсе не являются особенностью только европейской античности. Они существовали в разных частях света. В частности, в Северной Индии в древности (VI в. до н. э. – III в. н. э.) было немало республик с разным типом правления, но где, однако, население или аристократический совет избирали правителей. При этом республики вели упорную борьбу с монархиями и не раз одерживали внушительные победы. Среди «великих стран» буддийские источники упоминали и некоторые республиканские государства (Бонгард-Левин 1979; Бонгард-Левин, Ильин 1969: 91–94; Mishra P., Mishra J. 2002).

3. Безгосударственные общества или особый тип раннего государства?

В настоящее время некоторые российские ученые рассматривают Афины, другие греческие полисы и Римскую республику как особого рода безгосударственные общества, альтернативные государству по уровню развития и сложности¹⁰. Однако, хотя многие другие идеи этих исследователей я исключительно высоко ценю, с данным утверждением согласиться не могу. И поскольку в поддержку этого взгляда – о безгосударственности греческого полиса и Римской республики – они особенно ссылаются на мнения двух серьезных специалистов-античников (М. Берента и Е. М. Штаерман), я посчитал необходимым подвергнуть критике аргументы именно этих двух авторов. В качестве объекта для этого я выбрал две статьи: Berent, M. The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Community (Berent 2000b; см. также: Berent 2000a; 2004; 2006; Берент 2000; 2002); Штаерман, Е. М. «К проблеме возникновения государства в Риме» (1989). Последняя работа, хотя и вышла относительно давно, в некоторых отношениях не утратила актуальности. Кроме того, в 1989–1990 годах по этой статье шла дискуссия в «Вестнике древней истории» (на некоторые материалы которой я также ссылаюсь), что увеличивает интерес к обсуждаемому вопросу. Обе ста-

ты интересны, дискуссионны и высокопрофессиональны, что делает рассмотрение аргументов их авторов теоретически важным. Это подтверждается, в частности, интересом к этой теме со стороны ряда ученых¹¹. В частности, обстоятельную критику взглядов Берента дали также М. Х. Хансен (Hansen 2002) и ван дер Влит (2006).

Берент считает, что Афины и другие полисы были безгосударственным обществом, Штаерман – что Рим эпохи расцвета классической гражданской общины (*civitas*, *цивитас*) был «общиной, восстановленной на новом этапе, с характерным для общин типом “авторитета”, который действовал на “общую пользу” гражданского коллектива...» (с. 89).

Прежде всего, я должен сформулировать собственную позицию:

Афины и Римская республика являются ранними государствами. Однако их нельзя рассматривать как развитые (сформировавшиеся в полной мере) государства и тем более как зрелые государства¹².

Афины и Римская республика являются особыми типами раннего государства, существенно отличными от иных его (особенно бюрократического) типов.

Однако хотел бы сразу оговориться, что в данной работе нет ни возможности, ни необходимости анализировать особенности многих древнегреческих полисов. Достаточно ограничиться только Афинами. Тем более, что и Берент в своей статье хотя и говорит о полисе вообще, но основное внимание уделяет именно им. Я исходил из того, что, если удастся доказать, что Афины являются ранним государством, этого будет уже достаточно для решения поставленной мной задачи. С другой стороны, если бы мои оппоненты были правы в том, что Афины есть безгосударственное общество, то это было бы правильным и в отношении многих других полисов (исключая разве что Спарту).

Кроме того, утверждать, что все древнегреческие полисы являлись государствами, было бы опростетчиво. Напротив, я думаю, что каким-то полисам из-за их небольших размеров и особенностей положения просто не требовалась государственная форма¹³, а также, что какая-то часть полисов могла так и не выйти из догосударственного состояния, а какая-то перерасти его, но превратиться в аналог. В частности, можно предположить, что аналогом раннего государства выступал Дельфийский полис¹⁴. Но Афины, а также и многие другие полисы, бесспорно, были государствами.

Критика указанных авторов – первая задача статьи. Другая – показать, что четыре признака (особые свойства верховной власти; новые принципы управления; новые формы регулирования жизни общества; редистрибуция власти), которые я сформулировал для отличия раннего государства от его аналогов (см.: Гринин 2006б), характерны и для античных политий. Анализ устройства и политического функционирования последних в таком аспекте дополнительно доказывает, что Афины и Римская республика являются ранними государствами, а не его аналогами, а также подтверждает применимость моей теории для анализа разных типов ранних государств.

4. Некоторые недостатки подходов Берента и Штаерман как иллюстрация недостатков распространенных взглядов на генезис государства и социальную эволюцию

К сожалению, ни Берент, ни Штаерман фактически не разграничивают в своем контексте зрелое и раннее государства, хотя первый употребляет понятие «раннее государство» в самом названии статьи, а вторая в начале статьи обсуждает проблему грани между вождеством и ранним государством. И очень часто их аргументы против признания наличия государства в Афинах и Риме являются, по сути, аргументами против наличия там зрелого государства (или, в моей терминологии, *развитого* государства – см.: Гринин 2006в). Таким образом, происходит незаметная для самих авторов подмена: сначала фактически доказывается, что нет развитого государства, а потом делается вывод, что нет и вообще государства. Например, Штаерман пишет: «Таким образом, вряд ли Рим эпохи расцвета классической *civitas* можно считать **сложившимся** государством. Он был общиной...» (с. 89; выделено мной. – Л. Г.). Но не быть сложившимся государством вовсе не значит не быть ранним государством, а являться каким-то безгосударственным обществом. Совсем напротив, раннее государство, по определению, не может быть сложившимся.

Убеждение в том, что раннее и зрелое государства имеют одни и те же сущностные признаки, является очень распространенной ошибкой, которая нередко определяет и ошибочность подхода исследователя в целом. Между тем, **большинство ранних государств оказались неспособными стать развитыми государствами** (см., например: Claessen, Skalnik 1978a; Claessen, van de Velde 1987; 1991; Skalnik 1996; Shifferd 1987; Tymowski 1987; Кочакова 1995). **Почему? И что означает такая неспособность в плане теории социальной эволюции?**

Если давать общий ответ, то он будет следующим. Такие государства часто вполне отвечали задачам и условиям, в которых они находились. Однако они были устроены так, что не имели механизмов и потенциалов, которые при благоприятных обстоятельствах могли бы продвинуть их на более высокую ступеньку развития (либо необходимые благоприятные условия так и не сложились).

С точки зрения теории социальной эволюции это означает, что ранние государства были устроены по-разному, что они решали свои проблемы с помощью различных политических механизмов. Иными словами, можно говорить о **разных типах** ранних государств. *Стадийно* эти типы следует считать равноправными. Но *эволюционно* они отличаются очень существенно.

Из сказанного следуют логически простые, но очень важные вещи.

Во-первых, наличие разных типов ранних государств означает, что одни из этих типов оказались в дальнейшем эволюционно проходны-

ми, а другие – эволюционно тупиковыми. А это, в свою очередь, означает, что:

а) естественно, далеко не все политические, организационные и иные достижения ранних государств оказались востребованными в развитых;

б) однако, хотя многие институты и отношения были «пригодными» только в определенных условиях и в определенных обществах, это ни в коей мере не означает, что общества, которые ими обладали, не являлись раннегосударственными. Приведу простой пример. В ходе эволюции утвердился принцип передачи престола по прямой линии (от отца к сыну). Однако это вовсе не значит, что общества (такие, как Киевская Русь например), в которых престол передавался не старшему сыну, а старшему родственнику, не являлись раннегосударственными¹⁵. То же самое относится к принципам формирования и деятельности госаппарата, армии, политическому режиму и т. п. В частности, то, что монархия была преобладающим типом государства, не означает, что уже по одной этой причине демократические политии не являются государствами. Вопрос о характеристике последних должен решаться на основании их сравнения с догосударственными и аналоговыми обществами, как это было показано мной (Гринин 2006б) и как будет показано далее в этой статье;

в) таким образом, необходимо совершенно однозначно отказаться от однолинейного взгляда на эволюцию вообще и эволюцию государства в частности. Если мы будем считать государственными только те признаки, которые стали ведущими в дальнейшем, мы сильно сузим и исказим представления о процессе политогенеза¹⁶.

Во-вторых, **три главных признака (бюрократический аппарат, налоги, территориальное устройство), характерных для многих развитых государств, плохо приложимы к ранним государствам, поскольку обычно в ранних государствах некоторые из этих признаков отсутствуют либо они недостаточно ясно выражены** (см.: Гринин 2001–2005; 2006а; 2006в). Зато во многих ранних государствах тот или иной из этих ставших впоследствии эволюционно ведущими в государствах признаков заменялся другими, достаточно эффективными для решения конкретных задач. Так, в данном случае я доказываю, что право и суд в античных государствах во многом компенсировали отсутствие развитой администрации.

В-третьих, как показано выше, можно говорить о разных типах ранних государств. А разные типы означают различие не только по размеру, но и по принципам устройства. Таким образом, отсутствие бюрократии в греческом полисе и римской цивитас (civitas) само по себе не может служить доказательством, что они не являются ранним государством. На мой взгляд, это доказывает совсем иное: полис и цивитас не были бюрократическим типом раннего государства, а представляли собой особые типы раннего государ-

ства (о подобных мнениях некоторых участников дискуссии по статье Штаерман см., например: Андреев 1989: 71; Якобсон 1989: 77; Трухина 1989: 74; см. также: Hansen 1989: 41; 1998; 2002; van der Vliet 2005).

Поэтому, когда Берент и Штаерман пытаются доказать отсутствие государства в Афинах и Риме, показывая их отличия от крупных аграрных бюрократических государств, это значит, что они фактически сводят многообразие раннегосударственных форм только к одной из них, просто потому, что в конце концов эта форма стала эволюционно ведущей.

Однако если мы признаём, что имелись различные типы ранних государств, значит, мы должны рассматривать все типы как «правильные», хотя одни из них более похожи на будущие развитые государства, чем другие. Следовательно, общие черты ранних государств должны быть найдены не признанием среди разных типов одного «эталонного» и «правильного», а на уровне более высокой абстракции.

О типологии раннего государства уже шла выше речь. Но она может проводиться по разным основаниям. Например, ранние государства можно разделить на **монархические и демократические**. В этом случае нельзя не учитывать, что любое хоть в какой-то степени демократическое государство отличается от монархического уже тем, что источник власти лежит в гражданах, имеющих право голоса, а в монархиях – в особых правах монарха. Поэтому форма жизни демократических государств непременно связана с регулярной сменой власти или правительств. При этом крайне важными выступают процедурные вопросы организации выборов, принятия решений и т. п. Для монархических государств вопросы процедуры принятия и исполнения решений становятся важными уже на более высоком уровне развития.

Стоит подчеркнуть, что в своих теоретических построениях Берент и Штаерман недостаточно учитывают специфику демократических государств по сравнению с монархическими. Поэтому многие особенности Афин и Рима (например короткий срок пребывания на должностях), на которые они указывают как на доказательство того, что в этих обществах отсутствует государство, оказываются вполне типичными и для других демократических государств (в частности итальянских средневековых республик).

Другими словами, некоторые отличия Афин и Рима от восточных государств – это не отличия государств от безгосударственных политий, а отличия демократических ранних государств от монархических.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1. Естественность демократического пути формирования государства. Трансформация полиса в государство

Как известно, в охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществах было много элементов первобытной демократии. Меньше, чем у охотников, но все же

весьма широко демократия была распространена среди примитивных земледельцев и скотоводов. Расслоение общества на знатных и незнатных, богатых и бедных, имеющих больше и меньше прав, а также рост объемов общества существенно ее «потеснили». Однако, благодаря как длительной традиции, так и сложности узурпации власти, **демократия долго оставалась одним из естественных путей политогенеза.**

«Выбор» демократической формы политического устройства определялся разнообразными причинами, точнее даже, сложным их комплексом. О некоторых из таких причин будет сказано далее. Одной из важнейших среди них могло быть географическое положение общества, в частности горный рельеф местности, препятствующий объединению мелких политий в крупную (см. об этом, например: Korotayev 1995).

Таковыми мелкими политиями являлись и полисы. «Полис – сравнительно небольшая – от нескольких сот до нескольких тысяч человек – община граждан, основное занятие которых – земледелие – база экономики полиса» (Кошеленко 1983: 30). Легко понять, что такой полис – это стадийно догосударственное образование¹⁷. Зачаточное раннее государство, согласно Классену (см.: 2006), должно иметь по крайней мере 5–6 тыс. жителей. И даже с таким населением стать ранним государством возможно было далеко не всегда, а только в самых удачных случаях. Фактически для образования государств обычно требовались большие объемы. Например, Платон в «Законах» указывает, что в идеальном полисе должно быть 5 тыс. полноправных граждан, владеющих наделами земли (737e, 745c). А это значит, что население такого полиса, включая женщин и детей, неграждан и рабов, составляло бы уже десятки тысяч человек¹⁸.

Таким образом, переход к ранней государственности был связан с ростом объемов полиса, что неизбежно вело к изменению организации управления.

А рост объемов мог иметь место:

– в результате участвовавших войн, которые вынуждали – в целях защиты и безопасности – к объединению мелких населенных пунктов в крупные, то есть *синойкизму*. Поэтому полис, даже небольшой, представлял собой гражданскую общину, родившуюся чаще всего из слияния территориальных общин (Кошеленко 1983: 36; см. также: Кошеленко 1987: 40; Фролов 1986: 44). Это само по себе уже рвало определенные традиции;

– удачных завоеваниях, как это было со Спартой, захватившей Мессению в VIII–VII веках до н. э.¹⁹; с некоторыми городами Фессалии и Крита (см.: Андреев 1979: 21; 1983: 201). Ярчайшим примером такого развития является ранний Рим, а также и Карфаген;

– наличии свободного фонда земли, что дает возможность для естественного роста населения (случай для Греции нетипичный, кроме некоторых греческих колоний, но имевший место в раннем Риме, где всегда была свободная общественная земля, так называемая *ager publicus*²⁰);

– наконец, при изменении производственного базиса, особенно при расширении роли ремесла и торговли. Для Афин и ряда других полисов этот путь и оказался приемлемым.

Несомненно, некоторые важные предпосылки для появления и развития **демократического** государства имелись уже и в догосударственном полисе.

Во-первых, традиции многих догосударственных обществ были сильно демократичны.

Во-вторых, в условиях концентрации населения на малой территории (типичнейшая ситуация в городских общинах) управление опиралось на непосредственную близость населения и власти, территориальную доступность последней и возможность непосредственного участия граждан в управлении. Это нередко способствовало демократическим формам управления, а также их развитию в сторону усиления институционализации, формализма, правовой и процедурной составляющей функционирования власти. При определенных условиях (особенно в связи с военной обстановкой) это облегчало превращение общины в государство. История полисов (и *цивитас*) очень хорошо иллюстрирует мою мысль о том, что **государство рождается в условиях каких-то резких изменений** (см.: Гринин 2001–2005; 2006а). Всякого рода революции и контрреволюции, переселения, тирании и их свержения, а также войны облегчали переход от традиционных форм регулирования к иным: формально-правовым, государственным.

В-третьих, недостаток места через какое-то время требовал строго контролировать число переселенцев. Поэтому община начинала с какого-то момента ограничивать их приток. Так возникала идеология особой близости определенного количества людей – граждан полиса, так легче было изменить прежние различия: по родам, фратриям, племенам.

В-четвертых, несакральный или ограниченно сакральный характер вождя-правителя в таких общинах определял в целом **слабость царской (монаршей) власти**. Монарх не обладал и достаточным аппаратом подавления. Неудивительно, что греческие *базилевсы* утратили свою власть. А если обратиться к истории Рима, то причины сравнительно легких революций по изгнанию царя, когда он начинает нарушать свои обязанности и превышать права, станут еще понятнее. Так, в Риме, по мнению ряда исследователей, монарх, во-первых, был чужеземцем, во-вторых, не мог передать свою власть по наследству, в-третьих, почти все римские цари (согласно традиции) погибли насильственной смертью, причем некоторые из них от рук своих преемников (см.: Немировский 1962: 151–152).

Подводя итоги, можно сказать, что подобно тому, как крепкая власть вождя в вождестве способствует формированию монархического государства, так и примитивная демократия в полисе могла перерасти в демократический государственный строй. Разница только в потенциальных возможностях роста и в эволюционной перспективе.

Монархия подчас могла трансформироваться в крупную империю с населением в миллионы, а полис в лучшем случае становился политической в сотню-другую тысяч человек (см. также: Хоцей 2000: 512–515).

Но следует заметить, что развитая демократия полиса не вырастает прямо из демократии догосударственных общин. Она является уже результатом, говоря языком Гегеля, отрицания отрицания, результатом длительной борьбы различных тенденций: аристократической и демократической, тиранической и демократической. Уже «давно было установлено: греческий полис, прежде чем прийти к демократическому государственному устройству, должен был проделать долгий путь развития, пройдя через ряд промежуточных стадий» (Виноградов 1983: 394).

Политическая форма нередко зависела от конкретных обстоятельств и исхода политической борьбы. Но можно сказать, что развитие ремесла и торговли усиливало демократические тенденции²¹. И несомненно, что рост товарности, ремесла и торговли в Афинах привел к политическому росту силы демоса, что и выразилось в бурных политических событиях начала VI века до н. э. В V в., по мнению некоторых исследователей, шла такая эволюция Афинского полиса, в результате которой экономические и политические принципы, социальная структура, моральные ценности и политические качества переросли полисные рамки (см.: Глускина 1983а: 7).

2. Эволюционные ограничения демократического пути формирования государства

Демократия прямого действия (то есть непредставительная) оптимальна лишь до известного предела развития и при определенных размерах, когда есть возможность для населения непосредственно участвовать в управлении, а для власти осуществлять прямой контроль над территорией. Поэтому истинно демократические государства могли быть только мелкими (см.: Штаерман 1968: 670; см. также: Даль 2000: 101–102). Как отмечал еще Монтескье (1955 [1748]), республика по своей природе требует небольшой территории, иначе она не удержится, а обширные размеры империи – предпосылка для деспотического управления (см. также: Арон 1993: 41).

Но мелкие государства не являлись ведущей линией политической эволюции. Уже это легко объясняет слабую распространенность такой формы правления, как демократическая, вплоть до недавнего времени. Олигархические и аристократические республики (как Карфаген или Рим) могли расширяться и становиться крупными государствами. Но это была уже совсем иная демократия, чем в Афинах и ряде других греческих полисов. И все равно территориальный рост склонял даже аристократические республики к диктатуре или монархии, как это случилось в Риме.

Имелись и другие причины, по которым демократические города-государства не могли стать достаточно распространенной формой.

Во-первых, торгово-ремесленный базис общества был сам по себе более редким, чем аграрный, и более неустойчивым²².

Во-вторых, неустойчивость политической ситуации способствовала постоянным изменениям в самом государственном устройстве, что неизбежно вело раньше или позже к упадку.

Постоянные политические и конституционные перевороты характерны не только для античной Греции. Государственная структура итальянских коммун также «отличалась чрезвычайной изменчивостью и представляла собой удивительное зрелище на фоне средневековой жизни, где столь важны обычное право, неподвижность, традиции. Тогдашняя поговорка утверждала, что «флорентийский закон держится с вечера до утра, а веронский – с утра до полудня» (Баткин 1970: 240; см. также о Генуе: Рутенбург 1990: 72). Сроки пребывания на всех должностях во Флоренции были 2–4 месяца, поэтому город жил в атмосфере перманентных выборов (Краснова 2000: 58).

Можно также добавить, что до какого-то момента развитие демократии позволяет демократическому государству конкурировать с монархическими и даже одерживать над ними победы. Разве не связаны были политические и культурные успехи Афин с развитием демократии? Или взять Польшу, имевшую в период так называемой «шляхетской демократии» в XV–XVI вв. немалые политические и культурные достижения. Однако переход демократии за разумные пределы может вести к государственному кризису и упадку. Так случилось в Афинах, где, по словам Иоганна Дройзена (1995: 18), невозможность произвести самонаименьшие ограничения демократической свободы, привела эту опасную форму государственного строя в наиболее опасный фазис ее колебаний²³. Переход в Польше к феодальной республике во главе с выборным монархом также означал постепенный упадок государственности. Безудержная шляхетская вольница, когда для принятия решения требовалось полное единогласие делегатов сейма, привела к параличу государственной машины. Дело дошло до того, что в период долгого правления Августа III в XVIII в. лишь один сейм (1736 г.) благополучно завершил работу, а прочие 13 сеймов были сорваны (Якубский 1993: 81). Результатом государственного разложения, как известно, явились разделы Польши.

Римская цивитас как аристократическая республика в некоторых отношениях существенно отличалась от греческого полиса²⁴. Важно отметить, что она никогда не доходила до такой полноты демократизма, какая была в Афинах. Эта аристократическая составляющая в демократических государствах древности и средневековья делала их и более устойчивой, и более перспективной формой, чем широкая (демосная) демократия. Например, из всех итальянских городских республик только в Венеции была внутренняя стабильность, а само это государство просуществовало «кажется, дольше, чем любой другой город-государство в мировой истории: целое тысячелетие!» (Баткин

1970: 248)²⁵. И объясняется это вполне просто: политическим превосходством патрициата, системой ступенчатых и очень сложных выборов, ограниченностью избирательных прав (Баткин 1970: 248–249). Стабильность и отсутствие личной диктатуры усилили чисто технические и канцелярские аспекты управления в Венеции. Механизм власти работал там на редкость устойчиво, а канцелярия рассматривалась как «сердце государства» (Климанов 1990: 80). Другой пример – Дубровник. Эта крошечная городская республика на берегу Адриатического моря просуществовала весьма долго: с первой половины XV до XIX века, причем в труднейших политических условиях господства турок на Балканах (Мананчикова 2000: 50). Наибольшая реальная власть в Дубровнике была передана сенату, состоящему из выходцев из наиболее знатных семей. «Аристократизм венецианского политического строя был не последним фактором, повлиявшим на аристократизацию дубровницкого Сената» (Мананчикова 2000: 55).

АРГУМЕНТЫ БЕРЕНТА И ШТАЕРМАН И ИХ ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Теперь мы можем рассмотреть доводы, согласно которым в Афинах и Риме не было государства. Для удобства изложения я попытался сформулировать основные аргументы указанных двух авторов. Они даны под порядковыми номерами и выделены отступом и курсивом. При этом не везде был смысл указывать точные страницы их работ, поскольку некоторые мысли повторяются многократно либо приводимая мной формулировка является суммированием их рассуждений на протяжении нескольких страниц. На каждый аргумент я постарался дать достаточно подробные возражения. Несмотря на все мои старания, я, однако, не смог избежать повторов, за что и приношу свои извинения читателю.

1. В полисе нет использования государственного аппарата и мощи государства для эксплуатации рабов, которая была (равно как и контроль над рабами) частным делом (Berent: 229–231)²⁶. «Безгосударственность полиса как раз и означает, что он не был инструментом для присвоения прибавочного продукта, а способы эксплуатации, свойственные ранним аграрным государствам (налоги, принудительный труд и другие повинности. – Л. Г.), не существовали в древнегреческом мире (по крайней мере до эпохи эллинистических империй)» (Berent: 226).

Возражения. Во-первых, в ряде случаев такое использование возможностей государства для эксплуатации и присвоения прибавочного продукта имело место. Например, эксплуатация государственных рабов на Лаврийских серебряных рудниках²⁷, на строительных работах или использование рабов для полицейских целей и в государственном аппарате (писцы, секретари, тюремщики и т. п.), в качестве гребцов и матросов (см.: Машкин 1956: 246; Громаков 1986: 20).

Во-вторых, следует учитывать, что в широких масштабах этого просто не требовалось. Ведь не использовался государственный аппарат для эксплуатации чернокожих рабов в Южных штатах США. Рабовладельцы вполне справлялись с этой задачей сами. Им также не требовалась специальная полиция, чтобы ловить беглых рабов, обычно они делали это сами или нанимали специалистов²⁸.

В вышеприведенном аргументе Берента налицо синдром марксистской идеи, что государство нужно всегда, прежде всего, именно для того, чтобы использовать его мощь против угнетенных классов. На самом же деле для получения прибавочного продукта долгое время было достаточно и старых способов. А потребность в государстве обуславливается самыми разными причинами. Причем едва ли не в большинстве случаев внешней угрозой или иными внешнеполитическими обстоятельствами. Поэтому войны имели столь огромное значение для возникновения ранних государств (см., например: Ambrosino 1995; Carneiro 1970, 1978). «Полисы создавали войну, а война создавала полисы», – говорит Хансен (Hansen 2002: 39).

Следовательно, вывод, который делает Берент: если граждане сами справлялись с эксплуатацией рабов, значит, не было государства, – неправилен. Причинно-следственная связь здесь как раз обратная: если граждане вполне справлялись с эксплуатацией рабов и могли самостоятельно держать их в повиновении, то зачем бы эту функцию стало брать на себя государство? Последнее, если ситуация его устраивает, обычно не будет делать то, что регулируется иными способами. Другое дело, если бы был случай, когда граждане не могли самостоятельно подавить возмущение рабов, а народное собрание или органы управления отказались бы использовать силу государства против рабов. Но такого быть не могло. Напротив, известно, что Афины послали в Спарту в 462 году помощь во главе с Кимоном для подавления восстания илотов в Мессении.

Следовательно, было вполне достаточно и того, что государство в Афинах санкционировало рабство и не мешало хозяевам держать в повиновении рабов и распоряжаться ими. Однако когда возникала необходимость, государство могло и вмешиваться в отношения рабовладельцев и рабов. Например, реформы Солона запретили рабство граждан²⁹. Они также запретили родителям продавать детей в рабство (см.: Кучма 1998: 127). В трудных для государства ситуациях рабам могли давать свободу, а неполноправным и даже рабам – гражданские права. Например, в Риме в 312 г. при цензоре Аппии Клавдии было дано римское гражданство вольноотпущенникам (Бочаров 1936: 195), а во время войны с Ганнибалом определенное число рабов было выкуплено и включено в состав римского войска (Кузищин 1994: 82). В греческих полисах также бывали крупномасштабные освобождения рабов – об этом говорит в том числе и Берент (231; см. также: Машкин 1956: 246).

Относительно прямого присвоения государством прибавочного продукта через налоги можно отметить, что полисные государства достаточно активно использовали этот способ. В частности, в Афинах были и косвенные налоги на граждан (а в особых случаях – и прямые), и прямые налоги на метеков³⁰.

Стоит добавить, что если производственный базис в Афинах был в очень большой степени неаграрным, то неправомерно настаивать на том, как это делает Берент, что способы аккумуляции прибавочного продукта в таком полисе и аграрных обществах были одинаковыми.

2. *«Вряд ли могло существовать государство, совпадавшее с общиной граждан, где не было отделенного от народа аппарата принуждения и подавления», «стоящего над обществом и защищающего интересы одного класса» (Штаерман: 86, 87).*

Возражения. Рассмотрим теперь **вопрос о соотношении классов и государства**. Эта проблема буквально «мучила» многих советских историков, которые время от времени «открывали» в разные эпохи и в разных регионах «доклассовые» государства, а также находили классы в догосударственном обществе. Знаменитые дискуссии по поводу так называемого азиатского способа производства (АСП) также во многом были связаны с этой проблемой (см., например: Качановский 1971; Никифоров 1977; Gellner 1988: гл. 3). В особенно трудном положении тут находились африканисты, поскольку африканские государства основывались на слабых производительных силах и, как правило, образовывались при отсутствии развитой частной собственности на землю (см., например: Кочакова 1968; 1995; Киселев 1981; Годинер 1982; Куббель 1974; Кобищанов 1974).

Поэтому вышеприведенное утверждение Штаерман – это, по сути, только возражение против попыток найти государство, полностью соответствующее истматовской концепции как оторванного от народа аппарата принуждения, действующего в интересах класса эксплуататоров (Штаерман: 77). В этом смысле она, бесспорно, была права (и вполне правомерно ставила проблему), поскольку Римская республика, особенно ранняя, во многом не подходила под ленинское определение государства. Но классов в марксистском понимании не было не только во многих ранних, но, строго говоря, даже и в ряде зрелых государств. Недаром же десятилетиями шли дискуссии о соотношении АСП, рабовладения и феодализма, о «восточном феодализме» и т. п. теоретических конструкциях, важнейшей задачей которых было объяснить существование в восточных государствах антагонистических классов при отсутствии (или недостаточном распространении) частной собственности на землю.

Однако при расширительном толковании понятия общественных классов во многих ранних государствах они вполне просматриваются³¹. При таком подходе патрициев и плебеев в Римской республике можно

рассматривать как общественные классы. Мне даже думается, что эти социальные группы ближе к марксистскому пониманию классов, чем, например, князь и его дружина на Руси. Ведь в первом случае патриции имели привилегии перед плебеями на протяжении сотен лет в главном, по марксизму, – в отношении к земле, к средствам производства. А на Руси главное преимущество князя было в военной силе и статусе, а не во владении землей (но мало кто отрицает наличие Древнерусского государства с конца IX в., а некоторые говорят о Киевском государстве даже в первой половине IX в. [например: Рыбаков 1987: 41–43]). В ранних досолоновых Афинах VII века классовое деление было еще более ярко выражено: земля в руках аристократии, крестьяне беднеют и попадают в долговую зависимость, суд как орган репрессии стоит на стороне землевладельцев и займодавцев, должники обращаются в рабство.

Возвращаясь к Римскому государству, следует также заметить, что оно эксплуатировало плебеев, особенно через военную службу. Поэтому, хотя в ранней Римской республике государство в известной мере и совпадало с общиной граждан (тут Штаерман права), однако население Рима вовсе не совпадало с общиной граждан. Иными словами, политические и экономические права имела только часть жителей. Такая же ситуация была и в Афинах, где всегда было много тысяч рабов, а также неполноправных жителей (метеков), которые платили налоги и привлекались к военной службе (Громаков 1986: 19), но не участвовали в управлении. По подсчетам В. Эренберга, в 360 г. до н. э. в Афинах было 85–120 тыс. граждан (всех возрастов и обоего пола), 25–50 тыс. метеков (также с женщинами, детьми и стариками) и 60–100 тыс. рабов (см.: Кошеленко 1983: 35)³².

Продолжая анализ, можно заметить, что, после того как плебеи добились уравнивания в правах, в Риме быстро развивались уже классы рабов и рабовладельцев. И поздняя Римская республика дает нам превосходные примеры классовой борьбы: восстания рабов в Сицилии, восстание Спартака и беспощадное подавление их именно силой государства.

Таким образом, Афины и Римская республика не только не хуже, но и даже лучше многих других обществ использовали государство для создания и поддержания социального и политического неравенства, экономической эксплуатации, привилегий одних групп перед другими.

3. В Афинах и Риме власть не была отделена от граждан.

Возражения. Во-первых, есть аналоги государства (те же гавайские вождества или галльские политии), в которых власть жестко отделена от населения, но отсутствует государство (см.: Гринин 2006б). Во-вторых, в демократических государствах также налицо отделение власти, только не постоянное, а временное (в виде делегирования вла-

сти). Это отделение власти регулярно санкционируется источником власти, которым при демократии всегда являются избиратели.

Отчуждение власти от населения в политогенезе вообще происходит разными путями. Магистральным оказался способ монополизации власти, когда ее источник (в юридическом смысле слова) оказывается в руках определенной родовой группы, семьи, узкой олигархии. Такая система фактически восторжествовала почти повсеместно³³.

Но и в древних демократических обществах, в том числе и в аничном полисе, несмотря на то, что население влияет на формирование администрации, а то и прямо ее избирает, **налицо отделение власти от народа**, только оно имеет свою специфику. Ведь если в государствах с монополией власти высшая должность в обществе очень крепко соединена с определенными кланом, семьей, слоем, то в демократических государствах именно должность является постоянной, а лица, ее занимающие, могут выполнять свои обязанности и временно. Следовательно, раз в городах были необходимы должностные лица, суд и военачальники, неизбежно **происходит отделение власти от населения**. Только это **отделение именно анонимной власти, власти должности** с определенным балансом прав и обязанностей, но не власти определенного рода, лица, семьи, наместника богов на данной территории.

Таким образом, сама по себе добровольность в делегировании власти в полисе и цивитас отнюдь не свидетельствует о том, что государство отсутствует. В известной мере даже, напротив, здесь власть отделяется как бы в чистом виде, а не в связи с определенными лицами, семьями или кланами. Мало того, в демократиях порой существовали и важные элементы институционального разделения политических и иных аспектов в общих делах. Например, Хансен прямо говорит, что афиняне отделяли политическую сферу от других сфер жизни, более того, многие важные аспекты общества не обсуждались на народных собраниях (Hansen 1989: 20–21, 28). Иными словами, *полис* был государством, а не сплавом государства и общества (там же: 21). В политической сфере афиняне действовали как граждане и отделяли себя от *метеков* и рабов. Если раба или метека находили на политическом собрании, его наказывали, возможно, даже приговаривали к смерти. Напротив, в социальной, экономической и образовательных сферах афинские граждане сливались с иностранцами и рабами. Религиозная сфера была смешанной. Метеки и рабы не допускались не на все, а лишь на некоторые праздники. Важно также помнить, что афинские жрецы никогда не были государственными служащими (там же: 20–21, 41).

Не стоит также забывать, что Аттика делилась на десять *фил*, а каждая фила, в свою очередь, состояла из десяти *демов* (Громаков 1986: 30). Естественно, что местные дела решались на собраниях *фил* и *демов* (Громаков 1986: 30–31; Rhodes 1993).

И хотя должностные лица в Афинах и Риме отличались от привычных нам чиновников, в целом административный характер деятельности государственной машины достаточно очевиден (см. также примеч. 41). Как отмечал Макс Вебер, важным следствием полной или частичной победы незнатных слоев общества для структуры политического союза и его управления в античности явилось установление «**административного** характера политического союза» (Вебер 1994: 392 [выделено мной. – Л. Г.]; относительно Рима см.: Кузищин 1989: 93).

Кроме того, возможность граждан участвовать в политической жизни и формальная возможность получения высших должностей любым гражданином вовсе не означала, что занять их было легко даже способному человеку. Тем более, если эти должности были неоплачиваемыми или их достижение требовало больших расходов. Это особенно характерно для Рима, но и в Афинах высшие должности стратегов не оплачивались, поэтому занимать их могли преимущественно богатые люди, так же как и должности, связанные с управлением финансами. Таким образом, «быть субъектом политического закона не означает участие в правительстве: деление на управляющих и управляемых не совпадает с участием в политической жизни» (Dozhdev 2000: 276).

4. В полисе и цивитас нет специального аппарата принуждения.

Возражения. Во-первых, и в Афинах, и в Риме кое-что из такого аппарата было, те же ликторы в Риме или полиция в Афинах (об этом еще будет сказано несколько дальше). Кроме того, в Афинах и других полисах со второй половины V века усиливается контингент наемных войск, который затем стал ведущим (см.: Маринович 1975). Особую роль в период правления Перикла и после наемники играли в комплектовании афинского флота (см.: Бочаров 1936: 142). Постепенно ополчение настолько пришло в упадок, что никто даже не заботился о своем вооружении (там же: 161). А в Риме в конце V века солдаты стали получать жалованье, а затем казенное вооружение и продовольствие (там же: 195). Далее, как известно, элемент профессионализма в римской армии все возрастал, пока, наконец, в результате реформ Гая Мария в конце II в. до н. э. она не стала полностью наемной.

Во-вторых, в отношении рабов, как уже сказано, такого аппарата и не требовалось. Когда же это было необходимо, как во время восстаний рабов во II–I вв. до н. э. в Риме, армия прекрасно выполняла такую роль.

В-третьих, определенные органы принуждения имелись и для граждан. Это суды. Судебная власть может выступать как часть административного аппарата, а судебные функции могут быть частью административных, когда, например, наместник в провинции или сеньор в сеньории сосредотачивал в своих руках все полномочия. Но суд может выступать и как самостоятельный репрессивный орган. В монархиях власть обычно стремилась поставить суды под свой контроль. В полисе и цивитас они были более самостоятельными.

Суды в Афинах и Риме вполне можно считать органами принуждения, поскольку они давали санкцию на применение насилия, хотя нередко и оставляли непосредственное исполнение решения в руках заинтересованной стороны. Но и таких функций суда было вполне достаточно. Во всяком случае, и в Афинах, и в Риме судебных тяжб было много и их число возрастало, их боялись, равно как боялись игнорировать судебные заседания, поскольку это могло повлечь неблагоприятные последствия (см.: Кучма 1998: 131, 216). Что касается уголовного преследования, то, разумеется, в Афинах не было прокуратуры или следственных органов, но в важных случаях, например при совершении святотатства, когда происходило осквернение общества убийством со злым умыслом или непредумышленного, полис имел санкции действовать. С обычными преступниками, если их ловили в процессе совершения преступления, имели дело и без промедления наказывали ответственные власти (см.: ван дер Влит 2006). Также были и должностные лица для контроля над преступниками. В частности, Аристотель упоминает сторожей при заключенных в тюрьмах (Афинская полиция 24.3).

5. В полисе нет правительства, нет профессиональных бюрократов и специалистов (Berent). В цивитас аппарат исполнительной власти был ничтожно мал (Штаерман: 88).

Возражения. Пожалуй, наиболее важным аргументом, которым хотят доказать отсутствие государства в Афинах и Риме, является ссылка на слабость их аппарата управления и насилия и в целом исполнительной власти, малое число профессиональных чиновников, непрерывную сменяемость должностных лиц. Однако при внимательном рассмотрении проблемы и этот аргумент не работает.

Действительно, бюрократов в полисе и цивитас было мало (об Афинах см., например: Finley 1977: 75), впрочем, как и в любом небюрократическом государстве. Однако специалисты-политики там были. Финли утверждает, что они были «структурным элементом афинской политической системы» (Finley 1985: 69). Причем это были специалисты высокого класса, деятельность которых являлась образцом для подражания на протяжении столетий, а также базой для создания новой науки о политике. Ведь сам принцип устройства полиса предполагал наряду с народным собранием наличие группы лидеров, осуществлявших непосредственное ведение внутриволисных дел (Яйленко 1983: 180).

Были также и должностные лица, порой даже в очень значительном количестве. Эти «функционеры полиса» (Вебер 1994: 393) вполне удовлетворительно обеспечивали деятельность государственной машины, хотя система их оплаты (или отсутствие таковой) и назначения (иногда по жребию), а также короткие сроки пребывания на должности не делали этих служащих особым социальным слоем.

Таким образом, можно сказать: **и в полисе, и в цивитас государственный аппарат был, хотя и особого рода.** И этот аппарат вполне отвечал уровню развития раннего государства и обеспечивал конкуренцию данных государств на внешней арене. То, что эволюционные возможности такой политической организации оказались слабыми, не означает, что она не была государственной. Эволюционно непреходимым оказалось большинство типов раннего государства и систем его управления.

Возьмем, к примеру, Спарту. Этот тип государства, равно как и его управленческая система, оказался эволюционно неперспективным в еще большей степени, чем полисный тип. В то же время даже сторонники идеи о полисе как о безгосударственном обществе, не решаются отказать ей в государственном статусе³⁴. Ибо здесь было почти все, что требуется для государства: привилегированное вооруженное неработающее меньшинство и эксплуатируемое бесправное безоружное большинство; постоянное войско, которое с V в. включало в себя и наемников (см.: Маринович 1975: 18–23); систематическое и жесткое насилие и прямые репрессии против угнетенных; идеология подчинения начальнику; жесткий контроль за военачальниками и послами; регламентация жизни граждан, вплоть до покроя одежды и формы бороды и усов (см.: Андреев 1983: 204–205; Строгоцкий 1979: 45).

Но, с другой стороны, в Спарте мы не видим важных вещей, которые характерны для многих ранних государств, включая полис и цивитас. В частности, здесь долгое время не было имущественного расслоения между гражданами, а также существовал прямой запрет нормальных денег, торговли, ремесла.

Сказанное еще раз подчеркивает важный момент: фигурально говоря, **раннее государство – неполное государство. В каждой такой политике нет некоторых моментов, которые затем появляются в развитии государства. При этом в каждом случае набор черт и признаков (равно как и отсутствие каких-либо из них) является оригинальным или даже уникальным** (см. об этом также: Гринин 2006в).

И это также относится к вопросу о наличии привычного правительства в полисе. Роль правительства, то есть исполнительной власти, в Афинах выполняли Совет пятисот и коллегия 10 стратегов. Правда, афиняне стремились к разделению полномочий, и поэтому исполнительная власть у них была существенно слабее, чем в монархиях или даже в Риме. Однако это не доказывает отсутствие государства в Афинах. Во многих ранних государствах или не имелось полного набора ветвей власти, или какие-то из них были развиты сильнее, а какие-то слабее. В ранних монархических государствах законодательная и даже судебная власти далеко не всегда существовали в качестве отдельных ветвей, чаще исполнительная власть включала в себя и ту и другую. А нередко существовала просто разная юрисдикция, например, царь су-

дил «царских» людей, а сельская или городская община – собственных членов. Похоже, так было в Древней Месопотамии (см., например: Якобсон 1984: 95). При этом механизмы вынесения и реализации санкций были разные.

И если эволюционно восторжествовал вариант, когда государственная организация формируется из профессиональных чиновников, а среди ветвей власти главной становится исполнительная, это не значит, что не было и иных вариантов. Полис как раз и являет один из них³⁵. Поскольку он являлся демократическим государством, естественно, что там законодательная и судебная власти были развиты сильнее. Поэтому гражданская исполнительная власть могла быть слабой³⁶. Мы еще вернемся к подробному рассмотрению государственного аппарата в Афинах и Риме.

Для определения наличия раннего государства в том или ином обществе главное – установить, что существует политическая и управленческая организация, основанная на новых, то есть иных, чем в догосударственных обществах, принципах.

Но эти новые принципы управления не обязательно были связаны именно с профессиональным чиновничеством. Легко провести аналогию. Сегодня суд может состоять только из профессиональных юристов, а может – из присяжных заседателей, то есть из непрофессионалов, состав которых постоянно меняется, а деятельность специально не оплачивается. Однако никто не скажет, что истинным судом можно назвать только первый.

б. В полисе экономическое бремя было возложено на богатых, а не на бедных (Verent). О государстве можно говорить только в случае, если «поборы и повинности становятся принудительными и строго распространяются на определенную часть общества (крестьян, ремесленников) (Штаерман: 93).

Возражения. Как известно, в Афинах и других полисах граждане не платили прямых налогов, кроме чрезвычайных (только таможенные пошлины, торговые сборы и т. п.). Но были так называемые *литургии*, то есть обязанность богатых членов полиса платить за какие-то общие дела, обычно празднества или военные нужды, или на свои средства что-либо делать: чинить и строить корабли, ремонтировать что-либо и т. п. Однако метеки и вольноотпущенники платили именно прямые налоги, в том числе и чрезвычайные, а также привлекались к некоторым литургиям наряду с гражданами (Машкин 1956: 263, 264; Громаков 1986: 19).

В любом случае то, что экономические повинности в Афинах в основном несли богатые, думается, не может являться серьезным аргументом против наличия здесь государства. Иначе нам придется отрицать наличие государств во многих современных странах, где основные налоги прямо или косвенно платят именно богатые граждане. То, что полис поддерживал в определенных смыслах большинство

населения, то есть демос, действительно, нехарактерно для древних государств, но в целом не является исключением для государства как такового. Разве современные государства не обеспечивают многие преимущества именно для большинства населения, современного демоса? Разве не сетуют сегодня состоятельные налогоплательщики на то, что государство слишком щедро раздает социальные пособия и прочую помощь за их счет? Такова особенность широкой демократии.

Кстати сказать, и в тираниях тираны часто стремились переложить налоговое бремя именно на богатую часть населения, а тирании Берент (Berent: 232) рассматривает как политии, по типу приближающиеся к государству (см. также: van der Vliet 1987).

Сказанное касается и Рима. Если более знатные или более богатые люди больше платили за аренду общественных земель, то ведь они и пользовались ими больше. И это была их привилегия. Если они несли затраты на выборы и исполнение общественных должностей, то ведь они и добивались этих должностей всеми способами. Но стоит отметить, что с некоторого времени Рим (а Афины в период существования морского союза) получал основные доходы с покоренных земель. А это черта многих государств.

Афины и Римская республика также являются хорошим примером использования государственной организации в политической и социальной борьбе между богатыми и бедными. Однако результаты такого рода противостояний и конфликтов не предопределены. Иными словами, полагать, что всегда должны побеждать богатые, неправомерно. Даже в крупных империях известны победоносные восстания крестьян и рабов, а в XX веке – революции, в результате которых к власти приходили социально угнетенные классы. В полисах и цивитас же в борьбе между группами граждан исход зависел от очень многих обстоятельств. Естественно, что та часть граждан, которая побеждала, начинала использовать государство для изменения своего положения и закрепления результатов победы. Как пишет К. Каутский, «классовая борьба делается здесь (в государствах Греции. – Л. Г.) жизненным элементом существования государства. Участие в такой борьбе не только было далеко от того, чтобы считаться предосудительным, а наоборот, оно превратилось в выполнение гражданского долга. В Афинах со времени Солона был в силе закон, согласно которому каждый, кто при взрыве внутренней борьбы не примыкал ни к какой партии и не защищал ее с оружием в руках, лишался своих гражданских прав» (Каутский 1931: 334–335. См. также: Аристотель. Афинская полития. 8.5). Такая ситуация гражданского противостояния называлась у греков *стасис* (см. о нем подробнее: ван дер Влит 2006).

И хотя эволюционно стали преобладать государства, в которых политическое господство правящих групп сочеталось с их экономическим превосходством, однако стопроцентной связи здесь нет. Напри-

мер, в современных обществах путем выборов одна часть населения может принудить другую согласиться со своими требованиями. Поэтому нет никаких оснований рассматривать государство как организацию, в которой **постоянно** доминирует одна часть общества. Государство правильнее рассматривать как организацию, с помощью которой одна часть населения может постоянно или **временно** принуждать другую соглашаться со своими желаниями либо обе части общества достигают компромисса. При таком подходе ничего удивительного в том, что в Афинах политически заправлял демос, нет.

7. В полисе право на использование насилия не монополизировалось правительством или правящим классом, и возможность использовать силу более или менее равномерно распределена среди вооруженного или потенциально вооруженного населения» (Berent: 225). В Риме «принуждение приходилось применять лишь спорадически», а «во время смут дело решалось уличными потасовками без вмешательства правительственных органов» (Штаерман: 87, 88).

Возражения. Монополии на насилие нет не только во многих ранних³⁷, но и в зрелых государствах³⁸. Следовательно, она не может являться отличительным признаком ни раннего, ни вообще государства. Как справедливо отмечает Эрнст Геллнер, этот принцип Макса Вебера явно берет за образец централизованное государство западного типа, поскольку существуют государства, которые либо не желают, либо не могут обеспечить соблюдение такой монополии (Геллнер 1991: 28–29), либо, добавим, не считают это необходимым и не стремятся к этому.

Но в целом имела замечательная тенденция, что именно государство сосредотачивало в своих руках право на **признание виновности или невиновности, на то, чтобы применение насилия со стороны частных лиц было санкционировано им, а не было чистым произволом** (например, к рабу, к должнику и т. д.). Таким образом, для раннего государства, как мне кажется, характерна не столько монополия на применение силы, сколько **концентрация** законного применения силы (см. подробнее: Гринин 2001–2005; 2006а)³⁹. Это могло выражаться в монополии на **отдельные виды** применения законного насилия (например в отправлении судебных приговоров) либо в монополии на **санкцию** со стороны власти на применение насилия, хотя бы сам приговор осуществлялся заинтересованной стороной, либо в **запрете отдельных видов** насилия (например в отношении кровной мести) и т. д.

Определенная (и весьма немалая) концентрация легитимного принуждения и насилия имела место в Афинах и других полисах, равно как и в Риме. Здесь власть в первую очередь стремилась контролировать выдачу санкции на насилие. И если заинтересованные стороны или активисты были способны сами доставить обвиняемых в суд, значит, специального государственного аппарата для этого не требова-

лось. В данном случае важнее не то, что граждане имели вооружение и чаще всего сами арестовывали обвиняемых или преступников для передачи их суду, но что **орган, который выносил решение о виновности или невиновности – суд, а также исполнение приговоров о казни были в руках государства.**

Таким образом, для раннего государства наличие развитого аппарата насилия не является стопроцентно обязательным. Разумеется, по мере развития государственности именно сочетание движения, с одной стороны, к монополизации права на насилие, с другой – на формирование специальных органов насилия, проявляет себя в качестве эволюционно ведущего и становится наиболее распространенным.

Что же касается решения спорных вопросов между группами граждан путем «уличных потасовок», то это не являлось особенностью только Римской республики, а бывало и в иных государствах. В том же Новгороде боярские партии враждовали между собой, а вече порой кончалось схватками спорщиков (см.: СИЭ 1967: 268; Фроянов, Дворниченко 1986: 235, 238), но это не аргумент, чтобы объявить Новгород безгосударственным обществом.

8. В полисе властные действия зависят от соотношения сил разных социальных групп и группировок граждан. В то же время в аграрных государствах основное большинство отстранено от власти и основные политические действия протекают между частями элиты (Berent).

Возражения. Здесь надо вновь учесть, что полис – демократическое государство. А любая демократия, тем более демократия, иметь в которой политические права почетно, всегда связана с силой электората.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к проблеме: **обязательно ли раннее государство должно быть инструментом диктатуры только небольшого социального (классового) меньшинства или могут быть другие варианты.** Я полагаю, что хотя первый случай был более распространенным и эволюционно магистральным, но могло быть и по-другому.

Однако стоит подчеркнуть, что даже в развитых государствах Востока государство весьма часто выступало как самостоятельная надклассовая, надсословная сила. Как справедливо замечает Л. Б. Алаев: «Государство-класс, или государство как аппарат, оказывалось не выразителем интересов класса феодалов (рентополучателей в целом), а, напротив, структурой, надстроенной над основными классами» (Алаев 1995: 623). Поэтому при удаче (восстании или перевороте) у руля государственной машины оказывались люди самых низших званий вместе со своими сподвижниками⁴⁰. Иными словами, в известном смысле государство можно рассматривать как машину, команда «управляющих» которой время от времени сменяется. Такая ротация происходит как в демократических, так и в монархических обществах. Только в

последних такая замена происходила нерегулярно и случайно, а в первых – регулярно и намеренно. Таким образом, по справедливому замечанию Роберта Михельса (2000 [1925]: 107), монархический и демократический принципы построения государственной власти в жизни обществ не находятся в антитезе, а оказываются достаточно эластичными и нередко сочетаются.

Бесспорно, в монархических государствах в большинстве случаев *«основные политические действия протекают между частями элиты»*. Но, заметим, чем деспотичнее государство, тем меньшую роль играют части элиты. И основные интриги порой переносятся просто во дворец или гарем повелителя. Таким образом, здесь уже и элита в основном отстраняется от влияния на принятие решений. Нередко также в бюрократических государствах происходила перетасовка кадрового состава, и тысячи чиновников лишались мест и власти.

С другой стороны, когда власть находилась в более трудном положении, очень часто решения принимались именно на основе *«соотношения сил разных социальных групп»* и их пожеланий.

В полисе многое зависело от соотношения сил разных социальных групп и группировок граждан. Сам вектор его социальной политики определялся тем, в чьих руках было обладание государственной властью в тот или иной момент. Но такая система весьма характерна и для некоторых средневековых государств, например, итальянских городских республик. А разве мало было поворотов социальной и экономической политики в XX веке в связи с политической победой на выборах определенной партии? Разве не так установился нацизм в Германии? (См.: Корчагина 1996: 125–128.) Не так ли было в Чили в 1970 году, когда к власти пришли социалисты и коммунисты во главе с Сальвадором Альенде? (См.: Строганов 1995.) В современных обществах государство воспринимается, скорее, как арена борьбы конкурирующих групп за обладание большей властью, чем как инструмент коллективного господства правящего класса (Stuart-Fox 2002: 136).

Таким образом, в полисе и в какой-то мере в Римской республике – если не брать во внимание отсечения рабов и неполноправных от участия в общественной жизни – **государство выступало как бы в чистом виде именно как особая машина, особый инструмент для реализации целей тех или иных групп, которые временно становились ее хозяевами**. В то время как в большинстве случаев государство являлось вотчиной определенных семей монархов, имеющих на это особые сакральные права. Такая система, идеологически неприемлемая для нас, в то же время была эволюционно гораздо более устойчивой и потому прогрессивной, чем система (демократия в полисе), идеологически более близкая нам.

Но вновь повторю: *нельзя считать эволюционно выкристаллизовавшийся тип государства единственным типом государства вообще*⁴¹.

ПРИЗНАКИ, ОТЛИЧАЮЩИЕ РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО ОТ АНАЛОГОВ, В ПРИМЕНЕНИИ К ПОЛИСУ И CIVITAS

Напомню, что я выделял четыре таких признака:

- особые свойства верховной власти;
- новые принципы управления;
- новые и нетрадиционные формы регулирования жизни общества;
- редистрибуция власти.

(Подробнее см.: Гринин 2006б.)

1. Особые свойства верховной власти

Как бы ни трактовать политическую систему Афин и Рима, но, бесспорно, верховная власть в них демонстрирует и достаточную силу, и полноту функций, и способность к переменам. Последних подчас было даже слишком много, и они случались слишком часто, что порой делало власть, например, в Афинах недостаточно устойчивой.

Но роль верховной власти различна для крупных и мелких государств. Для небольших государств, каковыми были Афины, верховная власть, как я уже говорил, – это нечто географически не совсем точное⁴². Но в плане верховности прав сила этой власти в Афинах вполне очевидна. Налицо высший источник власти – народное собрание (*эκκλησία*) – и органы, которым он делегирует власть. Это сочетается с четким порядком и специальной процедурой принятия, прохождения, утверждения и отмены решений, а также проверки их исполнения. Стоит отметить, что структура власти и система разделения властей время от времени усложняется.

В больших государствах роль верховной власти самоочевидна. Центр империи – это крупнейший узел власти, влияющий, так или иначе, на всю периферию. Именно таким узлом и стал постепенно Рим. Оттуда исходили приказы и посылались наместники в провинции, выходили колонисты в зависимые земли, туда приходили победоносные войска с добычей, везли зерно и другие продукты из подчиненных территорий.

Особые свойства верховной власти не означают, что верховная власть поступает всегда разумно, дальновидно, в интересах общества и т. п. Главное, что она может навязывать свою волю, менять важные отношения в обществе, мобилизовывать его силы для решения важнейших задач, вводить или отменять налоги и т. п. Такие свойства верховной власти налицо в Афинах и Риме. От кого исходит такая воля (от монарха, аристократии, народного собрания, сената и т. п.), зависит от устройства государства. Но важно, что: а) это воля не ста процентов общества; б) решения или требования, высказанные этой волей, являются наиболее легитимными; в) для изменения уже имеющих положений нужно решение этой же верховной власти и особая

процедура; г) неподчинение этой воле и тем более отрицание ее прав является тягчайшим проступком и жестоко наказывается⁴³.

И в Афинах, и в Риме мы видим, что верховная власть оказывается способной вести активную внешнюю политику и затяжные войны, мобилизовывать ресурсы, вводить новые налоги или отменять их, коренным образом менять политический режим и территориальное устройство, расширять или сужать гражданские права (первое – в Риме, второе – в Афинах), менять имущественные отношения⁴⁴ и многое другое. Она может быть весьма суровой по отношению к своим гражданам: отправлять их в изгнание без вины (*остракизм* в Афинах), предавать суду, конфисковывать имущество. В этом отношении верховная власть в Афинах и Риме соотносится с задачами, которые ряд исследователей рассматривает как обязательные для правительства государства, а именно иметь достаточно власти, чтобы: 1) призывать людей на войну и работу; 2) облагать налогами и собирать их; 3) издавать законы и добиваться их исполнения; 4) контролировать информационные потоки (Carneiro 2000: 186; см. также: Wright 1977; Marcus, Feinman 1998: 4–5).

2. Новые принципы управления

2.1. Новые явления в формировании аппарата управления

Как уже сказано, не все ранние государства были бюрократическими. Иные таковыми не были вовсе просто из-за своих малых размеров (как англосаксонские государства в VII–VIII веках [см., например: Blair 1966: 240–241]) или их бюрократизация была относительно слабой, особенно на завоеванной территории, например в таких государствах, как ацтекское (Johnson, Earle 2000: 306). Не относить такие политии к ранним государствам я не считаю правильным. Поэтому я стремился описать новые принципы управления возможно более универсально, чтобы они в полной мере относились как к бюрократическим, так и небюрократическим государствам.

Напомню, что в числе новых принципов управления я указывал на **новые подходы к формированию аппарата управления (и/или армии)**. Другими словами, чтобы утверждать, что перед нами раннее государство, а не его аналог, нужно доказать, что произошли существенные изменения в методах подбора людей для управления и военной службы, увеличилось значение новых типов управленцев и воинов. Но эти изменения в управлении далеко не везде связаны с наличием в аппарате профессиональных чиновников, существованием полиции, постоянного войска и т. п. Вместо этих институтов во многих случаях имелись иные.

В Афинах и Риме, например, было много должностных лиц, но мало чиновников. Но хотя аппарат управления и насилия в Афинах и Риме не был столь же мощным, как в бюрократических странах, он был и немалым, особенно в Афинах. Главное отличие Афин и Рима от бюрократических государств не столько в отсутствии или малочис-

ленности аппарата управления и насилия, сколько в способах его комплектования и смены⁴⁵.

Но, с другой стороны, – и это крайне важно – та форма управления, которая сложилась в полисе и цивитас, существенно отличается от догосударственных и аналоговых форм и должна быть признана раннегосударственной. Давайте рассмотрим это подробнее.

В Афинах, где в IV веке до н. э. жило всего 200 тыс. человек вместе с рабами и метеками, непосредственно в управлении одновременно были задействованы (путем выборов или жребия) многие сотни граждан. А если добавить к ним тех, что заседали по очереди (как в Совете пятисот, где из 500 человек постоянно работало только по 50 в течение 1/10 части года), то число должностных лиц перевалит далеко за тысячу. Существовали и технические служащие, например секретари и канцеляристы в Совете пятисот. Кроме того, много должностных лиц действовало за пределами Афин (по делам морского союза и дипломатическим)⁴⁶. Существовал и судебный орган (*гелиэя*), который состоял из 6 тыс. (!) присяжных судей. Только представьте, что в одном административном районе крупного города будет 6 тыс. судей!

Одним из важнейших нововведений афинского управления было то, что абсолютное большинство служащих и судьи получали жалование. Благодаря этому могла кормиться очень большая часть граждан. По словам Аристотеля, содержание из казны давалось более 20 тыс. человек. Помимо указанных выше должностных лиц, это были «тысяча шестьсот стрелков, кроме того, тысяча двести всадников... Когда же впоследствии начали войну, помимо этих, было еще две тысячи пятьсот гоплитов, двадцать сторожевых кораблей, еще корабли для перевозки гарнизонных солдат в числе двух тысяч... затем сторожа при заключенных в тюрьмах» (Афинская полиция 24.3). Кроме того, за посещения народных собраний и других общественных мероприятий граждане стали с некоторых пор получать плату.

Известны примеры догосударственных и аналоговых политий, в которых должностные лица выбирались голосованием или по жребию. Среди них были и такие, где должностные лица, в частности судьи, получали какое-то вознаграждение (например в Исландии). Однако я не знаю примеров негосударственных политий, в которых бы общественные должности столь широко использовались для поддержания благосостояния их членов (зато напрашивается аналогия с социалистическими государствами, где все были государственными рабочими или служащими). По подсчетам Виппера, в период правления Перикла на это уходило около 150 талантов, то есть 3/8 местного (собственного афинского) бюджета, или 1/7 с учетом взносов союзников (Виппер 1995: 215).

То, что Афинская полиция кормила своих граждан за счет сборов с союзников, государственной собственности и налогов на метеков, лишний раз подтверждает мысль о том, что это была организация,

действующая в интересах не всех жителей, а только их части, и стремящаяся при любом удобном случае эксплуатировать другие полиции, то есть государство.

Существовал и репрессивный аппарат. Посмотрим, например, на афинскую полицию, которая составлялась из рабов и метеков, поскольку занятие полицейской деятельностью считалось унижительным и позорным для свободного человека⁴⁷. Общая численность полицейских подразделений «достигала первоначально 300, а впоследствии 1200 человек. И включала в себя конных и пеших лучников (*токсотов*). Полиция не только боролась с уголовными преступниками, но и следила за тайными собраниями граждан, собирала факты об их безнравственном поведении и праздности. Кроме того, в обязанности полиции входило наблюдение за санитарным и противопожарным состоянием города, за правилами рыночной торговли, за сохранением памятников старины и достопримечательностей ландшафта. Полицейская стража, составленная из государственных рабов, охраняла порядок в народных собраниях, в судебных учреждениях, в общественных местах» (Кучма 1998: 121–122). Хотя, конечно, это не была полиция в современном смысле слова (Hansen 1991: 124).

Таким образом, в Афинах налицо новые принципы управления. И хотя среди служащих было не так много профессионалов, но по крайней мере высшие посты (в частности должности стратегов) обычно занимали именно профессионалы. Профессионалы же обеспечивали преемственность управления в различных органах в качестве технического персонала. Стоит напомнить еще раз, что армия постепенно стала полностью профессиональной.

Не такое уж малое число должностных лиц было и в Риме (хотя в целом существенно меньше, чем в Афинах). Причем оно также постоянно росло. А иерархическая структура магистратур становилась все более стройной и четкой. В ряде италийских общин действовали особые римские должностные лица – *префекты*.

В отличие от Афин в Риме должности не оплачивались. Но зато исполнительная власть была сильнее, чем в Афинах. Объем полномочий консулов всегда был значительным, а в военной обстановке их власть вообще была неограниченной, включая право вынесения смертных приговоров, которые не подлежали обжалованию (за чертой Рима). Вообще диктаторскими полномочиями, то есть всей полнотой военной, административной, полицейской и фискальной власти, обладал правитель провинции – *проконсул или пропретор*.

Кроме того, следует заметить, что безвозмездность магистратур в Риме сочеталась с тем, что все должностные лица в Риме имели в своем распоряжении положенное им по штату определенное число низших служащих (*apparitores*), расходы по содержанию которых несла

государственная казна. Когда происходила смена магистрата, весь этот штат переходил в распоряжение нового руководителя. Главную роль среди низших служащих играли *ликторы*, выполнявшие функции охраны и почетного сопровождения. Они могли по приказу высшего должностного лица задержать правонарушителей и наказать их. (Так что утверждение о полном отсутствии профессионального аппарата принуждения лишено оснований.) Количество ликторов в зависимости от ранга магистрата колебалось от 6 до 24. Кроме ликторов, магистрату придавались посыльные, глашатаи, секретари, делопроизводители, счетоводы и другие. А для дел, унижительных для свободных, – государственные рабы (Кучма 1998: 165–166).

Стоит добавить, что хотя срок полномочий римских магистратов был ограничен (обычно годом) и одному человеку запрещалось несколько раз подряд занимать некоторые высшие должности, однако это правило не соблюдалось строго. Теодор Моммзен даже пишет, что фактически не соблюдалось (Моммзен 1993: 41). Кроме того, сенат имел право (и широко им пользовался) продлевать полномочия должностных лиц и после истечения срока их службы (правда, не в самом городе Рима). Главное же, что с IV века до н. э. было постановлено, что «в состав сената обязательно входят по окончании срока службы все те, кто раньше исполнял обязанности консула, цензора, претора или курульного эдила» (Моммзен 1993: 42). А поскольку звание сенатора было пожизненным и поскольку именно из бывших магистратов в основном и назначались проконсулы и пропреторы в провинции, то человек, избранный на одну из высших магистратур вроде бы всего на один год, фактически попадал уже в слой управителей на всю жизнь. Закон Виллия о порядке прохождения магистратур 180 г. до н. э. усилил роль сената в выдвижении кандидатур на должности (см.: Кузичин 1994: 92).

Следовательно, вполне можно говорить об определенном слое профессиональных управленцев в Риме, причем во многих семьях это являлось традицией. Постепенно этот слой сумел использовать свое должностное положение и для приобретения материальных выгод (см. об этом: Виппер 1995: 287–292; Утченко 1965: 125).

О движении римской армии к тому, чтобы стать постоянной и профессиональной, мы уже говорили.

2.2. Другие изменения

Следует отметить и такой новый момент, широко распространенный в полисах и цивитас: **отчетность должностных лиц, контроль за их деятельностью.** Так, в Риме каждые четыре года сенаторы утверждались в должности вновь на основании решения специальных должностных лиц (см. о таком контроле в Римской республике: Виппер 1995: 287–291; Моммзен 1993: 42; в Афинах – ван дер Влит 2006).

В Афинах и Риме также легко увидеть развитие и рост значимости других новых принципов управления:

- *делегирования власти;*
- *нового разделения управленческих функций (отделение исполнения от решений);*
- *иных.*

Это особенно выразилось в развитии (иногда даже сверхразвитии) процедуры. Следует заметить, что **усложнение управления неизбежно ведет к определенной формализации и усложнению процедурной стороны принятия, исполнения и проверки решений, а также и вообще управления.** Но при этом в городах-государствах такая формализация приобретает порой бóльшую значимость и сложность, чем даже в классических государствах.

Высокая степень развития процедурной стороны характерна для полиса и цивитас. В частности, в Афинах все решения народных собраний записывались и сдавались в архив. В течение года любой гражданин мог опротестовать как «противозаконное» это решение путем подачи специальной жалобы (Федоров, Лисневский 1994: 120). Имелись некоторые правила выступления ораторов, за нарушение которых председатель собрания мог оштрафовать оратора. Стоит указать на отчетность (и не только финансовую) должностных лиц, в том числе каждого члена Совета пятисот, а также на обязательную проверку лиц, вступавших в должность (Кучма 1998: 119, 120). Совет пятисот также имел специальные архивы.

В Риме в некоторых отношениях существовала еще более сложная процедура. Ведь если в Афинах большинство должностей определялось жребием, то в Риме занятие должностей всегда было связано с конкуренцией на выборах. Поэтому здесь существовала особая система допуска кандидатов к выборам и ряд специальных законов, запрещавших недобросовестные методы предвыборной борьбы. Санкцией за такие нарушения было десятилетнее изгнание. Большинство должностных лиц так же, как в Афинах, по сложению полномочий отчитывались и при обнаружении злоупотреблений могли понести наказание (Кучма 1998: 157–159)⁴⁸.

В Риме постепенно установилась строгая иерархия магистратских должностей, что сближало его административную систему с бюрократическими государствами.

Никаких особых прав на должность (традиционных, родственных и иных, как бывало в других обществах) у должностных лиц в Афинах и Риме не было. Это право возникало только вследствие делегирования полномочий от источника власти. В этом была, конечно, и слабость строя, но и его сила. Не поэтому ли в том числе **в истории Афин и республиканского Рима практически нет случаев сепаратизма?**

Стоит отметить, что развитие процедурной стороны в бюрократических ранних государствах обычно заключалось в совершенствовании системы (формы) передачи приказов по иерархической лестнице служащих, а также порядка проверки и отчетности. Гораздо реже, скажем, регулируется порядок наследования трона, занятия высших должностей в государстве, объем полномочий чиновников и т. п. Это связано, вероятно, с тем, что право на трон и высшую власть в монархиях основывалось не на юридических коллизиях, а на сакрализации правителя или праве сильного. А также и с тем, что в монархиях исполнительная власть не хотела каких-то ограничений в своей деятельности (соответственно и государственно-правовая мысль не работала в этом направлении).

В демократических государствах, напротив, граждане всегда были озабочены проблемой, как бы не оказаться в подчинении у исполнительной власти. Поэтому они стремились обезопасить себя. Иногда это приобретало черты чрезмерной сложности. Например, в Венеции в 1268 году правителя (*дожа*) избирали так. Большой совет выделил из своего состава 30 человек, те выделили девятых, которые избрали 40 электоров из членов Совета и вне его. Затем 40 выделили 12, те избрали 45, снова выделили 11 и, наконец, 11 определили 41 человека, которым предстояло назвать имя дожа (Баткин 1970: 249).

3. Нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества

В полисе и цивитас можно выделить следующие новые и нетрадиционные формы регулирования жизни:

- все большее регулирование жизни путем деятельности народного собрания, сената, должностных лиц, в том числе рост значения принуждения и запретов для населения, исходящих от должностных лиц;

- увеличение значения суда;

- довольно частые реформы;

- постоянные изменения в законах. Достаточно сказать, что в Афинах была так называемая коллегия *архонтов* из 9 человек. Важнейшей обязанностью шести из них были ежегодные доклады народному собранию о противоречиях и пробелах в действующем праве с предложениями по их устранению (Кучма 1998: 120). В Риме стоит отметить огромную роль нормотворчества преторов, создающих, по сути, новый тип права (см.: Косарев 1986: 21, 44–47);

- рост значения принуждения и контроля за исполнением, в том числе установление контроля за деятельностью должностных лиц (отчетность, проверки и т. п.);

- контроль за лояльностью населения через доносы (*доносчики-сикофанты* в Афинах);

- широкое привлечение граждан к государственной деятельности.

Все это вело к постепенному изменению различных сторон жизни общества, включая контроль за семейными отношениями, ярким при-

мером вмешательства в них являются, в частности, законы Солона. Кроме того, идет процесс замены традиций политической волей, то есть решениями собраний, новыми законами и новыми органами. Соответственно наблюдается и рост рационального момента в реформировании общества вопреки традициям и прочей косности. Одним из показателей этого является «сознательное избрание народом социальных посредников для форсированного упорядочения гражданских дел» (Фролов 1986: 67).

В новом, государственном, полисе меняется и сам характер политической жизни, и средства ее регулирования. Если в гомеровском полисе, по словам Андреева, шла борьба всех против всех (Андреев 1976: 104 и след.), если на первом месте была борьба знатных родов между собой (Кошеленко 1987: 45), то в демократическом государстве на первое место выходит уже борьба социальных и политических, а не родовых групп. И это также было новым явлением. А способами, регулирующими силу лидеров и политических групп, а также возможность обеспечения компромисса и ротации должностных лиц, начинают становиться новые законы, органы и процедурные правила.

Важно отметить, что, по мнению некоторых исследователей, в гомеровском полисе «почти отсутствовало “правовое начало”, ограждавшее личность и имущество» (Кошеленко 1987: 45). Следовательно, рождение государства в этом плане и означало усиление «правового начала» как нового средства регулирования жизни. Ведущим же механизмом в реализации этого нового средства был суд.

«Государство – это специализированная и концентрированная сила поддержания порядка. Государство – это институт или ряд институтов, основная задача которых (независимо от всех прочих задач) – охрана порядка. Государство существует там, где специализированные органы поддержания порядка, как например **полиция и суд**, отделились от остальных сфер общественной жизни. **Они и есть государство**» (Геллнер 1991: 28) (выделено мной. – Л. Г.). Я, правда, считаю, что возникновение раннего государства, особенно в обществах типа полисов, в первую очередь, связано с необходимостью обеспечить суверенитет, внешнюю безопасность или экспансию (Гринин 2001–2005; 2006а). Однако и мысль Геллнера имеет серьезный смысл, поскольку чем дольше развивается государство, тем важнее становятся его внутренние функции (см. также: Гринин 2006б).

И как раз в этом плане античные общества дают хороший пример, подтверждающий, что перед нами именно государства. Если полиция и не была достаточно важным органом, то суд здесь достиг высокой степени развития и значимости. Суд выступал как важнейший орган поддержания внутреннего порядка и регулирования общественной жизни. Иначе бы что стали делать в Афинах шесть тысяч судей? И 300 заседаний суда в год для полиса с 200-тысячным населением –

это большая цифра (см., например: Кошеленко 1987: 69). Все это не случайно, поскольку в обществах, где товарообменные (денежные) отношения развиты, суд играет гораздо большую роль, чем в иных. Не случайно также здесь был специальный торговый суд и, скорее всего, и особое торговое законодательство (Машкин 1956: 262). Но суд подерживал не только экономический порядок. В классический и более поздний период истории Афин суд охранял и сам демократический строй, поскольку любой гражданин мог возбудить судебное дело против любого, если имел основания считать, что затронуты интересы государства. Суд использовался даже как орган международных отношений. Афины контролировали союзников в том числе и через судебные органы (см.: Паршиков 1974; Кондратюк 1983: 363, 364).

4. Редистрибуция власти

Напомню, что я определял **редистрибуцию власти как процесс распределения и перераспределения власти между центром и периферией, что позволяет верховной власти не только контролировать периферию, но и переориентировать потоки властных функций и действий на центр, где значительная часть власти (а также и материальных ресурсов) задерживается** (см. подробнее: Гринин 2006б).

В ранних (особенно небольших) государствах редистрибуция власти связана с борьбой (сосуществованием) между центрами (органами) власти за первенство. Например, в Спарте существенными были соперничество, а то и прямой конфликт за властные полномочия между эфорами (старейшинами) и царями (см.: Строгеецкий 1979). В Афинах редистрибуция власти выражается в борьбе групп населения и органов, через которые они могут влиять на государство. Соответственно одни органы приобретают больше прав, а другие утрачивают их. Например, в Афинах в V в. мы видим рост роли народного собрания и уменьшение роли органа аристократии – *ареопага*, а также и вообще позиций аристократии. Если в VII веке до н. э. Совет ареопага, по словам Аристотеля (Афинская полития. 3.6), распоряжался большинством важнейших дел в государстве, безапелляционно налагая кары и взыскания на всех нарушителей порядка, то затем к концу V в. до н. э. он утратил почти всякое политическое значение и превратился в специальный суд по религиозным вопросам. Мало того, он в связи с изменением системы комплектования утратил и роль главного органа олигархии (см.: Кошеленко 1987: 44, 68). Правда, процесс этот был неровный и негладкий. В частности, в период с 478 по 462 год до н. э. его влияние вновь усилилось, чтобы затем окончательно ослабеть в результате деятельности Эфиальта, Конона, Фемистокла и других (см.: Аристотель. Афинская полития. 25.1–3)⁴⁹.

Всю историю Афин можно представить как процесс редистрибуции власти от аристократии и выдающихся людей к демосу и мало-

имущим: реформы Солона, которые укрепили базу демократии; задача средств демосу; закон об изгнании политиков – *остракизме* – (см. дальше); право населения на участие в судах; обязанность имущих давать деньги на государственные дела (*литургии*); ограничение числа лиц, имеющих право гражданства; развитие системы доносов; введение смертной казни за покушение на демократический строй; введение в начале IV века платы за посещение народных собраний (о последнем см.: Дьяков 1956: 399; Ковалев 1936: 289) и т. д.

Разумеется, процесс перераспределения власти от аристократии и имущих к малоимущим не может идти до конца. Он и без того в Афинах зашел слишком далеко. И в этом заключалась одна из причин того, почему Афинское государство, в отличие от Римского, так и не смогло стать развитым.

В истории Афин (как и Рима) также можно увидеть и другие линии редистрибуции власти. В частности, стоит отметить борьбу народного собрания за то, чтобы не позволить концентрировать в руках каких-то органов или людей слишком большую власть. Именно на это был направлен знаменитый закон об изгнании (*остракизме*)⁵⁰. Либо борьба групп означала создание дополнительных органов или дополнительного представительства. Так, например, был создан институт народных трибунов в Риме. Другой момент заключался в удовлетворении требований демократических слоев населения о письменной фиксации права, как это было с законами Драконта в Афинах и с законами XII таблиц в Риме (см.: Каллистов 1956: 672; Кузищин 1994: 56).

Начиная с V века в Афинах и некоторых других крупных полисах процесс редистрибуции власти идет уже в классическом варианте в связи с ростом их значения как центров союзов: Афинского морского, Пелопоннесского, Коринфского. Ряд полномочий от союзников переходит к этим центрам. Процесс этот, однако, не пошел достаточно далеко.

В Риме гораздо раньше начался классический процесс редистрибуции власти от периферии в центр, который позволил сделать государственный аппарат более крепким и устойчивым. Но и в Риме шла борьба за то, какие органы какими полномочиями будут обладать, какой орган станет ведущим. В этом плане интересно развитие сената, который постепенно все более превращал народные собрания (и без того не столь властные, как у греков) во второстепенный орган, хотя формально эти собрания оставались высшим органом власти⁵¹. Власть сената стала огромной, особенно в связи с тем, что с 354 г. до н. э. в него стали входить по окончании срока службы и высшие магистраты. «От сената зависели война и мир, заключение договоров, назначение главнокомандующего, вывод колоний, все дела по финансовому управлению, сенат не вмешивался только в дела судебные, военные и текущую администрацию» (Моммзен 1993: 42), поскольку это была прерогатива магистратов.

Далее в Риме идет процесс редистрибуции власти по типу империи, когда он присоединяет одну италийскую территорию за другой,

а затем и одну провинцию за другой. Соответственно Рим назначает полновластных наместников, перераспределяет земельный фонд, вводит налоги, грабит эти территории (особенно провинции) по праву победителя и т. п. Концентрация власти в Риме над громадными покоренными территориями, равно как и концентрация рабов в Италии, достигает столь высокой степени, что вся государственная конструкция не выдерживает. Требуется перестройка. Соответственно конец II и весь I век до н. э. связан с попытками радикальных реформ, диктатурами, гражданскими и союзническими войнами, восстаниями рабов, репрессиями и конфискациями. И все это в конце концов ведет к большим изменениям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, ван дер Влит указывает, что существуют определенные трудности при приложении концепции раннего государства Классена и Скальника к государствам классической Греции, поскольку согласно этой концепции в государстве должен быть правитель, который управляет, опираясь на своих родственников и хотя бы небольшой аппарат. В классических же полисах-государствах не было единоличного правителя, а существовало выборное и коллегиальное управление (van der Vliet 1987: 70). Собственно, и сам Классен признает, что Афины развивались согласно другому типу социально-политической организации, чем большинство государств, и фактически чем предполагает его концепция (Claessen, van de Velde 1987: 17).

² См., например, как Классен и Скальник (Claessen 1978: 589; Claessen, Skalnik 1978b: 633) характеризуют различия между зачаточным, типичным и переходным ранними государствами.

³ В частности, думается, от этого будет также зависеть и решение вопроса о признании государством или его аналогом Карфагена, поскольку сходство государственного устройства Карфагена и Рима (равно как сходство и того и другого с греческими полисами) не может не бросаться в глаза, и это отмечается исследователями (см., например: Horden 1971: 72; см. также: Виппер 1995: 266–267; Циркин 1987: 105–106). Сходство Карфагена с полисами отмечал еще Аристотель (см.: Доватур 1965: 12).

Под сомнение можно поставить и государственность в некоторых средневековых, например, итальянских республиках. К сожалению, эти вопросы выходят за рамки возможностей нашего исследования.

⁴ Кочакова вообще считает сакральный характер власти универсальной чертой раннего государства (Кочакова 1995: 158). Но тут она переносит специфику Африки на другие регионы. А, скажем, власть древнерусского князя сакральной назвать никак нельзя.

⁵ «Появление князя создало новый класс – княжескую дружину, ближайших его помощников и сотрудников по управлению войском и княжеством» (Шмурло 2000, 1: 107).

⁶ См., например, о роли торговли в Хазарии и, в частности, о ее столице, торговом городе Игиле: Плетнева 1987: 206–207; 1986; Шмурло 2000, 1: 38. О Тюркском каганате см.: Гумилев 1993: 42.

⁷ Но речь идет о Руси конца XV – начала XVI в., то есть при позднем Иване III и Василии III. Далее военно-служивый характер государства усиливается, но Русь

в период царствования Ивана Грозного переходит уже от раннего к развитому государству. Однако Московское княжество (впрочем, как и другие русские северо-восточные княжества Тверь, Рязань) имело иной характер. Тут можно согласиться с определением Пайпса (1993; 1994), что оно было вотчинным. Хотя для Руси XVI–XVII веков это определение, на мой взгляд, уже не подходит.

⁸ О Бенине см.: Бондаренко 1995; 2001; Bondarenko 2005. См. также по вопросу о моей позиции по поводу определения Бондаренко Бенина как альтернативы государству: Гринин 2006б: 144.

⁹ Хотя определенная эволюция намечалась и здесь. В частности, в III–II вв. до н. э. союзы полисов стали гораздо более интегрированными. По мнению некоторых ученых, такие союзы, как Ахейский, Этолийский и другие, превратились в федеративные государства с единым гражданством, общим законодательством, исполнительными органами и постоянным союзным войском (см.: Сизов 1992: 72–73).

¹⁰ Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин и некоторые другие. См., например: Бондаренко 2001: 259; Бондаренко, Коротаев, Крадин 2002: 16; Коротаев, Крадин, Лынша 2000: 37; Bondarenko, Korotayev 2000: 10–11; Korotayev *et al.* 2000: 25. Из зарубежных ученых подобные взгляды разделяет, например, Карлледж (Cartledge 1998).

¹¹ См., например, обсуждение этой проблемы на страницах журнала *Social Evolution & History* (Grinin 2004a; van der Vliet 2005; Claessen 2005; Berent 2006).

¹² По поводу понятий «развитое» и «зрелое» государство см.: Гринин 2006в.

¹³ См. о таких полисах, лишенных городских центров: Андреев 1989: 72; Кочеленко 1983: 10–11.

¹⁴ Конечно, данных о внутренней жизни и политической истории Дельфийской политии недостаточно. Но есть несколько моментов, которые могут подтверждать это предположение: огромная роль в жизни ее общины дельфийского оракула; контроль за храмовым имуществом и священными землями со стороны так называемой Дельфийско-Пилейской *амфиктионии* (куда входили представители различных греческих племен); небольшой размер и военная слабость этой политии, а также вмешательство в ее дела других государств (см.: Глушкина 1983б: 45, 71).

¹⁵ Передача власти не от отца к сыну, а от брата к брату имела место и в других государствах, например у ацтеков, в некоторых обществах Африки. Причем у ацтеков такая форма сменила прямое наследование от отца к сыну (см.: Баглай 1995: 236).

¹⁶ Можно провести следующую аналогию. Известно, что высокопродуктивное и интенсивное земледелие оказалось возможным главным образом там, где культивировались зерновые культуры. А народы, которые выращивали тыквы, батат или другие овощи и корнеплоды, часто не могли перейти к интенсивному земледелию. Но ведь это вовсе не значит, что мы на этом основании будем считать земледельцами только тех, кто выращивал злаки.

¹⁷ И только в отношении подобных полисов (а никак не в отношении их античных потомков) и будет справедливым утверждение Классена (Claessen 2004: 75; Классен 2006) о догосударственном характере полиса, что полисы, как вожества или большие конгломераты под руководством бигменов, были более ранними формами социально-политической организации, чем государство.

¹⁸ Но когда государственный тип полиса утвердился, планка необходимых объемов населения, естественно, могла снизиться (иногда до 1–2 тыс. человек),

так как теперь в колониях и в малых полисах шло прямое копирование политического устройства крупных политий.

¹⁹ Формирование Спартанского государства шло вместе с завоеванием и подчинением соседней страны Мессении, в которой, по мнению ван дер Влита (2006), процесс формирования полиса и государства начался слишком поздно, чтобы мессенцы могли оказать эффективное сопротивление спартанской экспансии.

²⁰ О роли свободных земель в процессе генезиса государства и классов в Риме см., например: Немировский 1962: 256.

²¹ См., например, о теснейшей связи развития мореплавания, торговли, демографического роста и государственности в полисах Древней Греции в доклассический период: Фролов 1986: 40–43.

²² А вот с изменением производственного и экономического базиса в связи с развитием промышленного капитализма и демократия стала более устойчивой и широко распространенной.

²³ Аристотель говорит даже, что в демократиях «народная масса господствует над законами» (Аристотель. Политика. Книга V, 1310a 3–4).

²⁴ По мнению Д. Руссела, в Риме очень рано появилась более четко выраженная собственно государственная система с концепцией особой власти сената и отдельных магистратов (особенно высших, для которых характерен *imperium*). Эта власть могла быть противопоставлена воле гражданства (Roussel 1976; см. также: Кошеленко 1983: 23). В Риме государство было гораздо более ясно выражено, и власть государства более отчетлива, чем в греческих полисах (ван дер Влит 2006).

²⁵ Возможно, что финикийские города-государства существовали дольше, но это были монархические, а не республиканские политии.

²⁶ Далее все ссылки на Берента и Штаерман, если это специально не оговаривается, даны по: Verent 2000b, Штаерман 1989.

²⁷ Афинское государство сдавало рабов «в наем» предпринимателям для работ на рудниках и в других местах. И это, согласно Ксенофону, было важным источником государственных доходов (Сергеев 2002: 288). Из добытого серебра афинские власти чеканили монеты, и определенное количество доставалось концессионеру в качестве дохода (ван дер Влит 2006).

²⁸ Восстаний рабов в США было мало и они не были масштабными (см.: Zinn 1995: 167 и др.). Закон о беглых рабах был принят только в 1850 году под влиянием деятельности аболиционистов (одних организаций которых уже в 1840 году было 2 тыс.), которые создали специальную организацию для переправления беглых рабов в Северные штаты и Канаду и освободили таким образом 75 тыс. рабов. И этот закон был нужен, прежде всего, для поимки рабов в свободных штатах (см.: Алентьева 1983: 367 и др.; Куропятник 1961: 31–32; Козенко, Севостьянов 1994: 73–76).

²⁹ Похожим был закон Петелия в 326 г. до н. э. в Риме (см.: Немировский 1962: 262).

³⁰ Каждый метек был обязан уплачивать государственный налог в размере 12 драхм (см.: Машкин 1956: 242).

³¹ И в любом случае заметное **социальное неравенство, которое поддерживалось (или санкционировалось) государством, было в каждом в раннем государстве**. Собственно, теоретики раннего государства подчеркивали наличие по крайней мере двух таких классов в раннем государстве (управляющих и управляемых) в качестве обязательного признака такого рода политии (см.: Claessen, Skalnik 1978c: 640; Claessen 2004: 74; см. также: Маяк 1989: 95–96).

³² Различные точки зрения о населении Афин в V–IV вв. до н. э. см. также: Машкин 1956: 241; Finley 1977: 54–55. Обобщая разные подсчеты, Кошеленко пишет: большинство ученых считают, что рабы составляли от одной четверти до 43 % населения Аттики (Кошеленко 1987: 57–58).

³³ Советские историки (так же, как сегодня многие российские) предпочитали, правда, говорить о монополизации общественной должности или функции общественного управления, но это, в принципе, одно и то же.

³⁴ Берент тут занимает нечеткую позицию не только в статье, но и в докторской диссертации. Афины и другие полисы он определенно относит к безгосударственным политиям, но не решается ни прямо отказать Спарте в государственном статусе, ни признать ее государством, прибегая к весьма сомнительным доводам (см.: Berent 1994: 181–200). В любом случае он рассматривает Спарту как исключение среди других полисов, и этот случай требует, по его мнению, особого обсуждения (Berent: 228, note 6).

³⁵ Еще одним вариантом были некоторые итальянские республики в XII–XV вв. В период городских коммун (XII–XIII вв.) на должность *подеста* (городского военачальника и судьи) нередко приглашался чужеземец обычно сроком на год. Он привозил с собой весь штат, включая нотариусов и судей, и имущество, а город оплачивал его службу и расходы (Баткин 1970: 235). Таким образом, значительная часть исполнительной власти здесь также сменялась ежегодно. Нечто похожее было и в Новгороде, где приглашался князь с дружиной.

³⁶ Исполнительная военная власть была куда сильнее.

³⁷ Например, Русская правда Ярослава Мудрого признавала кровную месть (см.: Шмурло 2000, 1: 112), то же можно сказать и о законах Моисея в Израиле (см.: Аннерс 1994: 32–33).

³⁸ Разве в России или в Южных штатах США крепостник и рабовладелец не имели права на применение насилия над своими невольниками?

³⁹ Это как с собственностью: где-то она в руках государства, а где-то в частных, но власть, так или иначе, контролирует и право собственности, и оборот последней.

⁴⁰ В этом плане любопытны государства, возникшие в ходе таких восстаний. О них см., например: Чиркин 1955. Стоит отметить, что даже классики марксизма, определявшие государство как орудие классового господства, подчеркивали, что в абсолютной монархии оно нередко выступало как надклассовая сила. Подобные идеи об относительной независимости государства, в частности в период новой истории, высказываются и рядом отечественных и зарубежных ученых (см., например: Малов 1994: 138; Goldstone 1991).

⁴¹ В связи с изложенными соображениями об особенностях демократических государств вообще и античных в частности хочу ответить Д. М. Бондаренко на замечание по поводу моей дефиниции государства. В ней я определял государство как политическую единицу, представляющую *отделенную от населения организацию власти и администрирования* (полностью дефиницию см. на стр. 29, прим. 2 настоящего тома). Но Д. М. Бондаренко (Bondarenko 2005: 57) почему-то считает, что такая формулировка обозначает обязательное наличие профессионального аппарата управления (*professional full-time administration*). Отсюда он заключил, что это мое определение противоречит моему же тезису о том, что для раннего государства наличие профессионального аппарата управления необязательно (какового аппарата, как мы видели, почти не было ни в Афинах, ни в Риме).

Однако на самом деле «противоречие» между моими определением и тезисами имеет место только в толковании моего оппонента. Возможно, он считает, что

«отделенная от населения система власти и администрирования» обязательно должна состоять из профессиональных чиновников. Однако из *моего* определения это вовсе не вытекает. Напротив, именно такой узкий взгляд, что управление в государстве могло быть только в виде профессиональной бюрократии и никак иначе, я и критикую (поскольку такой подход заводит решение проблем в тупик). Если он нравится Д. М. Бондаренко, это его право. Но я не могу отвечать за то, чего в моих формулировках нет и быть не могло.

Отделенная от населения организация власти и администрирования означает только то, что в государстве должна существовать система органов власти и управления (а администрирование и есть *управление*), которая более или менее институционализована, имеет достаточно четкие полномочия, правила, действует постоянно, а не от случая к случаю и не в каких-то экстренных обстоятельствах. И такое понимание смысла указанной формулировки совершенно определено вытекает из лексического значения использованных мной слов.

Организация власти и администрирования также означает, что в государстве имеются статусные, наделенные полномочиями должности, и эти должности занимают люди, приобретающие, пока они обладают должностью, ранг официальных лиц, действующих от имени государства. Но вовсе не обязательно, что такие должности занимают именно профессиональные чиновники с корпоративной этикой и получающие за это жалованье, что они занимают эти должности неопределенно долгий срок и т. п.

Таким образом, выполняются эти должностные функции постоянно или временно, долгий срок или короткий, профессионалами или нет, за плату или бесплатно, это более конкретный и *для общего определения* государства не важный вопрос. Главное – имела ли система властных и административных органов, включающих в себя определенное количество официальных (в античном случае они были даже штатными) должностей, с легальными полномочиями, имеющих возможности навязывать свою волю, опираясь на поддержку государства? То, что в Афинах и тем более в республиканском Риме существовала такая система администрирования и отделения власти от населения, несомненно. Вся моя статья доказывает это (так же, как и статья ван дер Влита в настоящем томе [2006]).

Попутно еще раз замечу, что *отделенная от населения организация власти и управления* – при непредвзятом толковании смысла словосочетания – также вовсе не означает наличие профессиональных чиновников, а означает только то, что: а) не все население сразу выполняет данные функции; б) что эти функции не являются какой-то побочной деятельностью других негосударственных объединений от случая к случаю или не связаны с несанкционированным верховной властью статусом каких-то лиц (например, старшего в роде, религиозного вождя, члена жреческого сословия, харизматического лидера и т. п.); в) полномочия на выполнение этих функций приобретаются на особых условиях, которые определяются источником власти (в античном случае это происходит на законных и специально оговоренных, требующих особой процедуры условиях).

И, наконец, подчеркну, что, поскольку указанное определение относится к государству вообще, а не конкретно к раннему государству, вышеприведенные пояснения приобретают еще большую актуальность. Ведь, как я уже указывал, именно среди ранних государств имелось особое разнообразие типов управления, а бюрократический тип стал преобладать уже в период развитого и зрелого государств (см. подробнее: Гринин 2006в).

⁴² Правда, в период гегемонии в Делосском морском союзе Афины и фактически были географическим центром.

⁴³ В частности, в Афинах в 410 году был принят специальный закон, который объявлял врагом народа всякого, кто попытается свергнуть демократический

строй Афин или во время свержения демократии займет какой-либо пост. Виновые в этом преступлении подлежали смертной казни, а их имущество – конфискации. Такого злоумышленника всякий мог безнаказанно убить, получив половину его имущества. Этот закон после свержения «тирании тридцати» был дополнен разрешением доносить на тех, кто угрожает демократии (Берве 1997: 261–264; Виппер 1995: 253).

⁴⁴ Например, в IV в. до н. э. в Риме были приняты законы Лициния и Секстия, которые ограничивали владение на общественном поле нормой в 500 югеров (примерно 125 га) (см.: Немировский 1962: 261; Ковалев 1936: 81). В конце II века до н. э. братья Гракхи возобновили с некоторыми изменениями (о них см.: Нечай 1972: 187) действия таких ограничений. В результате поражения Гракхов был принят в 111 г. до н. э. закон Спурия Тория, которым переделы общинно-государственных земель прекращались, а земельные наделы становились частной собственностью их владельцев (Косарев 1986: 61). До этого с юридической точки зрения право собственности на все земли (за исключением мелких участков, переданных в собственность граждан) принадлежало государству (Луццатто 1954: 53).

⁴⁵ Но, кстати сказать, число профессиональных чиновников в высокбюрократических странах могло быть и не столь уж большим. Например, в начале XIX в. в Китае численность гражданских чиновников составляла около 20 тыс. чел., а военных – 7 тыс. (Крюков и др. 1987: 34). В это время в Китае жило более 300 млн чел. (там же: 63). Сравните с тем, что в небольших Афинах многие тысячи граждан участвовали в управлении и судах (см. с. 365–366). Так что по отношению членов аппарата к численности населения Афины могли соперничать с самыми бюрократическими государствами.

⁴⁶ По словам Аристотеля, таких было до 700 человек (Афинская полиция 24.3).

⁴⁷ Однако тут нет какой-то исключительности. Во многих государствах (и не только ранних) на те или иные должности по каким-то причинам приглашались иноземцы или назначались рабы. Это было одним из новых направлений формирования аппарата (см.: Гринин 2006б).

⁴⁸ Правда, победить подкуп избирателей так и не удалось. И в конце существования Римской республики он принял широчайшие размеры, так что народ приходил на выборы подкупленным и была заранее известна сумма, с помощью которой можно было достичь высших магистратур. Это было одним из ярких показателей кризиса республиканского строя (см.: Утченко 1965: 117).

⁴⁹ О некоторых перипетиях борьбы знатных родов между собой, а также знати и демоса в VI в. до н. э. см.: Зельин 1964.

⁵⁰ Остракизм – внесудебное изгнание по политическим мотивам наиболее влиятельных граждан из полиса на определенный срок с сохранением за ними гражданства и имущества и с последующим полным восстановлением в политических правах. Это не было наказанием за преступление. Такое изгнание осуществлялось в профилактических целях. Граждане путем голосования определяли, кто из политиков представляет опасность для государства, например, кто казался потенциальным захватчиком власти и тираном либо был источником постоянных раздоров в обществе. Тот, кто набирал больше всех голосов (надписанных глиняных черепков – *остраконов*, отсюда слово «остракизм»), должен был покинуть Афины на десять лет. Остракизм существовал не только в Афинах, но и в некоторых других полисах (Суриков 2005: 113–114).

⁵¹ Теодор Моммзен пишет по этому поводу: «Мало-помалу сенат фактически присвоил себе право отменять постановления общины под условием, что община потом одобрит его решение, но согласие общины обыкновенно затем не испрашивалось» (Моммзен 1993: 42. См. также: Утченко 1965: 85).

ЛИТЕРАТУРА

- Алаев, Л. Б.** 1995. Восток в мировой типологии феодализма. В: Алаев, Л. Б., Ашрафян, К. З. (ред.), *История Востока*: В 6 т. Т. 2. *Восток в средние века* (с. 600–626). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН.
- Алентьева, Т. В.** 1983. На пути к неотвратимому конфликту. В: Болховитинов, Н. Н. (ред.), *История США*. Т. 1. 1607–1877 (с. 362–392). М.: Наука.
- Андреев, Ю. В.**
1976. *Раннегреческий полис. Гомеровский период*. Л.: Изд-во ЛГУ.
1979. Античный полис и восточные города-государства. В: Фролов, Э. Д. (ред.), *Античный полис* (с. 8–27). Л.: изд-во Ленингр. ун-та.
1983. Спарта как тип полиса. В: Голубцова 1983а: 194–216.
1989. Гражданская община и государство в античности. *Вестник древней истории* 4: 71–74.
- Аннерс, Э.** 1994. *История европейского права* / пер. со шв. М.: Наука.
- Арон, Р.** 1993. *Демократия и тоталитаризм* / пер. с фр. М.: Текст.
- Баглай, В. Е.** 1995. Древнеацтекское государство: структура власти и управления. В: Попов (ред.) 1995: 230–258.
- Баткин, Л. М.** 1970. Период городских коммун. В: Сказкин и др. (ред.) 1970: 200–272.
- Берве, Г.** 1997. *Тираны Греции* / пер. с нем. Ростов н/Д: Феникс.
- Берент, М.**
2000. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество. В: Крадин и др. (ред.) 2000: 235–258.
2002. Греция (XI–IV вв. до н. э.). В: Бондаренко, Коротаев 2002: 223–248.
- Бондаренко, Д. М.**
1995. *Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть*. М.: Институт Африки РАН.
2001. *Доимперский Бенин: формирование и эволюция социально-политических институтов*. М.: Институт Африки РАН.
- Бондаренко, Д. М., Коротаев, А. В., Крадин, Н. Н.** 2002. Введение: Социальная эволюция, альтернативы и номадизм. В: Крадин, Н. Н., Бондаренко, Д. М. (ред.), *Кочевая альтернатива социальной эволюции* (с. 9–36). М.: Институт Африки РАН.
- Бонгард-Левин, Г. М.** 1979. Индия в древности. В: Антонова, К. А., Бонгард-Левин, Г. М., Котовский, Г. Г. (ред.), *История Индии* (с. 8–165). М.: Мысль.
- Бонгард-Левин, Г. М., Ильин, Г. Ф.** 1969. *Древняя Индия: Исторический очерк*. М.: Вост. лит-ра, Наука.
- Бочаров, К. И.** 1936. *Очерки истории военного искусства*. Т. 1. *Древний мир*. М.: Госвоениздат.
- ван дер Влит, Э.** 2006. Полис: проблема государственности. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 387–412). Волгоград: Учитель.
- Виноградов, Ю. Г.** 1983. Полис в Северном Причерноморье. В: Голубцова 1983а: 366–420.
- Вишпер, Р. Ю.** 1995. *Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи* (начало): В 2 т. Т. 1. Ростов н/Д: Феникс.
- Виткин, М. А.** 1968. Проблема перехода от первичной формации ко вторичной. В: Данилова 1968: 425–454.

Вебер, М. 1994. Город. В: Вебер М. *Избранное. Образ общества* (с. 309–446) / пер. с нем. М.: Юрист.

Геллнер, Э. 1991. *Нации и национализм* / пер. с англ. М.: Прогресс.

Глускина, Л. М.

1983а. Проблемы кризиса полиса. В: Голубцова 1983б: 5–42.

1983б. Дельфийский полис в IV в. до н. э. В: Голубцова 1983: 43–72.

Годинер, Э. С. 1982. *Возникновение и эволюция государства в Буганде*. М.: Наука.

Голубцова, Е. С. (ред.)

1983а. *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 1. *Становление и развитие полиса*. М.: Наука.

1983б. *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 2. *Кризис полиса*. М.: Наука.

Гордлевский, Вл. 1941. *Государство Сельджукидов Малой Азии*. М. –Л.: изд-во АН СССР.

Гринин, Л. Е.

1997. Формации и цивилизации. Гл. 4. Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории. *Философия и общество* 5: 5–63.

2001–2005. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). *Философия и общество* № 4/2001 (с. 5–60); 2/2002 (с. 5–74); 3/2002 (с. 5–73); 2/2003 (с. 5–42); 3/2003 (с. 5–57); 1/2004 (с. 5–44); 4/2004 (с. 5–44); 4/2005 (с. 5–29).

2006а. *Государство и исторический процесс*. Волгоград: Учитель. (В печати.)

2006б. Раннее государство и его аналоги. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 85–163). Волгоград: Учитель.

2006в. От раннего государства к зрелому. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 523–556). Волгоград: Учитель.

Громаков, Б. С. 1986. *История рабовладельческого государства и права (Афины и Рим)*. М.: ВЮЗИ.

Гумилев, Л. Н. 1993. *Древние тюрки*. М.: Клышников, Комаров и К°.

Гуревич, А. Я. 1970. *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе*. М.: Высшая школа.

1980. Образование раннефеодального государства в Норвегии (конец IX – начало XIII в.). В: Кан, А. С. (ред.), *История Норвегии* (с. 126–151). М.: Наука.

Даль, Р. 2000. *О демократии* / пер. с англ. М.: Аспект Пресс.

Данилова, Л. В. (ред.) 1968. *Проблемы истории докапиталистических обществ*. М.: Наука.

Доватур, А. 1965. *Политика и политики Аристотеля*. М.–Л.: Наука.

Дройзен, И. 1995. *История эллинизма*: В 3 кн. Кн. 1 / пер. с нем. Ростов н/Д: Феникс.

Дьяков, В. Н. 1956. Греция в первой половине VI в. до н. э. В: Струве и др. (ред.). С. 391–447.

Дьяконов, И. М. 2000. Переход к территориальному государству в Месопотамии. В: Якобсон (ред.) 2000: 57–66.

Емельянов, В. В. 2003. *Древний Шумер*. СПб.: Азбука-классика, Петерб. Востоковедение.

Зельин, К. К. 1964. *Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э.* М.: Наука.

Каллистов, Д. П. 1956. Аттика в VIII–VI вв. до н. э. Образование Афинского государства. В: Францев, Ю. П. (ред.), *Всемирная история*: В 10 т. Т. 1: 670–676. М.: Госполитиздат.

Качановский, Ю. В. 1971. *Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства?* М.: Наука.

Каутский, К. 1931. *Материалистическое понимание истории* / пер. с нем. Т. 2. М. – Л.

Киселев, Г. С. 1981. *Хауса. Очерки этнической, социальной и политической истории.* М.

Классен Х. Дж. М. 2006. Было ли неизбежным появление государства? В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 71–84). Волгоград: Учитель.

Климанов, Л. Г. 1990. *Cor nostri status*: историческое место канцелярии в венецианском государстве. В: Рутенбург, Медведев (ред.) 1990: 80–105.

Кобищанов, Ю. М. 1974. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития. В: Куббель, Л. Е. (ред.), *Африка: возникновение отсталости и пути развития* (с. 85–290). М.: Наука.

Ковалев, С. И. 1936. *История античного общества. Эллинизм.* Рим. Л.: Соцгиз.

Козенко, Б. Д., Севостьянов, Г. Н. 1994. *История США.* Самара: изд-во Самарского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования.

Кондратьев, М. В. 1983. Архэ и афинская демократия. В: Голубцова (ред.) 1983а: 327–365.

Коротаев, А. В., Крадин, Н. Н., Лыньша, В. А. 2000. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). В: Крадин и др. (ред.) 2000: 24–83.

Корчагина, М. Б. 1996. Национал-социализм в Германии. В: Драбкин, Я. С., Комолова, Н. П. (ред.), *Тоталитаризм в Европе XX века* (с. 122–149). М.: Памятники исторической мысли.

Косарев, А. И. 1986. *Римское право.* М.: Юридическая лит-ра.

Кочакова, Н. Б.

1968. *Города-государства йорубов.* М.

1995. Размышления по поводу раннего государства. В: Попов, В. А. (ред.) 1995: 153–164.

Кошеленко, Г. А.

1979. *Греческий полис на эллинистическом Востоке.* М.: Наука.

1983. Введение. Древнегреческий полис. В: Голубцова 1983а: 9–36.

1987. О некоторых проблемах становления и развития государственности в Древней Греции. В: Рыбаков Б. А. (ред.), *От доклассовых обществ к раннеклассовым* (с. 38–73). М.: Наука.

Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лыньша, В. А. (ред.) 2000. *Альтернативные пути к цивилизации.* М.: Логос.

Краснова, И. А. 2000. Принципы выборности во Флоренции XIV–XV веков. В: Сванидзе (ред.) 2000: 57–67.

Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софронов, М. В. 1987. *Этническая история китайцев на рубеже средневековья и Нового времени.* М.: Наука.

Куббель, Л. Е. 1974. *Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя*. М.: Наука.

Кузищин, В. И.

1989. О формировании государства в Риме. *Вестник древней истории*: 3: 92–94. 1994 (ред.). *История Древнего Рима*. Изд. 3-е. М.: Высшая школа.

Куропятник, Г. П. 1961. *Вторая американская революция*. М.: Госучпедгиз.

Кучма, В. В. 1998. *Государство и право Древнего мира: Курс лекций по истории государства и права зарубежных стран*. Волгоград: Офсет.

Курбатов, Г. Л., Фролов, Э. Д., Фроянов, И. Я. (ред.) 1986. *Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.

Ленин, В. И. 1974 [1917]. *Государство и революция*. В: Ленин, В. И., *Полное собрание сочинений*. Том 33. М.: Полит. лит-ра.

Луццатто, Дж. 1954. *Экономическая история Италии* / пер. с итал. М.: ИЛ.

Малов, В. Н. 1994. Европейский абсолютизм второй половины XVII – начала XVIII века. В: Барг, М. А. (ред.), *История Европы*: В 8 т. Т. 4. *Европа Нового времени* (с. 138–179). М.: Наука.

Мананчикова, Н. П. 2000. Структура власти в Дубровнике XIV–XV веков: от коммуны к республике. В: Сванидзе (ред.) 2000: 50–57.

Маринович, Л. П. 1975. *Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса*. М.: Наука.

Маринович, Л. П., Кошеленко, Г. А. 1995. Древний город и античный полис. В: Сайко, Э. В. (ред.), *Город как социокультурное явление исторического процесса* (с. 93–99). М.: Наука.

Машкин, Н. А. 1956. К вопросу об экономической жизни Греции классического периода. В: Струве и др. (ред.) 1956: 234–266.

Маяк, И. Л. 1989. К вопросу о социальной структуре и политической организации архаического Рима. *Вестник древней истории* 3: 94–97.

Михельс, Р. 2000 (1925). Демократическая аристократия и аристократическая демократия. *Социологические исследования*: 1: 107–114.

Моммзен, Т. 1993. *История Рима* / пер. с нем. СПб.: Лениздат.

Монтескье, Ш. 1955 [1748]. О духе законов. В: Монтескье, Ш., *Избранные произведения* (с. 159–733). М.: Госполитиздат.

Немировский, А. И. 1962. *История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та.

Нечай, Ф. М. 1972. *Образование Римского государства*. Минск: Изд-во БГУ.

Никифоров, В. Н. 1977. *Восток и всемирная история*. М.: Наука.

Пайпс, Р.

1993. *Россия при старом режиме* / пер. с англ. М.: Независимая газета.

1994. *Русская революция*: В 2 ч. / пер. с англ. М.: Росспэн.

Паршиков, А. Е. 1974. Организация суда в Афинской державе. *Вестник древней истории* 2: 57–68

Петросян, Ю. А. 1990. *Османская империя. Могущество и гибель: Исторические очерки*. М.: Наука.

Петкевич, К. 2002. Казацкое государство (Неиспользованная возможность построения Украинского государства). В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Природа и самоорганизация общества*. М.: Моск. лицей.

- Плетнева, С. А.**
1986. *Хазары*. М.: Наука.
1987. Города кочевников. В: Рыбаков Б. А. (ред.), *От доклассовых обществ к раннеклассовым* (с. 198–212). М.: Наука.
- Рутенбург, В. И.** 1990. Генуэзский вариант итальянской синьории. В: Рутенбург, Медведев (ред.) 1990: 71–79.
- Рутенбург, В. И., Медведев, И. П. (ред.)** 1990. *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.)*. Л.: Наука.
- Рыбаков, Б. А.**
1987. *Мир истории. Начальные века русской истории*. М.: Молодая гвардия.
- Сванидзе, А. А. (ред.)** 2000. *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 3. *Человек внутри городских стен. Формы общественных связей*. М.: Наука.
- Сергеев, В. С.** 2002. *История Древней Греции*. СПб: Полигон.
- Сизов, С. К.** 1992. О причинах расцвета федеративных государств в эллинистической Греции. *Вестник древней истории* 2: 72–86.
- СИЭ – Советская историческая энциклопедия**. М.: Советская энциклопедия. 1967. Новгородская феодальная республика. *СИЭ* 10: 267–272.
- Сказкин, С. Д., Котельникова, Л. А., Рутенбург, В. А. (ред.)** 1970. *История Италии*: В 3 т. Т. 1. М.: Наука.
- Строганов, А. И.** 1995. *Новейшая история стран Латинской Америки*. М.: ВШ.
- Строева, Л. В.** 1978. *Государство исмаилитов в Иране в XI–XIII вв.* М.: Наука.
- Струве, В. В., Калистов, Д. П., Блаватская, Т. В., Машкин, Н. А., Зебелев, Т. В., Волгин, В. П. (ред.)** 1956. *Древняя Греция*. М.: Наука.
- Строгецкий, В. М.** 1979. Истоки конфликта эфората и царской власти в Спарте. В: Фролов, Э. Д. (ред.), *Античный полис* (с. 42–81).
- Суриков, И. Е.** 2005. Институт остракизма в античной Греции: к общей оценке феномена. *История и современность* 2: 113–130.
- Трухина, Н. Н.** 1989. Римская *civitas* III–II вв. до н. э.: архаичный раннеклассовый социум или государство? *Вестник древней истории* 4: 74–75.
- Утченко, С. Л.** 1965. *Кризис и падение Римской республики*. М.: Наука.
- Федоров, К. Г., Лисневский, Э. В.** 1994. *История государства и права зарубежных стран*. Ростов н/Д: изд-во Ростов. ун-та.
- Фролов, Э. Д.** 1986. Рождение греческого полиса. В: Курбатов и др. (ред.) 1986: 8–99.
- Фроянов, И. Я., Дворниченко, А. Ю.** 1986. Города-государства в Древней Руси. В: Курбатов и др. (ред.) 1986: 198–311.
- Хоцей, А. С.** 2000. Теория общества: В 3 т. Т. 2. Казань: Матбугат Йорты.
- Циркин, Ю. Б.** 1987. *Карфаген и его культура*. М.: Наука.
- Чиркин, В. Е.** 1955. Об изучении государственных образований, возникших в ходе восстаний рабов и крестьян. *Вопросы истории* 9: 57–64.
- Шмурло, Е. Ф.** 2000. *Курс русской истории*: В 4 т. Т. 1. *Возникновение и образование Русского государства*. СПб.: Алетейя: С.-Петерб. ун-т МВД России и др.
- Штаерман, Е. М.**
1968. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии. В: Данилова (ред.) 1968: 638–671.

1989. К проблеме возникновения государства в Риме. *Вестник древней истории* 2: 76–94.

1990. К итогам дискуссии о Римском государстве. *Вестник древней истории* 3: 68–75.

Энгельс, Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В: Маркс и Энгельс, *Сочинения*. 2-е изд. Т. 21: 23–178. М.: Политиздат.

Яйленко, В. П. 1983. Архаическая Греция. В: Голубцова 1983а: 128–193.

Якобсон, В. А.

1984. Некоторые проблемы исследования государства и права Древнего Востока. *Народы Азии и Африки* 2: 89–96.

1989. Государство и социальная психология. *Вестник древней истории* 4: 75–78.

2000 (ред.). *История Востока*: В 6 т. Т. 1. Восток в древности. М.: Изд. фирма «Восточная лит-ра» РАН.

Якубский, В. А. 1993. Кризис Речи Посполитой. В: Дьяков, В. А. (ред.), *Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней* (с. 64–84). М.: Наука.

Ambrosino, J. N. 1995. Inter-societal Contact and the Rise of the State: a Brief Note Work in Progress. In Kradin, Lynsha 1995: 54–59.

Berent, M.

1994. *The Stateless Polis. Towards a Re-Evaluation of the Classical Greek Political Community*. A Dissertation submitted for the Ph. D. Degree. Cambridge: Sidney Sussex College.

2000a. Greece (11th–4th centuries B. C.). In Bondarenko, Korotayev 2000: 228–251.

2000b. The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Community. In Kradin et al. 2000: 225–241.

2004. Greece: The Stateless Polis (11th–4th Centuries B. C.). In Grinin et al. (eds.) 2004: 364–387.

2006. The Stateless Polis: A Reply to Critics. *Social Evolution & History* 5 (1): 140–162.

Blair, P. H. [1966]. *Roman Britain and Early England 55 B. C. – A. D. 871*. New York – London: W. W. Norton and Company.

Bondarenko, D. M. 2005. A Homoarchic Alternative to the Homoarchic State: Benin Kingdom of the 13th–19th Centuries. *Social Evolution & History* 4 (2): 18–88.

Bondarenko, D. M., Grinin, E. E., Korotayev, A. V. 2002. Alternative Pathways of Social Evolution. *Social Evolution & History* 1: 54–79.

Bondarenko, D. M., Korotayev, A. V.

2000. Introduction. In Bondarenko, Korotayev 2000: 5–34.

2000 (eds.). *Civilizational Models of Politogenesis*. М.: IAF RAN.

Burke, P. 1986. City-States. In Hall, J. A. (ed.), *States in History* (pp. 137–153). Oxford: Basil Blackwell.

Carneiro, R. E.

1970. A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.

1978. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion. In Cohen, Service 1978: 205–223.

2000. *The Muse of History and the Science of Culture*. New York and others: Kluwer Academic / Plenum Publishers.

Cartledge, P. 1998. *Kosmos. Essays in Order, Conflict and Community in Classical Athens*. Cambridge.

- Claessen, H. J. M.**
1978. The Early State: A Structural Approach. In Claessen, Skalnik 1978a: 533–596.
2002. Was the State Inevitable? *Social Evolution & History* 1: 101–117.
2004. Was the State Inevitable? In Grinin, L. E., et al. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* (pp. 72–87). Volgograd.
2005. Early State Intricacies. *Social Evolution & History* 4 (2): 151–158.
- Claessen, H. J. M., Oosten, J. G. (eds.)** 1996. *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill.
- Claessen, H. J. M., Skalnik, P.**
1978a (eds.), *The Early State*. The Hague: Mouton.
1978b. Limits: Beginnings and End of the Early State. In Claessen, Skalnik 1978a: 619–636.
1978c. The Early State: Models and Reality. In Claessen, Skalnik 1978a: 637–650.
- Claessen, H. J. M., Velde, P. van de**
1987. Introduction. In Claessen, van de Velde (eds.) 1987: 1–23.
1987. (eds.) *Early State Dynamics*. Leiden: Brill.
1991. *Early State Economics*. New Brunswick, N. J.: Transaction.
- Dozhdev, D.** 2000. Rome (8th – 2th centuries B. C.). In Bondarenko, Korotayev 2000: 255–286.
- Feinman, G. M., Marcus, J. (eds.)** 1998. *Archaic States*. Santa Fe – New Mexico: School of American Research Press.
- Finley, M. I.**
1977. *The Ancient Greeks*. Harmondsworth: Penguin.
1983. *Economy and Society in Ancient Greece*. Harmondsworth: Penguin Books.
1985. *Democracy Ancient and Modern*. 2nd ed. London: The Hogarth Press.
- Fisher, N. R. E.** 1993. *Slavery in Classical Greece*. London: Intl Pub Marketing.
- Gellner, E.**
1983. *Nation and Nationalism*. Oxford: Blackwell.
1988. *Plough, Sword and Book. The Structure of Human History*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Goldstone, J.** 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Grinin, L. E.**
2004a. Democracy and Early State. *Social Evolution & History* 3 (2): 93–149.
2004b. Early State and Democracy. In Grinin, L. E., Carneiro, R. L., Bondarenko, D. M., Kradin, N. N., Korotayev, A. V. (eds.), *The Early State, Its Alternatives and Analogues* (pp. 419–463). Volgograd: Uchitel.
- Hansen, M. N.**
1989. *Was Athens a Democracy?* Copenhagen: Munksgaard.
1991. *Athenian Democracy in the Age of Demosthenes*. Oxford.
1998. *Polis and City-State. An Ancient Concept and Its Modern Equivalent*. Copenhagen: Munksgaard.
2002. Was the *Polis* a State or a Stateless Society? In Nielsen, T. H. (ed.), *Even More Studies in the Ancient Greek Polis*. Papers from the Copenhagen Polis Centre 6 (pp. 17–47). Stuttgart: Steiner.
- Harden, D.** 1971. *The Phoenicians*. Middlesex, England-Ringwood, Australia: Penguin. Books Ltd.

Johnson, A. W., Earle, T. K. 2000. *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press.

Korotayev, A. V. 1995. Mountains and Democracy: An Introduction. In Kradin, Lynsha 1995: 60–74.

Korotayev, A. V., Kradin, N. N., Lynsha, V. A., Munck, V. de 2000. Alternatives of Social Evolution: An Introduction. In Kradin *et al.* 2000: 12–51.

Kradin, N. N., Korotayev, A. V., Bondarenko, D. M., Munck, V. de, Wason, P. K. (eds.) 2000. *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok: FEB RAS.

Kradin, N. N., Lynsha, V. A. (eds.) 1995. *Alternative Pathways to Early State*. Vladivostok: Dal'nauka.

Kurtz, D. 1984. Strategies of Legitimation and the Aztec State. *Ethnology* 22 (4): 301–314.

Marcus, J. 1998. The Peaks and Valleys of Ancient States: An Extension of Dynamic Model. In Feinman, G. M., Marcus, J. (eds.), *Archaic States* (pp. 59–94). Santa Fe – New Mexico: School of American Research Press.

Marcus, J., Feinman, G. M. 1998. Introduction. In Feinman, G. M., Marcus, J. (eds.), *Archaic States* (pp. 3–13). Santa Fe – New Mexico: School of American Research Press.

Mishra, P., Mishra, J. 2002. *Strategy of Power sharing in ancient India: with special reference to Kautilya's Arthashastra*. Paper presented at the International Conference 'Hierarchy and Power in the History of Civilizations'. St. Petersburg, July 4–7.

Osborne, R. 1985. *Demos: The Discovery of Classical Attika*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rhodes, P. J. 1993. The Greek Poleis: Demes, Cities and Leagues. In Hansen, M. H. (ed.), *The Ancient Greek City-State* (pp. 161–182). Copenhagen: Munksgaard.

Roussel, D. 1976. *Tribu et cité. Etudes sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique*. Paris.

Shifferd, P. A. 1987. Aztecs and Africans: Political Processes in Twenty-Two Early States. In Claessen, van de Velde 1987: 39–53.

Skalnik, P. 1996. Ideological and Symbolic Authority: Political Culture in Nanun, Northern Ghana. In Claessen, Oosten 1996: 84–98.

Stuart-Fox, M. 2002. Evolutionary Theory of History. In Pomper, Ph., Gary Show, D. (eds.), *The Return of Science: Evolution, History, and Theory* (pp. 123–144). Lanham – New York – Oxford: Rowman & Littlefield Publishers.

Tymowski, M. 1987. The Early State and after in precolonial West Sudan. Problems of the stability of political organizations and the obstacles to their development. In Claessen, van de Velde 1987: 54–69.

van der Vliet, E. Ch. L.

1987. Tyranny and Democracy. The Evolution of Politics in Ancient Greece. In Claessen, van de Velde (eds.) 1987: 1–23.

2005. Polis. The Problem of Statehood. *Social Evolution & History* 4 (2): 120–150.

Wright, H. T. 1977. Recent research on the Origin of the State. *Annual Review of Anthropology* 6: 379–397.

Zinn, H. 1995. *A People's History of the United States. 1492–present*. New York: Harper Perennial.

Э. Ч. Л. ван дер Влит

Университет Гронингена

В данной статье я рассматриваю природу государственности в городах-государствах Древней Греции сквозь призму трех, на мой взгляд, фундаментальных, аспектов государственности: монополии на насилие, системы институтов и возможностей государства. Я не ставил целью глубоко анализировать проблему понятия государства, которое сложно точно определить для сравнительных исследований вследствие его амбивалентности, одновременной абстрактности и конкретности. Хотя в ответ на недавно выдвинутые заявления о безгосударственности греческого полиса я утверждаю, что греческие полисы по сути своей были государствами.

В данной работе мое внимание сконцентрировано на греческом полисе – во-первых, на классической афинской демократии и, во-вторых, на ранней эволюции полиса. В отношении Афин акцент сделан на управлении в них, в особенности управлении флотом и работами Лаврийских рудников, а также административных задачах Совета в целом. В отношении раннего полиса центральными пунктами являются формирование институтов, контроль над должностными лицами и законодательством. Следовательно, управление законодательством и место судебной системы в полисе является важными пунктами дискуссии о государственности полиса. Римская Республика рассматривается кратко в тех же аспектах.

Вследствие ключевой позиции понятия раннего государства и споров о трансформации вождества в государство в эволюционной антропологии заключительная часть данной статьи посвящена системному сравнению классического города-государства с ранним государством.

ВВЕДЕНИЕ. ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВА

Ответ на вопрос, можно ли называть определенное историческое общество или политическую систему государством, зависит от того, как мы определяем государство. В данной дискуссии можно выделить два противоположных подхода. Согласно первому, мы можем говорить о государствах только в ранней современной Европе, откуда государство распространилось по всему миру (см.: d'Entreves 1969, Van Creveld 1999,

ван дер Влит Э. Ч. Л. / Полис: проблема государственности, с. 387–412

Vincent 1987). Под вопросом также, являются ли Соединенные Штаты и современная Англия государствами в правильном понимании! (Hansen 2002: 18) Другой подход – антропологический. Он исходит из антропологического различия между безгосударственными обществами (такими, как племена, системы бигменов и вождества) и государственными обществами. Здесь дискуссия концентрируется, в частности, на различиях между вождеством и государством в плане типологии и стадий эволюции, определенных Сервисом и Фридом (Service 1975, Fried 1967, ср. Ёрл в: Johnson and Earle 1987; Lewellen 1983). В данном исследовании понятие «раннее государство» четко соответствует определению, данному Классеном (Claessen and Skalnik 1978). Впрочем, недавно Маркусом и Фейнманом (Marcus and Feinman 1998) было предложено гораздо более узкое определение государства. Независимо от дискуссии среди антропологов и археологов, существует множество определений государства. Уже в 1931 г. Чарльз Х. Титус насчитал 145 определений, и он отмечал, что «менее половины определений в общих чертах совпадают. Даже данное утверждение основано на допущении, что если два автора употребляют одни и те же слова, они подразумевают одно и то же; и я сомневаюсь, что данное утверждение полностью обосновано» (Titus 1931: 45). Последние слова – преувеличение. В том же ключе наблюдение Фрида: «Невозможно предложить унифицированное определение государства, которое удовлетворило бы хотя бы большую часть тех, кто серьезно занимается данной проблемой» (Fried 1968: 145). Со всем недавно Ван Кревельд заметил просто: «Определения государства очень различаются» (Van Creveld 1999: 1).

Причину отсутствия согласия в определении государства нужно искать в сущностной амбивалентности (двойственности) государства. С одной стороны, реальность институтов, посредством которых государство функционирует, неоспорима, но, с другой стороны, само по себе понятие исключительно абстрактно. Так, д'Антреве (d'Entreves 1969: 1) говорит о «мистической, но вездесущей сущности, о неопределенной силе, которой невозможно сопротивляться». Винсент (Vincent 1987: 3) утверждает: «Государство... – самый проблематичный концепт в политике. Проблема (его) в амбивалентности – оно реально и все же неуловимо» и «в чисто фактическом плане государства не существует». В то же время мы постоянно сталкиваемся с людьми, действующими от лица этой абстракции (d'Entreves 1969: 19), которые, что очень важно, властью этой абстракции могут вынудить и ограничить наши действия весьма конкретным способом в определенном направлении, в котором мы, возможно, и не желаем. Амбивалентность понятия государства, таким образом, проявляется в том исключительном факте, что, с одной стороны, государство представлено как наивысшая абстракция, а с другой, как действующий персонаж¹. Государство персонифицировано (Vincent 1987: 8).

Государство, по мнению Поджи, «отчасти формирует... модальность более широкого феномена – институционализации политической власти», которая является причиной «растущей деперсонализации властных отношений» и «увеличивающейся формализации» (Poggi 1990: 18, ср.: 33, ссылка на Popitz 1989: 69). Материализация государства предполагает нечто большее. Государство становится самоцелью и существует, чтобы гарантировать собственное продолжение (Krader 1968: 104–110, особенно с. 108). Таким образом, главным пунктом дискуссии становится, по мнению Истона (Easton 1971: 108), разграничение «общества» и «государства», «государства» и «правительства» и «общества» и «правительства». Основная дискуссия здесь вокруг вопроса, является ли различие между государством и обществом реальным, и если является, то значимо ли оно? Если государство идентифицируется с государством-нацией, это, я считаю, только затрудняет исследование. Когда «не определяются конкретные структуры ...государство, примыкая к обществу, растворяется в универсальности» (Fried 1968: 143; ср.: Vincent 1987: 24). С другой стороны, Винсент справедливо отмечает (Vincent 1987: 29–32 и в особенности с. 31): «Исторически, а также с антропологической точки зрения ясно, что и понятие, и практика управления существовали до государства. Управление может существовать и существует без государства»². Ван Кревельд различает безгосударственные общества, «племена с правителями (вождества)» и собственно Государства – «общества с правительством», которые существуют в огромном разнообразии, и в их числе «города-государства» классической античности, более-менее бюрократические империи прошлого, а также феодальные политии Средних веков (Van Creveld 1999). Основной характеристикой и главной слабостью этих систем является то, что они привязаны к личности. Другими словами, государство – это больше, чем просто правительство, и больше, чем органы управления³.

«Государство есть ...институт политического управления» (Krader 1968: 10, 106–107). Не следует полностью концентрироваться на том, что сущность государства есть присущие ему «Herrschaftsverhältniss», как утверждал Вебер (d'Entreves 1969: 11, ссылаясь на Friedrich 1963: 180, п. 1; см. также: Hansen 2002: 21). Английский эквивалент немецкого «Herrschaft» – это «власть». Власть, как точно отмечает Фридрих (Friedrich 1963: 180), «это институционализированная политическая сила». Институционализация есть важный аспект формирования государства. Существование определенных институтов, которые постоянны и посредством которых может быть использована легитимная власть, доказывает, по моему мнению, наличие государства. Эти институты могут различаться по времени и месту, в зависимости от исторических условий. Такими институтами могут быть средневековые королевства, которые существовали, даже когда не было живого короля (Kantorowicz 1957), а также институт гражданства греческого полиса. Решающее зна-

чение имеют два аспекта – принуждение и легитимность. Кроме того, государство связано с территорией и соответственно с населением на данной территории. Здесь я придерживаюсь определения, данного Абелье (Abélès 1996: 529). Центральный пункт данного подхода – существование институционализированной, длительной и легитимной монополии на насилие. В целом, это определение корнями уходит в веберовское (Weber 1972: 521). Впрочем, проблема с концепцией легитимности – в нематериальности последней. Вебер говорит только о «Legitimitätsglaube». Легитимность проявляется в послушании и работе населения, а также в том, чего власть, очевидно, способна добиться. Важным моментом является то, что ни власть государства, ни легитимность не являются абсолютными (Fried 1968: 146; Jackman 1993: 40). Они всегда зависят от ситуации и обстоятельств.

Такие рассуждения позволяют нам сформулировать критерии, по которым мы можем судить, были ли города-государства и гражданские государства античной Греции «настоящими» государствами или нет⁴. Во-первых, там должны были существовать стабильные и постоянные политические институты. Эти институты должны образовывать четкую систему и быть формальными, безличными, так как Винсент утверждает (Vincent 1987: 21), что «государственная власть формально отделена от правителя и подданных». Институты должны согласовываться и объединять общество. Под согласованностью я подразумеваю, что «(их) решения формально согласованы друг с другом» (Tilly 1975, цит. в: Roggi 1990: 19). Таким образом, наличие стержневого центра для делегирования и согласования является необязательным. Система может также иметь иерархическую форму, хотя форма ничего не скажет о ее сущности. Политические системы с гетерархической формой организации также могут быть государствами (определение гетерархии дано Крамли [Crumley] 1995: 30). В такой гетерархической системе институты должны быть взаимозависимы и функционально дополнять друг друга. Для институтов нет необходимости быть централизованными в иерархическом порядке, чтобы подкреплять друг друга и функционировать как когерентная политическая система (см.: Friedrich 1970: 22). Ключевым моментом, по моему мнению, является веберовский принцип легитимности монополии на насилие, которую можно также обнаружить среди институтов или в их дополнительности. Данный подход, я думаю, даст нам лучшее понимание немецкого концепта «Staatlichkeit» (государственность). Сила государства в его целостности, а через послушание и одобрение своих институтов оно, в конечном счете, может быть легитимно закреплено.

Все это наводит меня на мысль об организационной роли государства (см. об этом понятии: Jackman 1993). Как я уже говорил, легитимность и степень легитимности появляются из возможностей рассматриваемого режима (Jackman 1993: 121)⁵. Они тесно связаны с размером государства, степенью его сложности и социальным форматом.

Самое главное, институты должны быть постоянными. «Действительно важнейшей чертой Государства, которая наиболее последовательно и достоверно прослеживается во всех государствах, является то, что это есть постоянная государственная власть» (Vincent 1987: 21). И институты, и их функции должны стать, как говорит Вебер, «*ver-talltaglicht*», или рутинизированными (общепринятыми) (Jackman 1993).

ПОЛИС И ПОЛИСЫ

Что определяет греческий полис как государство? Недавно Берент в ряде публикаций выразил сомнение в том, что полис был государством (Berent: 1996; 2000a; 2000б; 2004). Хансен довольно эмоционально ответил на это, сделав акцент как на деятельности полиса как института, так и на управлении правосудием и применении наказания властями полиса (Hansen 2002). Ранее он высказывался, что «греческий полис был самоуправляемой общиной, центрированной на городе: но был ли он государством в нашем понимании? И да, и нет» (Hansen 2002). Вопрос в том, как интерпретировать фразу «в нашем понимании». Как я указал выше, мы можем выбирать между широким антропологическим определением и более узким современным, гоббзианским концептом государства, исключающим ранние проявления государственности в Европе (в Средние века, например, и в Древней Греции), а также многие государства, определяемые антропологами в качестве таковых. Раннее государство, например, не является государством в этом узком ракурсе. Кроме того, необходимо рассмотреть наличие государственной власти и форму институтов, формирующих государство.

С другой стороны, дело усложняется тем, что между «большими», «средними» и «малыми» полисами существуют серьезные отличия, которые затрагивают уровень их государственности и даже ставят вопрос, можно ли их вообще называть государствами. Даже если нет сомнений, является ли определенная греческая община полисом, определяемым по наличию типичных институтов полиса, уровень государственности, развившийся в ней, может быть различным. Наиболее отчетливы различия в размере территории и численности населения (Glantz 1953: 32–34). Это могло повлиять на внутренние социальные отношения и структуры власти. См., например, классические Афины V в. до н. э. с империей, доминирующей почти над всеми островными полисами и полисами на побережье всего Эгейского моря. Эти полисы были зависимыми союзниками, а с другой стороны, они сохраняли в (очень) высокой степени внутреннюю автономию. Сравните классические Афины с современными им небольшими полисами на Крите, а средние полисы, начиная со Спарты с ее относительно большой территорией и зависимой Мессенией и ее населением, с такими городами-государствами, как Аргос, Коринф, Хиос, Митилена, Фивы и Мегара, которые, по-видимому, были внешне и внутренне слабыми. Но, несмотря на их небольшой социальный формат и очевидные непосредст-

венные связи в обществе, критские полисы, такие, как Дрерос и Элефтерна, отличались не только четко определенной территорией и независимостью, но особенно своими письменными законами, которые определяли и предписывали политические институты, что является очевидным признаком их государственности. Вопрос масштаба – это не только вопрос пространственного масштаба, но и временного. Таким образом, вопрос уровня государственности становится ключевым, когда мы обсуждаем развитие безгосударственного дополисного общества до уровня полиса-государства.

Главная проблема здесь, впрочем, в трудности определения легитимности и ее наличия. Как мы отмечали во многих дискуссиях по раннему государству, легитимность проявляется тем или иным способом. Рассуждая в том же ключе, мы можем, таким образом, сделать вывод, что наличие государства также проявляется в том, чего его политическая система очевидно способна добиться. Это будет моей отправной точкой в обсуждении сначала государственности классических Афин и затем раннего полиса. Далее я прокомментирую подход Берента и сделаю некоторые замечания о государственности Римской республики. Данную статью я закончу сравнением полиса и раннего государства.

КЛАССИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

На протяжении V века до н. э. власть Афин распространилась почти на все Эгейское море и побережье, за исключением Крита. Это доминирование было утеряно в IV в. до н. э. не в результате ослабления Афинского государства, но из-за появления соперников, таких, как Спарта и Фивы, усиления полисов, таких как Византий, Хиос и позже образовавшийся (путем синойкизма) Родос, и – не в последнюю очередь – подъема Македонского царства. Доминирование Афин было основано на обладании флотом из 200 военных кораблей с экипажем из 170 человек на каждом. Маневрирование на этих кораблях требовало профессиональной подготовки, гребцами были в основном граждане. Впрочем, Афины были не единственным полисом, обладающим флотом. У других полисов, таких, как Коринф, Хиос и Митилена, также был флот, хотя и с меньшим количеством (40–60) кораблей. Различие обусловлено огромным благосостоянием Афин. Это процветание приобреталось и поддерживалось афинскими властями – ежегодные «взносы», которые должны были выплачивать союзники Афин, превратились для них во второй половине V в. в регулярный налог. В Афинах выплаты принимались, регистрировались и оглашались Советом 500. К запаздывающим союзникам принимались меры (Meiggs and Lewis 1988: 46, 49). Кроме того, Афины посылали своих представителей (архонтов) в разные районы союза, чтобы держать их под контролем, впрочем, не вмешиваясь открыто во внутренние дела (Meiggs 1972: 205–254). Флот и архонты, впрочем, были не единственными афинскими орудиями господства. Флот, кроме того, также использовался, чтобы гарантировать обеспече-

ние зерном, которое требовалось Афинам, в основном через Босфорский пролив из южной части России и Крыма.

Постройка военных кораблей была обязанностью отдельных состоятельных афинских граждан, которые должны были регулярно выполнять эту задачу по очереди в течение года. Это регулировалось и строго контролировалось властями (Gabrielsen 1994). Афинский Совет инспектировал состояние постройки кораблей на верфях. Кроме того, одной из обязанностей Совета было строительство новых кораблей для поддержания мощи флота (Aristotle, *Ath. Pol.* 46,1). Составлялись списки, кто из «триерархов» несет ответственность за какой корабль, его состояние и ремонт. Однако, флот не был единственным инструментом поддержания и выражения могущества Афинского государства. Как и многие другие полисы, за известным исключением Спарты, город Афины был защищен оборонительными стенами. Но здесь также были разительные отличия в размерах. В начале V в. были построены так называемые Длинные Стены, соединяющие город с Пиреем, гаванью, на расстоянии около 6 км. Позднее коринфяне тоже построили подобные оборонительные сооружения. Во второй половине V в. символическим выражением могущества и богатства Афин было строительство монументального Парфенона на Акрополе, а на его пропилеи была воздвигнута огромная статуя богини Афины из золота и слоновой кости. В этой связи также необходимо отметить, что не деятельность как таковая была исключительной, но ее масштабы. Говоря о государственности полиса, важнее отметить организацию и управление. Источники информации по этому аспекту, к сожалению, почти все утеряны, но те, что остались, дают нам четкое представление о детально проработанном администрировании, об использованных материалах – и оставшихся – и о выплачиваемых вознаграждениях (например, Meiggs and Lewis 1988: 54, 59, 60). Власти должны были придавать огласке свои расходы и отчитываться за них.

Подобным же образом мы информированы о разработке Лаврийских серебряных рудников, одном из важнейших источников дохода Афинского государства. Разработка рудников была отдана в аренду индивидуальным предпринимателям, гражданам Афин, которые зарабатывали свои концессии с помощью рабов. Различные концессии были четко разграничены между собой и, по-видимому, должны были регулярно возобновляться. Из добытого серебра афинские власти чеканили монеты, и определенное количество доставалось концессионеру в качестве дохода. Регулирование деятельности подобного рода (как и косвенные налоги, эксплуатация общественной собственности, сооружение общественных зданий) посредством долгосрочной аренды было обычной практикой в классической древности, как во времени Греции и Рима, так и в поздние периоды, когда государственность была, вероятно, более развита. В Афинах были отданы на откуп также гостиницы в гаванях и торговые пошлины. Уровень налогов, пошлин

на экспорт и импорт, например, был фиксированный, а на рынках контроль системы весов и обмен иностранной валюты инспектировались и контролировались властями (Rhodes and Osborne 2003: 25).

Контроль был ключевым понятием для функционирования политической системы афинской демократии. Регулярно проводились голосования по доверию различным служащим и должностным лицам. Когда заканчивался срок пребывания в должности, обычно через год, они должны были представить отчет, чтобы народ мог их проконтролировать. В частности, в IV веке существовали специальные комитеты для проверки таких отчетов и особая процедура на случай жалоб и судебной ответственности (Aristotle, *Ath. Pol.* 48; а также повторяющиеся указания в надписях). Этот аппарат состоял не из бюрократии в чистом виде, к которой мы привыкли, но из комитетов граждан, которые в таком качестве были равны друг другу, выбирались и назначались посредством системы самовыдвижения, а затем выборов по жребию. Многочисленные механизмы контроля уравнивали непрофессионализм должностных лиц и в то же время были инструментом против злоупотребления властью. Сущность гражданства, по мнению Аристотеля, заключалась в том, чтобы занимать пост и таким образом иметь возможность как управлять, так и быть управляемым (*Pol.* 1275a: 22–33, 1277a: 25–28).

Невозможно представить, что весь этот аппарат управления мог функционировать без администрирования и архивов. У нас есть достаточно свидетельств их наличия. Общественные договоры, публичные торги, списки кораблей, списки граждан, различного рода инвентарные списки и т. д. Все свидетельства подобного рода управления зафиксированы в надписях. Большая часть их утеряна, включая все, что не было высечено на камне. Но мы знаем, что афинский Совет имел в своем распоряжении архивы, которые хранились в Метрооне – здании, прилегающем к зданию, где собирался и совещался Совет 500 (Francis 1990: 116–120). И Совет, и народное собрание имели секретарей, которые, помимо всего прочего, заботились о формулировке законов. Эти секретари были гражданами и избирались и назначались на свои посты посредством известных процедур самовыдвижения и выборов по жребию. Они менялись ежегодно. Мы не знаем, был ли у них и у других должностных лиц в распоряжении постоянный штат административных помощников, своего рода бюрократии, сколько человек туда входило, и кто составлял этот штат. Кажется очевидным в последнем случае думать об общественных рабах, но рабов обычно привозили из других областей и греческий не был их родным языком, и, возможно, они не рассматривались как подходящие для подобного рода задач. С другой стороны, мы находим бывших рабов среди банкиров. Впрочем, афиняне определенно имели полицейские силы из общественных рабов – со скифами-лучниками. В начале комедии Аристофана «Ахарняне» председатель народного собрания приказывает: «Лучники!», –

чтобы те удалили из народного собрания кое-кого, не имеющего права участвовать в заседании. Его приказ немедленно выполнили, как и должно быть в нормальном государстве (стих. 54–59).

В данной статье не место для детального обсуждения административного аппарата Афин. Гораздо важнее рассмотреть, как он развивался или, скорее, как мог бы развиваться в рамках постоянно действующих институтов. Институты были строительным материалом для создания полиса. Полис находил свое выражение через институты. Формирование полиса и создание его институтов были взаимодействующими процессами, двумя сторонами одной медали. Одновременно с формированием полиса внутри него происходило формирование государства. Создание институтов было инструментом упорядочивания политических и социальных отношений, и в то же время инструментом для установления и поддержания этого порядка посредством принуждения к послушанию. Очень часто, хотя и не всегда, они устанавливались в письменных законах. В одном анекдоте рассказывается, как сосланный спартанский царь объяснял персидскому царю, что есть только одна вещь, которую спартанец боится больше, чем подданные персидского царя боятся своего Господина и Хозяина, – это Закон (Herodotus VII: 104). Впрочем, мы должны быть осторожными и избегать интерпретировать греческий закон в современном значении, но смысл институтов в распоряжении легитимной власти, уходящих корнями в законы, очевидно присутствует.

Кроме того, мы не должны забывать, что институты афинского полиса – придерживаясь Афин, как самого известного примера – не ограничивались наличием общего народного собрания граждан мужского пола. Порядок и повестка дня народного собрания были подчинены установленным правилам. Совет 500, переизбираемый каждый год, готовил принятие решений, занимался управлением и устанавливал повестку дня собрания. Секретари Совета и народное собрание упоминались выше. Большая часть административных задач и ответственности были переданы, как бы мы их теперь назвали, подкомитетам Совета. Такая система со временем была тщательно проработана (см. детальное описание в «Афинской Политии» Аристотеля: 47–54). Но Совет и Народное собрание были не единственными органами управления. В V в. ежегодно избираемые 10 стратегов – военачальников – или, по крайней мере, один из них обладали большим влиянием и властью. Кроме них мы находим 9 «архонтов», или «правителей», с «секретарем» в качестве десятого члена, которые, начиная с 487 г. до н. э., выбирались по жребию, и чьей основной задачей была организация судебных процедур, но у которых также имелись индивидуальные специфические задачи, в том числе, и важные культовые. Ответственность различных должностных лиц устанавливалась законами. Важная роль здесь отводилась так называемым народным судам, чья деятельность также определялась законами (см.: Hansen 1991).

Влияние и размер Афин и, следовательно, сложность административного аппарата были исключительными, но это не означает, что сущность и виды власти также были уникальными. Подобного рода базисная политическая структура, включающая народное собрание, Совет и специальных должностных лиц, была в любом полисе, хотя каждый полис мог развивать свои собственные институциональные формы, которые часто были исторически предопределены (описание см. в: Rhodes and Lewis 1997). Спарта, оказавшаяся гораздо примитивнее со своим архаичным двоецарствием и специфической социальной организацией граждан, была в не меньшей степени, чем Афины, способна, как только появлялись необходимые финансовые средства, иметь сильный флот из триер, чтобы доминировать в большей части греческого мира, собирать «дань» с союзников в форме «взносов» и контролировать их внутренние политические отношения посредством своих правителей. Очевидно, аппарат спартанского государства был готов выполнять эти задачи, когда подвернется случай. Ранее спартанцы уже управляли огромной территорией Мессении и ее покоренным населением. Главная сила спартанского государства, по крайней мере, с начала V в., была сосредоточена в руках ежегодно назначаемых 5 эфоров помимо Совета старейшин и народного собрания (Link 1994, особенно 64–71 о структурной силе эфората). Также более мелкие полисы, такие, как Фивы, Коринф, Аргос, Митилена, Хиос, Халкида, Гортина, Кносс и др., внутренне функционировали как государства подобным же образом (см. также важное собрание исследований: Brock and Hodkinson 2000). Наконец, греческие полисы на практике взаимно признавали свою автономию, как европейские государства делали в соответствии с Вестфальским миром.

РАННИЙ ПОЛИС

На острове Крит мы наблюдаем два явления, характерных для греческого полиса. На Крите было много маленьких и автономных полисов, особенностью которых было наличие значительного числа образцов публичной письменной законодательной деятельности, многие из которых сохранились, поскольку были выбиты на камнях. Последний феномен так часто отмечается на острове, что его можно рассматривать как типично критский. На Крите, точнее в Дреросе, мы также имеем первое свидетельство в виде надписи с законом, регулирующим конституционный порядок полиса (Meiggs and Lewis 1988: 2, ср. Ehrenberg 1965). Закон ясно ограничивает длительность срока полномочий на высшем посту (*косма*) до одного года и запрещает повторное избрание, по крайней мере, в течение 10 лет. *Косм* был уполномочен налагать и собирать штрафы. Это становится очевидным из наказания, которое полагается в случае, если он не оставит свой пост по истечении года. Закон закрепляется клятвой, принесенной «Двадцатью Полиса». Был ли этот закон эффективным (Hoebel 1954: 26) и использо-

валось ли при необходимости принуждение для подчинения ему? Пока у нас нет дополнительной информации, однако нет и указаний, что он был принят без особых для этого причин.

В Афинах, которые были гораздо больше, чем Дрерос, в VI в. конституция не могла соблюдаться вопреки амбициям отдельных состоятельных аристократов. Число выдающихся людей было невелико, но их личное богатство и влияние были гораздо больше, чем, возможно, могло быть в небольшом полисе и, следовательно, демос, народ, не имел возможности их контролировать. В Афинах внутренние и, в частности, социальные конфликты были предпосылкой и причиной появления Законов Солона. Помимо таких мер, как освобождение проданных в рабство за долги, «возвращение» тех, кто был продан за пределы Аттики или сбежал, Солон также «писал законы» (*thesmous egrapsa*), см. 36W, 18–20). То, чего он достиг, он достиг, связав вместе «право и силу» (fr 36W 15–17). Для того чтобы иметь право выполнять эту задачу, он был избран архонтом («правителем») и наделен неограниченными полномочиями на необходимый период времени. Это была не то чтобы совсем необычная процедура для Древней Греции, как мы знаем, Аристотель называет подобное пребывание в должности (в основном эсимнетов), тиранией (монархией) по общественному выбору (Aristotle, *Ath. Pol.* 5,21; Aristotle, *Pol.* 1285a29–b1, 1295a7–17). Впрочем, законодательство Солона не сразу установило стабильную конституцию, или государство. Когда Солон завершил задуманное, то отошел от общественной жизни. Вскоре один из его последователей на посту архонта, Дамасий, отказался покинуть свой пост по истечении срока пребывания на нем. Через два года народ вынудил его оставить пост. Постепенно, согласно традиции, пребывание на посту архонта стало подчиняться более строгому регулированию в отношении тех, кто занимал этот пост, но это не решило проблему (Aristotle, *Ath. Pol.* 13, 2). Соперничество между тремя богатыми людьми за первенство в Афинах привело после многих лет борьбы и меняющихся коалиций к установлению силой тирании единовластия без законных на то оснований одного из них – Писистрата. Очевидно, его правление было личным и без соблюдения формальностей, в то время как под его контролем, а также под контролем его сыновей и преемников постоянные должности продолжали функционировать (Thucydides VI, liv 5–6 Meggs and Lewis 1988: 6). Это, несомненно, давало должностным лицам законную власть, которая сохранилась и после того, как тираны были смещены. И мы можем сделать вывод, что фактически тирания Писистрата создала власть государства и его институтов и, таким образом, заложила основу для развития в V в.

В Спарте не было письменных законов. Спартанская «конституция», то есть правила, которые формировали спартанский полис и которыми предписывалось, как он должен был функционировать, передавались и сохранялись устно. Но слова тоже имеют власть –

возможно, даже более эффективную и длительную, чем сила. Слова могли мобилизовать людей к действию, если люди были готовы мобилизоваться, то есть в случае с формированием государства если для этого есть конструктивные условия. Устная традиция, скорее всего, сохранялась и передавалась в форме поэзии. Так, спартанская «конституция» передавалась и, помимо прочего, через слова спартанского поэта Тиртея, который, должно быть, жил во время или немного позднее ее установления (Tyrtaios fr. 4W; Plut., *Лыс.* 6; Meier 1998). Солон также убеждал афинян посредством своих стихотворений. Это весьма важно, поскольку поэты в Древней Греции имели исключительную харизматическую власть. Также повсюду в Греции люди, имевшие большое политическое влияние и игравшие важную роль в политических конфликтах, которые привели к институционализации полиса, были поэтами, например, Алкей с Лесбоса. Рассматривая Спарту, необходимо также отметить, что формирование спартанского государства шло вместе с завоеванием и подчинением соседней страны Мессении, где, как я думаю, процесс формирования полиса и государства начался слишком поздно, чтобы мессенцы могли оказать эффективное сопротивление спартанской экспансии. Решающим фактором в окончательном завоевании Мессении, по-видимому, стало применение спартанцами своего нового оружия – гоплитских фаланг. Позднее я кратко остановлюсь на этом аспекте.

Об архаичных законах (VII в. до н. э.), затрагивавших различные вопросы, мы узнаем из надписей из Тиринфа, небольшого полиса на Пелопоннесе. Текст сохранился довольно фрагментарно, и мы остаемся в неведении относительно точной сущности упомянутых в нем должностей, но сейчас понятно, что здесь имеет место регулирование полисом культовых вопросов, что было важным для функционирования полиса как политического института. Сюда в основном входило наложение штрафов на должностных лиц, пренебрегающих своими обязанностями. Окончательное решение было за обществом и институтами полиса (Osborne 1997: 75). Имеющееся свидетельство относительно раннегреческого законодательства показывает, что в разных полисах дело регулировалось различными способами в зависимости от местных условий и имеющихся конфликтов (Holkeskamp 1992b 1999; van der Vliet 2003; и сборник законов в надписях Koerner 1993, van Effenterre and Ruze 1994–1995). С другой стороны, и это важно, очевидно, что эти законы устанавливали образ действия, определяли и ограничивали компетенцию должностных лиц, короче говоря, происходил процесс институционализации (Huntington 1968: 8–12), когда полис формировал государство внутри и посредством самого себя. Это было не легкое или само собой разумеющееся развитие; оно было преднамеренным и должно было преодолевать противодействие. Часто оно сопровождалось конфликтами, как в Митилене, где Алкей со своими друзьями-аристократами противостоял – и не безуспешно – избранию

эсимнетом не менее аристократичного Питтака, или как в Мегаре, где, как оказалось, целая социально-политическая конструкция однажды временно разрушилась (Plut., Mor. IV, Quaest. Graec. 295C-D; 304E-F)

КОММЕНТАРИИ К ВЫСКАЗЫВАНИЯМ БЕРЕНТА

В мои намерения не входит детально отвечать здесь на аргументы Берента (это уже убедительно сделал Хансен в 2002 г.), я лишь ограничусь основными пунктами его подхода. Из первой части настоящей статьи ясно, что я не поддерживаю его в использовании ограниченного, гоббсовского определения государства при изучении греческого полиса. Но, по крайней мере, еще важнее его избирательное использование источников. Главным его основанием при рассмотрении государственности полиса является анализ Аристотеля. Таким образом, впрочем, он не замечает специфические намерения Аристотеля при описании полиса. В целом, Аристотеля в меньшей степени интересует общность внутренних властных отношений (хотя он подчеркивает необходимость их стабильности), чем этика как моральная основа человеческого общества. И лишь затем появляется вопрос, как этого достичь через практическую политическую деятельность. Это приводит к определенному акценту в исследовании Аристотеля, когда подчеркивается сущность полиса как сообщества граждан и важность согласия вместо использования принуждения. Берент пренебрегает эпиграфическими источниками, которые позволяют нам заглянуть на внутреннюю сторону функционирования полиса как политического целого и, по моему мнению, государства, показывая, какой аппарат управления они фактически имели. Этот материал источников, в частности, показывает, на что был способен полис как политический организм, чего он мог достичь. И данные аспекты, по моему мнению, должны быть ключевыми при ответе на вопрос, был ли полис государством или безгосударственным обществом.

Греки имели и использовали понятие *архэ*. Это означает власть, и, в первую очередь, власть над другими, но также и власть внутри полиса. Официальным самым высоким постом в Афинах был без преувеличения архонт, «правитель». Это может не быть решающим доказательством наличия государства, но очень близко подходит к этому. Кроме того, он существует не сам по себе. Впрочем, в аргументации Берента есть два элемента, которые требуют более детального ответа. Первый касается того, как полис вмешивался или не вмешивался в юридические процедуры и, в частности, в исполнение приговоров. Второй – это общество граждан как общество воинов.

В плане содержания и исполнения законов мы лучше и больше всего информированы о практике в Афинах, и таким образом, я возьму афинский случай в качестве отправной точки. Примечательно, что, по видимому, власть не вмешивалась в исполнение судебных приговоров и оставляла это за победившей стороной. Кроме того, не было системы

общественного обвинения, и обвинение было инициативой отдельных граждан. В этом отношении, впрочем, практически нет большой разницы между классическими городами-государствами и ранним современным государством! Но это не умаляет того факта, что в полисе были детально определены юридические институты и процедуры, которые использовались и, таким образом, через практику формировались далее (Hunter 1994: 185–189; Hall 1996). Кроме того, Берент исходит из современного или скорее модернистского взгляда на то, что есть закон и как следует управлять правосудием. Для греков обращение в суд было в большей степени способом затянуть конфликт между сторонами, чем способом разрешить его. Таким образом, поиск справедливости был серией связанных конфликтов. Совсем другое дело, когда происходило осквернение общества убийством со злым умыслом или непредумышленно, тогда полис имел санкции действовать. С обычными преступниками, если их ловили в процессе совершения преступления, имели дело и без промедления наказывали ответственные власти. Но «гражданские» процессы были *agoon*, «игрой». Тодд убедительно показал эту общественную сторону, «сферу» афинского закона (Todd 1993). У того, кто хотел обвинить кого-то, в распоряжении был выбор орудий правосудия, и он скорее выбирал тактику в дополнение к цели. В таком контексте, само собой разумеется, что исполнение приговора оставлялось выигравшей стороне. Но юридические процедуры были установлены законом, магистрат решал вопрос о законности оснований обвинения, а суды были институтами государства. Обвинение было оставлено отдельным гражданам (*ho boulomenos*) также в случае, если были затронуты общие интересы полиса. Власти как таковые не выдвигали обвинений. Но рассматривать это как свидетельство отсутствия государства – значит отрицать сущность греческого гражданства и специфический характер полиса как города-государства. Индивид действовал как гражданин, то есть он представлял общие интересы (Rubinstein 1998). Не специальный государственный орган, но отдельные граждане в совокупности были ответственны за поддержание законов. Из этого не следует, что такая система была менее эффективной – возможно, даже наоборот.

Наконец, проблема общества граждан как общества воинов. Нельзя отрицать, что быть воином, тяжело вооруженным гоплитом, и быть членом общества считалось важнейшим, если не основным элементом гражданства (Raaflaub 1997). Но способ формирования гражданской армии гоплитов значительно отличается своего рода самоорганизацией по сравнению со способом и обстоятельствами, при которых собирались военные отряды в племенных группах или сегментарных линиях (греческая система родства состояла не из объединенных линий, но из патрилинейных ядерных групп). Гоплитские фаланги были, в первую очередь, отражением и выражением порядка, то есть организованной дисциплины. Эта дисциплина появлялась не автома-

тически из внутреннего содержания, но она навязывалась извне, или сверху. Мы склонны забывать об этом, когда читаем описание Ксенофонтom легкости формирования такой боевой линии из 10 тыс. воинов (Anabasis I, vii, 15–18), не осознавая, что вместе с Ксенофонтом мы очутились в конце давно существовавшей традиции и в компании хорошо обученных и опытных наемников, профессиональных солдат.

Сущность битвы между греческими армиями гоплитов в том, что они происходили между массивными, тяжело вооруженными – с щитами, копьями и в доспехах – формированиями. Боевой строй был тесно сомкнут, и согласованность линии фронта имела решающее значение. Они сходились, атакуя в беге. Та линия, которая нарушалась, проигрывала. Вот такой был способ борьбы, требовавший, в первую очередь, дисциплины, а дисциплина предполагает принуждение. До этого, в архаичный период, военные отряды, вероятно, состояли из немногочисленных тяжело вооруженных элитных воинов, которые могли прикрывать друг друга щитами (Singor 1988: 300–302). Гоплитские фаланги появляются с полисом. Помимо круглого щита, который служил для защиты воина слева, обеспечивая ее со стороны воина справа, особым наступательным оружием гоплитов были длинные копья, которые использовались людьми против людей – щит против щита, шлем против шлема, как говорилось у Тиртея (фр. 11W, 29–34). В настоящей статье нет возможности для обсуждения, где, когда и почему появились гоплитские фаланги, но мне импонирует предположение Осборна, который говорит, что это дало возможность вооружать большое число граждан-воинов, потому что защита, даваемая коллективом, делала менее необходимым каждому отдельному воину иметь дорогое вооружение (Osborne 1996: 175–176). В любом случае, это создавало армии, внушавшие ужас. Их появление можно было сравнивать с созданием так же внушающих страх и разрушительных армий зулусского короля Чаки в XIX в., которые также основывались на замене метательного копья на короткое разящее копьё для боя на ближней дистанции и в боевом порядке (Otterbein 1967). Эффект был ошеломляющий, и эти армии сметали все на своем пути. Эти изменения в военной сфере были тесно связаны с одновременно протекавшим процессом формирования государства. В Древней Греции единственной эффективной защитой против фаланги гоплитов была, по-видимому, фаланга гоплитов, а без власти государства они не могли быть сформированы.

СТАСИС

Одной из наиболее специфических черт греческого полиса был *стасис* – явление, которое, по-видимому, было настолько свойственно полису, что даже кажется, что греки рассматривали его как институт полиса (van Effenterre 1985: 25, 266; см. в общем Gehrke 1985). *Стасис* – это конфликт между двумя частями полиса, разделенного, как правило, на

простых граждан (демос), с одной стороны, и элиту (почти то же, что и богатые) – с противоположной стороны. *Стасис* мог обостриться до такой степени, что выливался в открытую гражданскую войну, в которой победившая партия могла сослать противников (но они еще могли вернуться!), если все не заканчивалось резней. Последняя, экстремальная, форма известна из Пелопонесской войны в конце V в., когда впервые это случилось в Керкирах (Тисид, III, lxx-lxxxiv). В первые десятилетия IV века *стасис* был свойствен полисам на северо-востоке Пелопоннеса. Может показаться естественным интерпретировать *стасис* как своего рода расщепление политической системы и, таким образом, подтверждение отсутствия государства. Но это не так. *Стасис* был, безусловно и несомненно, борьбой за обладание властью в полисе. Это предполагает наличие государства. Олигархическая конституция имеет иные институциональные формы, чем демократическая, но в обеих конституциях полис остается одинаковым (ср. дискуссию по данной проблеме у Аристотеля, Pol. 1275b34-76b15, где трудности его подхода очевидны). Проблема конфликта между олигархами и демократами была в том, кто из граждан получит право управлять гражданами, короче говоря, борьба за власть в государстве. Наличие *стасиса* в подобной классической форме следует отличать от борьбы между группировками аристократов и их сторонников в древние периоды, что было частью процесса формирования полиса, – напротив, есть четкое указание, что рассматриваемый полис стал государством.

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Если греческие полисы были государствами, то и Римская республика, конечно, была государством. Размеры города Рима в конце царского периода (± 500 г. до н. э.), протяженность римской территории и экспансия Рима до тех пор, пока территория, где римляне прямо или косвенно доминировали, не стала включать всю Италию южнее равнины реки По, их правление и эксплуатация провинций за пределами Италии, начиная с 241 г. до н. э., сложность римского общества, его многоуровневая стратификация (формально на всадников и пять имущих классов, граждан и не-граждан, свободных и рабов) – все это указывает на то, что Рим был государством с самого начала Республики (см. последние авторитетные исследования раннего Рима Cornell 1995; Drummond 1989a, 1989b). Но это не самый важный аргумент. У римлян существовало понятие «государство», абстрактно выраженное в *Res publica*, *дело народа*, народа как коллектива, состоящего из отдельных *cives*, граждан, и отличающееся от концепта *Res privata*, «частные дела» (Meuser 1961: 251). У Римского государства не было письменной конституции – в отличие, вероятно, от большинства греческих полисов, но оно было строго привязано к традициями (*mos maiorum*), как будто последние были писаными законами. Традиции регулировали как магистраты, так и сенат, а с течением времени они были опре-

делены и дополнены настоящим и записанным законодательством. Таким образом, и способ назначения магистратов (посредством выборов народом), и законодательство регулировались и ограничивались. Эволюция Римского государства в первые века Республики характеризуется, с одной стороны, постепенной дифференциацией и увеличением числа магистратов, а с другой стороны, увеличивающимся законодательством, которое ограничивало их полномочия.

Высший магистрат, консул, имел неограниченную власть управления, империй (*imperium*), но только «*militae*», то есть командир граждан как воинов, и только за пределами помериума – священной границы, которая отделяла город от остального мира. Кроме того, все действия консула могли быть аннулированы равным ему консулом (*collega*). Внутри помериума (*domi*) действия консула были подчинены потестас (*potestas*), и в них мог вмешаться (и таким образом отменить) народный трибун. И империй магистрата, и потестас народного трибуна предполагали легитимную монополию на использование силы со стороны государства. Они обладали правом *coercitio* (применения силы), «правом и обязанностью устанавливать общественный порядок» (Lintott 1999: 97). Власть Римского магистрата была символически выражена в его регалиях: отороченной тоге, кресле (*sella curulis*) и в особенности ликторами, которые сопровождали его, неся его таблички, жезлы и секиры, обозначавшие его власть отдавать приказания, наказывать и приводить в исполнение приказы (Lintott 1999: 96). Народный трибун не имел подобных знаков и инструментов власти (которая была иного рода, чем империй магистрата), но это не означало, что у него было меньше фактической власти. Их неприкосновенность (*sacrosanctus*) защищала их от любого действия магистрата. По сравнению с положением должностных лиц в греческом полисе в Риме поражает открытая неприкосновенность и священная легитимность политической власти. Это подразумевает, что все действия должны были соответствовать и ограничиваться строгими ритуальными правилами. Кроме того, истоки римского закона необходимо искать в сфере, разделяющей *sacra* (священное) и *publica* (общественное) (Thomas 2002: 1440–1447). В историографической традиции по внутренней истории первых веков Римской республики доминирует повествование о «борьбе социальных групп», когда плебс (то есть граждане-непатриции), шаг за шагом требовал исключительных прерогатив – политических, юридических и ритуальных, – как у патрициев. Патриции, вероятно, своего рода аристократия по рождению (Cornell 1995: 249–258; Drummond 1989a: 167–171), сталкиваясь с римским плебсом, конечно, старались стать эндогамной группой, подтверждали их особые прерогативы своей сакральностью, без которой магистраты и священные функции не могли осуществляться (Livy VI, xli, 4–11; ср. Stewart 1998). Мы встречаемся с подобной стратификацией элиты и простых людей также в (сложных) вождествах и ранних государствах.

Очевидно, впрочем, что продуманная и могущественная политическая система раннего Рима была больше, чем таковая в вожестве.

Самостоятельность отдельных аристократов, даже если они не были магистратами, действовать и вмешиваться по своей собственной инициативе и полномочиям от имени общественного интереса могли бы быть аргументом против характеристики Римской республики как государства. Так, «клан» Клавдия (род Клавдия), который в период ранней республики целиком (патроны и клиенты, всего 5000 человек) обосновался среди римлян и стал их частью, оказывается, долгое время имел своего рода «особое положение» (*status aparte*) (Liv. II, 16, особ. 4–6; Dion. Halic., *Rom. Antiq.* V, 40, 2–5). Наиболее ярким примером в истории ранней республики является «личная война», которую вел род Фабия, все его члены и клиенты, от лица римлян против этрусского города Вейи, в которой все они, кроме одного, погибли (Livy II, 48,8–50,11). Даже в конце истории Римской республики сенатор (и экс-консул) Сципиус Насика по своей собственной инициативе вмешался в события, чтобы прекратить беспорядки и споры, окружавшие переизбрание Тиберия Гракха народным трибуном (Plut., *Ti. Gracch.* xix, 2–4; App., *V. Civ.* I, ii, 16). Еще позднее император Август также хвастался, что, будучи молодым, он вмешался в дела государства как «частное лицо» (*privatus*), собрав собственную армию (*Res Gestae* I, 1). Можно привести еще подобные примеры. Римский гражданин, в особенности гражданин Рима высокого ранга, действительно имел право насильственного вмешательства, если он считал это необходимым в интересах Римского государства. Но можно ли использовать это как аргумент против государственности или наличия государства в Римской республике? Это другой вопрос. Одним из основных понятий как римского общества и римской политики, так и применения власти и силы является «фидес» (*fides*). Фидес – это гораздо больше, чем предполагает английский перевод «честность». Каждый римский магистрат действовал «*ut ei e re publica fideque sua videtur*»: «wie es ihm den Staatsinteresse und seine eine Achtung zu entsprechen scheine» (в государственных интересах, как в своих собственных) (Meyer 1961: 257). Основой «фидес» является взаимное доверие. Оно может выражать отношения граждан между собой и, таким образом, быть обоюдным, но чаще характеризует отношение неравноправия и зависимости. «*Se in fidem populi Romani dedere*» – так говорится о тех, кто сдается римлянам без всяких условий. Это предполагает серьезные обязанности со стороны зависимых. В случае магистрата его «фидес» определяет его положение по отношению к *Res publica* и ее гражданам, которое, таким образом, является обязывающим. Вытекающая из «фидес» обязанность предлагать защиту и помощь тем, кто находится в подчинении, не является необременительной для занимающих более высокое положение. Без этого невозможно правильно понять римскую политику. Исполнение обязанностей в интересах «фидес», таким образом, не имеет ничего общего с наличием или отсутствием государства.

С другой стороны, вмешательство частных лиц (*privatus*) в общественные интересы законно, только когда оно санкционировано, иногда задним числом, властью сената. Без такой санкции частное лицо могло объявить врагом общества. 300 сенаторов назначались на основе рождения и должности. Однако здесь нет возможности детально описывать, как избирались и назначались сенаторы, и как эта процедура со временем изменилась. Основной принцип в том, что каждый, кто имел магистратуру, автоматически получал право быть сенатором. Обозначение сенаторов вместе взятых как «*patres conscripti*», по видимому, означает, что изначально основная их часть, или даже они все, были сенаторами по праву наследования, как патроны (отцы) патрицианских родов (Liv. II, 1,11; Festus 3044L; Cornell 1995: 247; Drummond 1989b: 181). Выражение, известное в поздней республике, что в отсутствие консула в государстве – когда оба умерли, например, – «управление возвращается к патронам» (Cic., ad Brut. I, 5–4), может означать, что власть над государством тогда в конечном счете принадлежала сенаторам. Однако неясно, является ли такая интерпретация правильной. В конституции Римской республики, какой мы ее знаем, сенат не имел власти, а лишь *avtocritas* (авторитет, влияние). Авторитет сената много значил и обычно был решающим. Он распространялся на всю общественную сферу. В конечном счете именно сенат решал, какие особые задачи (*provincia*) будут у каждого магистрата, обладающего империем, в год его пребывания на должности. Среди исключительных прерогатив сената было вести дела с иностранными властями и контролировать государственные финансы. Сенат мог спорить, но представлял свое мнение как единогласное. Предполагалось, что мнение сената выражало интересы государства. Это объясняет, почему римскому аристократу разрешалось действовать как «частному лицу (*privatus*)» от имени государства, если имелась санкция сената, выданная иногда позднее.

Римские магистраты имели в своем распоряжении аппарат «пре-торов» (Mommsen 1887: 320–371, особ. 332–355; Meyer 1961: 144). Они были слугами государства и оплачивались из казны. Этот административный аппарат есть начало административного бюрократического аппарата, который со временем увеличился. К сожалению, наши источники не интересовались деятельностью и развитием такого низкословного института, и, таким образом, мы остаемся в неведении о многих связанных с ним вещах. Но это не означает, что в политической системе Римской республики отсутствовало то, что мы могли бы назвать своего рода бюрократией. Как в случае классической Греции, односторонность и неадекватность наших источников в этом отношении есть большое препятствие для наших знаний о развитии государства. Мы знаем, что существовал чиновничий корпус, но как он был организован и работал, как набирались люди на должности и как обучались – все это ускользает от нас. Однако аргумент *e silentio* не может

быть аргументом против государственности классических политических систем. Рим эпохи республики был государством гражданской общины (citizens-state), хотя эта его сущность менее выражена по сравнению с греческими полисами вследствие размеров и гораздо большей иерархии римского общества. В Риме государство было гораздо более ясно выражено, и власть государства более отчетлива, чем в греческих полисах.

RES PUBLICA, ПОЛИС И РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО

Некоторое время назад я утверждал, что римскую политическую систему эпохи Регулов можно квалифицировать как раннее государство, в соответствии с определением Классена и Скальника (van der Vliet 1990). С этой точки зрения конец царского периода предполагает упадок этого раннего государства и временное исчезновение государства из римского общества. Мы, бесспорно, очень мало знаем о римском царском периоде, и сейчас я буду говорить, скорее, о временном вакууме власти, чем о крушении государства. Я также не совсем уверен, является ли определение Рима в период правления последних трех царей как раннего государства абсолютно убедительным, но все же я думаю, что римская политическая система того периода наиболее близко подходит этому концепту, в той же степени, что и тирании в греческих полисах. В целом, греческий полис дальше от раннего государства, чем Римская республика, где иерархичность и централизация политической системы выражены более отчетливо.

Различия политической системы греческого полиса и раннего государства системны. Здесь мы имеем дело с противоположностями или альтернативами политической эволюции и формирования государства. Раннее государство (Claessen 1978) централизованно и иерархично, даже если правит монарх, а политическая система полиса имеет горизонтальную структуру. Его центр не над, но среди граждан. Трехуровневая иерархия поселений, которую можно считать типичной для раннего государства, не характерна для мира полиса, где иерархии поселений по большей части двухуровневые. Рамки политической системы раннего государства и, в частности, зачаточного раннего государства формируются из цепочки общих родственных отношений, основанных на линиджах или даже рэмиджах; система родства архаической и классической Греции не предоставляет такой основы для политической структуры, будучи, скорее, фрагментарной и ядерной, чем иерархичной. Экономика раннего государства характеризуется системой редистрибуции, в экономике полиса редистрибуция имеет только второстепенную роль, здесь доминирует взаимный обмен, который перерос в рыночный обмен как внутри, так и на границах полиса (Tandy 1997; von Reden 1995). В раннем государстве неравноправные отношения между правителями и управляемыми узаконены идеологией взаимодействия (реципрокции), но материально это взаимодействие несимметрично. В греческом полисе мы сталкиваемся с

идеей политического равенства граждан и институтов, что узаконено, в целом, принимаемыми совместными ценностями. В общих чертах политическая система полиса может быть охарактеризована как гетерархичная вместо централизованной иерархичной или, скорее, последовательной, чем одновременной иерархией (Johnson 1982). Формирование полиса и формирование государства внутри полиса являются результатами корпоративных стратегий (Feinman 1995; Blanton 1998; ср. Detienne 2000), а не цепи стратегий, которые, по-видимому, приводят к формированию вожества и ранних государств (ср. van der Vliet 2000 и в печати).

Здесь заключается интересный парадокс. С одной стороны, оказывается, что чем более государство демократично, тем меньше оно способно укреплять свою власть, потому что оно сильно зависит от согласия и сотрудничества своих граждан, которые хотят быть не принуждены, но убеждены. Платон жаловался, что афинская демократия не исполняла наказания, которые выносил ее суд (Plato, *Politeia* 557E-558A). Но, с другой стороны, это также и сильная сторона гражданского государства. Сильная рука власти не простиралась дальше, чем она есть. Когда нет консенсуса, правители встречаются с пассивностью или даже оппозицией, и сотрудничество необходимо силой насаждать среди людей, которые не хотят этого. Там, где решения и нормы базируются на широком консенсусе, эффективность мер больше, даже если процесс достижения согласия был долгим и мучительным. Сотрудничество в таких случаях опирается на общепринятые социальные ценности. Как уже отмечалось, принуждение нуждается в легитимности, но оно может быть и следствием законности. Это не делает политическую силу гражданского государства античности и его государственность менее реальной. Характеристикой того, что Холкескамп (Holkeskamp) называет «*Stadtstaatlichkeit*» (город-государство – букв. «город-государственность»), является специфическая нормативная система, устанавливающая правила, процедуры и институты. Их сила и, в частности, степень государственности, таким образом, вытекает из того, что Холкескамп (Holkeskamp 2004: 68) обозначает как «*Habitualisierung*», санкция посредством и в процессе функционирования. Однако необходимы хотя бы минимальные централизации, иерархии и формализации, связанные с определенной территорией (Holkeskamp 2004: 67). Впрочем, именно в этот момент, по моему мнению, – с позволения Холкескампа – веберовский критерий легитимной монополии на принуждение имеет более решающее значение. Но, как я говорил, власть, как и легитимность, проявляется тем или иным образом.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ КОММЕНТАРИИ

Государство – это больше, чем его институты. В большей степени оно существует в том, что должностные лица обладают легитимной монополией на принуждение как орудием институционализированной

должности. Институты должны согласовываться, дополнять и поддерживать друг друга. Здесь не требуется наличие этического концепта государства в той или иной форме. В гражданских государствах античной Греции государство заключено в гражданстве и выражается идеологией гражданства, должностями, занимаемыми гражданами, и их участием в принятии решений на разных уровнях (см. недавние обсуждения у Дождева [Dozhdev 2004] – по Риму, и Гринина [Grinin 2004] – в целом и в частности по греческому полису). Гражданство формирует государство, так же, как участие в государстве определяет гражданина. Это двусторонний процесс. Типичная горизонтальная структура этих государств, являющаяся результатом динамики и взаимодействия на разных социальных уровнях. Способ построения власти формируется с сильным акцентом на политическом равноправии и участии и, таким образом, серьезно отклоняется от того пути, по которому строилось раннее государство. Но это, впрочем, не означает, что они были слабее или относительно безгосударственными. Как раз наоборот. Кроме того, мы не должны забывать, что гражданство было привилегией многих, но все-таки привилегией строго ограниченной части населения. Система институтов классических гражданских государств обеспечивала их способами стать могущественными, также и для внешнего мира. Их типичные политические структуры тем не менее скрывают многие инструменты, посредством которых эта власть управлялась и могла быть управляемой. Целью данной статьи было подчеркнуть эти аспекты.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Впервые опубликовано в журнале *Social Evolution & History*, сентябрь 2005, т. 4, № 2, с. 120–150 на английском языке под названием «Polis. The Problem of Statehood». Перевод выполнен по указанному изданию.

¹ Ср. Vincent 1987: Государство – это комплекс идей и ценностей, некоторые из которых выражаются в реальных институтах.

² Но Винсент также говорит о государствах, начиная только с XVI века.

³ Krader 1968: vii: «Это не единственный политический институт, так как есть другие способы управления обществом, кроме средств государства».

⁴ Характеристику греческих полисов как городов-государств см. в: Runciman 1990: 348; Hansen 1993b, 2000; Morris 1991: 26 и 48; о городах-государствах см.: Burke 1986.

⁵ Так, одно и то же государство может быть сильным в одном аспекте и слабым в другом, в зависимости от его истории и традиций.

ЛИТЕРАТУРА

Abélès, M. 1996. State. In Barnard, A., and Spencer, J. (eds.), *Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology* (pp. 527–530). London and New York: Routledge.

Berent, M. 1996. Hobbes and the 'Greek Tongues'. *History of Political Thought* 17: 36–59.

2000a. Anthropology and the Classics: War, Violence and the Stateless Polis. *Classical Quarterly*, N.S. 50: 257–289.

2000b. The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Community. In Kradin, N. N., et al. (eds.), *Alternatives of Social Evolution* (pp. 225–240). Vladivostok: FEB RAS.

2004. Greece: The Stateless Polis (11th–4th Centuries B.C.). In Grinin et al. 2004: 364–387.

Blanton, R. E. 1998. Beyond Centralization. Steps Toward a Theory of Egalitarian Behavior in Archaic States. In Feinman and Marcus 1998: 135–172.

Brock, R., and Hodkinson, S. (eds.) 2000. *Alternatives to Athens. Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford: Oxford University Press.

Burke, P. 1986. City-States. In Hall, J. A. (ed.), *States in History* (pp. 137–153). Oxford: Blackwell.

Claessen, H. J. M. 1978. The Early State: A Structural Approach. In Claessen and Skalnik 1978: 533–596.

Claessen, H. J. M., and Skalnik, P. (eds.) 1978. *The Early State*. The Hague: Mouton.

Cornell, T. J. 1995. *The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 B.C.)*. London and New York: Routledge.

Crumley, C. L. 1995. Building a Historical Ecology of Gaulish Polities. In Arnold, B., and Gibson, D. B. (eds.), *Celtic Chieftdom, Celtic State. The Evolution of Complex Social Systems in Prehistoric Europe* (pp. 26–33). Cambridge: Cambridge University Press.

Détienne, M. 2000. From Practices of Assembly to the Forms of Politics: A Comparative Approach. *Arion* III, 7 (3): 1–19.

Dozhdev, D. V. 2004. Rome: Socio-political Evolution in the 8th–2nd Centuries B.C. In Grinin et al. 2004: 388–418.

Drummond, A. 1989a. Rome in the Fifth Century I: the Social and Economic Framework. In *The Cambridge Ancient History VIII*, 2 (pp. 113–171). 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

1989b. Rome in the Fifth Century II: the Citizen Community. In *The Cambridge Ancient History VIII*, 2 (pp. 172–242). 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

Easton, D. 1971. *The Political System. An Inquiry into the State of Political Science*. 2nd ed. New York: Knopf.

van Effenterre, H. 1985. *La cité grecque. Dès origines à la défaite de Marathon*. Paris: Hachette.

van Effenterre, H., and Ruzé, F. 1994–1995. *Recueil d'inscriptions politiques et juridiques de l'archaïsme grecque*. 2 vols. Rome: Ecole française de Rome.

Ehrenberg, V. 1965. An Early Source of Polis Constitution. In Idem, *Polis und Imperium. Beiträge zur Alten Geschichte* (pp. 98–104). Zürich and Stuttgart: Artemis.

d'Entrèves, A. P. 1969. *The Notion of the State. An Introduction to Political Theory*. Reprinted with corrections. Oxford: Clarendon.

Feinman, G. M. 1995. The Emergence of Inequality. A Focus on Strategies and Processes. In Price, T. D., and Feinman, G. M. (eds.), *Foundations of Social Inequality* (pp. 255–279). New York and London: Plenum Press.

Feinman, G. M., and Marcus, J. (eds.) 1998. *Archaic States*. Santa Fe, N. M.: School of American Research Press.

Francis, E. D. 1990. *Image and Idea in Fifth-Century Greece. Art and Literature after the Persian Wars*. London and New York: Routledge.

Fried, M. H. 1967. *The Evolution of Political Society: an Essay in Political Anthropology*. New York: Random House.

1968. State. The Institution. *International Encyclopedia of the Social Sciences* XV: 143–150.

Friedrich, C. J. 1963. *Man and his Government: an Empirical Theory of Politics*. New York etc.: MacGraw-Hill.

1970. *Politik als Prozeß der Gemeinschaftsbildung: eine empirische Theorie*. Köln etc: Westdeutscher Verlag.

Gabrielsen, V. 1994. *Financing the Athenian Fleet. Public Taxation and Social Relations*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press.

Gehrke, H.-J. 1985. *Stasis: Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr.* München: Beck.

Glotz, G. 1958. *La cité grecque*. Paris: Albin Michel.

Grinin, L. E. 2004. Early State and Democracy. In Grinin *et al.* 2004: 419–463.

Grinin, L. E., Carneiro, R. L., Bondarenko, D. M., Kradin, N. N., and Korotayev, A. V. (eds.) 2004. *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel.

Hall, M. D. 1996. Even Dogs have Erinyes: Sanctions in Athenian Practice and Thinking. In Foxhall, L., and Lewis, D. E. (eds.), *Greek Law in its Political Settings* (pp. 73–89). Oxford: Clarendon.

Hansen, M. H. 1991. *The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes. Structures, Principles and Ideology*. Oxford and Cambridge, Mass: Blackwell.

1993. The *Polis* as a Citizen-State. In Idem (ed.), *The Ancient Greek City-State* (pp. 7–29). Copenhagen: Det Kongelige Danske Videnska-bernes Selskab.

2000. The Hellenic *Polis*. In Idem (ed.), *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures* (pp. 141–187). Copenhagen: C. A. Reitzels Forlag.

2002. Was the *Polis* a State or a Stateless Society? In Nielsen, T. H. (ed.), *Even More Studies in the Ancient Greek Polis*. Papers from the Copenhagen Polis Centre 6 (pp. 17–47). Stuttgart: Steiner.

Hoebel, E. A. 1954. *The Law of Primitive Man: a Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Hölkeskamp, K. J. 1992. Written Laws in Archaic Greece. *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 38: 87–117.

1999. *Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaische Griechenland*. Stuttgart: Steiner.

2004. *Rekonstruktionen einer Republik*. München: Oldenbourg.

Hunter, V. J. 1994. *Policing Athens. Social Control and the Attic Lawsuits, 420–323 B.C.* Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Huntington, S. P. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.

Jackman, R. W. 1993. *Power without Force: the Political Capacity of Nation-States*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Johnson, A. W., and Earle, T. 1987. *The Evolution of Human Societies: from Foraging Groups to Agrarian State*. Stanford: Stanford University Press.

- Johnson, G. A.** 1982. Organisational Structure and Scalar Stress. In Renfrew, C., Rowlands, M. J., and Seagraves, B. A. (eds.), *Theory and Explanation in Archaeology. The Southampton Conference* (pp. 389–421). New York and London: Academic Press.
- Kantorowicz, E. H.** 1957. *The King's Two Bodies: a Study in Mediaeval Political Theology*. Princeton NJ: Princeton University Press.
- Koerner, R.** 1993. *Inschriftliche Gesetzestexte der frühen griechischen Polis*. Köln: Böhlau.
- Krader, L.** 1968. *Formation of the State*. Englewood Cliff, N.J.: Prentice Hall.
- Lewellen, T. C.** 1983. *Political Anthropology: an Introduction*. South Hadley: Bergin & Garvey.
- Link, S.** 1994. *Der Kosmos Sparta. Recht und Sitte in klassischer Zeit*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Lintott, A.** 1999. *The Constitution of the Roman Republic*. Oxford: Clarendon Press.
- Marcus, J., and Feinman, G. M.** 1998. Introduction. In Feinman and Marcus 1998: 3–13.
- Meier, M.** 1998. *Aristokraten und Damoden. Untersuchungen zur inneren Entwicklung Spartas im 7. Jahrhundert v. Chr. und zur politischen Funktion der Dichtung des Tyrtaios*. Stuttgart: Steiner.
- Meiggs, R.** 1972. *The Athenian Empire*. Oxford: Clarendon.
- Meiggs, R., and Lewis, D. (eds.)** 1988. *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.* Revised ed. Oxford etc.: Clarendon Press.
- Meyer, E.** 1961. *Römischer Staat und Staatsgedanke*. 2nd ed. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Mommsen, T.** 1887. *Römisches Staatsrecht I*. 3rd ed. Leipzig: Hirzel.
- Morris, I.** 1991. The Early Polis as City and State. In Rich, J., and Wallace-Hadrill, A. (eds.), *City and Country in the Ancient World* (pp. 24–57). London and New York: Routledge.
- Osborne, R.** 1996. *Greece in the Making 1200–479 B.C.* London and New York: Routledge.
1997. Law and Laws. How Do We Join the Dots? In Mitchell, L. G., and Rhodes, P. J. (eds.), *The Development of the Polis in Archaic Greece* (pp. 74–82). London and New York: Routledge.
- Otterbein, K. F.** 1967. The Evolution of Zulu Warfare. In Bohannan, P. (ed.), *Law and Warfare. Studies in the Anthropology of Conflict* (pp. 345–357). Garden City, N.J.: The Natural History Press.
- Poggi, G.** 1990. *The State. Its Nature, Development and Prospects*. Cambridge: Polity Press.
- Popitz, H.** 1986. *Phänomene der Macht: Autorität, Herrschaft, Gewalt, Technik*. Tübingen: Mohr.
- Raaflaub, K. A.** 1997. Soldiers, Citizens and the Evolution of the Early Greek Polis. In Mitchell, L. G., and Rhodes, P. J. (eds.), *The Development of the Polis in Archaic Greece* (pp. 49–59). London and New York: Routledge.
- von Reden, S.** 1995. *Exchange in Ancient Greece*. London: Duckworth.
- Rhodes, P. J., and Lewis, D. M.** 1997. *The Decrees of the Greek States*. Oxford: Clarendon Press.
- Rhodes, P. J., and Osborne, R. (eds.)** 2003. *Greek Historical Inscriptions 404–323 B.C.* Oxford: Oxford University Press.

- Rubinstein, L.** 1998. The Athenian Political Perception of the *Idiotes*. In Cartledge, P., Millett, P., and von Reden, S. (eds.), *Kosmos. Essays in Order, Conflict and Community in Classical Athens*. (pp. 125–143). Cambridge: Cambridge University Press.
- Runciman, W. G.** 1990. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-End. In Murray, O., and Price, S. (eds.), *The Greek City. From Homer to Alexander* (pp. 347–367). Oxford: Clarendon Press.
- Service, E. R.** 1975. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. New York: Norton.
- Sickinger, J. P.** 1999. *Public Records and Archives in Classical Athens*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Singor, H. W.** 1988. *Oorsprong en betekenis van de hoplietenfalanx in het archaische Griekenland*. Thesis Leiden.
- Stewart, R.** 1998. *Public Office in Early Rome. Ritual Procedures and Political Practice*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Tandy, D. W.** 1997. *Warriors into Traders. The Rise of the Market in Early Greece*. Berkeley–Los Angeles–London: University of California Press.
- Thomas, Y.** 2002. La valeur des choses. Le droit romain hors de la religion. *Annales HSS* 57: 1431–1462.
- Tilly, C.** 1975. Reflections on the History of European State-making. In Idem (ed.), *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Titus, C. H.** 1931. A Nomenclature in Political Sciences. *American Political Science Review* 25: 45–60.
- Todd, S. C.** 1993. *The Shape of Athenian Law*. Oxford: Clarendon.
- Van Creveld, M.** 1999. *The Rise and Decline of the State*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Vincent, A.** 1987. *Theories of the State*. London: Blackwell.
- van der Vliet, E. Ch. L.** 1990. Early Rome and the Early State. In Eder, W. (ed.), *Staat und Staatlichkeit in der frühen römische Republik* (pp. 233–257). Stuttgart: Steiner.
2000. Models of Political Evolution and the Formation of the Polis. *Pharos. Journal of the Netherlands Institute in Athens* 8: 129–148.
2003. Justice and Written Laws in the Formation of the Polis. In Feldbrugge, F. J. M. (ed.), *The Law's Beginnings* (pp. 23–43). Leiden-Boston: Martinus Nijhoff.
- forthcoming. The Early Greek Polis: Regime Building, and the Emergence of the State.
- Weber, M.** 1972. *Wirtschaft und Gesellschaft*. 5th revised ed. Studienausgabe, Tübingen: Mohr.

Часть V

**Кочевые
альтернативы
и аналоги**

- Т. Дж. Барфилд
Мир кочевников-скотоводов
 - Т. Д. Холл
Монголы в мир-системной истории
 - Nikolay N. Kradin
Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе
 - Н. Н. Крадин
Кочевники, мир-империи и социальная эволюция
- Т. Д. Скрынникова
Монгольское кочевое общество периода империи

Т. Дж. Барфилд

Бостонский университет

НОМАДНЫЙ ПАСТОРАЛИЗМ ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Пасторальный нomaдизм был преобладающим образом жизни в степях Внутренней Азии на протяжении большей части ее известной истории. Хотя часто очерняемая внешними наблюдателями как примитивная, в действительности это была усложненная экономическая специализация по использованию степных ресурсов. Тем не менее этот образ жизни был настолько чуждым для окружающих оседлых цивилизаций, что непонимание и неверное истолкование были неизбежны. История нomaдов и их связи с окружающими регионами основывались на том, что сами нomaды принимали без доказательств: их циклы движения, требования животноводства, экономические ограничения и основная политическая организация.

Пасторальный нomaдизм представляет обычно используемый термин для формы подвижного животноводства, при которой семьи мигрируют со своими животными с одного сезонного пастбища на другое в годовом цикле. Наиболее характерное культурное свойство этого экономического приспособления состоит в том, что нomaдные пасторальные общества приспосабливаются к требованиям подвижности и потребностям своего скота. Следует, однако, отметить, что нomaдизм, пасторализм и культура аналитически раздельны. Существуют пастухи, которые не являются кочевниками (такие, как современные фермеры-животноводы), и нomaды, которые не пасут скот (например охотники). Существуют также сообщества, в которых подвижные формы пасторализма представляют единственную экономическую специализацию, в которой отдельные пастухи или ковбои нанимаются, чтобы смотреть за животными (как случилось в Западной Европе или Австралии с разведением овец и в Америке с разведением крупного рогатого скота). Когда скотоводство является профессиональной особенностью, твердо внедренной в окружающую оседлую культуру, отдельное общество пастухов никогда не существует.

Пасторализм Внутренней Азии традиционно зависел от использования обширных, но сезонных пастбищ в степях и горах. Поскольку

Барфилд Т. Дж. / Мир кочевников-скотоводов, с. 415–441

люди не могли переваривать траву, разведение скота, который мог это делать, было эффективным способом эксплуатации энергии степной экосистемы. Стада состояли из ряда травоядных животных, в том числе овец, коз, лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов и иногда яков. Не существовало специализации по разведению отдельных видов, которая развивалась среди бедуинов Ближнего Востока, разводивших верблюдов, и пастухов северных оленей в Сибири. Идеальным для Внутренней Азии было наличие всех видов животных, необходимых для обеспечения продовольствия и перевозок, так что семья или племя могли достичь самообеспечения при пасторальном производстве. Фактическое распределение животных в стаде отражало и экологические переменные, и культурные предпочтения, но их состав был, в основном, подобен, независимо от того, открытую степь или горные пастбища использовали Nomads. Изменения состава стада были особенно частными среди пасторалистов, которые эксплуатировали более маргинальные районы, где, например, козы выживали лучше, чем овцы, либо где засушливость способствовала разведению верблюдов, а не разведению лошадей.

Овцы были, несомненно, самыми важными с точки зрения питания животными и опорой пасторализма Внутренней Азии. Они давали молоко и мясо для питания, шерсть и шкуры для одежды и жилищ и навоз, который можно было высушить и использовать в качестве топлива. Овцы быстро воспроизводились, и рацион их питания был самым изменчивым в степи. На Монгольском плато их насчитывалось от 50 до 60 % всех разводимых животных, хотя их численность уменьшалась в тех частях Монголии, где пастбища были бедны травами, таких, как засушливые пустыни, на больших высотах или на границах с лесами. Процент овец достигал своего максимума в стадах тех племен Nomads, которые разводили овец для торговли мерлушками или продавали животных на мясо на городских рынках. Например, при одних и тех же экологических условиях в Кульде (19 век) (долина Или) овцы составляли 76 % стад у тюркских казахов, которые занимались торговлей мерлушками, по сравнению с 45 % в стадах монгольских калмыков, более ориентированных на продукты питания (Grader 1955: 313).

Хотя овцы были более важны экономически, разводили еще и лошадей – предмет гордости у степных Nomads. С самого начала традиционный Nomadism Внутренней Азии определялся важностью верховой езды. Лошади были жизненно необходимы для успеха Nomadic сообществ во Внутренней Азии, поскольку они обеспечивали быстрое передвижение на огромные расстояния, допуская связь и кооперирование среди народов и племен, которые, по необходимости, были сильно рассеяны. Степные лошади были малы и крепки, содержались на открытом воздухе всю зиму, обычно без фуража. Их использовали как второстепенный источник мяса, а кислое кобылье молоко (кумыс) был любимым напитком жителей степи. Лошади играли особенно

видную роль в военных подвигах номадов, придавая небольшим отрядам подвижность и силу в битвах, которые позволяли наносить поражения намного превосходящим силам противника. Эти животные воспевались в устных сказаниях Внутренней Азии, а принесение лошадей в жертву было важным ритуалом в традиционных религиях степняков. Человек на спине лошади стал истинным символом степного номадизма и как метафора силы вошел в культуры соседних оседлых обществ. Однако, в то время как некоторые антропологи определяли их как культуры, связанные с лошадьми, разведение лошадей никогда не было исключительным занятием какого-либо степного племени, несмотря на культурную и военную важность животных. Хотя не существовало великих эпических поэм, посвященных овцам, мелкий скот был основой степной экономики, причем разведение лошадей было важным дополнением к этой более необходимой задаче (Vascon 1954; Eberhardt 1970).

Крупные животные типа лошадей и крупного рогатого скота требовали более влажных регионов для процветания. По этой причине их численность была выше в тех частях степи, где были реки и ручьи и хорошие пастбища. Их также следовало пасти отдельно от мелкого скота из-за разных привычек добывания пищи. Овцы и козы объедают траву слишком низко, и крупный скот не мог пасть после них. Поэтому для крупного скота должны резервироваться специальные пастбища; либо они должны пасть перед овцами и козами, если используется одна и та же область. В засушливых регионах, где лошадей и крупный рогатый скот разводить труднее всего, сильно возрастает поголовье верблюдов. Верблюды во Внутренней Азии обычно двугорбые, известные как бактрианы. В отличие от своих ближневосточных сородичей, верблюды бактрианы имели толстый волосяной покров, который позволял им переживать холодные зимы. Они были оплотом сухопутных караванных путей более 2000 лет, а их шерсть все еще остается высокоценным сырьем для производства тканей. Яки во Внутренней Азии относительно редки и обнаруживаются, главным образом, у Тибетской границы. Они хороши только на больших высотах, но их можно скрещивать с коровой, чтобы получить гибрид (дзо в Тибете, хайнак в Монголии), который обладает большей терпимостью к более низким высотам, более послушен и дает больше молока.

Кочевая жизнь основывается на способности людей перемещаться со своими животными в процессе сезонной миграции. Кров и предметы домашнего обихода должны быть разборными и портативными. В этом отношении нет ничего более поразительного, чем юрта, используемая во всех евро-азиатских степях. Она состоит из набора складных деревянных решетчатых каркасов, которые устанавливаются в круг вокруг деревянной коробки. Изогнутые или прямые деревянные палки связываются на верху решетчатого каркаса и прикрепляются к круг-

лону деревянному венцу, образуя полусферический или конический купол, в зависимости от угла, под которым изогнуты палки. Получаемый таким образом каркас мало весит, но тем не менее исключительно прочен, и его нелегко сдуть ветру. Зимой юрта покрывается толстыми матами из войлока, которые хорошо защищают от сильных морозов. Летом боковые войлочные маты снимаются и заменяются тростниковыми матами, которые позволяют воздуху циркулировать. В древние времена юрты сооружались на больших повозках и перемещались готовыми, но к средним векам эта практика стала относительно редкой. Однако использование колесных повозок для перевозки предметов, которые тянут волы или лошади, всегда было характерным для кочевой жизни во Внутренней Азии, тогда как номады Ближнего Востока не использовали колесных повозок (Andrews 1973; Bulliet 1975).

В большинстве пасторальных обществ пастбища были в общем владении обширных родственных групп, тогда как животные – в личной собственности. Номадные миграции на эти пастбища были не случайными, но в пределах определенного диапазона пастбищ, к которым группа имела доступ. Там, где пастбище было надежным, номады стремились иметь только несколько фиксированных стоянок, на которые они возвращались каждый год. Если были доступны только маргинальные пастбища, то миграционный цикл обнаруживал и более частое перемещение, и большее изменение мест расположения стоянок. В отсутствие внешней власти диапазон пастбищ определялся также силой родовой группы. Самые сильные племена и кланы предъявляли права на лучшие пастбища в лучшее время года, более слабые группы могли использовать их только после того, как сильные группы уходили дальше. Для номадов время и пространство были связанными элементами: их заботило право использовать пастбище в определенное время или сохранять право собственности на фиксированные предприятия, подобные колодцам; исключительное право собственности на землю само по себе имело малое собственное значение (Barth 1960).

Миграционный цикл пасторалистов Внутренней Азии состоял из четырех сезонных компонент, каждая из которых имела собственные характеристики. Континентальный климат региона характеризуется температурными экстремумами; а зима является самым неприятным временем года. Расположение мест зимних лагерей было, таким образом, важным для выживания, поскольку они должны были обеспечивать и укрытие от ветра, и необходимые пастбища. Будучи однажды выбранными, зимние лагеря имеют тенденцию оставаться неизменными в течение сезона. Благоприятными стоянками могут быть низколежащие горные долины, поймы рек и низины в степи. Утепление юрты войлоком и гладкая круглая форма обеспечивали достаточную защиту от сильных ветров даже при чрезвычайно низких температурах. Поскольку использование заготовленного фуража было редким или вообще отсутствовало, наличие зимнего пастбища устанавливает предел

на общее количество животных, которые могли быть разведены. Не защищенные от ветра области, свободные от снега, были предпочтительны, но если почва имела снежный покров, лошади должны быть освобождены, чтобы разбивать копытами ледяную корку и открывать пастбище под ней. Область могла затем использоваться другими животными, которые не могли пастись через снег. Зимние пастбища обеспечивали лишь минимум средств пропитания, и под открытым небом скот значительно терял вес.

После таяния снегов, под весенними дождями новые пастбища расцветали. Хотя в другие сезоны года большая часть степи была бурой и безводной, весной огромные просторы превращались в мягкие зеленые ковры, испещренные красными маками. Группы лагерей широко рассеивались по степи, чтобы воспользоваться преимуществами обильных пастбищ. Углубляясь в эти луга, номады приближались к сезонно существующим объемам талого снега в низколежащих местах, чтобы напоить своих лошадей и скот. На таких пастбищах овец вообще не нужно было поить, так как они получали необходимую влагу из травы и росы. Животные, ослабевшие после зимнего холода и голода, начинали восстанавливать свой вес и энергию. Весной начинался окот и появлялось свежее молоко. Взрослых животных стригли. Хотя обычно это время считалось лучшим, всегда существовала вероятность бедствия, если на степь налетала неожиданная снежная метель, и степь покрывалась льдом. В этих условиях много скота, особенно новорожденного молодняка, быстро погибало. Такой случай мог наблюдаться один раз в поколение, но он мог нанести урон пасторальной экономике на годы вперед.

Передвижение на летние пастбища начиналось, когда весенние травы высыхали, а водоемы испарялись. Номады, использующие плоскую степь, могли перемещаться на север, в более высокие широты, тогда как номады вблизи гор могли двигаться вверх, где пастухи встречали «вторую весну». В летних лагерях животные быстро набирали вес. Кобылиц доили, чтобы приготовить кумыс – умеренно опьяняющий напиток, любимый номадами Внутренней Азии. (Более сильные алкогольные напитки покупались в оседлых сообществах.) Избыточное молоко от других животных, главным образом, овец, перерабатывалось в йогурт, а затем высушивалось в твердые, как камень, шары, которые употреблялись в пищу зимой. Шерсть овец, коз и верблюдов очищалась и скручивалась в нить, которая затем использовалась для изготовления веревок либо красилась и сплеталась в коврики, седельные сумки или узелковые ковры. Большое количество овечьей шерсти оставлялось для изготовления войлока, производство которого заключалось в отбивании шерсти, поливании ее кипятком, а затем в ее прокатывании взад и вперед, пока не сплетутся волокна, образовав ткань. Войлок мог быть украшен нанесением слоя окрашенной шерсти

на поверхность перед прокатыванием. Тяжелые войлочные полосы, изготовленные из грубой шерсти, использовались для покрытия юрт, тогда как более тонкая шерсть, состригаемая с ягнят, использовалась для изготовления плащей, зимних сапог или седельных попон.

Летний лагерь оставлялся с началом холодной погоды, когда номады начинали возвращение на зимние квартиры. Осень была временем овечьих «свадеб», чтобы окот пришелся на весну, так как у приплода, выпавшего из сезона, наблюдалась высокая смертность. Те номады, которые использовали заготовленный фураж, могли снизить падеж скота в это время, но более обычная стратегия заключалась в том, чтобы держать животных на подножном корму вдали от зимнего лагеря (чтобы сберечь близлежащие пастбища на самые тяжелые времена). В областях, где номады не могли продавать своих животных на оседлых рынках, они резали скот и коптили мясо на зиму, особенно когда зимние пастбища были ограничены. Вообще говоря, номады старались сохранять как можно больше живых животных, так как в случае бедствия, когда половина стада терялась вследствие морозов, засух или болезней, владелец 100 животных мог восстановить стадо намного быстрее, чем владелец 50 животных. Осень также традиционно была временем, в которое номады предпочитали делать набеги на Китай и другие оседлые регионы, поскольку их лошади были сильными, работа пастбищного цикла была, в основном, завершена, а земледельцы собрали урожай. Эти набеги обеспечивали номадов зерном, что помогало им пережить зиму.

Годовой миграционный цикл требовал мобильности, но перемещения происходили в фиксированном диапазоне. Однако способность легко перемещать стада и семьи имела существенное политическое значение. Когда номадам угрожало нападение со стороны оседлых армий, они исчезали, так что захватчик не находил ничего кроме пустой равнины с облаком пыли на горизонте. Когда захватчик уходил, номады возвращались. В более экстренных случаях номады использовали свою мобильность, чтобы эмигрировать из региона полностью, а не оставаться под контролем другого кочевого племени. Целые народы перемещались на сотни и даже тысячи миль в другие места, где они основывали новые миграционные сферы. Такие массовые передвижения неизбежно перемещали другие племена, приводя к вторжениям номадов в области оседлых народов на границе степи. Такими крупномасштабными были результаты политических решений племени найти новый дом, а не воевать за старый. Они не были следствием голодания овец и поиска новых пастбищ.

ПЛЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

На территории всей Внутренней Азии исторически известные пасторалисты разделяли аналогичные принципы организации, чуждые оседлым обществам. Хотя известно, что детали менялись, полезно, тем

не менее, кратко проанализировать социальный мир степи, чтобы объяснить некоторые концепции (понятия), которые кочевники принимали без доказательств в своей повседневной жизни.

Основной общественной единицей в степи была семья (хозяйство), обычно измеряемая количеством шатров. Родовые родственники делили общее пастбище и ставили совместные лагеря, когда было возможно. Описание структуры калмыцкой семьи, выполненное Аберле, было типичным идеалом для Внутренней Азии:

«Обширная семья может состоять из нескольких поколений единокровных родственников-мужчин, связанных более или менее близким происхождением, вместе с женами и несовершеннолетними детьми, и возглавляться старшим мужчиной из старшей семьи. После женитьбы сын может потребовать свой скот и уйти, но в идеале он должен оставаться со своим отцом и братьями. Уход есть признак трудностей между родственниками. Существует тенденция, согласно которой обширные семейные стада находились в общей собственности как можно дольше» (Aberle 1953: 9).

Группы в лагерях, состоящие из больших семей, были хорошо приспособлены к пасторальному производству. Один человек не мог управлять отдельными стадами крупного и мелкого скота без помощи. Поскольку пастбище было в общем владении, а пастух мог эффективно наблюдать за сотнями животных, индивидуальный скот объединялся в одно большое стадо. Подобным образом большие семьи облегчали женщинам выполнение совместных работ, таких, как переработка молока или изготовление войлока. Но мужчина всегда был ответственен за свой скот, и, если он не был согласен с их управлением, он имел право покинуть лагерь и уйти в другое место. Большие группы также обеспечивали защиту от воровства и союзников в спорах с другими группами.

Состав групп в лагерях отражал стадии в развитии домашних хозяйств. Независимое домашнее хозяйство начинало существовать после заключения брака, когда мужчина обычно получал свою долю стада, а женщина получала свой собственный шатер, но ему недоставало скота и рабочей силы, чтобы быть полностью автономным. В течение периода помолвки молодые мужчины иногда приходили к невестам и жили с их родственниками, но обычно пара после заключения брака жила в лагере отца мужа. Когда рождались дети и увеличивалось стадо, семья все больше становилась независимой (самостоятельной), но когда дети достигали брачного возраста, значительный процент скота домашнего хозяйства расходовался на свадьбы и предупреждающее наследство. Каждый сын получал свою долю стада в зависимости от полного числа братьев, причем одна доля оставалась родителям. Самый младший сын в конечном счете наследовал родительское хозяйство вместе со своей собственной долей – форма социального обеспечения для его родителей. Хозяйство старшего в семье, в связи с этим,

повышало свое влияние, поскольку мужчина мог рассчитывать на поддержку и труд своих взрослых сыновей и их семей. Развитие цикла хозяйства обычно ограничивалось количеством братьев и их сыновей, причем смерть братьев влечет за собой распад группы (Stenning 1953).

Большая семья была культурным идеалом и имела много экономических преимуществ, но ее нелегко было поддерживать, поскольку большие группы были внутренне нестабильны. Поскольку индивиды владели своими собственными животными и могли отделяться от группы, если она их не удовлетворяла, кооперация была добровольной. В то время как братья обычно поддерживали достаточную солидарность в управлении стадом, их собственные сыновья, группы двоюродных братьев не могли сделать этого. Также трудно было сохранить большие семьи в целостности, если количество животных, которыми они владели, возрастало сверх допустимой нагрузки на местное пастбище. Приспосабливаемость кочевничества основывалась на гибкости передвижения, и попытка удержать слишком много людей или животных в одном месте уменьшала его жизнеспособность. Когда местное пастбище было недостаточным, некоторые семьи могли мигрировать в другие районы, сохраняя политические и социальные связи, но не проживая больше вместе.

Женщины имели большее влияние и автономность, чем их сестры в соседних оседлых обществах. Среди политической элиты обычным было многоженство, но каждая жена имела собственную юрту. Было невозможно практиковать формы уединения, такие обычные во многих оседлых азиатских обществах. Повседневная жизнь требовала от женщин играть более публичную роль в экономической деятельности. Хотя детали не могут быть подтверждены для всей истории Внутренней Азии, большинство гостей делали комментарии, подобные комментариям Иоганна де Плано Карпини – посланника Папы римского к монголам в 13 столетии – в его *«Истории Моголов»* (§ IV, II–III).

«Мужчины ничего не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе... И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно. Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, выючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры. Все женщины носят штаны, а некоторые и стреляют, как мужчины».

Даже если формальная (официальная) структура была сильно родственной по отцовской линии, женщины также участвовали в племенной политике. Структуры взаимных союзов между кланами давали женщинам важную структурную роль, связывающую племена друг с другом. Так, дочери, хотя и терялись для своей кровной семьи, тем не менее связывали ее с другими группами. Например, народ унги-

рад???, клан жены Чингисхана, любил объявлять, что его политическая сила заключается в силе брачных союзов, а не в военной силе:

«Они, наши дочери и дочери наших дочерей, которые становясь принцессами в результате их браков, служат защитой против наших врагов, а с помощью просьб, с которыми они обращаются к своим мужьям, они получают благосклонность для нас» (Mostaert 1953: 10; cited in Cleaves 1982: 16, n. 48).

Даже после смерти своего мужа женщина сохраняла значительное влияние через своих сыновей, а если те были юны, она часто действовала как законная глава семьи. Со времен хунну во втором столетии до н. э. китайские политические отчеты регулярно описывали женщин из элиты в критических положениях во время конфликтов за наследование лидерства. Лучший пример этого наблюдался в ранней монгольской империи, когда старшая жена «Великого хана» была обычным выбором на регентство во время междуцарствия.

Домашнее хозяйство (семья) и группа в лагере были наиболее важными элементами в повседневной жизниномада Внутренней Азии, но для того чтобы вести дела с миром за пределами стада, необходимо было организоваться в более крупные единицы. Политическая и социальная организация племени основывалась на вложенных родственных группах, коническом клане. Конический клан был обширной родственной организацией по отцовской линии, в которой члены общей наследственной группы были ранжированы и сегментированы вдоль генеалогических линий. Более старшие поколения превосходили по рангу более молодые поколения точно так же, как более старшие братья были выше по рангу, чем младшие братья. При расширении роды и кланы иерархически классифицировались на основе старшинства. Политическое лидерство во многих группах ограничивалось членами старших кланов, но от самого низшего до самого высокого все члены племени имели общее происхождение. Эта генеалогическая привилегия имела важное значение, поскольку она подтверждала права на пастбища, создавала социальные и военные обязательства между родственными группами и устанавливала законность местной политической власти. Когда номады теряли свою автономию и попадали под власть правительств оседлых сообществ, политическое значение этой обширной генеалогической системы пропадало, а родственные связи оставались важными лишь на местном уровне (Krader 1963; Lindholm 1986).

Однако эту идеальную концепцию племени было труднее определить точно на более высоких уровнях организации. Структура конического клана основывалась на ряде принципов, которые подвергались значительным изменениям и подтасовкам. Идеальные объяснения приписывали лидерство старшинству и подчеркивали солидарность родственников по мужской линии против чужаков, но в мире степной политики эти правила часто игнорировались или критиковались в погоне за властью. Племенные вожди набирали личных последователей, которые

отрекались от своих собственных родственных связей, присягая на исключительную верность своему патрону. Младшие линии продвигались вверх, убивая более старших конкурентов, причем эта практика была обычной во многих степных династиях. Подобным образом простые принципы наследственности по мужской линии, согласно которым члены племени претендовали на наследование от общего предка, часто модифицировались, чтобы присоединить неродственных людей. Например, некоторые группы обосновывали свое включение тем, что их основатель был принят в племя, либо вследствие того, что группа их родственников имела исторические отношения клиентов с доминирующим родом. Группы, имеющие родство по мужской линии, также имели связи, обусловленные перекрестными браками, которые создавали долгосрочные связи с другими кланами или племенами, с которыми они могли заключать союзы даже против прямых родственников. По этим причинам вопрос, были ли когда-либо племена или племенные конфедерации поистине генеалогическими, привел к особенно резким дебатам среди историков (Garret 1990). Часть проблемы была связана с тем, что не делалось различие между племенем, которое было небольшим элементом объединения, основанного на генеалогической модели, и племенной конфедерацией, которая содержала много племен, образуя надплеменное политическое образование. Поскольку племенные системы Внутренней Азии использовали сегментарные строительные блоки на местном уровне, с последовательно все большими элементами объединения, вводящими больше людей, предполагалось, что каждый более высокий уровень был просто продуктом одних и тех же самых принципов, применяемых ко всевозрастающему количеству людей. Однако редко это было справедливо. «Фактические» родственные связи (основанные на принципах наследования и присоединения в результате браков или принятия) были эмпирически очевидны только в пределах меньших элементов племени: нуклеарных семьях, расширенных домашних хозяйствах и местных (локальных) родах. На более высоких уровнях объединения кланы и племена поддерживали связи больше политического происхождения, в которых генеалогические связи играли лишь несущественную роль. В могущественных кочевых империях организация составных племенных групп была обычно продуктом реорганизации, вызванной разделением сверху донизу, а не следствием родства (союза) снизу вверх.

Конечно, было возможно, что политическая структура, основанная на родстве, существовала только в умах участников. Например, среди нуэров Восточной Африки не было постоянных лидеров (вождей). Фракции организовывались на основе сегментированной оппозиции, в которой индивид поддерживает более близкие по родству группы против более дальних родственников. Компания братьев в оппозиции к своим двоюродным братьям в семейных конфликтах могла объединиться с ними в борьбе против чужаков. В случае вторжения другого

племена враждующие роды и кланы могли объединиться, чтобы нанести поражение агрессору, и возобновить свой внутренний конфликт, когда враг разбит. Сегментарная оппозиция, в частности, хорошо подходила пасторалистам, поскольку она направляла экспансию против чужаков в пользу всего племени. Однако среди номадов Внутренней Азии сегментарная структура была более чем мысленной конструкцией, она укреплялась постоянными вождями, которые обеспечивали руководство и внутренний порядок для родов, кланов и целых племен. Такая иерархия руководящих постов выходила далеко за пределы потребностей простого пасторализма. Это была централизованная политическая структура, которая, хотя все еще основана на идиоме родства, была намного сложнее и мощнее, чем наблюдаемые у номадов в других регионах (Sahlins 1960).

В заключение следует сказать, что родство играло свою самую важную роль на уровне семьи, рода и клана. Элементы организации на племенном уровне или надплеменном уровне были более политическими по природе. Племенные конфедерации, сформированные посредством союза или завоевания, всегда содержали неродственные племена. Однако идиома родства оставалась общеупотребительной при определении законности руководства в пределах правящей элиты, созданной номадной империи, поскольку существовала долгая культурная традиция среди племен центральной степи брать руководство из одного династического рода. Отклонения от этого идеала маскировались подтасовыванием, искажением или даже изобретением генеалогий, которые обосновывали изменения статус-кво. Могущественные индивиды смотрели на предков ретроактивно и выдвигали за счет понижения элиты и «структурной амнезии» преданные забвению генеалогически старшие, но политически слабые линии наследования. Эта традиция давала династии беспрецедентной продолжительности. Прямые наследники основателя империи Хунну Модэ правили степью 600 лет с большим или меньшим умением, прямые наследники Чингисхана – 700 лет, а единственная непокоренная тюркская династия (наследие Внутренней Азии??) властвовала в Османской империи более 600 лет. Однако эта иерархическая традиция не разделялась всеми номадами Внутренней Азии; номады в Маньчжурии традиционно отвергали наследственное право занятия престола и избирали своих вождей на основании их талантов и способностей. Даже в центральной степи племена-завоеватели могли избавиться от всех старых обязательств посредством продвижения себя к власти, после чего они уничтожали своих соперников или вытесняли их на маргинальные территории.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОЧЕВНИКОВ И ГРАНИЦА

Возникновение номадной государственности, оказывается, построено на противоречиях. На вершине кочевой империи существует органи-

зованное государство, руководимое самодержцем, но оказывается, что большинство членов племени сохраняют свою традиционную политическую организацию, которая основывается на родственных группах различных рангов – линиджах, кланах, племенах. В экономической сфере существует аналогичный парадокс – не существовало экономического фундамента государства, поскольку общество было основано на экстенсивной и недифференцированной хозяйственной системе. Для разрешения этих противоречий были предложены две серии теорий, которые должны были показать, что племенная форма – это только оболочка для государственности либо что племенная структура никогда не ведет к настоящему государству.

На основании своих наблюдений среди казахов и киргизов в XIX в. В. В. Радлов рассматривал политическую организацию у номадов как копию локального политического поведения на более высоких уровнях иерархии. Основная скотоводческая единица составляла сердцевину как экономики кочевого общества, так и его политики. Различия в богатстве и власти внутри этих малых групп позволяли определенным людям претендовать на высокие позиции; они улаживали конфликты внутри группы и организовывали ее для защиты или нападения на врагов. Радлов рассматривал рост более крупных единиц как попытку честолюбивых влиятельных индивидов объединить под своим контролем возможно большее число номадов. Это в конечном счете могло привести к кочевой империи, но власть степного автократа была исключительно личной. Она определялась его успешной манипуляцией силой и богатством в пределах сложной племенной сети. Такой правитель был узурпатором власти, а после его смерти созданная им империя снова распадалась на составные части (Radloff 1893a: 13–17). В. В. Бартольд, выдающийся историк средневекового Туркестана, модифицировал модель Радлова, предположив, что степное лидерство могло также основываться на выборе самих номадов вследствие появления в их среде той или иной популярной личности, подобно консолидации тюрков в ходе создания Второго каганата в VII в. Выбор, согласно его аргументации, являлся дополнением к принуждению, поскольку яркие личности своими успехами в войнах и набегах увлекают за собой добровольных последователей (Barthold 1935: 11–13). Обе теории подчеркивали, что кочевые государства были, по существу, эфемерными, причем государственная организация исчезала со смертью её основателя. По их мнению, номадное государство только временно доминировало в племенной политической организации, которая оставалась основой для социальной и экономической жизни в степи.

Альтернативные теории решали парадокс соотношения государства и племенной политической организации исходя из предположения, что последняя была разрушена в ходе создания государства, даже если новые отношения были закамouflированы при помощи старой племенной терминологии. Венгерский историк Харматта, изучающий

гуннов, доказывал, что кочевое государство могло возникнуть только в результате процесса, в котором племенной базис номадного общества сначала был разрушен, а затем затенен классовыми отношениями. Фокусом его анализа должны быть не крупные лидеры, но глубокие изменения в социально-экономическом порядке, которые сделали возможным появление автократов, подобно Аттиле у гуннов (Harmatta 1952). Хотя трудно было продемонстрировать доказательства в подтверждение, Крэдер в своих антропологических сочинениях о кочевниках и становлении государства утверждал, что поскольку государство не могло существовать без классовых отношений «непосредственные производители – поддерживающие непроизводителей», историческое существование номадных государств предполагало такие отношения (Kardner 1979). Если эти государства испытывали недостаток стабильности, это объяснялось тем, что основные ресурсы степи всего были недостаточны для любой степени стабильности.

Существование государственности у кочевников было более мучительной проблемой для некоторых марксистских интерпретаций, поскольку номады не только не втискивались в какие-либо однолинейные исторические построения, но и потому, что при распадении кочевых империй они возвращались к своему традиционному племенному образу существования. С точки зрения однолинейности это невозможно, так как племенные институты должны были бы быть уничтожены в процессе создания государственности. Советские публикации, в частности, посвящались этой проблеме, обычно в обсуждении концепции «кочевого феодализма», впервые предложенной Б. Я. Владимирцовым в его анализе монгольского общества, которая, кстати, получила широкое распространение отчасти по причине того, что сам Владимирцов никогда точно не определял, что же это тип общества (Vladimirtsov 1948; резюме советских интерпретаций см.: Khazanov 1984: 228 ff.). Данная форма «феодализма», по мнению интерпретаторов, была основана на предположении, что в пределах номадного сообщества существовали классы, основанные на собственности на пастбища. Подтверждение этого было получено из организации монгольских аймаков XVIII – XIX вв. при правлении династии Цин, где аймачные князья отделялись от простых членов племен, которым не разрешалось покидать границы их округов. Аналогичным образом археологические раскопки на месте средневековой монгольской столицы Каракорума выявили экстенсивное развитие земледельческих обществ окружающей области, что способствовало развитию класса оседлых номадов, кормящих феодальную знать. Однако другие советские теоретики указывали, что владение скотом, а не землей, в сущности, было главным элементом, а они оставались под контролем обычных членов племени, и развитие ремесла и земледелия могло довольно легко включиться в существующие структуры родства. Следовательно, такие экономические специалисты никогда не образовывали отдельного

класса людей (см. «Введение редактора» К. Хэмфри [C. Humphrey] в кн.: Vainshein 1980: 13–31). Кроме того, примеры, взятые из истории Монголии времени Цин или казахов при царском режиме, имели только ограниченное значение для понимания более ранних номадных политий. Следуя политике косвенного управления, такие оседлые империи защищали элитный класс местных правителей, чья экономическая и политическая власть была продуктом колониальной системы.

Было ли основано политическое лидерство кочевого общества на основе классового неравенства или на индивидуальных способностях отдельной личности – и в том и в другом случае предполагается, что создание номадного государства являлось результатом внутреннего развития. Тем не менее исторически известные государственные образования номадов были организованы на уровне сложности, далеко превосходящей потребности кочевого скотоводства. Радлов и Бартольд подчеркивают эфемерную природу номадных государств, но многие степные империи намного пережили своих учредителей, особенно державы хунну, тюрков, уйгуров и монголов, а правящие династии кочевников, в сравнении с оседлыми соседями, достаточно стабильны. При этом все вышеперечисленные общества, за исключением монголов, остались империями степи, которые использовали государственную организацию без завоевания крупного земледельческого общества.

Те теоретики, подобно Харматте и Крэдеру, кто принимал существование государства, но отрицал непрерывность племенной социальной организации, были вынуждены обосновывать появление классовой структуры в рамках относительно недифференцированной и экстенсивной скотоводческой экономики. В то время как кочевые аристократии обычно имелись во многих обществах степи, такое иерархическое социальное разделение не было основано на контроле над средствами производства; доступ к ключевым пасторальным ресурсам базировался на основе племенной принадлежности. Классовые отношения были незначительно развиты во Внутренней Азии, пока кочевники не стали включенными в оседлые государства в течение последних столетий или когда они покинули степь и влились в классовую структуру земледельческих обществ.

Потенциальный ответ на эту дилемму появился из рассмотрения недавних антропологических исследований в Африке и Юго-Западной Азии. Корреляции вызывают сомнение в отношении предположения, согласно которому номадные государства были результатом какого-либо вида внутренней динамики. В сравнительном исследовании африканских кочевников-скотоводов Бернхэм пришел к выводу, что низкая плотность населения и свобода географической мобильности сделали местное развитие какой-либо институализированной иерархии в таких обществах маловероятным. В этих условиях, выяснил Бернхэм, сегментарная оппозиция обеспечивала наиболее оптимальную модель политической организации. Развитие государства у номадов, следова-

тельно, не было реакцией на внутреннюю необходимость. Скорее, оно развивалось, когда номады были вынуждены иметь свои дела с более высокоорганизованными обществами оседло-земледельческих государств (Burnham 1979). Используя случаи из Юго-Западной Азии, Айронс также пришел к такому же заключению и свел его к гипотезе:

«Среди обществ кочевников-скотоводов иерархические политические учреждения генерируются только внешними отношениями с государственными обществами и никогда не развиваются исключительно вследствие внутренней динамики таких обществ» (Irons 1979: 362).

Этот аргумент имеет ряд широких подтекстов для понимания кочевых государств во Внутренней Азии. Это не диффузионистское объяснение. Кочевники не «заимствовали» государство; скорее, они были вынуждены развивать свою особую форму государственной организации, чтобы эффективно вести дела с более крупными и более высокоорганизованными оседло-земледельческими соседями. Эти отношения требовали намного более высокого уровня организации, чем это было необходимо для решения проблем в отношении скота и политических конфликтов внутри номадного общества. Не случайно наименее формально организованные номады были обнаружены в Африке в Сахаре, где они имели дело с немногими государственными обществами, и наиболее формально организованные кочевые общества возникли, столкнувшись с Китаем – крупнейшим в мире и наиболее централизованным традиционным земледельческим государством.

В своем широкомасштабном антропологическом исследовании пасторальных номадов А. М. Хазанов утверждал, что государства кочевников являлись продуктом асимметричных связей между степными и оседлыми обществами, которые были выгодны для скотоводов. Для Внутренней Азии он сконцентрировал внимание на отношениях, создаваемых покорением оседлых областей кочевыми народами, где они стали правящей элитой смешанного общества (Khazanov 1984). Однако многие номадные государства устанавливали и поддерживали такие асимметричные отношения без завоевания земледельческих регионов. Используя преимущества своей военной мощи, эти государства кочевников вымогали дань у соседних государств, облагали их налогами и контролировали международную сухопутную торговлю, предоставляли свободу организованным налетчикам, которые специализировались на «прямом присвоении» (грабеже), причем всё это делалось, не покидая своих постоянных пристанищ в степи.

В Северной Азии такой была связь между Китаем и степью, которая создавала основу для иерархии среди кочевников. Номадное государство поддерживалось эксплуатацией экономики Китая, а не экономическим присвоением труда рассеянных скотоводов, которые были эффективно организованы номадным государством, чтобы сделать

подобное вымогательство возможным. Поэтому нет необходимости постулировать развитие классовых отношений в степи, чтобы объяснить существование государства у кочевников. Так же как нет необходимости прибегать к концепции кочевнического самодержавия, после смерти которого данное государство было обречено на распад. Однако поскольку государство в степи было структурировано его внешними связями, оно существенно отличалось от оседлых государств, одновременно содержащих и племенную, и государственную иерархию, причем каждая имеет отдельные функции.

Кочевнические государства Внутренней Азии были организованы как «имперские конфедерации», автократические и государственно-подобные во внешних делах, но консультативные и федерально структурированные внутренне. Они состояли из административной иерархии по крайней мере с тремя уровнями: имперский лидер и его двор, имперские губернаторы, назначаемые с тем, чтобы надзирать за племенами, входящими в империю, и местные племенные вожди. На местном уровне племенная структура оставалась нетронутой, под властью вождей, чье влияние и сила черпались из поддержки их соплеменников, а не были следствием императорского назначения. Таким образом, структура государства мало изменялась на местном уровне, за исключением того, что обеспечивается прекращением набегов и убийств, свойственных степи в отсутствие единства. Племена, входящие в империю, были объединены в нее своим раболепством перед назначенными наместниками, часто членами императорского рода. Имперские наместники решали региональные проблемы, организовывали набор рекрутов в войска и подавляли оппозицию, генерируемую местными племенными вождями. Кочевная ставка монополизировала внешние дела и войну, ведя переговоры с другими силами от империи в целом.

Стабильность этой структуры поддерживалась извлечением ресурсов из-за пределов степи, чтобы финансировать государство. Добыча от набегов, торговые права и дань получались для кочевников императорским правительством. Хотя вожди местных племен утратили свою автономию, они взамен получали материальные выгоды от имперской системы, выгоды, которые отдельные племена не могли получить сами в силу своей недостаточной мощи. Племенная организация никогда не исчезала на местном уровне, но ее роль в периоды централизации ограничивалась внутренними делами. Когда система разрушалась, и вожди местных племен становились независимыми, степь возвращалась к анархии.

ЦИКЛЫ ВЛАСТИ

Имперская конфедерация была самой стабильной формой кочевнического государства. Впервые использованная хунну между 200 г. до н. э. и 150 г. н. э., она была моделью, позднее принятой жужанями (V в.), тюрками и уйгурами (VI–IX вв.), ойратами, восточными монголами и джунгарами (XVII–XVIII вв.). Монгольская империя Чингисхана

(XIII–XIV вв.) была основана на намного более централизованной организации, которая разрушила существующие племенные связи и сделала всех вождей имперскими назначенцами. Недолговечная империя сяньби во второй половине II в. н.э. была просто конфедерацией, которая распалась после смерти ее лидеров. В другие периоды, в частности между 200 и 400, и 900 и 1200 гг., степные племена не были под централизованным правлением.

Номадные имперские конфедерации возникали только в периоды, когда было возможно связаться с китайской экономикой. Номады использовали стратегию вымогательства, чтобы получать торговые права и субсидии от Китая. Они делали набеги на пограничные районы, а затем вступали в переговоры о заключении мирного договора с китайским двором. Местные династии в Китае охотно платили номадам, поскольку это было дешевле, чем вести войну с народом, который мог избегать возмездия, уходя из пределов досягаемости. В течение этих периодов вся северная граница была поделена между двумя силами.

Вымогательство требовало вполне отличной стратегии, чем завоевание. Хотя общепринятое мнение заключалось в том, что номады Монголии бродили, как волки, за Великой Китайской стеной, ожидая, пока Китай ослабеет так, что они могли завоевать его, имеются факты, что номады центральной степи избегали завоевания китайской территории. Богатства от торговли с китайцами и от даров стабилизировали императорское правительство в степи, и они не желали разрушать этот источник. Уйгуры, например, так зависели от этого дохода, что даже посылали войска для подавления внутренних бунтов в Китае и удержания у власти уступчивой династии. За исключением монголов, «номадные завоевания» имели место только после распада центральной власти в Китае, когда не было правительства для вымогательства. Могущественные номадные империи возвышались и включались в тандем с местными династиями в Китае. Империи Хань и Хунну возникли в течение одного десятилетия, тогда как империя тюрков появилась как раз, когда Китай вновь объединился под властью династий Суй/Тан. Подобным образом степь и Китай вступали в периоды анархии в пределах десятилетий один за другим. Когда в Китае начинались беспорядки и экономический упадок, больше невозможно было поддерживать эту связь, и степь разваливалась на составные племена, не способные к объединению до тех пор, пока не восстанавливался порядок в Северном Китае.

Завоевание Китая иностранными династиями было делом маньчжурских народов – либо номадов, либо лесных племен из регионов реки Ляохэ. Одновременный политический крах централизованного правления и в Китае, и в Монголии освобождал эти пограничные народы от господства какой-либо сильной власти. В отличие от племен центральной степи, они имели эгалитарную политическую структуру и тесный контакт с оседлыми регионами в пределах Маньчжурии. Во

времена разделения они создавали небольшие королевства вдоль границы, которые объединяли и китайские, и племенные традиции в пределах одной администрации. Островки стабильности, они выжидали, пока кратковременные династии, создаваемые китайскими военачальниками или степными племенными вождями, уничтожали друг друга в Северном Китае. Когда эти династии терпели крах, маньчжуры получали стимул покорить сначала небольшую часть Северного Китая, а затем, в эпоху второй маньчжурской династии, даже завоевать весь Китай. В то время как объединение Северного Китая под иностранным правлением создало благоприятные экономические условия для подъема кочевнического государства в Монголии, такие государства возникали редко, поскольку династии из Маньчжурии применяли чрезвычайно отличную пограничную политику, чем местные китайские администрации. Маньчжурские династии (автор имеет в виду Ляо, Цзинь и Цин. – *Прим. отв. ред.*) практиковали политику политического и военного разрыва, и они вели активную кампанию против кочевников, чтобы препятствовать их объединению. Кочевники центральной степи, за исключением монголов под правлением Чингисхана, никогда не имели возможность создать могущественные империи, когда их кузены из Маньчжурии правили в Китае.

Существовала циклическая структура этой связи, которая повторилась три раза в течение двух тысяч лет. Приверженец другой точки зрения, Ледьярд в своем исследовании связей между Маньчжурией, Кореей и Китаем наблюдал подобную структуру из трех циклов в международных связях, которую он разделил на фазы *инь* и *ян*, основанные на том, был Китай экспансивным (*ян*) или оборонительным (*инь*). Его фазы *ян* соответствуют нашим местным династиям, правящим всем Китаем, а его фазы *инь* – правлению династий завоевателей. Интересно, что он также обнаружил, что монгольская династия Юань была аномальной, хотя его анализ исключал роль других кочевнических империй в Монголии (Ledyard 1983). Однако его наблюдения не объясняют, как и почему развивались такие связи.

Чтобы понять, как могла появиться такая циклическая структура, мы должны сфокусировать наш анализ на изменении характера пограничного политического окружения за долгие периоды времени. Был разработан тип политической экологии, в котором один тип династии следовал за другим достаточно предсказуемо, поскольку при одном наборе условий определенная социополитическая организация обладала значительными преимуществами над конкурентами, структуры которых основывались на иных принципах. Тем не менее, когда условия изменялись, эти самые преимущества, которые привели к политическому успеху династии, закладывали основы для ее собственного замещения.

Процесс был аналогичен экологической последовательности после пожара в старом климаксовом лесу. В климаксовом лесу небольшое

количество крупных акклиматизировавшихся деревьев доминирует в ландшафте, исключая другие виды, которые не смогли выдержать их естественных гербицидов и затенения. При разрушении пожаром или другим бедствием мертвые деревья быстро замещаются последовательностью более изменчивых, но нестабильных видов, которые захватывают пожарище. Быстрорастущие и недолговечные сорняки и кустарники с высокими темпами воспроизводства вначале утверждаются сами, создавая новый почвенный покров, пока не замещаются, в свою очередь, более устойчивыми видами быстрорастущих деревьев. В конечном счете эти деревья формируют смешанный лес, который существует много десятков лет, пока один или два вида деревьев снова не станут полностью доминирующими, вытеснят другие виды из области и возвратят лес в стабильное климаксное состояние, осуществив полный круг цикла.

Биполярный мир объединенного Китая и объединенной степи, который разделяется границей между ними, был устойчивым климаксным состоянием. Никакие альтернативные политические структуры не могли возникнуть, пока они существовали. Двойной крах порядка в Китае и в степи генерировал весьма нестабильное окружение. Династии, которые возникали в течение этого периода, были многочисленны, плохо организованы, нестабильны и недолговечны – это была хорошая мишень для атаки любого набирающего силу военачальника или племенного вождя, который мог собрать большое войско. Они замещались лучше организованными династиями, которые восстанавливали порядок и успешно управляли большими регионами. Местные династии на юге и иностранные династии на северо-востоке и северо-западе разделили китайскую территорию между собой. Во время войн объединений, которые уничтожили иностранные династии и привели к объединенному Китаю под правлением местной династии, степь беспрепятственно вновь объединилась, завершив полный круг цикла. Временное запаздывание между падением основной местной династии и восстановлением порядка под стабильным иностранным правлением уменьшалось с каждым циклом: столетия нестабильности следовали после падения империи Хань, десятки лет после падения Тан и почти не было перерыва после свержения династии Мин. Продолжительность иностранных династий обнаружила подобную структуру – наименьшую в первом цикле и наибольшую в третьем.

По существу, мое утверждение состоит в том, что степные племена Монголии играли ключевую роль в пограничной политике, не становясь завоевателями Китая, и что Маньчжурия, по политическим и экологическим причинам, была питомником для иностранных династий, когда местные династии терпели крах в результате внутренних восстаний. Эта структура существенно отклоняется от ряда предыдущих теорий, предложенных для объяснения связи между Китаем и его северными соседями.

Влиятельное исследование Виттфогелем «династий завоевателей» в китайской истории игнорировало важность степных империй, подобных империям хунну, тюрков и уйгуров – разделяя иностранные династии на подкатегории пасторальных номадов и сельскохозяйственных племен, причем и те, и другие были враждебны по отношению к типично китайским династиям. Это выделение экономической, а не политической организации затемняло замечательный факт, что, за исключением монгольской династии Юань, все династии завоевателей, по мнению Виттфогеля, были маньчжурского происхождения. Он также не сделал различия между номадами Монголии, которые учреждали степные империи, которые успешно управляли границей в тандеме с Китаем в течение столетий, и номадами из Маньчжурии, которые создавали династии в Китае, но никогда не образовывали могущественных империй в степи (Wittfogel, Feng 1949: 521–523).

Возможно, что самой значительной работой по связи между Китаем и племенными народами на севере является классический труд О. Латтимора «*Границы Китая во Внутренней Азии*». Его личное знакомство с Монголией, Маньчжурией и Туркестаном дало его анализу богатство, которого не найти больше нигде, и через 50 лет он все еще остается вехой в исследованиях по этим проблемам. Особенно влиятельным был его «географический подход» (который сегодня мы могли бы, скорее всего, назвать культурной экологией), который разделил внутреннюю Азию на ключевые регионы, каждый со своей собственной динамикой культурного развития. Основным интересом для Латтимора представляло возникновение степного пасторализма на китайской границе, и он посвятил лишь короткий параграф развитию пограничных отношений в течение периода империй. Хотя настоящий анализ имеет крепкие корни в традиции Латтимора, он *принимается* проблеме с рядом гипотез, которые предложил Латтимор и которые связаны с циклами номадного правления и учреждением династий завоевателей.

Латтимор описал цикл номадного правления, который, как он заявил, давал номадным государствам продолжительностью существования на протяжении лишь трех или четырех поколений, приводя в качестве примера хунну. Сначала государственное устройство включало только номадов, затем оно расширялось в течение второй стадии, в которой номадные воины поддерживали смешанное государство, получающее дань от своих неномадных подданных. Такое смешанное государство продуцировало третью стадию, во время которой осевшие гарнизонные войска номадного происхождения в конечном счете получали львиную долю доходов за счет своих менее искушенных соплеменников, которые остались в степи. Такие условия привели к четвертой и последней стадии и вызвали крах государств, поскольку

«разница между реальным богатством и номинальной властью, с одной стороны, и реальной или потенциальной властью и относи-

тельной бедностью, с другой стороны, стала нетерпимой, [начиная] развал составного государства и “возврат к номадизму” – политически – среди отдаленных номадов» (Lattimore 1940: 521–523).

В действительности, империя Хунну не обнаружила такой структуры. Вожди хунну установили свое правление над другими номадами, а затем оставались в степи, не завоевывая оседлых регионов, которые требовали гарнизонов. Это было государство, правящая династия которого оставалась ненарушенной не четыре поколения, а 400 лет. Когда после падения династии Хань правитель хунну учредил недолговечную династию вдоль границы Китая, отдаленные номады не возвратились в степь; когда они почувствовали обман с доходами, они вместо этого захватили государство для себя.

В терминах «завоевательной династии» Латтимор признавал, что существовало различие между номадными народами открытой степи и краевых пограничных зон, занятых народами смешанных культур. Он отмечал, что существовала маргинальная зона, которая была источником династии завоевателей, а не открытая степь (Lattimore 1940: 542–552). Однако, подобно Виттфогелю, он не отметил, что подавляющее большинство династий завоевателей зарождалось в маньчжурской маргинальной зоне, а не в других местах. Также посредством включения Чингисхана в качестве основного примера такого лидера из пограничной полосы он запатал свое собственное различие между обществами открытой степи и пограничными обществами смешанных культур, так как Чингисхан был так же далек от границы, как и любой лидер из хунну или тюрков, которые предшествовали ему в Монголии. Причиной этого кажущегося географического противоречия было то, что само определение границы радикально изменялось в зависимости от того, местная или иностранная династия правила в Северном Китае. Южная Монголия становилась частью «смешанной пограничной зоны» только тогда, когда иностранные династии осуществляли политику по раздроблению политической организации кочевников степи. Когда местные династии и степные империи делили границу между собой, политически независимые смешанные общества не существовали.

Эта критика свидетельствует и о сложности тенденций во Внутренней Азии, и о необходимости исследовать их как следствие изменения связей со временем. Монгольская степь, Северный Китай и Маньчжурия должны анализироваться как части единой исторической системы. Сравнительное описание основных местных и иностранных династий и степных империй дает начало обеспечения такой модели (таблица, с. 25). Она обеспечивает примерное представление трех циклов замещения династий (причем только монголы появляются не в фазе), которые устанавливают параметры для пограничных связей.

Хань и Хунну были тесно связаны как части биполярного фронта, который развился в конце третьего столетия до н. э. Когда империя

Хунну утратила свою гегемонию в степи примерно в 150 г. н. э., она была замещена династией сяньби; которая поддерживала свободно структурированную империю постоянными набегами на Китай до смерти их лидера в 180 г. – в том же году, в котором в Китае произошло мощное восстание. В течение 20 лет династия позднего Хань существовала только по названию, причем и численность ее населения, и её экономика круто снижались. Следует отметить, что не кочевники, а китайские повстанцы разрушили династию Хань. В следующие полтора столетия, когда военачальники всех типов воевали с Китаем, маньчжурские потомки сяньби создали малые государства. Из них государство мужунов оказалось самым живучим, и оно установило контроль над северо-востоком в середине четвертого столетия. Они создали основу, которая была принята потом Тоба Вэй, которые свергли династию Янь и объединили весь Северный Китай. Только после объединения Северного Китая кочевники в Монголии снова создали централизованное государство под руководством жужаней. Однако племя жужань никогда не контролировало степь, поскольку тоба держали огромные гарнизоны вдоль границы и вторглись в Монголию с целью захвата стольких пленных и скота, сколько было возможно. Они так преуспели в этом, что жужани оказались не в состоянии угрожать Китаю до конца истории династии, когда тоба китаизировались и стали использовать политику умиротворения, подобную политике, применяемой Хань.

Внутреннее восстание свергло династию Вэй и начался период нового объединения Китая под правлением династий Западных Вэй и Суй в конце шестого столетия. Жужани были свергнуты своими вассалами тюрками, которых так опасались лидеры Китая, что выплатили им большие подарки шелками, чтобы сохранить мир. Граница снова стала биполярной, и тюрки начали политику вымогательства, подобную той, которую практиковали хунну. Во время падения Суй и возвышения Тан тюрки не делали попыток завоевать Китай, но вместо этого поддерживали китайских претендентов на трон. Когда династия Тан пришла к упадку, она стала зависимой от кочевников, чтобы обуздать внутренние бунты, призвав на помощь уйгуров, что оказалось решающим в подавлении восстания Ан-лу-шань в середине восьмого столетия, вероятно, продлившем жизнь этой династии на следующее столетие. После того, как уйгуры стали жертвой нападения киргизов в 840 г., центральная степь вступил в период анархии. Династия Тан была свергнута следующим крупным восстанием в Китае.

Падение династии Тан предоставило возможность для развития смешанных государств в Маньчжурии. Самой важной из них была династия Ляо, которая была установлена кочевыми киданями. Они собрали обломки после падения ряда недолговечных династий Тан в середине десятого века. В Ганьсу возникло тангутское королевство, то-

гда как остальной Китай находился в руках местной династии Сун. Подобно государству Янь мужунов, существовавшему несколькими столетиями ранее, Ляо использовали двойную администрацию, чтобы приспособить и китайскую, и племенную организацию. Подобно государству Янь, Ляо также стали жертвой еще одной маньчжурской группы, чжурчжэней, лесных племен, которые свергли Ляо в начале XII века, чтобы установить династию Цзнь, и приступили к завоеванию всего Северного Китая, ограничив Сун югом. По существу, первые два цикла были существенно подобны по структуре, но возвышение монголов привело к серьезному разрушению, которое вызвало глубокие последствия не только для Китая, но и для мира.

Номадное государство никогда не возникало в Монголии в течение периодов, когда Северный Китай был разорван борьбой военачальников после краха долгоживущей династии. Восстановление порядка иностранными династиями из Маньчжурии укрепляло границу и представляло единственную мишень, что благоприятствовало созданию централизованных государств в степи. Эти иностранные династии осознавали опасность, исходящую от Монголии, и разыгрывали племенную политику, чтобы разорвать их, используя стратегию «разделяй и властвуй», проводя массовые вторжения, которые удаляли большие количества людей и животных из степи, и поддерживая систему союзов посредством использования взаимных браков, чтобы привязать к себе некоторые племена. Стратегия работала довольно хорошо: жужани никогда не были способны эффективно взаимодействовать с Тоба Вэй, а во времена династий Ляо и Цинь племена в Монголии вообще не смогли объединиться до Чингисхана. Более поздний успех Чингисхана не должен затмевать для нас трудности, с которыми он столкнулся при объединении степи против чжурчжэньской оппозиции – он потратил на это большую часть своей взрослой жизни и был очень близок к неудаче в ряде случаев. Его государство было непохожим на какое-либо другое. Высокоцентрализованное и с дисциплинированной армией, оно уничтожило власть автономных племенных вождей. Однако, подобно предыдущим объединителям из Монголии, целью Чингисхана первоначально было вымогательство, а не завоевание Китая. Хотя и высоко китаизированный с культурной точки зрения чжурчжэньский двор отверг умиротворение и отказался сократить дела с монголами. Последующие войны в течение следующих трех десятилетий разрушили большую часть Северного Китая и оставили ее монголам. Отсутствие у них интереса и подготовки, чтобы править (а не вымогать), отразилось в их нежелании объявить династическую фамилию или учредить регулярную администрацию до царствования Хубилай-хана, старшего сына Чингиса.

Победа Чингисхана демонстрирует, что модель, которую мы представили, является вероятностной, а не детерминистской. Всегда суще-

ствовали племенные вожди типа Чингисхана во времена беспорядка, но их шансы на объединение степи против определенной оппозиции (врага) из учрежденных маньчжурских государств, которые черпали богатства Китая, были низкими. Таким образом, в том время как жу-жуни были особенно безуспешными, тюрки, которые следовали за ними, создали империю, большую, чем империя Хунну, не потому что тюрки обязательно были более талантливы, но потому что они оказались в состоянии эксплуатировать новые китайские государства, которые щедро платили, чтобы не быть разрушенными. Чингисхан преодолел массивные удары – чжурчжэни были могущественны. Монголия не была объединена со времени падений уйгуров более чем три столетия назад, и монголы были одним из наиболее слабых племен в степи. Столкновение между могущественным кочевым государством и сильной иностранной династией было своеобразным и высоко деструктивным. Монголы использовали традиционную стратегию жестких нападений с целью склонения к прибыльному миру, но она не оправдывалась, когда чжурчжэни отвергли метод соглашений и заставили монголов усилить их давление, пока жертва не была разрушена.

Монголы были единственными номадами из центральной степи, которые завоевали Китай, но этот опыт изменил отношение китайцев кномадам на много лет вперед. Ряд политической последовательности, описанный ранее, мог бы предсказать возникновение степной империи, когда чжурчжэни не выдержали внутреннего восстания, а Китай объединился под властью династии, подобной династии Мин. Во времена Мин такие империи возникали, руководимые сначала ойратами, а позднее восточными монголами, но они были неустойчивы, поскольку до середины XVII века номады не были способны создать систему регулярной торговли и подарков от Китая. Когда еще была свежа память о вторжении монголов, династия Мин игнорировала прецеденты государств Хань и Тан и приняла политику не иметь связей, боясь, что номады хотели заменить Мин в Китае. Номады ответили непрерывными набегами на границу, подвергая Мин большому количеству нападений, чем любую другую китайскую династию. Когда, наконец, династия Мин изменила свою тактику, чтобы приспособиться к номадам, нападения в основном прекратились, и на границе сохранился мир. После того, как династия Мин была свергнута китайскими восстаниями в середине XVII столетия, маньчжуры, а не монголы, были теми, кто завоевал Китай и установил династию Цзинь. Подобно более ранним маньчжурским правителям, Цзинь использовал двойную административную структуру и эффективно препятствовал политическому объединению степи посредством кооптирования монгольских лидеров и разделения их племен на небольшие элементы под контролем маньчжуров. Цикл традиционных связей между Китаем и Внутренней Азией закончился, когда современное оружие, транспорт-

ные системы и новые формы международных политических отношений нарушили порядок сиоцентрического мира Восточной Азии.

Таблица

Циклы правления: основные династии в Китае и степные империи в Монголии

Китайские династии		Степные империи	
Местные		Иностранные	
ЦИКЛ 1	(1) Цинь и Хань (221 до н. э. – 220 н. э.)		ХУННУ (209 до н. э. – 155 н. э.)
	(2) Китайские династии в период распада (220–581)	(3) Тоба Вэй (386–556) и другие династии	Сяньби (130–180) Жужани
ЦИКЛ 2	(4) Суй и Тан (581–907)		ПЕРВЫЙ ТЮРКСКИЙ (552–630) ВТОРОЙ ТЮРКСКИЙ (683–734) УЙГУРСКИЙ (745–840) каганаты
	(5) Сун (960–1279)	(6) Ляо (кидани) (907–1125) (7) Цзинь (чжурчжэни) (1115–1234) (8) Юань (монголы) (1206–1368)	МОНГОЛЫ
ЦИКЛ 3	(9) Мин (1368–1644)	(10) Цин (маньчжуры) (1616–1912)	Ойраты Восточные монголы Джунгары

Примечание: Заглавным выделены крупные кочевые империи.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Впервые опубликовано в: Крадин Н. Н., Бондаренко Д. М. «Кочевая альтернатива социальной эволюции». М.: Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН. С. 59–85. Текст печатается по указанному изданию.

ЛИТЕРАТУРА

- Aberle, D.** 1953. *The Kinship of the Kalmuk Mongols*. Albuquerque: Univrsity of New Mexico Press.
- Andrews, P. A.** 1973. The white house of Khurasan: the felt tents of the Iranian Yomut and Goklen. *Journal of British Institute of Iranian Studies* 11: 93–110.
- Bacon, E.** Types of pastoral nomadism in Central and Southwestern Asia. *Southwestern Journal of Anthropology* 10: 44–68.
- Barth, F.** 1960. The land use patterns of migratory tribes of South Persia. *Norsk Geografisk Tidsskrift* 17: 1–11.
- Barthold, V. V.** 1935. *Zwölf Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens*. Berlin: Deutsche Gesellschaft für Islamkunde.
- Bulliet, R.** 1975. *The Camel and the Wheel*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Burnham, P.** 1979. Spatial Mobility and Political Centralization in Pastoral Societies. *Pastoral Production and Society*. New York: Cambridge University Press.
- Cleaves, F.** 1982 (trans.). *The Secret History of the Mongols*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Harmatta, J.** 1952. The Dissolution of the Hun Empire. *Acta Archaeologica* 2: 277–304.
- Eberhardt, W.** 1970. *Conquerors and Rulers*. Leiden: Brill.
- Irons, W.** 1979. Political Stratification Among Pastoral Nomads. In *Pastoral Production and Society* (pp. 361–374). New York: Cambridge University Press.
- Khazanov, A. M.** 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Krader, L.** 1955. The ecology off central Asian pastoralism. Bacon, E. Types of pastoral nomadism in Central and Southwestern Asia. *Southwestern Journal of Anthropology* 11: 301–326.
1963. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague: Mouton.
1979. The Origin of the State Among Nomads. In *Pastoral Production and Society*. (pp. 221–234). New York: Cambridge University Press.
- Lattimore, O.** 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York: American Geographical Society.
- Ledyard, G.** 1983. Yun and Yang in the China-Manchuria-Korea Triangle. In Rossabi, M. (ed.), *China among Equals*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Lindhom, Ch.** 1986. Kinship structure and political authority: the Middle East and Central Asia. *Journal of Comparative History and Society* 28: 334–355.
- Mostaert, A.** 1953. *Sur quelques oassages de l'Histore secreete ds Mongols*. Cambridge, Mass. Harvard-Yenching Institute.

Murzaev, E. 1954. *Die Mongolische Volksrepublik, physisch-geographische*. Cotha: Geographisch-Kartographische Anstalt.

Radloff, W. W. 1893ab. *Aus Sibirien*. 2 vols. Leipzig: Weigel.

Sahlins, M. 1960. The segmentary lineage: an organization for predatory expansion. *American Anthropologist* 63: 322–345.

Spuler, B. 1972. *History of the Mongols: Based on Eastern and Western Accounts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Berkeley, CA: University of California Press.

Stenning, D. 1953. *Savannah Nomads*. Oxford: Oxford University Press.

Tapper, R. 1990. Your tribe or mine? Anthropologists, historians and tribes people on tribe and state formation in the Middle East. In Kostiner, J., and Khoury, P. (eds.), *Tribe and State in the Middle East*. Princeton, NJ: Princeton University Press: 48–73.

Vainstein, S. I. 1980. *Nomads of Souts Siberia: The Pastoral Economies of Tuva*. Cambridge: Cambridge University Press.

Vladimirtsov, B. Ya. 1948. *Le regime social des Mongols: le feodalisme nomade*. Paris: Andrien Maisonneuve.

Wittfogel, K. A., and Feng Chiasheng. 1949. *History of Chinese Society Liao (907–1125)*. Philadelphia: American Philosophical Society.

Т. Д. Холл

Университет Де Поу, Гринкасл

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья¹ является кратким изложением моих размышлений о роли монголов в мир-системной истории и опирается на результаты моей совместной работы с К. Чейз-Данном (Chase-Dunn, Hall 1997), а также содержит выкладки из моих предыдущих исследований. Для краткости я представляю в виде аксиом несколько утверждений, получивших достаточное теоретическое основание в других исследованиях. Я также хочу отметить, что основной интерес для меня представляют не столько сами монголы, сколько понимание того, как мир-системы формируются, изменяются, сливаются, сокращаются и каким образом они включают в себя другие народы, территории и мир-системы. Моим основным утверждением будет то, что монголы и в целом степные скотоводы сыграли основные роли в разрастании мир-систем, окружающих степи Центральной Азии. Кроме того, изучение и исследование этих ролей дает особую возможность для понимания того, каким образом изменяются мир-системы и какие жизненно важные, хотя нередко и невидимые, роли играли народы без государства в процессах социального изменения мировой истории.

Я начинаю свой анализ с краткого напоминания о том, что есть анализ мир-систем, выделяя недавние попытки расширить изначальную парадигму И. Валлерстайна на докапиталистический период, то есть до 1500 г. н. э. Затем я перехожу к краткому анализу роли центральноазиатских кочевников в истории Афроевразийской мир-системы, концентрируя свое внимание на монголах. Завершится статья некоторыми размышлениями о том, куда же приведет нас дальнейшее исследование, а также обсуждением некоторых насущных теоретических и эмпирических вопросов.

АНАЛИЗ МИР-СИСТЕМ: КРАТКИЙ ЭКСКУРС

Я ссылаюсь на анализ мир-систем как на перспективу или парадигму в том виде, в котором ее понимает Т. Кун, а не на теорию (Kuhn 1970; 1977). Вкратце, парадигма является более общей, нежели теория. Это

набор предположений, которые направляют проблемы и развитие многих родственных, но соперничающих теорий. Ошибочное принятие мир-системного анализа за теорию, а не парадигму, заставило многих ученых предположить, что ранние работы И. Валлерстайна охватывали всю «теорию». В то время как мир-системная мысль продвинулась намного дальше валлерстайновских изначальных формулировок, многие из основных предположений происходят из его ранних работ².

Использование термина «мир» в «мир-системах» в последние десятилетия несколько сбивает с толку. Часто он видится как синоним «глобального». Однако он более относится к независимой, внутренне когерентной единице социальной организации. Говоря словами Валлерстайна, «моя мир-система не есть система в мире или система мира. Это система, которая сама по себе – мир» (Wallerstein 1993b: 294).

Таким образом, мир-система является фундаментальной единицей анализа, в которой должны анализироваться все остальные социальные процессы и структуры. Это, однако, не есть утверждение о том, что анализ мир-систем вытесняет и замещает все остальные типы социального анализа. Напротив, это заявка необходимого, но еще далеко не достаточного, требования для любого социального анализа. Таким образом, все социальные процессы происходят в определенное время и в определенном месте и позиции внутри мир-системы. Этот контекст является необходимой частью понимания любого социального процесса.

Для Валлерстайна существует три основных типа мир-систем: мир-экономики, мир-империи и мини-системы. Мир-экономика состоит из государств, торгующих, соперничающих и воюющих друг с другом. Мир-империя – результат политического объединения одним государством других, обычно путем завоевания. Мир-экономики и мир-империи часто являются разными историческими фазами одной и той же системы. Мир-империя может распасться вследствие различных факторов, таких как, к примеру, династический или экологический кризис. В этом случае обычно иное государство, нередко полупериферийное, милитизированное, завоевывает остальные и создает дружную мир-империю (Chase–Dunn, Hall 1997: гл. 5). Валлерстайн также утверждает, что современная мир-система уникальна потому, что, будучи построенной на капитализме, она не стала мир-империей, но из подобных систем стала первой действительно глобальной.

Эта «современная мир-система» развилась в Западной Европе в течение «длинного шестнадцатого века» (1450–1640 гг.). Раннекапиталистические купцы нуждались в рабочей силе, сырье и рынках. Эти потребности стали движителем расширения торговых коммуникаций и колонизации многих районов мира. Экспансия была длительной, но подверженной циклическим ритмам, что является основным качеством мир-системы. Современная мир-система основывалась на разделении труда и состояла из: (1) стран ядра, имеющих развитое индустриальное производство и системы распределения, обладающих силь-

ным государством, буржуазией и крупным рабочим классом; (2) периферийных районов и стран, специализирующихся на добыче сырья и имеющих слабое государственное устройство, малое количество буржуазии и много крестьян; (3) полупериферийные страны, экономически, социально и политически являющиеся промежуточным звеном между первыми и вторыми. Их социальные структуры находятся либо в состоянии транзита, либо имеют смешанную природу.

Капиталисты стран ядра используют принуждение, чтобы заставить производителей из периферийных стран принять низкие цены и низкие заработные платы. Подобный неравный обмен способствует развитию центра и одновременному обнищанию периферии. Пространственные рамки этого тройного разделения не всегда явны и остаются проблематичными. Вышеизложенное является, в известной степени, «идеальными типами». То, что было высоко-технологичным в прошлые века (например текстильная промышленность в XVIII–XIX вв.), может являться низкотехнологичным в будущем (как, например, та же текстильная промышленность в конце XX в.).

Мир-системный анализ имеет двойную исследовательскую задачу. Он призван установить: 1) каким образом системные процессы формируют внутреннюю динамику и социальные структуры его компонентов (государств, регионов, народов); и 2) каким образом изменения внутри компонентов производят изменения в системе. Анализ мир-систем часто критикуется за свой излишний детерминизм и игнорирование человеческого фактора. Эта критика, несмотря на свою обоснованность, является избыточной. Частично это происходит потому, что анализы второго типа отражены в книгах и опираются на достаточное историческое описание, в то время как более краткие статьи, такие как эта, дают краткие выкладки, которые часто читаются как первый тип анализа. Вообще одной из перспектив дальнейшего изучения роли степных скотоводов, включая монголов, является более глубокое эмпирическое и теоретическое понимание мир-системных процессов.

Краткие структурные отчеты имеют тенденцию недостаточно выделять динамические аспекты мир-систем. Динамическая диалектика локального и глобального лежит в основе мир-системного анализа. Системы демонстрируют несколько направлений со встроенными циклами, производящие спираль изменений (Boswell, Chase-Dunn 2000). Направления включают: товарность, пролетаризацию, государственное строительство, увеличение размеров предприятий и интенсификацию капитала. Два главных циклических процесса – волна Кондратьева и гегемонический цикл.

Цикл Кондратьева (К-волна) представляет собой приблизительно 50-летние ценовые циклы. Верхняя часть носит название А-часть, нижняя – Б-часть. К-волны сложно точно датировать, так как они должны измеряться непрямым способом (Grimes 2000). В упрощенном виде это выглядит так – развитие новой технологии дает воз-

возможность экономической экспансии. Однако рынок насыщается, конкуренция растет, экспансия замедляется до тех пор, пока новая или обновленная технология не начнет новый цикл.

Гегемония, не в том смысле, который вкладывал в термин Грамши, является состоянием, в котором одно государство в центре доминирует в мир-системе посредством его экономической и политической мощи. Когда мощь гегемона достигает пика и гегемония теряется или ослабевает, центр испытывает усиленную межгосударственную конкуренцию. Гегемоны часто достигают могущества посредством войны, которая включает всю или большую часть системы. Комбинация Кволн и гегемонического цикла способствует циклам колонизации, деколонизации, войны, образования государств и социальных движений. Однако они не являются причинами этих других циклов, но создают для них более или менее благоприятные условия.

ОТ МИР-СИСТЕМЫ К МИР-СИСТЕМАМ

На первый взгляд антропологические и археологические исследования имеют мало общего с мир-системным анализом. Однако, если мы хотим понять, как развилась так называемая «современная» (modern) мир-система и избежать интерпретации текущих процессов в неверную мировую историю, мы должны критически изучить его прошлое. Одновременно археологи увидели в мир-системе определенный потенциал для понимания региональных систем. В то время, как анализ мир-систем, казалось, предлагал путь для интеграции узких исследований в более широкие процессы, он также казался слишком программным, слишком структурированным и уделял слишком мало внимания объекту изучения. Эти ранние попытки заставили некоторых исследователей мир-систем переосмыслить свои основные предположения и трансформировать некоторые из них в эмпирические вопросы (Hall, Chase-Dunn 1993), например: сколько может быть полупериферийных моделей между центром и периферией и каковы их роли в истории мир-систем?

Другим вопросом является роль различных типов обменов в динамике и эволюции мир-систем. Дж. Шнайдер (Schneider 1977) подверг сомнению повышенное внимание Валлерстайна к обмену основными товарами и отсутствие внимания к торговле предметами роскоши. Несколько исследователей анализировали, как лидеры использовали обмен предметами роскоши или престижными товарами для того, чтобы улучшить свое положение и усилить политическую власть. Эти авторы создали исследования, которые изучали роль обменов предметами роскоши, военных альянсов и идей по функционированию мир-систем (Peregrine 1992; 1995; 2000; Peregrine, Feinman 1996; Kardulias 1999).

К. Чейз-Данн и Т. Холл (Chase-Dunn, Hall 1991; 1997; 2000) развили эти идеи, показав что расширение мир-системного анализа на дока-

питалистические периоды требует трансформации многих компонентов теории в эмпирические вопросы. Авторы выдвинули точку зрения, что существовало четыре широкомасштабных типа мир-систем: родовые, даннические, капиталистические и, возможно в будущем, социалистические³. Каждый тип имеет много вариантов или подтипов. Тем не менее каждый из них имеет доминантный способ накопления (*mode of accumulation*) – более или менее обычный для них способ накопления богатства или капитала, в отличие от способа производства (*mode of production*).

Системы, основанные на родственных отношениях, были наиболее ранними, зачаточными формами мир-систем. Они состояли из небольших, не имевших государственного образования, оседлых групп собирателей. Эти системы имели весьма неразвитые формы дифференциации или иерархии. Так как они не имели государственной организации, их политика была встроена в систему родственных, брачных и гендерных отношений. В то время как подобные системы далеко отстоят от «современной» мир-системы, они являются первоосновой, из которой развились все остальные мир-системы.

Около семи тысяч лет назад началось развитие мир-систем вождеств. Эти системы имели более четко выраженную иерархию и, в определенной степени, разделение на центр и периферию. Конфликты между этими системами, а также их динамика (Hall 2001) дали начало первым государствам и данническим мир-системам, которые появились приблизительно пять тысяч лет назад. Очень быстро даннические мир-системы распространились по свету. Они поглотили родовые системы и вождества и доминировали до тех пор, пока голландцы не создали первое капиталистическое государство в XVII веке. Чейз-Данн и Холл (Chase-Dunn, Hall 1997) утверждают, что именно это, а не «долгий шестнадцатый век», по Валлерстайну, обозначило появление современной, капиталистической мир-системы⁴.

Исследования докапиталистических мир-систем привели к созданию нескольких рабочих гипотез. Во-первых, один способ накопления может включать более чем один способ производства. Даннические мир-системы часто включают некоторое число основанных на родстве мини-систем, расположенных обычно (но не исключительно) в периферийных районах. Они могут содержать анклав, где существуют капиталистические отношения. Однако основное богатство накапливается посредством дани, которая выплачивается главному правителю. В этом позиция Чейз-Данна и Холла отличается от взглядов многих других ученых (Denemark *et al.* 2000, Denemark 2000, Thompson 2000). Во-вторых, в дополнение к системам торговли основными товарами мир-системы часто имеют сети политических/военных обменов, обменов престижными товарами и предметами роскоши и обмена информацией. Для Чейз-Данна и Холла информация включает все виды дан-

ных нематериального, культурного содержания. Каждая из сетей имеет собственные пределы или границы. Все четыре структуры редко совпадают, за исключением небольших островов или внутри современной мир-системы. Отношения между этими сетями во времени остаются неясными.

В-третьих, все мир-системы «пульсируют», то есть расширяются и сжимаются или расширяются быстрее, а затем медленнее. Когда пульсация спорадична и циклична, но не линейна, происходит экспансия. Все виды мир-систем пульсируют, таким образом, пульсации не могут возникать в определенном способе производства или способе накопления. Скорее, такие циклы являются прямым свойством жизнедеятельности системы (Straussfogel 1998, 2000). В-четвертых, Афроевразия (в общепринятых терминах «Азия», «Европа» и «Северная Африка») была связана, по крайней мере на уровне информации или обмена предметами роскоши, самое малое в течение двух с половиной тысячелетий. Таким образом, события и процессы в Европе не могут объясняться только европейскими процессами. Это делает еще более загадочным то, почему динамика размеров империй и процессов урбанизации, происходивших синхронно в западной и восточной части Афроевразии, были связаны по крайней мере в течение двух тысячелетий (Teggard 1918; 1925; 1939; Chase-Dunn, Manning, Hall 2000). Турчин и Холл (Turchin, Hall 2003) предполагают, что экологические циклы и другие факторы могли бы быть причинами подобной синхронизации циклов в системах, даже разделенных значительными расстояниями.

Анализ Чейз-Данна и Холла (Chase-Dunn, Hall 1997; 2000) отличается от остальных в нескольких чертах. Во-первых, они полагают, что существовало много мир-систем, объединенных в четыре широкие категории со множеством подтипов. Во-вторых, они утверждают, что существуют определенные сложные процессы, двигающие эволюцию мир-систем (Chase-Dunn, Hall 2000)⁵. В-третьих, полупериферия является основным локусом изменений. В-четвертых, они не согласны с А. Г. Франком и И. Валлерстайном по поводу исторической глубины «современной мир-системы», хотя и последние авторы признают, что ее исторические корни уходят вглубь на пять тысячелетий. Наконец, Чейз-Данн и Холл видят происхождение государственности как этап эволюции мир-систем, но, в отличие от других ученых, начинают свой анализ задолго до периода формирования государства.

В последнем вопросе настораживает то, почему Чейз-Данн и Холл проводят теоретический и эмпирический водораздел между дифференциацией «центр–периферия» и иерархией центра и периферии. Они определяют дифференциацию «центра–периферии» как «обществ, находящихся на разных уровнях сложности и плотности населения во взаимодействии друг с другом»; тогда как иерархия центра и периферии есть «межобщественное доминирование и эксплуатация» (Chase-Dunn, Hall 1997: 36, 272). Подобное разграничение позволяет упро-

стить как теоретическое, так и конкретно-эмпирическое понимание того, как изначально общества становятся дифференцированными и, затем, как и когда различия в социальной организации и взаимоотношениях дают толчок к иерархическим отношениям, вместо того чтобы полагать, что эти процессы идут одновременно.

ОБЪЕДИНЕНИЕ И СЛИЯНИЕ

Государства, цивилизации и мир-системы постоянно встречались, сталкивались, воевали, завоевывали и разрушали, равно как в некоторых случаях поворачивались к разрушению разными негосударственными группами. Государства часто и разными путями старались поглотить или присоединить безгосударственные или аборигенные народы. Присоединение всегда производит сильнейший эффект, даже когда его степень ограничена. Инкорпорация является двусторонним интерактивным процессом, характер которого варьируется от мягкого до экстремального (Hall 1989a). Называние всего этого процесса «инкорпорацией» скрывает важные вариации и затрудняет понимание широкого ряда последствий инкорпорации и реакций на нее, которые происходят на границах мир-систем (Hall 2000b). Некоторые изменения, произошедшие вследствие инкорпораций, обратимы, другие необратимы.

Инкорпорация создает многочисленные виды приграничных зон (Hall 2000b). Многие из известных нам сегодня групп американских индейцев ведут свое происхождение от слабо интегрированных аборигенных сообществ, объединившихся в процессе инкорпорации (Hall 1989b). Аборигенное сопротивление расширяющимся мир-системам, империям или государствам, с последующей мобилизацией, осуществлялось повсеместно. Самостоятельное возникновение многих из предполагаемых эволюционных типов обществ вызывает сомнение, поскольку последние являются продуктом широкого взаимодействия с государствами и/или мир-системами. Так как эти воздействия являются древними, ясно, что не все вредоносные последствия принадлежат капитализму, но также и институту государства. При этом нередко истории подобных столкновений отражали взгляды экспансионистских государств, согласно которым превосходство государства над негосударственными народами является аксиомой (Wolf 1982).

Иногда инкорпорация подталкивает государства к более сложным формам организации: локальные группы становятся племенами, племена становятся вождествами, а вождества становятся государствами. Подобная реактивная эволюция, как результат инкорпорации, может отразиться и на инкорпорирующем государстве, или мир-системе. Монгольское завоевание Китая демонстрирует нам, как принудительная централизация может повредить государству, инициировавшему ее.

Пример монголов также показывает, как вызванная инкорпорацией централизация может привести к трансформации инкорпорируемой группы, в этом случае, во вторичное государство и даже к созданию

империи. Часто эти вторичные государства были внутренне нестабильны, как это видно в случае степных конфедераций. Они обычно сохранялись до тех пор, пока высокоразвитое оседлое государство снабжало их товарами для торговли. Даже монголы оставались в зависимости от китайских товаров. Как говорили китайцы: «Поднебесная может быть завоевана на коне, но она не может на коне управляться». Степные империи могли существовать, только получая прибыль от регионального центра.

Исследования отношений государства с негосударственными народами в докапиталистический период образуют основу для сравнения взаимоотношений негосударственных обществ с государствами в современной мир-системе и отношениями внутри данной мир-системы. Эти сравнения помогают нам понять, что является уникальным в данных процессах в современной мир-системе. Одним уроком является то, что угнетение и культурное доминирование не являются уникальными для капитализма или для европейцев, но есть общее для всех ситуаций, когда государства взаимодействуют с негосударственными обществами. Однако типы, интенсивность и последствия таких взаимодействий значительно различаются в данных, раннекапиталистических и позднекапиталистических мир-системах (Hall 1998a). Более того, в древних и докапиталистических мир-системах зоны инкорпорации или фронтиры возникают вдоль всех четырех типов границ сетей: основных товаров, политико-военных, предметов роскоши и информации. Слишком мало было проделано работы по их сопоставлению для того, чтобы прийти к каким-либо выводам.

Близкой по сути проблемой является проблема слияния мир-систем. Отличительным признаком ситуаций слияния является то, что одна мир-система в действительности не поглощает и не присоединяет другую, но они входят друг в друга, то есть сливаются. Можно предположить, что подобные слияния происходили вдоль наиболее широких границ информации и престижных товаров, для того чтобы включить политические и военные связи и, в конце концов, маршруты основных товаров. Именно это было показано Чейз-Данном и Холлом (Chase-Dunn, Hall 1997) в их реконструкции более чем двухтысячелетней истории афроевразийских мир-систем.

АФРОЕВРАЗИЯ И СТЕПНЫЕ КОЧЕВНИКИ⁶

Чейз-Данн и Холл доказывают, что в Афроевразии существует по крайней мере три мир-системы: одна с центром в Западной Азии и происходит из первых государств: Месопотамии, позже Египта и Рима; следующая представляет собой мир-системы и государства, возникшие в Южной Азии, которые недостаточно изучены с точки зрения теории мир-систем; и, наконец, китайская мир-система. Агентами объединения в указанных случаях выступали степные конфедерации, ко-

торые, несмотря на свой грабительский характер, способствовали развитию азиатской торговли.

В своем исследовании «*Rim u Kumai*» Ф. Дж. Теггарт (Teggart 1939) доказывает, что военные действия на восточных границах Римской империи и в западных пределах Китая были связаны друг с другом. Он также утверждает, что механизм данной корреляции представлял собой передвижения различных центральноазиатских степных народов, однако он не определяет механизмов этого объединения.

В общем, кочевые группы Центральной Азии имеют сегментарную линиджную структуру (Barfield 1989; Sahlins 1961). Заметной чертой сегментарной линиджной структуры является то, что она позволяет легко формировать альянсы и облегчает превращение недавнего врага в союзника, которое часто рационализируется посредством метафоры родства. Это был единственный путь, через который степные лидеры могли манипулировать течением экономики престижных товаров для создания более широких союзов и более крупных армий.

Киммерийцы и скифы, которые вполне могли быть первыми конными степняками, появились где-то около IX в. до н.э. Китайские источники, описывающие конных номадов, появляются около IV в. до н. э. Развитие государства Хунну, первой крупной степной конфедерации, совпало с формированием династии Цинь в Китае в конце III в. до н. э. Это не было случайным совпадением, напротив, это, скорее, представляло собой первый цикл подъема и упадка китайских династий и степных конфедераций, как показывает Барфилд (Barfield 1989: 13; 1991: 23).

Отношения между Степью и оседлыми народами демонстрируют несколько повторяющихся сюжетов в китайской истории. Во-первых, постепенное расширение зон оседлого земледелия вытесняло кочевников дальше в степи. Однако сочетание сельскохозяйственной технологии и местной экологии ограничивало это распространение. Вдоль приграничья земледельцы иногда перенимали образ жизни кочевников, временами кочевники становились оседлыми. На отдельных участках китайской границы это создавало смешанные зоны. В местах, где зоны вегетации имели четкие очертания, подобный характер имела и граница. В общем, различие между степняками и оседлым населением определялось условиями жизни, но не этничностью или расой, хотя часто это именно так и выражалось. Это был один из ранних примеров сохранения культурной границы несмотря на постоянное движение людей, семей или групп сквозь нее (Barth 1969). Во-вторых, географические и политические факторы обуславливали возникновение волн завоеваний или миграций с востока на запад Евразийского континента. Температура и количество осадков изменялись с востока на запад евразийской степи, и на западе находились лучшие пастбища (McNeill 1982: 17; 1987: 265ff., 323). Однако на востоке внимание привлекала китайская империя.

В-третьих, номады представляли мало интереса или ценности для земледельческого Китая, и поэтому им часто приходилось стимулировать торговлю угрозами: набеги и торговля являлись разными средствами, служившими одной цели (Jagchin, Symons 1989: гл. 1). Хазанов (Khazanov 1984: 202ff) отмечает, что в потребности в этой торговле существовала заметная асимметрия. Благодаря специфике своего жизненного уклада, номады испытывали гораздо большую нужду в товарах, производимых оседлыми народами – как в сельскохозяйственных, так и в ремесленных, – чем земледельцы в товарах, произведенных степняками. Наиболее сильная потребность в обменах с номадами возникла из второго типа торговли, в котором кочевники играли роль посредников между оседлыми цивилизациями. Тем не менее асимметрия в торговой потребности объясняет, почему кочевники нередко принуждали оседлые народы к торговле посредством набегов.

Кристофер Беквис (Beckwith 1991) приводит важный пример обратного. Уйгуры поставляли танскому Китаю лошадей, необходимых для внутренней торговли и управления. Таким образом, по крайней мере в раннем средневековье кочевники поставляли необходимые для жизни товары. Ди Космо (di Cosmo 1994) также опровергает существование асимметрии на основе отношений Хунну, замечая, что кочевники иногда совмещали сельское хозяйство с кочевым. В то время как Ди Космо добавляет несколько тонких нюансов к анализу отношений между кочевниками и оседлыми народами, ничего из того, что он отмечает, не искажает анализ Барфилда. Рассуждения Беквиса, тем не менее, не опровергают анализ Барфилда и укрепляет утверждение о том, что кочевые конфедерации иногда выполняли полупериферийную роль в торговле. Ясно, что требуется больше информации о подобной торговле и может потребоваться пересмотр этой концепции.

С течением времени китайцы создали кавалерию, способную бороться с кочевниками. Набеги находились в связи с изменяющимися условиями в торговле и изменениями в стабильности государств (Scynkiewicz 1989: 154; Barfield 1989). Китайские чиновники видели в этой торговле способ контролировать кочевников. Лидеры кочевых обществ использовали престижные товары, чтобы поддержать и символизировать собственную власть. Эти взаимодействия вызвали изменения в Китае и у кочевников. Когда китайские династии находились в упадке, кочевники временами помогали защищать от восставших осажденные области. Когда династии находились в стадии подъема, это способствовало объединению номадов. Таким образом, степные конфедерации так же часто являлись источником изменений, как и принимали их.

Барфилд (Barfield 1989) приводит примеры тесной связи между китайской империей и степной политической организацией. Он проводит четкое разграничение между стратегиями внешней и внутренней границы. Стратегия внешней границы состояла в том, что домини-

рующий степной лидер, используя насилие для запугивания китайских чиновников, балансируя между миром и войной, получал дань (которую китайцы называли «подарками») и улучшал условия торговли. Он тщательно избегал захвата китайской территории, для того чтобы избежать вовлечения в сплетения китайской политики, которое подобный захват мог бы вызвать.

Стратегия внутренней границы возникала в тот момент, когда кочевая конфедерация начинала распадаться. Тот или иной лидер кочевой фракции (обычно слабой) искал союза с неким китайским чиновником против своих степных противников. Китайские чиновники использовали сложившуюся ситуацию, чтобы натравливать «варваров против варваров» (Yü Ying-shih 1967: 15; Kwanten 1979: 12ff; Beckwith 1987d). Лидер кочевой фракции иногда входил в союз с частью китайской армейской верхушки, чтобы победить своих врагов. Он также старался использовать свои хорошие отношения с китайцами, чтобы прервать поступление китайских товаров своим противникам. Подобная практическая монополия на китайские товары стала мощным орудием для обретения сторонников. Это особенно хорошо работало в системах с сегментарной линейной структурой, где экзотические товары использовались для улучшения статуса и репутации лидеров, то есть в экономиках предметов роскоши. Как только такой лидер получал верховную власть, он мог использовать ее либо для объединения кочевых групп и возвращения к стратегии внешней границы, либо оставлял их политически разъединенными и укреплял свою власть в ограниченном регионе.

Циклическое использование стратегий внутренней и внешней границы являлось механизмом, синхронизировавшим усиление степных политик с усилением китайской империи и фрагментацию степных конфедераций с распадом китайской империи. Только когда аграрная империя была сильна, можно было «дойти» ее посредством политики внешней границы. Когда империя была слаба, степные лидеры склонялись к стратегии внутренней границы, создавая союзы с местными военными вождями.

Эта цикличность объясняет, почему эта «опасная граница» (Barfield 1989) оставалась относительно постоянной. Кочевники не могли править оседлым населением, не став при этом оседлыми. Однако оседлые государства не могли завоевать кочевников, не делая их оседлыми. Они могли пытаться контролировать номадов, комбинируя барьеры и высококомобильные войска, которые могли побеждать кочевников их собственным оружием (Lattimore 1962: 485). Таким образом, центральноазиатские кочевники, особенно монголы, могли создавать огромные империи, но не могли надолго сохранять их. Напротив, китайцы могли манипулировать кочевниками, но им никогда не удавалось подчинить своих степных противников. Китаизация кочевников

отмечалась часто, однако «монголизация» приграничных китайцев фиксируется редко (кроме Lattimore 1940; 1962a).

Воздействие цикличности стратегий внутренней и внешней границ в афроазиатском масштабе распространялось волнами по степной территории и иногда вынуждало кочевников двигаться на запад. Когда китайская мир-система становилась многоцентричной, связанные с ней степные конфедерации также распадались на отдельные части. Конфликт между кочевыми группами нередко разрешался миграцией более слабой группы на новую территорию. Так как конфедерация, союзная китайцам, была, как правило, более крупной и сильной, чем ее противники в глубине степи, она могла легко завоевать и изгнать их. Поэтому крупномасштабная миграция на запад была обычной. Так, Западная Азия подвергалась периодическим многочисленным завоеваниям вытесненных племен. Это один из факторов синхронизации упадков и подъемов империй и расцвета и упадка городов в восточно-азиатской и западноазиатской мир-системах (Chase-Dunn, Manning, and Hall 2000)⁷. В то же время неправильно было бы считать, что именно набеги кочевников были главными причинами падения восточно- и западноазиатских империй. Падение империй во многом вызывалось чрезмерным увеличением, а затем сокращением расходов на содержание империй (Tainter 1988; Hopkins 1978a). Тем не менее эта тенденция вызывала миграции и усиливала набеги кочевников, которые ускоряли развал империй.

Данный анализ степных конфедераций дает пищу для дискуссии по поводу роли классовых отношений в формировании государства. Согласно традиционному марксистскому подходу государства появляются только после формирования классов. В то время как у центральноазиатских кочевников наблюдалось имущественное расслоение, было бы преувеличением называть это классами. Кроме того, существовала постоянно повторявшаяся проблема перехода кочевников к «племенному» строю после распада их, условно говоря, «государств». Проблема здесь в господствующей точке зрения, согласно которой происхождение государства есть явление исключительно эндогенное. Степные конфедерации представляли собой единственные чисто «даннические» государства в том смысле, что основной доход они изымали только у других государств, в то время как собственные подданные давали очень мало. Формирование степных конфедераций можно объяснить, лишь принимая во внимание мир-системные отношения. Это был необычный случай, когда менее сложная и менее иерархическая периферия или полупериферия (в рамках различия центра-периферии) эксплуатировала более сложный центральный регион. Этот пример наглядно показывает, почему Чейз-Данн и Холл (Chase-Dunn, Hall 1997) настаивают на том, что отношение между различием центра-периферии и иерархией центра-периферии должно изучаться эмпирически, а не предполагаться теоретически.

Степные конфедерации могут пониматься как полупериферийные, а не как периферийные. Если китайская империя представляла собой центр, отдаленные кочевники – периферию, и ближние степные конфедерации – полупериферию, тогда такая ситуация представляет собой интригующую загадку мир-системы. Здесь полупериферия растет вследствие неравного, в свою пользу, обмена с центром и использует свою мощь для блокирования процесса формирования соперничающих полупериферий. Однако тем не менее она остается зависимой от центра в том смысле, что это отношение находится в зависимости от материального состояния центра.

Кажущаяся противоречивость эксплуатации полупериферией центра частично нивелируется соотношением размеров. Китайские государства превосходили степные конфедерации по населению в сто и более раз. Таким образом, то, что они давали степнякам, было относительно малым по сравнению с другими обменами, и тем не менее представляло жизненную необходимость для кочевников. Поэтому одни и те же обмены представлялись степным кочевникам «данью», в то время как китайцы называли их «подарками» или «взятками» (Jagchid and Symons 1989: гл. 2 и 4).

На другом конце Афроевразии негосударственные народы, противостоявшие Риму, были более разнообразными и представляли собой проблему другого рода (Dyson 1985; Wells 1999). Вдоль восточной и южной (то есть Северная Африка) границ негосударственные народы были более или менее одинаково подвижными скотоводами. На европейских границах народы варьировались от полуседлых ранних земледельцев до сложных вожеств. Рим оказывал значительное, хотя и неравномерное, давление на своих соседей, стимулируя политическую централизацию негосударственных обществ. Иногда это давление имело отрицательные последствия и для самого Рима, как, например, в случае разгрома Артемием римских легионов в битве в Тевтобургском лесу в 9 г. н. э. (Wells 1999).

В отличие от степных кочевников западноазиатские и североафриканские кочевники имели родовую организацию, которая менее поддавалась экспансии посредством включения в «фиктивную» генеалогическую структуру. Это, возможно, отражало важные географические различия (Barfield 1990). Эти кочевники более часто и охотно чередовали кочевой и оседлый образы жизни (Cribb 1991). Это могло происходить из-за того, что эти кочевники, в особенности когда они занимали очень разнообразный ландшафт, – трансгуманный тип хозяйства. Соответственно они часто имели симбиотические отношения с оседлыми земледельцами регионального центра (Barfield 1993: 94).

В конце концов, римская стратегия отношений с негосударственными обществами отличалась от китайской, а также парфянской, селевкидской, сасанидской и стратегий других государств Западной

Азии. Продолжая свою раннюю политику федерализации, Рим часто старался превратить своих стародавних негосударственных противников в союзников. Эта стратегия перемежалась с территориальным, или прямым, либо гегемоническим, или непрямым, контролем.

Маттингли (Mattingly 1992) отмечает, что конфликты римлян со скотоводами Северной Африки, в отличие от знаменитого анализа римской стратегии Э. Люттвака (Luttwak 1976), не всегда имели целью держать кочевников подальше от своих пределов, даже в поздней-имперский период. «Римские границы любого типа (стены, земляные сооружения, реки, горы, пустыни или системы дорог и фортов) не предназначались для блокады или первоначального сдерживания наступающих сил противника. Скорее, они представляли собой фильтры, предназначенные для облегчения наблюдения и контроля за движением в территориях и зонах доминирования» (Mattingly 1992: 56). Таким образом, Рим склонял кочевников-скотоводов к стратегии внутренней границы и блокировал любой сдвиг к стратегии внешней границы с помощью разумной комбинации дани, альянсов и политики «разделяй и властвуй» (Mattingly 1992: 54). Эти способы также облегчались уже отмеченными нами географическими и родоплеменными различиями.

Итак, Риму редко противостояли объединенные конфедерации типа тех, что противостояли Китаю. Это не избавляло от угрозы и влияния кочевников на Рим или другие империи Западной Азии. Центральноазиатский цикл кочевнических конфедераций приводил к синхронизации приграничной войны в Китае и Риме и направлял объединение и распад систем обмена товарами роскоши и информации в масштабах Афроевразии.

МОНГОЛЫ

О монголах и Чингисхане было много написано. Здесь я только выделю те черты, которые мир-системный анализ может добавить к дебатам, и не буду углубляться в их богатую и сложную историю. Монгольское завоевание являлось одним из наиболее важных процессов, имевших место в истории афроевразийских мир-систем. Барфилд утверждает: «Исключительная природа Монгольской империи часто понималась неправильно, так как, будучи самым мощным кочевым государством из всех существовавших, она рассматривалась как кульминация политической эволюции степи, а не как исключение, каковым она и являлась» (Barfield 1991: 48). Она представляла собой исключение в нескольких чертах: в процессе прихода Чингисхана к власти, в чжурчженской реакции на это, в масштабе завоевания, а также в создании государств с городской базой, включая династию Юань.

Чингис поднялся из маргинального состояния и часто сталкивался с оппозицией в лице собственных родичей. Поэтому он не полагался на родство для организации своих последователей, но опирался на

преданность и автократический контроль. Он создал разноплеменную элиту из своих друзей и приближенных.

Исходя из этого, политическая организация Чингисхана не была кульминацией долговременной эволюции степных традиций, так как она отрицала модель имперской конфедерации. Вместо этого монгольское государство базировалось на принципах централизованной администрации, разрушении племенных моделей лидерства и жесткой дисциплине, не встречавшейся среди кочевников в столь развитой степени. Это было уникальное образование. После падения Монгольской империи кочевники вернулись к более архаичной и традиционной организационной модели имперской конфедерации (Barfield 1991: 49).

Это государство нового образца столкнулось с чжурчжэньским полупериферийным завоевательным государством, которое не стало следовать проверенной временем китайской политике умиротворения. Чингисхан переиграл чжурчжэней с помощью стратегии внешней границы – разрушительных набегов и склонения к политике умиротворения, а затем как-то неохотно завоевал Северный Китай. Вместе с малой терпимостью Чингиса к сопротивлению это привело к масштабным разрушениям городов и сельскохозяйственной инфраструктуры. Только при Хубилае монголы приняли на себя ответственность за управление Северным Китаем вместо того, чтобы разорять его.

Монгольская империя впервые объединила большую часть Евразии в рамках одной империи. Однако слияние было далеко от завершения. Мамлюки предотвратили военный захват Египта и Северной Африки. Неудобство лесных зон для конных лучников (Lindner 1981; 1983) в сочетании с успехами рыцарей в лесных зонах (McNeil 1963; 1964; 1882) сохранили Европу от монгольского завоевания.

Объяснение успеха монголов лежит в факторах и процессах, происходивших одновременно на нескольких уровнях (Sounders 1971; Morgan 1986; Lindner 1981; 1983; Barfield 1989). Во-первых, государства западной Азии были слабы по сравнению с Китаем и открыты для завоевания. Монголы не знали, что их экологические рамки были более хрупкими, чем у китайцев, которые часто отстраивали и заново заселяли разрушенные города. Однако в юго-западной Азии такое разрушение часто оставалось навечно, особенно когда разрушению подвергались оросительные системы. Так как монголы особенно не утруждали себя организацией местной администрации, часто случалось так, что не оставалось тех, кто был бы способен восстановить разрушенные города и ирригационные системы (Barfield 1989: 201–202).

Во-вторых, клиентные отношения с монголами являлись выгодной «делкой» в условиях непрекращавшейся войны. Государства, не подчинившиеся власти монголов или нарушившие договоры с ними (государство Цзинь в Китае, Западный Туркестан и Тангутское государство), как правило, уничтожались. Государства же, подчинившиеся

монголам (Маньчжурия, Корея, оазисы Уйгурии), уцелели и часто сохраняли своих правителей.

Чингис был особенно нетерпим к проявлениям нелояльности. Как пишет Барфилд, «карательные войны были настолько разрушительны, что приводили к падению правящих династий и прямой инкорпорации в Монгольскую империю» (Barfield 1989: 200). Это было чем-то новым для степных набегов в Центральной Азии. На западе им пришлось захватить и управлять государствами, которые они не уничтожили. На востоке сила монголов в конце концов привела их в ловушку, так как они были вынуждены основать новую династию Юань.

Привязанность монголов к степи была третьим фактором их успеха. Эти кочевники имели гибкую родовую структуру, которая, с одной стороны, позволяла им привлекать других номадов и иногда даже оседлые группы в свою растущую завоевательную машину. С другой стороны, Чингисхан построил такую командную структуру, выбирая лидеров по их преданности и способностям, а не из-за родственных связей, что её было сложно расколоть вдоль племенных линий.

Четвертым фактором успеха было присутствие нескольких лидеров, которые умно сочетали желание покорять и грабить с нуждами управления. Мункэ, брат Хубилая, осуществил некоторые административные нововведения, позволявшие направить устремления консерваторов на постоянные успешные внешние войны, что позволило освободить ему руки для решения проблем в столице (Allsen 1987).

Вышеизложенное не является возвращением к теории «выдающихся личностей» в истории. Напротив, мы признаем, что монгольское правление являлось формой, отчасти подобной институту лидерства «бигмена» (Sahlins 1961; 1963; 1968), которое было особенно чувствительно к степени компетенции кандидата. Несколько монгольских вождей подвергали грабежу и облагали данью племена, которые в противном случае покинули бы союз. То есть внутри своего государства они довели до совершенства стратегию внешней границы, выжимая дань из оседлых государств, даже при том, что во внешней политике они часто переигрывали этой стратегией. Далее, монгольские вожди отличались достаточным опытом и знанием того, как функционировали государства и, несомненно, использовали это знание для того, чтобы выборочно принять и приспособить приемы правления государством для собственных управленческих нужд.

Пятый, и основной, фактор успеха монголов – отличные материально-технические возможности в военной сфере: связи, транспорте и передвижении. Кочевой образ жизни лежит в основе этой способности: многочисленные лошади, глубокое знание географии и способность перемещаться вместе со всеми средствами производства (семьями и стадами).

Используя данные преимущества, все Великие ханы полагались на структуру родства и проницаемость групповых границ в создании

крупных конфедераций. Завоеванные народы могли предпочесть подчиниться новому хозяину, чем умереть в безнадежной борьбе. В то время как такой подход работал в случае кочевников, он не действовал в случае оседлых народов. Проблема получения дохода облегчалась постоянной экспансией и притоком награбленной добычи. Этот постоянный приток помогал свести к минимуму межплеменные распри и заглушить недовольство изменениями, пришедшими вместе с империей. Отличная мобильность и коммуникации значительно облегчили процесс сбора крупных армий. Тем не менее, будучи внутренне нестабильными, эти достоинства являлись временными.

Источником данной нестабильности были технологические и политические проблемы. Законная преемственность власти представляла собой политическую проблему. Личные способности, из которых немаловажными считаются умение создавать союзы и воевать, лежат в основе могущества крупного лидера. Так, война была жизненно важной частью восхождения к власти. Принципы горизонтального и линейного наследования внутри монгольского общества являлись источником внутреннего соперничества и конфликта⁸. Поэтому вооруженный захват власти был неизбежен из-за отсутствия ясных приоритетов в системе наследования. Однако институционализация системы наследования подорвала бы само основание лидерства. Проблема состояла не только в том, что монголы не смогли институционализировать политическое наследование, как утверждает Эйзенштадт (Eisenstadt 1963), но и в том, что, если бы они смогли добиться этого, они перестали бы оставаться монголами. Подобные проблемы были внутренне присущи политическому контролю и сбору доходов.

Превосходство в средствах связи и мобильности способствовало нестабильности, потому что эти возможности были присущи кочевой жизни и являлись врожденными навыками всех кочевых групп и вождей. Таким образом, какому-либо одному вождю было практически невозможно монополизировать контроль над стратегическими ресурсами, чтобы вынудить своих соседей подчиняться. Несогласные всегда имели возможность свернуть свои юрты и откочевать вместе со своими стадами.

Корни данной ситуации лежат в материальной адаптации к постоянной и неопределенной степной среде. Кочевая экономика была очень адаптивна для жизни в нестабильном окружении, так как базировалась на гибкой родственной системе и текучей форме лидерства, которая быстро реагировала на изменяющиеся обстоятельства. Эта адаптация позволяла организовывать мобильные армии, однако одновременно ограничивала экспансию. Кроме того, она была совершенно не приспособлена к управлению оседлыми земледельческими культурами. Именно поэтому край степи оставался постоянной границей (Lattimore 1940; Lindner 1983; McNeil 1964; Whittaker 1994).

Тем не менее, несмотря на достаточно короткое существование (немногим более века), единство монголов принесло значительные изменения в Афроевразию. Монгольское завоевание открыло северный путь, ведущий из Китая в Европу в обход путей, пролегающих через современные Иран и Ирак или через Индийский океан. Последовавшая стабильная торговля между Востоком и Западом, проходившая по степи, открыла новые торговые циклы. «Постепенно обмен рабов и мехов на товары, происходивший с севера на юг, дополнил поток товаров с востока на запад, осуществлявшийся с помощью караванов» (Bentley 1993: 56). Еще одним важным последствием стало распространение бубонной чумы в Европе и Китае (McNeil 1976)⁹. «Черная смерть» сначала прошла по Китаю в 1331 г., унеся огромное количество жизней, а затем по Европе в 1348 г., уничтожив от одной трети до половины населения континента, что в конце концов повлияло на изменение отношений между феодалами и крестьянами.

Распространение чумы, возможно, также являлось причиной упадка монгольской державы (McNeill 1976: 132–175). Бацилла *Pasteurella pestis*, возможно, пришла с монголами из Маньчжурии в степи Средней Азии. Здесь она распространилась среди местных грызунов и приняла эндемический характер. Затем она распространилась в Китай и Европу и, возможно, среди многих центрально-азиатских кочевников. Если так, то чума также замедлила темп монгольского завоевания. Распространение чумы в Китае (1331 г.) способствовало ослаблению династии Юань (которая пала в 1368 г.). Приход чумы в степи также объясняет, почему после падения монгольской державы миграция проходила из оседлых районов в степь, а не наоборот.

ВЫВОДЫ, ВОПРОСЫ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

Общим эффектом всех этих событий и процессов в мир-системном историческом контексте стало пульсирующее объединение и разделение мир-систем в Западной и Восточной Азии и, в гораздо меньшей степени, в Южной Азии. Конечно, относительно продолжительная изоляция Южной Азии – кроме критического на уровне информации и распространения религиозных идей – может объяснить, почему синхрония в изменениях, происходивших в Восточной и Западной Азии, не затронула Южной Азии. Ясно, что центральноазиатские кочевники играли важные, хотя и конфликтные, изменяющиеся и непостоянные роли в слиянии этих мир-систем на уровне информации и предметов роскоши. Однако монголы являлись единственной группой, которая достигла объединения на уровне политического и военного взаимодействия.

Объединение монголов во многих отношениях способствовало подъему Европы. Новые идеи, новые предметы роскоши, новые патогены и новые враги (или страх перед ними) привели ко многим изме-

нениям на далеком западе Афроевразии (обычно называемом Европой). Одним из важных факторов являлся поиск более коротких или менее оспариваемых путей в Азию для развития новых торговых линий. Край степной границы (McNeil 1964) также помогал защитить Европу от военного вторжения. Все эти факторы способствовали движению Европы по такой траектории изменений, которая дала толчок колониализму, меркантилизму, подъему капиталистических государств и индустриальной революции. Ясно, что подъем Европы не может объясняться только внутренними факторами. Те, кто утверждает это, игнорируют процессы, происходившие во всей Афроевразии и создававшие контекст, внутри которого черты местной европейской социальной организации могли возыметь то действие, которое они имели. По мнению К. Померанца (Pomeranz 2000), многое из того, что произошло в Европе, имело смысл только в широком контексте. В данной статье я хотел показать, что центральноазиатские кочевники, в особенности монголы, являлись ключевыми фигурами в этом процессе.

Есть и другие выводы или по крайней мере размышления и вопросы, которые можно вывести из приведенного здесь анализа. Во-первых, события в степях Центральной Азии не могут объясняться исключительно через местные факторы. Как показал Барфилд (Barfield 1989), кочевников можно понять только глядя в разных направлениях – на восток, запад, север и юг. Хазанов (Khazanov 1984) уже давно разработал похожую аргументацию. К этому я добавлю, что сложные, хотя и изменчивые и непостоянные роли кочевников в различных мир-системах необходимы, чтобы понять их социальные структуры и особенности эволюции. Степные конфедерации не могли бы существовать без существования сильных центральных государств. Мир-системный анализ как минимум дает путь для выделения и изучения этих сложных отношений с большей степенью точности. Однако последствия изучения степных кочевников идут в обоих направлениях.

Во вторых, изучение кочевников Центральной Азии дает пути для изучения синхронии и слияния мир-систем. Во многих случаях степные конфедерации играли роль *оспариваемой* (contested) периферии и, конечно, при монголах – оспариваемой полупериферии. Оспариваемая периферия или полупериферия представляет собой социальную группу, существующую между мир-системами и может одновременно являться периферией или, реже, полупериферией в каждой из них (Allen 1996; Bergquist 1995; Cline 2000). Таким образом, эти оспариваемые территории становятся связующими элементами для обмена между мир-системами. Однако иногда они могут выступать в качестве барьеров, хотя и частично проницаемых, в зависимости от того, что и в каком направлении проходит через них. Таким образом, изучение степных кочевников дает широкие возможности для изучения всего этого комплекса и его важной роли в мир-системах. Несомненно, похожие

или аналогичные процессы имели место и в других местах, но до тех пор, пока у нас не будет больше знания о таких случаях, мы не сможем сделать более или менее приемлемых предположений относительно либо уникальности, либо общего характера этих степных процессов.

В-третьих, используя этот подход, мы сможем переоценить эволюционные последовательности и понять, как изменяются кочевые общества и в какой зависимости эти изменения находятся от их мир-системных контекстов. Н. Крадин утверждает, что степные конфедерации – это ксенократические суперсложные вождества, а не сложившиеся государства (Kradin 2002). Я же рассматривал их в качестве формы государства. Тем не менее в наших подходах меньше различий, чем можно предположить из терминологии. Если это государства, они могут быть протогосударствами, государствами в стадии возникновения, или рудиментарными государствами, но не полностью развитыми государствами. То, когда вождество становится государством, является острой научной проблемой. Более близкое изучение степных конфедераций дает исследователям возможность изучить этот важный переход в человеческой социальной эволюции. Конечно, будущие исследования могут заставить нас пересмотреть наше понимание процессов и последовательностей социальной эволюции.

В конечном итоге все это касается других проблем – значения классов, форм государства и вождества, роли родственных отношений и политической преемственности и многих других социальных процессов. Нередко бывает полезно заново изучить основные положения и теоретические выкладки и подвергнуть их критическому эмпирическому анализу. Конечно, здесь нужно еще многое изучать. Я также надеюсь, что изучение центральноазиатских кочевников не является бесполезным упражнением, но необходимо для более глубокого понимания истоков нашей глобализирующейся мир-системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Впервые опубликовано в: Базаров Б. В., Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. «Монгольская империя и кочевой мир». Вып. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 136–166. Текст печатается по указанному изданию.

¹ Я благодарен моему коллеге Н. Крадину за предложение суммировать мои мысли о монголах, изложенных в нашей совместной с К. Чейз-Данном монографии «Рост и упадок: сравнивая мир-системы» (Chase-Dunn 1977) и в ряде более ранних публикаций. Я рассматриваю эту статью как вклад в диалог между учеными, которые из-за различных политических проблем (например «холодной войны»), а также языковых различий не знали о проводимых отдельно друг от друга исследований. Моя долгая переписка по электронной почте с проф. Крадиным, а также его опубликованная на английском языке в *Journal of World Systems Research* статья наводит меня на предположение, что для многих российских читателей моя статья может показаться «изобретением велосипеда». В данной работе я, в основном, ссылаюсь на англоязычную литературу.

² Более подробно см. другие работы (Chase–Dunn 1998; 2001; Grimes 2000; Hall 2000a; 2002; Martin 1994; 2000; Shannon 1996; So 1990), а также труды самого И. Валлерстайна.

³ См. у Босвелла и Чейз-Данна по поводу того, что они имели в виду (Boswell, Chase-Dunn 2000). Вкратце, социалистическая мир-система должна была являться глобальной и направляться сильными демократическими мерами для достижения коллективной рациональности, в противоположность частному доходу. Согласно этому определению, в современном мире никогда не существовало социализма, в лучшем случае встречался только локализованный государственный социализм.

⁴ Они не противоречат аргументу Валлерстайна об истоках современной мир-системы, уходящих далеко в XVI в., и, конечно, конкурируют с доводами Ж. Абу-Лугод (Abu-Luhgod 1989) о том, что корни эти уходят на два или три века раньше. Противоречие возникает тогда, когда термин «капиталистический» становится употребимым. Другие аргументы см.: Frank and Gills 1993.

⁵ Здесь некоторые наши более ранние идеи (Chase-Dunn and Hall 1997) сформулированы в более четкой форме и это нужно иметь в виду.

⁶ Эта часть в значительной степени основывается на 8 главе «*Роста и упадка*» (Chase-Dunn, Hall 1997) и работах Барфилда (Barfield 1989; 1990; 1991; 1993). Другие важные работы: Lattimore 1940; 1962a; 1962b; 1980; Khazanov 1984; Irons 1979; Burnham 1979; Morgan 1986; Seaman 1989; 1992; Seaman and Marks 1991; Szykiewicz 1989; Jagchid, Symons 1989; Beckwith 1987a; 1987b; 1987c; 1991). Джачид и Саймонс во «Введении» своей книги (Jachid, Symons 1989) делают обзор литературы по этой проблеме. Холл (Hall 1991) и Франк (Frank 1992) осуществляют мир-системную интерпретацию проблемы взаимоотношений кочевников и земледельческих цивилизаций.

⁷ Изменения климата, понижающие продуктивность местных пастбищ, могут производить идентичный эффект. Фактически, следуя аргументам Турчина и Холла, большое разнообразие факторов может произвести подобную синхронизацию (Turchin, Hall 2003). Для понимания этой синхронизации требуется дальнейшее исследование. Однако, каким бы ни был механизм, очевидно, что степные кочевники играли в нем значительную роль.

⁸ Боковое (горизонтальное) наследование предполагало передачу власти от старших к младшим сыновьям, в то время как прямой принцип наследования предполагал переход статуса от отца к сыну. Прямое происхождение может осуществляться посредством майората или минората. Практика полигамии осложняет все эти формы происхождения. Барфилд (Barfield 1989) дает много детальных свидетельств того, как осуществлялся и не осуществлялся этот процесс у кочевников Центральной Азии.

⁹ Недавно имела место дискуссия о том, какая именно инфекция была распространена. Однако, какими бы ни были причины патогенеза и какими бы путями он ни распространялся, многие из этих процессов, так или иначе, произошли бы. Однако детальное понимание этих процессов все-таки требует более углубленного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Abu-Lughod, J. 1989. *Before European Hegemony: The World System A. D. 1250–1350*. New York: Oxford University Press.

Allen, M. 1996. *Contested Peripheries: Philistia in the Neo-Assyrian World-System*. Unpublished Ph. D. dissertation, Interdepartmental archaeology program, UCLA.

Allsen, T. 1987. *Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259*. University of California Press.

Barfield, T. J. 1989. *The Perilous Frontier*. London: Blackwell.

1990. Tribe and State Relations: The Inner Asian Perspective. In Khoury, Ph., and Kostiner, J. (eds.), *Tribe and State Formation in the Middle East* (pp. 153–182). Berkeley.

1991. Inner Asia and Cycles of Power in China's Imperial Dynastic History. In Seaman, G., and Marks, D. (eds.), *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery* (pp. 21–62). Los Angeles, CA.

1993. *The Nomadic Alternative*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.

Beckwith, Ch. 1987a. The Tibetans in the Ordos and North China: Considerations on the Role of the Tibetan Empire in World History. In Beckwith, C. (ed), *Silver on Lapis: Tibetan Literary Culture and History*, (pp. 3–11). Vol. 20. Bloomington, IN.

1987b. *The Tibetan Empire in Central Asia*. Bloomington: Indiana University Press.

1987c. Tibetan Science at the Court of the Great Khans. *The Journal of the Tibet Society*, Vol. 7: 5–11.

1987d. *The Concept of 'Barbarian' in Chinese Historiography and Western Sinology: Rhetoric and the Creation of Fourth World Nations in Inner Asia*. Papers presented at the Association of Asian Studies meeting, Boston.

1991. The Impact of the Horse and Silk Trade on the Economies of T'ang China and the Uighur Empire. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, Vol. 34, No 2: 183–198.

Bentley, J. H. 1993. *Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times*. Oxford: Oxford University Press.

Berquist, J. L. 1995. The Shifting Frontier: the Achaemenid Empire's Treatment of Western Colonies. *Journal of World-Systems Research*, Vol. 1, No 1: 17 (ejournal <http://csf.Colorado.edu/jwsr>).

Boswell, T., Chase-Dunn, Ch. 2000. *The Spiral of Capitalism and Socialism: The Decline of State Socialism and the Future of the World-System*. Boulder, CO: Lynne-Rienner.

Burnham, Ph. 1979. Spatial Mobility and Political Centralization in Pastoral Societies. *Pastoral Production and Society / Production Pastorale et Société* (pp. 349–360). Cambridge.

Chase-Dunn, Ch. 1998. *Global Formation: Structures of the World-Economy*. 2nd ed. Boulder, CO: Rowman and Littlefield (Originally 1989, London: Blackwell).

2001. World-Systems Theorizing. In Turner, J. H. (ed.), *Handbook of Sociological Theory* (pp. 589–612). New York.

Chase-Dunn, Ch., Hall, T. (eds.) 1991. *Core/Periphery Relations in Precapitalist Worlds*. Boulder, CO: Westview Press.

1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder: Westview Press.

2000. Comparing World-systems to Explain Social Evolution. In Denmark, R., Friedman, J., Gills, B. K., and Modelski, G. (eds.), *World System History: The Social Science of Long-Term Change* (pp. 86–111). London.

Chase-Dunn, Ch. Manning, S., Hall, T. 2000. Rise and Fall: East–West Synchronicity and Indic Exceptionalism Reexamined. *Social Science History*, Vol. 24, No 4: 727–754.

Cline, E. 2000. 'Contested Peripheries' in World Systems Theory: Megiddo and Jezreel Valley as a Test Case. *Journal of World-Systems Research*, Vol. 6, No 1: 8–17. (ejournal: <http://csf.Colorado.edu/jwsr>).

Cribb, R. 1991. *Nomads in Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press.

Denemark, R. A. 2000. Cumulation and Direction in World System History. In Denemark, R., Friedman, J., Gills, B. K., and Modelski, G. (eds.), *World System History: The Social Science of Long-Term Change* (pp. 299–312). London.

Denemark, R. A., Friedman, J., Gills, B. K., and Modelski, G. (eds.) 2000. *World System History: The Social Science of Long-Term Change*. London: Routledge.

di Cosmo, N. 1994. Ancient Inner Asian Nomads: Their Economic Basis and Its Significance in Chinese History. *Journal of Asian Studies*, Vol. 53, No 4: 1092–1126.

Dyson, S. L. 1985. *The Creation of the Roman Frontier*. Princeton: Princeton University Press.

Eisenstadt, S.N. 1963. *The Decline of Empires*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice–Hall.

Frank, A. G. 1992. *The Centrality of Central Asia*. Amsterdam: VU University Press for Center for Asian Studies Amsterdam (CASA), Comparative Asian Studies No. 8.

Frank, A. G., Gills, B. K. (eds.) 1993. *The World System: Five Hundred Years of Five Thousand?* London: Routledge.

Grimes, P. 2000. Recent Research on World-Systems. In Hall, T. D. (ed.), *A World-Systems Reader: New Perspectives on Gender, Urbanism, Cultures, Indigenous Peoples, and Ecology* (pp. 29–55). Lanham, MD.

Hall, T. 1989a. *Social Change in the Southwest, 1350–1880*. Lawrence, KS: University Press of Kansas.

1989b. Is Historical Sociology of Peripheral Regions Peripheral? In Martin, M. T., and Kandal, T. R. (eds.), *Studies of Development and Change in the Modern World* (pp. 349–372). New York.

1991. The Role of Nomads in Core/Periphery Relations. In Chase-Dunn, Ch., and Hall, T. D. (eds.), *Core/Periphery Relations In Precapitalist Worlds*. (pp. 212–239). Boulder, CO.

1998. The Effects of Incorporation into World-Systems on Ethnic Processes: Lessons from the Ancient World for the Contemporary World. *International Political Science Review*, Vol. 19, No 3: 51–267.

2000a. *A World-Systems Reader: New Perspectives on Gender, Urbanism, Cultures, Indigenous Peoples, and Ecology*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Press.

2000b. Frontiers, and Ethnogenesis, and World-Systems: Rethinking the Theories. In Hall, T. D. (ed.), *A World-Systems Reader: New Perspectives on Gender, Urbanism, Cultures, Indigenous Peoples, and Ecology* (pp. 237–270). Lanham, MD.

2001. Chiefdoms, States, Cycling, and World-Systems Evolution: A Review Essay. *Journal of World-Systems Research*, Vol. 7, No 1: 91–100 (E–Journal <http://csf.colorado.edu>).

2002. World-Systems Analysis and Globalization: Directions for the Twenty-First Century. In Dobratz, B. A., Buzzell, T., Waldner, L. K. (eds.), *Theoretical Directions in Political Sociology for the 21st Century, Research in Political Sociology* (pp. 81–122). Vol. 11. Oxford.

Hall, T., Chase-Dunn, Ch. 1993. The World-Systems Perspective and Archaeology: Forward into the Past. *Journal of Archaeological Research*, Vol. 1, No 2: 121–143.

Irons, W. 1979. Political Stratification among Pastoral Nomads. *Pastoral Production and Society / Production Pastorale et Société* (pp. 361–374). Cambridge.

Jagchid, S., Symons, V. J. 1989. *Peace, War, and trade Along the Great Wall: Nomadic-Chinese Interaction Through Two Millennia*. Bloomington, IN: Indiana University Press.

Kardulias, P. N. (ed.) 1999. *Leadership, Production, and Exchange: World-Systems Theory in Practice*. CO: Rowman and Littlefield.

Khazanov, A. M. 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge University Press (2nd ed. 1994, Madison, WI: University of Wisconsin Press).

Kradin, N. 2002. Nomadism, Evolution and World-Systems: Pastoral Societies in Theories of Historical Development. *Journal of World-Systems Research*, Vol. 8, No 3: 368–388 (ejournal <http://csf.Colorado.edu/jwsr>).

Kuhn, T. 1970. *The Structure of Scientific Revolutions*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press.

1977. Second Thoughts on Paradigms. In Kuhn, T. S., *The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Traditions and Change* (pp. 293–319). Chicago.

Kwanten, L. 1979. *Imperial Nomads: A History of Central Asia, 500–1500*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Lattimore, O. 1951. *Inner Asian Frontiers*. 2nd ed. Boston: Beacon Press. (Originally (1940). New York: American Geographical Society).

1962a. The Frontier in History. In Lattimore, O., *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–58* (pp. 469–491). London.

1962b. Inner Asian Frontiers: Defensive Empires and Conquest Empires. In Lattimore, O., *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–58* (pp. 501–513). London.

1962c. *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–58*. London: Oxford University Press.

1980. The Periphery as Locus of Innovation. In Gottman, J. (ed.), *Centre and Periphery: Spatial Variation in Politics* (pp. 205–208). Beverly Hills.

Lindner, R. 1981. Nomadism, Horses and Huns. *Past & Present*, Vol. 92 (Aug): 3–19.

1983. *Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia*. Vol. 144. Indiana University Uralic and Altaic Series. Bloomington, IN: Research Institute for Inner Asian Studies.

Luttwak, E. N. 1976. *The Grand Strategy of the Roman Empire: From the First Century A. D. to the Third*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Martin, W. 1994. The World-Systems Perspective in Perspective: Assessing the Attempt to Move Beyond Nineteenth Century Eurocentric Conceptions. *Review*, Vol. 17, No 2: 145–185.

2000. Still Partners and Still Dissident After All these Years? Wallerstein, World Revolutions and the World-Systems Perspective. *Journal of World-Systems Research*, Vol. 6, No 2: 234–263 (ejournal <http://csf.Colorado.edu/jwsr>)

Mattingly, D. J. 1992. War and Peace in Roman North Africa: Observations and Models of State-tribe Interaction. In Ferguson, R. B., and Whitehead, N. L. (eds.), *War in the Tribal Zone* (pp. 31–60). Santa Fe.

McNeill, W. 1963. *The Rise of the West: A History of the Human Community*. Chicago: University of Chicago Press.

1964. *Europe's Steppe Frontier, 1500–1800*. Chicago: University of Chicago Press.

1976. *Plagues and Peoples*. Garden City, New York: Doubleday.

1982. *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A. D. 1000*. Chicago: University of Chicago Press.

1987. *A History of the Human Community, Vol. I: Prehistory to 1500*. 2nd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Morgan, D. 1986. *The Mongols*. London: Blackwell.

Peregrine, P. 1992. *Mississippian Evolution: A World-System Perspective* (Monographs in World Archaeology No. 9). Madison, WI: Prehistory Press.

1995. Networks of Power: The Mississippian World-System. In Nassaney, M., and Sassaman, K. (ed.), *Native American Interactions* (pp. 132–143). Knoxville, TN.

2000. Archaeology and World-Systems Theory. In Hall, T. (ed.), *A World-Systems Reader: New Perspectives on Gender, Urbanism, Cultures, Indigenous Peoples, and Ecology* (pp. 59–68). Lanham, MD.

Peregrine, P., Feinman, G. (eds.) 1996. *Pre-Columbian World-Systems* (Monographs in World Archaeology No. 26). Madison, WI: Prehistory Press.

Pomeranz, K. 2000. *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton: Princeton University Press.

Sahlins, M. 1961. The Segmentary Lineage: An Organization of Predatory Expansion. *American Anthropologist*, Vol. 63, No 2: 322–345.

1963. Poor Man, Rich Man, Big-Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 5, No 3: 285–303.

Sahlins, M. 1968. *Tribesmen*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Saunders, J. J. 1971. *The History of the Mongol Conquests*. New York: Barnes & Noble.

Schneider, J. 1977. Was There a Pre-Capitalist World-System? *Peasant Studies*, Vol. 6, No 1: 20–29.

Seaman, G. (ed.) 1989. *Ecology and Empire: Nomads in the Cultural Evolution of the Old World*. Los Angeles, CA: Ethnographics Press, Center for Visual Anthropology, University of Southern California.

1992. *Foundations of Empire: Archaeology and Art of the Eurasian Steppes*. Los Angeles, CA: Ethnographics Press, Center for Visual Anthropology, University of Southern California.

Seaman, G., Marks, D. (ed.) 1991. *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*. Los Angeles, CA: Ethnographics Press, Center for Visual Anthropology, University of Southern California.

Shannon, T. R. 1996. *An Introduction to the World-System Perspective*, 2nd ed. Boulder, CO: Westview Press.

So, A. Y. 1990. *Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theory*. Newbury Park, CA: Sage.

Straussfogel, D. 1998. How Many World-Systems? A Contribution to the Continuationist / Transformationist Debate. *Review*, Vol. 21, No 1: 1–28.

2000. World-Systems Theory in the Context of Systems Theory: An Overview. In Hall, T. (ed.), *A World-Systems Reader: New Perspectives on Gender, Urbanism, Cultures, Indigenous Peoples, and Ecology* (pp. 169–180). Lanham, MD.

Szynkiewicz, S. 1989. Interactions between the Nomadic Cultures of Central Asia and China in the Middle Ages. In Champion, T. C. (ed.), *Centre and Periphery: Comparative Studies in Archaeology* (pp. 151–158). London.

Teggart, T. F. 1918. *The Processes of History*. New Haven: Yale University Press.

1925. *Theory of History*. New Haven: Yale University Press. (Both reprinted University of California Press 1942, Peter Smith 1972).

1939. *Rome and China: A Study of Correlations in Historical Events*. Berkeley: University of California Press.

Thompson, W. R. 2000. Comparing Approaches to the Social Science History of the World System. In Denmark, R., Friedman, J., Gills, B. K., and Modelski, G. (eds.), *World System History: The Social Science of Long-Term Change* (pp. 287–298). London.

Turchin, P., Hall, T. 2003. Spatial Synchrony among and within World-Systems: Insights from Theoretical Ecology. *Journal of World-Systems Research*, Vol. 9, No 1: 37–64 (ejournal <http://csf.Colorado.edu/jwsr>).

Wallerstein, I. 1974a. The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis. *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 16, No 4: 387–415\$ also in Wallerstein (1979: Ch.1).

1974b. *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York: Academic Press.

1993. World System vs. World-Systems. In Frank, A. G., and Gills, B. K. (eds.), *The World System: Five Hundred Years of Five Thousand?* (pp. 291–296). London.

Wells, P. S. 1999. *The Barbarians Speak: How the Conquered Peoples Shaped Roman Europe*. Princeton: Princeton University Press.

Whittaker, C. R. 1994. *Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study*. Baltimore: Johns Hopkins University.

Wolf, E. R. 1982. *Europe and the People Without History*. Berkeley: University of California Press.

Yü Ying-shih. 1967. *Trade and expansion in Han China: A Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations*. Berkeley: University of California Press.

*Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе**¹

А. М. Хазанов

университет Висконсина, Мэдисон

Экстенсивное и подвижное скотоводство, включая полукочевое скотоводство и чисто кочевое скотоводство как его наиболее крайние формы, представлено, или было представлено, довольно ограниченным числом основных экономических и культурных типов. Они отражают одновременно географическое разнообразие и экономическое сходство данного вида хозяйственной деятельности. Кроме того, формирование этих типов нередко было связано с историческими обстоятельствами, такими, как диффузии, заимствования, миграции и т. п. Исключая промежуточные и маргинальные формы, подвижное скотоводство представлено следующими основными типами: Северный евразийский тип (тундровое оленеводство); Евразийский степной тип, распространенный в умеренной зоне степей, полустепей и пустынь, от Венгрии до Северного Китая; Ближневосточный тип, географически включающий северо-восточную Африку; Средневосточный тип, распространенный на территории современных Турции, Ирана и Афганистана и в известной мере являющийся промежуточным между Евразийским степным и Ближневосточным типами; Восточноафриканский тип, в котором отсутствуют такие верховые и транспортные животные, как лошадь и верблюд, а крупный рогатый скот играет ведущую роль; и Высокогорный тип Внутренней Азии, наиболее типичными представителями которого являются кочевники Тибета.

Внутри этих основных типов легко можно выделить подтипы, подподтипы и т. п., однако типологии и классификации не являются темой данной статьи, в основном посвященной скотоводству евразийских степей, полупустынь и пустынь. Этот тип – сравнительно гомогенный, хотя и в нем можно выделить несколько подтипов: внутреннеазиатский (монгольский), казахстанский, центрально-азиатский, восточноевропейский (в древности и средневековье) и южно-центральноазиатский (туркменский). Различия между этими подтипами, однако, кажутся более культурными и этническими, чем экономическими. Более, чем дру-

Хазанов А. М. / Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе, с. 468–489

гие, специфичен южно-центральноазиатский подтип. На территории Туркменистана пустыни умеренной зоны переходят в пустыни субтропической зоны (так называемые Ирано-Туранские или Южно-Туранские пустыни). Соответственно скотоводство в них приобретает некоторые характеристики, сходные со скотоводством на Среднем и даже на Ближнем Востоке.

Кочевое скотоводство все еще не имеет общепринятого определения. Поэтому я должен начать с моего собственного понимания этого феномена. Некоторые ученые обращают особое внимание на его подвижный характер и поэтому используют термин «кочевничество» в очень широком смысле. Они характеризуют как кочевников не только любых скотоводов, но и бродячих охотников и собирателей, конных охотников на бизонов (индейцев Великих Равнин Северной Америки), некоторые этнопрофессиональные группы (например цыганские), «морских кочевников» Юго-Восточной Азии и даже некоторые категории рабочих в современных индустриальных обществах. Другие ученые рассматривают кочевничество как особую социально-культурную систему или как особый культурный тип, связанный со специфическим образом жизни, мировоззрением, ценностями и т. п. Все подобные определения кочевничества игнорируют его экономическую сторону, которая, на мой взгляд, является наиболее важной. Подвижное и экстенсивное скотоводство в первую очередь представляет собой особый вид производящей экономики. Поэтому его определение должно включать две пары оппозиций: между животноводством и земледелием и между подвижностью и оседлостью. Наряду с экологическими факторами, размер и значение земледелия, практикуемого в скотоводческих обществах, определяют степень подвижности их населения и служат критерием для выделения различных форм скотоводства.

В таком случае следующие характерные черты представляются важнейшими для кочевого скотоводства как наиболее специализированной формы экстенсивного скотоводства:

Скотоводство является важнейшей формы хозяйственной деятельности; земледелие или вообще отсутствует, или практикуется в очень незначительном размере.

Скотоводство имеет экстенсивный характер, связанный с круглогодичным выпасом скота на естественных пастбищах, без стойлового его содержания и без заготовки кормов.

Скотоводческое хозяйство требует подвижности в пределах определенных пастбищных территорий, а также между ними.

В перекочевках участвует все или большинство населения данного общества.

Кочевое производство направлено на удовлетворение непосредственных нужд жизнеобеспечения. Традиционная экономика кочевого скотоводства никогда не была ориентирована на получение прибыли,

хотя нередко она в довольно значительной мере была ориентирована на обмен.

Социальная организация кочевых скотоводов основана на родстве, а у кочевников евразийских степей и Ближнего и Среднего Востока – также на различных сегментарных системах и генеалогиях, как реальных, так и фиктивных.

Культура кочевых обществ обладает рядом характерных черт, связанных с подвижным образом жизни, особенностями социополитической организации и рядом других факторов.

Любая специализация влечет за собой зависимость, и специализация на кочевом скотоводстве не представляет исключения. Она открыла новые возможности для освоения прежде недостаточно использовавшихся экологических зон. Возникновение экстенсивного скотоводства, а позднее – кочевого скотоводства, сыграло важнейшую роль в распространении производящей экономики в аридной, полуаридной и тундровой зонах ойкумены, потому что в течение очень долгого времени эти формы хозяйственной деятельности имели в них преимущество по сравнению с любыми другими. Более того, во многих регионах это преимущество сохранялось до XX века, а иногда и позднее.

Однако недостатки кочевого скотоводства как экономической системы также вполне очевидны. Во-первых, его специализация была принципиально отличной от специализации не только в индустриальных, но даже в традиционных земледельческо-городских обществах, которая заметна уже на ранних этапах ближневосточной истории (Nissen 1988: 43ff.). Она была межобщественной в гораздо большей мере, чем внутриобщественной. В самих кочевых обществах общественное разделение труда было сравнительно неразвитым. География кочевого скотоводства и связанный с ним подвижный образ жизни оставляли мало возможностей для развития земледелия и ремесел. Поэтому нормально функционирующая кочевая экономика зависела от других экономических систем так же, как кочевые общества зависели от других, главным образом, оседлых, обществ. Я условно называю такие общества «внешним миром», но в политическом отношении кочевники нередко были интегральной частью этого мира на региональном, а иногда даже на межрегиональном уровнях.

Во-вторых, в отличие от многих форм земледелия, обладающих потенциалом для диахронного технологического развития, в кочевом скотоводстве, коль скоро его формирование было закончено, преобладало простое воспроизводство однотипных и высокоспециализированных форм. Его экологические параметры существенно ограничивали возможность экономического роста за счет технологических инноваций, они же препятствовали стабильной интенсификации производства.

Например, увеличение продуктивности природных пастбищ требует целого ряда дорогостоящих мер, возможных только в индустри-

альных обществах. Даже временное увеличение поголовья скота достигалось главным образом посредством увеличения пастбищных территорий. В основном это было возможным лишь благодаря военной экспансии, в результате которой поля обращались в пастбища. Древняя и средневековая история изобилует примерами подобного развития. Однако такой экстенсивный метод увеличения продукции не мог быть постоянным или стабильным. Он слишком зависел от соотношения сил между кочевниками и земледельцами. Кроме того, пастбищные территории, даже увеличенные военным путем, рано или поздно достигали предела своей продуктивности, что делало дальнейший рост численности скота невозможным.

Зависимость кочевников от внешнего мира определялась также еще одним фактором. Кочевое скотоводство как экономическая система отличается хронической нестабильностью. Оно основано на балансе между тремя переменными: природными ресурсами (такими, как растительность и вода), поголовьем скота и численностью населения. Все они постоянно колеблются, но отнюдь не синхронно, потому что каждая переменная, в свою очередь, зависит от многих факторов, как постоянных, так и временных, как регулярных, так и нерегулярных. Простейшими и наиболее хорошо известными примерами временного дисбаланса являются массовые потери скота и последующий голод, связанные с природными бедствиями и эпизоотиями. В других случаях, напротив, рост поголовья скота превышал продуктивные способности пастбищ. Именно такие циклические колебания поддерживали долговременный баланс в экономике кочевого скотоводства, но в кратковременной перспективе их последствия могли быть весьма негативными. Иначе говоря, баланс был не статичным, а динамичным.

Одним из путей преодоления хронических недостатков кочевой экономики было развитие собственного земледельческого производства. И действительно, на протяжении долгих исторических периодов многие, если не большинство, из тех, кто кочевали в евразийских степях, были не чистыми кочевниками, а, скорее, полукочевниками, практиковавшими земледелие в качестве второстепенного и вспомогательного занятия. Однако, как показала советская кампания по освоению целинных земель, даже в XX веке земледелие без ирригации является рискованным занятием в аридных зонах и часто приводит к сверхэксплуатации хрупких экосистем. В древности и средневековье земледелие в этих зонах было еще менее стабильным и надежным. Полукочевничество было неспособно решить проблему неавтаркичности кочевой экономики. Поэтому кочевники нуждались в оседлых обществах как своего рода гарантийном фонде, необходимом для их жизнеобеспечения. Хотя они мало что инвестировали в этот фонд, он был незаменим для них, когда они получали доступ к его прибыли, а иногда даже к основному капиталу. Однако для того, чтобы иметь

доступ к этому фонду, они должны были приспособливаться к социополитическим и культурным особенностям внешнего мира.

Интегральной частью идеологии кочевников был антитезис между кочевым и оседлым образами жизни, в известной мере отражавший реальные различия. Этот антитезис, будучи символическим отражением универсальной «ты – они» оппозиции, выполнял интегрирующую функцию внутри кочевых обществ и дифференцирующую – в отношении оседлых. Более того, он представлял в негативном свете оседлый образ жизни. Тем не менее письменные источники со времен первых упоминаний о кочевниках не оставляют никаких сомнений в том, что земледельческие территории производили существенную часть потребляемых ими продуктов питания. Те же источники, как и археологические данные, свидетельствуют также о том, что значительная часть предметов материальной культуры кочевников производилась на оседлых территориях. Экономическая зависимость кочевников от оседлых обществ влекла за собой не только различные способы политической адаптации к ним, но и важные культурные последствия. Так же, как кочевая экономика должна была дополняться земледельческими и ремесленными продуктами, так и культура кочевников нуждалась в культуре оседлого населения как источнике, компоненте и модели для сравнения, заимствования, подражания или, напротив, отвержения. Даже идеологическая оппозиция между кочевыми и оседлыми обществами была относительной. Достаточно напомнить, что, хотя кочевники сами не создали ни одну из мировых и универсальных религий, они внесли существенный вклад в их распространение (Khazanov 1993; 1994a).

Кочевники хорошо понимали связь между своим образом жизни и его определенными социальными преимуществами. В то же время они осознавали, что их культура не является столь же сложной, богатой и рафинированной, как оседлые культуры. Их отношение к последним напоминало отношение к западной культуре многих людей в странах третьего мира. Ощущая ее неотвратимую привлекательность, но находясь вне ее социально-экономической сферы, они одновременно отвергают ее в целом, но заимствуют ее отдельные элементы. Правда, кочевники не страдали при этом от комплекса неполноценности и не прибегали к терроризму. Заимствования всегда подвергались селекции, фильтрованию на предмет их соответствия кочевым культурам и традициям, а также их утилитарной ценности (Allsen 2001).

Это хорошо заметно на примере тех кочевых государств, в которых возникали новые культуры. Хотя кочевники, точнее, их знать были инициаторами их создания, а также основными патронами и потребителями, они в основном создавались специалистами: ремесленниками, профессионалами, интеллектуалами – выходцами из различных оседлых стран. Поэтому такие культуры были эклектическими гораздо больше, чем синтетическими. Их, вероятно, правильнее всего назы-

вать государственными, потому что они должны были обеспечить не только комфорт и роскошь правящих элит, но и, что важнее, способствовать управлению государством. Как метко заметил Крамаровский (Kramarovsky 1991: 256), золотоордынская культура была, а золотоордынского народа не было. Судьбы этих культур прямо зависели от судеб государств, которые вызвали их к жизни. Во всяком случае, они ни в коей мере не были этническими и весьма отличались от синхронных им культур рядовых кочевников. Примерами могут служить культуры сельджукских султанатов, Золотой Орды и отчасти других, одновременных ей монгольских государств, в меньшей степени тюркских каганатов, особенно уйгурского, все еще малопонятна культура Хазарии и, возможно, даже государственная культура Скифского царства.

В ряде центральноазиатских стран, и даже в отдельных республиках Российской Федерации, наблюдается любопытная тенденция в отношении к кочевникам, ставшая особенно заметной в постсоветский период. Она связана со спецификой их националистических мифологий, которые, как и в других странах, стремятся к прославлению реальных или воображаемых предков (анализ и критику националистических идеологий в бывших советских странах см., например: Shnirelman 1996; Аймермахер, Бордюгов 1999). Поскольку эти предки, во всяком случае часть из них, нередко были кочевниками, некоторые ученые и особенно псевдоученые дилетанты стремятся или преувеличивать их уровень развития и достижения, или, напротив, утверждают, что они вообще не были кочевниками, а практиковали комплексное скотоводческого-земледельческое хозяйство. В известной мере это является чрезмерной реакцией на советские концепции исторического процесса, которые рассматривали кочевое скотоводство как тупиковый путь развития и превозносили их насильственную седентеризацию и коллективизацию как единственно возможный путь экономического прогресса.

В подлинной науке нет места и нужды в необузданной фантазии и идеологических спекуляциях любого рода. Но даже если славные предки действительно нужны для национального строительства, то нет никаких оснований стыдиться кочевых предков в этой роли. Значение скотоводства в целом и кочевого скотоводства в частности далеко превышало их успешный ответ на вызов, брошенный климатом и экологией.

В политической и этнолингвистической истории Старого Света их влияние трудно переоценить (Khazanov and Wink 2001). Кочевники играли огромную роль в радикальных изменениях политических границ, в разрушении многих государств и империй и в создании других. Все ещё не ясно, были ли первоначальные индоевропейцы скотоводами или ранними земледельцами, но распространение семитских языков, языков, принадлежащих к иранской группе индоевропейской лин-

гвистической семьи, многих алтайских и других языков было определено связано с миграциями, завоеваниями и политическим господством скотоводов и кочевников.

Кочевники также играли очень важную роль в качестве организаторов и посредников в различного рода культурных обменах между самими оседлыми обществами. Их вклад в трансконтинентальную циркуляцию и трансмиссию культурных и технологических артефактов и инноваций является очень значительным. В этом отношении полиэтнические и поликультурные империи, основанные кочевниками, играли определенную положительную роль (Bentley 1993).

Не только культуры оседлых обществ оказывали влияние на культуры кочевников; кочевые культуры, в свою очередь, влияли на оседлые. Вооружение, украшения, одежда, мода и традиции кочевников нередко были объектом подражания в оседлых обществах. Весьма показательным в этом отношении является феномен посткочевничества. Некоторые культурные особенности кочевников, их система ценностей, образ жизни, правила социального поведения и политические традиции считались престижными и долгое время лимитировались в определенных слоях оседлых обществ даже после того, как сами кочевники оседали или переставали быть господствующими в политическом отношении.

И все же бесспорным остается тот факт, что в экономическом отношении кочевники зависели от оседлых, земледельческо-городских обществ гораздо больше, чем те – от кочевников. Кочевая экономика никогда не была, и не могла быть, автаркичной. Поэтому кочевники стремились к приобретению продуктов, производившихся в оседлых обществах, всеми доступными способами. На карте стояло само их выживание. Это обстоятельство было отмечено уже великим арабским средневековым ученым Ибн Халдуном, писавшим:

«Цивилизация пустыни уступает городской цивилизации, потому что жители пустынь сами не способны удовлетворить все ее потребности... В то время как они [бедуины] нуждаются в городах для своего жизнеобеспечения, горожане нуждаются [в продуктах, производимых бедуинами] лишь для комфорта и роскоши» (Ibn Khaldūn 1967: 122).

Как и бедуины, кочевники евразийских степей вынуждены были приспосабливаться не только к природной среде, но и к социополитической и культурной среде внешнего мира. Их взаимоотношения с оседлыми обществами варьировали в очень широком диапазоне: от прямого обмена, торговли, всякого рода посреднических услуг в международной торговле и наемничества до набегов, грабежей, вымогательства, эпизодических платежей или более или менее институционализированных субсидий, получения регулярной дани и, наконец, завоеваний и прямого подчинения оседлого населения.

Эти завоевания и их последствия всегда привлекали большое внимание. Однако другой вопрос, почему кочевники с их ограниченными человеческими и материальными ресурсами на протяжении многих столетий, и даже тысячелетий, были столь сильны в военном отношении, до сих пор не получил достаточного освещения. Конечно, каждый конкретный случай был связан со многими специфическими обстоятельствами и заслуживает специального изучения, но в целом такое положение дел можно объяснить неразвитым разделением труда в кочевых обществах, а также тем, что рядовые кочевники в них не были полностью отстранены от участия в общественных делах. Это давало им ряд преимуществ в военной сфере.

За редкими исключениями, в оседлых государствах военное дело было специализировано и профессионализировано. Напротив, в кочевых обществах каждый мужчина (а иногда и женщины, когда это было необходимо) был воином-всадником. Поэтому несмотря на свою сравнительную малочисленность, номады были способны мобилизовать довольно большие армии. Более того, кочевники не испытывали недостатка в верховых животных, а их образ жизни был одновременно почти естественным воспитанием военных навыков. В отношении индивидуальных боевых качеств только средневековые европейские рыцари и ближневосточные мамелюки могли сравниться с воинами кочевников, причем тренировка и во-оружение мамлюков нередко отражали военные традиции кочевников (Nicolle 1976; Amitai-Preiss 1995: 214ff; Smith 1997: 255ff).

Таким образом, экономическая и социальная отсталость кочевников оборачивалась военным преимуществом в их взаимоотношениях с оседлыми партнерами. Вплоть до Нового времени это преимущество нередко позволяло им придавать политический характер чисто экономическим или культурным связям. Иначе говоря, военные преимущества открывали возможности для политического доминирования с благоприятными для кочевников экономическими последствиями. Такая ситуация была особенно характерна для кочевников евразийских степей и Ближнего и Среднего Востока, крупномасштабные вторжения и завоевания которых были неременной чертой древней и средневековой истории.

Имеется еще один, и очень важный, фактор, который необходимо учитывать для правильного представления о функционировании кочевых обществ. Необходимые предпосылки для возникновения кочевого скотоводства впервые появились в связи с переходом от присваивающей к производящей экономике, который обычно называют неолитической революцией (Шнирельман 1980; Clutton-Brock 1987; 1989). В биологическом и культурном отношении domestikация животных включала следующие основные стадии: выбор видов, подходящих для domestikации, поимку индивидуальных животных (в первую очередь молодняк), их дальнейшую изоляцию, приручение, поведенческий кон-

троль, контролируемое размножение (морфологические изменения), диффузию (перемещение животных в новые природные зоны) и их адаптацию к новому окружению (включая гибридизацию), расширение утилизации скота и продуктов скотоводства (влекущее за собой дальнейшую селекцию).

Земледелие и животноводство обладали потенциалом для распространения и дальнейшей специализации в различных экономических зонах. Однако на протяжении многих тысячелетий после неолитической революции производящие экономики в Старом Свете оставались комплексными, сочетая, хотя и в разных пропорциях, земледелие и скотоводство.

В некоторых своих предыдущих работах (см., например: Khazanov, 1984: 85ff.; Khazanov 1990: 86ff) я предполагал, что кочевое скотоводство, полностью порвавшее с земледелием, было довольно поздней специализацией, хотя многие из его технологических предпосылок, например использование верховых животных, возникли значительно раньше (Anthony and Brown 1991). По моему мнению, даже в главных регионах своего спонтанного развития оно появилось не ранее второй половины II тысячелетия до н. э. (имеются в виду те формы кочевого скотоводства, которые без кардинальных изменений продолжали затем существовать на протяжении более трех тысяч лет). В обоих этих регионах исходной формой была смешанная экономика, а промежуточными – различные формы экстенсивного и подвижного скотоводства, продолжавшие практиковать земледелие в качестве вспомогательного занятия. В других регионах кочевое скотоводство появилось еще позднее, испытав прямое или косвенное влияние уже существовавших форм.

Очевидно, в этом вопросе требуется большая осторожность. Я готов допустить теперь возможность того, что некоторые формы примитивного кочевого скотоводства время от времени могли возникать уже в бронзовом веке или даже ранее. На это, кажется, указывают данные археологии, хотя они все еще могут быть интерпретированы различным образом, несмотря на растущее совершенство методов археологического исследования (Bag-Josef and Khazanov 1992). Однако если не забывать о недостатках кочевого скотоводства, то надо предположить, что оно нуждалось в триггере – специальном импульсе для своего возникновения – и в благоприятной внешней социополитической обстановке для того, чтобы стать долговременной и жизнеспособной альтернативой оседлому образу жизни и тем более быть способным к территориальной экспансии в другие экологические зоны. Представляется, что обе эти предпосылки появились только в конце II – начале I тысячелетия до н. э.

С одной стороны, климат в это время стал заметно суше, что, очевидно, привело к изменениям в природных ландшафтах и потребовало дальнейшей специализации скотоводческой экономики. С другой сто-

роны, только начиная с I тысячелетия до н. э. кочевые общества стали периферией оседлых государств, возникших на южных границах степной зоны. Только с этого времени внешний мир стал оптимальным для их исторического функционирования. Кочевники нуждались не просто в оседлых обществах, но в таких, которые достигли определенного уровня развития – не первобытных и не индустриальных, а традиционных (то есть доиндустриальных), но притом уже обладавших своей государственностью. Примером могут служить древние и средневековые государства Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии и Китая.

Большинство работ советских ученых и ряда западных марксистов (см., например: Kraeder 1978), посвященных кочевникам, подчас очень глубоких и серьезных, имеет один серьезный недостаток. Их теоретическим основанием являлась концепция универсальных и прогрессивных социально-экономических формаций (исключения см.: Хазанов 1975; Марков 1976). В соответствии с ней каждое общество развивалось сходным образом и в одинаковом направлении, и кочевники не должны были составлять исключение. Идеология поставила советских ученых перед неразрешимой проблемой: как доказать, что кочевники развивались в направлении более сложных социально-экономических систем? Это было нелегко сделать даже в отношении многих оседлых обществ и целых регионов. В отношении кочевников это просто было безнадежным занятием, повлекшим за собой многолетнюю, но едва ли плодотворную дискуссию (один из последних ее обзоров см.: Крадин 1992). Одни ученые писали о кочевом феодализме, другие – о «военной демократии» как уровнях развития, соответствовавших кочевым обществам; третьи изобрели особую кочевую формацию; четвертые выстраивали более сложный эволюционный ряд: архаические империи – варварские государства – раннефеодальные державы (Кляшторный, Султанов 2000: 82), очевидно, пытаясь доказать, что развитие кочевников соответствовало европейским моделям. Обратимый характер функционирования конкретных кочевых обществ иногда признавался – уж слишком очевидно он бросался в глаза. Тем не менее развитие евразийских кочевников в целом представлялось поступательным историческим процессом. При всех обстоятельствах возникновение кочевой государственности считалось спонтанным процессом, как это и было предписано марксистской догмой. Внешний фактор или преуменьшался, или вообще игнорировался.

Сама проблема, однако, является надуманной. Она существует только для однолинейных эволюционистов и марксистов, чье понимание исторического процесса, в сущности, является телеологическим. В настоящее время только люди с большими схоластическими наклонностями, и к тому же игнорирующие огромное количество фактических данных, способны исповедовать допотопную теорию универсальных

социально-экономических формаций. До сих пор исторический процесс никогда не был ни универсальным, ни однолинейным. В различных обществах и в различных регионах он принимал различный характер, формы, направления и темпы. Что касается сходных черт, то они были связаны с обменом идеями, культурными и технологическими инновациями, миграцией и прямым навязыванием чужих моделей, по крайней мере, не меньше, чем со спонтанным внутренним развитием.

Я думаю, что основными блоками исторического процесса были не универсальные формации, а историко-культурные регионы. Их нередко называют «цивилизации», но я избегаю употребления этого термина из-за его семантической неопределенности. Он связан с бесконечной дискуссией о количестве различных цивилизаций, критериях их выделения и т. п. Иначе говоря, он влечет за собой много спекулятивных и субъективных таксономических и культурологических проблем, которые не имеют прямого отношения к данной статье. Тем не менее ясно, что серьезные и долговременные различия в региональном развитии связаны со многими факторами географического, экологического, социального, политического, культурного и иного порядка. Все важнейшие качественные изменения в человеческой истории были результатом уникального сочетания многих разнообразных факторов, которое подчас выглядит почти случайным. Во всяком случае, эти изменения отнюдь не были детерминированы. В сущности, в истории прослеживается очень мало закономерностей, а те, которые прослеживаются, относятся в основном к причинно-следственному порядку развития (Gellner 1988: 15ff.).

Начиная с I тысячелетия до н. э. кочевникам евразийских степей были присущи сравнительно большие политии – известный вариант или аналог вождеств, хорошо описанных на примере многих оседлых обществ. Их альтернативно называют племенными ассоциациями, племенными федерациями, племенными конфедерациями и т. п. Эти термины не кажутся мне очень удачными, потому что большинство «федераций» или «конфедераций» создавалось отнюдь не на добровольной основе. Но, в конце концов, о терминах не спорят, о терминах уславливаются. Важнее уяснить политическую сущность кочевых образований.

Археологическим индикатором их возникновения служат роскошные погребения предводителей, нередко, но далеко не всегда обоснованно называемые «царскими» по аналогии со скифскими. Сами по себе археологические материалы в большинстве случаев не позволяют определить конкретный уровень развития кочевых политий. Как правило, это можно сделать только с помощью письменных источников, особенно в тех случаях, когда они дают достаточное представление о характере их взаимоотношений с оседлыми обществами. Мы с уверенностью можем писать о существовании государства у скифов и

сюнну, потому что мы в состоянии объяснить их экономические основания. Но я бы остерегся делать подобные заключения в отношении тех, кто оставил такие курганы, как Аржан, Пазарькские, Иссык и некоторые другие.

Сегментарные формы социальной организации не исключают полностью возможность возникновения центрального агентства по управлению общественными делами, то есть правительства, но они сильно затрудняют его появление и функционирование, а также ограничивают сферу его деятельности. Политическая власть в кочевых полициях в значительной мере оставалась диффузной и в основном связанной с военными и организационно-регулятивными функциями. Соответственно они были рыхлыми, текучими по составу и недолговечными, за исключением тех случаев, когда они подвергались трансформации в результате специфических взаимоотношений с внешним миром. Иными словами, в самих кочевых обществах потребности политической интеграции были недостаточно сильны, чтобы приводить к необратимым структурным изменениям. Их руководящий слой редко обладал той монополией легитимного насилия, которая, по мнению Макса Вебера, составляет основной признак государства. Тем более нет оснований считать их классовыми (противоположное мнение было недавно поддержано Е. И. Кычановым [1997:5]). Лишь в определенных, достаточно редких случаях внутренние процессы в кочевых обществах могли вызвать к жизни наследственную (однако все же обратимую) социальную стратификацию.

В какой-то мере социальная стратификация в кочевых обществах могла усиливаться, когда кочевой аристократии удавалось подчинить другие группы кочевников. Но такое подчинение редко бывало стабильным и долговременным. История различных тюркских каганатов свидетельствует об этом достаточно недвусмысленно. В экономическом отношении традиционные недостатки кочевого хозяйства делали уплату податей подчиненными делом весьма проблематичным и ненадежным. В культурном отношении препятствие заключалось в однотипном образе жизни, связанном с мобильностью и, следовательно, с возможностью откочевок, миграции и т. п. В социально-политическом отношении проблема была в отсутствии достаточно сильного аппарата принуждения. Пример древних тюрок, монголов и многих других демонстрирует, что для создания крупного кочевого государства требовалась мобилизация сил многих кочевых формирований. Но только возможные выгоды от совместной эксплуатации оседлых обществ могли на время примирить одних кочевников с их зависимым статусом от других.

От характера этой эксплуатации в конечном счете и зависело возникновение кочевых государств и их конкретные формы и судьбы. Собственно говоря, сам термин «кочевые государства» в известной

мере является условным. Они были кочевыми, потому что были основаны кочевниками и/или потому что кочевники занимают в них доминирующие позиции. Однако, так или иначе, но все они были связаны с асимметричными отношениями с оседлыми обществами. Без них кочевые государства были не более, чем редкими и кратковременными исключениями, если таковые были вообще.

История кочевых государств Центральной и Внутренней Азии, от сюнну до монголов и даже до маньчжур (последние никогда не были чистыми кочевниками, но во многом заимствовали монгольскую политическую традицию), отнюдь не представляет единый эволюционный ряд, в котором каждое новое государство более высокого уровня, чем его предшественники. Лишь отчасти это было связано с этническими отличиями новых государств от их предшественников. Политическая культура в степях обладала примечательной преемственностью. Различия в оседлых обществах, взаимоотношения с которыми вызывали к жизни кочевые государства, по-видимому, имели большее значение. Необходимо также учитывать характер отношений, складывавшихся между кочевниками и зависимыми от них оседлыми обществами.

Следуя Латтимору (Lattimore 1940), Барфилд предложил интересную модель для объяснения циклов китайской династической истории и кочевой государственности во Внутренней Азии (Barfield 1989; 1991). По его мнению, все кочевые империи в монгольских степях и те китайские династии, которым удавалось объединить всю страну, возникали и гибли в одно и то же время. Напротив, государственность в Маньчжурии развивалась лишь в периоды анархии на северной границе, когда и в Китае и в степях отсутствовала центральная власть.

На мой взгляд, эта модель наряду с сильными сторонами имеет ряд слабых и поэтому нуждается в дальнейшей разработке. Например, государство сюнну возникло в 206 г. до н. э., когда Китай находился на грани гражданской войны, и процветало в начале ханьского периода, когда политическая власть в стране еще не полностью укрепились (Yamada 1982). Тюркский каганат возник в середине VI в. – по меньшей мере за тридцать лет до того, как раздробленный Китай был объединен под властью династии Суй. Трудно согласиться с Барфилдом и в том, что кочевники никогда не имели отношения к гибели империй, правивших всем Китаем. Достаточно вспомнить в этой связи роль уйгуров в падении династии Тан (Pulleyblank 1955). Очень сомнительно его утверждение, что монгольское завоевание Китая было aberrацией степных порядков. Слово «абerrация» не избавляет от необходимости объяснить как причины завоевания, так и его успех. В целом представляется, что долговременные исторические процессы в Китае были гораздо больше связаны с внутренними, чем с внешними процессами. Напротив, характер кочевой государственности во Внутренней Азии очень во многом зависел от развития в Китае.

В самом упрощенном и схематичном виде можно выделить два типа кочевой государственности, в зависимости от характера их взаимоотношений с оседлыми обществами. В государствах первого типа они в основном реализовывались в вассально-данических или иных примитивных и не всегда упорядоченных формах коллективной зависимости и эксплуатации. Как правило, кочевники и оседлое население продолжали обитать раздельно, каждая в своих экономических зонах. Иногда оседлые государства продолжали свое существование, иногда кочевники и земледельцы-горожане оказывались объединенными в составе одного государства. Но даже в последнем случае их интеграция была весьма политической сфере, не затрагивая социально-политических основ оседлого общества.

Рядовые кочевники в подобных государствах оставались их военной и социальной опорой. Поэтому в них продолжали действовать механизмы редистрибуции, а кочевая аристократия по отношению к своему обществу, или субобществу, действовала, скорее, как руководящее сословие, чем господствующий класс. Правда, почти во всех кочевых государствах первого типа возникал свой земледельческий и городской сектор – в основном за счет выходцев из оседлых обществ. Однако, как правило, он оставался слишком слабым, чтобы удовлетворять все их экономические потребности. Так, эти государства не могли обойтись без городов – центров политической власти и, в меньшей степени, торговли и ремесел. Но само их возникновение выглядит несколько искусственным. Не столько государство существовало за их счет, сколько сами они гибли вместе с государствами, которые вызвали их к жизни. Судьбы Орду-Балыка, Итиля, Сарая-Бату, Сарая-Берке или Каракорума являются в этом отношении весьма показательными.

Примером кочевых государств первого типа могут служить государства скифов и сунну, тюркские каганаты, государство киданей (каракиданей) в Центральной Азии, Монгольская империя при первых ханах и многие другие. Они существовали лишь за счет примитивной эксплуатации оседлых обществ. Они гибли, когда возможности ее существенно сокращались или прекращались вовсе, а вассальные кочевые объединения отпадали. Обычно это сопровождалось соответствующей примитивизацией социально-экономического строя. Лишь изредка в кочевых обществах, напротив, преобладание получали седентаризационные процессы. Чаще всего это случалось в случаях переселения в иные экологические зоны, в результате которого кочевое общество в целом переставало быть таковым, становясь по преимуществу земледельческо-городским. В нем еще мог сохраняться значительный кочевой уклад, но оно развивалось уже совсем в ином русле. Примером могут служить уйгуры, вытесненные кыргызами в Восточный Туркестан.

Кочевые государства второго типа нередко являлись трансформацией государств первого типа, в числе прочего выражавшейся в интеграции кочевников и земледельцев-горожан в единую политическую систему. Особенно часто это происходило, когда кочевники после завоевания оседлых государств переселялись на их территорию. Примером в древности являлась держава кушан, в раннем средневековье – ряд государств, созданных кочевниками в Северном Китае в IV–VI вв. н. э., позднее – государства киданей и чжурчженей в Китае, Караханидов в Центральной Азии, и Сельджуков на Среднем Востоке, в монгольский период – Юань в Китае и государство Хулагуидов в Иране, в позднесредневековый период – государство Шейбанидов в Центральной Азии.

Эти государства создавались кочевниками и управлялись династиями кочевого происхождения, а социальная стратификация в них в известной мере совпадала с экономической специализацией и этническими различиями. Собственно, поэтому их и можно называть кочевыми. До известной меры кочевники и оседлое население в государствах второго типа могли даже образовывать два отдельных субобщества, но только в социальном, а не политическом или географическом отношениях. Интеграционный процесс обычно начинался с династии и ее непосредственного окружения, а затем охватывал всю или часть кочевой аристократии, которая становилась привилегированным классом оседлого населения или одним из его привилегированных классов.

В таких государствах наблюдался определенный синтез, хотя и редко полный, сравнительно менее развитых социальных отношений завоевателей с более развитыми отношениями завоеванных. Более того, характер господствовавших в них социально-экономических, а отчасти даже политических отношений во многом определялся уже отношениями, сложившимися на оседлых территориях. Изменения, происходившие в оседлых субобществах, преимущественно затрагивали привилегированные слои. Аристократия кочевников или правящие слои кочевого происхождения нередко становились при этом земледельческими сословиями. Однако даже смена правящих элит, как правило, не была полной. В мусульманских странах для победоносных кочевников было гораздо легче устранить «людей меча» – старое военное сословие, чем «людей пера» – бюрократию. Кроме того, кочевники, принявшие ислам, такие, как сельджуки, караханиды, а позднее шейбаниды, никогда и не помышляли посягнуть на другое привилегированное сословие – улама и суфийских шейхов (Бартольд 1963: 369–371). В Китае ученые-бюрократы пережили всех кочевых завоевателей, потому что для управления страной они были незаменимы. Уже сын и наследник Чингисхана, Угэдей, усвоил старый афоризм древнекитайского оратора Лу Цзя (III–II вв. до н. э.), преподанный ему китайским советником Елюй Чу-цаем: «Хотя [вы] получили Поднебесную, сидя на коне, но нельзя управлять [ею], сидя на коне», – и позво-

лил привлечь в гражданскую администрацию ученых-конфуцианцев (Мункуев 1965: 19).

Представляется, что изменения в социальных и экономических структурах оседлых стран, вызванные завоеваниями кочевников, отнюдь не были кардинальными и в основном ограничивались некоторыми пермутациями. В то же время завоеватели охотно принимали те институты завоеванных стран, которые отвечали их интересам. Так, сельджуки приняли и расширили систему икта, потому что она способствовала их господству над земледельческим населением.

Таким образом, ведущие формы зависимости и эксплуатации в государствах второго типа проявлялись в отношениях кочевой аристократии с завоеванным оседлым населением как в целом, так и с его отдельными слоями и классами. Однако положение рядовых кочевников также не оставалось неизменным, хотя они не только не являлись основным классом в таких государствах, но даже редко составляли единый класс или сословие. По мере развития государств второго типа, кочевое субобщество в них нередко становилось более дифференцированным. Кочевые группы в них разделяются на привилегированные, менее привилегированные и непривилегированные, в зависимости от их связей с династией и кочевой аристократией, этнической и племенной принадлежности и т. п. Обычно в кочевом субобществе формируются несколько промежуточных сословий или слоев, некоторые из которых были ближе к правящему классу, а другие – к зависимым слоям населения.

По мере развития интеграционного процесса в государствах второго типа кочевая аристократия и особенно династия должны были решать, отождествлять ли свои интересы с интересами государства в целом и его оседлого субобщества или, в первую очередь, сохранить лояльность кочевского субобщества, поддерживая его привилегированное положение, и в таком случае идти иногда против интересов государства. Дилемма никогда не была простой, и не всегда можно было достичь согласия по поводу избранной политики даже среди различных групп кочевой аристократии. В результате в кочевых государствах второго типа часто возникали новые конфликты, например, между династией кочевого происхождения и ее сторонниками, с одной стороны, и традиционной кочевой аристократией, с другой; между различными группами кочевников; между династией и рядовыми кочевниками и т. д.

Одним из распространенных путей трансформации таких государств было превращение их в оседлые государства, в которых некоторые кочевники постепенно оседали, в то время как другие постепенно превращались в отсталое социальное, а иногда и этническое меньшинство, инкапсулированное в более развитые социально-экономические и политические культуры. Примером подобного развития может служить Османская Турция. Но все это уже иная история.

Итак, решающим фактором в возникновении и функционировании кочевой государственности были специфические взаимоотношения кочевых и оседлых обществ. И все же внутренний фактор исключать полностью нельзя. Но он был связан не столько с весьма проблематичным эволюционным развитием, сколько с уже упоминавшейся стабильностью политической культуры в евразийских степях. Эта культура в значительной мере была полиэтничной и отнюдь не ограниченной рамками отдельных кочевых политий и государства (Golden 1982; 2001; Трепавлов 1993; Кляшторный, Савинов 1994; Allsen 1996).

Древние и средневековые современники кочевников, равно как и многие современные ученые, поражались стремительному взлету кочевых государств, которые, казалось, возникали ниоткуда и почти немедленно начинали военные кампании против своих соседей. Возможно, это покажется менее удивительным, если принять во внимание, что к Новому времени в евразийских степях оставалось мало кочевников, предки которых не прошли бы через горнило государственного существования. Многие политические модели, традиции и символы сохранялись у кочевников в латентной или полулатентной форме даже в безгосударственные периоды.

Очевидно, уже в I тысячелетии до н. э. в Степи возникла оригинальная политическая культура. Она была представлена многими синхронными и диахронными вариантами, но тем не менее имела удивительно много сходных черт во всем регионе. Эта культура начала претерпевать существенные изменения только тогда, когда культурное пространство евразийских степей было нарушено распространением различных мировых религий, и особенно после того, как большинство кочевников евразийских степей приняло ислам (Cahen 1968). Тем не менее отдельные ее черты были заметны много позднее (Manz 1989). Истоки этой культуры все еще не вполне ясны. Можно лишь предположить, что в ней сочетались как собственно кочевые традиции, так и заимствования из политических традиций самых различных оседлых государств и народов. Равным образом недостаточно изучены и механизмы трансмиссии этой культуры в иноязычной среде (см., однако: Трепавлов 1993: 31 сл.). Самая политическая культура кочевников была, однако, весьма оригинальной. Кочевники могли казаться варварами своим оседлым современникам, а иногда и их далеким потомкам, но на самом деле эти «варвары» были довольно изощренными в политическом отношении. Достаточно сослаться на ряд институтов и концепций, которые на протяжении многих веков имели широкое распространение в Степи.

В их числе можно упомянуть божественный мандат на правление, данный избранному Небом роду или даже божественное происхождение самого этого рода (Golden 1982; 2001)² и *translatio imperii* – представление о возможности перехода верховной власти от одной поли-

тии к другой; представление о ниспосланной свыше удаче, счастливой судьбы – иранский хварн, тюркский кут (Bombaci 1965; 1966; Frye 1989; Gnoli 1990); развитие имперской (царской) титулатуры,³ символизм, в том числе цветовой, и специфические инвеститурные церемонии (Allsen 1997: 85 ff.); наличие *refugia*, священных территорий и культовых центров; понятие о коллективном суверенитете, согласно которому государство и его подданные принадлежали не индивидуально правителю, а всем членам правящего рода в качестве их корпоративной собственности, и соответствующая улусная система; специфические модели наследования власти, основанные на различных вариантах ее коллатеральной ротации и принципе старшинства внутри правящего рода (Fletcher 1979–1980); съезды знати вроде монгольских курултаев; частичное совпадение административной системы с военной организацией (двоичное или троичное деление государства, деление на правое и левое крыло в тюркских и некоторых других политиях, десятичные системы); патримониальное правление, подразумевавшее распределение различного рода богатств среди вассалов, сторонников и даже рядовых кочевников; и ряд других концепций.

Так продолжалось примерно две с половиной тысяч лет, если не больше. Все изменилось только в конце средневековья и с началом Нового времени. «Европейское чудо» – начавшийся переход к современной технологической цивилизации – постепенно стал оказывать влияние и на оседлые страны Азии. А кочевники оставались прежними. Великие географические открытия и усовершенствования в мореплавании резко уменьшили значение трансконтинентальной сухопутной торговли и роль кочевников как посредников в ней (Steensgaard 1973; Rossabi 1989). В Евразии каравеллы победили караваны. Централизованные империи – Россия, Турция и Китай – создали массовые регулярные армии. Они в возрастающем размере использовали огнестрельное оружие, становившееся все более точным (Headrick 1981). Против таких армий иррегулярная кавалерия кочевников была неэффективна. Луки и копьё были игрушками по сравнению с ружьями и пушками.

Последствия не заставили себя ждать. Кочевники теряли свою политическую независимость и были вынуждены приспособляться к новой ситуации, находившейся вне их контроля. Увеличивающаяся зависимость от колониальных держав и национальных правительств, от внешнего мира в целом имела для них много отрицательных последствий. Она сократила размер занятой ими территорий, нарушила традиционные маршруты перекочевков, разрушила их экономику, основанную на удовлетворении непосредственных потребностей жизнеобеспечения, подорвала их социальную строй, идеологию и политическую культуру. Все это привело к тому, что традиционное кочевое скотоводство в евразийских степях, как и повсюду на земном шаре,

уже прекратило свое существование (Bruun and Odgaard 1996; Humphrey and Sneath 1996; 1999; Наумкин, Шапиро, Хазанов 1997; Наумкин, Томас, Хазанов, Шапиро 1999; Sneath 2000).

Тем не менее климат и природа неподвластны даже постиндустриальной цивилизации. Подвижное экстенсивное скотоводство, при условии его модернизации, во многих аридных зонах по-прежнему имеет ряд преимуществ, по сравнению со многими другими формами хозяйства. Но для этого оно нуждается в модернизации. Советские коммунисты и, в меньшей степени, их монгольские вассалы уже пытались сделать это по-своему, то есть насильственными, наихудшими и наименее эффективными методами. К чему это привело – хорошо известно. Теперь если не все, то многое надо начинать сначала, преодолевая при этом травмы предшествующего периода. Теперь надо признать, что, как и политика, экономика развития – это искусство возможного. Пока посткоммунистический период особыми успехами в модернизации экстенсивного скотоводства не отмечен. Напротив, преобладающими тенденциями сейчас является сокращение использования современной технологии, транспорта, искусственных кормов, достижений биологической науки и ветеринарии, уменьшение утилизации дальних пастбищ, во многих странах – падение престижа скотоводческого труда.

Начиная с бронзового века, если не ранее, люди пытались заглянуть в будущее, но, к лучшему или худшему, все их попытки неизменно терпели фиаско. XXI век только начинается, и предсказать судьбу экстенсивных скотоводов в нем невозможно. Тем, кому дороги традиции и достижения кочевников, остается лишь надеяться на лучшее для их потомков и по мере сил способствовать ему.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Впервые опубликовано в: Крадин Н. Н., Бондаренко Д. М. «Кочевая альтернатива социальной эволюции». М.: Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН. С. 37–58. Текст печатается по указанному изданию.

¹ Наиболее подробно мои взгляды на кочевников изложены в: Khazanov 1994; Хазанов 2000.

² Концепция верховной власти, санкционированной Небом, по мнению Рачелвица, заимствованная монголами, а до них тюрками, у оседлых обществ (Rachelwitz 1973), отмечена уже у скифов (Хазанов 1975: 36 сл.) и сюнну (Крадин 1996: 70 сл.). Следовательно, она может считаться характерной идеологией кочевых государств в европейских степях. Вопрос о ее происхождении остается открытым, хотя представляется, что источники ее могли быть различными (см.: Crossley 1992).

³ Примечательно, что она была заимствована тюрками от их не-тюркских предшественников (Golden 2001: 39 ff.).

ЛИТЕРАТУРА

- Аймермахер, К. И., Бордюгов, Г. (ред.)** 1999. *Национальные истории в советском и постсоветских государствах*. М.: АИРО-XX.
- Баргольд, В. В.** 1963. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. *Сочинения*. Т. 1. М.: Изд-во вост. лит-ры.
- Кляшторный, С. Г., Савинов, Д. Г.** 1994. *Степные империи Евразии*. СПб.: Фарн.
- Кляшторный, С. Г., Султанов, Т. И.** 2000. *Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье*. СПб.: Петерб. Востоковедение.
- Крадин, Н. Н.** 1992. *Кочевые общества (проблемы формационной характеристики)*. Владивосток: Дальнаука.
1996. *Империя хунну*. Владивосток: Дальнаука.
- Кычанов, Е. И.** 1997. *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. М.: Вост. лит-ра.
- Марков, Г. Е.** 1976. *Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации*. М.: Изд-во МГУ.
- Мункуев, Н. Ц.** 1965. *Китайский источник о первых монгольских ханах*. М.: Наука.
- Наумкин, В., Шапиро, К., Хазанов, А. (ред.)** 1997. *Пасторализм в Центральной Азии*. М.: Российский центр стратегических и международных исследований.
- Наумкин, В., Томас, Д., Хазанов, А., Шапиро, К.** 1999. *Современное состояние скотоводства и животноводства в Казахстане и перспективы их развития*. М.: Российский центр стратегических и международных исследований.
- Трепавлов, В. В.** 1993. *Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности*. М.: Вост. лит-ра.
- Хазанов, А. М.** 1975. *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей*. М.: Наука.
2000. *Кочевники и внешний мир*. 3-е изд. Алматы: Дайк-Пресс.
- Шнирельман, В. А.** 1980. *Происхождение скотоводства*. М.: Наука.
- Allsen, T.** 1996. Spiritual Geography and Political Legitimacy in the Eastern Steppe. In Claessen, H. J. M., and Oosten, J. G. (eds.), *Ideology and the Formation of Early States* (с. 165–135). Leiden: Brill.
- Allsen, T.** 1997. *Commodity and Exchange in the Mongol Empire: a Cultural History of Islamic Textiles*. Cambridge: Cambridge University Press.
2001. *Culture and Conquest in Mongol Eurasia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Amitai-Preiss, R.** 1995. *Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War, 1260–1281*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Anthony, D. W., and Brown, D. R.** 1991. The Origins of Horseback Riding. *Antiquity*, vol. 65: 22–38.
- Barfield, T.** 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Cambridge, MA: Basil Blackwell.

1991. Inner Asia and Cycles of Power in China's Imperial History. In Seaman, G., and Marks, D. (eds.), *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery* (c. 21–62). Los Angeles: Ethnographics Press.

Bar-Iosef, O. and Khazanov, A. (eds.) 1992. *Pastoralism in the Levant: Archaeological Materials in Anthropological Perspectives*. Madison, WI: Prehistory Press.

Bentley, J. 1993. *Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times*. New York: Oxford University Press.

Bombaci, A. 1965–1966. Qutlug Bolzun! *Ural-Altäische Jahrbücher* 36: 284–291; 38: 13–43.

Bruun, O., and Odgaard, O. 1996. *Mongolia in Transition. Old Patterns, New Challenges*. Richmond, Surrey: Curzon.

Cahen, C. 1968. *Pre-Ottoman Turkey. A General Survey of the Material and Spiritual Culture and History c. 1071–1330*. London: Sidgwick & Jackson.

Clutton-Brock, J. 1987. *A Natural History of Domesticated Animals*. Austin: University of Texas Press.

Clutton-Brock, J. (ed.) 1989. *The Walking Larder: Patterns of Domestication, Pastoralism, and Predation*. London: Unwin-Hyman.

Crossley, P. 1992. The Rulership of China. *American Historical Review* 97: 1468–1483.

Fletcher, J. 1979–1980. Turko-Mongolian Monarchic Tradition in the Ottoman Empire. *Harvard Ukrainian Studies*, 3–4/1.

Frye, R. N. 1989. Central Asian Concepts of Rule on the Steppe and Sown. In Seaman, G. (ed.), *Ecology and Empire. Nomads in the Cultural Evolution of the Old World* (pp. 135–140). Los Angeles: Ethnographics/USC.

Gellner, E. 1988. *Plough, Sword, and Book: The Structure of Human History*. Chicago: University of Chicago Press.

Gnoli, G. 1990. On Old Persian Farnah. *Acta Iranica* XVI (30): 84–92.

Golden, P. B. 1982. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Činggisid Nomads of Western Eurasia. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. T. II: 37–76.

Golden, P. B. 2001. *Ethnicity and State Formation in Pre-Činggisid Turkic Eurasia*. Bloomington, IN: Indiana University, Department of Central Eurasian Studies.

Headrick, D. R. 1981. *The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century*. New York: Oxford University Press.

Humphrey, C. and Sneath, D. (eds.) 1996. *Culture and Environment in Inner Asia. Vol. 1–2*. Cambridge: The White Horse Press.

1999. *The End of Nomadism?* Durham, NC: Duke University Press.

Ibn Khaldûn. 1967. *An Introduction to History. The Muqaddimah*. London: Routledge and Kegan Paul.

Khazanov, A. M. 1990. Pastoral Nomads in the Past, Present, and Future. A Comparative View. In Olson, P. A. (ed.), *The Struggle for Land: Indigenous Insight and Industrial Empire in the Semiarid World*. Lincoln and London: University of Nebraska Press.

1993. Muhammad and Jengiz Khan Compared: The Religious Factor in World Empire Building. *Comparative Studies in Society and History* 53 (3): 461–479.

1994. *Nomads and the Outside World. Second Edition*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.

1994a. The Spread of World Religions in Medieval Nomadic Societies of the Eurasian Steppes. In Gerves, M., and Schleep, W. (eds.), *Nomadic Diplomacy, Destruction and Religion from the Pacific to the Adriatic* (11–34) (Toronto Studies in Central and Inner Asia, N1). Toronto.

Khazanov, A. M., and Wink, A. (eds.) 2001. *Nomads in the Sedentary World*. Richmond, Surrey: Curzon Press.

Krader, L. 1978. The Origin of the State among the Nomads of Asia. In Claessen, H. J. M., and Skalnik, P. (eds.), *The Early State* (pp. 97–107). The Hague: Mouton Publishers.

Kramarovsky, M. G. 1991. The Culture of the Golden Horde and the Problem of the ‘Mongol Legacy’ In Seaman, G., and Marks, D. (eds.), *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery* (pp. 255–273). Los Angeles: Ethnographics Press.

Lattimore, O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York: American Geographical Society.

Manz, B. F. 1989. *The Rise and Rule of Tamerlane*. Cambridge: Cambridge University Press.

Nicolle, D. 1976. *Early Medieval Islamic Arms and Armour*. Madrid: Instituto de Estudios Sobre Armas Antiguas.

Nissen, H. J. 1988. *The Early History of the Ancient East*. Chicago: University of Chicago Press.

Pulleyblank, E. G. 1955. *The Background of the Rebellion of An Lu-shan*. London: Oxford University Press.

de Rachewiltz, I. 1973. Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan’s Empire. *Papers on Far Eastern History* (Canberra) 7: 21–36.

Rossabi, M. 1989. The ‘Decline’ of the Central Asian Caravan Trade. In Seaman, G. (ed.), *Ecology and Empire. Nomads in the Cultural Evolution of the Old World* (pp. 81–102). Los Angeles: Ethnographics/USC.

Shnirelman, V. A. 1996. *Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Sneath, D. 2000. *Changing Inner Mongolia. Pastoral Mongolian Society and the Chinese State*. New York: Oxford University Press.

Smith, J., Masson, Jr. 1997. Mongol Society and Military East: Antecedents and Adaptations. In Yaakov Lev (ed.), *War and Society in the Eastern Mediterranean, 7th–15th Centuries* (pp. 249–266). Leiden: Brill.

Steenagaard, N. 1973. *Carracks, Caravans and Companies: The Structural Crisis in the European-Asian Trade in the Early 17th Century*. Copenhagen: Scandinavian Institute of Asian Studies Monograph Series 17.

Yamada, N. 1982. The Formation of the Hsiung-nu Nomadic State. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 36: 575–582.

Кочевники, мир-империи и социальная эволюция*

Николай Николаевич Крадин

*Институт истории, археологии и этнографии
Дальнего Востока, Владивосток*

ВВЕДЕНИЕ

Кочевники сыграли важную роль в истории человечества. Они способствовали освоению ойкумены, распространению различного рода инноваций, внесли свой вклад в сокровищницу мировой культуры, в этническую историю народов Старого Света. Однако, обладая огромным военным потенциалом, номады оказали также существенное деструктивное влияние на исторический процесс, в результате их разрушительных нашествий были уничтожены многие культурные ценности, народы и цивилизации.

Наиболее яркий след в истории оставили так называемые «кочевые империи» – самые крупные политические образования номадов, объединявшие на непродолжительное время гигантские территории и приводившие в ужас более высокоразвитых соседей-земледельцев. Чем объяснить их стремительное возникновение, превращение в мировые державы, перед которыми трепетали королевские дворы государств Запада и Востока, и столь же стремительное их исчезновение с политической арены доиндустриальной эпохи?

ЧТО ТАКОЕ «КОЧЕВАЯ ИМПЕРИЯ»?

Само слово «империя» обозначает такую форму государственности, которой присущи два главных признака: 1) большие территории и 2) наличие зависимых или колониальных владений. Р. Тапар со ссылкой на труды С. Айзенштадта было предложено определять империю как общество, состоящее из «метрополии» (ядра империи) – высокоразвитого экспансионистского государства – и территории, на которую распространяется ее влияние («периферии»). Периферией могли являться совершенно различные по уровню сложности типы социальных организмов: от локальной группы до государства включительно. По степени интегрированности этих подсистем империи автор выделила «раннюю» и «позднюю» империи. В ранней империи, по ее мнению, метрополия и

Крадин Н. Н. / Кочевники, мир-империи и социальная эволюция, с. 490–511

периферия не составляли прочной взаимосвязанной единой системы и различались по многим показателям, таким, например, как экология, экономика, уровень социального и политического развития. К числу классических примеров ранних империй можно отнести Римскую державу, Инкское государство, королевство Каролингов и др. Поздняя империя характеризуется менее дифференцированной инфраструктурой. В ней периферийные подсистемы функционально ограничены и выступают в форме сырьевых приделков по отношению к развитым аграрным, промышленным и торговым механизмам метрополии. В качестве примера можно сослаться на Британскую, Германскую или Российскую империи начала нынешнего столетия (Eisenstadt 1963: 6–22, 61ff; Thapar 1981: 410ff).

Одним из вариантов «ранней» империи следует считать «варварскую империю». Принципиальное отличие последней заключалось в том, что ее «метрополия» являлась «высокоразвитой» только в военном отношении, тогда как в социально-экономическом развитии она отставала от эксплуатируемых или завоеванных территорий и по существу сама являлась «периферией» и «провинцией». Все империи, основанные кочевниками, были варварскими. Однако не все варварские империи основывались кочевниками. Поэтому «кочевую» империю следует выделять как вариант варварской. В таком случае кочевую империю можно дефинировать как

кочевое общество, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и получающее необходимые скотоводческие ресурсы, как правило, посредством внешней эксплуатации (грабежей, войн и контрибуций, вымогания «подарков», неэквивалентной торговли, данничества и т. д.).

Можно выделить следующие признаки «кочевых империй»:

- 1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями;
- 2) дуальный (на крылья) или триадный (на крылья и центр) принцип административного деления империи;
- 3) военно-иерархический характер общественной организации «метрополии», чаще всего по «десятичному» принципу;
- 4) ямская служба как особый способ организации административной инфраструктуры;
- 5) специфическая система наследования власти (империя – достояние всего ханского рода, институт соправительства, курултай);
- 6) особый характер отношений с земледельческим миром (Крадин 1992; 1996).

Необходимо также отличать классические кочевые империи от

- 1) подобных им смешанных земледельческо-скотоводческих империй с большой ролью в их истории кочевого элемента (Арабский халифат, государство сельджуков, Дунайская Болгария, Османская империя) и
- 2) более мелких, чем империи, «квазиимперских» кочевнических государствоподобных образований (касситы, гиксосы, европейские гун-

ны, авары, венгры, Приазовская Булгария, каракидани, татарские ханства после распада Золотой Орды).

Выделяются три модели кочевых империй: 1) **типичные** империи – кочевники и земледельцы сосуществуют на расстоянии. Получение прибавочного продукта номадами осуществляется посредством *дистанционной* эксплуатации: набеги, вымогание «подарков» (в сущности, рэкет, неэквивалентная торговля) и т. д. (хунну, сяньби, тюрки, уйгуры, Первое Скифское царство и пр.); 2) **дан-нические** империи – земледельцы зависят от кочевников; форма эксплуатации – *данничество* (Хазарский каганат, империя Ляо, Золотая Орда, Юань и пр.); 3) **завоевательные** империи – номады завоевывают земледельческое общество и переселяются на его территорию (Парфия, Кушанское царство, поздняя Скифия и пр.). На смену грабёжам и данничеству приходит регулярное *налогообложение* земледельцев и горожан (Крадин 1992: 166–78).

Структурно *даннические* кочевые империи были промежуточной моделью между *типичными* и *завоевательными* кочевыми империями. От *типичных* империй их отличали: 1) более регулярный характер эксплуатации (вместо эпизодических грабежей, вымогаемых «подарков» и т. д. – данничество); 2) как следствие этого – урбанизация и частичная седентеризация в степи; 3) усиление антагонизма среди кочевников и, возможно, трансформация «метрополии» степной империи из составного чифдома в раннее государство; 4) формирование бюрократического аппарата для управления завоеванными земледельческими обществами.

Завоевательные империи от *даннических* кочевых империй отличались: 1) более тесным симбиозом экономических, социальных и культурных связей между номадами и подчиненными земледельцами в *завоевательных* империях номадов; 2) в *даннических* империях простые скотоводы были опорой власти, тогда как в *завоевательных* империях кочевая аристократия осуществляла политику разоружения, седентеризации и ослабления вооруженных скотоводов; 3) для *завоевательных* империй характерно не взимание дани, а регулярное налогообложение земледельцев. Последняя модель представляет собой не столько кочевую империю, сколько уже оседло-земледельческую, но с преобладанием в политической сфере и в военной организации кочевников-скотоводов.

ОТ ПЛЕМЕНИ К СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ

Наверное, самый интригующий вопрос истории Великой степи – причина, толкавшая кочевников на массовые переселения и на разрушительные походы против земледельческих цивилизаций. По этому поводу было высказано множество самых разнообразных суждений. Их можно свести к следующим мнениям: 1) разно-образные глобальные климатические изменения [усыхание, по А. Тойнби

(Toynbee 1934) и Г. Грумм-Гржимайло (1926), увлажнение, по Л. Н. Гумилеву (1993: 237–340 и др.); 2) воинственная и жадная природа кочевников; 3) перенаселенность степи; 4) рост производительных сил и классовая борьба, ослабленность земледельческих обществ вследствие феодальной раздробленности (марксистские концепции); 5) необходимость дополнять экстенсивную скотоводческую экономику посредством набегов на более стабильные земледельческие общества; 6) нежелание со стороны оседлых соседей торговать с номадами (излишки скотоводства некуда было продавать); 7) личные качества предводителей степных обществ; 8) этноинтегрирующие импульсы [«пассионарность», по Л. Н. Гумилеву (1989)].

В большинстве из перечисленных факторов есть свои рациональные моменты. Однако значение некоторых из них оказалось преувеличенным. Так, современные палеогеографические данные не подтверждают жесткой корреляции глобальных периодов усыхания/увлажнения степи с временами упадка/расцвета кочевых империй (Динесман и др. 1989: 204–254; Иванов, Васильев 1995: табл. 24, 25). Оказался ошибочным тезис о «классовой борьбе» у кочевников (Толыбеков 1971; Марков 1976; Khazanov 1984; Крадин 1992 и др.). Не совсем ясна роль демографического фактора, поскольку рост поголовья скота происходил быстрее увеличения народонаселения, приводя при этом к стравливанию травостоя и к кризису экосистемы. Кочевой образ жизни, конечно, может способствовать развитию некоторых военных качеств. Но земледельцев было во много раз больше, они обладали экологически комплексным хозяйством, надежными крепостями, более мощной ремесленно-металлургической базой.

Мне кажется, что необходимо учитывать следующие важные факторы:

1) Этноисторические исследования современных пастушеских народов Передней Азии и Африки показывают, что экстенсивная кочевая экономика, низкая плотность населения, отсутствие оседлости не предполагают необходимости развития сколько-нибудь легитимизированной иерархии. Следовательно, можно согласиться с мнениями тех исследователей, которые полагают, что потребность в государственности не была внутренне необходимой для кочевников (Lattimore 1940; Bacon 1958; Марков 1976; Irons 1979; Khazanov 1984; Fletcher 1986; Barfield 1992; Крадин 1992; Масанов 1995 и др.).

2) Степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. С точки зрения мир-системного подхода кочевники всегда занимали место «полупериферии», которая объединяла в единое пространство различные региональные экономики (локальные цивилизации, «мир-империи»). В каждой локальной региональной зоне политическая структурированность кочевой «полупериферии» была прямо пропорциональна размерам «ядра». Кочевники Северной Африки и Передней Азии для того, чтобы торго-

вать с оазисами или нападать на них, объединялись в племенные конфедерации или вождества; номады восточноевропейских степей, существовавшие на окраинах античных государств, Византии и Руси, создавали «квазиимперские» государствовподобные структуры, а в Центральной Азии, например, таким средством адаптации стала «кочевая империя» (Grousset 1939; Lattimore 1940; Barfield 1981; 1992; Khazanov 1984; Фурсов 1988; 1995; Крадин 1992; 1996; Голден 1993 и др.).

3) Имперская и «квазиимперская» организация у номадов Евразии развивалась только в эпоху «осевого времени» (Ясперс 1991), с середины I тыс. до н. э., когда создаются могущественные земледельческие империи (Цинь в Китае, Маурьев в Индии, эллинистические государства в Малой Азии, Римская империя на Западе), и в тех регионах, где, во-первых, существовали достаточно большие пространства, благоприятные для занятия кочевым скотоводством (Причерноморье, поволжские степи, Халха-Монголия и т. д.), и, во-вторых, номады были вынуждены иметь длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами (скифы и древневосточные и античные государства, кочевники Центральной Азии и Китай, гунны и Римская империя, арабы, хазары, турки и Византия и пр.).

4) Прослеживается синхронность процессов роста и упадка земледельческих «мир-империй» степной «полупериферии». Империя Хань и держава Хунну появились в течение одного десятилетия. Тюркский каганат возник как раз в то время, когда Китай был объединен под властью династий Суй, а затем Тан. Аналогичным образом Степь и Китай вступали в периоды анархии в пределах небольшого промежутка времени один за другим. Когда в Китае начинались смуты и экономический кризис, система дистанционной эксплуатации кочевников переставала работать, и имперская конфедерация разваливалась на отдельные племена до тех пор, пока не восстанавливались мир и порядок на юге (Barfield 1992).

5) Кроме этих генеральных закономерностей, важную роль играли другие факторы (экология, климат, политическая ситуация, личные качества политических лидеров и даже везение), которые определяли ход исторического развития в каждом конкретном случае.

Можно выделить четыре варианта образования степных держав. Первый вариант представляет собой классический путь внутренней интеграции племенного номадного этноса в централизованную империю. Как правило, данный процесс был обусловлен появлением в среде кочевников талантливого политического и военного деятеля, которому удавалось объединить все племена и ханства, «живущие за войлочными стенами», в единое государство (Модэ у хунну, Таньшихуай у сяньби, Абаоцзи у киданей, Чингисхан у монголов). После объединения кочевников для поддержания единства империи правитель дол-

жен был организовать поступление прибавочного продукта извне. Если ему это не удавалось, империя разваливалась. Так как наиболее часто данный вариант образования степной империи ассоциируется с именем Чингисхана, его можно называть *монгольским*.

Второй вариант был связан с образованием на периферии уже сложившейся кочевой империи политического объединения с сильными центростремительными тенденциями. В борьбе за независимость это объединение свергало своего эксплуататора и занимало его место в экономической и политической инфраструктуре региона. Данный путь можно проследить на примере взаимоотношений тюрков и жужаней, уйгуров и тюрков, чжурчжэней (с долей условности, поскольку они не совсем кочевники) и киданей. Условимся называть данный вариант *тюркским*.

Третий вариант был связан с миграцией номадов и с последующим подчинением ими земледельцев. В литературе сложилось мнение, что это был типичный путь возникновения кочевых империй. Однако на самом деле завоевание крупных земледельческих цивилизаций часто осуществлялось уже сформировавшимися кочевыми империями (кидани, чжурчжэни, монголы). Классическим примером такого варианта становления кочевых (точнее, теперь «полукочевых» или даже земледельческо-скотоводческих) империй явилось образование государства Тоба Вэй. В то же время чаще эта модель встречалась в более мелких масштабах в форме «квазиимперских» государствоподобных образований кочевников [аварская, болгарская и венгерская державы в Европе, эпоха смуты IV–VI вв. в Северном Китае («эпоха 16 государств пяти варварских племен»), каракидани в Восточном Туркестане]. Этот вариант условимся называть *гуннским*.

Наконец, существовал последний, четвертый, относительно мирный вариант. Он был связан с образованием кочевых империй из сегментов уже существовавших более крупных «мировых» империй номадов – тюркской и монгольской. В первом случае империя разделилась на восточно-тюркский и западно-тюркский каганаты (на основе западного каганата позже возникли Хазарский каганат и другие «квазиимперские» образования номадов). Во втором случае империя Чингисхана была разделена между его наследниками на улус Джучидов (Золотая Орда), улус Чагатаидов, улус Хулагуидов (государство ильханов), империю Юань (собственно Халха-Монголия и Китай). Впоследствии Золотая Орда распалась на несколько независимых друг от друга ханств. Этот вариант можно называть, например, *хазарским*.

СТРУКТУРА КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ

Кочевые империи были организованы в форме «имперских конфедераций» (Barfield 1981; 1992). Эти конфедерации имели автократический и государствоподобный вид снаружи (они были созданы для по-

лучения прибавочного продукта извне степи), но оставались коллективистскими и племенными внутри. Стабильность степных империй напрямую зависела от умения высшей власти организовывать получение шелка, продуктов земледелия, ремесленных изделий и изысканных драгоценностей из оседлых обществ. Так как эта продукция не могла производиться в условиях скотоводческого хозяйства, получение ее силой или вымогательством было первоочередной обязанностью правителя кочевого общества. Будучи единственным посредником между земледельческими цивилизациями и степью, правитель кочевника имел возможность контролировать перераспределение получаемой из оседло-городских обществ добычи и тем самым усиливал свою собственную власть. Это позволяло поддерживать существование империи, которая не могла существовать на основе экстенсивной скотоводческой экономики.

Вожди племен, входивших в степную империю, были инкорпорированы в военную иерархию «сотен» и «тысяч», однако их внутренняя политика была в известной степени независимой от политики центра. Эта особенность была хорошо проанализирована Т. Барфилдом на примере империи Хунну (Barfield 1981, 1992: 32–84; см. также: Крадин 1996). Некоторая автономность скотоводческих племен может быть объяснена следующими обстоятельствами: 1) хозяйственная самостоятельность делала их потенциально независимыми от центра; 2) главные источники власти (грабительские войны, перераспределение дани и других внешних субсидий, внешняя торговля) являлись достаточно нестабильными и находились вне степного мира; 3) всеобщее вооружение ограничивало возможности политического давления на племена; 4) перед недовольными политикой хана племенными группировками открывались возможности откочевки, дезертирства под покровительство земледельческой цивилизации или восстания с целью свержения неугодного правителя.

По этой причине политические связи между племенами и органами управления степной империи не были чисто автократическими. Надплеменная власть сохранялась в силу того, что, с одной стороны, членство в «имперской конфедерации» обеспечивало племенам политическую независимость от соседей и ряд других важных выгод, а, с другой стороны, правитель кочевой державы и его окружение гарантировали племенам определенную внутреннюю автономию в рамках империи.

Механизмом, соединявшим «правительство» степной империи и племена, служили институты престижной экономики. Манипулируя подарками и раздавая их соратникам и вождям племен, правитель кочевой империи увеличивал свое политическое влияние и престиж «щедрого хана». Одновременно он связывал получивших дар «обязательством» отдаривания. Племенные вожди, получая «подарки», мог-

ли, с одной стороны, удовлетворять личные аппетиты и, с другой стороны, повышать свой внутриплеменной статус путем раздач даров соплеменникам или посредством организации церемониальных праздников. Кроме того, получая от правителя дар, племенной вождь как бы приобретал от него часть сверхъестественной харизмы, что дополнительно способствовало увеличению его собственного престижа.

Раздачи подарков хорошо отражены в письменных источниках. В частности, они многократно упомянуты в «*Джами ат-Таварих*» Рашид ад-Дина и в сочинениях европейских путешественников, посетивших метрополию Монгольской империи.

«Этот царевич Тэмуджин снимает одетую [на себя] одежду и отдает ее, слезая с лошади, на которой он сидит, и отдает [ее]. Он тот человек, который мог бы заботиться об области, печься о войске и хорошо содержать улус» (Рашид ад-Дин 1952б, кн. 2: 90).

Однако массовыми раздачами занимался не только Чингисхан (Рашид ад-Дин 1952б: 233), но и его ближайшие потомки, правившие империей до ее распада на независимые улусы: Угэдей (Рашид ад-Дин 1960: 19, 41), Гуюк (там же: 119, 121; Плано Карпини 1957: 77), Мункэ (Рубрук 1957: 146; Рашид ад-Дин 1960: 142), а также Хулагуиды (Рашид ад-Дин 1946: 67, 100, 190, 215–7).

Можно предположить, что интеграция племен в имперскую конфедерацию осуществлялась не только посредством символического обмена, даров между вождями различных рангов и ханом. Эту же цель преследовали включение в генеалогическое родство различных скотоводческих групп, разнообразные коллективные мероприятия и церемонии (сезонные съезды вождей и праздники, облавные охоты, возведение монументальных погребальных сооружений и т. д.).

Определенную роль в институционализации власти правителей кочевых обществ играли выполняемые ими функции священных посредников между социумом и Небом (Тэнгри), которые обеспечивали бы покровительство и благоприятствование со стороны потусторонних сил. Согласно религиозным представлениям номадов, правитель степного общества (шаньей, каган, хан) олицетворял собой центр социума и в силу своих божественных способностей проводил обряды, которые должны были обеспечивать обществу процветание и стабильность. Эти функции имели для последнего громадное значение. Поэтому в случае природного стресса или болезни и гибели скота неудачливый хан мог ослабить или утратить свою харизму. Неудачливого хана или вождя могли заменить, а то и просто убить. Но идеология никогда не являлась доминирующей переменной в балансе различных факторов власти у кочевников. Жизнь степного общества всегда была наполнена реальными тревогами и опасностями, которые требовали от лидера активного участия в их преодолении. В целом власть правителей степных империй Евразии основывалась, главным образом, на внешних источниках.

КОЧЕВЫЕ ИМПЕРИИ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ МИР

Для реализации своих замыслов кочевники использовали несколько пограничных стратегий, которые могли на протяжении истории одного общества сменить одна другую:

1) стратегия набегов и грабежей (сяньби, монголы XV–XVI вв. по отношению к Китаю, Крымское ханство по отношению к России и др.); 2) подчинение земледельческого общества и взимание с него дани (Скифия и сколоты, Хазария и славяне, Золотая Орда и Русь), а также контроль над трансконтинентальной торговлей шелком; 3) завоевание оседло-городского государства, размещение на его территории гарнизонов, седентеризация и обложение крестьян налогами в пользу новой элиты (тоба, кидани и чжурчжэни в Китае, монголы в Китае и Иране); 4) политика чередования набегов и вымогания дани в отношении более крупного общества (хунну, тюрки, уйгуры и пр.).

Как правило, на протяжении длительного периода кочевники могли использовать несколько разных стратегий. Так, во взаимоотношениях между Хуннской державой и династией Хань можно выделить четыре этапа: на первом этапе (200–133 гг. до н. э.) хуннский шаньюй после опустошительного набега, как правило, направлял послов в Китай с предложением заключения мирного договора. После получения даров набеги на какое-то время прекращались. Через определенный промежуток времени, когда награбленная простыми номадами добыча заканчивалась или приходила в негодность, скотоводы снова начинали требовать от вождей и шаньюя удовлетворения их интересов. В силу того, что китайцы упорно не шли на открытие рынков на границе, шаньюй был вынужден «выпускать пар» и отдавать приказ к возобновлению набегов. Второй этап (129–58 гг. до н. э.) – это, главным образом, время активных войн ханьцев с кочевниками. На третьем этапе (56 г. до – 9 г. н. э.) часть хунну под предводительством шаньюя Хуханье приняла официальный вассалитет от Хань. За это император обеспечивал свое небесное покровительство шаньюю и дарил ему как вассалу ответные подарки. Понятно, что «дань» вассала имела только идеологическое значение. Однако ответные «благодарительные» дары были даже намного больше, чем ранее. Кроме того, по мере необходимости шаньюй получал от Китая земледельческие продукты для поддержки своих подданных. Четвертый, последний этап (9–48 гг.) отношений между Хань и имперской конфедерацией хунну по содержанию схож с первым этапом. Отличие заключается в большей агрессивности номадов, что, возможно, было опосредовано кризисом Китая, ослаблением охраны границ, невозможностью посылать, как прежде, богатые подарки в Халху (Крадин 1996: 49–68).

Особенный интерес вызывает стратегия вымогательства на расстоянии. Существует соблазн называть ее данью. Однако *дистанционная эксплуатация* и *данничество* – это разные явления. Данничество

предполагает политическую зависимость данников от взимателей дани (Першиц 1976: 290–3). Китай никогда не был завоеван хуннами и политически от них не зависел. Китайцев было в несколько десятков раз больше, чем номадов. Они обладали более мощной экономической базой. В то же время «дистанционную эксплуатацию» нельзя отождествлять с «контрибуцией», поскольку последняя имеет разовый характер, в отличие от циклически повторяющейся пограничной политики кочевников.

Источники позволяют подробно рассматривать «дистанционную эксплуатацию» кочевников начиная с хуннского времени. Однако это не означает, что она не использовалась ранее и была забыта впоследствии. Например, Страбон (IX,8,3) описывает чрезвычайно похожую ситуацию применительно к кочевникам «скифо-сакского» мира (правда, видимо, не поняв до конца суть дела):

«Эти племена [которые подвергались набегам] согласились платить апарнам дань; дань состояла в дозволении им в определенное время совершать набеги на страну и уносить добычу. Но когда они дерзко нарушали договор, начиналась война, затем опять примирение, а потом снова военные действия. Таков образ жизни и прочих кочевников; они постоянно нападают на своих соседей и затем примираются с ними».

Придя в Европу, гунны практически воспроизвели старый хуннский механизм внешнеполитического преуспевания. Сначала совершался набег, после чего поступало предложение о заключении мирного договора, который предполагал богатые «подарки» номадам. Только Византия платила Атилле до 700 фунтов золота в год. Но это было, вероятно, для Константинополя выгоднее, чем содержать большие гарнизоны на границе (Прокоп. Кес. Война с персами. Кн. I. XII: 6, XV: 21–24. Кн. 2. X: 23; Война с вандалами. Кн. I. IV: 29; Тайн. ист. VIII: 5–6, XI: 5–10; Maenchen-Helfen 1973: 190–199, 270–274). Гунны Прикаспия практиковали ту же дистанционную модель в отношении соседей. Набеги, вымогание субсидий, раздача добычи воинам – вот ее основные составляющие (Гмыря 1995: 129–30).

Более поздние кочевые империи практиковали такой же набор стратегий эксплуатации оседлых аграрных обществ. В калейдоскопе набегов и войн, перечислений бесконечных посольств можно отыскать привычные механизмы международной политики номадов. Тюрки практиковали такую же дистанционную модель эксплуатации, что и хунну. Набеги они чередовали с мирными посольствами (см., например: Бичурин 1950: 268–9; Liu Mau-tsai 1958: 160, 214–215, 252 и др.). Уйгурский вариант поведения выглядит, например, несколько иначе. Но и он вписывается в генеральную модель. Доходы уйгуров складывались из следующих частей: 1) Согласно «договорам» с Китаем они получали ежегодные богатые «подарки». Помимо этого, богатые дары выпрашивались по каждому удобному поводу (поминки, коронация и

т. д.). 2) Китайцы также были вынуждены нести обременительные расходы по приему многочисленных уйгурских посольств. Однако китайцев больше раздражали не затраты продуктов и денег, а то, что номады ведут себя не как гости, а как завоеватели. Уйгуры устраивали пьяные драки и погромы в городах, хулиганили по дороге домой и воровали китайских женщин (Бичурин 1950: 327). Подобно уйгурам вели себя монголы в минское время (Покотилов 1893: 64–65, 88, 99, 100, 138). 3) Уйгуры также активно предлагали свои услуги китайским императорам для подавления сепаратистов внутри Китайского государства. Их помощь была очень специфической. Участвуя в военных компаниях на территории Китая в 750–770-х гг., они нередко забывали о своих союзнических обязательствах и просто грабили мирное население, угоняли его в плен. 4) В течение почти всего времени существования Уйгурского каганата номады обменивали свой скот на китайские сельскохозяйственные и ремесленные товары. Уйгуры хитрили и поставляли старых и слабых лошадей, но цену запрашивали за них очень высокую (Бичурин 1950: 323). От такой торговли китайцы терпели убытки, а прибыль получали одни номады. Фактически эта торговля, как и подарки, являлась платой номадам за мир на границе.

Таким образом, уйгуры почти не совершали набегов на Китай. Им достаточно было лишь продемонстрировать силу своего оружия. Только в 778 г. китайский император возмутился, так как лошади были особенно никудашными. От купил всего 6 тысяч из 10. Уйгуры сразу совершили разрушительный набег на приграничные провинции Китая, а потом стали ожидать императорского посольства. Посольство приехало очень скоро, и снова заработала привычная машина выкачивания ресурсов из аграрного китайского общества. Так продолжалось до полного уничтожения столицы уйгуров города Карабалгасуна кыргызами. После этого остатки уйгурских племен осели около Великой стены и, как бандиты, без перерыва грабили приграничные китайские территории. Когда терпение китайцев истощилось, были посланы войска для их уничтожения.

Думается, при внимательном чтении источников в той или иной степени аналогичные механизмы политического поведения можно было обнаружить и в более позднее время в отношениях между древнерусскими княжествами и половцами; Московской Русью и Золотой Ордой и татарскими ханствами более позднего времени и др. Так, например, вся история внешнеполитических отношений между Москвой и Крымским ханством, по сути, есть история постоянного рэкетирования своих соседей, вымогания у Москвы и Литвы богатых *поминков* (то есть «подарков») и иных льгот. Татары постоянно играли на «повышение курса», мотивируя это тем, что противоположная сторона дает больше. Свои неумные аппетиты ханы оправдывали тем, что,

если они не будут выпрашивать поминки и раздавать их своим мурзам, те будут им «сильно докучать».

«Крымский юрт стал, таким образом, гнездом хищников, которых нельзя было сдерживать никакими дипломатическими средствами. На упрек хану в нападении у него всегда был готовый ответ, что оно сделано без его разрешения, что ему людей своих не унять, что Москва сама виновата – не дает достаточно поминков князьям, мурзам и уланам» (Любавский 1996: 286–94).

Таким образом, вопреки широко распространенному среди исследователей мнению, кочевники Евразии вовсе не стремились к непосредственному завоеванию земледельческих территорий. Им это было совсем не нужно. Чтобы управлять аграрным обществом, кочевникам пришлось бы «слезть с коней». А так они вполне удовлетворялись доходами от неэквивалентной торговли с земледельцами и многочисленными «подарками» от правителей земледельческих государств. Вся внешнеэксплуататорская политика номадов была направлена на то, чтобы эксплуатировать соседей-земледельцев исключительно на расстоянии. И только в периоды кризисов и распада оседлых обществ экономической вакуум затягивал скотоводов вовнутрь аграрного общества.

Такая динамичная «биполярная» структура политических связей между земледельческими цивилизациями и окружающими их кочевниками (варвары и Рим, скифы и государства Причерноморья, номады Центральной Азии и Китая и т. д.) циклически повторялась в истории доиндустриального мира много раз (подробнее см.: Varfield 1992). В целом представляется весьма продуктивным рассматривать эти отношения в рамках миросистемного подхода Э. Валлерстайна как «центр» и «полупериферию». Проиллюстрируем это на примере отношений между народами Китая, Центральной Азии и Дальнего Востока. Хуннская держава (209 г. до н. э. – 48 г. н. э.) и династия Хань были здесь первыми биполярными элементами региональной системы. После хунну место степного лидера заняли сяньби (примерно 155–180 гг.), которые совершали грабительские набеги на Северный Китай несколько столетий. Но сяньбийцы не додумались до изощренного вымогательства и просто опустошали приграничные округа Китая. Поэтому конфедерация сяньби ненадолго пережила своего основателя Таньшихуая. Примерно в это же время в Хань произошло крупное восстание, которое явилось началом конца династии.

В следующие полтора столетия после гибели Ханьской империи народы Маньчжурии создали на границе с Китаем свои государства. Наиболее удачливым из них (мужунам, тоба) удалось подчинить земледельческие территории в Северном Китае. И только после этого кочевники в монгольских степях смогли воссоздать централизованное объединение – Жужаньский каганат (нач. V в. – 555 г.). Однако жужаням не удалось достичь полного контроля над степью, поскольку

бывшие скотоводы тобасцы держали огромные гарнизоны на северной границе и в отличие от оседлых китайцев совершали успешные карательные рейды в жужаньские тылы.

После разгрома жужаней тюрками и с образованием на юге династий Суй, а затем Тан восстановилась биполярная структура во Внутренней Азии. Начался новый цикл истории региона. Тюрки (552–630 и 683–734 гг.), а потом и уйгуры (745–840 гг.) продолжили хуннскую политику вымогательства на расстоянии. Они вынуждали Китай посылать богатые подарки, открывать на границах рынки и т. д. Важное место в экономике кочевников играл контроль над трансконтинентальной торговлей шелком. Первый каганат тюрков стал первой настоящей евразийской империей. Он связал торговыми путями Китай, Византию и исламский мир. Однако, в отличие от Хуннской державы, Тюркский и Уйгурский каганаты были менее централизованными политиями.

Когда Уйгурский каганат был уничтожен кыргызами и чуть позже погибла империя Тан, народы Маньчжурии вновь получили шанс стать политическими лидерами в регионе. Это удалось киданям, которые создали империю Ляо (907–1125 гг.). Кидани подчинили несколько небольших государств, образовавшихся на обломках Танской империи. Завоевав земледельцев, они создали двойную систему управления как китайцами, так и скотоводами. Полностью повторили киданьский пример чжурчжэни, которые, свергнув Ляо в начале XII в. и завоевав Северный Китай, создали империю Цзинь (1115–1234 гг.). Находясь в зените могущества, «маньчжурские» династии вели активную политику разъединения кочевников, руководствуясь старым добрым правилом международной политики: «разделяй и властвуй».

Создание империи Чингисхана и монгольские завоевания в XIII в. совпали с новым периодом влажности в степях Внутренней Азии и Восточной Европы (Иванов, Васильев 1995: 205, табл. 25), а также с демографическим и экономическим подъемом во всех частях Старого Света. Монголы замкнули цепь международной торговли в единый комплекс сухопутных и морских путей. Впервые все крупные региональные ядра (Европа, исламский мир, Индия, Китай, Золотая Орда) оказались объединенными в первую мир-систему (Abu-Lughod 1989). В степи подобно фантастическим миражам возникли гигантские города – центры политической власти, транзитной торговли, многонациональной культуры и идеологии (Каракорум, Сарай-Бату, Сарай-Берке). С этого времени границы ойкумены значительно раздвинулись, политические и экономические изменения в одних частях света стали играть гораздо большую роль в истории других регионов мира.

Первая мир-система оказалась недолговечной. Чума, изгнание монголов из Китая, упадок Золотой Орды явились наиболее важными звеньями в цепи событий, приведших к ее гибели. Демографы фиксируют в период с 1350 по 1450 г. синхронный кризис во всех ее основ-

ных субцентрах (Biraben 1979). В начале XV века первая мир-система распалась. Даже отчаянные попытки Тамерлана восстановить сухопутную трансконтинентальную торговлю закончились в конечном счете неудачей. Мины вернулись к традиционной политике автаркизма и противостояния с кочевниками, что вызвало регенерацию старой политики дистанционной эксплуатации монголами Китая (Покотилов 1899). Лишь новое вторжение из Маньчжурии, после которого на территории Китая образовалась очередная иноземная завоевательная династия Цинь (1644–1911 гг.), разрушило биполярную картину мира.

СУПЕРСЛОЖНОЕ ВОЖДЕСТВО

Могли ли кочевники создавать собственную государственность? Как в антропологических теориях политической эволюции следует классифицировать кочевые империи? Могут ли они считаться государствами или это были предгосударственные политии? Эти вопросы до сих пор обсуждаются исследователями разных стран и особенно марксистскими антропологами (подробнее о данной дискуссии см.: Федоров-Давыдов 1973; Хазанов 1975; Марков 1976; 1998; Першиц 1976; Коган 1981; Халиль Исмаил 1983; Khazanov 1984; Попов 1986; Gellner 1988; Bonte 1990; Крадин 1992; Масанов 1995; Васютин 1998 и др.).

В настоящее время существуют две наиболее популярные группы теорий, объясняющих процесс происхождения и сущность раннего государства. *Конфликтные*, или *контрольные*, теории показывают происхождение государственности и ее внутреннюю природу с позиции отношений эксплуатации, классовой борьбы, войны и межэтнического доминирования. *Интегративные*, или *управленческие (функциональные)*, теории главным образом ориентированы на то, чтобы объяснить феномен государства как более высокую стадию экономической и общественной интеграции (Fried 1967; Service 1975; Claessen and Skalnik 1978; 1981; Cohen and Service 1978; Haas 1982; Gailey and Patterson 1988; Павленко 1989 и др.).

Однако ни с той, ни с другой точки зрения нельзя считать, что государственность была для кочевников внутренне необходимой. Все основные экономические процессы в скотоводческом обществе осуществлялись в рамках отдельных домохозяйств. По этой причине необходимости в специализированном «бюрократическом» аппарате, занимающемся управленческо-редистрибутивной деятельностью, не было. С другой стороны, все социальные противоречия между номадами разрешались в рамках традиционных институтов поддержания внутренней политической стабильности. Сильное давление на кочевников могло привести к откочевке или к применению ответного насилия, поскольку каждый свободный номад был одновременно и воином (Lattimore 1940; Bacon 1958; Марков 1976; Irons 1979; Khazanov 1984; Fletcher 1986; Barfield 1992; Крадин 1992; Масанов 1995 и др.).

Необходимость в объединении и создании централизованной иерархии у кочевников возникает только в случае войн за источники существования, для организации грабежей соседей-земледельцев или экспансии на их территорию, при установлении контроля над торговыми путями. В данной ситуации формирование сложной политической организации кочевников в форме «кочевых империй» есть одновременно и продукт интеграции, и следствие конфликта (между номадами и земледельцами). Кочевники-скотоводы выступали в данной ситуации как «класс-этнос» и специфическая «ксенократическая» (от греч. «ксено» – наружу и «кратос» – власть) политическая система. Образно можно сказать, что они представляли собой нечто вроде «надстройки» над оседло-земледельческим «базисом» (Крадин 1992; 1995а и др.). С этой точки зрения создание «кочевых империй» – это частный случай популярной в свое время «завоевательной» теории политогенеза (Л. Гумплович, Ф. Оппенгаймер), согласно которой война и завоевание являются предпосылками для последующего закрепления неравенства и стратификации.

Тем не менее ни с точки зрения *конфликтного*, ни с точки зрения *интегративного* подходов большинство кочевых империй не может быть однозначно интерпретировано ни как вожжество, ни как государство. Подобие степных империй государству ярко проявляется только в отношениях с внешним миром (военно-иерархическая структура кочевничества для изъятия престижных продуктов и товаров у соседей, а также для сдерживания внешнего давления; международный суверенитет, специфический церемониал во внешнеполитических отношениях).

В то же самое время во внутренних отношениях «государствоподобные» империи кочевников (за исключением некоторых вполне объяснимых случаев) основаны на ненасильственных (консенсуальных и дарообменных) связях, они существовали за счет внешних источников без установления налогообложения скотоводов. Наконец, в кочевых империях отсутствовал главный признак государственности. Согласно многим современным теориям политогенеза, главным отличием договорных структур от государственности является то, что правитель вожества обладает лишь консенсуальной властью, то есть, по сути, авторитетом, тогда как в государстве правительство может осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия (Service 1975: 16, 296–307; Claessen and Skalnik 1978: 21–22, 630, 639–40 и др.). Характер власти правителей степных империй более консенсуальный, лишенный монополии на легитимный аппарат принуждения. Шаньюй, хан или каган есть, главным образом, редистрибутор, его мощь держится на личных способностях и умении получать извне общества престижные товары и перераспределять их между подданными.

Для таких обществ, более многочисленных и структурно развитых, чем *сложные вожества*, но в то же самое время не являющихся госу-

дарствами (даже «зачаточными» *ранними государствами*), был предложен термин «*суперсложное вождество*» (Крадин 1992: 152). Этот термин был принят коллегами-кочевниковедами (Трепавлов 1995: 150; Скрынникова 1997: 49), хотя первоначально четких логических критериев, отделяющих суперсложное вождество от сложного вождества и от раннего государства, предложено не было.

Принципиальное структурное отличие между сложным и суперсложным вождествами было зафиксировано Р. Карнейро в специальной статье (Carneiro 1992; см. также его главу в данной монографии). Карнейро, правда, предпочитает называть их соответственно «компаундным» и «консолидированным» вождествами. По его мнению, отличие простых вождеств от компаундных – чисто количественного характера. Компаундные вождества состоят из нескольких простых, над субвождями дистриктов (то есть простых вождеств) находится верховный вождь, правитель всей политики. Однако Р. Карнейро заметил, что компаундные вождества при объединении в более крупные политики редко оказываются способными преодолеть сепаратизм субвождей, и такие структуры быстро распадаются. Механизм борьбы со структурным расколом был прослежен им на примере одного из крупных индейских вождеств, существовавших в XVII в. на территории нынешнего американского штата Вирджиния. Верховный вождь этой политики (*пахэтан*), чтобы справиться с центробежными устремлениями вождей ее сегментов, стал замещать их своими сторонниками, которые обычно являлись его близкими родственниками. Это придало важный структурный импульс последующей политической интеграции.

Схожие структурные принципы были выявлены Т. Барфилдом в истории хунну (Barfield 1981: 49; 1992: 38–9). Хуннская держава состояла из мультиэтничного конгломерата вождеств и племен, включенных в состав «имперской конфедерации». Племенные вожди и старейшины были инкорпорированы в общеимперскую десятичную иерархию. Но их власть в известной степени была автономной от политики центра, основывалась на поддержке со стороны соплеменников. В отношениях с племенами, входившими в имперскую конфедерацию, хуннский шаньюй опирался на поддержку своих ближайших родственников и соратников, носивших титулы «десятитысячников». Они были поставлены во главе особых надплеменных подразделений, объединявших подчиненные или союзнические племена в «тьмы» численностью примерно по 5–10 тыс. воинов. Эти лица должны были являться опорой центральной власти на местах.

Точно так же были организованы другие кочевые империи Евразии. Система улусов, которую часто называют кельтским термином *танистри* (Fletcher 1986), существовала во всех мультиполитиях кочевников евразийских степей: у усуней (Бичурин 1950б: 191), у европейских гуннов (Хазанов 1975: 190, 197), в Тюркском (Бичурин 1950а:

270) и Уйгурском (Barfield 1992: 155) каганатах, в Монгольской империи (Владимирцов 1934: 98–110).

Кроме этого, во многих кочевых империях были специальные функционеры более низкого ранга, занимавшиеся поддержкой центральной власти в племенах. В империи Хунну такие лица назывались *зудухоу* (Pritsak 1954: 196–199; Крадин 1996: 77, 114–117). В Тюркском каганате существовали функционеры, посылаемые для контроля над племенными вождями (Бичурин 1950а: 283). Тюрки также посылали своих наместников *тутуков* для контроля над зависимыми народами (Бичурин 1950б: 77; Таскин 1984: 136, 156). Чингисхан после реформ 1206 г. приставил к своим родственникам для контроля специальных нойонов (Козин 1990: § 243).

Кочевые империи как суперсложное вождество – это уже реальная модель, прообраз раннего государства. Если численность сложных вождеств измеряется, как правило, десятками тысяч человек (см., например: Johnson, Earle 1987: 314), и они, как правило, этнически гомогенны, то численность полиэтничного населения суперсложного вождества составляет многие сотни тысяч человек и даже больше (кочевые империи Внутренней Азии состояли из 1–1,5 млн пасторальных номадов), их территория (кочевникам нужно много земли для пастбищ!) была в несколько порядков раз больше площади, необходимой для простых и сложных вождеств.

С точки зрения соседних земледельческих цивилизаций (развитых доиндустриальных государств) такие кочевые общества воспринимались как самостоятельные субъекты международных политических отношений, нередко рассматриваемые как равные по статусу политии (китайцы называли их *го*). Данные вождества имели сложную систему титулатуры вождей и функционеров, вели дипломатическую переписку с соседними странами, заключали династические браки с земледельческими государствами, соседними кочевыми империями и «квазиимперскими» политиями номадов. Для них характерны зачатки урбанистического строительства (уже хунну стали воздвигать городища, а «ставки» империй уйгуров и монголов представляли собой настоящие города), возведение пышных усыпальниц и заупокойных храмов представителям степной элиты (Пазырыкские курганы на Алтае, скифские курганы в Причерноморье, хуннские захоронения в Ноин-Уле, курганы сакского времени в Казахстане, изваяния, поставленные тюркским и уйгурским каганам в Монголии и пр.). В части суперсложных вождествах кочевников элита пыталась вводить зачатки делопроизводства (хунну), в других – существовала записанная в рунах эпическая история собственного народа (тюрки).

УПАДОК И ГИБЕЛЬ КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЙ

Исследователями неоднократно выделялось много причин, которые приводили к кризису и распаду империй номадов. Среди них:

1) природные явления (усыхание степи, кратковременные климатические стрессы и эпидемии); 2) внешнеполитические факторы (нашествия врагов, затяжные войны, прекращение внешних поступлений, кризисы соседних земледельческих цивилизаций); 3) внутренние причины (демографический взрыв, потеря внутреннего единства и сепаратизм, гигантские размеры и слабость административной инфраструктуры, классовая борьба, усобицы ханов и гражданская война, бездарные политические правители) (см., например: Плетнева 1982: 127–44).

Современные данные не подтверждают значения некоторых из этих факторов. Как уже отмечалось выше, палеогеографические данные последнего десятилетия свидетельствуют об отсутствии прямой связи глобальных циклов усыхания/увлажнения степи с периодами гибели/подъема степных империй. Оказался ошибочным тезис о «классовой борьбе» у кочевников, поскольку таковой у кочевников не наблюдалось (Толыбеков 1971; Марков 1976; 1998; Khazanov 1984=1994; Крадин 1992 и др.). Однако большинство вышеперечисленных причин оказало реальное воздействие на судьбы тех или иных степных держав. Правда, сравнительно-исторический анализ показывает, что нередко влияние на гибель кочевых империй оказывало не одно, а сразу несколько обстоятельств. Беда, как правило, не приходит одна. Внутренние усобицы могли сопровождаться как локальными экологическими катастрофами (хунну, уйгуры), так и нашествиями врагов (жужани, уйгуры).

В то же время имелись причины, которые потенциально способствовали структурной неустойчивости кочевых империй: 1) внешние источники поступления прибавочного продукта, которые объединяли экономически независимые племена в единую имперскую конфедерацию; 2) мобильность и вооруженность кочевников, вынуждавшая верховную власть империй балансировать в поисках консенсуса между различными политическими группами; 3) специфическая «удельно-лестничная» система наследования власти, согласно которой каждый из представителей правящего династического рода, рожденный одной из главных жен хана, имел право в соответствии с очередью по возрасту на повышение административного статуса, и в том числе на занятие престола; 4) полигамия в среде высшей элиты кочевников (у Чингисхана, например, было около 500 жен и наложниц и множество сыновей от них; у Джучи 114 сыновей, у Хубилая около 50 сыновей и т. д.; один из чингизидов за то, что он имел более ста сыновей, имел шутовское прозвище «сотник»). Даже если теоретически допустить, что «среднестатистический» хан имел, допустим, пять сыновей от главных жен, то при таких же темпах рождаемости он должен был иметь не менее 25 внуков и 125 правнуков. В такой прогрессии уже через 60–70 лет конкуренция за наследство, как правило, должна была привести к кровавым усобицам и, в итоге, к гражданской войне, заканчивающейся резней большей части конкурентов или к распаду улуса.

Проиллюстрируем данный тезис на примере истории кочевой империи Хунну. Как оказалось, перепроизводство элиты в хуннском обществе тесно связано с периодами введения новых пышных титулов, дававшихся тем «королевским» родственникам, которые были лишены возможности занимать те или иные традиционные должности в военно-административной иерархии степной державы. Выделяются несколько периодов наиболее активного введения новых титулов (Крадин 1996: 125–32). Первый приходится примерно на 100–50 гг. до н. э. В этот промежуток времени возник переизбыток представителей хуннской элиты. Так как все члены знатных кланов не могли быть обеспечены соответствующим их происхождению местом в общественной иерархии, между ними неизбежно возникала острая конкуренция за обладание тем или иным высоким статусом и соответствующими ему материальными благами. Это привело в конечном счете к временному распаду Хуннской державы на несколько враждующих между собой объединений и к гражданской войне 58–36 гг. до н. э.

Второй период массового введения новых титулов и должностей начинается с последней трети I в. до н. э. Новый рост представителей высшей элиты кочевников вызвал ужесточение конкуренции за ограниченные ресурсы и привел к распаду Хуннской степной империи в 48 г. н. э. на Северную и Южную конфедерации. Третье и последнее масштабное появление новых титулов относится уже к постимперскому времени. Оно связано с новым переделом власти в хуннских объединениях.

Подобную закономерность можно проследить и в других кочевых империях. В результате судьба степной державы часто зависела от того, насколько ее правитель был способен решить все перечисленные выше проблемы, направить энергию своих многочисленных родственников и соратников вовне собственного социума. Если это не удавалось, империя номадов, как писал Ибн-Хальдун, редко переживала три-четыре поколения и оставалась обреченной на забвение «подобно огню в светильнике, когда кончается масло и гаснет светильник».

ПРИМЕЧАНИЕ

* Работа выполнена при поддержке Фонда Сороса № H2B741.

** Текст печатается по изданию: Крадин Н. Н., Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. «Альтернативные пути к цивилизации». М.: Логос. С. 314–336.

ЛИТЕРАТУРА

Бичурин, Н. Я. 1950а, б [1851]. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. I–II. М. – Л.: Изд-во АН СССР.

Васюгин, С. А. 1998. *Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии*. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Барнаул.

Владимирцов, Б. Я. 1934. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. Л.: Изд-во АН СССР.

Гмыря, Л. Б. 1995. *Страна гуннов у Каспийских ворот*. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во.

Голден, П. Б. 1993. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов. В: Иванов, Н. А. (отв. ред.), *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти* (с. 211–223). М.

Грум-Гржимайло, Г. Е. 1926. *Западная Монголия и Урянхайский край*. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.

Гумилев, Л. Н. 1989. *Этногенез и биосфера земли*. Л.: Изд-во ЛГУ.

1993. *Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации*. М.: Экспресс.

Динесман, Л. Г., Киселева, Н. К., Князев, А. В. 1989. *История степных экосистем Монгольской Народной Республики*. М.: Наука.

Иванов, И. В., Васильев, И. Б. 1995. *Человек, природа и почвы Рыпинского Волго-Уральского междуречья в голоцене*. М.: Интеллект.

Коган, Л. С. 1981. *Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе (на примере дореволюционного Казахстана)*: Автореф. дис. ...канд. экон. наук. М.

Козин, С. А. 1990 (перев.). *Сокровенное сказание монголов*. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во.

Крадин, Н. Н. 1992. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.

1995а. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии. *Цивилизации* (с. 164–179). Вып. 3. М.

1995б. Трансформация политической системы от вожества к государству: монгольский пример, 1180(?)–1206. В: Крадин, Н. Н., и Лынша, В. А. (отв. ред.), *Альтернативные пути к ранней государственности* (с. 188–198). Владивосток.

1996. *Империя Хунну*. Владивосток: Дальнаука.

Кычанов, Е. И. 1997. *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. М.: Вост. лит-ра.

Любавский, М. К. 1996. *Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века*. М.: Изд-во МГУ.

Марков, Г. Е. 1976. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. М.: Изд-во МГУ.

1998. Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории. *Восток* 6: 110–123.

Масанов, Н. Э. 1995. *Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества)*. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт.

Павленко, Ю. В. 1989. *Раннеклассовые общества (генезис и пути развития)*. Киев: Наукова думка.

Першиц, А. И. 1976. Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов. В: Першиц, А. И. (отв. ред.), *Становление классов и государства* (с. 280–313). М.

Плано Карпини, Дж. 1957. История Монгалов. В: Шастина, Н. П. (отв. ред.), *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука* (с. 23–83). М.

- Плетнева, С. А.** 1982. *Кочевники средневековья*. М.: Наука.
- Покотиллов, Д. И.** 1893. *История Восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (по китайским источникам)*. СПб.
- Попов, А. В.** 1986. Теория «кочевого феодализма» академика Б. Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников. *Mongolica. Памяти академика Б. Я. Владимирцова 1884–1931* (с. 183–193). М.
- Прокопий Кесарийский.** 1993. *Война с персами. Война с вандалами. Тайная история*. М.: Наука.
- Рашид ад-Дин.** 1946. *Сборник летописей*. Т. III. М. – Л.: Изд-во АН СССР. 1952а, б. *Сборник летописей*. Т. I, кн. 1–2. М. – Л.: Изд-во АН СССР. 1960. *Сборник летописей*. Т. II. М. – Л.: Изд-во АН СССР.
- Рубрук, Г.** 1957. Путешествие в восточные страны. В: Шастина, Н. П. (отв. ред.), *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука* (с. 85–194), М.
- Скрынникова, Т. Д.** 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингисхана*. М.: Вост. лит-ра.
- Страбон.** 1994. *География*. М.: Ладомир.
- Таскин, В. С.** 1984 (перев.). *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., перевод и коммент. В. С. Таскина*. М.: Наука.
- Толыбеков, С. Е.** 1971. *Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ*. Алма-Ата: Наука.
- Трепавлов, В. В.** 1995. Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно В: Крадин, Н. Н., и Лынша, В. А. (отв. ред.), *Альтернативные пути к ранней государственности* (с. 199–208). Владивосток:.
- Фурсов, А. И.** 1988. Нашествия кочевников и проблема отставания Востока. *Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций на Востоке*. Т. 1.: 182–185. М.
- Фурсов, А. И.** 1995. Восток, Запад, капитализм. В: Растянкин, В. Г. (отв. ред.), *Капитализм на Востоке во второй половине XX века* (с. 16–133). М.
- Хазанов, А. М.** 1975. *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей*. М.: Наука.
- Халиль Исмаил.** 1983. *Исследование хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 50–80 гг.*: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М.
- Ясперс, К.** 1991. *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат.
- Abu-Lughod, J.** 1989. *Before European hegemony: The World-System A. D. 1250–1350*. New York.
- Vacon, E.** 1958. *Obok. A Study of Social Structure of Eurasia*. New York.
- Barfield, T.** 1981. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy. *Journal of Asian Studies* 41 (1): 45–61.
1992. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge: Blackwell (First published in 1989).
- Biraben, J.-N.** 1979. Essai sur l'évolution du nombre des hommes. *Population* 34 (1): 13–24.
- Bonte, P.** 1990. French Marxist Perspectives on Nomadic Societies. In Salzman, C., and Galaty, J. G. (ed.), *World Nomads in a Changing* (pp. 49–101). Naples.

Carneiro, R. 1992. The Calusa and the Powhatan, Native Chiefdoms of North America. *Reviews in Anthropology* 21: 27–38.

Cohen, R., and Service, E. 1978 (eds.). *The Origin of the State*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.

Claessen, H. J. M., and Skalnik, P. 1978 (eds.). *The Early State*. The Hague: Mouton. 1981 (eds.). *The Study of the State*. The Hague etc.: Brill

Eisenstadt, S. 1963. *The Political Systems of Empires*. N. Y.

Fletcher, J. 1986. The Mongols: ecological and social perspectives. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 46 (1): 11–50.

Fried, M. 1967. *The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology*. N. Y.: Columbia University press.

Gailey, C., and Patterson, T. 1988 (eds.). *Power Relations and State Formation*. Washington: D. C.

Gellner, E. 1988. *State and Society in Soviet Thought*. Oxford: Oxford University press.

Grousset, R. *L'empire des steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan*. Paris.

Haas, J. 1982. *The Evolution of the Prehistoric State*. N. Y.: Columbia University press.

Irons, W. 1979. Political Stratification Among Pastoral Nomads. *Pastoral Production and Society*. Cambridge: Cambridge University press.

Johnson, A. W., and Earle, T. 1987. *The Evolution of Human Societies: From Foraging Groups to Agrarian State*. Stanford (Cal.): Stanford University press.

Khazanov, A. M. 1981. The early state among the Eurasian nomads. In Claessen, H. J. M., and Skalnik, P. (ed.), *The Study of the State* (pp. 156–173) The Hague etc.

1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge University press.

1994. *Nomads and the Outside World*. 2nd ed. Madison, WI: University of Wisconsin Press.

Krader, L. 1963. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague: Mouton.

Lattimore, O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York and London.

Maenchen-Helfen, O. 1973. *The World of the Huns*. Los Angeles and London.

Pritsak, O. 1954. Die 24 Ta-ch'en: Studie zur Geschichte des Verwaltungsaufbaus der Hsiung-nu Reiche. *Oriens Extremus* 1: 178–202.

Service, E. 1975. *Origins of the State and Civilization*. N. Y.: Norton.

Thapar, R. 1981. The State as Empire. In Claessen, H. J. M., and Skalnik, P. (ed.), *The Study of the State* (pp. 409–426). The Hague.

Toynbee, A. 1934. *A Study of History*. Vol. III. London: Oxford University Press.

*Монгольское кочевое общество периода империи**

Татьяна Дмитриевна Скрынникова

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии РАН,
Улан-Удэ*

До сих пор остается нерешенным вопрос о наличии или отсутствии у монголов государства, причем эта проблема является спорной не только для монголоведения, но и для всего кочевниковедения в целом (см.: Крадин 1992). Выявление внутреннего механизма развития монгольского общества, важное само по себе, также может способствовать решению проблем типологии средневековых кочевых обществ. Обращение к монгольскому материалу при решении проблемы государственности в империях кочевников может быть продуктивным, поскольку, как никакой другой, он сохранился в письменных источниках, зачастую принадлежащих своему времени или составленных вскоре после события, в них зафиксированного.

Мне представляется необходимым ставить проблему в двух плоскостях: во-первых, о наличии или отсутствии государственности собственно монголов, то есть монгольской государственности, и, во-вторых, о государственности Монгольской империи. Второе предполагает наличие черт государства (определенной территории, налоговой системы, административного аппарата для осуществления функций руководства и управления), имеющих экзополитарные формы, так как они должны быть направлены на эксплуатацию населения более развитых обществ, по сравнению с кочевниками, завоеванных земледельческих государств. Но это является предметом специального исследования. Задача данной публикации – описать характер социальной организации и структуры собственно монгольского общества в период наивысшей политической активности.

Различия в определении характера монгольского общества (государство, может быть, первоначального типа или союз племен?) лежат в разных подходах к интерпретации термина «улус», отражавшего уровень этносоциальной организации. Необходимо также отметить, что большая часть исследователей-теоретиков при изучении монгольского общества пользуется при анализе его структуры перево-

дами текста «Сокровенного сказания» на европейские языки, что, несомненно, вносит дополнительные ошибки в интерпретацию терминов. Для изучения реальной картины мною были выделены термины социальной организации монгольского общества внутри монгольского текста и определен характер взаимоотношений между единицами, ими обозначаемыми как иерархический.

Наибольшее значение имел род (*обок*), принадлежность к которому определялась характером кровнородственных связей, выражаемых через термин *урук*. Группа людей, обозначаемая этим термином, может быть как в составе рода (*обок*), так и выделяться из него, образуя новый род, то есть в данном контексте *урук* и *обок* выступают как синонимы. Как часть рода, первый означает *линидж* и именно в этом значении чаще всего употребляется в тексте «Сокровенного сказания». Необходимо было быть кровным родственником – *уруком*, чтобы иметь право участвовать в родовом жертвоприношении в месте захоронения последов (*ихэсийн газар*). Выполнение обрядов родового культа только членами рода – одна функция рода.

Безусловно, второй функцией рода у монголов рассматриваемого периода являлось соблюдение экзогамии. Кроме формы обязательного брака, выраженной формулой «*анда – худа*» и характерной для дочингисовой эпохи, появилась и новая, нарушающая дуальность, когда жен стали брать и из других родов. Но нарушение дуальности, расширение брачных связей не снимало требования родовой экзогамии – запрещение брака внутри рода. «Сокровенное сказание» демонстрирует как изменение структуры монгольского общества, так и сохранение функции рода, прежде всего, маркировки патрилинейного кровного родства термином *урук*.

В «Сокровенном сказании» прослеживается также связь понятий *обок* и *иргэн*. Связь эта выражается в том, что род становится основой иной социальной единицы, которая принимает от рода наименование. Эта новая этническая общность обозначается в источнике терминами *иргэн*, *улус* или *улус иргэн*, которые выступают как синонимы. Употребление двух слов разных языков (тюркского – *улус*, тунгусо-маньчжурского – *иргэн*) в одинаковом значении объясняется многокомпонентностью монгольского этноса, находившегося в рассматриваемый период в стадии активного этногенеза. В монгольском источнике термином *иргэн* обозначаются, например, татары вообще и отдельные группы татар; монголы и кияты, являвшиеся частью монголов; вообще лесные народы и туматы, составлявшие их часть; унгираты и олхонуты (последние выделились из первых). Все это свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело с явлением типологическим, характерным и для других народов. Например, в византийских источниках термином *этнос* обозначалась общая масса гуннов и ее части – авары, сабыры. Геродот называл этносами всех скифов и

отдельные народы, проживавшие в Скифии. Социальный организм, обозначаемый монгольскими терминами *иргэн* и *улус*, не представлял собой государственного образования. Оба термина были идентичны термину *этнос*, обозначающему «народ, люди, племя». Исследование терминов *иргэн* и *улус*, которые использовались как в этническом ([монгольский] народ = [монголы]), так и в потестарном (племя [монголов]) смыслах, показало, что для монгольского общества рассматриваемого периода характерно совпадение потестарного и этнического сознания, что свидетельствует о нерасчлененности общественного сознания и доклассовом характере монгольского общества. Доказательством совмещения этнического и потестарного сознания является не только многозначность указанных терминов (народ, люди, племя), но и частичное совпадение их со значением содержания термина *обок*.

Можно представить иерархию таксонов: *урук* (линидж) – *обок* (род) – *иргэн улус* (племя). При этом один этноним мог употребляться с каждым из таксонов, обозначавших уровень социальной организации, и таким образом превращаться в политоним, поскольку совокупность родов из только этнической языково-культурной общности становилась также консолидированной социально-потестарной организацией – племенем как этносоциальной общностью, наименование которому давал правящий род. *Урук*, выступавший в качестве линиджа на уровне конического клана, мог, в свою очередь, равняться роду и, выделившись из основного рода, становиться самостоятельным родом.

Зависимость между феноменами, обозначаемыми этими терминами, следующая: *урук* отмечает патрилинейное родство, следовательно, может быть обозначен как абсолютно гомогенная структура; *обок* – монгольский род фиксировал кровное родство по мужской линии, то есть был как будто гомогенным, но уже включал лиц, вошедших в него, например, путем брака, то есть гомогенность нарушалась. Оба эти термина отмечали, прежде всего, этнокультурную общность.

Термины *иргэн* и *улус* фиксировали социально-потестарную общность гетерогенного характера, аристократией которой являлся правящий род, чей этноним стал политонимом, обозначали крупные этносоциальные объединения, причем акцент делался на людях. Границы объединений, обозначаемых как *иргэн улус*, определялись не границами территорий, хотя последние и были достаточно определенными, а фиксировались кругом лиц, возглавлявших отдельные его части. Личное членство в данной общности фиксировалось в генеалогии. Причем то, что оно могло быть не фактическим, а фиктивным, только подтверждает ее актуальность. Внутри одного конического клана отношения «господства – подчинения» маркировались местом лидеров этносоциальных объединений в генеалогической таблице, причем особое значение внутри клана придавалось его старшему и младшему представителям, которые выделялись терминологически: старший – *бэхи* и младший – *отчигин*.

При нерасчлененности общественной жизни сама социальная структура общества определяла характер организации, поскольку состояла из таксонов, иерархически дифференцированных, когда роли каждой социальной единицы в обществе были детерминированы. Кровнородственная связь была основным критерием потестарно-политической организации не только по вертикали (иерархия таксонов), но и по горизонтали, то есть определяла взаимоотношения разных этносоциальных объединений одного уровня. Характерные для потестарного общества формы отношений – формы социально-потестарной организации монголов рассматриваемого периода, которые выражались терминами *анда*, «отец – сын», «старший брат – младший брат», свидетельствуют о том, что это – потестарные институты, прежде всего, а не политическая организация, поскольку отношения между этносоциальными организмами регулировались терминами кровного родства, которые маркировали социальную организацию. Все это позволяет определить монгольское общество как потестарное и предгосударственное.

Отсутствие формализованных институтов власти вне родоплеменных традиций, фиксированного законодательства, налогообложения и органов по сбору налогов (в тексте «*Сокровенного сказания*» отсутствует как термин *алба*, используемый впоследствии для обозначения налога, так и какой-либо иной термин), а также разделение монголов, прежде всего, по родовому, а не по территориальному признаку позволяют обозначить монгольское общество периода империи как суперсложное вождество (потестарное – предгосударственное и предполитическое, где особенно важную роль играли вожди со своими дружинами и совет лидеров этносоциального объединения – *хурилтай*) – конфедерацию племен.

Верховный правитель объективно способствовал преодолению сопротивления родственных кланов в процессе социальной эволюции. Можно отметить одновременное существование двух тенденций: 1) уничтожение вождей, сопротивлявшихся централизации под властью нового лидера; 2) использование новым лидером в руководстве конфедерацией сложившейся клановой системы и механизмов, обусловленных общинно-родовой традицией, где даже так называемая военная «десятичная» система дублировала родовую, а не отражала реальное число воинов. Если говорить о типологии, то в этот период в монгольском политогенезе наблюдается сочетание: а) военного пути, когда захват власти осуществлялся военными лидерами с участием военной демократии/военной иерархии и дружины, и б) аристократического, при котором власть была сосредоточена у племенных вождей (Куббель 1988: 134–136). Классификация Л. Е. Куббеля аналогична веберовской идее о харизматической и традиционной формах «господства – подчинения».

Оба типа властных отношений – традиционный и харизматический – отразились в разделении монгольских правителей на две группы. Пер-

вая группа состояла из представителей наследственной аристократии – *бэхи, эбугэн, эчигэ*; вторая – включала в себя лидеров, пришедших к власти благодаря личным заслугам – *хан, багатур, мэргэн, сэцэн* и др. Но между этими двумя группами нет резкой границы, прежде всего, потому, что все их представители являлись лидерами благодаря обладанию харизмой. Различие состояло в том, что представители первой группой получали ее по наследству как старшие рода, имевшие происхождение от предка, избранного Небом; представители же второй только начинали новую линию наследования власти, хотя зачастую были включены в боковые ветви той же генеалогии и являлись потомками основателя рода, но не старшими. В свою очередь, они тоже закрепляли свое право традиционным путем, через генеалогии, и, таким образом, в обосновании права на власть использовались оба типа «господства – подчинения» – традиционный и харизматический.

Особое место в военной иерархии занимал обладатель титула *хан*. Титул, являясь поначалу, в эпоху нестабильности и активной этнопопестарной перестройки, маркером верховной власти в конфедерации, определяемой избранием верховного главы на совете лидеров, с закреплением власти за одним родом (Чингисхана), становится наследственным и приобретает династийный характер, поскольку правление потомков Чингисхана сохраняется в монгольском обществе вплоть до XX в. При этом закрепленное за ними право на власть подтверждается генеалогией, которая могла быть и фиктивной, как, например, у Даянхана, возглавлявшего монголов в XV в. в период усиления их роли на исторической арене после длительного «темного» периода. Принадлежность к роду Чингисхана («золотому роду») определяется не только передачей верховной власти в конфедерации по примогенитурному признаку с наследованием титула *хан/хаган*, но и маркировкой его представителей вплоть до XX в. титулом *тайчжи*.

Большую роль в управлении монгольским обществом играл совет – *хурилтай*. Уже в XII в. он представлял собой собрание глав конфедерации на надплеменном уровне и созывался, прежде всего, для избрания верховного лидера, роль которого особенно возросла с расширением завоевательной деятельности. С усилением власти Чингисхана, а впоследствии его потомков, *хурилтай* приобрел характер семейного совета с участием ближайшего окружения, состоящего из военных сподвижников – *нукеров* (дружинников), который собирался для интронизации очередного претендента или для определения направления очередного похода. *Хурилтаем* же назывались ежегодные собрания представителей правящего рода (и всего конического клана) для проведения необходимых новогодних обрядов. Вождь выделялся из общества как его олицетворение, заключавшее в себе связь этого общества с землей обитания и предками, которые обеспечивали его благополучие и процветание. Именно поэтому большой интерес представляет изучение места лидера в ритуальной жизни социума.

Прежде всего необходимо отметить, что ритуалы были двух типов: стабилизирующего характера (ритуалы начала) и ритуалы по исправлению недостатков. Если последние всегда проводил шаман (черный), то исполнителями первых – центральных, социально значимых обрядов – даже в рамках одного этноса могли быть разные лица. Для монголоязычного мира было и остается характерным разделение на западную и восточную части, отмечаемое еще для I тысячелетия до н. э., причем границей раздела был Хангай. На западе отмечалась курганная культура с захоронением европеоидов, а на востоке – культура плиточных могил и оленных камней, а также керексуров, носителями которой были монголоиды. Изучение даже современного бытования традиционной культуры монгольских народов показало актуальность этого деления в ритуале и его исполнителях. В восточномонгольской традиции, как и вообще в восточноазиатской, хан сочетает в себе властные и ритуальные функции, то есть светский лидер является исполнителем центральных социально значимых обрядов, в отличие от переднеазиатской, где отмечается разделение функций (ср.: брахманы, кшатрии, вайшьи). Последнее прослеживается также в западномонгольской и западнобурятской традициях, где ритуальная функция отделена от властной и выполняется белым шаманом. Правитель проводил регулярные ритуалы: интронизацию, новогодний, летний, осенний тайлганы, – воспроизводящие центр. Во все упомянутые ритуалы входили обряды, связанные с культурами Неба, духов-хозяев местности, знамени, огня, которые так или иначе имели отношение к культу предков. Вышеперечисленные регулярные обряды носят стабилизирующий характер и являются символическим повторением акта творения, санкционирующим новый порядок.

По монгольским представлениям, правитель, обладающий наивысшей сакральностью, играл цивилизаторскую роль и по отношению ко всему миру. Эта универсальность определялась универсальностью Неба, сыном которого он являлся. Реализовалась эта роль в ритуале, две важнейшие стороны которого следует отметить. Во-первых, исполнителем всегда является светский лидер – правитель, старейшина и т. п. – традиционного или харизматического типа. Во-вторых, он всегда проводится в местах или воспринимаемых данным социумом как центр мира (гора, петроглиф, дерево), или моделируемых в качестве такового с помощью специальных атрибутов (втыкаемые деревья, знамя, обо, коновязь и т. п.). В любом случае и естественный, и искусственный центр мира, его сакральность были связаны с культом предков, которые всегда находятся в центре космологической модели мира. Это основывается на представлениях о способности харизмы сохраняться на земле, в социуме и после смерти ее обладателя, быть воплощенной в различные предметы, как в антропоморфные изображения из различных материалов – войлок, металл, камень, дерево, так и в иные ритуальные атрибуты – столб, барабан, знамя, копьё, камень.

Одним из монгольских терминов, обозначающих харизму правителя, является *sulde*, которое в монгольских обрядовых текстах называют *temur-un qadaqasun* («железный столп») или *toru-yin qadaqasun* («столп *тору*»), то есть центром мира. Учитывая важность понятия *тору* и то, что до сих пор никто не обращал на это внимания, считаю необходимым специально остановиться на этой проблеме. В «*Сокровенном сказании*» термин употребляется в следующих случаях:

§ 121. «...для меня, который теперь предрек тебе столь высокий сан» (Козин 1941: 107) (*toru-yi ji'aqsan gu'un-ni nimayū* [De Rachewiltz 1972: 51]. Мой пер. «Для меня, человека, который проявил для тебя *Высший Закон*»).

§ 178. «Сына ли только забыл я? Правды закон я забыл» (Козин 1941: 136) (*ko'ub-ese'en qaqaqaqu-ju toro-dece qaqaqaba* [De Rachewiltz 1972: 90]). Речь, безусловно, идет о том, что Ван-хан отошел от Высшего Закона.

§ 208. Мой пер. «Я думаю о *Великом Законе*» (*yeke tore setkiju* (De Rachewiltz 1972: 119). *qaqaqaqsan ulus qamtutqaqsan-u butaraqsan ulus bugutgelduksen tusas-u inu toro setkiju...minu uruq bidan-u oro sa'uju ene metu tusa kixsen toro setkiju* (там же: 119–120). Мой пер. «[Задумываясь о] помощи в объединении разъединенного *улуса*, раздробленного *улуса*, я думаю о *законе*... То, что мой *урук* сидит на нашем троне – [результат того, что] я думаю о *Законе*, принесшем эту помощь»).

§ 216. «По Монгольской Правде существует у нас обычай возведения в нойонский сан – беки» (Козин 1941: 166) (*mongqol-un toro poyan mor beki bolqui yosun aju'ui* (De Rachewiltz 1972: 125). Мой пер. «Монгольский *Закон* состоит в том, что путь нойона – статья *бэхи*»). В данном параграфе *yosun* и *тору* являются синонимами.

§ 220. «Но раз вы уверяете, что не посмели причинить зла своему хану, то это значит, что вы памятовали о *Законе*, о *Великой Правде*, Ехе-Торе» (Козин 1941:168) (*tende tus qan-iyān tebcin yadaqsan yosu yeke toro-yi setkiju'ui* [De Rachewiltz 1972: 127]). В этом параграфе *yosun* и *тору* также выступают как синонимы.

§ 263, в котором речь идет о «городских законах (*тору*) Ялавача и Масхута» (Козин 1941:189).

§ 281. «[Угэдэй говорит]: Признаю вину свою в том, что по неразумной мести погубил человека, который ...опережал всех в исполнении Правды-Торе» (там же: 199) (*doro kiciegu* [De Rachewiltz 1972: 174]).

Вышеприведенный материал демонстрирует различное значение *тору*. С одной стороны, *тору* является синонимом *yosun* (§ 216, 220), когда оба термина обозначают обычное право. Использование двух разных терминов для выражения одного понятия объясняется теми же причинами, как и в случае с *ulus* и *irgen*. В данном случае *тору* является словом тюркского языка, а *yosun* – тунгусо-маньчжурских. И последнее слово сохраняет за собой значение обычного права. Но *тору*, с другой стороны, имеет иное значение. Можно сказать, что *тору* – это

то, что можно знать, ощущать, воспринимать, иметь в себе (*setkiku* – § 208, 220), его можно проявлять для других, то есть проявлять Высшую Волю (Закон) – *jiaqu* (§ 121) и стараться в исполнении Высшего Закона – *kiciyegu* (§ 281). Но можно в своей деятельности и отойти от Закона – *qaqasaqu* (§ 178). Таким образом, можно сказать, что *toru* – это то, чему человек может следовать в своей деятельности, то, что существует вне его воли, не им создается, а дается ему свыше и им только осознается. Даже хан не творит *toru*, а лишь следует ему, что позволяет обозначить этот феномен как «Высший Закон».

Представляется, что именно это значение термина помогает понять существующее в тюркской традиции выражение: «Исчезает государство, [но] сохраняется *тору*» (Трепавлов 1993: 41), – и позволяет предположить, что в период Чингисхана этим термином обозначался Закон, установленный Небом. В этой связи нельзя не вспомнить, что в древнетюркский период термин использовался для передачи понятия «дхарма» на древнетюркский язык (ДТС: 581). Для данного контекста характерно еще не десакрализованное значение Закона как принципа универсальной равнозначности в микро- и макрокосме, который обеспечивает соблюдение установлений порядка, закона и правил, норм, следование которым обеспечивает гармонию в Космосе, Природе и Обществе, что характерно для традиционного монгольского общества.

Исполнителем воли Неба на земле является верховный правитель (хан), проводник Закона. Эта связь хана с Высшим Законом, возможно, отразилась в ином написании термина в § 281 «Сокровенного сказания» – *dogo*, созвучное написанию сакрального копия – атрибута Чингисхана (аналог мирового дерева). Значение термина, проявляющееся в § 121, 178, 208, 281, связывается с маркерами центра. «Чингисхан, находящийся в центре Ордосского тумэна (вероятно, речь идет о сакральном центре монголов – Эджэн-Хоро, где хранятся реликвии Чингисхана. – Т. С.), стал владыкой множества улусов» (*Ordos tumen-iyen toblen sagsan, Olan ulus-un ejen bolugsan Cinggis-qagan*) (Rintchen 1959: 67)).

Изучение ритуальных текстов также подтверждает мое предположение об особом месте *toru* в представлениях монголов о функционировании социума. Прежде всего, *toru* связывается с атрибутами, маркирующими центр:

«четырехбунчужное черное знамя, ставшее железным столпом – опорой *тору*» (*toru-yin tusiy-e temur-un gadagasun bolugsan ...dorben koltu qar-a tug* (Rintchen 1959:70); «четырехбунчужное великое знамя (сульдэ, ср.: предыдущее «туг» – Т. С.), ставшее столпом (медиатором в качестве мирового древа. – Т. С.) *тору*, ставшее опорой телу ...великое сульдэ (харизма. – Т. С.) августейшего владыки (Чингисхана. – Т. С.), ставшее опорой *тору*, воплотившееся в девятибунчужном белом знамени (*toru-yin gadagasun bolugsan ...bey-e-yin tusig bolugsan ...dorben koltu yeke qar-a sulde*

toru-yin tusig bolugsan ...yesun koltu cagan tug-iyen bosqaju ...bogda ejen-u yeke sulde [там же: 74]; «августейшая ханша... – опора *toru*» (*toru-yin tusiy-e ...bogdo qatun* [там же: 98]).

На мой взгляд, связь *toru* с четырехбунчужным знаменем в качестве его медиатора подтверждается выражением, до сих пор бытующим в разных этнических группах бурят, о чем мне любезно сообщила Г. Р. Галданова: *sajin gurban koltei toru dorben koltei* (букв. «у религии – три ноги, у *toru* – четыре»), – в котором через число определяется превосходство *toru* над религией. Если опорами религии являются Будда, учение, община, то во второй части выражения ясно просматривается аналогия с четырехбунчужным знаменем. В молитве черному знамени «*Qara sulde-yin ocig*» выстраивается синонимический ряд: столп *toru* (*toru-yin gadagasun*) – опора *toru* (*toru-yin tusig*) – великая харизма (*yeke suu jali*) (там же: 73–74).

Находясь в сакральном центре социума, *toru* имеет тенденцию к увеличению, росту, расширению. Оно определяется как «обильное счастливое *toru*» (*arbin sayin toru* [там же: 87, 102, 106]); «растущее *toru*» (*orgejiku toru* [там же: 87, 99, 101, 103, 106]).

Toru было связано непосредственно с правителем, который получал (или принимал) его. В ритуальных текстах упоминается Чингисхан: «Небеснорожденный Чингисхан, получивший *toru* народов мира» (*delekei-yin ulus-un toru-yi abugsan tngrlig Cinggis-qagan* [там же: 63]). Получение *toru* правителем (Чингисханом) вело к владению тем народом, который возглавлялся побежденным правителем: «Чингисхан ...получив *toru* Ван-хана, стал владеть множеством кереитов и ведать [ими]» (*Ong qagan-u toru-yi abugsan, olan kereyid-i ejelen medegsen Cinggis qagan* [там же]). Это происходило из того, что *toru* правителя являлось и *toru* социума: «Чингисхан ...получивший *toru* найманского Даян-хана, получивший *toru* всего великого улуса» (*Naiman Dayan qagan-u toru-yi abugsan Narmai yeke ulus-un toru-yi abugsan...Cinggis-qagan* [там же]).

Таким образом, нарративный материал демонстрирует, что по традиционным представлениям средневековых монголов выполнение правителем регулирующей функции в социуме обеспечивается его особой связью с *toru* – Высшим Законом, который Небо через него проявляет. Эта форма легитимации может быть названа «сакральным правом» (а), регулировавшим отношения «социум – космос».

Упоминаемая выше синонимичность *toru* и *yosun* позволяет предположить, что эти термины использовались для обозначения нефиксированного обычного права (б), которое рассматривалось как то, что соответствовало традициям и обычаям и регулировало отношения внутри социума.

Иногда (см. § 227) с терминами группы (б) связывались термины зарождающегося гражданского права (в): «указ (*jasag, jarlig*) согласно прежним обычаям (*toru, yosun*)». Чаще всего использовался термин *jasag*, известный как «Яса». Ряд значений термина позволяет определить поле его значений: 1) Распоряжаться, управлять. Вероятно, сюда включается и судебная сфера, так как для этого периода характерна неразделимость законодательной и исполнительной властей. 2) Руководство, управление, правление. 3) Распоряжение, указ, приказ. Последнее более других идентично употреблению термина *jarlig*, где «нарушение указа» обозначается как одним, так и другим термином, а также сравнение § 193 и 227 («доводить до сведения указ/приказ»), где последний выражается через оба термина (подробнее см.: de Rachewiltz 1993). Кажется, дело не в том, что в период Чингисхана зародилась новая форма легитимации («Яса»). По-прежнему открытым остается вопрос, решение которого пока невозможно: было ли записано все то, что реформировал Чингисхан, в свод законов при его жизни или появлению «Великой Ясы» мы обязаны его ближневосточным потомкам.

Но с уверенностью можно сказать, что этот тип права проистекал из собственной воли светского лидера, и для периода Чингис-хана он не являлся сводом законов, выработанным профессионалами на основе сложившейся государственной практики. Все цитируемые сохранившиеся отрывки из «Ясы» касаются частных вопросов, являясь зачастую письменным напоминанием действующего обычного права, они не определяли основные принципы жизнедеятельности монгольского общества. На мой взгляд, это зарождающееся фиксированное право – указы правителя – начальный этап перехода к гражданскому праву от обычного.

К ним примыкает еще один жанр, который обозначается понятием *слово (uge)* правителя. Например, по *слову* Хабул-хана во главе монголов встал Амбагай-хан (Козин 1941:84), по *слову* которого ханом стал Хутула (там же: 85).

Фактическое отсутствие государственной структуры внутри монгольского общества привело к тому, что со смертью основателя монгольской кочевой империи она стала распадаться и вскоре перестала существовать, поскольку и при его жизни отдельные ее части не представляли собой ни экономического, ни политического единства, а социальная общность обуславливалась принадлежностью глав этносоциальных объединений к одному роду, точнее, коническому клану. Описание монгольского социума данного периода показывает, что вопреки утверждениям некоторых исследователей об аморфности монгольского рода, несоответствии его классическому роду, он являлся гомогенной структурой, состоящей из кровных родственников (женщины, вышедшие замуж, никогда не становились членами рода мужа, не могли участвовать в родовых обрядах). Строгий счет родства

был необходим, поскольку монгольский род (*обок*) выполнял культовую функцию и функцию брачного регулятора, а также через учет младших и старших *линиджей* обеспечивалась стратификация внутри рода. Отношения «господства – подчинения» маркировались через отношения лидеров этносоциальных групп терминами кровного родства (*отец – сын, старший брат – младший брат*) – *анда* – в том случае, когда они не регламентировались генеалогией, то есть принадлежали к разным кровнородственным группам. Выполнение родом социальной и ритуальной функций обеспечивалось его главой – носителем харизмы рода, находившимся в сакральном центре социума. Ведущая роль рода в социальной жизни монгольского средневекового общества позволяет считать *ядро* кочевых империй *суперсложным вождеством* (подробнее см.: Скрынникова 1997). При выборе термина для обозначения уровня политической организации я сочла невозможным использование термина *государство*, поскольку в Монголии не прослеживаются основные его признаки, отличающие его от других форм социально-политической организации. Анализ терминов социальной структуры и организации и легитимации в средневековом монгольском обществе продемонстрировал сложности их интерпретации и подтвердил типологические для традиционной культуры проявления – с одной стороны, полисемантическую терминов, с другой стороны, поливариантность обозначения одного и того же феномена.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Впервые опубликовано в: Крадин Н. Н., Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. «Альтернативные пути к цивилизации». М.: Логос. С. 344–355. Текст печатается по указанному изданию.

ЛИТЕРАТУРА

- ДТС – *Древнетюркский словарь*. Л.: Наука, 1969.
- Козин, С. А. 1941. *Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г.* М. – Л.
- Крадин, Н. Н. 1992. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.
- Куббель, Л. Е. 1988. *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.
- Скрынникова, Т. Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингисхана*. М.: Вост. лит-ра.
- Трепавлов, В. В. 1993. *Государственный строй Монгольской империи XIII в.* М.: Наука.
- Rachewiltz, I. de 1972. *Index to the Secret History of the Mongols*. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Bloomington. Vol. 121.
1993. Some Reflections on Chinggis Qan's *jasag*. *East Asian History*. Canberra, N 6, dec.
- Rintchen, B. 1959. *Materiaux pour l'etude du chamanisme mongol*. T. 1. Wiesbaden.

От раннего к зрелому государству

Л. Е. Гринин

Волгоградский центр социальных исследований

В настоящем сборнике были высказаны различные взгляды на раннее государство, а также на то, что можно считать аналогами или альтернативами раннего государства. Но, чтобы дополнительно оттенить сложность и дискуссионность этой темы, есть смысл в заключение затронуть вопрос о дальнейшей эволюции государства. Но поскольку эта тема все же несколько выходит за рамки проблематики сборника, в данной статье ставилась достаточно ограниченная задача – наметить некоторые критерии для обозначения стадийных типов государств. Но даже и такая задача оказалась слишком объемной для одной статьи. Поэтому, к сожалению, в нее не вошли многие важные пояснения и примеры (подробнее см.: Гринин 2006а; 2006в).

В рамках настоящей статьи под *государством* понимается категория, с помощью которой описывается система специальных (специализированных) институтов, органов и правил, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; данная система в то же время есть отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка, которая должна обладать следующими характеристиками: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы.

Это определение является основой, опираясь на которую, я даю систему определений стадийных типов государства (подробнее см.: Гринин 2001–2005; 2006а)¹.

1. О стадиях эволюции государственности

Некоторые ученые «с подозрением» относятся к выделению стадий в тех или иных процессах, нередко прямо противопоставляя понятия процесса и стадий как взаимоисключающие (например: Shanks, Tilley 1987; см. также: Marcus, Feinman 1998: 3; Штомпка 1996: 238). Однако можно согласиться с Робертом Карнейро, что противопоставление процесса и стадий – это ложная дихотомия (Carneiro 2000b), поскольку

стадии являются непрерывными эпизодами продолжающегося процесса, а понятие процесса может служить для разработки понятия стадий (Goudsblom 1996). Процедура выделения стадий во временном процессе в широком смысле есть *периодизация*, а любая периодизация страдает односторонностью и какими-то расхождениями с реальностью. «Однако упрощения эти могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты» (Ясперс 1994: 52). Мало того, количество и значение таких натяжек можно резко уменьшить, поскольку эффективность периодизации напрямую связана с тем, насколько ее автор учитывает правила и особенности этой методологической процедуры (подробнее об этих процедурах см: Гринин 1998: 15–28; 2003а: 67–78; 2003б: 219–223; 2006а; 2006б; см. также: Ершов 1984; Жигунин 1984; Шофман 1984). Исходя из этого, я считаю, что разделение процесса эволюции государства (и шире – политогенеза) в исторической ретроспективе на стадии является весьма важной и полезной процедурой, если, конечно, не абсолютизировать такое деление (см. подробнее: Гринин 2001–2005; 2006а).

При анализе развития государственности в рамках исторического процесса обычно выделяют две главные стадии: **раннее** государство и **зрелое** государство. Несомненно, это деление разумно и продуктивно². Однако Х. Дж. М. Классен и П. Скальник ограничили свою схему развития государственности эволюцией только *докапиталистических неиндустриальных* государств (Claessen, Skalnik 1978b: 5). Следовательно, концепция *раннего* – *зрелого* государства нуждается в важных дополнениях. Причины этому следующие:

1. Переход к новой стадии развития государства немислим без серьезных изменений в производстве. С другой стороны, революционные изменения в производстве сами раньше или позже требуют глубоких изменений в устройстве государства. Поэтому было бы более чем странно допустить, что промышленная революция XVIII–XIX вв. не вызвала сильных изменений в организации государства. Между тем схема *раннее* – *зрелое* государство никак не отражает эти перемены.

2. Если первые зрелые государства, согласно распространенным взглядам, возникли еще в глубокой древности (Египет) или на пороге нашей эры (Китай)³, как тогда классифицировать европейские государства XVIII–XIX вв., не говоря уже о современных? Будут ли они также зрелыми или уже сверхзрелыми?

3. Европейские государства XIX в. сильно отличаются от сложных политически централизованных монархий поздней древности и средневековья (которые сами уже явно превосходят ранние государства) также по ряду других характеристик, в частности по уровню и культуре управления, развитости права, взаимоотношениям между государством и обществом. Недаром Макс Вебер говорил: «Вообще “государство” как политический *институт* с рационально разработанным правом и ориентированным на рационально сформулированные правила, на

“законы”, управлением чиновников-специалистов в данной существенной комбинации решающих признаков известно только Западу, хотя начатки всего этого были и в других культурах» (Вебер 1990: 47; курсив Вебера. – Л. Г.)⁴.

Следовательно, учитывая указанные различия между индустриальными и доиндустриальными государствами (о чем далее будет подробно сказано), очевидна необходимость выделить не две, а три стадии развития государственности. А именно:

а) *ранние*, еще недостаточно централизованные государства, с неразвитой социальной и классовой, а часто и административно-политической структурой;

б) уже сложившиеся централизованные государства поздней древности, средневековья и Нового времени, с ясно выраженным сословно-классовым делением;

в) государства эпохи капитализма, в которых исчезли сословия, появились классы буржуазии и пролетариата, сформировались нации, распространилась представительная демократия. Точнее говоря, даже не капитализма, а индустриализма, поскольку в эту группу входят и индустриальные социалистические государства.

Поэтому я пришел к выводу о необходимости «вставить» между ранним и зрелым государством стадию **развитого государства**. Таким образом, получится не две главные стадии развития государственности – раннее и зрелое государства, а три: **1) раннее государство; 2) развитое государство; 3) зрелое государство**. Соответственно я заново разработал концепцию эволюции государственности и поновому сформулировал основные характеристики каждой из ее стадий.

В каждой стадии, естественно, можно выделить менее крупные этапы *начального, типичного и переходного государства*⁵. В рамках этой статьи базовые характеристики стадий государственности определяются по среднему этапу каждой стадии (то есть соответственно *типичного раннего, типичного развитого и типичного зрелого государств*). Дело в том, что на первом этапе (*начального государства*) в политике еще очень много остатков и элементов предыдущей стадии, а на третьем этапе (*переходного государства*) многие институты уже перезрели, а также появляются признаки более высокой стадии государственности.

Основные различия между ранним, развитым и зрелым государствами:

Ранние государства очень сильно отличаются между собой по многим характеристикам, в частности по степени развитости централизации, управления, налоговой и судебной систем. Но если искать сходство в них с позиции, каковы в целом их отличия от государств более высокой стадии эволюции, то **раннее государство** – это всегда государство **неполное (организационно и социально)**. Такая «неполнота» касается взаимосвязи между государством и обществом. Тут существовали разные варианты, но в каждом из них какие-то очень

важные элементы государства и необходимые характеристики общества отсутствовали или были явно недоразвиты.

В большинстве случаев указанная неполнота выражалась в самом прямом смысле, поскольку многие ранние государства часто не обладали полным набором важнейших черт государства либо не развили все или часть из них до удовлетворительной степени. В первую очередь, сказанное относится к таким атрибутам государственности, как *профессиональный аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление, а также степень централизации и письменное право*. Однако в некоторых ранних государствах (таких, например, как государства третьей династии Ура или Хаммурапи в Месопотамии) имелась противоположная диспропорция. Хотя аппарат управления и бюрократия здесь были весьма мощными, но они надстраивались над недостаточно развитым в социальном и этническом плане обществом. Поэтому в таком случае недоразвитым выглядело уже *общество* по сравнению с государством (об этом см. еще дальше).

Развитое государство выступает как государство **сформировавшееся и сложившееся**, имеющее практически все указанные выше атрибуты государства (в том числе профессиональный аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление), и **централизованное**. Таким образом, многие признаки, которые могли встречаться, но могли и отсутствовать в ранних государствах, в развитых становятся обязательными⁶.

Такой тип государства был уже результатом длительного исторического развития и отбора, которые доказали, что государство существенно прочнее, если его институты органично связаны с социальной структурой общества, если они одновременно и опираются на социальный порядок, и поддерживают его. Например, на Руси и в Западной Европе такое государство с эффективной централизацией возникло на основе формирования сословного общества, сословной монархии, союза монарха с дворянством (и в отдельных случаях с городами). Развитое государство гораздо более целенаправленно и активно влияет на социальные процессы в обществе. Оно не просто тесно связано с особенностями социальной и корпоративной структуры общества, но как бы конституирует эти особенности в политических и юридических институтах. В этом смысле его можно рассматривать как **сословно-корпоративное** государство.

Естественно, что разные государства достигали начала этой стадии в разное время. Например, Китай – с момента образования первой централизованной империи Цинь, в конце III в. до н. э.; Римская империя – примерно в конце I в. н. э.; Византия – с момента возникновения. Франция начала вступать в эту стадию в конце XIII века; Россия – во второй половине XVI в. Подробнее о хронологии далее.

Зрелое государство является уже результатом развития капитализма и промышленной революции, то есть имеет принципиально

иной производственный базис. Другие отличия зрелого государства от ему предшествующих также очень велики. Оно опирается на сложившуюся или складывающуюся нацию со всеми ее особенностями. Поэтому такое государство более развито в организационном и правовом плане, обязательно имеет профессиональную бюрократию с определенными характеристиками (см., например: Weber 1947: 333–334), четкий механизм передачи или ротации власти. Естественно также, что зрелое государство имеет намного более развитый аппарат принуждения и контроля, в целом более развитые и специализированные институты управления.

Оно постепенно трансформируется из сословно-классового в чисто классовое государство, а на последних своих этапах – в то, что можно назвать социальным государством. Исходя из сказанного, можно сделать очень важный вывод, что **в древности и средневековье не было зрелых государств, а только ранние и развитые**. Самые первые зрелые государства появляются в конце XVII – XVIII в. О хронологии вступления в эту стадию будет сказано дальше.

3. Раннее государство

3.1. Некоторые характеристики раннего государства

Естественно, что я не ставил целью дать всестороннюю и полную характеристику каждого из трех стадийных типов государства. Здесь я останавливаюсь только на таких характеристиках, которые позволяют, на мой взгляд, точнее выделить критерии разделения процесса эволюции государства на эволюционные стадии. Что касается раннего государства, то некоторые свои взгляды на него я высказал в других статьях в этом томе (Гринин 2006г; 2006д), что позволяет мне опираться на них.

Прежде всего, необходимо напомнить, что я делил все догосударственные социумы и политии на две группы: *стадийно* догосударственные и *исторически* догосударственные (Гринин 2006д: 93–96). К первым я относил такие, которые при своих наличных характеристиках ни при каких условиях не могли стать даже самым примитивным государством. Ко вторым – такие, которые уже обладают необходимыми параметрами (величиной и степенью социокультурной сложности), поэтому при благоприятных условиях они могут стать государством. Однако, поскольку в этих обществах отсутствуют некоторые необходимые конкретные условия для формирования государства, они развиваются по собственным траекториям и становятся аналогами ранних государств.

Исходя из этого, следует отметить, что раннее государство отличается от *стадийно* догосударственных обществ совершенно определенными вещами, поскольку, чтобы стать государством:

1. Общества не могут быть меньше определенного размера и сложности (самое меньшее – несколько тысяч жителей). Хотя чаще

требуется больший размер, а по мере развития государства его объемы, как правило, возрастают до многих тысяч (часто до десятков и сотен тысяч и даже миллионов человек).

2. В обществе должен иметься определенный производственный базис в виде сельского хозяйства, ремесла и торговли (два последних в отдельных случаях заменяет военно-данническая эксплуатация соседей).

3. В обществе должна быть заметная социальная стратификация.

4. Необходим определенный уровень политической и структурно-управленческой сложности, по крайней мере должно быть не меньше трех уровней управления, а чаще – больше (см., например: Carneiro 2000a: 186), что при археологических раскопках нередко выражается в трех-, четырехуровневой иерархии поселений (Wright, Johnson 1975; Джонсон 1986) и в целом свидетельствует о наличии определенных политических традиций.

Однако, как я доказывал (Гринин 2006д), и многие аналоги отличаются от стадияльно догосударственных политий теми же самыми характеристиками. Поэтому я сформулировал, какими именно чертами и признаками раннее государство отличается от аналогов. А именно – это:

1. Особые свойства верховной власти.

2. Новые принципы управления.

3. Нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества.

4. Редистрибуция власти, то есть способность перераспределять через центр властные полномочия⁷.

Исходя из сказанного, **раннее государство – это категория, с помощью которой описывается особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые, перераспределять ресурсы; в) построенная (в основном или в большей части) не на принципе родства.**

Как легко заметит читатель, в данном определении я не указал, что для раннего государства обязательно наличие таких признаков, как аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление. Дело в том, что во многих, едва ли не в большинстве ранних государств они в полной мере не обнаруживаются (об этом подробнее далее). Но, на мой взгляд, это не только не является каким-то «недостатком» ранних государств, а, напротив, совершенно естественно. И те ранние государства, которые обладают всеми указанными признаками, скорее являются исключениями, выделяющимися среди ранних государств в сторону развитости, чем правилом. Поэтому, по моему мне-

нию, эти три признака являются обязательными для характеристики только следующего эволюционного типа государства – развитого.

3.2. Раннее государство как государство неполное

Государство как форма общества всегда отражает социальное и иное устройство последнего. Однако анализ черт, свойственных раннему государству, дает основания сказать, что в широком смысле слова оно является **неполным**. *Эта неполнота* в общем виде означает, что в системе взаимосвязей между государством и обществом имеются некие ограничители, которые препятствуют дальнейшей стадийной эволюции ранних государств. Данная ограниченность означает *такую связь между государством и обществом, которая ретроспективно неадекватной по сравнению с тем, что мы видим на более высоких этапах развития аналогичных систем*. И неудивительно, что многие ранние государства так никогда и не становятся развитыми (см.: Claessen, van de Velde 1987a; 1991; Skalnik 1996; Shifferd 1987; Tymowski 1987; Кочакова 1995), а те, что становятся, обычно совершают такой переход с тяжелыми кризисами и катаклизмами, вызывающими глубокую перестройку всей системы⁸.

Указанная ограниченность проявляется по-разному. Иногда политическая форма раннего государства оказывалась не очень крепко связанной с обществом. В этих случаях государственной надстройке, образно говоря, почти все равно, кем она управляет. Возьмите Среднюю Азию, границы внутри которой в течение многих сотен лет никак не устанавливались, без конца меняясь в зависимости от чисто военных обстоятельств и удачливости очередного завоевателя (для Ближнего Востока в целом и Северной Африки это тоже очень характерно). Возьмите средневековую Европу XI–XIII веков, где огромные области с легкостью переходили от правителя к правителю, от державы к державе при браках и разводах правителей, по смерти короля и обретении наследства⁹.

Европа этого времени – пример политической системы со слабой административной структурой. Однако бывали случаи «непригнанности» и «неподогнанности» общества и государства друг к другу и когда политическая власть обладала развитым административным и бюрократическим аппаратом, который сравнительно легко накладывался на разные территории. Так было в Месопотамии, где государства часто меняли границы, то укрупнялись, то распадались, неоднократно происходила и смена династий. Но принципы государственности при этом оставались в целом теми же. Бюрократия легко надстраивалась над любыми территориальными конфигурациями.

Но в некоторых ранних государствах указанная ограниченность, напротив, выражалась именно в том, что связь между государством и обществом была слишком тесной, то есть определенная государствен-

ная форма годилась только для конкретного социума. В результате она оказывалась неспособной к необходимым качественным трансформациям. Ярким примером является организация греческих полисов, не сумевших преобразоваться даже перед лицом потери независимости. «Парадокс греческой истории состоит в том, что основной ее тенденцией было непрерывное и в общем малоуспешное стремление к преодолению полиса: непрерывное в силу несоответствия однажды установленных полисных принципов... дальнейшему общественному прогрессу, а безуспешное ввиду того, что попытки преодоления полиса осуществлялись на полисной же основе» (Фролов 1979: 6). При этом наблюдается интересная картина. С одной стороны, греческие полисы так и не смогли самостоятельно объединиться в крупное государство именно из-за слишком тесной связи между гражданской общиной и формой государства. Но, с другой стороны, несбалансированность этих раннегосударственных образований весьма наглядно проявлялась в том, что в полисах были часты социальные перевороты и смена политического режима (от демократии к олигархии и наоборот), причем нередко совершаемые легитимно, путем смены лидеров и групп у власти, постоянным изменением законов и решений¹⁰.

На основе приведенных выше и многих других фактов я выделил два основных типа несоответствий между политической и социальной структурами древних и средневековых государств.

Первый и более распространенный вариант – когда раннее государство является неполным в прямом смысле слова, поскольку слабо развитой оказывается его административная организация. Ведь ранние государства очень часто не обладали полным набором важнейших черт государства либо не развили все или часть из них до удовлетворительной степени. При этом какие-то из этих признаков могли быть даже в весьма развитом виде, зато другие отсутствовали, а порой все признаки оказывались недоразвитыми. В первую очередь, сказанное относится к таким атрибутам государственности, как профессиональный аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление, а также наличие писаного права и письменной формы управления (приказы, распоряжения, отчеты, архивы и т. п.)¹¹.

Сказанное будет легче понять, если вспомнить, что в ряде ранних государств вместо территориального деления существовало родовое, общинное или иное¹², а в других налоги были неотличимы от дани, подарков, временных займов и т. п. Весьма часто налоги носили нерегулярный характер, например, собирались только во время войны (длительное время так было в Древнем Риме). В некоторых случаях налоги на население могли и вовсе отсутствовать, поскольку у правительства имелись иные источники доходов, такие как монополии на определенный вид торговли (включая внешнюю) или на определенную деятельность (добыча соли, разработка полезных ископаемых); особые земли и территории, доходы с которых шли на содержание

правителя (так, доходы с земель королевского домена в средневековой Европе нередко были главным источником государственных средств); регулярная дань и контрибуции с покоренных областей; принудительные платежи союзников (как, например, в Афинском морском союзе) и т. п. В частности, в Римской республике в ранний период очень важным источником доходов была плата за сдачу в аренду общественных земель (см.: Черника 1995: 5), а налоги носили экстраординарный характер. Далеко не всегда в ранних государствах (особенно в Древнем мире) имелась регулярная армия, поскольку правители обходились ополчением. Еще реже была там полиция¹³.

Довольно часто в ранних государствах был слабым административный и репрессивный аппарат. Иногда его слабость сочеталась с примитивностью социального расслоения, как, например, в варварских королевствах Европы в начале средних веков. Но бывало и так, что сословно-классовые отношения выражены достаточно четко, а административный аппарат – слабый или «небюрократический», как это можно видеть в Афинах, Риме и других государствах, где профессиональные администраторы либо отсутствовали вовсе (а должности замещались по очереди или по жребию), либо они не получали жалованья и избирались на короткий срок.

Часто такие «неполные» ранние государства только надстраивались над обществом, ограничиваясь военными и перераспределительными задачами, сбором дани, повинностей и пошлин, не проникая в толщу его жизни. Таким государством, например, длительное время была Древняя Русь, многие государства кочевников, ряд африканских государств. Нередко молодая держава вскармливает мощный слой новой знати, которая перестает считаться с породившим ее государством и начинает формировать под себя социальные процессы. Ярким примером является титулованная знать средневековой Европы, которая превращает надель за службу в частную собственность, закрепощает крестьян, лишает королей тяглецов и воинов и в конце концов делает королевства номинальными понятиями. В чем-то похожие процессы шли и во многих других странах начиная с глубокой древности (см., например, о Китае эпохи Западного, а потом и Восточного Чжоу начиная с IX в. до н. э.: Васильев 1993: 187–189; см. также: Крюков 1974: 14–15). Неслучайно же есть сторонники теорий «вечного феодализма», наличия феодальной формации в древности.

И вовсе не удивительно, что часто именно этап *типичного* раннего государства оказывается периодом феодальной раздробленности. Поэтому не лишено смысла утверждение, что «политическая раздробленность в эпоху раннего феодализма – не признак слабости государства, а естественное в тех условиях его состояние: то был иерархизированный союз вассалов и сеньоров, опиравшийся на систему личных связей, преобладавшую в том обществе форму социальных отношений» (Гуревич 1970: 60).

В малых (отчасти и в средних) государствах уже из-за самих их размеров аппарат обычно был недостаточно развит и отделен от населения. Ведь в таких масштабах многие вопросы эффективно решались иными, чем государственный приказ или контроль, способами (например, частными лицами; путем прямого волеизъявления населения или участия родовых, профессиональных или социальных групп в каких-то делах). Здесь рост государственности был, в первую очередь, связан с необходимостью вести успешные войны, иногда организовывать внешнюю торговлю. Важной могла быть роль государственной власти в улаживании социальных конфликтов, как это было в Афинах и некоторых других греческих полисах, отчасти в раннем Риме (между плебейми и патрициями). В результате те или иные стороны и черты государственности усиливались, а другие отставали. Какие именно, зависело от особенностей политий. Спартанский, афинский, финикийский, а также – до определенного момента, пока они оставались малыми государствами – карфагенский и римский пути – это только некоторые из вариантов развития.

Крупные же ранние государства имперского типа, возникшие в результате завоеваний, неизбежно распадались или резко уменьшались в размерах. Редко империи оставались могущественными более ста лет подряд. Неоднократные взлеты и падения Ассирии в XIII–VII вв. до н. э. – наглядный пример этому (см.: Садаев 1979). Но, даже когда государство было сильным в военном отношении, чтобы долго удерживать провинции в своей орбите, все равно обычно оно являлось недостаточно развитым, чтобы по-настоящему интегрировать различные свои части. Существовал дисбаланс между государственностью центра и окраинами (см. об этом: Thapar 1981: 411). А. В. Коротаев (Коротаев и др. 2000: 42–45; Korotayev *et al.* 2000: 23–24; см. также: Коротаев 2000а; 2000б) считает, что большинство империй представляли собой мультиполитии, то есть образования, имеющие собственно государство в центре и разного рода политии на периферии. И такие государства, как, например, Римская и Карфагенская республики, были не интегрированной системой, а, скорее, конгломератом земель. В них существовала система особых связей центра и каждого народа, каждой области или территории. При этом одни имели больше прав, другие – меньше, третьи были почти равны победителям, зато с четвертыми обращались очень сурово¹⁴.

Второй вариант неполноты раннего государства противоположен первому и является более редким. В таких государствах имелся развитой бюрократический аппарат управления. Но он сосуществовал с недоразвитыми социальной структурой и этническими характеристиками, действовал в обществе без достаточно четкой социальной стратификации (то есть ярко выраженных классов или сословий, более-менее зрелых отношений собственности на землю). Мало того, именно чрезмерный административный аппарат мог препятствовать складыванию более развитой и устойчивой социальной системы.

Так было, скажем, в Шумере при третьей династии Ура (XXI в. до н. э.), где в результате государство, по выражению М. А. Виткина (1968: 434), принимает антиобщественную форму¹⁵, и в наследовавшем ему государстве Хаммурапи; в Египте времен Древнего царства; империи Инков¹⁶. Поэтому можно считать, что в этих государствах бюрократия – при всей ее организаторской значимости – в какой-то мере оказывается внешней надстройкой над обществом, подобно тому, как в других государствах над ним надстраивается военная знать со своими дружинами. Только методы эксплуатации и влияния на социум у этих элит разные.

Если слабые правительства порой не могли в достаточной степени мобилизовать силы страны, натываясь на своеволие знати и наместников, то здесь государство, напротив, задавливает общество, пытаясь перестроить его полностью под свои задачи. При этом оно брало на себя функции основного распорядителя благ, организатора и контролера производства и распределения. Такая чрезмерность государства возникла, прежде всего, в условиях натурального хозяйства, как это было, например, в империи Инков. Однако увлечение «учетом и контролем» могло иметь место и в обществах с определенным уровнем товарно-денежных отношений, если там преобладали натуральные государственные повинности. Ведь сбор, хранение, перевозка и распределение продуктов по сравнению с деньгами являются более трудным и громоздким делом.

И чем больше отношений регулировалось, тем к большей системе контроля государство стремилось, подменяя вполне эффективные негосударственные традиционные (например, семейные, общинные, религиозные) и рыночные механизмы. Поэтому сами правители вовсе не считали, что государственный аппарат и его функции избыточны. Напротив, такое тотальное государство могло испытывать нужду во все новых контролерах и надсмотрщиках, полагая, что его проблемы порождены как раз недостаточным учетом. Так, например, один из царей третьей династии Ура в Месопотамии Шульги (2093–2046 до н. э.) личным указом велел брать в школы больше детей, в том числе из незнатных и нечиновных семей (см.: Емельянов 2003: 85–86), поскольку служащих следить за всем хронически не хватало. Неудивительно, что цари этой династии оставили больше всех письменных документов (глиняных табличек), на которых фиксировалось все, вплоть до голубя, поданного к столу.

Поэтому об избыточности таких отдельных ранних государств я говорю с точки зрения эволюции, поскольку эти модели в конце концов оказались неэффективными и зашли в тупик. Будущее развитие показало, что следить за всем – задача для государства непосильная. И не случайно, что с развитием рыночного хозяйства попытки создать «государственный коммунизм» прекращаются, хотя рецидивы тотального государственного контроля имели место и позже, например в Птолемеевском Египте.

Могли быть и иные варианты, кроме двух описанных, поскольку несбалансированность раннегосударственных образований проявляется самым разным образом.

4. Развитое государство

4.1. Предварительные замечания о методике анализа

Необходимо уточнить, что, когда идет речь об отличиях развитого государства от раннего, имеются в виду *минимально* обязательные признаки обоих типов. Например, если некоторые ранние государства могли базироваться на незерновом сельском хозяйстве, другие – существовать без товарно-денежных отношений и внутреннего рынка, иные – без письменности, письменного права и судебной системы, третьи – без постоянных налогов или постоянного войска, четвертые – обходиться без централизации и профессиональных чиновников, то среди развитых государств такого уже быть не могло. В то же время мы едва ли найдем хотя бы одну черту развитых государств, которой не было бы ни в одном раннем государстве. Тем более в ранних государствах на последнем, переходном этапе, когда зарождаются многие черты будущей стадии (см. об этом также: Claessen, Skalnik 1978a: 633–634; Claessen 1978: 589). Мало того, по каким-то отдельным показателям некоторые из ранних государств могут даже превосходить отдельные из развитых. Так, например, по уровню развития права Римская республика превосходила Индию XVI в.

Иными словами, отдельные ранние государства могли иметь некоторые из признаков развитых (письменность, профессиональный бюрократический и карательный аппарат, кодифицированное право и др.). Но ранние государства не обладают *всей системой* минимальных характеристик развитых государств (о которой – дальше). А чтобы считать какое-то государство развитым, оно должно обладать всей совокупностью таких признаков. Следовательно, необходимо сравнивать их по обладанию **полной системой минимальных характеристик**.

Это важно иметь в виду и по причине того, что в качестве критериев различий между ранними и развитыми (зрелыми в иной терминологии) государствами порой выделяют достаточно узкие и, образно говоря, конкретно-осязаемые отличия. В частности, Классен и Скальник выдвигали *изменения идеологии* в качестве важнейшего критерия (Claessen, Skalnik 1978a: 633–634; см. также: Claessen, Oosten 1996: 1–23). Согласно их формулировкам, структура раннего государства базируется на концепции реципрокности (взаимности) и родственной близости к правителю¹⁷. Раннее государство существует, пока идеологические основания государства покоятся на этих идеях и представлениях. Однако чем больше оно развивается, тем слабее становится роль этих идеологических компонентов. Эффективный государственный аппарат постепенно делает ненужным обращение к сверхъестественным способностям правителя или постоянному исполнению его реципрокных

обязательств. Постепенно «сакральная» легитимация власти (*sacral legitimation*) перерастает в «правовую» легитимацию (*'legalistic' legitimation*), основанную на законе, праве, установленном государственном порядке, что и обозначает границу между типами государств.

Действительно, смена идеологии – это важный момент, который может в ряде случаев быть показателем рубежа между эволюционными типами государств. Но все же легко найти примеры, к которым это не применимо. Несомненно, что Римская республика, так же как и Афины, Спарта и другие гражданские общины имели вполне развитую политическую идеологию, которая не нуждалась в обращении к «сверхъестественным способностям правителя» (см., например: Бочаров 1936: 87, 117, 120, 201; об идеологии итальянских республик см.: Дюби 1994: 206–211). И, как известно, многие ранние государства принимали буддизм, христианство, ислам еще на начальных этапах развития, не становясь от этого развитыми. Эти религии также в равной степени могли быть идеологией как ранних, так и развитых государств.

Как уже сказано, я стремился выделять главные черты при сравнении раннего и развитого государств именно по **среднему** этапу их развития (то есть *типичного* государства каждой стадии), по возможности оставляя без внимания остающуюся в них архаику или явления, свойственные более высокой стадии. Ведь, с одной стороны, на последних этапах каждой стадии государственности (*переходного* государства) появляются различные моменты, которые уже не характерны для нее. Это свидетельствует о подготовке к переходу к следующей стадии. С другой стороны, на начальном этапе любой стадии государственности еще очень-очень много черт предыдущей стадии. Поэтому в зависимости от задачи можно делать упор как на сходствах и непрерывности процесса, так и на его узловых моментах. Например, Римская республика в период правления Октавиана Августа (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.) переросла в империю. Логично взять этот период также за начало превращения Римского государства из раннего в развитое. При этом легко указать как на огромное сходство между поздней республикой и ранним принципатом, так и на важное различие между этими эпохами, которое затем будет все более и более давать себя знать, то есть на зародившуюся императорскую власть. Но только в III в. н. э. Римская империя наглядно и ярко демонстрирует черты развитого государства: «иерархическую систему сословий и наследственное приращение людей к их профессиям и статусам, разветвленный огромный полицейско-бюрократический аппарат, «теократическую» власть императора, обязательную для всех подданных государственную религию, санкционировавшую официальную идеологию» (Штаерман 1968: 659; см. также: Петрушевский 2003).

В ряде случаев о вступлении в начальный этап развитого государства можно говорить только ретроспективно, с учетом дальнейшей эволюции этого государства. Вот как, например, описывает такие из-

менения в отношении Ирана (III–IV вв. н. э.) В. Г. Луконин (1987: 141, 137): «Раннесасанидская монархия, в сущности, мало чем отличается от парфянской, однако изменившиеся условия способствуют постепенной централизации государства. На смену полису приходит “царский город”, на смену системе полунезависимых царств – единая государственная административная система, на смену религиозной терпимости парфянских царей и множеству религий – единая государственная религия – зороастризм», – а также: «Сасанидский период характерен постоянно растущей тенденцией к централизации».

4.2. Общая характеристика развитого государства

Прежде всего надо отметить, что развитое государство более органично обществу, точнее говоря, государство становится естественной его формой, хотя сам процесс притирки мог идти негладко и болезненно. Путь к этому был длительным и непростым, поскольку такое государство было итогом многочисленных трансформаций, переворотов, распадов и собраний земель, в течение которых происходил отбор наиболее удачных вариантов соотношения государства и социально-этнических структур. Чтобы оно появилось, с одной стороны, нужен был существенный прогресс в его политическом, административном и правовом устройстве, в идеологии. А с другой стороны, требовалось достижение необходимого уровня этнического, социального, экономического и культурного развития, в результате чего общество становится социально и этнически достаточно консолидированным.

Крайне существенно, что развитое государство не просто тесно связано с особенностями социальной и корпоративной структуры общества и закрепляет эти особенности в политических институтах, но и гораздо более целенаправленно и активно влияет на социальные процессы.

Развитое государство выступает как государство централизованное и сформировавшееся, то есть имеющее все атрибуты государства. Такое государство складывается в результате долгого развития самой техники управления и администрирования, расширения и профессионализации административных и иных структур, подгонки аппарата для решения определенных задач. Поэтому многие признаки, которые могли встречаться, но могли и отсутствовать в ранних государствах, в развитых становятся обязательными: профессиональный аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление, а также наличие писаного права.

Естественно, что разные государства достигали стадии развитого государства в разное время¹⁸. Например, Египет – с Нового царства (примерно XVI в. до н. э.); Китай – в результате объединения его в первую централизованную империю Цинь в конце III в. до н. э.; Рим достиг этого уровня примерно в конце I в. н. э.; Византия сразу возникла как развитое государство (поскольку римские традиции здесь не прерывались); Иран – после упрочения Сасанидской династии III–IV вв. н. э.; Япония вступила в стадию развитого государства в начале XV в., когда

сёгунам из династии Асикага удалось укрепить позиции центральной власти. Франция начала вступать в эту стадию в конце XIII века при Филиппе IV Красивом, но Столетняя война задержала этот процесс. Испания становится развитым государством в конце XV в. (в результате объединения Кастилии и Арагона); Англия – также в конце XV в. (после войны Алой и Белой Роз и воцарения династии Тюдоров); Индия – через некоторое время после образования империи Моголов во второй половине XVI в. в период правления Акбара (1556–1605), который объединил под своей властью основную часть территории Индии и провел важные реформы государственного управления; Россия – во второй половине XVI в. во время царствования Ивана Грозного¹⁹ (подробнее обоснование хронологии см.: Гринин 2006а).

Исходя из сказанного, **развитое государство – это категория, с помощью которой описывается форма политической организации цивилизованного общества (группы обществ); отделенная от населения централизованная организация власти, управления, принуждения и обеспечения социального порядка в виде системы специальных институтов, должностей (званий), органов, законов (правил), обладающая: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью изменять отношения и нормы.**

4.3. Отличия развитого государства от раннего

Далее перечисляются сформированные мной *минимальные* признаки развитого государства в сравнении с ранним государством. Я стремился сделать эти характеристики более содержательными, поэтому фактически каждая такая характеристика состоит из целого ряда важных моментов:

а) Развитое государство имеет больше атрибутов государственности, которые к тому же более развиты.

В нем уже достаточно ясно и в системе прослеживаются все признаки государства: особый отделенный от населения аппарат управления и насилия; налоги; развитое территориальное административное деление. И помимо этого еще обязательно имеются письменное право, особая письменная культура управления, учета и контроля²⁰. Такое государство не может довольствоваться ополчением, а обычно имеет постоянную армию. В нем имеется более развитая система повинностей. Архаические повинности и доходы (дань, подарки, полюдь, отработки, доходы от военного грабежа или контрибуций), исчезают или играют подчиненную роль. А налоги становятся более регулярными.

б) Развитое государство является сословно-корпоративным государством.

Социальная структура начинает изменяться в сторону того, чтобы быть представленной более крупными общественными группами, а не множеством мелких социальных слоев или социально-территориаль-

ных единиц (вроде независимых городов и храмов с особыми привилегиями). Налицо также этнически сложившиеся народности, а не племенной конгломерат или сосуществование массы мелких родственных народов. В результате общество становится социально достаточно консолидированным. Указанная консолидация сословий связана с уменьшением замкнутости и обособленности областей и территорий, с экономическим объединением общества, более плотными контактами представителей высших слоев между собой. Но нельзя не отметить и активность государства в этом отношении, которая заключается в юридическом оформлении сословий, а в целом – в том, чтобы сделать общество более жестким, устойчивым, уменьшить социальную мобильность или канализировать ее.

В свою очередь, государство и в устройстве, и в политике все более явно отражает особенности своего социального (и этнического) состава, активно влияя на социальную структуру общества и выступая посредником между сословиями и корпорациями. Также может идти процесс более четкого оформления системы титулов, рангов, также чинов служащих (в последнем случае особенно там, где правящий класс совпадает с классом чиновников («государство-класс», по определению М. А. Чешкова [1967: 243–245])).

в) Развитое государство – это обязательно централизованное государство, в целом более устойчивое и крепкое, чем раннее.

Развитое государство не может быть политическим конгломератом, как это часто было в ранних государствах. Это уже не просто объединение территорий, которые распадаются, как только сила центра ослабла. Конечно, возможны распады и развитых государств, особенно на начальном этапе, когда только происходит процесс централизации. Но если дальнейшее развитие этого типа государства идет, оно обязательно связано с новой и часто более прочной централизацией на примерно той же территории. Это объясняется тем, что развитое государство формируется на определенной, исторически подготовленной в материальном и культурном плане к такому единству территории за счет общей культуры, идеологии, письменности, развития коммуникаций, торговли, определенной унификации, в том числе денег, мер, права и другого.

г) В развитом государстве более высокая хозяйственная база.

В частности, развитое государство, в отличие от раннего, не может возникнуть без зернового хозяйства, и тем более на основе скотоводства. В то время как ряд африканских государств возник на базе сельского хозяйства, в котором зерновые культуры не играли преобладающей роли, а ведущими были иные: ямс, банан, маниок, земляные орехи и т. п. (см., например: Бондаренко 1995: 103). В развитом государстве не может отсутствовать внутренний рынок и господствовать натуральное хозяйство, какими были некоторые ранние государства (империя Инков, Египет Раннего царства). Требуется хотя бы некото-

рое развитие товарно-денежных отношений. Должна существовать не только специализация ремесел, но и намечаться хозяйственная специализация (пусть еще и слабая) районов, то есть формироваться единый хозяйственный организм в государстве²¹.

д) Если многие ранние государства существовали на основе варварских обществ, то **развитое государство обязательно оформляет общество уже цивилизованное**. Поэтому такое государство складывается только в районах достаточно продвинутых цивилизаций и часто на базе ведущего этноса.

е) **Развитое государство** существенно лучше, чем раннее, подходит под определение, что это **организация принуждения (насилия), созданная для того, чтобы высшие классы могли эксплуатировать и держать в повиновении низшие**. Во многих же ранних государствах эксплуатация не достигает высокого уровня (см., например: Trouwborst 1987: 131; Service 1975).

ж) **Наличие нового типа государственной идеологии и/или религии**. Вместо примитивных идей о царской власти (мифические предки, сверхъестественные качества царя и т. п.) возникает политическая идеология в широком смысле слова. Ярким примером может служить конфуцианство в Китае (Васильев 1983). Но, конечно, такая идеология очень часто имеет какой-то религиозный камуфляж, как, скажем, концепция XVI в. «Москва – третий Рим» (см.: Пайпс 1993: 306–307). В результате во многих развитых государствах, как это было, по мысли А. С. Мартынова (1982: 6–7), в Китае и других странах Восточной Азии, государство становилось сакральным само по себе. Это нередко требовало союза государства с официальной церковью (см., например, в отношении некоторых европейских государств: Ле Руа Ладюри 2004: 8).

5. Зрелое государство

5. 1. Общая характеристика

Зрелое государство, в моей концепции, является уже результатом развития капитализма и промышленной революции, то есть имеет принципиально иной производственный базис. Другие отличия зрелого государства от предшествующих ему типов также очень велики. Оно опирается на сложившуюся или складывающуюся нацию со всеми ее особенностями²². Поэтому такое государство более развито в организационном и правовом плане, обязательно имеет профессиональную бюрократию, четкий механизм и прописанную процедуру легитимной передачи власти. Как правило, создаются конституции и системы разделения властей, возрастает роль права, особенно гражданского. В целом (за исключением тоталитарных и авторитарных государств) системы права и судопроизводства достигают в зрелых государствах такого развития и совершенства, что сравнивать их с предшествующими эпохами сложно. В результате важнейшей функцией зрелого государства становится обеспечение не только социального, но и

обычного правопорядка, на который в развитом государстве часто обращалось слабое внимание. В связи с ростом роли отношений собственности и утверждением равенства граждан перед законом, отменой сословных преимуществ зрелое государство постепенно трансформируется из сословно-классового в чисто классовое государство.

Исходя из сказанного, **зрелое государство – это категория, с помощью которой описывается органическая форма политической организации экономически развитого и культурного общества в виде системы бюрократических и иных специальных институтов, органов и законов, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь; это отделенная от населения организация власти, управления, обеспечения порядка, социального или иного неравенства, обладающая: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) развитым аппаратом принуждения и контроля; г) систематическим изменением отношений и норм.**

Стоит обратить внимание, что если развитое государство определено как *естественная* форма политической организации общества (то есть, хотя оно необходимо для поддержания социального порядка, все же, если бы не угроза нашествий, основное крестьянское население, в принципе, могло бы обойтись без государства и тем более без крупного государства), то зрелое государство – как *органическая* форма политической организации, то есть это форма, вне которой общество (и население) быть не может в принципе.

При этом сама государственность становится как бы отделенной от конкретных людей. Если в монархиях в начальный период зрелого государства монарх, подобно Людовику XIV, еще мог заявить: «Государство – это Я!» – (и то в XVII, а не в начале XX в.), то в конституционных режимах это уже было просто невозможно. Возникает и определенная автономия аппарата и армии, которые все более выступают как некий абстрактный механизм служения обществу²³. Все это создает основу для формирования гражданского общества.

В плане взаимоотношения государства и общества, государства и личности я считаю, что необходимо говорить о появлении нового типа идеологии, которую в целом можно определить как **гражданскую**, поскольку она объясняла взаимоотношения человека и государства с точки зрения человека-гражданина, имеющего равные по закону права и обязанности, живущего в особом национально-государственном сообществе. Эта гражданская идеология в результате революций, реформ и распространения образования постепенно заменила сакрально-традиционную идеологию развитого государства с ее представлениями о святости монаршей власти и нерушимости сословного социального порядка. Наиболее универсальным видом гражданской идеологии можно считать **национализм**. Другими влиятельными идеологиями эпохи классического капитализма были либерализм, демократизм, ре-

волюционизм и реформизм. В более поздний период появляются империализм (как идеология), коммунизм, фашизм, антикоммунизм. В результате изменяются критерии достоинства государства. Теперь не пышность двора, а экономическое могущество нации, более справедливый социальный порядок, а затем и уровень жизни населения постепенно становятся критериями уровня государства, его прогрессивности.

В зрелом государстве институты управления, а также аппарат принуждения и контроля и более развиты, и более специализированы, тогда как в развитом государстве эти органы и институты далеко не всегда имели четко обозначенные функции. Напротив, как высшие, так и местные органы часто являлись многофункциональными и в то же время неопределенными по задачам²⁴. А бюрократия в истинном смысле этого слова в основном концентрировалась только в отдельных сферах, разных для разных стран (например сборе налогов или судах), а в других областях жизни, особенно на уровне местного управления, могла отсутствовать (см., например, для Франции еще и XVIII в.: Малов 1994: 140). Даже в Китае чиновничий аппарат не проникал до самых низовых структур, и поэтому на местах функции чиновников в значительной мере ложились на плечи представителей ученого сословия *шэньши* (см., например: Никифоров 1977: 211–213).

Францию можно относить к зрелым государствам с конца XVII в. (период царствования Людовика XIV). Один только факт покажет объем изменений в управлении страной, произошедший к этому времени. К началу XVI в. во Франции насчитывалось около 8 тыс. чиновников, к середине XVII в. их численность возросла до 46 тыс. (Копосов 1993: 180). Англию – в первые десятилетия XVIII в., то есть через некоторое время после «славной» революции, когда начала оформляться новая система государственного управления: конституционная монархия, двухпартийная система, однопартийное правительство. Пруссию – с конца XVIII в. К началу XIX в. «в военной, а также гражданской бюрократической администрации она создала эталоны для всей Европы» (Парсонс 1997: 100). Россию – с начала XIX в., то есть с реформ Александра I при участии Сперанского. Японию – с последней трети XIX в. (после «реформ Мэйдзи»). США становятся таким государством после эпохи, которая называется «джексоновской демократией» по имени президента Эндрю Джексона (1829–1837), когда там складывается двухпартийная система и отменяется избирательный ценз²⁵. (Подробнее обоснование хронологии см.: Гринин 2006а.)

5. 2. Основные черты зрелого государства

Я выделил следующие черты зрелых государств на среднем этапе этой стадии (*типичного* зрелого государства)²⁶:

а) это уже индустриальное или индустриализирующееся государство, в котором складывается единый хозяйственный организм, связанный удобными коммуникациями. При этом забота о его функционировании (транспорте, связи, внешних рынках) и развитии постепен-

но становится все более важной задачей государства. Важную роль также играют военные потребности;

б) это государство с достаточно высоким уровнем организации управления, развитой системой законов или государственных регламентаций (как это было в социалистических странах);

в) зрелое государство опирается на нацию (нации), поэтому может иметь место лишь в обществе с общей национальной (или наднациональной) культурой. Государство озабочено влиянием на эту культуру, включая контроль за языком, религией, образованием и т. п. Отсюда в государственной идеологии всегда присутствует национализм (или иная идеология превосходства жителей данного государства, например их особой прогрессивности, революционности, религиозности, демократичности, историчности и т. п.);

г) это государство **классово-корпоративное**, в котором постепенно главную роль начинают играть промышленные классы (роль сословий постепенно сходит на нет, а роль отношений собственности или места в государственной системе/партии растет). Поскольку классовое деление является по преимуществу экономическим (см., например: Weber 1971; Вебер 2003), а не юридическим, необходимо наличие организаций и корпораций, которые выражают интересы отдельных частей и групп класса (иногда класса в целом). Это различные организации и политические партии как рабочих (см., например: Bergier 1976), так и буржуазии²⁷, а также и других социальных слоев;

д) если в развитых государствах широкое распространение грамотности было редким явлением, а источники информации в виде книг оставались в руках верхних слоев, то в зрелых уже в XVIII–XIX в. это становится доступным широким массам, возрастает роль средств массовой информации. Отсюда меняются формы, стили и направленность управления и контактов правительства с народом;

е) наконец, зрелое государство опирается на новые виды внутриобщественных связей:

– материальные связи – единый хозяйственный организм и единый рынок;

– культурные связи – единый культурно-информационный организм;

– национальные связи – осознание национального единства и появление новых символов этого единства: нация, интересы нации, высшие интересы;

– сплочение на базе идеологии: культ закона и конституции, нации (либо культ партии, идеи, вождя);

– сплочение на базе участия в общенациональных организациях и корпорациях (профсоюзы, партии, движения) и участия в выборах власти.

5. 3. Трансформация зрелого государства в XX веке

Стадия зрелого государства связана с формированием классов предпринимателей и наемных работников и **созданием классово-корпоративного государства**. Для развитых государств Европы этот процесс

завершился примерно к концу XIX в. Я уже высказывал идею о том, что чем полнее устанавливается юридическое равенство в правах людей, тем сильнее начинают размываться социальные классы и превращаться в более дробные и менее сплоченные группы: страты, слои и т. п. (см. Гринин 1997а: 61–62). Именно так происходило в Европе в первой половине XX века. Такая трансформация зрелого государства связана с очень быстрыми изменениями в производстве, включая усиление миграционных процессов, создание конвейерного производства, рост образования, новой сферы услуг, превращение женского наемного труда в массовое явление и другие вещи (о некоторых из них см., например: Dahrendorf 1976; Маршалл 2005: 23). Достаточно сказать, что промышленное производство в мире с 1890 по 1913 годы выросло почти в четыре раза (Соловьев, Евзеров 2001: 280).

Важнейшими чертами этой новой социальной структуры стали:

– формирование так называемого среднего класса, который постепенно стал ведущим по численности (Фишер 1999: 89);

– усиление таких признаков социальной стратификации, как образование и рост социальной мобильности (Фишер 1999: 91). Соответственно сильно выросла доля наемных служащих;

– рост значения социального законодательства и законы, ограничивающие поляризацию общества (такие, как высокие подоходные и на наследство налоги и т. п.)²⁸;

– усиление значения таких факторов, которые ранее не являлись ведущими в рамках общенациональных и общегосударственных (они были, так сказать, важными для низовых ячеек общества): половые, возрастные и профессионально-групповые характеристики.

В течение XX века социальная политика претерпевает очень сильные изменения. **Государство из классового постепенно становится социальным, то есть государством, которое проводит активную политику поддержки малоимущих, социально незащищенных, ограничивает рост неравенства.** Этот процесс начался в конце XIX в., более заметен стал в период после Первой и еще более – после Второй мировой войны²⁹. Фактически вся первая половина XX века до окончания войны – это борьба вокруг важнейших социальных законов. Идеологию и взгляды на этот счет во многих странах резко изменили глобальные социально-экономические события: революции, пример СССР, мировой экономический кризис и другие. И далее этот курс только усиливался и развивался, пока западноевропейские и другие развитые страны не стали государствами «благоденствия» (см. об этой динамике социального развития: Фишер 1999: 335–351). Огромные перемены произошли в области перераспределения доходов. Это достигалось, в частности, с помощью высокого прогрессивного налога на доходы (см., например: Фишер 1999: 86–87) и социальной помощи менее обеспеченным, оказавшимся в трудном положении. В результате развития социальных программ налоговые изъятия существенно

выросли по сравнению с периодом классического капитализма (до 50 и более процентов с личных доходов)³⁰.

Когда в 50–60-е годы XX века США и ряд европейских западных стран стали **государствами всеобщего благоденствия и обществами массового потребления**, это, по сути, уже означало, что зрелое государство приобретает некие нехарактерные для него черты и развивается в нечто новое.

6. Заключение

С 60-х годов XX века начались очень большие изменения во всех сферах жизни, особенно в результате новой производственной (научно-технической) революции. В частности, стоит указать на увеличение роли различных социальных движений в западных странах, не имеющих классового характера (студенческие волнения, расовые движения, движения молодежи, женское, «зеленых», организации потребителей и т. п. движения). Классовые характеристики все более размываются, в том числе за счет так называемого распыления собственности (см., например: Dahrendorf 1976), а социальная структура все сильнее определяется не только владением собственностью, но и иными параметрами, включая образование и известность³¹. Все эти черты не являются уже, на мой взгляд, характерными для зрелого государства, так же как и огромные социальные гарантии населению.

Есть и другие, также уже несвойственные типичным зрелым государствам вещи. Среди них особенно показательным выступает совершенно новое и крайне важное явление – частичный отказ многих стран от суверенитета в плане определения своей внутренней налоговой, таможенной, карательной и социальной политики, права вести войны и т. п. в связи с добровольным вхождением в региональные и мировые организации, признанием приоритета мирового права над национальным (см. подробнее: Гринин 1999; 2004а; 2005). Стоит отметить и образование различных наднациональных организаций, рост их значения.

Таким образом, многие нынешние характеристики западных государств нельзя безоговорочно относить к зрелому государству. Поэтому думается, что с 60–70-х годов XX века США, ведущие европейские страны: Германию, Францию, страны Северной Европы и Бенилюкса (Японию и некоторые европейские страны в 80–90-е годы) – надо рассматривать уже как *переходные* зрелые государства, в которых вызревают некоторые черты будущих политических наднациональных, надгосударственных образований. А это значит, что в них уже налицо некоторые черты, которые вообще не характерны для государства как организации. Поэтому можно предполагать, что приближается конец эпохи зрелых государств, на смену которой идет новая – надгосударственная и наднациональная – стадия политического развития мира (см. подробнее: Гринин 1999; 2003а: 159–165; 204–206; 234–235).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово *категория* в качестве определяющего дополнительно подчеркивает, что государство слишком сложный объект, чтобы охватить его единственной дефиницией, и неслучайно существуют сотни различных определений государства. По этой причине я попытался подойти к проблеме дефиниции государства путем создания взаимосвязанной системы определений.

² Неудивительно, что так много ученых прямо или косвенно поддержали этот подход, приняв участие в разработке проекта *Раннего государства* (Claessen, Skalnik 1978d; 1981; Claessen, van de Velde, Smith 1985; Claessen, van de Velde 1987b; 1991; Claessen, Oosten 1996b).

³ Во всяком случае, в статьях тома «Раннее государство» (Claessen, Skalnik 1978d) о Египте и Китае (Janssen 1978: 213; Pokora 1978: 198–199) раннему государству в Египте соответствует период Древнего царства (до 2150 г. до н. э.); а эпоха раннего государства в Китае трактуется как период до образования империи Цинь (до 221 г. до н. э.).

⁴ Отдельные авторы вообще считают, что о государстве, по большому счету, можно говорить лишь применительно к европейским странам Нового времени начиная с XV–XVI вв. (см., например: Белков 1995: 178–182). Винсент (Vincent 1987) также говорит о *государствах* начиная лишь с XVI в. Есть и другие ученые, которые придерживаются сходной позиции (см. об этом в статье ван дер Влита в настоящем томе).

⁵ Такие названия этапам я дал, следуя традиции Классена и Скальника в отношении ранних государств, которые выделяли этапы зачаточного, типичного и переходного раннего государства (см.: Claessen, Skalnik 1978b: 22–23; 1978c: 640; Claessen 1978: 589).

⁶ Конечно, определение «развитое» государство весьма условно. Развитым его можно считать только в сопоставлении с еще более примитивным – ранним, а по отношению к более поздним формам государства оно предстает убогим. Так, по сравнению с «вотчинным» московским княжеством Ивана Калиты и его преемников Россия Ивана Грозного выглядит развитым государством. Но она не выдерживает никакого сравнения хотя бы с империей Петра I. Но и государство Петра I весьма примитивно по сравнению с Российской империей конца XIX века.

⁷ Эти четыре черты в том числе означают, что государство отличается от аналогов большей сложностью управленческой организации; большей преобразовательской активностью, способностью принуждать к выполнению своих требований и менять отношения и нормы, исходя из собственных задач и интересов; большей опорой на формальные, юридические, административные, то есть нетрадиционные основания; принципы, по которым люди привлекаются на службу государству, могут быть разными, но они никогда не ограничиваются только особым положением человека в системе родства (Гринин 2006г; 2006д).

⁸ В отношении, в частности, Египта и Китая Классен и Скальник указывают на период децентрализации и хаоса в их истории (соответственно между Древним и Средним царствами и до образования империи Цинь в III в. до н. э.) как на границу между стадиями раннего и зрелого (развитого) государств (Claessen, Skalnik 1978a: 634).

⁹ Вот только один пример. В XII веке французский король Людовик VII с помощью династического брака с Алиенорой Аквитанской приобрел самое большое во Франции герцогство Аквитанию с графством Пуату. Но вскоре он потерял это вла-

дение в результате своего развода с Алиенорой. Несколько месяцев спустя она вышла замуж за Генриха Плантагенета (графа Анжу, которому во Франции также принадлежали графства Мэн и Турень и герцогство Нормандия). Соответственно и Аквитания теперь стала областью Генриха. Далее события развивались и вовсе интересно. Стоит напомнить, что после завоевания Англии в 1066 году нормандским герцогом Вильгельмом родственные связи между английской и французской знатью сильно переплелись. В 1154 году указанный Генрих Плантагенет волею случая стал английским королем. И все его французские земли (от Ла-Манша до Пиренеев) также перешли к Англии. Но формально он оставался вассалом французского короля (см.: Кириллова 1980: 216–217; Колесницкий 1980: 194; Люблинская 1972: 97).

¹⁰ Такая социальная и политическая неустойчивость характерна не только для греческих полисов, но и для городов-государств средних веков в Италии. Недаром же говорили, что «флорентийский закон держится с вечера до утра, а веронский – с утра до полудня» (Баткин 1970: 240).

¹¹ См. об этом: Гринин 2001–2005 (*Философия и общество* 3/2002: 12–17). Также нередко в ранних государствах недостаточно выражено социальное расслоение (некоторые примеры таких государств см.: Маретина 1987; см. также: Куббель 1973: 232; Томановская 1973: 280). По поводу налогов весьма примечательно высказывание Альберта Тромборста, который, отметив, что государства Африканского Междуречья не создали полноценной налоговой системы, добавляет, что если бы они ее создали, это, возможно, было бы уже *концом* раннего государства (Trouwborst 1987: 136).

¹² Массу примеров в этом плане дает Африка (см., например: Куббель 1988: 132 и др.). Но в то же время в этих государствах могли быть более развиты иные признаки, например налогообложение.

¹³ Неудивительно, что в отношении ранних государств данные о существовании полицейских сил очень скудны. Из двух десятков государств, рассматриваемых в книге Классена и Скальника, только в четырех случаях есть такие упоминания о полиции (Claessen 1978: 560).

¹⁴ Римляне определяли такую политику как принцип «разделяй и властвуй». Его придерживались и карфагеняне. При известных условиях он может быть достаточно эффективным. Но для нас важно отметить, что **в развитом государстве такой принцип построения в качестве главного уже сходит со сцены**. Развитое государство все сильнее стремится к централизации и унификации, хотя, конечно, особые отношения провинций и территорий с центром (королем) не уходят полностью и в нем.

¹⁵ В этом обществе социально господствующий класс начал формироваться на основе принадлежности к государственной службе, а низший соответственно складывался из работников государственных хозяйств (Дьяконов 2000: 64–65). Но в целом развитие шло в сторону превращения большинства населения в государственных рабов или крепостных (Васильев 1993: 91; Виткин 1968: 433–434; Тюменев 1956: 266–300). Это было эволюционно неперспективным и вызывало кризисные явления еще до нашествия амореев, под ударами которых это государство и пало.

¹⁶ См.: об империи Инков (Березкин 1991; Зубрицкий 1966; 1975; Инка Гарсиласо 1974; Кузьмишев 1974; Naviland 1991: 408); Древнем Египте (Перепелкин 1988; 2001; Виноградов 2000; Заблоцка 1989; Брестед, Тураев 2003; Жак 1992); Месопотамии (Дьяконов 1983: 370; Козырева 2000: 83; Оппенгейм 1990: 66, 67).

¹⁷ Первый момент (*реципрокности*) связан с идеей о том, что царь и народ взаимно необходимы друг другу. Правитель, а значит и государство, нужны людям по многим причинам, в том числе для влияния на урожайность и другие при-

родные силы с помощью сверхъестественной сакральной благодати царя. Последняя идея была особенно распространена во многих африканских государствах. Второй момент (*родственной близости*) означает, что право на участие во власти у человека тем сильнее, чем ближе он стоит в родственном ряду к правителю.

¹⁸ Даты далее указывают только на самое начало вхождения в стадию развитого государства, а эта стадия имеет большую длительность.

¹⁹ См. соответственно: Египет (Виноградов 2000: 370–372; Перепёлкин 2001: 259–280; Брестед, Тураев 2003; Васильев 1993: 110–111; Монтэ 1989: 167–168); Китай (Крюков, Переломов 1983: 17–21; Переломов 1962); Рим (Петрушевский 2003; Штаерман 1968); Византия (Удальцова 1967; 1988); Иран (Луконин 1987; Новосельцев 1995: 24, 31; Фрай 1972; Колесников 1987); Япония (Толстогузов 1995; Кузнецов и др. 1988); Франция (Люблинская 1972: 94–109; Цатурова 2002: 12–13; Нау 1975: 138; Johnson 1955: 105–106); Англия (Дмитриева 1993); Индия (Ашрафян 1987; Антонова 1979).

²⁰ Стоит заметить, что нередко в ранних государствах, даже если имелась письменность, далеко не все государственные акты имели письменный характер. Многие, а то и большинство актов оставались по-прежнему устными. Так было, например, по мнению Ле Гоффа (1992: 45), в империи Карла Великого во Франции.

²¹ О формировании такого рынка, например, в России, Китае, Японии, Англии см. соответственно: Преображенский 1967: 25–28; Хромов 1988: 148–152; Симоновская, Лапина 1987: 119; Гальперин 1958: 27; Кузнецов и др. 1988: 115; Винокуров 1993: 48; Лавровский, Барг 1958: 72.

²² Подробнее о теснейшей связи нации с государством см.: Геллнер 1991; Armstrong 1982; Фрейдзон 1999: 10–12; Гринин 1997б; 2003а: 201–203, 222–235.

²³ Даже в тоталитарных странах строгая идеология, «народная» правящая партия и другие институты формально существовали для блага народа и общества, что существенно сокращало личные возможности чиновников.

²⁴ Например, во Франции XVI века (так же было и в России и в других странах в аналогичные эпохи) существовал «узкий» совет короля, состав которого был неопределенным, а функции весьма расплывчатыми. То же можно сказать и о представителях старой администрации – бальи, сеншалы, прево, губернаторы с «их чрезвычайно неопределенной административно-судебной и военно-административной компетенцией» (Сказкин 1972: 170, 171). «За пределами двора и правительства для классической монархии характерна лишь частичная, и порой слабо централизованная, система административного управления». Положение начинает изменяться только в XVII в., особенно при Ришелье (Ле Руа Ладюри 2004: 15).

²⁵ См. соответственно: Гордон, Поршнева 1972: 261–269; Rayner 1964: 42–44; Малов 1994: 142–150; Татарина 1958; Кертман 1968: 131–135; Платонов 1994, ч. 2: 235–248; Кузнецов и др. 1988: 174–186; Топеха 1958: 181–312; Кордые 1939: 330–332; Адо 1986: 102–103; Харц 1993: 89–109; DiVacco *et al.* 1992: 27; Болховитинов 1983: 313; Козенко, Севостьянов 1994: 63; Графский 2001: 298, 416–420, 448.

²⁶ А средний этап сильно отличается от начального. Например, если начальный этап – это обычно монархия, то средний – в той или иной степени демократия. В *начальном* этапе в зрелом государстве встречается определенная архаика, доставшаяся в наследство от прежних эпох, некоторая слабость государства. Например, во Франции XVIII в. продолжается продажа должностей и остаются внутренние таможи, а в России XIX в. поддержка крепостного права стала главной задачей государства. Позже эти архаизмы в результате эволюционных или революционных изменений исчезают.

²⁷ Например, в Англии в 1873 г. возникла первая национальная федерация предпринимательских союзов, в Германии в 70-е гг. XIX века было создано 77 различных объединений предпринимателей (экономических союзов и союзов предпринимателей), а в 90-е гг. – уже 325 (Григорьева 2001: 25) Надо иметь в виду, что в ситуации достаточно ясного классового деления даже чисто экономические корпорации не могут оставаться политически нейтральными. В частности, профсоюзное движение по мере роста и усиления своей мощи «неизбежно стремится воздействовать на государство и на его экономическую и социальную политику» (Шлепнер 1959: 386). Поэтому-то я считаю, что будет точнее говорить о **зрелом государстве как о классово-корпоративном государстве**.

Это будет тем более правильным, если учесть, что помимо демократических к зрелым относятся и тоталитарные государства XX в., где огромную роль играли именно государственные корпорации: партия, другие политические организации, министерства и ведомства, профсоюзы и т. п. Хотя они и были формально или неформально частью государства, тем не менее их роль (как и положение их членов) существенно разнились в зависимости от важности корпорации. О тоталитаризме см., например: Кара-Мурза и др. (ред.) 1989; Хейфиц 2003; Арендт 1996; Хайек 1992; Friedrich, Brzezinski 1956: 47; Драбкин, Комолова 1996. О синдицировании промышленности и профсоюзов в Италии, Германии и Японии в 30–40-е годы XX в. см.: Филатов 1971: 92; см. также: Белоусов 2000; Комолова 1970: 94; Бушик 2002: 316–317; Грузицкий 2002: 335.

²⁸ В последние десятилетия XX века в некоторых развитых странах нижний слой сжался до 5 %, верхняя элита также составляла менее 5 %, остальное – это ряд слоев, которые, так или иначе, можно отнести к среднему или ниже-среднему классу (см.: Фишер 1999: 89). Тогда так к низшему классу в начале XIX века можно было отнести до двух третей населения (см. там же).

²⁹ В некоторых случаях первые такие законы были приняты еще в XIX в. В частности, в Германии первые законы о социальном страховании были приняты при Бисмарке (Григорьева 2001: 23, Патрушев 2001: 76; Гренвилл 1999: 17). В Англии первые законы о социальном страховании, в частности о пенсиях, начали принимать уже в начале XX века (см.: Пономарев 2003: 171).

³⁰ Они стали несколько понижаться только в 80-е годы XX в. в связи с принятием неоконсервативного курса (корректирующего кейнсианство) в экономической политике ряда государств, таких как США, Англия и др. В частности, в США в 1986 г. «потолок» личных подоходных налогов сокращался с 50 до 28 %, а максимальная ставка налога на прибыль корпораций с 46 до 34 % (Повалихина 2002: 434).

³¹ См., например: Парсонс 1997: 27; Бергер 1994; а также мой анализ современных социальных процессов, в частности о тех, кого я называю «людьми известности», см.: Гринин 1997а: 50; 2003а: 220–222; 2004б; 2004в.

ЛИТЕРАТУРА

Адо, А. В. 1986. Франция. В: Адо, А. В. (ред.), *Новая история стран Европы и Америки: Первый период* (с. 101–113). М.: Высшая школа.

Антонова, К. А. 1979. Индия в средние века. В: Антонова, К. А., Бонгард-Левин, Г. М., Котовский, Г. Г. *История Индии* (с. 166–244). М.: Мысль.

Арендт, Х. 1996. *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом.

Ашрафян, К. З. 1987. Феодалное государство и город в средневековой Индии (XIII – начало XVIII в.). В: Ким, Г. Ф., Ашрафян, К. З. (ред.), *Государство в*

докапиталистических обществах Азии (с. 229–238). М.: Главная редакция вост. лит-ры изд-ва «Наука».

Баткин, Л. М. 1970. Период городских коммун. В: Сказкин, С. Д., и др. (ред.), *История Италии*: В 3 т. Т. 1: 200–272. М.: Наука.

Белков, П. Л. 1995. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* (с. 178–182). М.: Вост. лит-ра РАН.

Белусов, Л. С. 2000. *Режим Муссолини и массы*. М.: изд-во МГУ.

Бергер, П. 1994. *Капиталистическая революция* / пер. с англ. М.: Прогресс, Универс.

Березкин, Ю. Е. 1991. *Инки. Исторический опыт империи*. Л.: Наука.

Болховитинов, Н. Н. 1983. От «эры доброго согласия» к «джексонской демократии» (1816–1841). В: Болховитинов, Н. Н. (ред.), *История США*: В 4 т. Т. 1. 1607–1877 (с. 288–323). М.: Наука.

Бондаренко, Д. М. 1995. *Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть*. М.: Институт Африки РАН.

Бочаров, К. И. 1936. *Очерки истории военного искусства*. Т. 1. *Древний мир*. М.: Госвоениздат.

Брестед, Д., Тураев, Б. 2003. *История Древнего Египта*. Минск: Харвест.

Бущик, Г. П. 2002. Экономическое развитие Германии в период между Первой и Второй мировыми войнами. В: Голубович, В. И. (ред.), *Экономическая история зарубежных стран* (с. 301–320). Минск: Интерпрессервис.

Васильев, Л. С.

1983. *История религий Востока* (религиозно-культурные традиции и общество). М.: Высшая школа.

1993. *История Востока*: В 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа.

Вебер, М.

1990 Предварительные замечания к Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*, Bd. I. В: Вебер, М. *Избранные произведения* (с. 44–60) / пер. с нем. М.: Прогресс.

2003. [1925]. Класс, сословие, партии / пер. с нем. *Личность, культура, общество*. Т. 5. Вып. 1–2 (15–16): 139–156.

Виноградов, И. В. 2000. Новое царство в Египте и поздний Египет. В: Якобсон, В. А. (ред.), *История Востока*. Т. 1. *Восток в древности* (с. 370–432). М.: Изд. фирма «Восточная литература».

Винокуров, М. В. 1993. Англия. В: Мильская, Л. Т., Рутенбург, В. И. (ред.), *История Европы*: В 8 т. Т. 3. От средневековья к Новому времени (с. 40–50). М.: Наука.

Виткин, М. А. 1968. Проблема перехода от первичной формации ко вторичной. В: Данилова, Л. В. (ред.), *Проблемы истории докапиталистических обществ* (с. 425–454). М.: Наука.

Гальперин, А. Л. 1958. Эпоха позднего феодализма. 1640–1867. В: Гальперин, А. Л. (ред.), *Очерки новой истории Японии (1640–1917)* (с. 11–157). М.: Изд-во вост. лит-ры.

Геллнер, Э. 1991. *Нации и национализм* / пер. с англ. М.: Прогресс.

Гордон, Л. С., Поршнева, Б. Ф. 1972. Абсолютизм XVII века. В: Манфред, А. З. (ред.), *История Франции*. Т. 1: 235–284. М.: Наука.

Графский, В. Г. 2001. *Всеобщая история государства и права*. М.: Изд-во «Норма».

Гренвилл, Дж. 1999. *История XX века. Люди, события, факты* / пер. с англ. М.: Аквариум.

Григорьева, И. В. 2001. Введение. В: Григорьева, И. В. (ред.), *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.* (с. 9–31). М.: Изд-во Моск. ун-та.

Гринин, Л. Е.

1997а. Формации и цивилизации. Гл. 4 Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории. *Философия и общество* 5: 5–63.

1997б. Формации и цивилизации. Глава 4 (продолжение). Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории. *Философия и общество* 6: 5–46.

1998. Формации и цивилизации. Глава 5. *Философия и общество* 2: 5–89.

1999. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета. *Философия и общество* 4: 5–44.

2001–2005. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). *Философия и общество* № 4/2001 (с. 5–60); 2/2002 (с. 5–74); 3/2002 (с. 5–73); 2/2003 (с. 5–42); 3/2003 (с. 5–57); 1/2004 (с. 5–44); 4/2004 (с. 5–44); 4/2005 (с. 5–29).

2003а. *Производительные силы и исторический процесс*. Изд. 2-е. Волгоград: Учитель.

2003б. *Философия, социология и теория истории*. Изд. 3-е. Волгоград: Учитель.

2004а. *Глобализация и проблемы национального суверенитета*. Материалы «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО, 18 ноября 2004 (с. 39–47). Бишкек: ОсОО «Дэна».

2004б. «Люди известности» как феномен информационного общества. Материалы Третьей Международной конференции «Человек в современных философских концепциях» (с. 653–657). Волгоград, 14–17 сентября 2004. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

2004в. Феномен информационного общества: «люди известности». *Философия и общество* 2: 5–23.

2005. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.

2006а. *Государство и исторический процесс*. Волгоград: Учитель. (В печати.)

2006б. Периодизация истории: теоретико-математический анализ. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.), *История и математика: проблемы периодизации исторических макропроцессов*. (В печати.)

2006в. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории. *История и современность* 1: 3–44.

2006г. Раннее государство и демократия. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 337–386). Волгоград: Учитель.

2006д. Раннее государство и его аналоги. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 85–163). Волгоград: Учитель.

Грузицкий, Ю. Л. 2002. Экономическое развитие Японии в период между Первой и Второй мировыми войнами. В: Голубович, В. И. (ред.), *Экономическая история зарубежных стран* (с. 321–337). Минск: Интерпрессервис.

Гуревич, А. Я. 1970. *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе*. М.: Высшая школа.

Джонсон, Г. А. 1986. Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем. В: *Древние цивилизации Востока* (Материалы 2-го Советско-американского симпозиума) (с. 92–103). Ташкент: Изд-во ФАН Узбекской ССР.

Дмитриева, О. В. 1993. Англия. В: Мильская, Л. Т., Рутенбург, В. И. (ред.), *История Европы*: В 8 т. Т. 3. От средневековья к Новому времени (с. 163–174). М.: Наука.

Драбкин, Я. С., Комолова, Н. П. (ред.) 1996. *Тоталитаризм в Европе XX века*. М.: Памятники исторической мысли.

Дьяконов, И. М.

1983. Старовавилонское царство Хаммурапи. В: Дьяконов, И. М. (ред.), *История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации*. Ч. 1. Месопотамия (с. 361–370). М.: Наука.

2000. Переход к территориальному государству в Месопотамии. В: Якобсон, В. А. (ред.), *История Востока*. Т. 1. Восток в древности (с. 57–66). М.: Вост. лит-ра.

Дюби, Ж. 1994. *Европа в средние века* / пер. с фр. Смоленск: Полиграмма.

Емельянов, В. В. 2003. *Древний Шумер*. СПб.: Азбука-классика, Петерб. Востоковедение.

Ершов, Ю. Г. 1984. Принцип историзма в периодизации всемирной истории. *Ежегодник Философского общества СССР*: 270–277.

Жак, К. 1992. *Египет великих фараонов. История и легенда* / пер. с фр. М.: Наука.

Жигунин, В. Д. 1984. Типология и функции периодизации. В: Шофман, А. С. (ред.), *Периодизация всемирной истории* (с. 5–19). Казань: Изд-во Казанского ун-та.

Заблоцка, Ю. 1989 *История Ближнего Востока в древности* (от первых поселений до персидского завоевания) / пер. с пол. М.: Наука.

Зубрицкий, Ю. А.

1966. Индейский вопрос в трудах Мариатеги. В: Шульговский, А. Ф. (отв. ред.), *Хосе Карлос Мариатеги* (с. 170–200). М.: Наука.

1975. *Инки-кечуа. Основные этапы истории народа*. М.: Наука.

Инка Гарсиласо де ла Вега 1974. *История государства Инков* / пер. со староисп. Л.: Наука.

Кара-Мурза, А. А., Воскресенский, А. К. (ред.) 1989. *Тоталитаризм как исторический феномен*. М.: Философское общество СССР.

Кертман, Л. Е. 1968. *География, история и культура Англии*. М.: ВШ.

Кириллова, А. А. 1980. Англия в XI–XV вв. В: Колесницкий, Н. Ф. (ред.), *История средних веков* (с. 213–232). М.: Просвещение.

Козенко, Б. Д., Севостьянов, Г. Н. 1994. *История США*. Самара: Изд-во Самарского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования.

Козырева, Н. В. 2000. Старовавилонский период истории Месопотамии. В: Якобсон, В. А. (ред.), *История Востока*: В 6 т. Т. 1. *Восток в древности* (с. 78–92). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН.

Колесников, А. И. 1987. Государство и сословная структура общества сасанидского Ирана (III–VII вв.). В: Ким, Г. Ф., Ашрафян, К. З. (ред.), *Государство в*

докапиталистических обществах Азии (с. 181–189). М.: Главная редакция вост. лит-ры изд-ва «Наука».

Колесницкий, Н. Ф. 1980. Франция в XI–XV вв. В: Колесницкий, Н. Ф. (ред.), *История средних веков* (с. 189–213). М.: Просвещение.

Комолова, Н. П. 1970. *Новейшая история Италии*. М.: Просвещение.

Копосов, Н. Е. 1993. Франция. В: Мильская, Л. Т., Рутенбург, В. И. (ред.), *История Европы*: В 8 т. Т. 3. *От средневековья к Новому времени* (с. 174–187). М.: Наука.

Кордые, А. 1939. Дальний Восток. В: Лависс, Рамбо (ред.), *История XIX века*. Т. 8: 309–346. М.: ОГИЗ, Гос. социально-экономическое изд-во.

Коротаев, А. В.

2000а. От государства к вождеству? От вождества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет). В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика* (с. 224–302). СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН.

2000б. Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена). В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации* (с. 265–291). М.: Логос.

Коротаев, А. В., Крадин, Н. Н., Лынша, В. А. 2000. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации* (с. 24–83). М.: Логос.

Кочакова, Н. Б. 1995. Размышления по поводу раннего государства. В: Попов, В. А. (ред.) 1995: 153–164.

Крюков, М. В. 1974. Первобытнообщинный строй и зарождение классов и государства. В: Симоновская, Л. В., Юрьев, М. Ф. (ред.), *История Китая с древнейших времен до наших дней* (с. 6–16). М.: Вост. лит-ра.

Крюков, М. В., Переломов, Л. С., Софронов, М. В., Чебоксаров, Н. Н. 1983. *Древние китайцы в эпоху централизованных империй*. М.: Наука.

Куббель, Л. Е.

1973. К вопросу о некоторых особенностях исторического развития обществ Западного Судана в средние века. В: Бромлей, Ю. В. (ред.), *Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология* (с. 232–239). М.: Наука.

1988. *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.

Кузнецов, Ю. Д., Навлицкая, Г. Б., Сырицын, И. М. 1988. *История Японии*. М.: Высшая школа.

Кузьмищев, В. А. 1974. Инка Гарсиласо де ла Вега. В: Инка Гарсиласо де ла Вега, *История государства Инков* (с. 683–711). Л.: Наука.

Лавровский, В. М., Барг, М. А. 1958. *Английская буржуазная революция*. М.: Изд-во социально-экономической лит-ры.

Ле Гофф, Ж. 1992. *Цивилизация средневекового Запада* / пер. с фр. М.: Прогресс.

Ле Руа Ладюри, Э. 2004. *История Франции* / пер. с фр. М.: Международные отношения.

Луконин, В. Г. 1987. *Древний и раннесредневековый Иран*. М.: Наука.

Люблинская, А. Д. 1972. Расцвет феодализма (X–XIII века). В: Манфред, А. З. (ред.), *История Франции*. Т. 1: 69–114. М.: Наука.

Малов, В. Н. 1994. Европейский абсолютизм второй половины XVII – начала XVIII века. В: Барг, М. А. (ред.), *История Европы*: В 8 т. Т. 4. *Европа Нового времени* (с. 138–179). М.: Наука.

Маретина, С. А. 1987. Социальная стратификация и становление государств (на примере малых народов Индии). В: Рыбаков, Б. А. (ред.), *От доклассовых обществ к раннеклассовым* (с. 158–177). М.: Наука.

Мартынов, А. С. 1982. Буддизм и общество в странах Центральной и Восточной Азии. В: Бонгард-Левин, Г. М. (ред.), *Буддизм, государство и общество* (с. 5–15). М.: Главная редакция вост. лит-ры изд-ва «Наука».

Маршалл, Т. Х. 2005. Природа классового конфликта. *Личность. Культура. Общество* 1 (25): 18–26.

Монтэ, П. 1989. *Египет Рамсесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов* / пер. с фр. М.: Наука.

Никифоров, В. Н. 1977. *Восток и всемирная история*. М.: Наука.

Новосельцев, А. П. 1995. Государство Сасанидов. В: Алаев, Л. Б., Ашрафян, К. З. (ред.), *История Востока*. Т. 2: 23–34. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН.

Оппенгейм, А. 1990. *Древняя Месопотамия* / пер. с англ. М.: Наука.

Пайпс, Р. 1993. *Россия при старом режиме* / пер. с англ. М.: Независимая газета.

Парсонс, Т. 1997. *Система современных обществ* / пер. с англ. М.: Аспект Пресс.

Патрушев, А. И. 2001. Германская империя в 1871–1890 гг. В: Григорьева, И. В. (ред.), *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.* (с. 63–83). М.: Изд-во Моск. ун-та.

Переломов, Л. С. 1962. *Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае*. М.: Изд-во вост. лит-ры.

Перепёлкин, Ю. Я.

1988. *Хозяйство староегипетских вельмож*. М.: Наука.

2001. *История Древнего Египта*. СПб.: Журнал «Нева», Летний сад.

Петрушевский, Д. Н. 2003 [1917]. *Очерки из истории средневекового общества и государства*. М.: Книжная находка.

Платонов, С. Ф. 1994. *Лекции по русской истории*: В 2 т. М.: Наука.

Повалихина, Т. И. 2002. Экономическое могущество США в послевоенном мире. В: Голубович, В. И. (ред.), *Экономическая история зарубежных стран* (с. 410–442). Минск: Интерпрессервис.

Пономарев, М. В. 2003. Великобритания в 1900–1945 гг. В: Родригес, А. М., Пономарев, М. В. (ред.), *Новейшая история стран Европы и Америки XX век*: В 2 ч. Ч. 2: 168–211. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС.

Преображенский, А. А. 1967. Социально-экономическое развитие Русского государства (40-е годы – конец XVII в.). В: Бескровный, Л. Г. (ред.), *История СССР*. Т. 3. *Превращение России в великую державу. Народные движения* (с. 15–33). М.: Наука.

Садаев, Д. С. 1979. *История Ассирии*. М.: Наука.

Симоновская, Л. В., Лапина, З. Г. 1987. Китай в позднее средневековье. В: Ацамба, Ф. М., Лапина, З. Г., Мейер, М. С. (ред.), *История стран Азии и Африки в средние века*. Ч. 2: 114–136. М.: МГУ.

Сказкин, С. Д. 1972. Франция первой половины XVI века. В: Манфред, А. З. (ред.), *История Франции*. Т. 1: 151–180. М.: Наука.

Соловьев, С. А., Евзеров, Р. Я. 2001. Монополистический капитализм начала XX в. в странах Западной Европы и в США. В: Григорьева, И. В. (ред.), *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.* (с. 267–299). М.: Изд-во Моск. ун-та.

Татарнинова, К. Н. 1958. *Очерки по истории Англии 1640–1815 гг.* М.: Изд-во ИМО.

Толстогузов, А. А. 1995. Япония в XIII–XV вв. В: Алаев, Л. Б., Ашрафян, К. З. (ред.), *История Востока: В 6 т. Т. 2. Восток в средние века* (с. 559–571). М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН.

Томановская, О. С. 1973. Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале. В: Бромлей, Ю. В. (ред.), *Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология* (с. 273–283). М.: Наука.

Топеха, П. П. 1958. Революция 1868 г. и буржуазные преобразования. Развитие японского капитализма и «движение за свободу и народные права». Формирование японского рабочего класса. В: Гальперин, А. Л. (ред.), *Очерки новой истории Японии (1640–1917)* (с. 181–312). М.: Изд-во вост. лит-ры.

Тюменев, А. И. 1956. *Государственное хозяйство Древнего Шумера*. М.–Л.: Изд-во АН СССР.

Удальцова, З. В.

1967 (ред.). *История Византии*: В 3 т. Т. 1. М.: Наука.

1988. *Византийская культура*. М.: Наука.

Филатов, Г. С. 1971. Усиление империалистических тенденций фашистской Италии. В: Дорофеев, С. И. (ред.), *История Италии*. Т. 3 (с. 88–143). М.: Наука.

Фишер, В. 1999. *Европа: экономика, общество и государство 1914–1980 г.* / пер. с нем. М.: Владос.

Фрай, Р. 1972. *Наследие Ирана* / пер. с англ. М.: Наука.

Фрейдзон, В. И. 1999. *Нация до национального государства*. Дубна: Феникс.

Фролов, Э. Д. 1979. Тема полиса в новейшей историографии античности (к постановке вопроса). В: Фролов, Э. Д. (ред.), *Античный полис* (с. 3–7). Л.: изд-во Ленинград. ун-та.

Хайек, Ф. А. фон 1992. *Дорога к рабству* / пер. с англ. М.: Экономика.

Харц, Л. 1993. *Либеральная традиция в Америке* / пер. с англ. М.: Изд. группа Прогресс – «Прогресс Академия».

Хейфиз, М. 2003. *Ханна Арендт судит XX век*. М. – Иерусалим: ДААТ–Знание.

Хромов, П. А. 1988. *Экономическая история СССР. Первобытное общество и феодальные способы производства в России*. М.: Высшая школа.

Цатурова, С. К. 2002. *Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети 15-го века*. М.: Логос.

Черника, Д. Г. 1995. Возникновение и развитие налогообложения. В: Черника, Д. Г. (ред.), *Налоги* (с. 3–34). М.: Финансы и статистика.

Чешков, М. А. 1967. *Очерки истории феодального Вьетнама* (По материалам вьетнамских хроник XVIII–XIX вв.). М.: Наука.

Шлеппер, Б. С. 1959. *Сто лет социальной истории Бельгии* / пер. с фр. М.: Ин. лит-ра.

Шофман, А. С. (ред.) 1984. *Периодизация всемирной истории*. Казань: изд-во Казанского ун-та.

Штаерман, Е. М. 1968. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии. В: Данилова, Л. В. (ред.), *Проблемы истории докапиталистических обществ* (с. 638–671). М.: Наука.

Штомпка, П. 1996. *Социология социальных изменений* / пер. с англ. М.: Аспект-Пресс.

Ясперс, К. 1994. *Смысл и назначение истории* / пер. с нем. М.: Республика.

Armstrong, J. A. 1982. *Nations before Nationalism*. Chapel Hill: The University of Carolina Press.

Bergier, J.-F. 1976. The Industrial Bourgeoisie and the Rise of the Working Class 1700–1914. In Cipolla, C. M. (ed.), *The Industrial Revolution. 1700–1914* (pp. 397–451). London – New York: Harvester Press–Barnes & Noble.

Carneiro, R. L.
2000a. *The Muse of History and the Science of Culture*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers.

2000b. Process VS. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State. In Kradin, N. N., Korotayev, A. V., Bondarenko, D. M., Munck, V. de, Wason, P. K. (eds.), *Alternatives of Social Evolution* (pp. 52–58). Vladivostok: FEB RAS.

Claessen, H. J. M. 1978. The Early State: A Structural Approach. In Claessen, Skalnik 1978d: 533–596.

Claessen, H. J. M., Oosten, J. G.

1996a. Introduction. In Claessen, Oosten 1996b: 1–23.

1996b (eds.). *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill.

Claessen, H. J. M., Skalnik, P.

1978a. Limits: Beginning and End of the Early State. In Claessen, Skalnik 1978d: 619–636.

1978b. The Early State: Theories and Hypotheses. In Claessen, Skalnik 1978d: 3–29.

1978c. The Early State: Models and Reality. In Claessen, Skalnik 1978d: 637–650.

1978d (eds.). *The Early State*. The Hague: Mouton.

1981 (eds.). *The Study of the State*. The Hague: Mouton.

Claessen, H. J. M., Velde, P. van de

1987a. Introduction. In Claessen, van de Velde 1987b: 1–23.

1987b (eds.). *Early State Dynamics*. Leiden: Brill.

1991. *Early State Economics*. New Brunswick, N. J.: Transaction.

Claessen, H. J. M., Velde, P. van de, Smith, M. E. (eds.) 1985. *Developments and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley MA: Bergin & Garvey.

Dahrendorf, R. 1976. Changes in the class structure of industrial societies. In Be-taille, A. (ed.), *Social Inequality* (pp. 93–121). Harmondsworth: Penguin Books.

DiBacco, Th. V., Mason, L. C., Appy, Ch. G. 1992. *History of the United States*. Vol. 2. *Civil War to the Present*. Boston: Houghton Mifflin Company.

Friedrich, C. J., Brzezinski, Z. K. 1956. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, Mass. Harvard Univ. Press.

Goudsblom, J. 1956. Human History and Long-Term Social Processes: Toward a Synthesis of Chronology and Phaseology. In Goudsblom, J., Jones, E. L., Menzel, S. (eds.), *The Course of Human History. Economic Growth, Social Process, and Civilization* (pp. 15–30). N. Y., L.: M. E. Sharpe.

Haviland, W. A. 1991. *Anthropology*. 6th ed. Fort Worth, Chicago and other: Holt, Rinehart and Winston, Inc.

Hay, D. 1975. *A General History of Europe. Europe in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. London: Longman.

Janssen, J. J. 1978. The Earle State in Ancient Egypt. In Claessen, Skalník 1978d: 213–234.

Johnson, A. H. 1955. *Europe in the Sixteenth Century. 1494–1598*. London.

Korotayev, A. V., Kradin, N. N., Munck, V. de, Lynsha, V. A. 2000. Alternatives of Social Evolution: introductory notes. In Kradin, N. N., et al. (eds.), *Alternatives of Social Evolution* (pp. 12–51).

Marcus, J., Feinman, G. M. 1998. Introduction. In Feinman, G. M., Marcus, J. (eds.), *Archaic States* (pp. 3–13). Santa Fe – New Mexico: School of American Research Press.

Pokora, T. 1978. China. In Claessen, Skalník 1978d: 191–212.

Rayner, R. M. 1964. *European History 1648–1789*. New York: David McKay Company, Inc.

Service, E. R. 1975. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. N. Y.

Shanks, M., Tilley, C. 1987. *Social Theory and Archaeology*. Cambridge: Polity Press.

Shifferd, P. A. 1987. Aztecs and Africans: Political Processes in Twenty-Two Early States. In Claessen, van de Velde 1987b: 39–53.

Skalník, P. 1996. Ideological and Symbolic Authority: Political Culture in Nanun, Northern Ghana. In Claessen, Oosten 1996b: 84–98.

Thapar, R. 1981. The State as Empire. In Claessen, Skalník 1981: 409–426.

Trouwborst, A. A. 1987. From Tribute to Taxation. On the Dynamics of the Early State. In Claessen, van de Velde 1987b: 129–137.

Tymowski, M. 1987. The Early State and after in precolonial West Sudan. Problems of the stability of political organizations and the obstacles to their development. In Claessen, van de Velde 1987b: 54–69.

Vincent, A. 1987. *Theories of the State*. London: Blackwell.

Weber, M.

1947. *The Theory of Social and Economic Organization*. New York: Free Press.

1971. Class, Status, Party. In Laumann, E. O., Siegel, P. M., Hodge, R. W. (eds.), *The Logic of Social Hierarchies* (pp. 67–82). Chicago: Markham Publishing Company.

Wright, H. T., Johnson, G. 1975. Populations, Exchange, and Early State Formation in Southwestern Iran. *American Anthropologist* 77: 267–289.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Томас Дж. Барфилд, Бостонский университет, США

Ричард Баум, университет Калифорнии, Лос-Анджелес, США

Дмитрий Михайлович Бондаренко, Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, Москва, Россия

Эдвард Ч. Л. ван дер Влит, университет Гронингена, Нидерланды

Леонид Ефимович Гринин, Волгоградский центр социальных исследований, Россия

Роберт Л. Карнейро, Американский музей естественной истории, Нью Йорк, США

Хенри Дж. М. Классен, университет Лейдена, Нидерланды

Андрей Витальевич Коротаев, факультет истории, политологии и права, Российский государственный гуманитарный университет РАН, Москва, Россия

Николай Николаевич Крадин, Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток, Россия

Кшиштоф Петкевич, университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша

Питер Скальник, университет Пардубице, Чехия

Татьяна Дмитриевна Скрынникова, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии РАН, Улан-Удэ, Россия

Патрик Чэбел, Королевский колледж, Лондон, Великобритания

Гэри М. Фейнман, музей естественной истории им. Филда, Чикаго, США

Анатолий Михайлович Хазанов, университет Висконсина, Мэдисон, США

Томас Д. Холл, университет Де Поу, Гринкасл, США

LIST OF CONTRIBUTORS

Thomas J. Barfield, Boston University, USA

Richard Baum, University of California, Los Angeles, USA

Dmitri M. Bondarenko, Center for Civilizational and Regional Studies RAS, Moscow, Russia

Robert L. Carneiro, American Museum of Natural History, New York, USA

Patrick Chabal, King's College, London, UK

Henri J. M. Claessen, Leiden University, Netherlands

Gary M. Feinman, Field Museum of Natural History, Chicago, USA

Leonid E. Grinin, Volgograd Center for Social Studies, Russia

Thomas D. Hall, Department of Sociology & Anthropology, De Pauw University, Greencastle, USA

Anatoly M. Khazanov, University of Wisconsin, Madison, USA

Andrey V. Korotayev, Russian State University for the Humanities RAS, Moscow, Russia

Nikolay N. Kradin, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far East RAS, Vladivostok, Russia

Krzysztof Pietkiewicz, Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland

Peter Skalník, University of Pardubice, Czech Republic

Edward Ch. van der Vliet, University of Groningen, Netherlands

Tatyana D. Skrynnikova, Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies RAS, Ulan-Ude, Russia

Издательство «Учитель» выпускает научно-теоретические журналы и книги:

«Философия и общество»

Главный редактор, профессор МГУ И.А. Гобозов
Журнал ставит своей задачей освещение фундаментальных проблем общества, социально-философский анализ актуальных проблем культуры, цивилизации, социального детерминизма, периодизации мировой истории и т. д.

Журнал выходит с 1997 г. Периодичность – 4 раза в год.

«История и современность»

Главный редактор: Э. С. Кульпин-Губайдуллин, кандидат экономических, доктор философских наук, профессор по кафедре истории.
Зам. гл. редактора: Л. Е. Гринин, доктор философских наук.
Ведущие темы публикаций: история цивилизаций и народов, теоретические проблемы истории, основные проблемы современности, связь общества и природы.

Журнал выходит с 2005 г. Периодичность – 2 раза в год.

Social Evolution & History

Данное издание посвящено изучению различных аспектов эволюционных изменений в истории человечества. В нем представлены многие современные подходы к социальной эволюции и предполагается возможность исторического обобщения. В работе над журналом принимают участие ведущие антропологи и социологи мира.

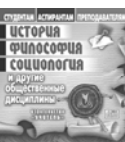
Журнал издается на английском языке. Выходит с 2002 г. Периодичность – 2 раза в год.

The Early State, Its Alternatives and Analogues

Под ред. Л. Е. Гринина, Р. Л. Карнейро, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева.

В статьях, вошедших в данный сборник, рассматриваются некоторые важнейшие вопросы формирования и развития раннего государства. Основными идеями, пронизывающими большинство статей книги являются разнообразие социополитических форм, неоднолинейность социальной эволюции, наличие альтернатив и аналогов раннего государства и сложность процесса формирования государства.

компакт-диск «История. Философия. Социология»

Диск предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей. Он представляет собой специальную подборку научных текстов, которые предоставляют возможность использовать их для творческих работ, а также при обучении и изучении различных общественных дисциплин, включенных в программу высших учебных заведений. Материалы сочетают в себе высокий научный уровень и достаточную доступность.

Подробнее см. на официальном сайте издательства «Учитель»
www.uchitel-izd.ru (страница «Научная деятельность»)

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всего сборника или любой его части, а также реализация тиража запрещаются без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Ответственная за выпуск *Е. В. Еманова*
Редактор *Л. А. Савицкая*
Корректор *Т. И. Коробкина*
Верстка *Е. П. Федоровой*
© Издательство «Учитель»
400067, г. Волгоград, ул. Быстрова, 82–53

Подписано в печать 06.05.2006. Формат 60x90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Тип Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 35. Тираж 2000 экз. Заказ 16567.

Диапозитивы предоставлены издательством «Учитель».

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфический комбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Подробная информация об издательстве «Учитель» на официальном сайте:
[http:// www.uchitel-izd.ru](http://www.uchitel-izd.ru)